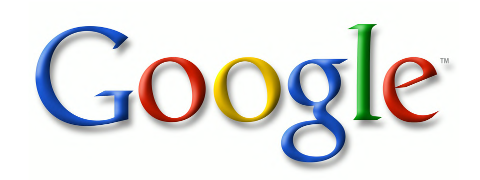
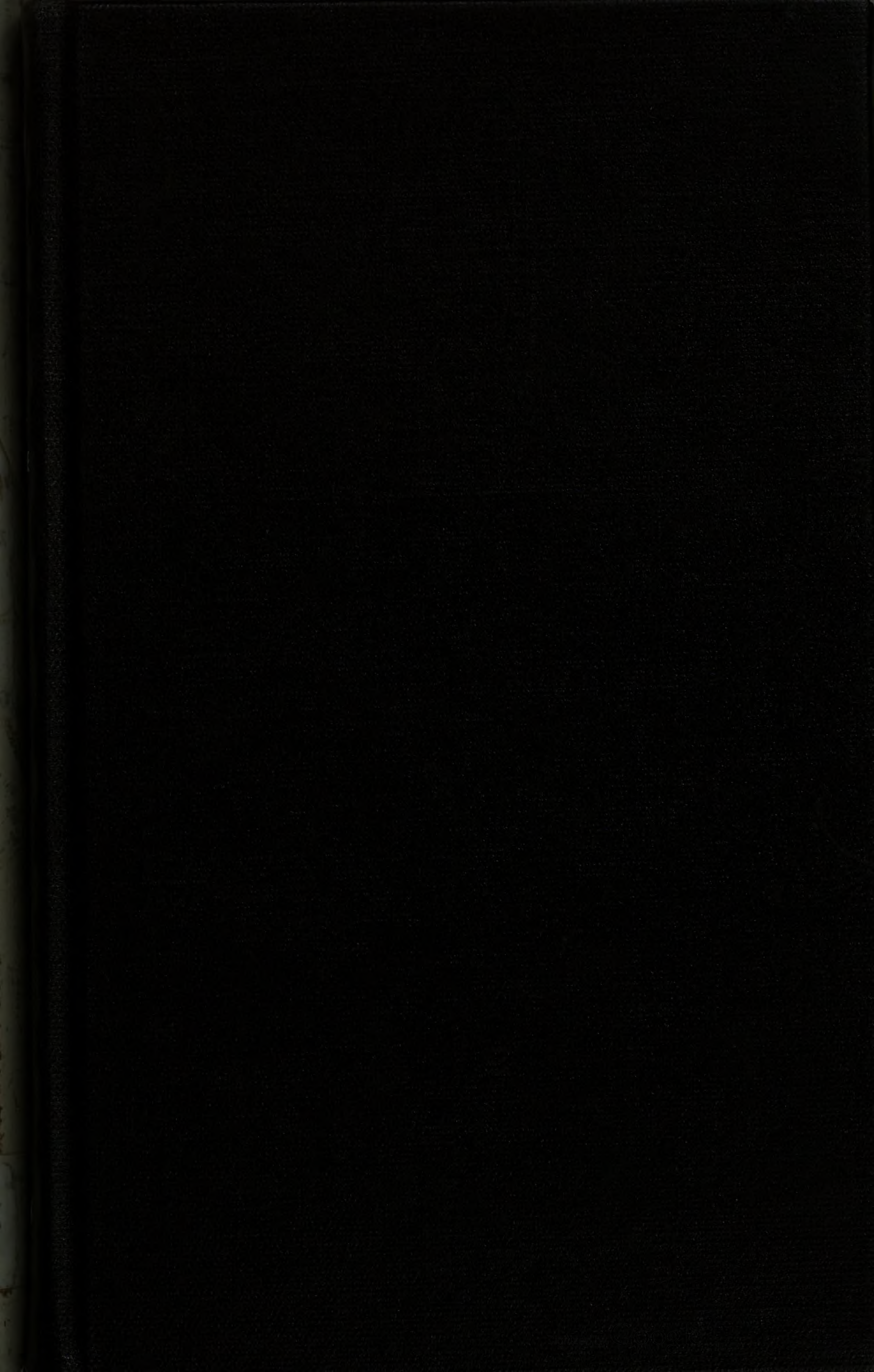

Google



РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozrienie.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1893 No 2

ФЕВРАЛЬ. February

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

The
UNIVERSITY
OF CHICA

РАННІЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

(Продолженіе.)

Пребываніе на второмъ курсѣ университета и жизнь въ домѣ Григорьевыхъ.— Увлеченіе Гегелемъ.—Профессора.—Университетскія занятія.—Новыя знакомства.—Родные.—Братья Рубинштейны.—Изданіе „Лирическаго Пантеона".— Встрѣча съ Ел. Гр. Б.—Развязка романа.—А. Н. Островскій.—Товарищи.— Перемѣна денежнаго счета съ ассигнацій на серебро.—Экзамены.—Вакаціи.— Романъ дяди.—Однодворецъ Овсянниковъ.—Сосѣди.—Охота.—Возвращеніе въ Москву.—Новыя литературныя увлеченія.—Рождество въ деревнѣ.

Съ переходомъ на второй курсъ, университетскія занятія болѣе специализировались. Юристы еще болѣе подпали подъ вліяніе профессора Рѣдкина, и имя Гегеля до того стало популярнымъ на нашемъ верху, что сопровождавшій по временамъ насъ въ театръ слуга Иванъ, выпившій въ этотъ вечеръ не въ мѣру, крикнулъ при разъѣздѣ вмѣсто: „коляску Григорьева!—коляску Гегеля!" Съ той поры въ домѣ говорили о немъ, какъ объ Иванѣ Гегелѣ. Не помню, кто изъ товарищей подарилъ Аполлону Григорьеву портретъ Гегеля, и однажды, до крайности прилежный, Чистяковъ, заходившій иногда къ намъ, упирая одинъ въ другой указательные пальцы своихъ рукъ и расшатывая ихъ въ этомъ видѣ, показывалъ воочію, какъ борются „субъектъ" съ „объектомъ". Кажется, что въ то время Бѣлинскій не поступалъ еще въ *Отечественныя Записки*, какъ критикъ, и не открывалъ еще своего похода противъ нашихъ псевдо-классическихъ писателей. Не думая умалять значеніе его почина въ этомъ дѣлѣ, привожу фактъ,

доказывающій, что поднятая имъ тема носилась въ воздухѣ. Одно изъ величайшихъ духовныхъ наслажденій и представляетъ благодарность лицамъ, благотворно когда-то къ намъ относившимся. Не испытывая никакой напускной нѣжности по отношенію къ Московскому университету, я всегда съ сердечной признательностью обращаюсь къ немногимъ профессорамъ, тепло относившимся къ своему предмету и къ намъ, своимъ слушателямъ. Вслѣдствіе положительной своей безпамятности, я чувствовалъ природное отвращеніе къ предметамъ, не имѣющимъ логической связи. Но не прочь былъ послушать теорію краснорѣчія или эстетику у И. И. Давыдова, исторію литературы у Шевырева, или разъясненіе Крюковымъ красотъ Горація. Вѣроятно, желая болѣе познакомиться съ нашей умственной дѣятельностью, И. И. Давыдовъ предложилъ намъ написать критическій разборъ какого-либо классическаго произведенія отечественной литературы. Не помню, досталось ли мнѣ или выбралъ я самъ оду Ломоносова на рожденіе порфиророднаго отрока, начинающуюся стихомъ:

„Уже врата отверзло лѣто.“

Помню, съ какимъ злораднымъ восторгомъ я набросился на всѣ грамматическія неточности, какофоніи и стремленіе замѣнить жаръ вдохновенія риторикой въ родѣ:

„И Тавръ и Кавказъ въ Понтъ бѣгутъ.“

Очевидно, это не было какимъ-либо съ моей стороны изобрѣтеніемъ. Всѣ эти недостатки сильно поражали слухъ, уже избалованный точностью и поэтичностью Батюшкова, Жуковскаго, Баратынскаго и Пушкина. Удостовѣрясь въ моей способности отличать напыщенные стихи отъ поэтическихъ, почтенный Иванъ Ивановичъ отнесся съ похвалою о моей статьѣ и, вѣроятно, счелъ преждевременнымъ указать мнѣ, что я забылъ главное: эпоху, въ которую написана ода. Требовать отъ Державина современной виртуозности, а у современныхъ стихотворцевъ Державинской силы—то же, что требовать отъ Бетховена Листовской игры на рояли, и отъ Листа—Бетховенскихъ произведеній.

Познакомился я со студентомъ Боклевскимъ, прославившимся впослѣдствіи своими иллюстраціями къ произведеніямъ Гоголя. Въ то время мнѣ приводилось не только любоваться щегольскими акварелями и портретами молодаго диллетанта, но и слушать у него на квартирѣ прелестное пѣніе студента Мано, об-

ладавшаго бархатнымъ теноромъ. Между обычными посѣтителями Григорьевскаго мезонина сталъ появляться неистощимый разсказчикъ и юмористъ, однокурсникъ и товарищъ Григорьева Ник. Антоновичъ Ратынскій, сынъ помѣщика Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда; онъ, кажется, не получалъ отъ отца никакого содержанія и вынужденъ былъ давать уроки. Черезъ Ратынскаго познакомился я съ двумя орловскими земляками-студентами, жившими на одной квартирѣ: Гриневымъ и поэтомъ Лизандромъ.

Пламенная переписка между Еленой Григорьевной и мною продолжалась до начала октября; но вдругъ совершенно неожиданно явился Илья Аѳанасьевичъ съ извѣстіемъ, что „папаша прибыли въ Москву и остановились съ сестрицами Анной и Надеждой Аѳанасьевными у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ П. П. Новосильцова и просили пожаловать къ нимъ“. На дворѣ Новосильцова стояла наша желтая четвероместная карета, въ которой отецъ, въ сопровожденіи няньки Афимьи, привезъ моихъ сестренокъ, чтобы везти ихъ въ Смольный монастырь. Не успѣлъ я поздороваться съ отцомъ и сестрами, какъ въ комнату вошелъ въ новомъ блестящемъ мундирѣ П. П. со словами: „какъ вы кстати пріѣхали, почтеннѣйшій Аѳанасій Неофитовичъ; я назначенъ московскимъ вицъ-губернаторомъ и сію минуту ѣду принимать присягу. Мы на-дняхъ съ семействомъ переѣдемъ сюда изъ нашей Сокольничьей дачи, и вашему студенту, право, не стыдно было бы зимою бывать у насъ, гдѣ онъ по воскресеньямъ встрѣтитъ своихъ бывшихъ товарищей-кадетовъ Ваню и Петю Борисовыхъ. Славные ребята; особенно хорошо учится и ведетъ себя Ваня“.

Послѣ обѣда, приготовленнаго отцовскимъ походнымъ поваромъ Аѳанасіемъ Петровымъ, отецъ, оставшись со мною наединѣ, неожиданно вдругъ сказалъ: „Безпутную Елену Григорьевну я разсчелъ, а дѣвочекъ везу въ институтъ. Матку-правду сказать, некрасивую глупость ты тамъ затѣялъ. Хорошо, что я вовремя узналъ обо всемъ случайно; но прежде всего il faut partir du point où on ait.“

На другой день отецъ уѣхалъ въ Петербургъ, а недѣли черезъ двѣ тѣмъ же путемъ прослѣдовалъ въ Новоселки.

Во время остановки въ Москвѣ отецъ представилъ меня въ домѣ своего однофамильца и дальняго родственника Семена Николаевича, занимавшаго домъ на Большой Никитской противъ Большаго Вознесенія. Мценскій помѣщикъ, Семенъ Николаевичъ,

проводившій зиму съ женою и двумя взрослыми дочерьми въ Москвѣ, былъ типомъ солиднаго русскаго барина. Постояннымъ его чтеніемъ былъ Капфигъ, и вся обстановка дома отличалась безукоризненною аккуратностью. Всѣ часы въ домѣ били единовременно и строго согласовались съ золотыми карманными часами, стоявшими передъ хозяиномъ въ кабинетѣ на столѣ. Утро онъ проводилъ въ кабинетѣ въ красномъ шелковомъ халатѣ, но къ обѣду, хотя бы и безъ гостей, выходилъ въ воздушномъ бѣломъ галстукѣ, а жена и дочери обязательно парадно одѣтыми. Дворецкій и ливрейные слуги съ особеннымъ искусствомъ накрывали столъ, на которомъ приборы и вдоль и поперекъ должны были представлять прямыя линіи, такъ что каждая отдѣльная рюмка или стаканъ съ одного конца стола до другаго закрывали весь рядъ своихъ товарищей. Съ первымъ ударомъ пяти часовъ Семенъ Николаевичъ выходилъ къ столу, гдѣ около дымящагося супа уже стояла его жена и около своихъ мѣстъ ожидали красивыя и благовоспитанныя дочери. Послѣ обѣда Семенъ Николаевичъ отправлялся на часокъ отдохнуть и затѣмъ уже проводилъ вечеръ, слушая прекрасную игру на рояли преимущественно одной изъ дочерей, или же большею частію за карточнымъ столомъ съ гостями. Одною изъ оригинальныхъ чертъ Семена Николаевича былъ обычай, по которому каждый воскресный день утромъ, когда баринъ былъ еще въ халатѣ, камердинеръ, раскрывши въ кабинетѣ запертый шкафъ, ставилъ предъ Семеномъ Николаевичемъ на большомъ блюдѣ груду золотыхъ, а на меньшемъ собраніе драгоцѣнныхъ перстней и запонокъ, и Семенъ Николаевичъ мягкою щеткой принимался систематически перечищать свою коллекцію. Не знаю почему, но я съ первыхъ посѣщеній заслужилъ расположеніе Семена Николаевича и убѣдился, что этотъ въ свое время благовоспитанный и начитанный человѣкъ не особенно нѣжно относился къ членамъ своей семьи. Каждый разъ, когда я обѣдалъ у него, намъ подавали полбутылки Аи, изъ которой одной капли не попадало въ бокалы дамъ, и достаточно было при уходѣ изъ-за стола ему сказать: „а вы, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, посидите съ моими дочерьми“, для того, чтобы ни одна изъ нихъ не сдѣлала шагу изъ гостиной до отцовскаго пробужденія. Однажды вечеромъ въ залу какой-то темнорусый гость ввелъ двухъ мальчиковъ.

— Устройте имъ сидѣнья предъ роялью, сказалъ Семенъ Николаевичъ, обращаясь къ дочерямъ.

Приведеннымъ мальчикамъ, повидимому, было около восьми лѣтъ; ихъ усадили на подмощенныхъ нотахъ за рояль, и учитель сталъ за ними, перевертывая ноты. Блистательная игра мальчиковъ продолжалась около часу, а затѣмъ они сѣли на паркетъ, куда имъ дали конфектъ, фруктовъ и какихъ-то игрушекъ. Мальчики эти были братья Рубинштейны, съ которыми позднѣе мнѣ случалось встрѣчаться не разъ въ періодъ ихъ славы. Между тѣмъ я тщательно приберегъ деньги, занятыя на изданіе, и къ концу года выхлопоталъ изъ довольно неисправной типографіи Селивановскаго свой „Лирическій Пантеонъ“.

Письма отъ Елены Григорьевны вдругъ прекратились, и я отчасти понялъ тому причину.

Однажды вечеромъ, когда я, тоскуя, старался, по обычаю, помѣшать Аполлону въ его занятіяхъ, мальчикъ Ванюшка подалъ мнѣ небольшую запечатанную записку, въ которой я прочелъ: „выходи поскорѣе за ворота, въ каретѣ я тебя ожидаю“.

Твоя Ел.

Узнавши руку, я только надѣлъ фуражку и безъ шинели и калошъ побѣжалъ за калитку, гдѣ незнакомый слуга помогъ мнѣ сѣсть въ карету.

Мы бросились въ объятія другъ другу, и она тотчасъ же стала тревожиться, что я на морозѣ такъ легко одѣтъ.

— Ничего, ничего,—говорилъ я въ крайнемъ смущеніи; а она, далеко запахивая полу пышной песцовой шубы, старалась прикрыть меня отъ стужи. Но мнѣ было не до того: мысли пересыпались въ моей головѣ, какъ бисеръ въ калейдоскопѣ, и я никакъ не могъ понять, куда и зачѣмъ насъ везутъ. Изъ отрывочныхъ словъ и восклицаній я могъ наконецъ понять, что отецъ мой, узнавши все, поступилъ съ Еленой, какъ она сама говорила, самымъ деликатнымъ образомъ. О нашихъ отношеніяхъ онъ не сказалъ ни слова, а только сослался на необходимость помѣстить двухъ дѣвочекъ, по примѣру старшей сестры ихъ, въ институтъ и, уплативши ей за полгода впередъ, съ благодарностью возвратилъ ей триста рублей, занятые у нея сыномъ студентомъ.

— Теперь, говорила Елена,—я поступила въ компаньонки къ дочерямъ генерала Коровкина въ Ливенскій уѣздъ, и вотъ причина, почему изъ этого дома я не могла тебѣ писать. Въ настоящее время Коровкины переѣхали въ Москву,—и она сказала ихъ адресъ.—А я по праздникамъ буду брать карету и пріѣзжать

сюда, а у Коровкиныхъ буду говорить, что эту карету прислала за мною моя подруга.

Раза два намъ пришлось видѣться такимъ образомъ, хотя, признаюсь, я сталъ мало-по-малу понимать всю нелѣпую несбыточность нашихъ затѣй. Но у меня не доставало духу разочаровывать мечтательницу, и письма снова безпрепятственно стали ходить между нами.

Однажды, распечатавши письмо, я прочелъ: „все пропало; глупый извозчикъ, на вопросъ объ имени моей подруги, сказалъ, что онъ прямо съ биржи. Такимъ образомъ все вышло наружу, принимая самый неблагопріятный оттѣнокъ по отношенію къ нашимъ съ тобою свиданіямъ. Я сегодня же оставляю ихъ домъ.“

Возмущенный до глубины души ролью человѣка, набросившаго неблагопріятную и совершенно незаслуженную тѣнь на несчастную дѣвушку, я счелъ своею обязанностью отправиться къ генералу. Я самъ чувствовалъ всю нелѣпость моей выходки. Но долгъ чести прежде всего, думалось мнѣ, и я добился желаемой аудіенціи.

— Что вамъ угодно? спросилъ генералъ, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— До вчерашняго дня, отвѣчалъ я,—у васъ проживала m-lle Б—а, съ которой я познакомился въ домѣ моихъ родителей и испросилъ у нея ея руку. Теперь я узналъ, что ни въ чемъ неповинная дѣвушка навлекла свиданіемъ со мною на себя незаслуженное нареканіе, и счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что въ этихъ свиданіяхъ не было и тѣни чего-либо дурнаго.

— Если вы хотѣли, отвѣчалъ генералъ,—позаботиться о чести дѣвушки, то избрали для этого наихудшій путь. Зная вашего батюшку, я увѣренъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на подобный бракъ, и разглашать самому тайныя свиданія съ дѣвицей не значитъ возстановлять ея репутацію. Я отказалъ m-lle Б—ой потому, что она не обладаетъ свѣдѣніями, которыя могли бы быть полезны моимъ дочерямъ.

Убѣдившись въ своей неудачѣ, я поклонился и вышелъ.

Дѣйствительность иногда бываетъ не правдоподобнѣе всякаго вымысла. Такою оказалась развязка нашего полудѣтскаго романа. Только впослѣдствіи я узналъ, что ко времени неожиданной смуты также неожиданно пріѣхалъ въ Москву чиновникъ изъ Петербурга и проѣздомъ на Кавказъ, къ мѣсту своего назначенія, захватилъ и сестру свою Елену Григорьевну. Впослѣд-

ствіи я слышалъ, что она вышла тамъ замужъ за чиновника, съ которымъ конечно была гораздо счастливѣе, чѣмъ могла бы быть со мною.

Кромѣ посѣщавшаго насъ студенческаго кружка, о которомъ я говорилъ выше, я познакомился съ милѣйшими товарищами словесниками Гёдике и Басистовымъ, забѣгавшими, подобно мнѣ, въ трактиръ „Великобританію" противъ манежа. Кромѣ чаю и мозговъ съ горошкомъ, привлекательнымъ пунктомъ въ этомъ заведеніи была комната съ двумя билліардами: однимъ весьма правильнымъ и скупымъ, другимъ болѣе легкимъ. Послѣдній былъ поприщемъ моимъ и подобныхъ мнѣ третьестепенныхъ игроковъ, тогда какъ трудный билліардъ былъ постояннымъ поприщемъ А. Н. Островскаго и подобныхъ ему корифеевъ, игравшихъ въ два шара или въ пирамидку. Хотя я и видалъ Островскаго ежедневно у сосѣдняго билліарда, но лично былъ съ нимъ незнакомъ.

За стаканомъ чаю въ круглой студенческой комнатѣ какъ разъ противъ манежа, мы съ Гёдике и съ Басистовымъ предавались обсужденіямъ разныхъ эстетическихъ вопросовъ; и ни разу намъ въ голову не приходило задаваться совершенно чуждыми намъ государственными или соціальными вопросами. Давнымъ давно по окончаніи лекцій сталъ подходить ко мнѣ съ научными разговорами товарищъ Мариновскій, весьма начитанный и слывшій не только за весьма умнаго человѣка, но даже за масона.

— Тутъ времени нѣтъ потолковать съ вами, сказалъ онъ мнѣ однажды,—а пріятно было бы обмѣняться мыслями на свободѣ. Не зайдете ли вы ко мнѣ отобѣдать? Я стою на Тверской и могу угостить васъ отличнымъ обѣдомъ. Пожалуйста приходите; буду ждать васъ въ воскресенье къ пяти часамъ. Да приходите пораньше.

Въ четыре часа въ назначенный день я вошелъ въ прекрасную комнату со столами, заваленными книгами.

— Какъ я радъ! воскликнулъ мнѣ на встрѣчу Мариновскій. Еще часъ до обѣда, и мы успѣемъ съ вами побесѣдовать; я только что на минутку сбѣгаю распорядиться насчетъ закуски. Съ этимъ вмѣстѣ онъ отворилъ потайную дверь и скрылся по винтовой лѣстницѣ. Черезъ четверть часа онъ тѣмъ же путемъ появился въ комнатѣ и, извиняясь безтолковостью людей, ска-

залъ: „вотъ преинтересная книга Винкельмана, она можетъ занять васъ, а я побѣгу ускорить нашъ обѣдъ".

На этотъ разъ онъ пробылъ съ полчаса, показавшіеся мнѣ вѣчностью, и когда по возвращеніи я спросилъ его „какіе это распѣвающіе женскіе голоса раздаются въ комнатѣ?"—онъ пояснилъ, что это водевильныя актрисы французскаго театра репетируютъ свою роль и затѣмъ, сказавъ: „я только на минуту",—исчезъ снова. Когда я рѣшился было уйти, Мариновскій снова явился въ комнатѣ и сказалъ: „съ нашимъ народомъ ничего порядочнаго не устроишь: не пойти ли намъ съ вами въ Новотроицкій трактиръ,—тамъ прекрасно кормятъ".

— Очень радъ, отвѣчалъ я, предполагая, что Мариновскій хочетъ во что бы то ни стало накормить меня. Въ Троицкомъ трактирѣ Мариновскій дѣйствительно заказалъ прекрасный обѣдъ и спросилъ шампанскаго.

— Зачѣмъ это? сказалъ я, когда половой принесъ бутылку.

— Ну нельзя же,—презрительно отвѣтилъ Мариновскій, не поясняя почему нельзя.

Но вотъ мороженое съѣдено, кофе съ трубками выпитъ, и приходится расплачиваться.

— Представьте, сказалъ Мариновскій,—я забылъ захватить кошелекъ, такъ пожалуйста заплатите, а я завтра же вамъ отдамъ съ благодарностью.

Оказалось, что обѣдъ стоилъ какъ разъ всѣхъ наличныхъ моихъ денегъ; оставался одинъ гривенникъ, но и на тотъ Мариновскій ухитрился спросить двѣ трубки.

Конечно обѣщанная половина издержекъ никогда не была мнѣ возвращена.

Ратынскій сообщилъ мнѣ, что Гриневъ, заложивъ имѣніе свое въ Опекунскомъ Совѣтѣ, получилъ деньги и на радостяхъ даетъ въ слѣдующее воскресенье на своей квартирѣ небольшой товарищескій обѣдъ и приглашаетъ меня, какъ земляка.

Въ назначенный день и часъ я засталъ у Гринева и Лизандра человѣкъ около двадцати, большею частію знакомыхъ студентовъ и, къ крайнему изумленію моему, Чистякова. Обѣдъ былъ кондитерскій, и столъ былъ накрытъ въ небольшой залѣ съ обычной бронзой, хрусталемъ и умѣньемъ не тѣсно усадить всѣхъ. Въ гостиной была приготовлена изысканная закуска съ цѣлой батареей водокъ и винъ. Любезные хозяева познакомили меня у закуски съ нѣкоторыми изъ гостей, а затѣмъ пригласили всѣхъ

къ ярко-освѣщенному обѣденному столу, окруженному чинной прислугой. По мѣрѣ практической провѣрки обѣденной карты, разговоръ и смѣхъ, благодаря обильнымъ возліяніямъ, все увеличивался. Судьба усадила меня посреди стола рядомъ съ Чистяковымъ и наискось противъ Гринева. Заикающійся и въ трезвомъ состояніи, Чистяковъ чѣмъ больше заикался, тѣмъ больше желалъ быть краснорѣчивымъ. Совершенно охмѣлѣвъ, онъ пустился въ самые невѣроятные разсказы, между прочимъ о какомъ-то балѣ, на которомъ онъ отличался въ танцахъ. „Такъ вальсируя со свѣтскою дѣвицей, разсказывалъ онъ, я надъ самымъ ея поясомъ засунулъ палецъ за корсетъ,—и вижу, что она потомъ отъ меня отвернула голову. Я и говорю ей: „мадмуазель ву фаше сюръ муа“. Она говоритъ: „вуй, же фашъ“.—„Де села“? говорю я, показывая палецъ. „Де села“, отвѣчала она.

— Чистяковъ, крикнулъ, ударяя о столъ кулакомъ, Гриневъ,— не смѣй говорить по-французски!

Но такое запрещеніе было излишне, ибо черезъ минуту Чистяковъ, поднявшійся съ бокаломъ въ рукѣ, вѣроятно для новаго краснорѣчія, замертво повалился на полъ, и слуги подъ руки увели его. Такъ какъ пиръ продолжался за полночь, то часть гостей, подобно Чистякову, осталась ночевать какъ попало у Гринева. Въ девять часовъ утра отецъ Чистякова въ своей Аннѣ съ алмазами на шеѣ явился съ пытливо-недовольнымъ видомъ инквизитора и похитилъ свое очнувшееся чадо.

„Лирическій Пантеонъ“, появясь въ свѣтъ, отчасти достигъ цѣли. Доставивъ мнѣ удовольствіе увидать себя въ печати, а барону Брамбеусу поскалить зубы надъ новичкомъ, сборникъ этотъ заслужилъ одобрительный отзывъ *Отечественныхъ Записокъ*. Конечно, небольшія деньги, потраченныя на это изданіе, пропали безвозвратно.

Московскимъ старожиламъ вѣроятно памятно время, предшествовавшее перемѣнѣ денежнаго счета съ ассигнацій на серебро. По недостатку ли денежныхъ знаковъ, или по иной какой причинѣ, обмѣнъ денегъ дошелъ до невообразимаго хаоса. Всѣ деньги имѣли лажъ, то-есть увеличенную цѣнность. Рубль серебромъ ходилъ 4 руб. 25 коп., а пяти-рублевая ассигнація шесть рублей. Въ такой же пропорціи возрасло мелкое серебро и золото. Помню, какъ однажды вышелъ указъ о приведеніи рубля серебромъ въ цѣнность 3 руб. 50 коп. и всѣхъ остальныхъ денежныхъ знаковъ съ такимъ счетомъ. Помню и цирку-

ляръ тогдашняго генералъ-губернатора князя Голицына, извѣщавшаго обывателей о томъ, что въ дѣйствительности они при такой перемѣнѣ ничего не теряютъ, и для примѣра приводилось пяти-рублевое кресло въ театрѣ. Но въ скоромъ времени мы съ Григорьевымъ убѣдились въ неточности такихъ утѣшительныхъ соображеній. Въ прежнее время, когда рубль серебромъ представлялъ четыре рубля, приходилось за кресло приплачивать къ рублю четвертакъ, а съ пяти-рублевой ассигнаціи, представлявшей шесть рублей, получать четвертакъ сдачи. Въ настоящее же время приходилось къ рублю приплачивать два четвертака, а подавая пяти-рублевую ассигнацію, вмѣсто полученія четвертака, еще приплатить 7 коп. серебромъ.

Съ наступленіемъ Великаго поста театральныя представленія прекратились, и надо было думать о приготовленіи къ экзаменамъ. По неизвѣстнымъ соображеніямъ у насъ на словесномъ факультетѣ Чивилевъ читалъ политическую экономію. Наука эта по математической ясности положеній Смита, Мальтуса и другихъ своихъ корифеевъ до сихъ поръ служитъ мнѣ для объясненія ежедневныхъ передрягъ частнаго и государственнаго хозяйства. Заинтересованный совершенно новыми для меня точками зрѣнія на распредѣленіе цѣнностей между людьми, я весьма удовлетворительно приготовился изъ этого предмета. Замѣтилъ-ли Чивилевъ, что я не очень усердно посѣщалъ его лекціи, но вышло совершенно неожиданное. Къ великой радости я взялъ билетъ № 1-й: опредѣленіе политической экономіи. Если бы я сказалъ только, что политическая экономія есть наука о родномъ хозяйствѣ, говорящая о производствѣ, сохраненіи и распредѣленіи цѣнностей, то и тогда экзаменаторъ могъ поставить мнѣ, кажется, не ниже средняго бала. Но Чивилевъ, сказавши: „не такъ!“ и заставивши меня отвѣтить вторично, проговорилъ: „если вы не знаете перваго опредѣленія науки, то о дальнѣйшемъ не можетъ быть и рѣчи“, и съ этимъ вмѣстѣ поставилъ мнѣ единицу. Единица эта была для меня тѣмъ ужаснѣе, что по всѣмъ остальнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по греческой словесности, я получилъ удовлетворительныя отмѣтки. А тутъ изъ-за этой единицы приходилось оставаться другой годъ на второмъ курсѣ. Чивилевъ былъ неумолимъ. О переэкзаменовкѣ въ августѣ надо было просить попечителя, и вотъ, надѣвши парадную форму, въ треуголкѣ и въ шпагѣ, я отправился къ графу С. Г. Строганову.

Если память мнѣ не измѣняетъ, графъ принялъ меня стоя на

костылѣ, такъ какъ прошлой весною опрокинувшаяся подъ нимъ верховая лошадь переломила ему ногу.

— Вы просите о переэкзаменовкѣ, сказалъ графъ: но вѣдь экзаменные списки у меня, я сейчасъ вамъ ихъ покажу. Я хорошо помню ваши балы. Хорошія отмѣтки изъ французскаго и нѣмецкаго я ни во что считаю, мой камердинеръ говоритъ по-нѣмецки; изъ латинскаго пять,—еще бы вы на словесномъ факультетѣ не знали по латыни, а вотъ по гречески-то у васъ тройка, а изъ политической экономіи единица.

— Я явился къ вашему сіятельству, отвѣчалъ я,—не оправдываться, а просить о переэкзаменовкѣ въ августѣ изъ политической экономіи.

— Если бы, отвѣчалъ графъ,—въ университетѣ былъ протянутъ канатъ, на которомъ вамъ слѣдовало протанцевать, и вы не протанцевали,—тѣмъ хуже для васъ. Я ничего не могу для васъ сдѣлать.

Нечего говорить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я отправился на лѣтнія вакаціи домой, гдѣ старался объяснить свою неудачу капризомъ Чивилева, чѣмъ объясняю ее и понынѣ.

Брата Васю я уже въ Новоселкахъ не засталъ, такъ какъ еще зимою отецъ отвезъ его кратчайшимъ путемъ въ Верро въ институтъ Крюммера, у котораго я самъ воспитывался. Въ домѣ съ семинаристомъ учителемъ находился одинъ меньшой семилѣтній братъ Петруша, а я попрежнему помѣстился въ сосѣдней съ отцовскимъ кабинетомъ комнатѣ во флигелѣ, и тѣ же сельскія удовольствія, то-есть рыжая верховая Вѣдьма, грубый Трезоръ и двухствольное ружье были попрежнему къ моимъ услугамъ.

Мнѣ приходится говорить о романѣ дяди Петра Неофитовича, романѣ, о которомъ я никогда не смѣлъ спросить кого-либо изъ членовъ семейства, а тѣмъ менѣе самого дядю, и хотя онъ извѣстенъ мнѣ изъ разсказовъ слугъ, въ родѣ Ильи Аѳанасьевича, тѣмъ не менѣе несомнѣнные факты были на-лицо.

Крутой правый берегъ рѣчки Ядринки, на лѣвомъ менѣе возвышенномъ побережьи которой находилась дядина усадьба,— называется Попами, такъ какъ вокругъ каменной приходской церкви и погоста селятся священно и церковно-служители. Верстахъ въ двухъ по такъ-называемой Сушковской дорогѣ, въ старину весьма торной, находится деревня Чахино, Тулениново тожъ, по имени владѣльцевъ Тулениновыхъ. Главою семейства былъ, не знаю, отставной или на службѣ полковникъ Платонъ Гаври-

ловичъ Туленинову, у котораго были двѣ, какъ говорятъ, красивыя сестры: Марья и Клавдія. Послѣднюю впрочемъ мнѣ довелось знать лично, когда она вдовою господина Богданова вышла замужъ за отставнаго чиновника Адріана Ивановича Иваницкаго.

За нѣсколько лѣтъ до моего рожденія дядя Петръ Неофитовичъ сдѣлалъ формальное предложеніе старшей Тулениновой, Марьѣ Гавриловнѣ, которая дала свое согласіе и подарила ему, какъ охотнику, на чумбуръ длинную и массивную серебряную цѣпь, которую я впослѣдствіи держалъ въ рукахъ.

Что между ними произошло, навѣрное утверждать не стану; но говорили, будто бы дядя представлялъ своего двоюроднаго брата Кривцова своей невѣстѣ, а та не успѣла снять перчатки и дала въ ней поцѣловать руку. Зная дядю, я никогда не довѣрялъ такому объясненію событія по соображеніямъ изъ лакейской. Послѣдовала размолвка, и дядя будто бы взялъ свое слово назадъ. Говорятъ также, будто злоязычный Петръ Яковлевичъ Борисовъ раздулъ эту исторію предъ полковникомъ Тулениновымъ, и тотъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, застрѣлился въ собственномъ домѣ.

Съ Сушковской дороги по сей день шагахъ во сто отъ окопа Ядринскаго кладбища виденъ въ полѣ большой камень, и понынѣ всякій мѣстный житель скажетъ, что это могила Туленинова.

По смерти главы семейства и старшей его сестры имѣніе перешло къ меньшой—Клавдіи Иваницкой. Впослѣдствіи я видѣлъ Клавдію Гавриловну у нашей матери въ гостяхъ, но я ее встрѣтилъ въ первый разъ въ Троицынъ день на Ядринѣ въ церкви. День былъ яркій и почти знойный. Въ церкви пахло свѣжими березками и травою, которою устланъ былъ помостъ. Бодрый, но хромой старикъ Овсянниковъ быстро ковылялъ по церкви съ пучками свѣчей и съ мѣдяками на тарелкѣ. Онъ весело раскланивался со всѣми и, видно, былъ очень доволенъ своею распорядительностью. Впослѣдствіи мнѣ постоянно казалось, что однодворецъ Овсянниковъ списанъ Тургеневымъ съ являвшагося ко всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и приносившаго въ подарокъ свѣжаго меду изъ своего пчельника однодворца Ивана Матвѣевича Овсянникова. Старуха, жена его, Авдотья Іоновна, повязывавшая голову пестрымъ ковровымъ платкомъ съ вырываю-

щейся кверху бахрамою и въ пестромъ праздничномъ платьѣ, была истымъ подобіемъ бубноваго короля.

Когда я въ бѣлыхъ лѣтнихъ штанахъ и безукоризненно новомъ сюртукѣ сталъ противъ царскихъ дверей въ сѣверныхъ дверяхъ, съ протянутою впередъ рукою заковылялъ Иванъ Матвѣевичъ, раздвигая дорогу двумъ входящимъ дамамъ. Впереди шла плотная барыня съ выступающею на лбу изъ-подъ шляпки ферроньеркой на темно-русыхъ волосахъ. Дама прошла передо мною и остановилась недалеко отъ праваго клироса, но молодая брюнетка, очевидно дочь ея, стала на мѣсто, указанное ей рукою Ивана Матвѣевича, какъ разъ передо мною. Дѣвушкѣ не могло быть болѣе 16—17 лѣтъ; небольшая тирольская соломенная шляпка нисколько не закрывала ея черныхъ съ сизымъ отливомъ роскошныхъ волосъ, подобранныхъ въ двѣ косы подъ самую шляпку. Бѣлое тарлатановое платье ея было безъ всякихъ украшеній, за исключеніемъ широкой, ярко-красной ленты. Я передвинулся немного вправо, замѣтивъ, что по временамъ она оборачиваетъ голову къ матери. О, что за прелесть, что за свѣжесть лица, напоминающаго бархатистость лилеи, и что за привѣтливо-внушительные черные глаза подъ широкими черными бровями!

„Кто такія?" спросилъ я шепотомъ во время пѣнія Ивана Матвѣевича, поймавъ его за рукавъ.

— Это Туленинoвская барыня, Клавдія Гавриловна, что вышла теперь за Иваницкаго; а это ея дочка отъ перваго мужа Богданова—Матрена Ивановна. Впослѣдствіи Клавдія Гавриловна пріѣхала съ визитомъ къ нашей матери, и, хотя послѣдняя по болѣзненности не бывала въ Тулениновѣ, Клавдія Гавриловна отъ времени до времени появлялась у насъ даже за обѣдомъ. Простудила ли она когда-либо горло, но говорила постоянно шепотомъ, чѣмъ, при извѣстной полнотѣ и небольшомъ ростѣ, заслужила прозваніе утки-шептуна. Безъ золотаго обруча на волосахъ и какого-то камня на лбу я ея никогда не видалъ. Если она любила украшать свою особу, то еще болѣе любила танцы, которые, благодаря расквартированнымъ по окрестностямъ офицерамъ пѣхотнаго полка, умѣла устраивать у себя въ домѣ, не взирая на безпокойное состояніе супруга, кончавшаго день роковымъ охмѣленіемъ. Танцующая въ одной кадрили съ дочерью, охотница до танцевъ не стѣснялась отвѣчать на ехидные подчасъ вопросы: „а гдѣ же Адріанъ Ивановичъ?" Затруд-

нялась въ своемъ хриплом шепотѣ произношеніемъ буквы б, она на подобный вопросъ отвѣчала: „онъ *припранъ*“,— обозначая тѣмъ, что въ виду предстоящаго танцовальнаго вечера шумливый Адріанъ Ивановичъ связанъ и положенъ въ пустой амбаръ. Конечно такое обращеніе не могло нравиться Адріану Ивановичу, который терпѣлъ его, такъ какъ владѣтельницей была Клавдія Гавриловна. Не могу утвердительно сказать, въ какомъ году, но помню хорошо, что, когда послѣ чаю я пришелъ къ отцу во флигель, новый его камердинеръ, сынъ прикащика Никифора Ѳедорова, Иванъ Никифировъ доложилъ, что пришелъ господинъ Иваницкій.

— Иваницкій? сказалъ отецъ, глядя на меня вопросительно. Что ему отъ меня надо?—Проси, сказалъ отецъ, обращаясь къ слугѣ.

Вошелъ во фракѣ съ гербовыми пуговицами сухопарый и взъерошенный господинъ и сказалъ несомнѣнно малороссійскимъ акцентомъ: „я къ вамъ, Аѳанасій Неофитовичъ, пришелъ пѣшкомъ; да, да, пѣшкомъ. Вотъ видите, какъ есть пѣшкомъ“.

— Вижу, отвѣчалъ отецъ; но что же мнѣ доставляетъ удовольствіе васъ видѣть?

— Я пришелъ вамъ заявить, что меня вчера мои домашніе убили, да, да, убили, да; зарѣзали, да. И я вотъ пѣшкомъ по сосѣдству заявить, что меня убили, да.

— Но какъ же я имѣю удовольствіе съ вами бесѣдовать, если васъ вчера убили?

— Точно, точно, да; зарѣзали; и пожалуйте мнѣ лошадку до Мценска подать объявленіе въ судъ.

— Очень жалѣю, что васъ убили, и готовъ служить вамъ лошадьми, но только въ противоположную отъ Мценска сторону, по простой русской пословицѣ: „свои собаки грызутся“...

— Такъ вы не пожалуете мнѣ лошадку?

— Извините, пожалуйста,—не могу.

Иваницкій поклонился и ушелъ.

Въ тѣ времена отъ самой Ядрины и до Оки по направленію къ дѣдовскому Клейменову тянулись почти сплошные лѣса, изрѣдка прерываемые распашными площадями и кустарниками. Этимъ путемъ дядя, давъ мнѣ въ верховые спутники егеря Михайлу, отправлялъ въ Клейменово съ тѣмъ, чтобы мы могли дорогою поохотиться и на куропатокъ и на тетеревей, которыхъ въ тѣ времена было довольно. Хотя дядя самъ нерѣдко пере-

ѣзжалъ въ Клейменово и потому держалъ тамъ на всякій случай отдѣльнаго повара, но я не любилъ заставлять людей хлопотать изъ-за меня и довольствовался, спросивъ чернаго хлѣба и отличныхъ сливокъ.

Однажды дядя, нежданно подъѣхавъ къ крыльцу, захватилъ меня на этой трапезѣ.

— Охъ, ты все свое молочище глотаешь; ну какъ тебѣ не стыдно не заказать обѣда?

Въ Клейменовскомъ домѣ съ поступленіемъ имѣнія къ дядѣ ничего не измѣнилось изъ дѣдовской обстановки. Тѣ же бѣлые крашеные стулья, кресла, столы, зеркала и диваны времени Имперіи. Только въ комнатѣ за гостиной на стѣнѣ снова появились портреты консула Наполеона и Жозефины, находившіеся съ 12 года въ опалѣ у дѣда и висѣвшіе въ тайномъ кабинетѣ. Когда я спросилъ объ этомъ дядю, горячаго поклонника генія Наполеона, дядя съ хохотомъ сказалъ: „да, да, какъ только Наполеонъ перешелъ Нѣманъ и сжегъ Москву, такъ дядя Василій Петровичъ его вмѣстѣ съ женой и разжаловалъ".

Въ Клейменовѣ къ дядѣ являлись тѣ же, увивавшіеся около него мелкопомѣстные дворяне, между прочимъ неизмѣнный Николай Дмитріевичъ Ползиковъ въ неизмѣнномъ сѣромъ казакинѣ ополченія. Въ тѣ времена Клейменовскіе пруды, и верхній и нижній, представляли прекрасное купанье, и дядя, мастерски плававшій, не пропускалъ хорошаго лѣтняго дня не выкупавшись. Мы оба съ Ползиковымъ, хотя и весьма печальные пловцы, не отставали, не пускаясь на середку пруда, среди которой дядя отдыхалъ на спинѣ.

Однажды предъ купаньемъ мы, снявъ платье, всѣ трое лежали на берегу, чтобы, какъ говорится, очахнуть. Свѣтло-голубое безоблачное небо, какъ разъ предъ глазами лежащаго навзничь дяди, внезапно вызвало у него мысли вслухъ: „и-и-и", воскликнулъ онъ, „такъ-то душа моя взовьется, взовьется и полетитъ высоко, высоко; а ты, Аѳоня, не безпокойся; вотъ и Николай Дмитріевичъ знаетъ, что твоихъ 100.000 лежатъ у меня въ чугункѣ". Въ началѣ августа дядя какъ-то сказалъ: „теперь начинается пролетъ дупелей, и тутъ около Клейменова искать ихъ негдѣ; я дамъ тебѣ тройку въ кибитку, Мишку егеря съ его Травалемъ, Ваньку повара, благо онъ тоже охотится съ ружьемъ, да ты возьми съ собою своего Трезора, и поѣзжайте вы при моей запискѣ въ имѣніе моего стараго пріятеля Маврина; тамъ въ

запустѣломъ домѣ никто не живетъ; но съ моей запиской васъ все-таки примутъ насколько возможно удобно, да не забудь взять мнѣ кругъ швейцарскаго сыру, который у нихъ отлично дѣлаютъ въ сыроварнѣ".

Въ назначенный день тройка наша остановилась передъ длиннымъ, соломою крытымъ, барскимъ домомъ. Перекрытъ ли домъ соломою по ветхости деревянной крыши, или простоялъ онъ вѣкъ подъ нею,—неизвѣстно.

— Пожалуйте, сказалъ появившійся въ отпертыхъ дверяхъ староста,—если прикажете самоварчикъ, мы сейчасъ поставимъ.

Пришлось проходить по амфиладѣ пустыхъ комнатъ до послѣдней угольной, въ которой сохранились вокругъ стѣнъ холстомъ обтянутые турецкіе диваны. Изъ какой-то предыдущей комнаты принесли уцѣлѣвшій столъ, и, съ помощью своихъ подушекъ и простынь, я устроился на ночлегъ, такъ какъ для вечерняго поля времени было мало. Чай, сахаръ и свѣчи у насъ были свои, а молока и яицъ оказалось сколько угодно. Любопытство заставило меня взглянуть на сосѣднюю комнату, оканчивающую, подобно спальнѣ, другую амфиладу, обращенную къ саду. Только въ этой комнатѣ ставни были раскрыты въ совершенно заросшій и заглохшій садъ; во всей же амфиладѣ закрытыя окна представляли особенно къ вечеру непроглядный мракъ.

Сказавши Михайлѣ, чтобъ онъ, запасшись проводникомъ, разбудилъ меня на утренней зарѣ, я отпустилъ людей, которые, забравъ самоваръ, ушли, должно-быть, ночевать къ повозкѣ, такъ что я въ цѣломъ домѣ остался одинъ.

Только впослѣдствіи, постигнувъ утѣшеніе доставляемое чтеніемъ въ одиночествѣ, я умѣлъ запасаться книгою, надъ половиною страницы которой обыкновенно засыпалъ, никогда не забывая въ минуту послѣдней искры самосознанія задуть свѣчу; но во времена студенчества, я еще не возилъ съ собою книгъ, и, чтобы хотя на мигъ разогнать невыносимую скуку, читалъ на табачномъ картузѣ: „лучшій американскій табакъ Василія Жукова; можно получать на Фонтанкѣ, въ собственномъ домѣ", и черезъ минуту снова: „лучшій американскій табакъ" и т. д.

На этотъ разъ я даже не зажигалъ свѣчки, а легъ на диванъ, стараясь заснуть. Сумерки незамѣтно надвинулись на безмолвную усадьбу, и полная луна, выбравшись изъ-за почернѣвшаго сада, ярко освѣтила широкій дворъ передъ моею амфиладой. Случилось такъ, что я лежалъ лицомъ прямо противъ длинной

галлереи комнатъ, въ которыхъ бѣлыя двери стояли уходящими рядами вродѣ монахинь въ „Робертѣ“.

Но вотъ среди тишины ночи раздался жалобный стонъ; ему скоро завторилъ другой, третій, четвертый, десятый, и все какъ будто съ разными оттѣнками. Я догадался, что это сычи, населяющіе дырявую крышу, задаютъ ночной концертъ. Но вотъ къ жалобному концерту сычей присоединился грубый фаготъ сыча. Боже, какъ тутъ заснуть подъ такіе вопли? Даже равнодушный Трезоръ, умѣстившійся около дивана, начиналъ какъ бы рычать въ полуснѣ, заставляя меня вскрикивать: „tout beau“. Зажмурю безсонные глаза, но невольно открываю ихъ, и передо мною опять въ лунномъ свѣтѣ рядъ бѣлыхъ монахинь. Это наконецъ надоѣло; я всталъ, затворилъ дверь комнаты и понемногу заснулъ.

На другой день проводникъ направилъ насъ на неширокую рѣчку съ пловучими берегами. Дупелей оказалось мало; за то утки вырывались изъ камышей чуть не на каждомъ шагу изъ-подъ самыхъ ногъ и кряканьемъ разгоняли бекасовъ. Чтобы не топтаться всѣмъ вмѣстѣ, я пошелъ съ Трезоромъ одинъ. Дядя не признавалъ утокъ за дичину, и потому ни я, ни его егеря за ними не охотились; но тутъ утки выводили меня изъ терпѣнія. „Чирикъ-чирикъ“, и ни одного бекаса на сто шаговъ не остается на берегу. „Погоди же, подумалъ я, я тебя крякну“. При этомъ какъ нарочно изъ-подъ ногъ съ отчаяннымъ крикомъ поднялся громадный селезень; за выстрѣломъ онъ шлепнулъ на воду и лежалъ въ двухъ-трехъ шагахъ отъ берега; совѣстно было убить птицу и бросить ее на водѣ. Но какъ ее достать? Взявши ружье за низъ приклада и вытянувъ руку, можно бы достать до селезня и придвинуть его къ себѣ, такъ какъ Трезоръ ни за что не хотѣлъ пускаться вплавь съ пловучаго берега, подъ которымъ глубина была неизвѣстна. Горя нетерпѣніемъ, я нагнулся насколько было возможно надъ водой и, вытянувъ ружье, дѣйствительно подкопнулъ селезня къ берегу. Увлеченный примѣромъ, Трезоръ бросился вплавь и черезъ секунду селезень былъ бы у него въ зубахъ, еслибы со мною не случилась бѣда. Вынесенная впередъ правая нога, продавивши торфъ, лишилась опоры, и я чувствовалъ, что съ ружьемъ и въ тяжелыхъ сапогахъ, не умѣя плавать, валюсь въ глубокую рѣчку. Утопающій хватается за соломинку, я же невольно схватился за плывшій передо мною хвостъ Трезора, который стремительно повернулъ

назадъ и вытащилъ меня на берегъ. Вся эта, въ сущности неудачная, охота находится въ нѣкоторой связи съ позднѣйшимъ случаемъ.

Однажды на Орловскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ я увидалъ завтракающаго генерала, который показался мнѣ знакомымъ однополчаниномъ, съ которымъ я разстался лѣтъ двадцать назадъ.

— Позвольте узнать ваше имя? спросилъ я генерала.

— Глинка-Мавринъ.

— Извините ради Бога, я принялъ васъ за своего знакомаго генерала.

— Это ничего, отвѣчалъ генералъ; а кто генералъ, за котораго вы меня приняли?

Тутъ моя память какъ нарочно сыграла ту самую штуку, которую она играетъ со мною при представленіи одного знакомаго другому.

— Я забылъ имя этого генерала, отвѣтилъ я конфузливо.

— Ничего, и это бываетъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ.

Послѣ такого неудачнаго дебюта я вошелъ въ вагонъ и сѣлъ на диванъ. Каково же было мое удивленіе, когда снисходительный собесѣдникъ, усѣвшись противъ меня спросилъ:

— Вспомнили ли вы имя вашего генерала?

— Постараюсь припомнить, ваше превосходительство, и сообщу его вамъ.

Мы разговорились.

— Моя фамилія Глинка, сказалъ генералъ, — но такъ какъ я женатъ на послѣдней изъ рода Мавриныхъ, то просилъ о Высочайшемъ разрѣшеніи присоединить къ своей фамилію жены.

Не желая утомлять вниманіе читателя описаніями болѣе или менѣе удачныхъ охотъ, которыми пополнялась деревенская жизнь моя во время вакацій, упомяну объ одной изъ нихъ въ доказательство того, какъ баловалъ меня дядя. Отправились мы съ нимъ на дупелей въ доставшееся ему отъ дяди Василія Петровича Долгое, близъ рѣки Неручи, славившейся въ то время своими болотами. Если жилыя помѣщичьи усадьбы александровскаго времени, за нѣкоторыми исключеніями, принадлежали къ извѣстному типу, о которомъ я говорилъ по поводу Новоселокъ, то заѣзжія избы въ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы не проживали, носили въ свою очередь одинъ и тотъ же характеръ исправной крестьянской избы. Сквозныя сѣни отдѣляютъ чистую избу съ гол-

ландскою печью и перегородкою отъ черной избы съ русскою пекарной печью. Въ такой заѣзжей избѣ въ Долгомъ остановились мы съ дядею, сопровождаемые егерями, поваромъ и прислугой. Такъ какъ по полямъ и краямъ болотъ неудобно ѣздить четверкою въ коляскѣ, то на охоту мы выѣзжали въ боковой долгушѣ, запряженной парою прекрасныхъ лошадей въ краковскихъ хомутахъ, у которыхъ клещи подымаются кверху и загибаются въ видѣ лиры, и на которой на одномъ ея рожкѣ виситъ лоскутъ краснаго сукна, а на другомъ шкура барсука. Подъ горломъ у лошадей повѣшаны бубенчики. Самъ дядя трунилъ надъ этой упряжью, говоря, что мальчишки будутъ принимать его за фокусника и кричать вослѣдъ: „мусю, мусю, покажи намъ штуку". Кромѣ того на случай усталости дяди отъ ходьбы по болоту берейторъ велъ за нимъ любимаго имъ верховаго Катка, красивую лошадь Грайворонскаго завода, чѣмъ отецъ былъ весьма доволенъ. Помню, что предъ вступленіемъ нашимъ въ широкое болото, дядя подозвалъ трехъ или четырехъ бывшихъ съ нами охотниковъ и сказалъ: „равняйтесь и ищите дупелей, но Боже сохрани кого-либо выстрѣлить; когда собака остановится, кричи: гопъ! гопъ! и подымай ружье кверху. Стрѣлять можно по дупелю только, если Аѳанасій Аѳанасьевичъ подойдя дастъ два промаха".

При этомъ онъ не только запретилъ стрѣлять егерямъ, но когда и его собственная собака останавливалась, онъ кричалъ мнѣ: „иди сюда, птичья смерть". А когда, набѣгавшись такимъ образомъ отъ дупеля къ дупелю, я усталъ, онъ говорилъ мнѣ: „садись на Катка", хотя самъ видимо утомился не меньше.

Въ тѣ времена я о томъ не думалъ, да такъ по сей день для меня осталось необъяснимымъ, почему Семенъ Николаевичъ Шеншинъ, такъ радушно принимавшій меня въ Москвѣ на Никитской, покинувъ Москву, переселился во Мценскъ. Было бы понятно, еслибъ онъ переселился въ свое прекрасное благоустроенное имѣніе Желябуху; но почему онъ избралъ Мценскъ и притомъ не только для зимняго, но и лѣтняго пребыванія, объяснить не умѣю. Онъ занималъ лучшій во всемъ городѣ двухэтажный домъ съ жестяными львами на воротахъ. Львы эти и по сей день разѣваютъ на проходящихъ свои пасти, выставляя красные жестяные языки. Ничто въ домашнемъ обиходѣ Семена Николаевича не измѣнилось, за исключеніемъ развѣ того, что старшей дочери, вышедшей замужъ за богатаго сосѣдняго

однофамильца Влад. Ал., не было въ домѣ. Любитель всевозможныхъ рѣдкостей, Семенъ Николаевичъ подарилъ своему зятю замѣчательные по цѣнѣ и работѣ карманные часы, которые всѣ желали видѣть и просили новаго владѣльца показать ихъ. Каждое воскресенье къ Семену Николаевичу собирались родные и знакомые откушать и вечеромъ поиграть въ карты. Въ Новоселкахъ я никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи послать Семену Николаевичу дупелей, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

— Очень вамъ признателенъ, сказалъ онъ однажды, когда я пріѣхалъ къ нему,—за дупелей; но тутъ же вы прислали нѣсколько перепелокъ; я ихъ не ѣмъ и боюсь; говорятъ, между ними попадаются очень жирныя, такъ называемыя лежачки, весьма опасныя для желудка.

Слова эти характерны въ извѣстномъ отношеніи. Будучи всю жизнь охотникомъ, я послѣ выстрѣла подымалъ перепелокъ и преимущественно дупелей, лопнувшихъ отъ жиру при паденіи, но лежачекъ, которыя будто бы пролетѣвъ пять шаговъ снова падаютъ на землю, не видалъ никогда, хотя и слыхалъ о нихъ въ тѣ времена, когда наши мѣстности изобиловали всякаго рода дичиной и не были еще истреблены безчисленными промышленниками.

Въ гостепріимномъ домѣ Семена Николаевича мнѣ пришлось познакомиться со многими членами его довольно обширнаго родства, къ которому очевидно принадлежалъ и нашъ домъ, такъ какъ однажды Семенъ Николаевичъ, вздвигая рукава и показывая прекрасныя коралловыя запонки, сказалъ: „это мнѣ подарилъ дядюшка Василій Петровичъ“, то-есть мой дѣдъ. Объ обычномъ возвращеніи въ Москву на Григорьевскій верхъ говорить нечего, такъ какъ память не подсказываетъ въ этотъ періодъ ничего сколько-нибудь интереснаго. Во избѣжаніе новаго бѣдствія съ политической экономіей, я сталъ усердно посѣщать лекціи Чивилева и заниматься его предметомъ.

Въ нашей съ Григорьевымъ духовной атмосферѣ произошла значительная перемѣна. Мало-по-малу идеалы Ламартина сошли со сцены, и мѣсто ихъ для меня, по крайней мѣрѣ, заняли Шиллеръ и главное Байронъ, котораго *Каинъ* совершенно сводилъ меня съ ума. Однажды нашъ профессоръ русской словесности С. П. Шевыревъ познакомилъ насъ съ стихотвореніями Лермонтова, а затѣмъ и съ появившимся тогда *Героемъ нашего*

времени. Напрасно старался бы я воспроизвести могучее впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ чисто Лермонтовскимъ романомъ. Когда мы вполнѣ насытились имъ, его выпросилъ у насъ зашедшій къ вечернему чаю Чистяковъ, увѣрявшій, что онъ сдѣлаетъ на романѣ обертку и возвратитъ его въ полной сохранности.

— Ну что, Чистяковъ, какъ тебѣ понравился романъ? спросилъ Григорьевъ возвращавшаго книжку.

— Надо ѣхать въ Пятигорскъ, отвѣчалъ послѣдній, — тамъ бываютъ замѣчательныя приключенія.

Къ упоенію Байрономъ и Лермонтовымъ присоединилось страшное увлеченіе стихами Гейне.

Въ домѣ у Григорьевыхъ появлялись по временамъ новые посѣтители и именно родной братъ Ал. Ив. Григорьева, капитанъ съ мундиромъ въ отставкѣ, Николай Ив. Женатъ онъ былъ на весьма миловидной дѣвицѣ Каблуковой, далеко превосходившей его образованіемъ и воспитаніемъ. За нею онъ получилъ порядочное приданое, на которое они купили прекрасное имѣніе Обухово съ домомъ и усадьбой въ 50 верстахъ отъ Москвы по Верейской дорогѣ. У самого же Николая Ивановича ни состоянія, ни воспитанія не было, хотя онъ, устроившись на одну зиму съ женою и двумя дѣтьми въ Москвѣ, любилъ пообѣдать и поиграть въ карты въ дворянскомъ клубѣ, развязно говорить о жениныхъ родственникахъ и казаться человѣкомъ свѣтскимъ, не стѣсненнымъ въ средствахъ. Разсказывая клубные анекдоты, онъ пускалъ дымъ сквозь нависшіе рыжеватые усы и прихихикивая притоптывалъ впередъ правою ногою для большей развязности. Всходя къ намъ наверхъ, онъ постоянно издѣвался надъ монашескимъ житьемъ Аполлона, называлъ его Гегелемъ и говорилъ: „нѣтъ, я не во вкусѣ этого“. (Вмѣсто: „это не въ моемъ вкусѣ“). Наша старуха Григорьева недолюбливала сильно Николая Ивановича, вопервыхъ за деньги, которыя во время военной его службы передавалъ ему Ал. Ив., а вовторыхъ изъ-за красивой и молодой невѣстки. Поэтому она полагала всевозможныя препятствія сближенію Аполлона съ дядей и теткой. Зато я нисколько не отказывался отъ ихъ любезнаго расположенія. Собираясь на недѣлю въ свое имѣніе, они уговорили меня проѣхаться съ ними, обѣщая, что я найду тамъ выѣзженную верховую лошадь, ружье и лягавую собаку. Перспектива была дѣйствительно соблазнительна, и я прожилъ съ недѣлю у нихъ въ деревнѣ, отправляясь еже-

дневно на ближайшее болото, въ которомъ, не взирая на заморозки, находилъ и приносилъ домой гаршнеповъ. Однажды, провалившись въ болотѣ, я едва не утонулъ и спасся, выползая спиною на пловучій торфъ при помощи локтей, такъ какъ ноги отъ пояса болтались въ водѣ, не находя точки опоры.

Пріѣхавъ на двѣ недѣли рождественскихъ праздниковъ въ Новоселки, я засталъ большую перемѣну въ общемъ духовномъ строѣ и главное въ состояніи здоровья и настроеніи больной матери. Отсутствіе непосредственныхъ заботъ о дѣтяхъ, развезенныхъ по разнымъ заведеніямъ, какъ и постоянные разъѣзды отца наводили мечтательную мать нашу на меланхолію, развиваемую въ ней съ другой стороны возрастающими жгучими ощущеніями въ груди. Отецъ собирался въ слѣдующую зиму увезти послѣдняго птенца восмилѣтняго Петрушу къ лифляндской генеральшѣ Этингенъ, воспитывавшей своихъ внучатъ и любезно предложившей отцу помѣстить къ ней же малолѣтняго сына.

Я никогда до того времени не замѣчалъ такой измѣнчивости въ настроеніи матери. То и дѣло, обращаясь къ своему болѣзненному состоянію, она со слезами въ голосѣ прижимала руку къ лѣвой груди и говорила: „ракъ“. Отъ этой мысли не могли ее отклонить ни мои увѣренія, ни слова навѣщавшаго ее орловскаго доктора В. И. Лоренца, утверждавшаго, что это не ракъ. Въ другую минуту мать предавалась мечтѣ побывать въ родномъ Дармштадтѣ, гдѣ осталась старшая сестра Лина Фетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Фетъ.

* * *

Въ зарѣ потухая, опаломъ прозрачнымъ блѣднѣя,
Темнѣетъ печальное небо съ послѣднимъ лучомъ,
И чахлая зелень увядшаго сада, рѣдѣя,
Рисуется кружевомъ блѣднымъ на немъ.

Затихъ утомившійся вѣтеръ, весь день прошумѣвшій,
Какъ вздохъ набѣжитъ лишь порой, и тогда, въ тишинѣ,
Трепещетъ чуть слышно и шепчется листъ пожелтѣвшій,
И жалобно ропщетъ, дрожа въ вышинѣ.

И въ сумеркахъ блѣдныхъ, что̀ вечера тѣнь надвигаетъ,
Напрасно мечта, словно птица разбитымъ крыломъ,
Невѣрно и робко взмахнетъ—и опять упадаетъ,
И тонетъ, чтобъ стихнуть въ молчаньи ночномъ.

Н. П—о.

НА ОКСУСѢ И ЯКСАРТѢ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.)

III.

Базары и ихъ публика.

Мы поѣздили-таки, не жалѣя ни лошадей, ни себя, по базарамъ и улицамъ „Благородной Бухары“—„Бухары-ель-Шерифъ“. Она безконечна какъ Москва, но и однообразна же до безконечности! Кажется, цѣлые десятки верстъ проѣзжаешь ея глиняными дувалами, мимо ея слѣпыхъ домовъ. Еслибы не какой-нибудь десятокъ большихъ мечетей, роскошно отдѣланныхъ изразцами, да не Ригистанъ съ его дворцомъ-тюрьмой, Бухара была бы простая громадная деревня,—и ничего больше. Правда, у нея есть ея знаменитые крытые базары тоже, можетъ-быть, въ добрый десятокъ верстъ длины, если вытянуть въ одну непрерывную линію всѣ ихъ безчисленные закоулочки. Можно сказать даже больше, что вся Бухара есть одинъ сплошной базаръ; но въ какомъ же порядочномъ кишлакѣ Бухарскаго ханства или нашей Туркестанской области нѣтъ крытыхъ базаровъ? Базары Бухары только значительно длиннѣе, значительно просторнѣе и значительно богаче товарами деревенскихъ, но суть ихъ все одна и та же; всѣ они на одинъ образецъ: крытая чортъ знаетъ чѣмъ и чортъ знаетъ чѣмъ затянутая сверху улица, съ крошечными лавочками по обѣимъ сторонамъ. Сверху всякія палки,

тряпки, оборванныя рогожи, сбоку—тысячи темныхъ конурокъ, которыхъ весь товаръ умѣстится въ одномъ порядочномъ шкафѣ, и гдѣ, словно въ кіотѣ, неподвижно возсѣдаетъ, поджавъ подъ грузное брюшко свои лѣнивыя ножки, какой-нибудь разжирѣвшій теджикъ въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ. Онъ сидитъ цѣлые мѣсяцы надъ своимъ товаромъ въ три гроша цѣной и ни за что не отдастъ его иначе, какъ съ крупнымъ барышомъ, отчего ему въ теченіе цѣлыхъ годовъ не приходится обернуть своего капитала, въ то время, какъ европейскій торговецъ, не гоняющійся за слишкомъ большимъ процентомъ, успѣваетъ нѣсколько разъ въ теченіе одного года обернуть затраченныя на товаръ деньги и въ результатѣ получить съ нихъ гораздо бо́льшій доходъ. Но восточный человѣкъ не спѣшитъ нажиться и вообще не любитъ спѣшить. Ему его товаръ нуженъ для того, чтобы прилично и полезно проводить время, имѣть, такъ-сказать, положеніе въ мѣстномъ обществѣ, играя почетную роль купца и важно разсиживая въ своей лавочкѣ. А черезъ годъ или черезъ два раскупятъ у него товаръ его,—какая ему до этого нужда! Его потребности и вкусы такъ скромны, что ему всего хватаетъ, и даже отъ всего остается излишекъ, который онъ иногда не знаетъ куда дѣвать. Мнѣ кажется, что еслибъ какой-нибудь злой насмѣшникъ предложилъ бухарскому купцу продать ему сразу по выгодной цѣнѣ весь товаръ его лавочки, Бухарецъ серьезно обидѣлся бы и ни за что не рѣшился бы разстаться съ этою утѣшающею его забавой; такъ ему дорогъ самый процессъ поджиданія покупателей, раскладываніе и складываніе тюковъ, торговли до пота, болтовни и веселой сутолки базара. Взять его оттуда,—это все равно, что вынуть рыбу изъ воды.

Бухарскіе базары раздѣлены и по сорту товаровъ и по національностямъ купцовъ. Въ одномъ мѣстѣ нескончаемые ряды лавчонокъ съ шелковымъ товаромъ, въ другомъ съ бумажнымъ, въ третьемъ съ мѣдью или серебромъ; тамъ — съ сѣдлами и чепраками, тамъ—съ коврами и паласами, а тамъ—съ оружіемъ, шашками, халатами или башлыками. Кромѣ того, есть особые ряды: Индѣйскіе и Персидскіе, есть Коканскіе, Хивинскіе, Туркменскіе и проч. Только опытный туземецъ знаетъ, гдѣ и какъ можно что купить выгоднѣе въ этомъ хаосѣ базаровъ, въ этомъ лабиринтѣ лавчонокъ. Между лавочками виднѣются коегдѣ открытые боковые ходы, и черезъ нихъ вы проходите въ глухіе дворики, окруженные галлерейкой и маленькими темными

конурками. Это караванъ-сараи базара, запасные склады его товаровъ. Тутъ обыкновенно все загромождено арбами, верблюдами, ослами, мѣшками, кипами всякаго товара. Тутъ, говорятъ, можно купить многіе товары изъ первыхъ рукъ значительно дешевле, чѣмъ на базарѣ. Но всѣ эти возможности, конечно, не для нашего брата, проѣзжаго туриста, съ котораго по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, позволительно драть за все вдвое. Это мы испытали, къ сожалѣнью, собственнымъ опытомъ.

Признаюсь, меня лично гораздо менѣе привлекали лавки и товары бухарскихъ базаровъ, чѣмъ толпа ихъ наполнявшая. Конечно, кромѣ мало интересныхъ мнѣ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, въ этихъ лавчонкахъ то и дѣло попадались намъ на глаза глубоко характерныя, чисто восточныя вещи, какъ чеканные мѣдные кубганы съ тазами, узкогорлые изящные кофейники, оригинально расшитые чепраки и богато разукрашенныя сѣдла, серебряныя запястья и головные уборы женщинъ и всякія другія заманчивыя для Европейца туземныя произведенія; но всѣ эти мелочи не останавливали на себѣ моего вниманія, всецѣло поглощеннаго живымъ этнографическимъ музеемъ, двигавшимся кругомъ насъ.

Народъ въ Бухарѣ—это картина на каждомъ шагу; куда ни оглянешься,—красавецъ на красавцѣ, а ужь особенно дѣти и молодые мальчики. Сверкающіе какъ фарфоръ и огнемъ горящіе черные глаза среди матовой бѣлизны слегка смуглаго полнаго лица, съ очень правильными чертами и оттѣненные черною порослей молодыхъ усовъ и молодой бороды, чувственныя румяныя губы сразу выдаютъ вамъ прекрасный иранскій типъ Таджика, кореннаго обитателя древней Трансокеаны или, такъ-называемаго въ Средніе Вѣка, „Мавaръ-ель-нагара“, то-есть „Зарѣчья“.

Таджики говорятъ до сихъ поръ на одномъ персидскомъ нарѣчіи, несмотря на всѣ чуждыя наслоенія, по очереди придавливавшія ихъ въ теченіе ихъ долгой и злополучной исторіи. Таджики большіе щеголи, какъ и персидскіе Персы. Они въ будній день разряжены, какъ въ праздникъ: чалмы ихъ воздымаются на головѣ цѣлыми грандіозными сооруженіями, спуская сбоку съ какимъ-то особеннымъ неуловимымъ шикомъ бахрамой украшенный конецъ пестрой шали. Впрочемъ, чалма не одно только пустое франтовство, а своего рода аттестатъ благочестія для правовѣрнаго. Недаромъ же она зеленая у потомковъ пророка и бѣлая у богомольныхъ хаджи, удостоившихся покло-

ниться гробу Магометову. По правиламъ мусульманскаго благочестія чалма изображаетъ собой саванъ, постоянно напоминающій человѣку о его смерти, и длина ея должна быть, по крайней мѣрѣ, въ шесть или семь разъ больше роста человѣка. Но особенно ревностные сыны Ислама доводятъ чалмы нерѣдко до размѣровъ, превосходящихъ даже въ тридцать разъ ростъ обыкновеннаго смертнаго, и тогда она, конечно, воздымается на бритой макушкѣ почтеннаго мослемина, какъ башня Ливанская.

Яркая пестрота этихъ красныхъ, желтыхъ, синихъ и бѣлыхъ тюрбановъ, этихъ полосатыхъ халатовъ изъ бумажной аладжи и шелковаго адряса, сіяющихъ всѣми цвѣтами радуги,—обращаютъ бухарскую толпу, бухарскій базаръ въ какой-то веселый цвѣтникъ, въ сплошное поле макова цвѣта всевозможныхъ колеровъ. Ничего подобнаго не представляетъ никакой другой мусульманскій городъ.

Узбеки—хотя такіе же пестрые и такіе же яркіе, пожалуй, еще рѣзче яркіе, еще грубѣе пестрые, чѣмъ Таджики—все-таки замѣтно отличаются отъ нихъ даже и въ сутолкѣ базаровъ. Это ужь несомнѣнные Туранцы, собратья Киргиза и Калмыка, скуластые, широконосые, съ очень изрядною косинкой глазъ, съ характерною скудостью поросли на губахъ и бородѣ. Хотя многіе изъ нихъ ужь утеряли первобытную чистоту монгольско-тюркскаго типа, постоянно мѣшаясь съ персидскою кровью черезъ персидскихъ плѣнницъ, которыхъ они берутъ въ жены и наложницы, но большинство ихъ настолько еще удержало прирожденную „калмыковатость“ своего лица, что Узбека можно легко выбрать изъ толпы Таджиковъ, какъ козла изъ стада барановъ. Узбеки вообще гораздо некрасивѣе Таджиковъ, неуклюжѣе ихъ, далеко не такъ общительны и мало склонны къ ремесламъ и торговлѣ, въ которыхъ Таджикъ чувствуетъ себя совершенно дома; но за то Узбекъ рослѣе, сильнѣе, храбрѣе и выносливѣе избалованнаго городскою жизнью трусливаго Иранца. Это и немудрено, потому что Узбекъ—завоеватель Бухары и ея законный хозяинъ. Несмотря на свою неотесанность, Узбеки составляютъ привилегированное и господствующее сословіе края, военное рыцарство своего рода, на подобіе былаго дворянства европейскихъ государствъ.

Узбеки до сихъ поръ еще держатся старыхъ кочевыхъ вкусовъ, войлочной кибитки, кумыса, верблюдовъ и неохотно мѣняютъ родимыя степи на тѣсноту городовъ. Но, конечно, силой

времени множество ихъ уже перетянуло по разнымъ обстоятельствамъ въ города, перемѣшалось съ Таджиками, обратилось и въ ученыхъ муллъ, и въ ловкихъ торговцевъ, въ судей и правителей. Эмиръ и его первый министръ—Кушъ-беги—всегда Узбеки.

Узбеки—одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и сильныхъ народовъ Внутренней Азіи. Такъ-называемые Татары, покорившіе Россію въ XIII вѣкѣ, были никто иные, какъ тѣ же Узбеки. Татары эти называли себя „ногай“, а Ногай это до сихъ поръ одинъ изъ 92 родовъ Узбековъ.

Кипчаки, основавшіе Золотую Орду на низовьяхъ Волги, также были только однимъ изъ многочисленныхъ узбекскихъ родовъ. До сихъ поръ этотъ родъ „Кипчакъ“ существуетъ въ Ферганской области и имѣетъ важное значеніе среди его населенія, а на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ низовьи ея, стоитъ до сихъ поръ городъ Кипчакъ,—вѣроятно, одно изъ древнихъ гнѣздъ этого рода, окруженный особеннымъ уваженіемъ хивинскихъ кочевниковъ. Въ числѣ главнѣйшихъ узбекскихъ родовъ есть и „Татаръ“, и „Тюркъ“, и „Киргизъ“ и „Казакъ“. Родъ „Монголъ“ сталъ пользоваться огромнымъ значеньемъ среди Узбековъ, потому что къ нему принадлежалъ Чингисъ-ханъ и его первые сподвижники.

Родъ „Монголъ“ жилъ въ XIII вѣкѣ на рѣкѣОнонѣ, притокѣ Шилки, въ теперешней Китайской Татаріи, очень близко отъ южной границы Сибири. Оттого и европейскіе историки окрестили движеніе Узбековъ на Россію и Европу нашествіемъ Монголовъ. Но изъ туземцевъ Туркестана ни одинъ не скажетъ, что Чингисъ-ханъ былъ Монголъ или Татаринъ, а скажетъ непремѣнно, что онъ былъ Узбекъ. Татарами же называли въ XIII столѣтіи тѣхъ же самыхъ Монголовъ, потому что Чингисъ-ханъ покорилъ сосѣдній съ Монголами родъ „Татаръ“, жившій немного восточнѣе по рѣкѣ Кэрулынь, впадающей въ озеро Хулу-Норъ, и Татары эти, по своей многочисленности и храбрости, составляли главную массу Чингисова войска.

Узбекскій родъ „Монголъ“ — одно, а Монголы, какъ цѣлое желтокожее племя, къ которымъ принадлежатъ Китайцы, Калмыки и проч.,—совсѣмъ другое.

Узбеки считаются народомъ Тюркскаго племени, хотя черты ихъ лица до того проникнуты характерными признаками мон-

гольской расы, что гораздо вѣрнѣе считать ихъ смѣшанною монголо-тюркскою расой.

Турки-Сельджуки, покорившіе Туранъ раньше Чингисъ-хана, были тоже Узбеки. Узбеки—и теперешніе Киргизы, которые, впрочемъ, никогда не называютъ себя этимъ именемъ, въ которое изстари окрестили ихъ мы, Русскіе. Сами себя Киргизы называютъ „Казакъ"; и весь Востокъ называютъ ихъ этимъ именемъ. У насъ это имя употребляется въ нѣсколько измѣненной формѣ „Киргизъ-Кайсаковъ". Мы, Русскіе, разумѣемъ подъ словомъ Киргизы не одинъ узбекскій родъ „Кыргысъ", но всѣ кочевые узбекскіе роды безразлично, какъ, напримѣръ, „Казакъ", „Багышъ", „Найманъ" и проч. Казакъ, собственно говоря, есть имя нарицательное, и на туземномъ языкѣ означаетъ вольнаго бродягу, разбойника. Въ этомъ смыслѣ и наша древнерусская бродячая вольница южныхъ и юго-восточныхъ порубежныхъ степей стала называться казаками. Большинство бухарскихъ Узбековъ, конечно, потомки Чингисовыхъ полчищъ, покорившихъ въ XIII вѣкѣ, вслѣдъ за завоеваніемъ Китая, Ховарезмъ, Фергану, Мавваренагаръ и прочія страны Турана. Но и послѣ Чингисъ-хана и послѣ Тимура не разъ надвигались на эти же земли новыя орды Узбековъ. Великая Средне-Азіатская Имперіи Узбека Тимура была разрушена при его правнукѣ султанѣ Бабурѣ вновь нахлынувшими Узбеками же, которые воцарили вмѣсто династіи Тимуридовъ новую династію Шейбаніэ-хана. Впослѣдствіи эта вторая волна Узбековъ была задавлена новою волной того же племени, которое отлила отъ приволжскихъ равнинъ Россіи послѣ погрома тамъ татарскихъ ордъ и выдвинула третью династію бухарскихъ эмировъ,—Аштарханія, по имени города Астрахани, откуда она вышла. Такимъ образомъ современные намъ Узбеки во всякомъ случаѣ представляютъ собою остатки завоевателей Туркестана разныхъ эпохъ.

Узбеки въ теченіе вѣковъ естественно сильно смѣшались съ Таджиками, коренными жителями Трансокеаны, и кровью, и нравами, и обычаями. Они заимствовали у нихъ не только ихъ магометанскую религію, но и вкусы осѣдлости, разные промыслы и ремесла. Осѣдлый Узбекъ-горожанинъ мало-по-малу совсѣмъ обособился отъ своего кочеваго родича степей и горъ, потерялъ прежній духъ воинственности, а развилъ въ себѣ напротивъ мирный духъ торгашества; только по языку онъ оставался еще Узбекомъ, а по образу жизни, отчасти и по самой внѣшности дѣлался Таджи-

комъ. Такихъ осѣвшихъ въ города, извѣстнымъ образомъ цивилизовавщихся Узбековъ называютъ теперь *Сартами*.

Сарта трудно отличить на видъ отъ Таджика, потому что въ немъ кровь Туранца уже значительно смѣшалась съ иранскою кровью, а общія привычки жизни, общая одежда и манеры еще болѣе сближаютъ его съ Таджикомъ. Оттого Русскіе и иностранцы, путешествующіе по Туркестану, безразлично называютъ и Таджиковъ и Узбековъ общимъ именемъ Сартовъ. Это названіе распространяется съ каждымъ годомъ все больше и больше, такъ что люди, не вникающіе близко въ этотъ вопросъ, искренно считаютъ Сартовъ за какой-то особый народъ, населяющій Туркестанъ, имѣющій даже свой особенный сартскій языкъ. Но Сартъ въ настоящее время вовсе не есть названіе особаго племени, а, такъ сказать, бытовой собирательный типъ, обозначающій вообще горажанина и осѣдлаго жителя и вмѣщающій въ себѣ одинаково и Узбека, и Киргиза и Таджика.

Таджиками, собственно, продолжаютъ называться теперь только тѣ изъ коренныхъ жителей иранскаго племени, которые еще говорятъ персидскимъ языкомъ и не смѣшались со своими побѣдителями тюрко-монгольской расы. Бухара и Самаркандъ, какъ мѣстности, ближайшія къ Ирану, и какъ былые центры древней Трансокеаны, населенной когда-то Согдами и другими народами иранскаго корня, почти одни сохранили въ себѣ сколько-нибудь многочисленное населеніе Таджиковъ, постоянно обновляющееся вольными и невольными выселенцами изъ сосѣдней Персіи; оттого-то на базарахъ Бухары еще нерѣдко господствуетъ персидскій языкъ. Уцѣлѣли также отдѣльныя колоніи Таджиковъ, говорящихъ по-персидски, въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ Ферганской области, не подвергшихся сильному давленію побѣдителей—Узбековъ. Но въ Хивѣ, Ташкентѣ и огромномъ большинствѣ городовъ и селеній Туркестана, особенно же въ Сыръ-Дарьинской области Таджиковъ осталось или очень мало, или вовсе не осталось.

Таджики же, потерявшіе свой языкъ и говорящіе языкомъ Узбековъ, такъ называемымъ татарскимъ языкомъ джагатайскаго нарѣчія, сдѣлались Сартами наравнѣ съ осѣдлымъ Узбекомъ и осѣдлымъ Киргизомъ. Оттого-то среди Сартовъ вы встрѣчаете самые разнообразные и даже противоположные типы, начиная отъ прекраснаго правильнаго лица со свѣтлою, почти европейскою кожей и роскошною растительностью усовъ и бородъ и кончая ску-

ластою и широконосою мордой рѣдко-бородаго и какъ сапогъ смуглаго Монгола. Хотя все-таки иранскій типъ преобладаетъ гораздо чаще. Все зависитъ оттого, изъ какого племени вышелъ этотъ типъ и какая пропорція иранской благородной крови попала въ грубую породу Туранца. Но этотъ грубый Туранецъ совсѣмъ инаго мнѣнія, чѣмъ мы и о себѣ и о Сартѣ. На Сарта-горожанина, на Сарта труженика онъ смотритъ съ искреннимъ презрѣніемъ вольнаго сына степей, какъ на труса и раба.

„Мы называемъ Таджика Таджикомъ, когда ѣдимъ его хлѣбъ, говоритъ Узбекъ,—или мы называемъ его Сартомъ, когда бранимся съ нимъ."

А киргизская поговорка говоритъ: „плохой Киргизъ дѣлается Сартомъ, а плохой Сартъ Киргизомъ".

Когда въ былыя, хотя и недавнія времена кочевые Узбеки осаждали города Ташкентскаго или Коканскаго ханства, то, подъѣзжая къ самымъ стѣнамъ крѣпости на своихъ лихихъ скакунахъ, они кричали обыкновенно, насмѣхаясь надъ трусостью запершихся въ стѣнахъ горожанъ:

„А-е-и, Сартъ!"

Дикимъ воинамъ пустыни казалось, что для человѣка не можетъ быть ругательства позорнѣе этого названья „*Сарта*", обитателя города...

Что такое собственно значитъ слова „*Сартъ*", и почему этимъ именемъ окрещены осѣдлые туземцы Туркестана, знатоки Востока не пришли до сихъ поръ къ положительному заключенію и предлагаютъ самыя разнообразныя объясненія. Но все заставляетъ думать, что это названіе очень древнее, и что въ Туркестанѣ жилъ когда-нибудь народъ Сарты, съ именемъ котораго кочевые разбойники степей привыкли соединять понятіе о всякомъ осѣдломъ и трудолюбивомъ жителѣ, утерявшемъ воинственные вкусы и воинскую доблесть.

На это указываетъ и имя рѣки *Сыръ-Дарьи*, города которой до сихъ поръ служатъ главными центрами Сартовъ и которая, безъ сомнѣнія, есть позднѣйшее искаженіе имени *Сартъ-Дарья*, то-есть *рѣки Сартъ*, въ древности дѣйствительно называвшейся *Як-Сартъ* (Дарья—есть татарское названіе всякой рѣки вообще).

Древній александрійскій географъ Птоломей указываетъ даже на этой рѣкѣ обиталище особаго народа *Як-Сартовъ* (Iaxartes).

Въ старинной „исторіи Монголовъ", написанной въ концѣ XIII вѣка персидскимъ историкомъ Рашидъ-Эддиномъ и перс-

веденной на русскій языкъ нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ профессоромъ Березинымъ, разсказывается, что Чингисъ-ханъ, покоривъ Арсланъ-хана, вождя племени Карлуковъ, приказалъ ему называться *Арсланомъ Сартскимъ*; а въ примѣчаніи своемъ къ разсказу Рашидъ-Эддина о войнѣ Чингисъ-хана съ Ванъ-ханомъ профессоръ Березинъ сообщаетъ, что, по словамъ монгольскаго историка, это событіе произошло уже послѣ похода на *Сартовъ*.

Въ путешествіи Плано-Карпини мнѣ попалось одно извѣстіе, что въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисъ-ханомъ, была какая-то *terra Saruiorum*, очень напоминающая „землю Сартовъ".

Сарты упоминаются какъ жители Туркестана и восточными писателями XV, XVI и XVII столѣтій.

Амиръ Наваи, въ концѣ XV вѣка, называетъ *Сартами* жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркскаго языка.

Султанъ Бабуръ, правнукъ Тимура и славный основатель индійской монархіи Баберидовъ, въ запискахъ о своей жизни, составленныхъ въ началѣ XVI столѣтія, называетъ *Сартами* жителей Маргелана и Асфары, а хивинскій ханъ Абулъ-Гази-Багадуръ, въ началѣ XVII вѣка, тѣмъ же именемъ называетъ жителей Хивы, Ургенча, Хазараспа, которые уже были при немъ осѣдлыми хлѣбопашцами. Замѣчательно, что въ его время въ Самаркандѣ не было ни одного человѣка, знающаго тюркскій языкъ, до того, значитъ, было еще тогда многочисленно старинное коренное населеніе иранскаго корня.

Это еще болѣе заставляетъ думать, что Сарты были когда-нибудь особымъ народомъ со своимъ особымъ языкомъ, и что имя это обратилось изъ этнографическаго въ бытовой терминъ только въ послѣднее время, когда среди народовъ Туркестана утерялась живая память о прошлой исторіи его.

Среди сытыхъ, праздныхъ и самодовольныхъ халатниковъ Бухары, заливающихъ своею яркою разноцвѣтною волной базары и улицы, поражаютъ своимъ жалкимъ видомъ бѣдно одѣтые людишки въ черныхъ шапочкахъ, въ родѣ низенькихъ греческихъ камилавокъ, и въ кургузыхъ кафтанчикахъ, подпоясанныхъ простою веревкой.

— Это еще что̀ за народъ? спросили мы у своего возницы, хотя вопросъ былъ, собственно говоря, совсѣмъ лишній. Отвѣтъ

самый ясный читался при первомъ взглядѣ на эти хищническіе глаза и характерные черные локоны.

Возница нашъ хитро улыбнулся и покачалъ головой.

— Народецъ тоже! не хуже какъ и у насъ. Такая же жидюга... произнесъ онъ. — Имъ тутъ запретъ на улицахъ по-бухарски одѣваться. Они у нихъ все равно какъ арестанты наши острожные; приказано имъ срамное обнарядье на народѣ носить, чтобъ отличка имъ отъ всякаго человѣка была, вотъ и носятъ!.. Другаго не смѣютъ надѣть.

— Бѣднота вѣрно? ободранные какіе... замѣтилъ я.

— Какая бѣднота! Самые богачи! возразилъ извозчикъ. —Поглядите-ка какъ онъ дома у себя одѣвается... Шелки да бархаты! А чистота по дому какая! Всякое у него удовольствіе. Ну, а ужь на улицу—шалишь! нацѣпляй свое арестанецкое, подвязывайся веревкой. Такой ужь у нихъ законъ, у Бухарцевъ у этихъ, строгость! На лошадь тоже садиться имъ не позволяютъ, Боже избави! И плата съ нихъ двойная противъ людей полагается. Съ кого податей рубль сходитъ, а съ жида два. Да и такъ ихъ, окромя податей, всякій начальникъ тутъ обдираетъ: потому какой съ него судъ? А вотъ однако-жь богатѣютъ все, ничѣмъ ихъ не доймутъ!.. съ искреннимъ удивленіемъ заключилъ нашъ чичероне.

Русскій возница, толковавшій съ такимъ презрѣніемъ объ „арестанецкомъ обнарядьи“ бухарскихъ Евреевъ, конечно, не подозрѣвалъ, что на-дняхъ еще всякій иновѣрецъ, въ томъ числѣ и нашъ братъ христіанинъ, долженъ былъ надѣвать на себя тоже позорное платье, если хотѣлъ удостоиться чести посѣтить „Бухару-ель-Шерифъ“. Недаромъ же, по выраженію туземныхъ богослововъ, „въ одной только Бухарѣ свѣтъ исходитъ на небо изъ этого священнаго града, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ свѣтъ, какъ извѣстно, нисходитъ съ неба на землю. Это видѣлъ самъ пророкъ Магометъ, когда въ сопутствіи Архангела Гавріила совершалъ свое путешествіе на небо“.

Вотъ, между прочимъ, что разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Бухарѣ оффиціальный агентъ Англіи Борнсъ, отправленный изъ Индіи въ Бухару въ 1831 году, то-есть еще на памяти нашего поколѣнія:

„Наши тюрбаны были замѣнены бѣдными шапками изъ овчины, вывернутой шерстью внутрь, и мы бросили наши пояса, чтобъ обвязаться обрывкомъ грубой пеньковой веревки. Мы скинули туземныя верхнія одежды, такъ же какъ чулки, потому что это признаки, отличающіе невѣрнаго отъ правовѣрнаго въ святомъ градѣ Бухарѣ. Мы знали также, что они, мусульмане, могутъ ѣздить верхомъ въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ этого города, и внутреннее чувство намъ подсказало, что мы должны быть довольны, если цѣною этой легкой жертвы намъ будетъ позволено продолжать жить въ этой столицѣ". Но „легкія жертвы" не ограничились, впрочемъ, этимъ. Милостивый покровитель ихъ Кушъ-беги, благодаря которому путешественники сохранили свою жизнь, принималъ ихъ у себя въ домѣ какъ нѣкую нечистую тварь, сажая ихъ прямо на мостовой въ открытомъ дворѣ, въ то время какъ самъ сидѣлъ въ комнатѣ на дорогихъ коврахъ и подушкахъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ этихъ невѣрныхъ собакъ.

Бѣднымъ Англичанамъ было на-строго запрещено употребленіе пера и чернилъ. Днемъ имъ не позволяли выходить на улицу. „Подобно совамъ, мы не смѣли показываться иначе, какъ по вечерамъ", жалуется Борнсъ въ своей извѣстной книгѣ „Путешествіе въ Бухару". Въ бани ихъ тоже не пускали. По ученію бухарскихъ муллъ „вода обратится въ кровь, если она осквернится прикосновеніемъ женщины или невѣрнаго"; такъ что Борнсу съ трудомъ можно было пріискать какую-то жалкую баню, согласившуюся осквернить себя ради презрѣннаго злата.

Но такая терпимость къ иновѣрцу была все-таки рѣдкимъ исключеніемъ въ священной Бухарѣ, городѣ, основанномъ, по убѣжденію ея ученыхъ муллъ и имамовъ, самимъ Искандеромъ, то-есть никѣмъ другимъ, разумѣется, какъ Александромъ Великимъ.

Обыкновенно же Европейцу, попавшему въ Бухару, грозила прежде всего участь или быть зарѣзаннымъ, какъ барану, или протомиться десятки лѣтъ въ темницѣ и неволѣ.

Англійскій капитанъ Коноли въ концѣ тридцатыхъ годовъ нашего вѣка послѣ многихъ приключеній прошелъ насквозь туркменскія степи, дошелъ до Кокана, вытерпѣлъ тамъ неволю за то, что не хотѣлъ принять Ислама, попалъ потомъ въ Бухару,

и въ этомъ „священномъ градѣ“ былъ зарѣзанъ эмиромъ вмѣстѣ съ другимъ Англичаниномъ, полковникомъ Стотгартомъ, состоявшимъ при англійской миссіи въ Персіи, несмотря даже на то, что Стотгартъ, страха ради Іудейска, принялъ магометанство. Венгерецъ Вамбери, посѣтившій Бухару гораздо позже, долженъ былъ разыгрывать ролъ турецкаго дервиша, чтобы проникнуть въ это гнѣздо мусульманскаго фанатизма, и каждый день могъ ожидать той участи, какой подверглись Конолли и Стотгартъ.

Красоту сартовскихъ, таджикскихъ и узбекскихъ дамъ Бухары оцѣнить рѣшительно невозможно. Здѣшній прекрасный полъ обращенъ въ какихъ-то неуклюжихъ чучелъ, завернутыхъ въ темно-зеленыя и темно-синія простыни съ головы до пятокъ; у каждой на лицѣ, даже у маленькихъ дѣвочекъ, густое черное покрывало. А между тѣмъ, судя по мужчинамъ, нужно предполагать, что Таджички должны быть очень красивы. Недаромъ же въ древней Трансокеанѣ, именуемой теперь Бухарой, Александръ Македонскій нашелъ свою Роксану, знаменитую дочь Оксіярта (не *Ок-Сарта* ли еще?), про которую Арріанъ говоритъ, что послѣ жены Дарія, эта была самая красивая изъ всѣхъ женщинъ, видѣнныхъ Греками въ Азіи...

Только однѣ прокаженныя имѣютъ въ Бухарѣ возмутительную привилегію показывать публикѣ свои ужасныя лица, изъѣденныя неописуемыми язвами. Бухара очень богата этимъ товаромъ. Прокаженныхъ безъ глазъ, безъ носовъ, безъ губъ, съ искривленными руками и ногами то и дѣло видишь у входовъ въ мечети и около общественныхъ прудковъ, гдѣ они сидятъ цѣлыми вереницами, вымаливая деньги у прохожихъ и протягивая къ нимъ деревянныя чашечки своими изуродованными пальцами.

Никакіе законы не предохраняютъ населеніе Бухары отъ общенія съ этими несчастными исчадіями человѣчества и отъ возможности заразы.

IV.

Нравы и обычаи священнаго города.

Объѣзжая безчисленные базары Бухары, мы любовались на здѣшнихъ сытыхъ, складныхъ и крѣпкихъ коней, которые на видъ гораздо красивѣе и даже, какъ-будто, ретивѣе знаменитыхъ

текинскихъ. Бухарцы, какъ и Туркмены, большіе охотники усаживаться на коня по двое, не только въ степи, но и на улицахъ города. А нѣкоторые ухитряются сидѣть на тюкахъ товаровъ, навьюченныхъ на лошадь, совсѣмъ какъ на диванахъ: свѣситъ себѣ преспокойно ноги и сидитъ, словно гвоздемъ прибитый, даже не помышляя о возможности полетѣть съ лошади головой внизъ.

Послѣ базаровъ мы проѣхали въ одинъ изъ самыхъ характерныхъ уголковъ Бухары,—къ прудку *„Леби-Гоузъ-Диванбеги“*. Здѣсь любимое мѣсто народныхъ сборищъ. Прудъ этотъ съ своею стоячею водой, теплою, какъ парное молоко, осѣненный старыми вязами и шелковицами, лежитъ у подножія древней мечети *„Меджидіе-Диванбеги“*. Это обширный кварталъ саженъ въ пятнадцать длины, саженъ въ двѣнадцать ширины; глубокіе берега его обложены огромными тесаными камнями, и къ нему спускаются со всѣхъ сторонъ по восьми широкимъ каменнымъ ступенямъ. Пестрыя группы богомольцевъ и всякаго праздничнаго народа живописно обложили и притворы мечети и берега пруда. Одни моютъ въ немъ, сидя на ступенькахъ, свои босыя запыленныя ноги, другіе забрались по горло въ воду; кто полоскаетъ въ немъ бѣлье, кто сливаетъ въ него разныя подозрительныя жидкости изъ большихъ глиняныхъ кувшиновъ. Цѣлый лабиринтъ мелкихъ лавочекъ и кухонокъ, цѣлый шумный „Обжорный рядъ“ устроился надъ этимъ прудкомъ, который въ одно и то же время служитъ и очень удобною помойною ямой для всѣхъ этихъ безчисленныхъ уличныхъ харчевенъ и единственнымъ бассейномъ для питья всему этому толпящемуся здѣсь люду. Особенно оригинальны многочисленныя *„чай-хане“* съ громадными тульскими самоварами, ведеръ въ десять и пятнадцать каждый, скорѣе похожими на пузатые боченки, чѣмъ на самовары.

Поглядѣвъ разъ на Леби-Гоузъ и безцеремонные обычаи его посѣтителей, никто уже не удивится, что *„решта“*, пендинская язва, сартскій прыщъ и всякія другія прелести составляютъ обычное украшеніе бухарской жизни.

Решту (filaria medinensis медиковъ) называютъ также гвинейскимъ червемъ, и туземцы увѣряютъ, что это тотъ самый червь, что мучилъ на гноищѣ библейскаго Іова.

Я охотно вѣрю этому!..

Стоялая полугнилая вода бухарскихъ „Гоузовъ“ кишитъ просто на глазахъ вашихъ всякими мелкими гадинами. А теперь еще

весна, а не развалъ лѣта. Къ лѣту же эти прудки высохнутъ еще на половину, такъ что вмѣсто воды останется одна вонючая грязь; и въ ней все-таки будутъ купаться, ее все-таки будутъ черпать, какъ будто и настоящую воду. Недостатокъ воды, это своего рода проклятіе, издревле лежащее на „священной Бухарѣ“. Она питается водами Заравшана,—„разносителя золота“, но находится отъ него верстахъ въ десяти или двѣнадцати. Каналъ Когикъ проводитъ въ городъ воду Заравшана. Заравшанъ, который у древнихъ писателей назывался Политиметусъ, по увѣренію Квинта Курція, не доходилъ въ его время до Оксуса, а пропадалъ въ подземной пещерѣ. Арріанъ объясняетъ еще точнѣе: что онъ терялся въ пескахъ. Дѣйствительно, и теперь Заравшанъ прекращаетъ свое теченіе въ озерѣ среди песковъ, которое Узбеки называютъ „денгизомъ“, то-есть моремъ. Въ лѣтнія жары вода въ Заравшанѣ убываетъ очень сильно, а кромѣ того ее разбираютъ во всѣ стороны безчисленные арыки знаменитой своимъ плодородіемъ Міанкальской долины. На долю Бухары уже остается слишкомъ мало, а иногда даже и совсѣмъ ничего. Каналъ Когикъ въ видахъ сбереженія воды открывается обыкновенно одинъ разъ въ двѣ недѣли. Жители Бухары иногда остаются безъ воды по цѣлымъ мѣсяцамъ и должны волей-неволей довольствоваться своими отвратительными и заразительными „гоузами“. При посѣщеніи Бухары Англичаниномъ Борнсомъ каналъ былъ сухъ, напримѣръ, ровно шестьдесятъ дней! Теперешніе Бухарцы жаловались намъ, что ихъ обижаютъ Русскіе, задерживая воду Заравшана въ Самаркандской области; но старые путешественники говорятъ единогласно, что задолго до русскаго владычества въ Самаркандѣ Бухара постоянно страдала отъ такого же безводія.

Мнѣ уже не въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: да почему же, наконецъ, всѣ большіе города Туркестана, какъ Бухара, Хива, Самаркандъ, Коканъ, Ташкентъ и другіе, не лежатъ на берегу сосѣднихъ къ нимъ многоводныхъ рѣкъ Аму-Дарьи, Заравшана, Сыръ-Дарьи? Только познакомившись съ опустошительными и неожиданными разливами этихъ рѣкъ, я понялъ, что многолюдныя поселенія человѣка должны были волей-неволей бѣжать подальше отъ этихъ коварныхъ, хотя и очень нужныхъ сосѣдей своихъ и получать ихъ драгоцѣнные дары не непосредственно изъ ихъ черезчуръ опаснаго ложа, а черезъ посредство цѣлой системы мирныхъ и безопасныхъ арыковъ.

Толпы, облегавшія старую мечеть Меджидіе-Диванбеги, ожидали часа молитвы; была Ураза,—магометанскій постъ, въ который ни одинъ правовѣрный не можетъ вкушать пищи до наступленія ночи; законъ этотъ соблюдается здѣсь всѣми съ непоколебимою строгостью, и правовѣрные мослемины, лишенные возможности толпиться за кухоньками своихъ домовыхъ харчевенъ, забрались на плоскія крыши сосѣднихъ домиковъ, окружавшихъ мечеть, и предавались тамъ, въ ожиданіи „Азана", то-есть призыва муэдзина (по-здѣшнему азанчи), душеспасительнымъ бесѣдамъ и размышленіямъ.

Характерныя, глубоко-восточныя и глубоко-азіатскія группы ихъ такъ и просились подъ кисть художника. Около старыхъ почитаемыхъ мечетей Бухары всегда есть какой-нибудь *календеръ-ханъ*, то-есть постоялый дворъ для дервишей, какой-нибудь *текіе*, нѣчто въ родѣ монастыря, въ келіяхъ котораго находятъ себѣ пріютъ всякіе благочестивые странники. Оттого у мечети вы всегда можете встрѣтить собраніе ученыхъ знатоковъ Ислама, предлагающихъ другъ другу разныя богословскія задачи схоластической тонкости, горячо проповѣдывающаго дервиша или какого-нибудь публичнаго чтеца, такъ-называемаго здѣсь „медду", занимающаго публику поучительными легендами.

Вотъ и теперь цѣлый кружокъ, или по-бухарски „халька", изъ бѣловласыхъ старцевъ въ зеленыхъ и бѣлыхъ тюрбанахъ, въ широчайшихъ шелковыхъ халатахъ сидитъ безмолвно на террасѣ мечети, изукрашенной цвѣтными арабесками, словно привилегированные стражи ея входа; они очевидно считаютъ недостойнымъ высокаго званія улема праздную болтовню съ сосѣдями и погруженіе въ *теваджь*, то-есть въ безмолвное созерцаніе величія Божія и пророка Его Магомета; нѣкоторые изъ нихъ до того глубоко ушли въ эти благочестивыя размышленія, что давно уже клюютъ носомъ, сладко подремывая въ духотѣ знойнаго лѣтняго дня. Но правовѣрные почитатели ученыхъ богослововъ нисколько не смущаются человѣческою слабостью своихъ духовныхъ наставниковъ. Они твердо знаютъ, что и въ дремотѣ, и въ глубокомъ снѣ святые мужи эти все равно не перестаютъ помышлять о непостижимыхъ свойствахъ Аллаха и о суетѣ земной жизни, а потому кто же посмѣетъ осуждать ихъ?

Здѣсь невольно вспомнишь, что мы въ Бухарѣ,—этомъ „Римѣ Ислама", какъ называлъ ее Вамбери, считающій въ то же время Мекку „магометанскимъ Іерусалимомъ". Въ Бухарѣ насчитыва-

лось недавно однихъ медрессе, то-есть высшихъ богословскихъ училищъ, своего рода духовныхъ академій Ислама — 366, — по одной на каждый день года. Изо всѣхъ магометанскихъ странъ Азіи и Европы, между прочимъ и изъ нашихъ русскихъ городовъ Казани, Оренбурга и т. п., молодые люди, желающіе основательно изучить ученье Ислама, стремятся въ прославленные медрессе Бухары, къ знаменитымъ здѣшнимъ учителямъ. Не только имамы и улемы Бухары—великіе знатоки мусульманскаго ученья, но и сами бухарскіе эмиры нерѣдко бываютъ завзятыми и хитроумными богословами. Религія Магомета—это своего рода общепризнанная спеціальная профессія священнаго города, которою онъ славится, которою онъ, такъ-сказать, торгуетъ. Если Бухару вообще привыкли считать столицею Средней Азіи вслѣдствіе ея былаго политическаго и экономическаго значенія, то еще съ бо́льшимъ правомъ она можетъ назваться духовною столицей всей мусульманской Азіи.

„Самаркандъ—рай вселенной, а Бухара—сила религіи и вѣры!" говоритъ одно бухарское двустишіе.

Видно, не случайно бухарскіе эмиры присвоили себѣ титулъ: *эмиръ-аль-муменинъ*, то-есть „вождь вѣрныхъ". Даже Турки Стамбула,—этого высокочтимаго здѣсь „Рума"—въ глазахъ истинныхъ ревнителей благочестія въ Бухарѣ искренно представляются еретиками своего рода, развращенными черезъ свое беззаконное общеніе съ кэфирами и гяурами, и каждый бухарскій мулла не приминетъ укорить Османлиса за то, что тотъ не носитъ короткихъ усовъ и длинной бороды „на подобіе славы всѣхъ человѣческихъ существъ, то-есть пророка Магомета".

Бухарскіе улемы—самые компетентные судьи, разрѣшители и толкователи всякаго щекотливаго вопроса магометовой вѣры, всякаго недоразумѣнія, возникающаго въ примѣненіи къ жизни безчисленныхъ правилъ шаріэта. Самое педантическое внѣшнее соблюденіе этихъ правилъ въ Бухарѣ требуется съ неумолимою строгостью, вѣрнѣе, требовалось еще очень недавно. Вмѣстѣ съ вторженіемъ въ жизнь Бухары русскаго вліянія, старый религіозный педантизмъ магометанскаго Рима значительно ослабѣлъ. Особый блюститель религіозныхъ обрядовъ, такъ-называемый „реисъ", съ кошачьимъ хвостомъ въ рукѣ, еще недавно рыскалъ, а можетъ-быть и теперь еще рыскаетъ по улицамъ Бухары, сило́мъ гоняя правовѣрныхъ къ исполненію ихъ религіозныхъ обязанностей на намазъ, на молитву въ мечеть; реисъ

въ правѣ былъ проэкзаменовать всякаго прохожаго въ правилахъ вѣры, и если находилъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ, посылалъ хотя бы сѣдовласаго старца доучиваться въ медрессе.

Борисъ самъ видѣлъ, какъ курившихъ публично табакъ и тѣхъ, кто спалъ въ часы молитвы, реисы водили по улицамъ Бухары связанныхъ и сѣкли ихъ ремнями, громко выкрикивая: „послѣдователи Ислама! созерцайте наказаніе тѣхъ, кто нарушаетъ законъ!“

Эти насильственныя требованія внѣшней религіозности обращаютъ Бухару въ очагъ лицемѣрія и ханжества и сильно омрачаютъ жизнь въ ней даже для самихъ мусульманъ. Подъ прикрытіемъ мелочныхъ обрядовъ прячется глубокая внутренняя безнравственность, точно такъ же, какъ подъ величественно-пышными халатами изъ парчи и шелка, подъ торжественно воздымающимися на главѣ высочайшими тюрбанами бѣлоснѣжной чистоты—скрывается низкая рабская душа Бухарца, полная трусливаго себялюбія и безчувственности къ ближнему... Здѣсь нѣтъ, правда, публичныхъ домовъ и отчаянныхъ кутежей въ трактирахъ, какъ это сплошь да рядомъ встрѣчается въ европейскихъ городахъ; но за то здѣсь даже дервиши до сумашествія опиваются опіумомъ, и молодые люди лучшихъ фамилій не стыдятся публично говорить о своихъ Ганимедахъ и публично содержать ихъ, не говорю уже, что кровь ближняго, самая мучительная казнь человѣка не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на лицемѣрнаго бухарскаго богослова. Это царство халатниковъ-фарисеевъ въ сущности есть царство тупаго невѣжества, непобѣдимой косности, животной чувственности и звѣрской жестокости. Нельзя поэтому скорбѣть, что оно понемногу, но основательно расшатывается черезъ свое невольное соприкосновеніе съ русскимъ духомъ, съ русскими учрежденіями. Русское владычество нужно благословлять уже за то одно, что съ наступленіемъ его закрылись позорившіе человѣчество невольничьи рынки Бухары, какъ закрылись они и въ сосѣдней Хивѣ, а позднѣе въ Мервѣ. Всего только 15 лѣтъ тому назадъ Персы и Русскіе съ цѣпями на шеѣ продавались на базарахъ священнаго города рядомъ съ лошадьми и верблюдами, и какой-нибудь особенно счастливый аламанъ Текинцевъ разомъ сбивалъ цѣну на этотъ живой товаръ совершенно такъ, какъ обильный урожай дынь или арбузовъ сбиваетъ ихъ цѣну на рынкѣ.

Мы съ женой живо почувствовали ту органическую ненависть азіатца къ Русскому и мусульманскаго фанатика къ христіанину, которою пропитаны всѣ эти бухарскіе богословы въ бѣлыхъ чалмахъ и желтыхъ халатахъ. Толпы, собравшіяся вокругъ мечети, глядѣли на насъ съ нескрываемымъ выраженіемъ вражды. Особенно ихъ возбуждало ничѣмъ не покрытое лицо моей дамы. Нечистое пребываніе насъ, невѣрныхъ собакъ, въ такомъ священномъ мѣстѣ и вдобавокъ еще въ священные часы ихъ поста,—уразы,—очевидно возмущало всѣхъ до глубины души, и только присутствіе караулъ-беги въ его оффиціальной багряницѣ, съ внушительною плетью въ рукахъ, да, можетъ-быть, еще воспоминанье о бѣлыхъ русскихъ рубахахъ, гостящихъ по сосѣдству, — сдерживало въ предѣлахъ благоразумія эту глухо рычавшую толпу, такъ недавно еще утѣшавшуюся казнями гяуровъ на площади ихъ Ригистана.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ этотъ затаенный фанатизмъ разразился противъ насъ уже совершенно явно. Я не помню теперь названія древней мечети, въ которую повелъ насъ караулъ-беги послѣ Леби-Гоуза. Не успѣли мы спокойно подняться на широкія ступени ея, собираясь уже повернуть налѣво въ темные сводистые проходы, какъ вдругъ откуда ни возьмись выскочилъ намъ навстрѣчу, будто кто выстрѣлилъ имъ въ насъ, высокій мулла въ громадномъ бѣломъ тюрбанѣ и распахнутомъ настежь полосатомъ халатѣ.

— Качъ! качъ! отчаянно замахалъ онъ на насъ, словно крыльями вѣтряной мельницы, своими костлявыми и длинными какъ у мертвеца руками.

Пѣна брызгала изъ его разсвирѣпѣвшаго червиваго рта, въ которомъ совсѣмъ не было зубовъ, и его глубоко впавшіе старческіе глаза искрились злобой, какъ у взбѣшеннаго цѣпнаго пса.

— Качъ, качъ! храбро повторялъ онъ, загораживая намъ грудью дорогу, готовый, кажется, сейчасъ вцѣпиться въ насъ своими размахавшимися костлявыми граблями.

Мы, разумѣется, отступили безъ малѣйшаго спора, нисколько не желая раздражать еще дальше мусульманскаго фанатизма; но караулъ-беги и нашъ консульскій провожатый схватились жестоко ругаться по-татарски съ бѣшенымъ муллой, какъ мы ни уговаривали ихъ мирно отрясти прахъ отъ ногъ нашихъ. Однако фанатикъ-мулла все-таки побѣдилъ, потому что и караулъ-беги и нашъ казанскій Татаринъ, украшенный медалями,

мало-по-малу покидали поле битвы и незамѣтно спускались вслѣдъ за нами съ одной ступеньки на другую, хотя и продолжали отругиваться и грозить руками смѣло напиравшему на нихъ фанатику.

Толпа. собравшаяся у мечети на эти крики, ворчала и глядѣла на насъ слишкомъ недвусмысленно, чтобъ этого не могли сообразить наши не въ мѣру усердные провожатые. Мы ретировались къ своему фаэтону и спѣшили поскорѣе усѣсться въ него. Пурпуровый караулъ-беги былъ совсѣмъ переконфуженъ неожиданно встрѣченнымъ отпоромъ и бормоталъ намъ какія-то непонятныя для насъ оправданія.

— Нѣтъ, этого ему подарить нельзя, псу старому! горячился еще болѣе его нашъ русскій всадникъ.—Этакъ ихъ повадишь, такъ они и на улицу пускать насъ не станутъ. Безпремѣнно я агенту объ этомъ доложу. Вздуютъ его, голубчика, лучше не надо. Самъ эмиръ вездѣ Русскимъ входъ свободный дозволяетъ, а эта собака брехать вздумала, законы свои заводить!.. Погоди-жь ты, старый хрычъ! заключилъ онъ, вскакивая опять на лошадь и выразительно грозя кулакомъ по адресу все еще ругавшагося на крыльцѣ муллы.

Караулъ-беги тоже привсталъ на стременахъ и съ новою бранью потрясъ въ воздухѣ свою тяжелую нагайку, обѣщая, повидимому, храброму улему что-то очень невкусное.

Фаэтонъ между тѣмъ повернулъ назадъ въ узкій переулокъ, и мы вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, ни малѣйшимъ образомъ не претендуя на рьянаго защитника мусульманской святыни.

Чтобы добраться до Ширбудуна, лѣтняго мѣстопребыванія эмиръ-эль-муменина, нужно проѣхать изъ конца въ конецъ всю необъятную Бухару. Ширбудунъ уже не въ городѣ, а въ трехъ верстахъ отъ него. Нужны были особыя сношенія нашего дипломатическаго агента съ тѣми, кому это вѣдать надлежитъ, чтобы получить дозволеніе на осмотръ дворца. Опять тѣ же нескончаемыя улицы слѣпыхъ домовъ и глиняныхъ дуваловъ, похожихъ другъ на друга, какъ ржаныя копны на десятинѣ, опять тѣ же мечети съ глиняными фонариками и точеными колонками, тѣ же стоячіе прудки подъ тѣнью шелковицъ, тѣ же шумные и пестрые базары съ своими верблюдами, ослами, арбами, чалмами и халатами.

Проѣхали мы и нѣсколькими бухарскими кладбищами. Они помѣщаются и въ предмѣстіяхъ и въ серединѣ города, всегда около какой-нибудь мечети.

Бухарское кладбище то же, что и туркменское; ничего похожаго на живописныя и поэтическія кладбища стамбульскихъ Турокъ: эти тѣнистыя прогулки въ чащахъ кипарисовъ, полныя благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойниковъ, населенныя будто мраморными статуями, стоячими камнями въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и шапочкахъ.

Бухарское кладбище — непроходимый хаосъ давящихъ другъ друга, другъ на друга насѣвшихъ, горбатыхъ могильныхъ насыпей, обложенныхъ кирпичемъ и грубо смазанныхъ сѣрою глиной. Издали эти могилы кажутся частыми рядами круглыхъ грядокъ, которыми глубоко вскопана глинистая почва. Могилы эти обыкновенно помѣщаются на большомъ четырехугольномъ холмѣ, очевидно насыпанномъ руками людей. Такіе холмы встрѣчались намъ и при въѣздѣ въ городъ, и внутри его. Такіе же холмы видѣли мы прежде въ Туркменіи почти около каждаго аула. Среди неказистыхъ горбатыхъ насыпей поднимаются однако изрѣдка маленькія часовенки характерной магометанской архитектуры, увѣнчанныя двумя-тремя шестами съ привѣшанными къ нимъ бѣлыми тряпками и конскимъ хвостомъ. Это—гробницы шейховъ, святыхъ мужей Ислама, такъ-называемыя здѣсь „*мазарà*".

Снаружи Ширбудунъ тоже немножко смотритъ укрѣпленнымъ зáмкомъ и тюремнымъ острогомъ. Сразу видно, что никакого наивнаго довѣрія между грознымъ владыкой и его вѣрноподданными тутъ не полагается, и что онъ чувствуетъ себя въ безопасности только за крѣпко-окованными воротами на замкѣ, охраняемыми хорошо вооруженною стражей. Но стòитъ только переступить за ворота дворца, какъ картина вдругъ разомъ перемѣняется. Веселая и яркая пестрота красокъ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Дворики, окруженные зданіями дворцовъ и широкими крытыми галлереями ихъ, просто смѣются на солнышкѣ. Каждый фасадъ, каждый входъ внутрь дворца—затѣйливая плетеница самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ узоровъ; по ярко-зеленому, по ярко-голубому, по ярко-красному фону расписаны свѣтлыми красками хотя грубоватыя, но за то характерныя ара-

бески; бѣлыя узорчатыя колонки изъ гипса эффектно вырѣзаются своими выпуклыми формами на этомъ разноцвѣтномъ полѣ. Тѣнистые сады дышутъ тихою прохладой и нѣжнымъ ароматомъ среди многочисленныхъ двориковъ Ширбудуна. Въ одномъ изъ дворовъ широкая рѣшетчатая галлерея, вся завѣшанная сверху тяжелыми гроздьями еще непоспѣвшаго винограда. Дворецъ вообще довольно простъ, и вся роскошь его сосредоточивается на отдѣлкѣ фасадовъ и входовъ. Внутри богато отдѣланы только нѣсколько комнатъ, такъ-сказать, оффиціальныхъ. Остальныя самыя обыкновенныя и нисколько не типичныя. Впрочемъ, когда эмиръ не живетъ здѣсь, мебель и вещи, украшающія комнаты, убираются въ кладовыя, такъ что мы видимъ теперь дворецъ въ его, такъ-сказать, ободранномъ видѣ. Даже ковры, и тѣ постланы далеко не вездѣ, а большею частью сложены другъ на другѣ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ. Но все-таки довольно ихъ еще и лежитъ на полу и виситъ на стѣнахъ. Ковры эти— верхъ красоты и баснословныхъ цѣнъ. Такого рѣдкаго собранія ковровъ не часто встрѣтишь даже и въ Азіи,—этой классической странѣ ковровъ. Одинаково изумительна и ихъ громадность, и тонкое изящество ихъ восточнаго рисунка и чарующая гармонія ихъ тоновъ. Особенно хороши ковры, вытканные по бѣлому фону тончайшимъ узоромъ самыхъ нѣжныхъ красокъ.

Но ковры здѣсь не только на полу и диванахъ, не только тканыя изъ шерсти. Всѣ стѣны и потолки дворца, всѣ его фасады и входы, — въ сущности тѣ же персидскіе, бухарскіе, текинскіе и индѣйскіе ковры своего рода.

Тѣ же фантастическія арабески узоровъ, та же мягкая радующая глазъ пестрота колера. Только ковры эти — мастерская алебастровая штукатурка, дивно вылѣпленная, дивно раскрашенная. Потолки—это главная красота и главная роскошь восточныхъ дворцовъ и храмовъ. Ни одинъ потолокъ не похожъ здѣсь на другой. Каждый вылѣпленъ по-своему, нигдѣ ровной поверхности, вездѣ какія-нибудь глазатыя круглыя ячейки, альковчики, ступеньчатые сводики, переплеты, рѣшеточки, и все это словно выстлано въ глубинѣ драгоцѣнною кашмировою шалью или сквозитъ зеркальными стеклами.

Въ стѣнахъ—ниши и шкапчики на каждомъ шагу и на всякой высотѣ. Это характерная особенность восточной комнаты, замѣняющая излишнюю меблировку. Иные шкапчики, гипсовые въ мелкихъ полочкахъ, раздѣлены на уютные ящички. Тамъ ставится

разная посуда и дорогія бездѣлушки. А иногда и эти ниши, и шкапчики и сами стѣны изъ сверкающихъ изразцовъ расписанны въ обычномъ пестромъ вкусѣ Востока.

Гипсовые переплеты оконъ тоже затѣйливаго узора. Даже зеркала, обильно украшающія стѣны и большею частью вставленныя въ зеркальныя же рамы, раздѣланы сверху стекла гипсовыми фигурами. Одна зала кругомъ зеркальная, и вы чувствуете себя, войдя въ нее, будто внутри какого-то огромнаго граненнаго кристалла. Самая парадная и самая обширная комната дворца—это тронная зала, въ которой эмиръ принимаетъ посольства и собираетъ совѣтъ; она ярко расписана красками по стѣнамъ и потолку и украшена богатыми коврами. Тронъ эмира— тяжелое рѣзное кресло съ тончайшею мѣдною инкрустаціей. Есть во дворцѣ и другія характерно разукрашенныя комнаты: столовая эмира, спальни, дѣтскія. Въ дѣтской цѣлый огромный столъ заваленъ кучами игрушекъ, очевидно, европейской фабрикаціи, и въ стѣнахъ подъ-рядъ все крошечные шкапчики съ полками.

Но какъ ни оригинальна и ни миловидна внутренняя отдѣлка эмирова дворца, все-таки далеко ей до настоящей восточной роскоши и настоящаго восточнаго изящества каирскихъ и стамбульскихъ дворцовъ. Все-таки сейчасъ чувствуется, что это не обиталище какого-нибудь халифа или султана богатой и сильной страны, а жилище полукочеваго хана, вождя грубыхъ халатниковъ и такого же халатника какъ они, чуждаго утонченнымъ вкусамъ Араба...

Мы добросовѣстно обѣгали всѣ амфилады пустыхъ комнатъ, облазали всѣ мезонины и чердачки, всѣ террассы и галлереи дворцовыхъ флигелей. Толпа праздныхъ слугъ всюду провожала насъ. Водившій насъ смотритель дворца, почтенный сѣдой бородачъ, то и дѣло кланялся намъ, прикладывая руку къ сердцу, и, разставаясь съ нами, извинялся въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, что перваначи-беги (нѣчто въ родѣ министра Иностранныхъ Дѣлъ), не предупрежденный заранѣе о нашемъ пріѣздѣ, не могъ распорядиться объ угощеніи насъ обычнымъ дастарханомъ. Пришлось одарить русскими рублями не только дворцовыхъ слугъ, но и дворцовое начальство, которое, несмотря на сановитость свою, съ большимъ почтеніемъ и удовольствіемъ приняло нашъ скромный даръ.

На дворѣ мы увидѣли солдатъ эмира, одѣтыхъ въ русскую форму и продѣлывавшихъ по-русски свои воинные пріемы. Мы

не могли удержаться отъ смѣха, увидѣвъ среди площадки двора эти потѣшныя каррикатуры на русское войско. Ихъ обезьяньи рожи въ оборванныхъ курткахъ русскаго покроя, въ спадающихъ съ нихъ измазанныхъ грязью рейтузахъ, смотрѣли чѣмъ-то такимъ неопрятнымъ, жалкимъ и гадкимъ, что трудно было угадать въ нихъ тѣхъ самыхъ молодцовъ-Бухарцевъ, какихъ мы только что видѣли на базарахъ и улицахъ ихъ роднаго города, въ родныхъ имъ яркихъ чалмахъ и пестрыхъ халатахъ.

Русское правительство находитъ болѣе удобнымъ для себя сохранять власть бухарскаго эмира надъ его старымъ ханствомъ. Это выходитъ дешевле и проще. Конечно, при этомъ порядкѣ не нужно много войска, не нужно огромныхъ расходовъ на судъ, полицію, тюрьмы, пути сообщенія... Здѣсь все ведется по старому,—и правосудіе и администрація. Ничего сложнаго, никакихъ дорогихъ окладовъ и бюджетовъ. Халатникамъ такой порядокъ, пожалуй, больше по плечу, чѣмъ стѣснительная для нихъ канцелярщина и невѣдомыя статьи чуждаго закона. Религіозно-житейскія предписанія шаріата для нихъ священны, понятны и привычны Но одно въ ихъ жизни ужасно,—это рабская зависимость каждаго Бухарца, простаго поденщика такъ же точно, какъ перваго сановника, отъ произвола своего эмира Онъ безусловно владыка надъ ихъ имуществомъ, ихъ дѣтьми, ихъ головой.

Улемы и имамы, толкующіе по Корану обязанности государя, разумѣется, имѣютъ большое вліяніе на своего эмира и въ сущности сильно ограничиваютъ его произволъ. Но эта гарантія правъ слишкомъ шаткая и далеко не всякому доступная. Во время пребыванія въ Бухарѣ нашего извѣстнаго путешественника Миддендорфа бухарскій эмиръ, напримѣръ, безъ всякой церемоніи отобралъ отъ всѣхъ своихъ высшихъ придворныхъ чиновъ подарки, которые имъ прислалъ Русскій Императоръ, а за нѣсколько времени предъ этимъ старшій сынъ эмира приказалъ ни за что, ни про что зарѣзать нѣсколькихъ богатыхъ мѣнялъ, иначе сказать, банкировъ Бухары, и ограбилъ ихъ лавки. Оттого богатые люди все-таки стараются здѣсь скрывать свое богатство, чтобы не возбудить жадности эмира, а это, конечно, невыгодно отражается на мѣстной торговлѣ и промышленности. Взяточничество здѣсь развито до невозможной степени, и самъ эмиръ раздаетъ своимъ любимцамъ въ кормленіе должности и провинціи. Деньги тутъ дѣлаютъ рѣшительно все. Но обирая

безцеремонно свой народъ и собственными руками и руками своихъ чиновниковъ и хладнокровно проливая безъ малѣйшей жалости кровь людей, владыки Бухары вынуждены постоянно жить въ какомъ-то осадномъ положеніи, въ вѣчномъ недовѣріи и страхѣ даже по отношенію къ ближнимъ имъ людямъ. Вѣроломство и жестокосердіе, исторически укоренившіяся въ обычаяхъ Бухарцевъ, обращаютъ обыкновенно каждое новое царствованіе въ кровавую баню своего рода, гдѣ явно или тайно, желѣзомъ, ядомъ, или веревкой, новый повелитель старается прежде всего отдѣлаться навсегда отъ опасныхъ ему родственниковъ и друзей прежняго владыки, хотя бы они были ближайшіе родственники ему самому. Еще недавно доходило до того, что при выѣздѣ эмировъ изъ Бухары даже сыновья ихъ обязывались уѣзжать изъ города, въ предупрежденіе заговоровъ и возстаній. Въ своихъ расписныхъ дворцахъ эмиры обыкновенно живутъ какъ въ тюрьмѣ, не смѣя свободно съѣсть кусокъ хлѣба и выпить стаканъ воды. Кушъ-беги,—ихъ правая рука, ихъ великій визирь, единственное лицо, которому они волей-неволей должны довѣриться,—обязанъ прежде самъ испробовать всякое кушанье, которое готовится эмиру, закрыть его послѣ того крышкой, замкнуть крышку на ключъ и запечатать собственною печатью. Только съ такими предосторожностями кушанье можетъ быть подано эмиру. Исключительное довѣріе, которымъ пользуется у эмира кушъ-беги, дѣлаетъ его почти безконтрольнымъ правителемъ всей страны. Всѣ выгодныя и важныя должности обыкновенно раздаются его родственникамъ и друзьямъ; въ рукахъ кушъ-беги сосредочивается главное распоряженіе пошлинами и сборами всякаго рода, обогащающее его и его близкихъ на глазахъ всѣхъ. Бѣднымъ же людямъ живется при этихъ порядкахъ не особенно удобно. Хотя Бухарецъ и хвастается, что „будь ему долженъ самъ эмиръ,—казій присудитъ ему взыскать долгъ и съ самого эмира“, однако эта прямота и правдивость судей больше остаются въ разсказахъ о золотомъ старомъ времени, чѣмъ въ живой дѣйствительности. На богатаго и знатнаго тутъ не найдешь суда. Въ то же время трудовой классъ обложенъ далеко не пустыми поборами. Большая часть земель принадлежитъ эмиру, и бадаулетъ взыскиваетъ обыкновенно съ своихъ фермеровъ около половины жатвы. Даже и собственники земли должны платить немало: десятую часть дохода въ видѣ десятины (зикатъ) и потомъ еще налогъ на бѣдныхъ (ухръ) и разные другіе.

Впрочемъ я говорю все это о недавнемъ времени, пока Россія не стала вмѣшиваться во многіе внутренніе распорядки ханства и понемножку отучать бухарское правительство, по крайней мѣрѣ, отъ самыхъ возмутительныхъ его обычаевъ.

Бухарскій народъ не только находится въ рабской зависимости отъ своего хана, но и рабски выражаетъ ему свою почтительность. При появленіи эмира на улицѣ, движеніе толпы разомъ прекращается; всадники соскакиваютъ съ лошадей, арбакеши съ своихъ арбъ, прохожіе останавливаются какъ вкопанные на улицѣ и вытягиваются рядами; при приближеніи владыки всѣ эти ряды людей почтительно преклоняютъ предъ нимъ свои главы, иные даже падаютъ ницъ, сознавая свое недостоинство лицезрѣть нечестивыми очами свѣтлый образъ эмира-эль-муменина.

Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться, зная все это, добровольному ослѣпленію Англичанъ которые изъ закоренѣлой ненависти къ Россіи готовы видѣть даже въ грубомъ деспотизмѣ потомковъ Чингиса идеальное правительство своего рода. Борнсъ, въ своей извѣстной книгѣ, упомянутой мной раньше, высказываетъ, напримѣръ, о Бухарѣ такія наивныя сужденія: „во всей Азіи нѣтъ края, въ которомъ бы всѣ классы населенія были такъ покровительствуемы во всемъ. Не-мусульмане должны только соблюдать небольшое число предписанныхъ обычаевъ, чтобы быть во всемъ остальномъ на одномъ уровнѣ съ правовѣрными. Кодексъ законовъ кровожаденъ, но тѣмъ не менѣе не справедливъ“.

„Вообще, увѣряетъ Борнсъ, народъ здѣсь счастливъ, край цвѣтущъ, торговля процвѣтаетъ, собственность ограждена.“

Сейчасъ видно, что это говоритъ наблюдатель, которому не позволялось днемъ показываться на улицѣ, котораго не пускали въ двери магометанскихъ домовъ и отнимали чернила, чтобъ онъ не могъ записывать то, что̀ видѣлъ. Но какъ мало похожи эти легкомысленные выводы бѣглаго и пристрастнаго англійскаго туриста на все то, что̀ намъ разсказываютъ о Бухарѣ наши знатоки Востока, по-долгу жившіе въ ней, въ корнѣ изучившіе ее, и даже—на то, что̀ успѣли видѣть въ „благородной Бухарѣ“ сами мы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Марковъ.

ХУДОЖНИКЪ БЕЗПАЛОВЪ

и

НОТАРІУСЪ ПОДЛЕЩИКОВЪ.

КОМИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

V.

Сумерки.

Люблю я дружескія враки
И дружескій стаканъ вина
Порою той, что названа
Порой межь волка и собаки.

А. Пушкинъ.

Надо сказать, что въ то время, какъ всѣ были увлечены портретомъ, въ передней раздался никѣмъ незамѣченный звонокъ. Слѣдомъ, какъ разъ въ то время, когда зашла рѣчь о томъ, для кого именно предназначается портретъ, въ комнату довольно грузно ввалился красивый, черный какъ уголь, брюнетъ. Замѣтивъ большое общество, онъ мигомъ оправился и сталъ безшумно, на цыпочкахъ, пробираться къ портрету, что̀ и совершилъ благополучно, благодаря замшевымъ ботинкамъ и тому, что отъ набѣжавшихъ тучекъ въ комнатѣ потемнѣло. Всѣ были такъ заняты вызовомъ на пѣтушиный бой, гдѣ герольдомъ явилась Лиза, что и не замѣтили брюнета. Онъ помѣстился среди всѣхъ и теперь вдругъ заговорилъ.

— Важно намалевано! возгласилъ онъ.—Кто это?

Кто-то назвалъ Безпалова.

— Безпаловъ? Молодчина! Талантище!.. Не бойся, цѣлуй меня! Я—Макрушинъ.

Макрушинъ былъ даровитый критикъ-фельетонистъ. Вслѣдъ за словами, онъ привлекъ Андрея Николаевича въ свои объятія и съ видимымъ удовольствіемъ поцѣловалъ его своими сочными и пухлыми губами.

— Молодчина! Прославлю! И тебя, Воробышка, также, при семъ удобномъ случаѣ. Ручку! добавилъ онъ и властно поцѣловалъ у хозяйки руку.

Хотьминская, протягивая ему руку, другою широко отвела въ сторону, и взглянула на графа, какъ бы желая сказать „Voilà des inconvenients de la vie d'artists". Такъ, по крайности, перевелъ ея жестъ Ворворищевъ; онъ немедленно освѣдомился у стоявшей подлѣ него Лизы, что̀ это за господинъ, и узнавъ, что передъ нимъ нашъ извѣстный критикъ, вполнѣ успокоился.

Шурочка сунулась было здороваться съ Макрушинымъ, но тотъ осадилъ ее.

— Постой, Шурка, не мѣшай!.. У меня тутъ кой-что есть, сказалъ онъ, пощелкивая пальцами по значительно порѣдѣвшему взлобью.—Я нынче въ просвѣтлѣніи, или, какъ пишетъ Достоевскій, у меня проникновенный взглядъ... Чудное это слово: проникновенный!.. А?.. Я ему слово скажу. И Макрушинъ указалъ на Безпалова.—Постой, постой, сейчасъ. Макрушинъ сталъ предъ мольбертомъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону на разставленныхъ ногахъ, и при внимательномъ молчаніи другихъ, ждавшихъ проникновеннаго критическаго слова, довольно долго смотрѣлъ на портретъ.—А у тебя тутъ, Макрушинъ поводилъ пальцами передъ лбомъ,—а у тебя тутъ кой-что вертѣлось, когда ты писалъ. Стой, стой, сейчасъ скажу. Вотъ что̀ ты думалъ: „хороша, молъ, бестія!" или нѣтъ: „хороша, молъ, штучка, а не мѣшало бы эту штучку"...

— Макрушинъ, да вы пьяны! вскрикнула Фанни Юрьевна, изображая изумленіе всѣми ей извѣстными способами, какъ-то раскрытіемъ рта, неподвижностью глазъ, всплескиваніемъ рукъ, и, наконецъ, шарахнулась назадъ послѣ мгновеннаго остолбенѣнія.

— Ну, теперь и здороваться можно! объявилъ Макрушинъ.—Ну, Шурка...

Обрадованная Александра Петровна только что не бросилась къ нему, но Макрушинъ, вдругъ замѣтивъ Шелехову, обратился къ той вторично, отстранивъ Шурочку:

— Э, да и Глаша здѣсь! воскликнулъ онъ и шлепнулъ блондинку по спинѣ.

— Ахъ, дьяволъ! привѣтствовала его блондинка,—да онъ въ самомъ дѣлѣ нализался.

— Ничего не нализался. А такъ, малость отъ заморскаго винца вкусили. А ты, Воробышка, не сердись. Это что я сказалъ, тебѣ же на пользу. Ну, ну, помиримся, дай ручку поцѣловать. Да не тутъ, не тутъ, а повыше; ты вѣдь знаешь, я люблю у тебя подъ пульсикомъ руку цѣловать.

Всѣмъ стало неловко, и всѣ зашевелились, какъ бы сбираясь расходиться.

— Э! да вы, кажись, по домамъ? вскричалъ Макрушинъ.—А я куда жь? недоумѣнно добавилъ онъ.

— И ты шелъ бы домой да легъ баиньки, посовѣтовала Глафира Александрова.

— Гм... А ты меня, Глаша, съ собой не прихватишь?

— Охъ, прихватила бы, да не домой ѣду, съ комическимъ сокрушеніемъ отвѣчала она.

— Гм...

Макрушинъ раза два качнулся туловищемъ взадъ и впередъ и обвелъ всѣхъ безучастно-пьяными глазами.

— Стой! какъ бы опомнясь, закричалъ онъ,—а Шурка гдѣ жь? Александры Петровны въ комнатѣ не оказалось.

— То-то вотъ гдѣ! сказала Глафира Александровна.—Она съ тобой два раза поздороваться лѣзла, а ты какъ ее оборвалъ? Она, бѣдная, даже заплакала.

— Врешь!.. чтобъ я да ее... развѣ нечаянно... Да гдѣ жь она?

— Убѣжала; боялась, что съ ней истерика сдѣлается.

— Ахъ, Господи!..

— То-то Господи! Ты лучше бы извинился предъ ней... Бѣги, она еще съ лѣстницы не сошла.

Макрушинъ съ мигъ простоялъ въ недоумѣніи, потомъ что-то сообразивъ, бросился, ни съ кѣмъ не простясь, въ переднюю.

— Даша, скомандовала Глафира Александровна горничной Фанни Юрьевны, — скорѣй вынеси ему на лѣстницу пальто и шапку, а то, чего добраго, онъ простоволосый за ней побѣжитъ.— И обратясь къ графу, добавила:—Лихой на бабъ мужчина. Не вашему сіятельству чета.

Въ эту минуту изъ спальни Фанни Юрьевны вышла Шурочка.

— Шурочка! да ты здѣсь? вокликнула хозяйка, готовая вновь

всѣми извѣстными ей способами выразить крайній предѣлъ изумленія.

— Гдѣ жь мнѣ быть? обидчиво спросила Александра Петровна.

— Гдѣ жь ты скрывалась?

— Ахъ, Господи!.. ворчливо отвѣчала Шурочка, и слѣдомъ спѣшно прибавила:—я просто платье краской выпачкала и побѣжала оттереть бензиномъ. Вотъ хоть понюхай.

— Ну, Глаша, спасибо! Какъ ты его ловко выпроводила! съ искреннимъ восхищеніемъ сказала Фанни Юрьевна и горячо поцѣловала подругу.—Вы и не повѣрите, графъ, прибавила она, робко опустивъ глаза,—какъ я, мало, не люблю, но просто боюсь пьяныхъ...

— Одначе и въ самомъ дѣлѣ пора по домамъ, объявила Глафира Александровна.—Что жь, графъ, смѣю я надѣяться видѣть ваше сіятельство у себя?

Графъ изъявилъ готовность явиться по ея первому требованію. Она назначила ему день и часъ.

— Только, пожалуста, не по сегодняшнему. И помните, что мнѣ надо о многомъ, объ *очень многомъ* поговорить съ вами. Надѣюсь, вы догадываетесь о чемъ? лукаво добавила она и, не давъ ему времени открыть ротъ, обратилась къ Безпалову съ просьбой придти къ ней обѣдать въ такой-то день и часъ.— Обѣщаете?..

— Только вы, пожалуста, будьте дома, отвѣчалъ художникъ.— А то ѣсть простывшій обѣдъ и вдобавокъ въ компаніи...

— А! не забылъ еще? съ хохотомъ перебила его блондинка.— Батюшки! да какой снѣгъ повалилъ. Вы, графъ, въ каретѣ?

Графъ былъ въ отчаяніи, что понадѣясь на хорошую погоду онъ выѣхалъ сегодня въ саняхъ, но изъявилъ готовность сопровождать Глафиру Александровну.

— Нѣтъ, безъ крышки больно зазорно будетъ! со смѣхомъ отвѣчала блондинка, и была такова.

Безпаловъ и Подлещиковъ вышли вмѣстѣ. Иванъ Ѳеогностовичъ освѣдомился, свободенъ ли нынче Андрей Николаевичъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пригласилъ его закусить въ трактиръ.

— Ты какъ-то звалъ меня, добавилъ онъ,—и я обѣщалъ да вышло нельзя, а сегодня у меня къ тебѣ кстати и дѣло есть.

Андрей Николаевичъ не заставилъ повторять приглашенія. Вскорѣ они обогнали Макрушина.

— Эй, мусьяки, стойте! закричалъ онъ.—Безпаловъ! ты куда?

Андрей Николаевичъ, по наущенію пріятеля, отвѣчалъ, что ѣдетъ по дѣлу.

— Ну, и ступай туда, куда Мефистофель посылалъ Фауста! презрительно отвѣчалъ Макрушинъ.

Пріятели отправились къ Тѣстову. Войдя въ трактиръ, Иванъ Ѳеогностовичъ тщательно изслѣдовалъ всѣ комнаты, ища мѣстечка поукромнѣе; изъ чего Андрей Николаевичъ заключилъ, что бесѣда будетъ имѣть довольно интимный характеръ. Когда былъ заказанъ не то поздній завтракъ, не то ранній обѣдъ и друзья опрокинули рюмочки по три, солидно закусивъ икрой и семгой, Подлещиковъ, предварительно помявшись, завелъ рѣчь:

— Да, Андрей Николаевичъ; не забыть бы о дѣлѣ, озабоченно сказалъ онъ.—Сдѣлай милость, дружокъ, этотъ графчикъ станетъ навѣрно торговать у тебя портретъ...

— Ты думаешь? вставилъ Безпаловъ.

— Такъ, пожалуста, съ прежнею озабоченностью продолжалъ Иванъ Ѳеогностовичъ,—не отдавай ему, а оставь за мной. Чтобъ онъ ни давалъ, я прибавлю сто, даже двѣсти рублей.

У Андрея Николаевича засвѣтились глаза, но не отъ корыстолюбія: онъ ждалъ дружескаго признанія.

— Что̀ жь, обѣщаешь?

— Помилуй, да я бы безъ всякой надбавки...

— Нѣтъ, тебѣ своего терять нечего; притомъ, онъ могъ спросить тебя врасплохъ, и ты — я тебя знаю — навѣрно бы сконфузился и продешевилъ, а это такая работа!..

— Да съ чего тебѣ такъ загорѣлось имѣть именно этотъ портретъ, а не другую мою работу?

— Ахъ, Господи мой Боже!.. Какъ бы объяснить тебѣ? Дѣло, видишь ли, довольно сложное. Отчасти дѣло самолюбія даже. Ну, словомъ, я не хочу уступать его Ворворищеву, и не уступлю.

— Вотъ на!

— Тебѣ, можетъ-быть, это кажется страннымъ, но... я просто терпѣть его не могу.

— Да ты, кажется, его совсѣмъ не знаешь.

— Ахъ, Господи мой Боже!.. впрочемъ, ты, пожалуй, и правъ; я дѣйствительно его почти не знаю; но, видишь, у меня ко всѣмъ этимъ франтикамъ какое-то природное отвращеніе... какъ бы сказать?.. идіосинкразія, что ли... Богъ знаетъ съ чего, они насъ и за людей не считаютъ, воображаютъ, что имъ не ровни, ни

соперниковъ нѣтъ; что всѣ обязаны имъ оказывать, какъ говорить Хлестаковъ, уваженіе и преданность, преданность и уваженіе, наконецъ, что сами они все знаютъ, все могутъ, на все способны. А въ сущности всѣ они порядочные невѣжды; у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ хорошаго выговора, да и учатъ-то ихъ, собственно говоря, однимъ выговорамъ...

— Какъ выговорамъ?

— Ну, понимаешь, самому парижскому, самому лондонскому и ужъ не знаю какому еще, а что они станутъ болтать своимъ хорошимъ выговоромъ, о томъ никто не заботится, а они сами, конечно, того менѣе. Что̀ жь получается въ результатѣ? Нахальство, одно нахальство; нахальство всегда и всюду; нахальство самое безобразное, самое возмутительное, самое оскорбительное. Ты, можетъ-быть, и не замѣтилъ, какъ онъ взглянулъ на меня, когда зашла рѣчь, кому будетъ принадлежать портретъ. Ну, и согласись, что оборвать при случаѣ такого франтика дѣло весьма и весьма пріятное...

По оживленію и ѣдкости, съ какими говорилъ Иванъ Ѳеогностовичъ, Безпаловъ заключилъ, что пріятель не на шутку врѣзался въ Хотьминскую.

— Послушай, однако, сказалъ онъ, не безъ задней мысли еще подзадорить пріятеля и хоть тѣмъ заставить его высказаться откровеннѣе.—Послушай, а что мнѣ дѣлать, если графъ тоже войдетъ въ азартъ и предложитъ такую сумму, что просто брать будетъ совѣстно, особенно съ тебя...

— Гм. Не думаю, пренебрежительно отвѣчалъ Подлещиковъ.

— Однако?..

Подлещиковъ чуть было не бухнулъ, что никакой „такой“ суммы предложено не будетъ, потому де, что графъ промотался насквозь, но, вспомнивъ, что свѣдѣнія о томъ получены имъ особымъ путемъ и составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ его профессіональную тайну, воздержался.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, — чѣмъ чортъ не шутитъ. Во всякомъ случаѣ я отъ своего слова не отступаюсь и не отступлюсь.

— Чудишь ты что-то, Иванъ Ѳеогностычъ, право! Ну, скажи самъ, что ты станешь дѣлать съ портретомъ? Повѣсишь его, что ли, у себя въ комнатѣ на память о графѣ? И кто его у тебя увидитъ! Дѣловыя свиданія, насколько я знаю, ты назначаешь

въ конторѣ, въ клубѣ, въ трактирѣ, а друзей, кромѣ меня, у тебя, кажется, не много.

Иванъ Ѳеогностовичъ, повидимому, не ожидалъ такихъ возраженій, а потому отвѣчалъ не сразу и въ замедленномъ темпѣ.

— Разумѣется, спрятать такое произведеніе, такъ-сказать, подъ спудъ, сказалъ онъ, — было бы обидой и для тебя и для всего общества. Нѣтъ, я помѣщу его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его будутъ видѣть очень и очень многіе.

Андрей Николаевичъ вопросительно взглянулъ на пріятеля.

— Что жь ты въ музей его, что ли, пожертвуешь? уяснилъ онъ словами свой взглядъ.

— Конечно, это было бы прекрасно, попрежнему отвѣчалъ Иванъ Ѳеогностовичъ,—но этимъ не достигалась бы моя ближайшая цѣль, а потому я полагаю, что благоразумнѣе всего послѣдовать совѣту Елизаветы Ѳедоровны.

— То-есть?

— То-есть, подарить портретъ Фанни Юрьевнѣ. Тогда для графа щелчокъ будетъ чувствительнѣе, и онъ уже, надѣюсь, и носа своего туда не покажетъ.

Андрей Николаевичъ хотѣлъ было спросить пріятеля, чѣмъ собственно ему мѣшаетъ графскій носъ, но вмѣсто того какъ-то нечаянно высказалъ совсѣмъ иное.

— Притомъ всегда пріятно угодить хорошенькой женщинѣ, замѣтилъ онъ.

— Съ этимъ не согласится развѣ отчаянный мезогинъ, съ загадочною улыбкой отвѣчалъ Подлещиковъ и принялся усердно разливать селянку.

Пріятели просидѣли въ трактирѣ довольно долго, но характеръ ихъ бесѣды былъ все тотъ же; то-есть, думали-то они оба все объ одномъ и томъ же: о той хорошенькой штучкѣ, о которой столь откровенно выразился Макрушинъ, но прямаго разговора о ней избѣгали. Андрей Николаевичъ и задиралъ и подзадоривалъ пріятеля, но остерегался непосредственно коснуться до чувствительнаго мѣста; Иванъ Ѳеогностовичъ именно въ то мгновеніе, когда требовалась откровенность, незамѣтно ускользалъ въ сторону, прибѣгая къ слишкомъ общимъ выраженіямъ, которыя можно было толковать и вправо и влѣво. Благодаря такой осторожности относительно одного пункта, они о другихъ вещахъ высказывались съ большею, чѣмъ въ иное время, неосмотрительностью и при этомъ порой, хотя и невзначай, но

довольно жестко задѣвали другъ друга противъ шерстки. Притомъ обѣдали они, разумѣется, не въ сухую, и вино оказывало свое возбуждающее дѣйствіе, усугубляя жесткость ненарочныхъ задѣваній.

— Съ чего тебѣ вздумалось написать портретъ именно съ Фанни Юрьевны?

Художникъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— А тебѣ при этомъ не приходили въ голову соображенія насчетъ особенностей красоты или типичности лица?

— Откровенно говоря, нѣтъ. Правда, мнѣ хотѣлось, чтобъ личико было хорошенькое и личность извѣстная; но вотъ и все. Я также охотно бы написалъ Шелехову, еслибъ Лидія вспомнила о ней ..

— Я не спорю, Глафира Александровна женщина красивая, но въ ней есть что-то грубое, фламандское, что ли...

— Конечно, она халда порядочная, отвѣчалъ художникъ,—и красота у нея не изъ нѣжныхъ, а „опорная", какъ выражается Мей, но только, милый мой другъ Иванъ Ѳеогностовичъ, красота, въ какомъ бы родѣ она ни была, все красота...

— Согласенъ; но въ Фанни Юрьевнѣ больше поэзіи.

Андрей Николаевичъ даже вздрогнулъ при этихъ словахъ, подумавъ, что далеко же зашелъ его другъ, если смогъ въ Хотьминской найти поэзію.

— Поэзіи? переспросилъ онъ.

Иванъ Ѳеогностовичъ ничего не отвѣчалъ и сталъ подчивать пріятеля какимъ-то соусомъ.

— А я вѣдь не чаялъ встрѣтить тебя у Хотьминской, сказалъ Андрей Николаевичъ.

— Будто? Развѣ ты не зналъ, что я съ ней знакомъ? Мнѣ помнится, будто я встрѣчался у нея съ Лидіей Антоновной.

— Можетъ-быть, Лидія мнѣ и говорила, беззаботно отвѣчалъ художникъ,—но вѣдь ты могъ быть у Хотьминской и по дѣлу. И давно ты знакомъ съ ней?

— Съ конца августа или начала сентября, хорошенько не помню.

„А теперь ужь январь въ половинѣ: каковъ тихоня!" подумалъ Андрей Николаевичъ, и вслухъ:—Ты, кажется, къ ней благоволишь?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Ну, любишь смотрѣть ея игру, цѣнишь ея талантъ, находишь ее поэтическою, подносишь букеты.

— Отвѣчу твоими же словами: угодить хорошенькой женщинѣ всегда пріятно, сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ и, повременивъ, прибавилъ:—А хорошенькой актрисѣ и подавно.

— Почему же именно актрисѣ?

— Мнѣ кажется это не трудно анализировать: актриса всегда окружена поклонниками, которые на перебой стремятся ей угодить, а потому заслужить ея благосклонную улыбку труднѣй, чѣмъ отъ всякой другой женщины.

— А мнѣ кажется, что актрисы ради своего успѣха такъ привыкли задобривать всѣхъ и до того расточають свои благосклонныя улыбки, что врядъ ли онѣ хоть на грошъ дороже пареной рѣпы.

— Повидимому, ты будто и правъ, сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ съ особою нѣжностью и усладой, внушенными, конечно, не словами пріятеля, а кое-какими воспоминаніями въ родѣ сегодняшняго легкаго, но теплаго пожатія руки,—но только. повидимому. Ты забываешь, вопервыхъ, о трудности угодить тѣмъ, кто привыкъ къ услугамъ, а вовторыхъ, милый мой Андрей Николаевичъ, улыбка улыбкѣ рознь. Il y a fagot et fagot, какъ говорятъ Французы. Актрисы улыбаются часто,—правда, но на большинство ихъ улыбокъ никто не обращаетъ вниманія и никто ни во что ихъ не ставитъ; за то порой она улыбнется такъ, что всѣ о томъ заговорятъ и тотъ, кому это выпадетъ на долю, можетъ считать себя польщеннымъ и счастливымъ: его самолюбіе вполнѣ удовлетворено.

— Для самолюбія оно, пожалуй, и лестно, за то для кармана накладно, безъ всякой задней мысли замѣтилъ художникъ.

Быть-можетъ именно потому, что слова эти были сказаны безъ задней мысли, они и задѣли нотаріуса за живое.

— Ахъ, Господи мой Боже! вскричалъ онъ. — Какая у тебя, однако, привычка глядѣть на все съ матеріальной точки зрѣнія! Деньги, конечно, вздоръ, дѣло наживное, какъ говорится, и хвастаться ими было бы глупо. Но согласись, что и съ этой точки зрѣнія твое самолюбіе все-таки будетъ удовлетворено вполнѣ, когда на угожденіе хотя бы мимолетной прихоти хорошенькой женщины у тебя не встрѣтится матеріальныхъ препятствій.

— Въ чемъ же тутъ самолюбіе? Что сумѣлъ на чужія причуды денегъ скопить, что ли?

— А хотя бы и въ этомъ! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ намъ одно изъ высокихъ наслажденій.

— Гм... угрюмо отвѣчалъ художникъ.—Ну, а если деньги не нажитыя, не свои кровныя? Повѣрь, что другой, ну хоть бы вотъ этотъ графчикъ, спустивъ тысченку, другую изъ наслѣдственныхъ или даже перехваченныхъ за большія проценты, будетъ столь же счастливъ, и самолюбіе его вздуется нисколько не меньше!..

Невольное, но рѣзкое сравненіе съ графомъ оказалось для Ивана Ѳеогностовича новою шпилькой; онъ ничего не отвѣчалъ и, наливъ себѣ и пріятелю краснаго вина, принялся глубокомысленно смаковать его. Андрей Николаевичъ не дотронулся до стакана; ему вдругъ взгрустнулось; разсужденія о самолюбіи и деньгахъ рикошетомъ попали и въ него. Ему невольно вспомнилось, какъ часто ему было больно до обиды, что Лидія Антоновна отказывалась, напримѣръ, ѣхать на свадьбу или даже просто на званый обѣдъ или вечеръ по неимѣнію подходящаго платья, разъ, по той же причинѣ, она не могла пойти къ заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье. А тутъ мимолетныя тысячныя прихоти! И для самолюбія пріятно, и высокое наслажденіе!..

— Что ты, Андрей Николаевичъ, а? спросилъ его Иванъ Ѳеогностовичъ.—Взгрустнулось тебѣ, что ли?

— Отяжелѣлъ малость, потирая лицо рукой отвѣчалъ художникъ.—Видишь, весело продолжалъ онъ,—одинъ монашекъ толковалъ мнѣ, что у Іоанна Лѣствичника разныя причины меланхоліи указаны, а въ заключеніе прибавлено: „а есть молъ еще уныніе отъ объяденія чрева“. Вотъ и мнѣ, видно, отъ объяденія взгрустнулось.

— А что ты скажешь насчетъ ликёра и кофе?

— Что жь, отъ бездѣлья и то рукодѣлье.

Ликёрамъ была сдѣлана честь.

— А знаешь, Андрей Николаичъ, я очень радъ, что ты принялся за портреты, заговорилъ Подлещиковъ.

— Чему жь тутъ особенно радоваться.

— Ахъ, Боже мой! да хоть тому, что это значительно увеличитъ твои средства.

— Развѣ этому!.. Да и то старуха на двое сказала.

— Но почему же? Портретъ, я въ томъ увѣренъ, будетъ имѣть огромный успѣхъ, и заказы къ тебѣ такъ и посыпятся.

— Эхъ! да закащикамъ-то я потрафлять не мастеръ.

— Ну, вотъ опять!.. Все та же старая пѣсня! Извини, дружокъ, но я прямо тебѣ скажу, и даже почитаю долгомъ высказать, что на этотъ счетъ у тебя отсталые и даже нѣсколько дикіе взгляды... Нѣтъ, нѣтъ! ты сперва выслушай, а тамъ ужь и возражай... Скажи на милость; ну, отчего ты чураешься общества, отчего ты зовешь его не иначе, какъ презрительно: „почтеннѣйшая публика"?.. Ты думаешь, что общество, или по твоему публика, ничего въ искусствѣ не смыслитъ. Извини, не правда. Эта столь тобою презираемая публика оцѣнила же твоихъ *Чиновниковъ*, она составила тебѣ имя, дала тебѣ извѣстность, и если ты не сумѣлъ этимъ воспользоваться, то это твоя ужь вина. Но ты, кажется, не согласенъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего; я слушаю.

— Но согласись, что общество такъ же, какъ и ты, имѣетъ право судить по-своему; оно живетъ своею жизнью, у него свои мысли, чувства, стремленія, идеалы. Оно сочувственно отнеслось къ тебѣ, къ твоему творчеству и въ замѣнъ того имѣетъ право требовать отъ тебя сочувствія своимъ стремленіямъ. Оно тебѣ послужило, послужи же и ты ему. А ты не хочешь знать ихъ, этихъ общественныхъ стремленій; ты точно задался тѣмъ, чтобъ ихъ игнорировать. Сколько разъ и я—впрочемъ, что я? я тутъ не причемъ, я никогда не былъ, да и не выдаю себя за особеннаго знатока,—но сколько разъ при мнѣ, и притомъ людьми, достойными всякаго уваженія, тебѣ предлагались отличные сюжеты съ общественнымъ значеніемъ, а ты не только вниманія на нихъ не обратилъ, но порой на предложенія, сдѣланныя, конечно, изъ расположенія къ тебѣ, отвѣчалъ съ умышленною грубостью. Между тѣмъ другіе воспользовались такъ или иначе, и прибавлю, не льстя тебѣ, съ меньшимъ, чѣмъ у тебя талантомъ и искусствомъ, тѣми же задачами и вырвали у тебя успѣхъ, такъ сказать, изъ-подъ носа. И что̀ тутъ, въ подобныхъ требованіяхъ, было обиднаго для твоего художническаго самолюбія? Развѣ литературу не называютъ выраженіемъ, или зеркаломъ народной жизни, то-есть въ сущности выраженіемъ идей того же общества? И чѣмъ живопись въ этомъ отношеніи отличается отъ литературы?

Иванъ Өеогностовичъ замолчалъ, какъ бы ожидая возраженія.

— Спасибо за участіе, холодно сказалъ художникъ,—но вѣдь я, кажется, на свою судьбу не жалуюсь, и къ успѣхамъ, о которыхъ ты толковалъ сейчасъ, довольно равнодушенъ.

— Позволь, позволь! Это вовсе не отвѣтъ на вопросъ. Я знаю, ты держишься извѣстныхъ эстетическихъ теорій, но эти теоріи, мой другъ, давно устарѣли, и ты, въ угоду имъ, только глушишь свой прекрасный талантъ. Но я сейчасъ побью тебя твоимъ же оружіемъ; я на основаніи твоихъ же теорій докажу, что ты не правъ. Скажи самъ, вѣдь то именно произведеніе считается хорошимъ, когда, какъ говорится, изъ-за картины забываютъ о художникѣ.

— Положимъ, что такъ.

— Нѣтъ, ты согласенъ?

— Согласенъ, согласенъ!

— И превосходно. Но именно это-то и бываетъ всякій разъ, когда картина написана на общественный сюжетъ; когда она, такъ сказать, живописуетъ злобу дня.

— Однако, голубчикъ, ты ровно ничего въ искусствѣ не понимаешь! подумалъ Безпаловъ.

— Что же въ такомъ случаѣ увлекаетъ всѣхъ? продолжалъ нотаріусъ. — Нѣчто отвлеченное, нѣчто общее, словомъ, идея. Всѣ, забывая о художникѣ, толкуютъ именно о ней, восторгаются ею, и...

— Эхъ, нетерпѣливо перебилъ его художникъ.—Что̀ ты такое путаешь? Да развѣ *это* требуется? Требуется, чтобы художникъ написалъ такъ жизненно и правдиво, чтобы всѣ вы забыли, что это нарисованное, а не живое. Какъ въ картинѣ-то точно сама жизнь проявится, такъ поневолѣ о художникѣ забудешь, и потому именно, что само произведеніе все твое вниманіе поглотитъ. А въ томъ, что ты говорилъ, какъ разъ наоборотъ. Чѣмъ именно восхищаются всѣ? Да своей же собственной идеей, то-есть самими собой. Художникъ просто подольстился къ общему вкусу, стремленію, или назови его, какъ хочешь; выбравъ казистый сюжетецъ, онъ, говоря откровенно, всѣмъ глаза отвелъ отъ картины, заставилъ говорить не о ней, а о томъ, о чемъ люди и безъ того любятъ поболтать. И точно, тутъ всѣ забыли только не о художникѣ, а объ искусствѣ. А художникъ, небось, забвенія не желаетъ; онъ, напротивъ, свое рыльце подставляетъ да приговариваетъ: погладьте молъ меня; видите, какой я умный да еще современный въ придачу.

— Ну, вотъ и столкуй съ тобою! съ досадой сказалъ Подлещиковъ.

— Именно, какъ говорится: столкуй больной съ подлѣкаремъ! А потому лучше оставимъ-ка сіе въ покоѣ.

— Нѣтъ, я такъ не оставлю! Подумай самъ, какія послѣдствія проистекаютъ изъ твоего равнодушія къ общественнымъ интересамъ? Только то, что и къ тебѣ становятся равнодушны. А это досадно видѣть, потому что у тебя, повторяю, талантъ. И ты самъ что̀ чрезъ это выгадываешь? Я уже не говорю, что это дурно отзывается вообще на твоемъ благосостояніи; но вѣдь и искусство ничего не выигрываетъ. Ты, ради хлѣба насущнаго, принужденъ заниматься чисто-ремесленными работами; ты отъ нихъ устаешь, раздражаешься; у тебя времени нѣтъ, чтобы приняться за настоящее дѣло да и необходимаго душевнаго спокойствія при этомъ быть не можетъ. Что жь, развѣ не правда?

Художникъ ничего не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Андрей Николаичъ, а это значитъ зарывать свой талантъ въ землю. Если Богъ далъ тебѣ талантъ, ты обязанъ доставить ему успѣхъ, ты долженъ добиться его во что бы то ни стало!

— Да развѣ я отъ успѣха отказываюсь или ему противлюсь? съ улыбкой отвѣчалъ художникъ.—Да сдѣлай милость, сколько влѣзетъ. Но есть разница между тѣмъ, чтобы дождаться успѣха, если ему угодно будетъ еще хоть разъ пожаловать до моей смерти, и тѣмъ, чтобы добиваться его. Видишь ли, есть два рода заведеній, которыя испоконъ вѣковъ имѣютъ постоянный и несомнѣнный успѣхъ, именно кабаки и публичные дома, и вотъ мнѣ сдается, что для того, чтобы доставить себѣ успѣхъ или его добиться, необходимо обладать, въ извѣстной степени, разумѣется, способностями почтенныхъ содержателей названныхъ заведеній, а я—виноватъ!—ими не обладаю.

— До какой, однако, степени ты пренебрегаешь общественнымъ мнѣніемъ! Что̀ за гордость непомѣрная! Да ты что̀, Рафаэлемъ себя, что̀ ли, воображаешь?

— Ахъ, милый мой другъ, Иванъ Өеогностовичъ, не мы съ тобой Рафаэлей дѣлаемъ, и отъ нашего о себѣ воображенія ничего не станется. Чѣмъ кто родился, тѣмъ тотъ и проживетъ. Быть великимъ, среднимъ или малымъ зависитъ не отъ насъ; но въ нашей власти остаться настоящимъ художникомъ, то-есть самимъ собой, а не лѣзть, да еще добровольно, въ прихвостни.

Или вотъ какъ какой-то французскій поэтъ сказалъ: „стаканчикъ, молъ, у меня не великъ, да пью-то я изъ своего стаканчика“. Кому охота лакать изъ публичнаго фонтана, пусть себѣ лакаетъ; да я-то, пойми, не то что̀ не хочу, а не могу этого дѣлать: претитъ оно моему художническому нутру. Можетъ-быть ты или другой кто и скажете, что это отъ того, что у меня нутро поражено катарромъ, да мнѣ-то до такого мнѣнія дѣла мало; въ самомъ крайнемъ случаѣ я только тѣмъ и огрызнусь, что̀ скажу: „врачь! исцѣлися самъ.“

— Ну, сказалъ нотаріусъ, взглянувъ на часы, — мнѣ теперь спорить съ тобой некогда, да и ты слишкомъ раздраженъ сегодня; но, пожалуста, прошу тебя, будь другомъ, подумай на досугѣ о томъ, что я говорилъ. И вѣрь, что все это было сказано никакъ не въ обиду тебѣ, а изъ чистаго къ тебѣ расположенія. Право, оно не такъ глупо, какъ кажется съ перваго взгляда; не даромъ же оно вошло въ общественное сознаніе. И что̀ тебѣ за охота прослыть за непризнаннаго генія!

— Какой же я непризнанный! смѣясь отвѣчалъ Безпаловъ.— Самъ же ты говорилъ, что общество мнѣ и имя и еще что-то дало. Слава Богу, что хоть талантъ-то я не отъ него получилъ.

Друзья вскорѣ разстались. Иванъ Ѳеогностовичъ, летя въ клубъ на лихомъ извощикѣ, чувствовалъ себя въ отличномъ, возбужденномъ состояніи духа. Онъ былъ доволенъ, что высказалъ пріятелю хотя горькія, но полезныя истины; еще болѣе онъ былъ доволенъ тѣмъ, что анализируя общій вопросъ объ ухаживаньи за актрисами, онъ незамѣтно уяснилъ свои теперешнія и грядущія отношенія къ Фанни Юрьевнѣ; ему думалось, что онъ шелъ доселѣ надлежащимъ путемъ, а покупкой портрета сдѣлалъ рѣшительный шагъ если не къ полному плѣненію ея сердца, но все же къ увеличенію ея благосклонности.

Андрей Николаевичъ рѣшилъ пройтись до дому, въ тупикъ у Малаго Вознесенія, пѣшкомъ. Онъ былъ въ угнетенномъ, даже удрученномъ состояніи духа. Вотъ Подлещиковъ, кажется и другъ ему, да не только кажется, но и дѣйствительно его несомнѣнный другъ, готовый всегда ему помочь и выручить изъ затрудненія,—а въ сущности онъ его врагъ, какъ художника.

— Ишь вѣдь имъ чего надо! Успѣха, успѣха во что̀ бы то ни стало; хоть подлизывайся да чтобъ успѣхъ былъ! Тогда, молъ, и мы тебя художникомъ прославимъ. Чудесно, право!.. Что жь, и за то спасибо, что талантъ признаютъ... А что̀ такое талантъ,

объ этомъ и не подумаютъ, спустя нѣкоторое время разсуждалъ онъ. — Талантъ-то, господа, простая способность къ извѣстной производительности, къ извѣстному плодоношенію. Вотъ какъ яблонѣ дано яблоки приносить, она и приноситъ. Только дерево, пожалуй, счастливѣй нашего брата. Жизни своей оно не сознаетъ и не видитъ, хорошенькій ли ребенокъ къ яблочку рученку протянулъ, или свинья свое рыло просунула да вмѣсто яблокъ желудей отъ него требуетъ.

Подходя къ дому, Андрей Николаевичъ подумалъ, что хотя оно еще и не поздно, и девяти еще нѣтъ, а все бы лучше было ему прямо отъ Хотьминской хоть на минуточку домой забѣжать: Лидія такъ интересуется портретомъ.

— А теперь приду я домой, а она меня бранить станетъ. И по дѣломъ.

— А это ты, Андрюша! весело привѣтствовала его Лидія Антоновна.—Ну, спасибо! Чудесно, право чудесно!

И Лидія Антоновна поцѣловала мужа.

— Что̀ чудесно-то?

— Какъ что̀? Разумѣется, портретъ. Ты думаешь, я утерпѣла? Нѣтъ, слетала, и Лиза мнѣ показала, и разсказала въ какомъ всѣ были восторгѣ. И про Макрушина.

— Ну, Лидочка, и я тебя порадую: вѣдь портретъ-то я продалъ.

— Какъ, кому? Когда-жь ты успѣлъ?

Безпаловъ разсказалъ.

— Ну, слава Богу, сказала Лидія Антоновна и перекрестилась.—Все-таки онъ цѣну порядочную дастъ. И я за тебя рада: хоть не много, а все-жь отдохнешь отъ этой мазни.

Ложась спать, Андрей Николаевичъ чувствовалъ, что у него на душѣ легко.

— Вотъ я все думалъ, кому, молъ, твое художество нужно? А вотъ кому оно нужно: Лидіи. Не деньги ее радуютъ, нѣтъ! Ей именно живопись моя нужна. Что жь, для нея и писать станемъ.

VI.

Затѣи Глафиры Александровны.

Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая.

А. Пушкинъ.

Въ ожиданіи графа Глафира Александровна стала убираться и прихорашиваться задолго до назначеннаго часа. Особое вниманіе, какъ всегда, она обратила на мантилью; она перебрала ихъ нѣсколько, наконецъ одна мантилька ей угодила. Глафира Александровна спустила ее съ праваго плеча—хорошо, сбросила съ лѣваго — еще лучше; попробовала закутаться въ нее какъ отъ холода до подбородка—оказалось мило; въ заключеніе быстрымъ движеніемъ набросила ее на голову, и тѣмъ осталась нельзя больше довольна.

Окончивъ уборку, Глафира Александровна взглянула на часы; графъ ужь просрочилъ четверть часа.

„А что если этотъ болванъ разсердился, что я его тогда надула?“ подумала она.

Шелехова вспомнила, какъ у Ѳенички мысленно назвала его болваномъ, и слѣдомъ—что ей надо во что бы то ни стало оболванить его. Камеръ-юнкеръ Стоумовъ, представившій ей графа, сказалъ, что Ворворищевъ можетъ быть очень полезенъ по ея дѣлу. Именно ради этого дѣла, а не по какимъ инымъ разсчетамъ, Глафира Александровна и рѣшила оболванить графа. Она чувствовала, что сегодня это удалось бы ей; она, впрочемъ, не знала, какъ примется за графа, и вообще не любила заранѣе обдумывать и составлять планы: для этого она была слишкомъ жива; довольно знать, чего именно желаешь, а остальное, какъ она выражалась, подскажетъ женскій инстинктъ.

Прошло еще двѣ минуты, а графъ не являлся. Глафира Александровна подхватила съ окна довольно истрепанную книжку, повертѣла ее въ рукахъ и даже попыталась было читать, но ничего не поняла. Отбросивъ книжку, она кликнула горничную и справилась, все ли та купила, что было приказано. Прошло еще минуты съ три, въ теченіе которыхъ Глафира Александровна бродила по комнатѣ, пытливо осматривая всѣ вещи, какъ бы ища глазами, не завалилось ли куда-нибудь то, что ей теперь дѣлать.

Ничего подходящаго не обрѣталось; Глафира Александровна взглянула въ окно и снова позвала горничную.

— Маша, а что на дворѣ? спросила она.

— Холодновато-съ.

— А вѣтеръ есть?

— Есть-съ вѣтерочекъ небольшой.

— И такой, знаешь, что снѣгъ поддуваетъ, а онъ тебѣ лицо какъ иголками колетъ?

— Именно.

— Такъ давай мнѣ скорѣй одѣваться. Я ужасно люблю такую погоду.

Маша побѣжала, было, за шляпкой, какъ въ передней задребежжалъ звонокъ.

— Ну, вотъ, слава Богу, и графъ! радостно вскричала Маша и бросилась отворять.

„Почему „слава Богу"? Вотъ дура! и подумала Глафира Александровна и, быстро подбѣжавъ къ зеркалу, оправилась и затѣмъ, томно опустясь въ низенькое кресло, закуталась въ мантилью до подбородка.—Ахъ, графъ Петръ Николаевичъ! вотъ неожиданность! томно сказала она, едва выставляя изъ-подъ мантильи зябкую ручку.

— Виноватъ, виноватъ! Готовъ на колѣняхъ просить прощенья...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! перебила его Глафира Александровна,—ради Бога! Я уже предупреждала васъ и прошу, графъ, помнить, что здѣсь вы не у артистки Шелеховой, а у madame Беркутъ.

Графъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее.

— У madame Беркутъ? переспросилъ онъ,—но, стало-быть, есть и monsieur Беркутъ.

— Разумѣется.

— Но кто же онъ?

— Ахъ, Господи! мой мужъ. Вѣдь я говорила же вамъ, что имѣю право называться Шелеховой-Беркутъ. Какой вы, графъ, однако невнимательный. Ай, ай!

— О, нѣтъ, я отлично помню. Но я воображалъ совсѣмъ другое... Enfin, вѣдь Беркутъ тоже птица?

— Конечно, птица, и притомъ важная. Онъ генералъ.

— Генералъ?

— То-есть, вѣрнѣе, какъ говорятъ виленскіе жиды: генералжъ альбо подлѣйшего гатунка.

— Что это значитъ?

— Генералъ, только сортомъ поплоше. Онъ всего статскій совѣтникъ.

— Да?.. И гдѣ же онъ теперь?

— Богъ вѣсть. Гдѣ-нибудь въ пространствѣ.

— И онъ... онъ осмѣлился васъ бросить!

— Ну, про это бабушка на двое сказала.

— То-есть?

— То-есть, можетъ-быть, и я его бросила.

— Вы?..

— Да, графъ, что̀ дѣлать, бываютъ такія вѣтреныя женщины, что бросаютъ своихъ мужей, грустно и со вздохомъ сказала Глафира Александровна, и вдругъ, точно опомнившись, вскочила.— Ахъ, Боже мой! Что̀ жь я дѣлаю! вскричала она.—Маша, Маша!

Вбѣжала горничная.

— Маша! скорѣй кофе... Простите, графъ, я вѣдь и забыла, что обѣщала напоить васъ кофе. Видите, какъ я невнимательна. Ай, ай! Да скорѣй же, Маша, поворачивайся. Развѣ ты не видишь, что графъ совсѣмъ замерзъ... Вы озябли, графъ?

— О, нѣтъ, ничуть, увѣряю васъ.

— Не правда, не правда!.. Какъ? вы не озябли? спросила она и пристально поглядѣла ему въ глаза, отчего графъ почувствовалъ легкое содроганіе во всемъ тѣлѣ. — Помилуйте, я просто дрожу отъ холода.

И Глафира Александровна закуталась въ мантилью до подбородка.

Стали пить кофе, причемъ хозяйка чуть не заподчивала гостя.

— Вотъ вы укоряли меня въ невнимательности, сказалъ графъ.— И я очень радъ, что могу доказать вамъ противное.

— Именно?

— Я прекрасно помню, что̀ вы сказали мнѣ на прощанье у Фанни Юрьевны.

— А я развѣ вамъ что-нибудь сказала?

— Конечно, съ улыбкой отвѣчалъ графъ. — Вы именно сказали мнѣ, что вамъ надо переговорить со мною о многомъ и даже объ очень многомъ. Видите, я отлично помню.

— Удивительно!

— И вы прибавили, что я, конечно, догадываюсь, о чемъ будетъ разговоръ.

— И вы догадываетесь?

— Да, мнѣ кажется, что я не ошибусь.

— Извольте же выкладывать ваши безошибочныя догадки.

Графъ немного помолчалъ, какъ бы обдумывая рѣчь.

— И вы сегодня, не правда ли, едва я вошелъ, тотчасъ же заговорили о monsieur Беркутѣ?

— Можетъ-быть.

— Словомъ, я думаю, что вы желаете, чтобъ я помогъ вамъ своими связями и знакомствомъ, и мнѣ остается прибавить, что съ моей стороны въ этомъ дѣлѣ вы не встрѣтите ничего, кромѣ полнѣйшей готовности.

— Въ какомъ дѣлѣ? съ удивленіемъ спросила Шелехова.

Графъ удивился въ свою очередь.

— Mais enfin... le divorce, сказалъ онъ.

— Разводъ? зачѣмъ? Мы, слава Богу, другъ другу не мѣшаемъ.

— Значитъ, я не отгадалъ?

— Значитъ.

— Но въ такомъ случаѣ о чемъ же вы хотѣли говорить? спросилъ растерявшійся графъ.

— Узнаете послѣ. А раньше извольте отвѣчать на мой вопросъ. Стѳумовъ говорилъ мнѣ, что вы очень хорошо знакомы съ нашимъ барономъ.

— Съ барономъ? съ какимъ барономъ?

— Ахъ, Боже мой! съ какимъ! съ нашимъ всемогущимъ и грознымъ театральнымъ барономъ; его, правда, никто, никогда и нигдѣ не видалъ, но онъ, надо думать, тѣмъ не менѣе существуетъ. По крайней мѣрѣ, когда начальство хочетъ сдѣлать намъ пакость, то всегда говоритъ: „мы готовы для васъ сдѣлать все, но, знаете, баронъ“... или просто: „баронъ не хочетъ, баронъ не желаетъ, баронъ не приказалъ“...

— Ахъ, это очень мило!..

— Только не для насъ.

— Я не то... Я хотѣлъ сказать, что вы очень мило все это выразили.

— Я поняла, строго замѣтила Шелехова.—Но... только, пожалуста, говорите откровенно... дѣло, предупреждаю, для меня очень важное... Итакъ, вы знакомы съ нимъ?

— Но, конечно.

— И онъ уважаетъ ваше мнѣніе? Онъ исполнитъ вашу просьбу?

— Я полагаю, скромно отвѣтилъ графъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы обязаны помочь мнѣ...

— Съ величайшей готовностью.

— Позвольте еще разъ. Вы знаете, что Иванъ Иванычъ оставляетъ насъ. По крайней мѣрѣ, у насъ это уже ни для кого не тайна...

— Какой Иванъ Ивановичъ?

— Ахъ, Боже мой! ну, нашъ директоръ, управляющій, назовите его какъ хотите...

— Ахъ, да! Ah, ce cher Иванъ Иванычъ!..

— И мнѣ Стоумовъ намекнулъ, что въ такомъ случаѣ вы...

— Я не понимаю.

— Ахъ, пожалуста, не скрытничайте! Иль, можетъ-быть, это мѣсто для васъ низко? Иль вамъ не улыбается жить въ Москвѣ и управлять нами?

Графъ быстро что-то сообразилъ.

— О, я этого не говорю! отвѣчалъ онъ.—Но, между нами, Стоумовъ, est très indiscret... N'en parlons plus... Enfin, это... это слишкомъ преждевременно, не безъ таинственности прибавилъ графъ.

— Такъ или иначе... все равно, вы обѣщаете помочь мнѣ?

— Повторяю вамъ, милѣйшая Глафира Александровна, что всегда и во всемъ и притомъ съ величайшей готовностью,—отвѣчалъ графъ, зная, что готовность ровно ничего не стоитъ.

— Я хочу перейти въ драму.

— Вы?.. зачѣмъ?

— Вы думаете, что у меня нѣтъ таланта?

— О, нѣтъ, нисколько!.. Я, собственно, хотѣлъ спросить: на какія роли?

— На трагическія.

Графъ слегка остолбенѣлъ. Онъ вспомнилъ Рашель, и не нашелъ въ ней никакого сходства съ Глафирой Александровной.

— Но мнѣ кажется, что вамъ больше подойдутъ роли кокетокъ.

„Каковъ? Еще не директоръ, а ужь распоряжается!“ мало со злобой, съ остервенѣніемъ подумала Глафира Александровна.— Почему вы это думаете? сухо спросила она.

— Но... я испытывалъ это на себѣ, отвѣчалъ графъ и былъ весьма радъ своей любезной находчивости.

— Ахъ, какія глупости! вскричала Глафира Александровна; сбросивъ на кресло мантилью, она вскочила и величественно прошлась предъ графомъ.—И съ чего вы взяли, горячо загово-

рила она,—что трагическая актриса должна быть непремѣнно сухой селедкой или какой-то безотвѣтной страдалицей.

— Но, я...

— Ахъ, пожалуста, не оправдывайтесь. Я знаю, я прекрасно знаю, что вы думаете то же, что̀ и всѣ другіе. „Ахъ, она слишкомъ полна и потому не можетъ быть трагическою актрисой“. Но съ чего вы выдумали, что полная женщина не можетъ обладать кипучими страстями? А, что̀ же нужно для трагической актрисы, какъ не страсти? Или леди Макбетъ, по вашему, была худенькою, невзрачною женщиной?

— Lady Macbeth? съ чистѣйшимъ англійскимъ акцентомъ воскликнулъ графъ.—О, да, lady Macbeth!

Онъ припомнилъ какую-то Итальянку въ этой роли, правда довольно полную, но длинную, сильно потрепанную и отмѣнно крикливую, и въ ней не было никакого сходства съ Глафирою Александровной.

— Наконецъ, Ристори, съ тѣмъ же жаромъ продолжала Шелехова,—надѣюсь, графъ, что и вы не откажете ей въ трагическомъ талантѣ... Что̀ жь и она, по вашему, была худѣе ножа?

Графъ припомнилъ, что Ристори отнюдь не отличалась худобой.

— Ристори. О, да! это очень удачный примѣръ.

Для графа аргументъ „бывшаго примѣра“ былъ неопровержимъ.

— Надѣюсь, важно сказала Глафира Александровна и сѣла.— Итакъ, дѣло кончено. Вы даете мнѣ слово?

— Ma parole d'honneur.

— Прекрасно. Больше и говорить не о чемъ.

— Какъ? воскликнулъ графъ. — Вы, стало-быть, звали меня единственно затѣмъ, чтобъ поговорить объ этомъ.

— Опять не отгадали! со смѣхомъ сказала Глафира Александровна.—Нѣтъ, у меня есть предметъ поинтереснѣе.

— Смѣю спросить, что же?

— Мы станемъ, говорить о васъ самихъ, графъ. О вашемъ влюбчивомъ и непостоянномъ сердцѣ.

Графъ такъ и просіялъ.

— Я слушаю, съ покорнымъ видомъ сказалъ онъ.

— Знаете, графъ, что̀ мнѣ въ васъ не нравится? То, что вы ужасный притворщикъ.

— Я? въ чемъ же?

— Вы притворяетесь, и очень неискусно, будто ухаживаете за мной.

Графъ хотѣлъ было протестовать, но Глафира Александровна протянула ладонь, какъ бы съ желаніемъ закрыть ему ротъ.

— И я знаю, въ кого вы влюблены. Не отнѣкивайтесь: вы безъ ума отъ Ѳенички, и я сейчасъ докажу вамъ...

— Клянусь...

— Клятвы не помогутъ. Мнѣ стоило видѣть васъ всего разъ вмѣстѣ, чтобъ понять все. Вопервыхъ, вы такъ горячо защищали ее въ томъ, что она ни къ селу, ни къ городу выпялилась въ амазонку.

— Но я же нарочно; надо же мнѣ было замаскировать, что я не былъ въ спектаклѣ.

— Вовторыхъ, настойчивѣе продолжала Глафира Александровна,—вы сказали Безпалову, что это дѣлаетъ честь его вкусу, что онъ нарисовалъ именно ее...

— Но это просто вѣжливая фраза.

— Однако тутъ были и другія, съ кого онъ могъ снять портретъ, но вы о нихъ и не вспомнили, отпечатала танцовщица.— Втретьихъ, вы настойчиво добивались, кому будетъ принадлежать портретъ, или вѣрнѣе: кому выпадетъ высокая честь преподнести его Ѳеодосьѣ Егоровнѣ.

— Но это дѣло простаго любопытства.

— Любопытства? охъ, такъ ли? А какъ вы изволили взглянуть на бѣднаго Подлещикова? Я, право, поопасалась за его жизнь.

— Mais enfin... Но увѣряю васъ, что это дѣло простаго самолюбія... Вы не видали, какъ онъ... ce notaire insolent... взглянулъ на меня!..

— Тѣмъ не менѣе, вы вѣдь купите портретъ?

— Я не желалъ бы... но теперь я просто принужденъ... Не могу же я, согласитесь сами, уступить этому...

— Что и требовалось доказать, съ торжествующимъ видомъ возгласила Шелехова.—Я, впрочемъ, вовсе не въ обидѣ, графъ. Я женщина строгихъ принциповъ, и поклялась сохранить вѣрность моему невѣрному супругу. Мало того, я даже готова вывести васъ изъ затруднительнаго положенія. Вы вѣдь не знаете Безпалова?

— Нѣтъ, смущенно отвѣчалъ графъ.

— А вы помните, что я просила его придти надняхъ ко мнѣ обѣдать?..

— Дѣйствительно, я вспоминаю...

— Вы видите, какъ дальновидна женская дружба, хотя вы въ нее и не вѣрите. Итакъ, поторговаться за васъ?

— Я принужденъ васъ просить... Но вѣрьте, что тутъ одно самолюбіе, и еслибъ можно было отступить безъ позора...

— Вѣрю, вѣрю. Итакъ, по рукамъ. А теперь... вѣдь вамъ очень жарко, графъ?

— Мнѣ? удивился Ворворищевъ.

— Да, вамъ, вамъ.

— Но право же...

— Какъ? вамъ не жарко? воскликнула, вскакивая съ мѣста, Шелехова и, близко склонивъ лицо къ нему, такъ поглядѣла графу прямо въ глаза, что того мгновенно бросило въ жаръ. — Ну, и разговаривать нечего: ѣдемте кататься. Я сейчасъ.

И она выбѣжала изъ комнаты.

— Какая странная женщина! подумалъ графъ, оставшись одинъ,—но, coûte que coûte, а она будетъ моею!

VII.

Обѣдъ и его послѣдствія.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ.
А. Пушкинъ.

Графъ Петръ Николаевичъ весьма бы удивился и, пожалуй, оскорбился даже, еслибъ узналъ, что Глафира Александровна черезъ нѣсколько дней, въ ожиданіи Безпалова, убиралась и охорашивалась передъ зеркаломъ съ такимъ же тщаніемъ, какъ и поджидая его собственное сіятельство. Только нынче Шелехова была въ другомъ, болѣе русскомъ, какъ ей думалось, настроеніи, а потому вмѣсто мантилій потребовала косынокъ, изъ которыхъ двѣ,—одна голубая, а другая ярко-алая,—остановили ея вниманіе.

Безпаловъ явился какъ разъ въ назначенный часъ. Въ прихожей его встрѣтила женщина среднихъ лѣтъ съ постномасленнымъ лицомъ и толсто-подвязанною щекой. Андрей Николаевичъ при видѣ ея даже вздрогнулъ. Ему вспомнилось, какъ однажды тутъ же, въ пріемной, его встрѣтила эта самая во всѣхъ отношеніяхъ непріятная дама, объявила, что Глафира Александровна проситъ его подождать, и послѣ почти полуторачасоваго томленія, сказавъ, что Глаша вѣрно не будетъ, угостила его простыв-

шимъ обѣдомъ и назидательной бесѣдой о протодьяконахъ, понамарицахъ и стихарныхъ дьячкахъ.

— Глафиры Александровны видно опять нѣтъ дома? съ безпокойствомъ спросилъ художникъ.

— Не знаю-съ, я сама только-что прибыла, сурово отвѣчала подвязанная дама.

Безпаловъ подумалъ уже, не лучше ли ему поворотить оглобли назадъ, какъ вбѣжала рѣзвая Маша и весело протораторила, что барыня дома и просятъ только чуточку обождать. Андрей Николаевичъ вошелъ въ гостиную и, по свойственной ему, уже извѣстной читателю, любознательности, занялся изслѣдованьемъ комнаты. Первымъ дѣломъ онъ обратилъ вниманіе на книги; онѣ безпорядочной кучей лежали на этажеркѣ; двѣ или три валялись на окнахъ, а одна даже угодила подъ столъ. Тутъ было нѣсколько томовъ въ богатыхъ переплетахъ, очевидно подарковъ, отнюдь, впрочемъ, не береженыхъ; переплеты были попорчены и попачканы да и внутри, еслибы заглянуть, оказались бы не малые изъяны; книги безъ переплета были въ растерзанномъ видѣ, съ вырванными и разорванными листками. Тутъ были сочиненія и хорошихъ и пустыхъ авторовъ, какая-то популярно-медицинская брошюра, отчетъ о надѣлавшемъ шума процессѣ съ закладкой на рѣчи извѣстнаго адвоката, причемъ его фамилія была дважды подчеркнута синимъ карандашемъ, и даже томъ, другой модныхъ ученыхъ сочиненій.

„Гм... скажите, какія книжки почитываетъ, съ удивленіемъ подумалъ Андрей Николаевичъ.—Положимъ, я не великой учености человѣкъ, а все же семь классовъ гимназіи прошелъ, да и то мнѣ не подъ силу читать! Впрочемъ, чорта съ два она ихъ читаетъ! продолжалъ онъ. — Такъ, для блезира валяются, или какой-нибудь профессорокъ, или передовичекъ за ней ухаживаетъ да думаетъ книжкой на грѣхъ преклонить".

Окончивъ осмотръ библіотеки, Андрей Николаевичъ обратилъ вниманіе на другія вещи. Передъ зеркаломъ стояло два отличныхъ подсвѣчника; одинъ былъ погнутъ, а другой безъ розетки; дорогой абажуръ на лампѣ былъ подпаленъ и закапанъ керосиномъ. Словомъ, на всемъ лежалъ тотъ же отпечатокъ неряшливой франтоватости, что̀ и на книгахъ.

— Ну, вотъ спасибо, что не надулъ! возгласила Глафира Александровна.—Да чего тутъ балакать? Пойдемъ прямо за столъ. Только не взыщи ужь на моемъ убогомъ вдовьемъ угощеньицѣ.

Начавъ въ такомъ древле-русскомъ тонѣ, Глафира Александровна ужь и продолжала въ немъ и все время почти говорила Безпалову *ты*; впрочемъ, по днямъ на нее нападало, и она ни съ того, ни съ сего становилась даже съ малознакомыми мужчинами на *ты*, находя, что ей такъ ловче.

— А водку потребляешь? Пей, батюшка, пей, не церемонься! Я сама съ тобой полъ рюмочки кюммелю хлопну.

Они усѣлись за столъ.

— Я вѣдь на васъ, сударь, до сихъ поръ сердита, объявила Глафира Александровна.

— За что̀ такъ?

— Ишь, будто и не знаетъ!.. А не могъ съ меня портрета написать?

— Случай такой подошелъ...

— Разсказывай!..

— Право-же.

И Безпаловъ объяснилъ, какъ было дѣло.

— Ой, ой, ой! Какую ахинею развелъ! И жену припуталъ! Просто поволочиться, шельмецъ, задумалъ! Ну, ужь кайся лучше.

Андрей Николаевичъ забожился, что у него того и въ мысли не было, и что хотя Хотьминская, спору нѣтъ, хорошенькая, но ему она не настолько нравится, чтобъ онъ сталъ ухаживать за ней.

— Полно! Макрушинъ не даромъ-же сбрехнулъ.

— Макрушинъ—человѣкъ пьяный; мало-ли ему что̀ во хмѣлю причудится.

— Ну, ладно ужь, всѣ вы мужчины подлецы. А съ меня-то спишешь?

— Съ великимъ удовольствіемъ.

— Гляди же, не надуй! Я тебѣ за то ужь заранѣ сюрпризъ приготовила: на Ѳеничкинъ портретъ покупателя нашла.

— Ой ли? И сильно охотится?

— Рвется просто. А ты много-ль хочешь?

— Спѣшить пока не къ чему, иносказательно отвѣчалъ Андрей Николаевичъ.

— Тыщу хочешь?

— Деньги хорошія. И чистоганомъ?

— Вотъ этого не скажу. Чортъ его знаетъ, при деньгахъ ли онъ. Мнѣ сдается, что векселекъ предложитъ. Ну, да мы какъ нибудь дѣло уладимъ. Я во всякомъ случаѣ въ пятистахъ ручаюсь, больше не могу. Идетъ, что ли?

— Да кто покупатель?

— Не все тебѣ равно?

— Я и самъ догадаюсь. Графъ, какъ бишь его? Воротищевъ, что ли?

— Почему ты думаешь?

— Онъ же все лопошилъ тогда: кому да для кого?

— Ну, онъ, такъ онъ. Что жь, по рукамъ что ли?

— Невозможно: портретъ ужь проданъ.

— Эвося! Когда жь ты успѣлъ?

— Въ тотъ же день.

— Неужто Подлещиковъ?

— Прямо отъ нея въ трактиръ зазвалъ, тамъ и покончили.

— Эхъ! и нельзя этого передѣлать?

— Невозможно.

— А если графъ накинетъ?

— Хоть бы тысячу еще давалъ, нельзя: слово далъ.

— Вотъ досада! Ну, голубчикъ, ну, миленькій! устрой какъ нибудь. Мнѣ это такъ надо, такъ надо, что и сказать нельзя.

— Да зачѣмъ вамъ?

— Какъ бы тебѣ сказать-то? Вотъ бѣда-то, дѣло секретное.

Наконецъ, послѣ долгихъ отговорокъ и обиняковъ, взявъ предварительно съ Андрея Николаевича чуть не клятву въ сохраненіи тайны, Глафира Александровна объяснила, что графъ будетъ у нихъ директоромъ, и ей выгодно услужить ему.

— Кто? онъ-то директоромъ? вскричалъ Андрей Николаевичъ.— Этотъ дуракъ?

— Ну, ужь сейчасъ и дуракъ! Не глупѣй другихъ, чай. Впрочемъ, намъ ужь судьба такая; знаешь, какъ въ анекдотѣ деньщикъ офицеру докладывалъ: умныхъ по умнымъ, а меня къ вашему благородію. Да этотъ еще ничего, смирный, его вокругъ пальца обмотать можно. А то у насъ не умнѣе былъ, да страсть какой свирѣпый; недолго, впрочемъ, насидѣлъ. Разъ какъ-то къ намъ въ балетъ на репетицію актриса Шлюпкина пришла, о бенефисѣ съ нимъ что-ль поговорить. И что они тамъ говорили, намъ не слышно было, а только видимъ, что лица у нихъ у обоихъ раскраснѣлись и стало-быть разговоръ идетъ горячій. И вдругъ онъ какъ заоретъ: „режиссеръ! веревокъ сюда! связать ее!“ Намъ такъ смѣшно это показалось, что мы всѣ фыркнули. Онъ—въ обиду, выговоръ намъ давать сталъ, и въ заключеніе говорить: „Вы, mesdames, никакой вѣжливости не понимаете.

Гдѣ только вы воспитывались?“ Я тогда совсѣмъ молоденькой была, только что изъ школы выскочила, но бойкости мнѣ и тогда не занимать было и дерзить умѣла. Выскочила я впередъ, присѣла и говорю: „въ театральномъ училищѣ, ваше превосходительство“.

— Что жь онъ?

— Ничего, скушалъ.

— Ну, вотъ такъ-то лучше. А то подслуживаться! Да вамъ и не къ лицу: вы у насъ одна изъ лучшихъ танцорокъ,..

— Солистокъ, поправила Шелехова.

— Значитъ, чиномъ выше подымай? тѣмъ паче, прислуживаться не слѣдъ.

— Ахъ, ничего ты не понимаешь! Оставайся я въ балетѣ, я бы и въ усъ себѣ не дула. А я хочу въ драму перейти.

— Часъ отъ часу не легче. Да вамъ, барыня, извините, поди двадцать пять стукнуло?

— Скажемъ для вѣрности: и всѣ двадцать семь.

— Поздненько карьеру-то перемѣнять. Вѣдь годика два, три все жь надо поупражняться, чтобъ къ новому дѣлу привыкнуть. Да и какія роли вы станете играть?

— Трагическія.

— Что?

Андрей Николаевичъ такъ и отъѣхалъ со стуломъ отъ стола.

— Ну, да, трагическія, рѣзко крикнула Глафира Александровна.

— Не къ лицу онѣ вамъ, барынька. Лицо у васъ веселое, смѣяться хочетъ, да и сами вы, какъ говорятъ купцы, женщина солидарная, въ полномъ тѣлѣ находитесь, даже тетёхой васъ назвать хочется. Вотъ какъ вы русскую пройдетесь, да руками поведете, да плечами заговорите,—тутъ, точно, всякому мужчинѣ капутъ, отдай все да и мало!

— Ишь какъ, шельмецъ, расписываетъ! Вотъ и графъ тоже толковалъ, да я его срѣзала.

— Чѣмъ такимъ?

— А леди Макбетъ. Что жь, спрашиваю, развѣ она сосулькой обглоданной была?

— А онъ и обомлѣлъ?

— А по твоему какъ?

— А я вамъ скажу, отчего онъ обомлѣлъ. Вспомнилось, видно, ему, что Макбетъ женѣ говоритъ...

— Что̀ такое? припоминая сама, что̀ бы это могло быть, спросила Глафира Александровна.

— „Рожай мнѣ только мальчиковъ!" продекламировалъ Безпаловъ.—Какъ ему это пріятное занятіе припомнилось, тутъ...

Глафира Александровна вспыхнула, точно хотѣла вскинуться на Безпалова, но вдругъ прыснула со смѣха.

— Вотъ срѣзалъ, такъ срѣзалъ! сказала она.—Только стой, не торжествуй еще. А Ристори, что жь, худощавая, что ль, была?..

— Да Ристори-то сперва трагической актрисой стала, а потомъ ужь полноту пріобрѣла, убѣдительно отвѣчалъ Безпаловъ.

— Такъ, по твоему, это дѣло бросить надо?

— Выходитъ, что такъ.

— А вѣдь я хотѣла просить тебя, чтобъ ты меня леди Макбетъ нарисовалъ.

— Нѣтъ, ужь я лучше васъ Царь-Дѣвицей намалюю.

— Нѣтъ, коли на то пошло такъ рисуй меня дѣвкою или бабою простой. Будто я, понимаешь, съ кузовкомъ по грибы собралась. И какъ мило еще выйдетъ! Стой, я тебѣ сейчасъ покажусь.

Глафира Александровна выскочила изъ-за стола и убѣжала. Вскорѣ она вернулась съ двумя шелковыми косыночками, и стала ихъ всячески прилаживать къ лицу, приговаривая: „а вѣдь мило?" или „а вѣдь хорошо?"

— Да полно вамъ предо мной дьяволить, сказалъ наконецъ художникъ,—я человѣкъ женатый.

— Да, разсказывай, женатый! А вотъ въ Хотьминской меня не разувѣришь.

Андрей Николаевичъ и разувѣрять не сталъ.

— Однако, что это я тебя одними баснями кормлю? вспомнила Глафира Александровна.—Кушай, батюшка, кушай.

— Я сытъ.

— Ничего, кушай себѣ съ Богомъ; я и сама покушаю.

И Глафира Александровна стала ѣсть съ такимъ аппетитомъ, что Андрей Николаевичъ, глядя на нее, и самъ разохотился. Между тѣмъ русское настроеніе съ нея слетѣло, и она заговорила въ другомъ тонѣ.

— А, знаете, Андрей Николаичъ, сказала она,—мнѣ все-таки досадно, что не удалось всучить портретъ графу.

— Да что̀ вамъ?

— Нѣтъ, я не потому. А тогда бы ужь я заставила его повѣрить, что онъ влюбленъ въ Ѳеничку.

— Вотъ на! А вѣдь мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, показалось, что онъ больше за вами пріударяетъ, а портретъ хочетъ купить такъ, изъ фанаберіи.

— Точно, что изъ фанаберіи, и то вѣрно, что за мной, да въ томъ-то и бѣда моя. Хотя я ни въ одной Европѣ привилегіи на безпорочное житіе не брала, а мнѣ, по моимъ дѣламъ, это совсѣмъ лишнее; притомъ и гнусненекъ онъ мнѣ кажется, какъ говоритъ дѣвица Пѣжинова. А Ѳеничкѣ онъ бы какъ разъ подъ стать, она тоже, знаете, изъ такихъ: парле франсе, команъ ву портеву.

Безпаловъ разсмѣялся.

— Слушайте: скажите ей, какъ будто невзначай, что вы слышали, что графъ навѣрно будетъ у насъ директоромъ.

— Да вѣдь это секретъ.

— Былъ секретъ, а теперь нѣтъ. Такъ скажете?

— Сказать мнѣ не трудно, да что изъ того выйдетъ?

— А то, что она сама за нимъ пріударитъ.

— Вы думаете?

— Навѣрное. Не вѣкъ же ей по клубамъ да провинціямъ шататься; на казенныя хлѣба, чай, тоже хочется.

— Ну, вотъ видите. И выходитъ, что мнѣ предъ Подлещиковымъ точно и неловко будетъ.

— А онъ сильно въ нее втюрился?

— Съ чего жь бы онъ портретъ сталъ покупать?

— А денегъ у него много?

— Не считалъ, а должно-быть есть, когда на такія дѣла пошелъ.

— Гм. И я тоже слышала, что ему повезло. Жаль же его.

— Что такъ?

— Разоритъ она его.

— О?..

— Не то, чтобъ обобрала, на это у нея ума не хватитъ. А на пустяки растранжиритъ, такъ что ни у него, ни у нея гроша не останется.

— А все-таки вы ужь лучше сами.

— Что̀ сама?

— Про графа-то скажите.

— Сказала бы, да мнѣ она, чего добраго, не повѣритъ. Глупа, глупа, а тоже хитренька.

„Должно быть и принадула же ты ее“, подумалъ Андрей Николаевичъ.

— Впрочемъ, что васъ въ бабье дѣло путать! Я и такъ устрою, рѣшила Глафира Александровна.

Подали кофе. Они довольно долго и молча просидѣли за нимъ. Наконецъ хозяйка зѣвнула.

— А что̀, старичокъ Божій, сказала она,—шелъ бы ты домой: изъ кушаньевъ больше ничего не будетъ.

Они поглядѣли другъ на друга и расхохотались.

— Откуда это? спросилъ Андрей Николаевичъ.

— Изъ *Горькой Судьбины.*

— Ахъ, да!

И они расхохотались пуще прежняго.

— Ну, и прощайте, Глафира Александровна.

— Прощайте, Андрей Николаевичъ. Заходите какъ-нибудь; со мной будто болтать и не совсѣмъ скучно; все, чай, веселѣе, чѣмъ съ Фаничкой?

— Правда.

— А отчего это? Ну-ка, отвѣчайте.

Безпаловъ подумалъ.

— Оттого, должно быть, отвѣчалъ онъ,—что Фанни Юрьевна все одну и ту же роль играетъ, а вы, какъ котенокъ, или ребеночекъ играетесь.

— А вѣдь, поди, и правда. И откуда ты такой умный?

— Оттого, что какъ образа малюю, дѣлать мнѣ нечего, я все и думаю. Вотъ ума и набираемся.

По уходѣ Андрея Николаевича Глафирѣ Александровнѣ какъ будто и взгрустнулась; сначала она сама не могла рѣшить, по комъ или отчего. Потомъ ей точно что-то мелькомъ припомнилось, и ею овладѣло безпокойство.

— Маша, закричала она,—пойдемъ, я тебѣ почитаю.

Онѣ пошли въ спальню. Глафира Александровна отворила комодъ и вытащила изъ-подъ бѣлья мятую-перемятую тетрадку. То была роль *леди Макбетъ.* Шелехова съ жаромъ зачитала; Маша, по обычаю, восторгалась. Все шло хорошо, какъ вдругъ чтица наткнулась съ размаху на роковыя слова о рожаніи мальчиковъ. Она не въ силахъ была сдержаться и расхохоталась.

— Вотъ такъ срѣзалъ, шельмецъ! воскликнула она къ удивленію Маши и слѣдомъ распорядилась, чтобы горничная зажгла свѣчи на письменномъ столѣ.

Твердымъ и размашистымъ почеркомъ писала она къ графу. Она съ грустью извѣщала его, что, несмотря на всю ея поспѣшность, портретъ, оказалось, уже купленъ „ненавистнымъ графу нотаріусомъ". „Впрочемъ, продолжала она, — если вы говорили правду, что не любите Ѳенички, то избавленіе отъ такого излишняго расхода должно васъ радовать". Затѣмъ она совѣтовала ему, pour sauver les convenances и для успокоенія самолюбія, подарить Ѳеничкѣ какую-нибудь бездѣлушку. Письмо оканчивалось пожеланіемъ успѣха „въ общемъ нашемъ дѣлѣ". Плутовка подчеркнула послѣднія слова.

Письмо было немедленно отправлено съ Машей. Графъ воротился поздно и, прочтя записку, страшно разбѣсился на нотаріуса; онъ даже выругался, какъ ругаются Французы въ самомъ крайнемъ случаѣ. Впрочемъ, перечтя письмо на слѣдующее утро, „на свѣжую голову, мудрую", онъ взглянулъ на дѣло хладнокровнѣе. Возможность отдѣлаться дешевою бездѣлушкой показалась ему счастливою мыслью.

„И притомъ, подумалъ графъ, подымая правую ногу и трясясь на лѣвой,—и притомъ, продолжалъ онъ, совершая то же упражненіе на правой ногѣ, приподнявъ лѣвую,—я могу отлично удружить нотаріусу. Онъ, конечно, разсчитываетъ сдѣлать сюрпризъ, а я... Хи, хи, хи!"

И графъ, хихикая и потирая руки, извиваясь прошелся по комнатѣ. Затѣмъ онъ присѣлъ къ столу и начерталъ по-французски письмо къ Фанни Юрьевнѣ, именуя ее „Chère madame". Онъ писалъ, что безконечно опечаленъ тѣмъ, что, несмотря на всю поспѣшность, онъ не можетъ поднести ей ея прелестнаго портрета. Болѣе счастливый соперникъ, благодаря единственно своей дружбѣ съ художникомъ, сумѣлъ предупредить его. Но графъ попрежнему остается поклонникомъ ея несравненной красоты и надѣется доказать свою преданность другимъ способомъ.

Тутъ графъ остановился и подумалъ, что надо бы еще что-нибудь прибавить, une phrase bien tournée; но ему ничего не приходило въ голову. Онъ машинально взялъ письмо Глафиры Александровны и сталъ вертѣть его въ рукахъ, какъ бы ища въ немъ вдохновенія. Его глаза упали на подчеркнутыя слова „въ общемъ нашемъ дѣлѣ".

— Она, конечно, намекаетъ на мое предстоящее директорство, сказалъ графъ про себя.—Что, если я воспользуюсь этимъ мотивомъ?

И, не долго думая, графъ добавилъ въ письмѣ, что, восторгаясь ея красотой, онъ нисколько не забываетъ объ ея отличномъ талантѣ и отъ души желаетъ видѣть его въ болѣе достойной обстановкѣ; онъ полагаетъ, что смѣетъ питать полную увѣренность, что его желаніе осуществится въ очень недалекомъ будущемъ.

Письмо было немедленно отправлено съ ливрейнымъ лакеемъ, съ приложеніемъ букета, отнюдь, впрочемъ, не роскошнаго. Воротясь съ репетиціи, Фанни Юрьевна довольно бѣгло прочла записочку. Она была до того довольна, что портретъ будетъ ея, что не обратила вниманія ни на хитрость графа, ни на его пожеланія, ниже на букетъ. За то она осталась очень довольна Иваномъ Ѳеогностовичемъ и даже назвала его про себя душкой.

Случилось, что Подлещиковъ въ тотъ же день заѣхалъ къ Фанни Юрьевнѣ.

— Ахъ, я не знаю, какъ благодарить васъ, сказала она ему съ первыхъ же словъ.

— За что̀?

— Какъ за что̀? Конечно, за портретъ. Мнѣ такъ хотѣлось, и я никогда не забуду...

— Ахъ, этотъ Андрюша! Не могъ не проболтаться!—не въ силахъ будучи побороть досады, сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ.

Фанни Юрьевна струсила; она боялась, когда мужчины сердятся.

— Ахъ, это не онъ! Право, не онъ!..

— Но кто же?

— Мнѣ написалъ графъ.

— Графъ? нахмурясь, переспросилъ Подлещиковъ.

— Хотите, я покажу вамъ письмо?

Такой простодушный знакъ довѣрія не могъ не тронуть Ивана Ѳеогностовича.

— Если это вамъ не въ трудъ, съ самою нѣжною улыбкой сказалъ онъ.

Фанни Юрьевна подала ему письмо.

— Гм... пробурчалъ про себя Иванъ Ѳеогностовичъ, оканчивая чтеніе письма.—А на что̀ онъ намекаетъ въ концѣ? Вы не догадываетесь?

— Я такъ обрадовалась, что портретъ будетъ мой, что право на остальное не обратила вниманія, съ милою откровенностью,

отъ которой чуть не растаяло сердце Ивана Өеогностовича, сказала Хотьминская.—Позвольте письмо.

Фанни Юрьевна внимательно дважды перечла письмо.

— Право, я не понимаю.

— Быть-можетъ, это простая свѣтская любезность?

— Конечно... или... Впрочемъ, нѣтъ, не понимаю.

Иванъ Өеогностовичъ былъ доволенъ, что порадовалъ Фанни Юрьевну; онъ еще болѣе былъ доволенъ тѣмъ, что когда на прощанье онъ попросилъ у нея позволенія поцѣловать ручку, то она тепло поцѣловала его въ голову. Бѣдняжка, онъ и не подозрѣвалъ, что за такой подарокъ Фанни Юрьевна охотно бы поцѣловала его въ губы!

Казалось, все бы хорошо, а Иванъ Өеогностовичъ, выйдя отъ Хотьминской, чувствовалъ себя неспокойнымъ и озабоченнымъ. Ему было непріятно, что сюрпризъ, собственно говоря, не удался. Онъ думалъ поднести портретъ въ день предстоявшаго бенефиса; теперь же поднести подарокъ, о которомъ она знаетъ и за который такъ тепло благодарила, казалось ему неловкимъ. Для бенефиса надо было придумывать новый, и онъ уже не выйдетъ такой оригинальный. Притомъ, не взирая на страсть, Иванъ Өеогностовичъ былъ человѣкъ разсчетливый и бережливый, и новый значительный расходъ ему вовсе не улыбался. Больше же всего Подлещикова озабочивали заключительныя слова графскаго письма. Подъ ними скрывается какой-то намекъ. И была ли Фанни Юрьевна вполнѣ откровенна съ нимъ? У нея вырвалось какое-то двусмысленное *или*, которое она, очевидно, замолчала.

„Нѣтъ, и портрета и бенефиснаго подарка, всего этого мало, подумалъ Иванъ Өеогностовичъ.—Разумѣется, своимъ намекомъ графъ хотѣлъ польстить ея самолюбію. Гм... а мы станемъ дѣйствовать прямо на самолюбіе, это самый вѣрный путь.“

И Иванъ Өеогностовичъ началъ строить разные планы, о которыхъ въ свое время будетъ доложено читателю.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Аверкіевъ.

21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА.

Эпизодъ изъ исторіи французской революціи.

21 января (нов. ст.) исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ голова „послѣдняго“ короля Франціи скатилась подъ ударомъ гильотины. *Послѣдняго короля* — эти слова такъ часто раздавались въ стѣнахъ конвента; таково было убѣжденіе большинства судей Людовика XVI, отправившихъ его на гильотину. А сколькихъ еще королей видѣла Франція съ тѣхъ поръ?.. Но люди девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія не понимали многаго, что̀ теперь намъ представляется столь просто и ясно; не понимали они и того, что снять голову королю не значитъ еще убить его. — Во Франціи, когда умиралъ король, глашатай выходилъ къ народу и трижды возглашалъ: le roi est mort, vive le roi! И въ этой сакраментальной формулѣ заключался глубокій смыслъ и исторически-вѣрный. Въ теченіе долгаго ряда вѣковъ одни за другимъ умирали короли, но *король* всегда жилъ; онъ жилъ и послѣ той минуты, какъ голова Людовика XVI скатилась на окровавленные подмостки эшафота. Король продолжалъ жить,—продолжалъ жить въ идеѣ—а идеи не умираютъ на эшафотѣ—и явился скоро въ видѣ живой личности; и опять умиралъ король, и опять былъ живъ, и кто можетъ сказать съ увѣренностью, умеръ ли онъ?..

Есть растенія: срѣжьте стволъ, а оно продолжаетъ „жить“; оно живуче, потому что его корни вросли глубоко въ почву, и

въ этихъ корняхъ сосредоточены жизненные соки растенія; пусть срѣзанъ стволъ, пусть онъ засохъ, — оно даетъ новый побѣгъ и—продолжаетъ жить. Таковъ именно былъ король во Франціи. Онъ имѣлъ живые и могучіе корни, глубоко вросшіе въ теченіе долгихъ вѣковъ въ историческую почву Франціи. Въ трехъ главныхъ корняхъ сосредоточивались жизненные соки этого вѣковаго историческаго растенія.

Вопервыхъ, нигдѣ, во всей исторіи Западной Европы, король не имѣлъ столь глубокаго *національнаго* значенія, какъ во Франціи; нигдѣ королевская власть не срослась такъ органически съ націей, какъ здѣсь. Можно сказать, что королевская власть была во Франціи старше самой націи; послѣдняя была, въ извѣстномъ смыслѣ, созданіемъ королевской власти, на почвѣ которой и началось и завершилось національное и территоріальное объединеніе Франціи. Люди 1789 года руководились вѣрнымъ инстинктомъ, когда назвали короля „наслѣдственнымъ представителемъ націи", въ противоположность людямъ 1792 года, для которыхъ король былъ уже не болѣе, какъ „глава исполнительной власти".

Столь же органически срослась королевская власть и со всѣмъ исторически-сложившимся государственнымъ строемъ Франціи. *Государство* было здѣсь въ неменьшей степени, чѣмъ нація, созданіемъ короля, который уже существовалъ въ то время, когда о *государствѣ* французскомъ не было еще и помину. Государственная идея, какъ и государственный строй выросли здѣсь опять-таки на почвѣ королевской идеи, королевской власти. И это было ея вторымъ жизненнымъ корнемъ.

И третій корень былъ у этого историческаго растенія. Въ теченіе долгаго ряда вѣковъ онъ органически сросся неразрывными нитями съ двумя другими корнями и вмѣстѣ съ ними глубоко засѣлъ въ исторической почвѣ Франціи. Этимъ третьимъ корнемъ была *династія*,—самая древняя, самая національная и, если можно такъ выразиться, самая государственная изъ всѣхъ династій, какія знаетъ западно-европейская исторія.

Вотъ съ этою-то могучею, живою историческою силой думали якобинцы покончить навсегда однимъ ударомъ гильотины 21 января 1793 года. Многимъ изъ нихъ суждено было еще убѣдиться собственными очами въ томъ, до какой степени безсиленъ былъ этотъ ударъ. У „послѣдняго" короля оказался цѣлый рядъ преемниковъ Le roi est mort, vive le roi!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ Тамплѣ.

I.

Казнь началась для несчастнаго „Капета“ еще задолго до 21 января; событіе 21 января 1793 г. было лишь послѣднимъ актомъ той продолжительной агоніи, которая началась для него 10 августа предшествующаго года.

Утромъ 9 августа 1792 года Людовикъ XVI въ послѣдній разъ всталъ съ постели королемъ; правда, оставалось ему еще одну ночь провести во дворцѣ, но въ эту ночь, быть-можетъ первую въ жизни, королевская семья не ложилась спать. Парижъ не спалъ эту ночь. Это была вторая всемірно-историческая ночь съ начала французской революціи. Первая—три года тому назадъ, и тоже въ августѣ, была знаменитая *ночь 4 августа*. Въ эту „святую ночь“, какъ любили ее тогда называть, свершилась тоже своего рода *великая революція*; но тогда король былъ предметомъ патріотическихъ восторговъ и получилъ даже отъ „представителей націи“ титулъ „возстановителя французской свободы“: въ ночь на 10 августа „самодержавный народъ“ идетъ съ ружьями и пиками, идетъ противъ „тирана“, выгоняетъ его изъ собственнаго дворца и заставляетъ искать убѣжища среди „представителей націи“, которые на этотъ разъ низлагаютъ „главу исполнительной власти“... Мы не будемъ передавать подробностей событія 10 августа (1792)—ихъ легко найти во множествѣ книгъ, существующихъ на русскомъ языкѣ,— и перейдемъ сразу къ той сторонѣ занимающаго насъ эпизода, которая представляется менѣе общеизвѣстною, въ особенности среди русскихъ читателей.

Въ половинѣ четвертаго часа утра 11 августа засѣданіе законодательнаго собранія, начавшееся наканунѣ утромъ, объявлено прерваннымъ, и „бывшій“ король Франціи съ своимъ семействомъ получаетъ наконецъ возможность отдохнуть послѣ тревожной ночи, проведенной въ Тюильри, потомъ послѣ семнадцати часовъ пытки въ репортерской ложѣ законодательнаго собранія, за спиной предсѣдателя...

Королевскому семейству вмѣстѣ съ нѣсколькими вѣрными друзьями и слугами, пожелавшими раздѣлить его участь, отвели

временное помѣщеніе въ четырехъ комнаткахъ бывшаго монастыря Фёльяновъ, находившагося по сосѣдству съ законодательнымъ собраніемъ. Принесли наскоро кое-какой мебели, такъ какъ помѣщеніе до сихъ поръ пустовало. Здѣсь было и тѣсно и неуютно, но въ эту минуту никто изъ новыхъ обитателей стараго монастыря и не думалъ объ удобствахъ или комфортѣ; никто не думалъ и о ѣдѣ, хотя болѣе сутокъ провели безъ пищи. Только-что пережитыя впечатлѣнія не успѣли еще улечься, между тѣмъ какъ до ушей коронованныхъ плѣнниковъ доносилось снаружи зловѣщее эхо неистовыхъ возгласовъ, оглашавшихъ дворъ Тюильри: то были опьянѣвшіе отъ вина и крови „патріоты", справлявшіе свою кровавую оргію вокругъ полусгорѣвшаго дворца, посреди окровавленныхъ труповъ, оглашая воздухъ проклятіями по адресу „тирана"... Таково было первое пристанище правнука Людовика XIV, выгнаннаго изъ собственнаго дворца, изъ дворца своихъ предковъ. Но это было лишь чистилище,—адъ ожидалъ впереди.

II.

Законодательнымъ собраніемъ было первоначально предположено перевести королевское семейство изъ временнаго помѣщенія въ монастырѣ Фёльяновъ—въ люксембургскій дворецъ. Но это вовсе не соотвѣтствовало видамъ новыхъ диктаторовъ парижской ратуши, утвердившихся тамъ съ 10 августа; они считали свою задачу неоконченною до тѣхъ поръ, пока „тиранъ" не будетъ посаженъ, если не на цѣпь, то, по крайней мѣрѣ, за желѣзную рѣшетку. И дѣйствительно, имъ удалось добиться того, что прежній планъ былъ оставленъ, и, вмѣсто дворца, королевское семейство очутилось въ тюрьмѣ...

Вечеромъ 13 августа предъ подъѣздомъ монастыря Фёльяновъ остановились два экипажа, эскортируемые толпою конныхъ вооруженныхъ людей. Королевское семейство приглашаютъ помѣститься въ этихъ экипажахъ, прибавляя, что ихъ друзья не могутъ за ними слѣдовать. „Такъ, значитъ, я въ тюрьмѣ!" воскликнулъ несчастный король и, точно предугадывая свою участь, прибавилъ съ грустью: „Карлъ I (англійскій) былъ счастливѣе меня; его друзья оставались съ нимъ до эшафота". Печальный кортежъ двинулся по направленію къ Тамплю среди двухъ ря-

довъ вооруженныхъ пиками санкюлотовъ, сопровождаемый угрозами и ругательствами толпы, не успѣвшей еще очнуться послѣ кровавой оргіи 10 августа. Еще нѣсколько минутъ, и „бывшій король Французовъ“ переступалъ порогъ своего послѣдняго убѣжища, откуда ему былъ отнынѣ одинъ лишь выходъ—на эшафотъ. Но до казни предстояло пережить еще шесть мѣсяцевъ непрерывной пытки, нескончаемой агоніи.

У Фёльяновъ король былъ лишь плѣнникомъ; здѣсь—въ томъ нельзя было долѣе сомнѣваться — онъ былъ уже арестантомъ. Но что особенно должно было быть тяжко для него, это то̀, что законодательное собраніе отдало его съ семьей въ руки его злѣйшихъ враговъ, людей, бывшихъ главными руководителями „патріотическаго подвига“ 10 августа. Декретъ законодательнаго собранія отъ 12 августа гласилъ: „Королевское семейство поручается охранѣ и добродѣтели (sic!) парижскихъ гражданъ, вслѣдствіе чего представители парижской коммуны (то-есть узурпаторы, захватившіе муниципальную власть во имя „возставшаго самодержавнаго народа“ въ ночь на 10 августа) имѣютъ озаботиться его помѣщеніемъ и принять всѣ мѣры, какія имъ подскажетъ ихъ мудрость и интересъ націи“. Первымъ актомъ мудрости новыхъ блюстителей интересовъ націи было озаботиться укрѣпленіемъ темницы „тирана“. Большая башня Тампля, назначенная для его помѣщенія, должна была быть превращена въ неприступную крѣпость. Перьымъ дѣломъ, всѣ частные дома и постройки, прилегавшія къ будущей „цитадели тирана“, были снесены; окружающій башню садъ—вырубленъ; вокругъ вырытъ глубокій ровъ; высота стѣнъ, окружающихъ зданіе Тампля, удвоивается; и безъ того немногія и неширокія окна задѣлываются всѣ, кромѣ выходящихъ внутрь двора.

Первоначально двумъ дамамъ королевы разрѣшено было сопровождать ее въ ея новое заключеніе; но вскорѣ патріоты парижской ратуши нашли, что это не согласно ни съ ихъ „мудростью“, ни съ „интересомъ націи“. Какъ бы то ни было, 19 августа, среди ночи, являются въ Тампль два муниципальныхъ чиновника, которые объявляютъ плѣнникамъ, что имъ поручено немедленно удалить отсюда „всѣ лица, не принадлежащія къ *фамиліи Капетовъ*“. Негодующіе протесты королевы имѣли столь же мало результатовъ, какъ и жалобныя просьбы короля; несчастныя дамы были уведены почти силой въ одну изъ парижскихъ тюремъ; здѣсь одной изъ этихъ дамъ, m-me

Ламбаль предстояло, двѣ недѣли спустя, пасть подъ ножами сентябрьскихъ убійцъ. Отведены были и двое оставшихся съ королемъ его вѣрныхъ слугъ, Клери и Гю; послѣднему, впрочемъ, удалось вымолить позволеніе возвратиться къ своимъ господамъ, но не надолго: 2 сентября его арестовали снова и отвели въ тюрьму Force, гдѣ несчастному чуть не пришлось раздѣлить участь m-me Ламбаль,—это былъ первый день столь печально-знаменитыхъ „сентябрьскихъ убійствъ“!..

III.

Колонія „Капетовъ“ (таково было отнынѣ оффиціальное имя королевской фамиліи) въ Тамплѣ состояла теперь изъ пяти лицъ: короля съ королевой, ихъ двоихъ дѣтей—четырнадцати-лѣтней дочери и семи-лѣтняго дофина — и, наконецъ, сестры короля, благородной и симпатичной m-me Elisabeth, которая своимъ твердымъ характеромъ и несокрушимою силой духа поддерживала нравственно своихъ болѣе слабыхъ товарищей по заключенію.

Нѣтъ ничего трогательнѣе того зрѣлища, которое представляетъ взору историка-наблюдателя образъ жизни этихъ вчерашнихъ обитателей самаго блестящаго изъ дворовъ свѣта, внезапно перенесенныхъ въ темную тюремную камеру. Миновали первыя минуты волненія—и мало-по-малу установился самъ собой извѣстный порядокъ въ ихъ образѣ жизни, въ этой новой и непривычной обстановкѣ. Проза жизни входила въ свои права, трагедія становилась будничною жизнью.—Король вставалъ регулярно въ седьмомъ часу; побрившись и одѣвшись, уходилъ въ прилегавшую маленькую камеру и, сдѣлавъ свою обычную утреннюю молитву, остальное время до девяти часовъ проводилъ въ чтеніи. Тѣмъ временемъ слуга, Гю, а послѣ его ареста 2 сентября Клери, приводилъ въ порядокъ комнату, накрывалъ столъ для завтрака, спускался затѣмъ къ королевѣ, камера которой помѣщалась въ нижнемъ этажѣ Малой башни, служившей временнымъ помѣщеніемъ для семейства „тирана“—впредь до окончанія упомянутыхъ выше работъ по укрѣпленію Большой башни, предназначавшейся служить „цитаделью тирана“.

Марія-Антуанета вставала еще ранѣе, чѣмъ король, одѣвала своего сына и дѣлала свой туалетъ. Около восьми часовъ обыкновенно являлся Гю (а потомъ Клери), за которымъ слѣдомъ

входили въ комнату королевы двое коммиссаровъ коммуны; ночь они дежурили обыкновенно въ передней королевы, а день проводили безвыходно въ ея комнатѣ.

Около девяти часовъ королева съ дѣтьмиа, также m-me Elisabeth, сходились всѣ въ комнату короля къ завтраку, за которымъ прислуживалъ все тотъ же единственный вѣрный слуга, спускавшійся послѣ завтрака внизъ, чтобы привести въ порядокъ камеру королевы, гдѣ затѣмъ все королевское семейство и проводило весь день. Король давалъ дофину уроки исторіи, географіи, латинскаго и французскаго языковъ; королева съ m-me Elisabeth занимались воспитаніемъ принцессы. Въ часъ дня, если благопріятствовала погода и если Сантеръ, „главнокомандующій національной гвардіи", былъ въ это время въ Тамплѣ, узники выходили прогуляться во дворъ, въ сопровожденіи Сантера съ нѣсколькими коммиссарами коммуны.

Время послѣ обѣда, который имѣлъ мѣсто въ третьемъ часу, посвящалось обыкновенно отдохновенію и развлеченіямъ. Да узники настолько свыклись уже съ своимъ новымъ положеніемъ, что имъ удавалось иногда „развлекаться". Всего легче, конечно, удавалось дѣтямъ забывать трагизмъ своего положенія: часто въ эти послѣобѣденныя минуты они играли и рѣзвились, внося тѣмъ свѣжую струю въ эту удручающую обстановку. Король же любилъ проводить эти часы за чтеніемъ, если только дамы не предлагали партію пикета или трикъ-тракъ.

Около семи часовъ вечера вся семья располагалась вокругъ одного стола, причемъ королева съ m-me Elisabeth читали вслухъ поочереди какую-нибудь книгу, приспособленную для дѣтскаго возраста, преимущественно историческаго содержанія.

Въ девятомъ часу маленькаго дофина мать укладывала спать, послѣ чего король, простившись съ женой, дочерью и сестрой, уходилъ къ себѣ. Дамы оставались еще нѣкоторое время вмѣстѣ, обыкновенно съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ, которое заключалось главнымъ образомъ въ починкѣ собственнаго бѣлья и гардероба.

IV.

Такъ проходили дни за днями въ Тамплѣ. Ихъ томительное однообразіе нарушалось лишь время отъ времени то одною, то другою новою мѣрой строгости со стороны „мудрыхъ" блюсти-

телей „интересовъ націи“, засѣдавшихъ въ ратушѣ съ 10 августа и имѣвшихъ, какъ мы выше видѣли, ближайшій надзоръ за узниками. Такъ, 24 августа, въ часъ ночи, въ комнату короля входятъ нѣсколько муниципальныхъ чиновниковъ. „Въ силу постановленія коммуны, объявляетъ одинъ изъ нихъ, мы пришли взять оружіе, какое у васъ окажется“. „У меня нѣтъ оружія“, отвѣчаетъ Людовикъ. Слѣдуетъ обыскъ, не приводящій, разумѣется, ни къ какому результату. Но вдругъ коммиссары вспоминаютъ о шпагѣ, которую имѣлъ при себѣ Людовикъ во время переѣзда изъ монастыря Фёльяновъ въ Тампль. По ихъ требованію, король, безъ всякихъ возраженій, приказываетъ слугѣ принести шпагу и передаетъ ее чиновникамъ.

Дѣло не обходилось при этомъ безъ комическихъ эпизодовъ, которые лучше всякихъ многословныхъ характеристикъ рисуютъ предъ нами духовную физіономію людей, стоявшихъ въ эту минуту во главѣ парижскаго управленія. Такъ, разъ коммиссары, которые поочереди безвыходно дежурили днемъ въ комнатѣ королевы, гдѣ, какъ мы видѣли выше, король занимался въ предобѣденное время съ дофиномъ,—замѣтили, что тиранъ обучаетъ сына какимъ-то подозрительнымъ „шифрамъ“ (былъ урокъ ариѳметики); немедленно было доведено объ этомъ до свѣдѣнія муниципальнаго совѣта (коммуны). На другой же день вышелъ приказъ, запрещавшій уроки ариѳметики...

Иногда, уже для собственнаго развлеченія, коммиссары позволяли себѣ „подшутить“ надъ несчастными узниками, въ такомъ, напримѣръ, родѣ. Разъ Людовикъ, выйдя въ переднюю, увидѣлъ разложенный на столѣ газетный листъ, на которомъ жирными буквами красовалась карандашная надпись: „Трепещи, тиранъ! Гильотина работаетъ безъ перерыва!“ Подобную же надпись нѣсколько дней спустя прочелъ король на двери своей камеры. Вообще коммиссары истощали свою изобрѣтательность, придумывая способы истязать свои жертвы. Особенно отличался въ этомъ столь печально-знаменитый впослѣдствіи „воспитатель“ дофина, сапожникъ Симонъ. Разъ онъ говоритъ, обращаясь къ Клери, но настолько громко, чтобы король могъ слышать его изъ сосѣдней комнаты: „Ну-ка, поди спроси Капета, что̀ ему еще надо,—у меня нѣтъ охоты идти къ нему“. Санкюлоты, сторожившіе „тирана“ въ качествѣ „національныхъ гвардейцевъ“, поощряемые примѣромъ коммиссаровъ, старались не отстать отъ своего начальства, а если можно, то и перещеголять—въ ци-

низмѣ, по крайней мѣрѣ, если не въ изобрѣтательности. Такъ, они дѣлали надписи на наружныхъ стѣнахъ, такъ чтобы королевское семейство могло ихъ видѣть при выходѣ на прогулку, въ такомъ родѣ, напримѣръ: „къ черту австрійскую волчиху!“ или: „слѣдуетъ задушить волченка“ (первое по адресу королевы, послѣднее — дофина). Или рисовали на стѣнѣ человѣка подъ гильотиной, съ пояснительною надписью: „Людовикъ плюетъ въ мѣшокъ“. При выходѣ короля или королевы, пускали имъ клубы табачнаго дыма въ лицо. Словомъ, не упускали ни малѣйшаго случая отравить несчастному семейству и безъ того горькое существованіе.

V.

2 сентября до слуха обитателей Тампля донеслись издалека зловѣщіе, столь знакомые звуки набата, смѣшанные съ барабаннымъ боемъ. Плѣнники не получили разрѣшенія выйти во дворъ въ обычный часъ. Очевидно, что-то неладное происходило въ Парижѣ; но такъ какъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ имъ были отрѣзаны, то они и не знали ничего о начинавшихся „сентябрьскихъ убійствахъ“...

На другой день та же зловѣщая музыка донеслась до слуха королевскаго семейства. Спустя нѣсколько времени къ Тампилю приближалась бѣснующаяся въ какомъ-то неистовомъ изступленіи толпа санкюлотовъ; съ окровавленными руками и забрызганною кровью одеждой, они изрыгали дикія проклятія, оглашая воздухъ неистовыми воплями. Одинъ изъ переднихъ санкюлотовъ держалъ въ окровавленныхъ рукахъ пику съ насаженною на остріѣ женскою головой; свѣжая кровь сочилась по роскошнымъ свѣтлорусымъ локонамъ... Это была голова несчастной m-me Ламбаль, одной изъ тѣхъ дамъ королевы, которыя отведены были двѣ недѣли тому назадъ изъ Темпля въ одну изъ парижскихъ тюремъ. Въ роковой день 3 сентября (второй день „сентябрьскихъ убійствъ“) ей суждено было пасть „жертвой народнаго правосудія“: такъ именовались на оффиціальномъ якобинскомъ языкѣ сентябрьскія звѣрства. Цѣлью этой ужасной процессіи было—дать возможность „австріячкѣ“ (Маріи-Антуанетѣ) видѣть живой примѣръ того, „какъ народъ мститъ тиранамъ“.

Королевское семейство, только-что отобѣдавшее въ комнатѣ короля, спустилось по обыкновенію внизъ, въ помѣщеніе коро-

левы. Два коммиссара находились по обыкновенію тутъ; вдругъ входитъ новый коммиссаръ, и грубо обращаясь къ королю, кричитъ ему почти въ упоръ: „Непріятель въ Вердюнѣ,—мы всѣ погибнемъ, но вы погибнете первыми!“ Вслѣдъ затѣмъ вбѣгаетъ еще новый коммиссаръ и съ таинственнымъ видомъ говоритъ что-то на ухо предыдущему; потомъ вслухъ: „Да, въ случаѣ приближенія непріятеля, королевское семейство должно погибнуть“. „Дофинъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на разрыдавшагося при этихъ словахъ мальчика,—мнѣ его жалко, но онъ—сынъ тирана, и онъ долженъ погибнуть“.

Въ то время какъ происходилъ этотъ разговоръ, толпа санкюлотовъ была уже подъ стѣнами Тампля, и голова m-me Ламбаль была поднята на пикѣ къ самому окну комнаты, гдѣ въ это время происходила только-что описанная сцена. Вошедшій въ эту минуту новый коммиссаръ становится къ окну съ цѣлью загородить отъ взоровъ королевскаго семейства ужасное зрѣлище, но въ своемъ благородномъ порывѣ онъ былъ одинокъ среди этихъ изверговъ. Замѣтивъ, въ чемъ дѣло, другой коммиссаръ кричитъ на всю комнату: „Отъ васъ хотятъ скрыть голову Ламбаль, которую принесли къ вамъ, чтобы показать, какъ народъ мститъ тиранамъ; я совѣтую вамъ подойти къ окну, если не хотите, чтобы народъ вошелъ сюда“. Король съ королевой подходятъ къ окну. Едва успѣвъ взглянуть, Марія-Антуанета испускаетъ пронзительный крикъ и падаетъ безъ чувствъ.

Тѣмъ временемъ коммиссары пишутъ въ ратушу слѣдующее характерное донесеніе: „Убѣжищу Людовика угрожаетъ опасность. Сопротивленіе было бы неполитично, опасно, *несправедливо быть-можетъ*“... „Сопротивленіе“ толпѣ убійцъ „было бы несправедливо“, потому что, по оффиціально принятому тогда якобинскому катехизису, „самодержавіе принадлежитъ націи *и всякой отдѣльной части націи*“, а слѣдовательно и всякой случайной толпѣ; въ частности, про толпу сентябрьскихъ убійцъ на оффиціальномъ якобинскомъ языкѣ выражались: „le peuple en exercice de sa souveraineté“.

Къ счастію, самодержавные убійцы удовольствовались на этотъ разъ достигнутымъ результатомъ и разошлись, не пытаясь проникнуть внутрь Тампля.

VI.

21 сентября, въ 4 часа вечера, королевскіе узники увидѣли приближавшійся къ башнѣ Тампля отрядъ конныхъ жандармовъ въ сопровожденіи огромной толпы; впереди ѣхалъ на конѣ муниципальный чиновникъ, держа въ рукѣ какой-то свертокъ. Вотъ, наконецъ, кортежъ у самой башни, противъ окна королевской камеры. Трубачъ даетъ сигналъ—молчаніе. Муниципальный чиновникъ читаетъ громкимъ голосомъ составленное въ столь любимомъ якобинцами „лапидарномъ" стилѣ постановленіе національнаго конвента, который въ это утро имѣлъ свое первое засѣданіе: „Королевское достоинство отмѣняется во Франціи. Всѣ публичные акты будутъ датироваться съ перваго года республики. Государственная печать будетъ носить надпись: „Французская Республика". На національной печати будетъ изображеніе сидящей женщины съ пикой въ рукѣ и шапкой свободы на головѣ".

И король и королева выслушали это объявленіе съ поразительнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ этотъ декретъ конвента измѣнялъ что-нибудь въ ихъ положеніи, лишалъ ихъ чего-нибудь, что̀ бы не было уже потеряно?

Между тѣмъ, ревнивые блюстители „интересовъ націи", засѣдавшіе въ ратушѣ, не забывали порученнаго ихъ „попеченію" „бывшаго короля". Недѣлю спустя послѣ описанной сцены, 29 сентября, коммуна дѣлаетъ постановленіе о томъ, что

1) Людовикъ и Антуанета будутъ разлучены,

2) каждый изъ узниковъ будетъ заключенъ въ особую камеру,

3) ихъ слуга будетъ арестованъ.

Результатомъ этого было, прежде всего, переселеніе Людовика въ такъ-называемую Большую башню Тампля, объ укрѣпленіи которой ранѣе мы имѣли случай говорить; дамы же остались до поры до времени въ прежнемъ помѣщеніи; ихъ переселеніе вмѣстѣ съ дѣтьми въ Большую башню состоялось тремя недѣлями позднѣе, 26 октября. Съ этихъ поръ у арестантовъ отобрали бумагу, чернила, перья, карандаши. [1]

---

[1] Въ національномъ архивѣ во Франціи сохранилось нѣсколько записокъ Маріи-Антуанеты, написанныхъ булавкой: каждая буква изображается рядомъ многочисленныхъ уколовъ.

Подозрительность коммиссаровъ по отношенію къ арестантамъ доходила часто до смѣшнаго. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, приказывалъ разрывать при себѣ макароны, приносимыя къ завтраку, чтобы убѣдиться, не спрятано ли внутри какой-нибудь записки; другой, въ тѣхъ же видахъ, заставлялъ при себѣ разрѣзывать персики и разбивать орѣхи, которые иногда приносились заключеннымъ.

Доступъ газетамъ въ Тампль былъ строго воспрещенъ; но на практикѣ, въ видѣ исключенія, допускались нѣкоторые изъ болѣе „патріотическихъ" листковъ, которые и давались „тирану" для назиданія. Въ одномъ изъ такихъ листковъ Людовикъ имѣлъ возможность прочесть въ одно прекрасное утро патріотическій проектъ редактора, заключавшійся въ томъ, чтобы „головой тирана (предварительно отдѣленной отъ тѣла, разумѣется) зарядить пушку и отправить ее въ видѣ бомбы къ непріятелю"...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предъ судомъ.

I.

Требованіе „головы тирана" сдѣлалось съ нѣкотораго времени общимъ мѣстомъ революціонной прессы. Иные просто „требовали головы", иногда съ нѣкоторыми добавочными проектами, въ родѣ приведеннаго выше. Другіе, болѣе совѣстливые, выражали въ сущности, правда, то же самое pium desiderium, но не въ столь цинической формѣ: требовали *суда надъ бывшимъ королемъ*. Скоро это требованіе сдѣлалось лозунгомъ ораторовъ ратуши, своего рода delenda Carthago, которымъ заканчивалась каждая ихъ рѣчь. Наконецъ и въ конвентѣ эта идея пріобрѣтала себѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ.

Три главныхъ группы обрисовались на первыхъ же порахъ въ новомъ національномъ представительствѣ, собравшемся 21 сентября для того, чтобы въ первомъ же засѣданіи отмѣнить монархію однимъ почеркомъ пера. Безспорный перевѣсъ имѣла та партія, которая оставила столь яркій слѣдъ въ исторіи подъ именемъ *жиронды*. Вторая, заключавшая въ себѣ квинтъ-эссенцію якобинства, была столь печально-знаменитая въ исторіи революціи *гора (монтаньяры)*, „святая гора", какъ величали ее

якобинцы,—постоянная, первоначально безсильная, впослѣдствіи счастливая соперница первой. Наконецъ, третья группа, которую собственно и нельзя назвать партіей въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ ее соединяло скорѣе отсутствіе какой-либо опредѣленной программы, чѣмъ общность идей, называлась, по занимаемому ею мѣсту въ залѣ конвента, *долиной*; а противники называли ее презрительно *болотомъ*. Послѣдняя группа была самая многочисленная; сама по себѣ она не представляла большинства, но она „дѣлала большинство", соединяясь то съ одною, то съ другою изъ двухъ первыхъ партій. Она шла обыкновенно на буксирѣ той партіи, которая въ данное время имѣла перевѣсъ въ конвентѣ; поэтому первое время она шла за *жирондой*, а послѣ паденія послѣдней (31 мая 1793 года) также рабски слѣдовала за *горой*.

Мы не будемъ останавливаться на выясненіи политическихъ взглядовъ и оттѣнковъ каждой изъ этихъ группъ; для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать на ихъ отношеніе къ вопросу, выставленному впервые революціонною прессой, затѣмъ выдвинутому парижскою ратушей и теперь—имѣющему явиться на сцену въ національномъ конвентѣ.

Интересенъ процессъ Людовика XVI между прочимъ тѣмъ, что, между тѣмъ какъ начало его отмѣчено рѣдкимъ въ политической исторіи единодушіемъ всѣхъ партій, конецъ его ознаменованъ ожесточенною партійною борьбой, которой суждено было прекратиться лишь съ низверженіемъ и истребленіемъ одной изъ нихъ, то-есть *жиронды*. Всѣ партіи сходились въ одномъ—въ вопросѣ о *виновности* бывшаго короля; но рѣзкій и рѣшительный расколъ обнаружился, лишь только отъ этого вопроса перешли къ слѣдующему, къ вопросу о *наказаніи*.

Согласіе соперничавшихъ партій въ первомъ вопросѣ обнаружилось уже въ томъ фактѣ, что передовыми застрѣльщиками въ этомъ дѣлѣ выступили почти одновременно одинъ жирондистъ и одинъ монтаньяръ. 6 ноября впервые вопросъ о судѣ надъ бывшемъ королемъ выступаетъ на сцену въ конвентѣ. Его ставитъ жирондистъ Валазе, докладъ котораго по поводу открытыхъ во дворцѣ секретныхъ бумагъ Людовика былъ памфлетомъ по формѣ, по содержанію—обвинительнымъ актомъ противъ „тирана, измѣнника и лихоимца": такими именно эпитетами надѣлялъ Людовика XVI оффиціальный документъ. Докладъ Валазе былъ не болѣе, какъ отголоскомъ уличныхъ словоизверженій санкюлот-

скаго радикализма—печатнаго и непечатнаго. Иного характера былъ докладъ, представленный на другой день монтаньяромъ Мелемъ. Къ вопросу, который вчерашній докладчикъ третировалъ какъ журналистъ и памфлетистъ, Мель приступаетъ какъ юристъ, какъ легистъ.

Докладъ этотъ интересенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ немъ мы видимъ первую попытку практическаго приложенія теоріи Руссо о „самодержавіи народа“ къ конкретному юридическому случаю.—Подлежитъ ли Людовикъ суду? Если да, то кѣмъ долженъ быть судимъ? Такъ формулируетъ вопросъ Мель. Якобинскій юристъ разрѣшаетъ вопросъ съ „Общественнымъ договоромъ“ Руссо въ рукахъ, точь въ точь какъ легисты XIV вѣка разрѣшали вопросъ о компетенціи короля ссылками на римскій кодексъ.

Конституція 1791 года объявляла личность короля неприкосновенною, не подлежащею ни отвѣтственности, ни суду. Вотъ было первое и, повидимому, непреодолимое препятствіе для рѣшенія перваго изъ поставленныхъ Мелемъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но съ „Общественнымъ договоромъ“ Руссо въ рукахъ, якобинскій юристъ устраняетъ это затрудненіе въ двухъ-трехъ словахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по этому кодексу, самодержавіе народа—неотчуждаемо и неограничено; слѣдовательно, создавъ конституцію, онъ не отказался тѣмъ ни отъ малѣйшей частицы своего самодержавія; оно осталось неприкосновенно и неограничено, какъ и до этого акта; слѣдовательно, рѣшенія націи отнюдь не могутъ быть связаны конституціей 1791 года.

Со столь же обворожительною легкостью и логическою неотразимостью устраняются ораторомъ *горы* и другія два юридическія затрудненія, а именно: вопервыхъ, по конституціи 1791 года, въ извѣстныхъ случаяхъ король можетъ быть лишенъ престола,—вотъ единственное наказаніе, предусмотрѣнное конституціей; но это наказаніе—уже совершившійся фактъ: король лишенъ престола. Вовторыхъ, согласно одному изъ параграфовъ „Объявленія правъ человѣка и гражданина“, этого краеугольнаго камня конституціи 1791 года, никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ въ силу извѣстнаго ранѣе изданнаго закона, — а подъ какой законъ подвести приписываемые Людовику „преступленія?“ Опять якобинскому легисту достаточно простой ссылки на догматъ о неограниченности самодержавія народа, чтобы разсѣять въ прахъ эти послѣднія затруд-

ненія. „Развѣ право судить королей не есть естественное слѣдствіе самодержавія націи? Развѣ права націи не выше всякаго рода учрежденій?“ „Неприкосновенность короля исчезаетъ предъ лицомъ націи“.

Отсюда, съ неотразимостью силлогизма и съ неопровержимостью геометрической теоремы, вытекаетъ самъ собою отвѣтъ на оба вопроса, поставленные Мелемъ въ началѣ своего доклада: подлежитъ ли король суду? если да, то кто его судьи? *Бывшій король подлежитъ суду*, именно *суду націи*—въ лицѣ своихъ представителей, депутатовъ конвента.

II.

Недѣлю спустя, 13 ноября, открылись пренія по вопросу, выдвинутому на сцену докладомъ Меля. Нѣтъ ничего любопытнѣе и поучительнѣе того зрѣлища, которое, начиная съ этого дня, представляетъ конвентъ вплоть до рокового дня 21 января 1793 года. Нигдѣ такъ ярко не выступаетъ предъ нами нравственный и умственный обликъ людей 1792—93 годовъ, какъ въ этомъ дѣлѣ; нигдѣ мы не находимъ столь характернаго выраженія господствовавшихъ въ то время надъ умами политическихъ представленій и теорій, какъ въ преніяхъ, вызванныхъ въ конвентѣ процессомъ Людовика XVI. Между прочимъ тутъ мы имѣемъ предъ глазами живой примѣръ того, съ какимъ дѣтскимъ недомысліемъ, съ какимъ отсутствіемъ знанія и пониманія рѣшаются иные капитальнѣйшіе вопросы политической философіи, и какъ судьбы цѣлыхъ народовъ и государствъ могутъ зависѣть подъчасъ отъ простой игры словъ и условныхъ понятій. Руссо, вѣроятно, содрогнулся бы отъ ужаса, если бы могъ услышать тѣ практическіе выводы, которые теперь съ трибуны „самодержавнаго“ конвента извлекали изъ его отвлеченныхъ умопостроеній воспаленные мозги якобинскихъ философовъ, въ родѣ Сенъ-Жюста. Передать содержаніе рѣчи, произнесенной послѣднимъ 13 ноября въ конвентѣ, значитъ ее исказить, потому что языкъ ея не менѣе замѣчателенъ, чѣмъ самыя мысли. Поэтому мы предпочитаемъ, вмѣсто сокращеннаго изложенія рѣчи, привести цѣликомъ наиболѣе выразительныя мѣста изъ нея.

„Васъ хотятъ убѣдить, восклицаетъ вдохновеннымъ тономъ пророка безусый философъ (ему было тогда двадцать четыре года),—

что король подлежитъ суду, какъ простой гражданинъ, а я говорю вамъ, что его слѣдуетъ судить, какъ непріятеля. Намъ предстоитъ не столько судить его, сколько съ нимъ сражаться. Такъ какъ онъ не входитъ ни въ какомъ смыслѣ въ общественный договоръ, соединяющій Французовъ, то формы процедуры по отношенію къ нему принадлежатъ не къ области гражданскаго права, а права международнаго". „Настанетъ время, когда люди, удаленные отъ нашихъ предразсудковъ настолько же, насколько мы отъ предразсудковъ Вандаловъ,—будутъ удивляться варварству вѣка, когда готовы были видѣть что-то священное въ судѣ надъ тираномъ,—когда народъ, приступая къ суду надъ тираномъ, возвышалъ его въ санъ гражданина, прежде чѣмъ изслѣдовать его преступленія. Будутъ изумляться отсталости XVIII вѣка сравнительно съ временемъ Цезаря: тамъ тиранъ былъ заколотъ въ полномъ засѣданіи сената, безъ всякихъ другихъ формальностей, кромѣ двадцати двухъ ударовъ кинжала,—безъ иного закона, какъ свобода Рима. А мы сегодня, съ какимъ-то суевѣрно-почтительнымъ трепетомъ приступаемъ къ процессу противъ народоубійцы, захваченнаго на мѣстѣ преступленія". „Какими бы иллюзіями, какими бы условностями ни прикрывалось королевское достоинство, оно есть вѣчное преступленіе, противъ котораго имѣетъ право возстать и вооружиться всякій. Это одно изъ тѣхъ заблужденій, которыя не могутъ найти себѣ оправданія даже въ ослѣпленіи цѣлаго народа. Этотъ народъ—преступникъ предъ природой. Всякій человѣкъ предназначенъ природой для того, чтобъ истреблять тираннію во всякой странѣ. *Нельзя царствовать безвинно, всякій король — бунтовщикъ и узурпаторъ.*"

Еще оригинальнѣе было рѣшеніе вопроса, предложенное Робеспьеромъ въ засѣданіи 3 декабря. Патріархъ якобинцевъ придалъ вопросу столь неожиданный оборотъ, что даже его единомышленники рты разинули. *Людовикъ вовсе не подсудимый, а вы не судьи*, изрекъ онъ съ высоты трибуны, обращаясь къ конвенту, и, не давая ему времени опомниться отъ изумленія, продолжалъ:

„Если вы начнете процессъ противъ Людовика, *вы разыграете лишь смѣшную комедію предъ всѣмъ свѣтомъ*". Сдѣлавъ, такимъ образомъ, заранѣе должную оцѣнку дѣлу, которое готовился совершить конвентъ, Робеспьеръ предлагаетъ свое собственное рѣшеніе вопроса. „Ваше дѣло не въ томъ, чтобы

36*

произнести судебный приговоръ противъ того или другаго человѣка, а въ томъ, чтобы принять извѣстную мѣру въ интересахъ общаго блага, исполнить извѣстный актъ благоразумія". Совмѣстное существованіе тирана и республики немыслимо: первый представляетъ собою вѣчную угрозу послѣдней; и эту опасность необходимо устранить. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о подсудности короля въ проектѣ Робеспьера было вмѣстѣ и рѣшеніемъ другого вопроса, который до сихъ поръ собственно еще не былъ выдвинутъ въ конвентѣ, — вопроса о родѣ наказанія, которому слѣдовало подвергнуть бывшаго короля, ибо ясно было, какимъ образомъ возможно „устранить" опасность совмѣстнаго существованія республики и тирана. Чтобъ у слушателей не осталось никакого сомнѣнія насчетъ дѣйствительнаго смысла предлагаемой мѣры, ораторъ заканчиваетъ свою рѣчь словами: *Людовикъ долженъ умереть, потому что отечество должно жить*."

Слово, сдѣлавшееся уже давно, какъ мы видѣли, лозунгомъ извѣстной части парижской прессы, впервые раздалось такимъ образомъ съ трибуны національнаго собранія: раздалось — любопытно отмѣтить эту подробность — изъ устъ того самаго человѣка, который полтора года тому назадъ, 30 марта 1791 года, во время обсужденія въ учредительномъ собраніи вопроса о смертной казни, произнесъ горячую рѣчь противъ послѣдней, говоря, что смертная казнь есть не что иное, какъ „подлое убійство, публичное преступленіе, торжественно совершаемое цѣлою націей съ соблюденіемъ юридическихъ формъ. Слѣдуетъ признать, что для каждаго человѣка жизнь подобнаго ему есть нѣчто священное. Слѣдуетъ изгнать изъ нашего кодекса кровавые законы, предписывающіе юридическія убійства". Эти слова вышли изъ устъ человѣка, который спустя полтора года первый произнесъ смертный приговоръ, а еще немного спустя—обагрилъ потоками крови всю Францію... Еще одна характерная подробность. По окончаніи своей рѣчи противъ Людовика Робеспьеръ обратился съ вопросомъ къ Гара̀, тогдашнему министру юстиціи, какого онъ о ней мнѣнія. „Только татары, отвѣтилъ послѣдній, считаютъ себя въ правѣ убивать плѣнниковъ; только дикари считаютъ себя въ правѣ ихъ ѣсть"... Исторія умалчиваетъ о томъ, какъ отнесся якобинскій ораторъ къ столь мѣткой характеристикѣ своей рѣчи; исторія знаетъ лишь то, что не далѣе какъ годъ спустя, за подобныя рѣчи „чувствительный" Робеспьеръ отправлялъ дерзновенныхъ подъ гильотину.

Слѣдующій день, 4 декабря, былъ рѣшительнымъ. Засѣданіе было необычайно бурное. Робеспьеръ продолжалъ съ трибуны развивать свою вчерашнюю политическую теорему, при чемъ предложилъ конвенту „декретировать въ принципѣ, что никакая нація не имѣетъ права давать себѣ короля", и продолжалъ настаивать на томъ, чтобы, „согласно съ высказанными имъ принципами, король былъ немедленно приговоренъ къ смерти, *въ силу права возстанія*". Однако большинство отступило предъ столь циничнымъ проектомъ убійства, „безъ всякихъ иныхъ формальностей, кромѣ двадцати двухъ ударовъ кинжала" (какъ выразился нѣсколько ранѣе Сенъ-Жюстъ), и рѣшило придать дѣлу хотя тѣнь юридической внѣшности. Большинствомъ голосовъ было принято постановленіе, что „Людовикъ будетъ подвергнутъ суду конвента".

Представители французской націи готовились „разыграть предъ глазами свѣта смѣшную комедію", какъ мѣтко выразился наканунѣ Робеспьеръ, самъ одинъ изъ ея будущихъ актеровъ.

III.

Тутъ же наскоро была образована коммиссія для составленія проекта обвинительнаго акта, долженствовавшаго заключать въ себѣ „историческое изложеніе преступленій послѣдняго короля Французовъ".

Недѣлю спустя актъ былъ готовъ, и 11 декабря конвентъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ обвиняемаго, Людовика Капета, предъ лицо судей.

Но прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ въ залу собранія заглянемъ въ Тампль и посмотримъ, что тамъ происходило тѣмъ временемъ, какъ съ трибуны конвента рѣшалась участь короля. Уже ранѣе мы имѣли предъ собою много примѣровъ неусыпной бдительности муниципальныхъ властей по отношенію къ узникамъ. Теперь эта бдительность удвоивается. Едва состоялось постановленіе конвента о судѣ надъ королемъ, изъ ратуши исходитъ слѣдующее распоряженіе (7 декабря):

„Муниципальный совѣтъ постановляетъ,

1) что у арестантовъ Тампля будутъ отобраны всякаго рода острые инструменты и оружіе наступательное и оборонительное;

2) что все, что входитъ въ башню Тампля, будетъ тщательно освидѣтельствовано коммиссарами."

Вмѣсто того, чтобы передавать подробности полицейскаго обыска, имѣвшаго мѣсто въ Тамплѣ въ силу перваго параграфа приведеннаго постановленія, мы предпочитаемъ привести здѣсь подлинный протоколъ этого обыска, представленный на другой день коммиссарами въ ратушу; этотъ документъ слишкомъ характеристиченъ, чтобъ его пропустить, и слишкомъ краснорѣчивъ, чтобы нуждаться въ комментаріяхъ.

„Списокъ острыхъ инструментовъ и оружія наступательнаго и оборонительнаго, переданныхъ гражданами Клери и Тизономъ, находящимися при арестантахъ Тампля, а именно:

A. У Людовика Капета:

1) Шагреневый футляръ, заключающій въ себѣ шесть бритвъ, ножницы и ремень для точенія бритвъ.

2) Ножъ съ черепаховой рукояткой.

3) Двѣ пары ножницъ: однѣ большія, для стрижки волосъ, другія поменьше.

4) Столовый циркуль.

5) Щипцы для завивки волосъ.

B. У Маріи-Антуанеты:

1) Двѣ пары ножницъ, однѣ большія, другія поменьше.

2) Ножикъ для счистки пудры, съ перламутовою рукояткой.

3) Стальная зубочистка.

C. У дочери:

1) Ножъ, обоюдуострый, съ черепаховою рукояткой.

2) Маленькія стальныя ножницы въ футлярѣ.

D) У сестры Елисаветы:

1) Футляръ съ двумя ножиками, оба съ перламутровыми рукоятками, одинъ съ золоченымъ остріемъ.

2) Маленькій перочинный ножикъ съ роговою рукояткой.

3) Маленькія ножницы въ плохомъ футлярѣ."

11 декабря, послѣ завтрака, Людовикъ сидѣлъ въ своей камерѣ задумчивый и грустный. Было около часу дня, когда дверь отворилась и въ помѣщеніе короля вошла депутація муниципальныхъ чиновниковъ съ меромъ во главѣ. Послѣдній объявляетъ королю о цѣли своего прихода и даетъ секретарю знакъ— читать декретъ конвента: „Людовикъ Капетъ будетъ приведенъ..."

— *Капетъ* не есть мое имя, прервалъ король; правда, одинъ изъ моихъ предковъ, дѣйствительно, носилъ это имя, но оно не есть мое фамильное имя.

Какъ бы то ни было, нѣсколько минутъ спустя Людовикъ сидѣлъ въ экипажѣ съ меромъ и двумя муниципальными чиновниками. Ихъ сопровождалъ многочисленный вооруженный эскортъ. По пути слѣдованія всюду были разставленные шпалерами вооруженные „національные гвардейцы". Противъ обыкновенія, народъ хранилъ глубокое молчаніе.

Гробовымъ молчаніемъ встрѣтилъ конвентъ входившаго „подсудимаго". Ему позволяютъ сѣсть. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, съ хронологическимъ перечисленіемъ всѣхъ преступленій тирана, начиная съ 20 іюня 1789 года (знаменитое *serment du Jeu de paume)* и до 10 августа 1792 года (временная отмѣна королевской власти) включительно. Всѣхъ „преступленій" обвинительный актъ насчитываетъ до сотни. Послѣ чтенія каждаго обвинительнаго пункта предсѣдатель ставитъ вопросъ: „Людовикъ, что̀ вы имѣете возразить на это?" И каждый разъ король отвѣчаетъ, принимая, такимъ образомъ, роль, которую ему навязывали самозванные судьи, — роль подсудимаго, — и санкціонируя косвеннымъ образомъ ту „смѣшную комедію", которую готовился разыграть конвентъ съ этимъ процессомъ.[1] Это была новая слабость Людовика, которая придала лишь смѣлости его врагамъ. Нужно, впрочемъ, признать, что онъ отвѣчалъ на каждое изъ обвиненій съ замѣчательнымъ достоинствомъ, спокойствіемъ и самообладаніемъ,—безъ малѣйшаго смущенія, несмотря на то, что ему приходилось давать отвѣты совершенно экспромптомъ, такъ какъ, въ нарушеніе самыхъ элементарныхъ требованій правосудія, обвинительный актъ не былъ сообщенъ „подсудимому" заранѣе; тѣмъ болѣе, что обвиненія эти были часто неожиданны, основаны на произвольномъ толкованіи подробностей разныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто на протяженіи трехъ съ половиною лѣтъ; на многія изъ такихъ обвиненій было даже невозможно отвѣтить экспромптомъ. На нѣкоторыя изъ обвиненій Людовикъ ограничивался краткимъ отвѣтомъ, что это ложь или нелѣпость—а такихъ нелѣпостей было, дѣйствительно, не мало въ обвинительномъ актѣ. Другія обвиненія, фактическую сторону которыхъ не отвергалъ „обвиняемый", онъ устранялъ глав-

---

[1] Совершенную противоположность съ этимъ представляетъ поведеніе Карла I англійскаго, который до конца не хотѣлъ признать своихъ судей, ни себя подсудимымъ и продолжалъ обращаться къ нимъ какъ король къ своимъ подданнымъ.

нымъ образомъ двумя ссылками. Именно относительно фактовъ, предшествовавшихъ конституціи, онъ ссылался на отсутствіе закона, который бы ограничивалъ его власть; относительно фактовъ позднѣйшихъ—на признанную конституціей неотвѣтственность короля, за всѣ дѣйствія котораго несутъ отвѣтственность министры—и никто болѣе. Но мы уже выше видѣли, что въ глазахъ большинства судей Людовика всѣ юридическія нормы стушевывались предъ „самодержавіемъ націи", поэтому заранѣе можно уже было предвидѣть безполезность такого рода защиты.

По окончаніи допроса предсѣдатель Бареръ обращается къ королю:

— Людовикъ, что вы еще имѣете прибавить?

— Я желаю, отвѣчалъ король,—имѣть копію съ обвинительнаго акта и приложенныхъ къ нему документовъ; я желалъ бы также имѣть возможность выбрать совѣтниковъ для моей защиты.

Бареръ заявляетъ, что собраніе приступитъ къ обсужденію выраженныхъ имъ желаній и объявитъ ему о своемъ рѣшеніи.

— Конвентъ позволяетъ вамъ удалиться въ залу конференціи.

Изнуренный отъ усталости и голода послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго допроса, вышелъ Людовикъ изъ залы собранія и увидѣлъ себя въ толпѣ людей, среди которыхъ его глаза тщетно искали дружественнаго взгляда. Среди другихъ онъ узналъ одного изъ муниципальныхъ чиновниковъ, сопровождавшихъ его изъ Тампля въ конвентъ; стоя въ сторонѣ, онъ ѣлъ кусокъ хлѣба. Подойдя къ нему, король вполголоса обращается съ просьбою подѣлиться съ нимъ хлѣбомъ. Чиновникъ, испугавшись, какъ бы другіе не подумали, что онъ ведетъ конфиденціальный разговоръ съ „тираномъ", отскакиваетъ въ сторону точно ужаленный и обращается къ королю рѣзкимъ тономъ:

— Извольте просить вслухъ, милостивый государь, чего вы хотите!

— Я прошу кусочекъ хлѣба, отвѣчалъ кротко король.

— Съ удовольствіемъ, говоритъ смягчившись чиновникъ,—отламывайте.

Вскорѣ Людовику объявили, что конвентъ нашелъ возможнымъ уважить его ходатайство.

IV.

Подсудимый пожелалъ имѣть своими защитниками двухъ извѣстныхъ юристовъ, Тарже́ и Тронше́, изъ которыхъ первый отклонилъ предложеніе подъ предлогомъ болѣзни; за то у Людовика явился неожиданно другой защитникъ, въ лицѣ старика Мальзерба, бывшаго дважды министромъ до революціи. Съ своей стороны Тронше съ Мальзербомъ пригласили себѣ въ сотрудники одного талантливаго молодого юриста, Десеза.

Между тѣмъ патріоты ратуши не дремали, и муниципальный совѣтъ постановилъ 12 декабря, что „совѣтники Капета будутъ подвергнуты (прежде ихъ допущенія въ камеру подсудимаго) строжайшему обыску и осмотру—до самыхъ секретныхъ мѣстъ; они будутъ раздѣты и получатъ новую одежду, которая будетъ ими одѣта подъ наблюденіемъ коммиссаровъ", и „что защитники его будутъ заключены въ Тамплѣ и не будутъ выпущены ранѣе окончанія процесса". Какъ ни мало былъ проникнутъ конвентъ гуманными чувствами по отношенію къ подсудимому, но и его возмутилъ подобный цинизмъ, и декретъ коммуны былъ отмѣненъ.

Два дня спустя конвентъ разрѣшилъ Капету видѣться съ своими дѣтьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспретилъ послѣднимъ всякое сношеніе съ матерью и теткой.

Для характеристики положенія Людовика въ Тамплѣ въ это время, мы приведемъ здѣсь одинъ любопытный эпизодъ, который можно бы назвать комичнымъ, если бы за нимъ не скрывалось столько глубокаго трагизма. Вмѣсто его пересказа мы предпочитаемъ привести выдержку изъ протокола засѣданія муниципальнаго совѣта 22 декабря.

„Въ шесть часовъ вечера совѣтъ собрался для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ:

1) Людовикъ Капетъ чувствуетъ неудобство отъ длинноты своей бороды, о чемъ онъ заявлялъ многократно. Ему предложили побрить его,—онъ выказалъ отвращеніе къ этому и желаніе бриться самому. Совѣтъ полагалъ вчера возможнымъ склониться на это ходатайство; но сегодня утромъ оказалось, что бритвы Людовика удалены изъ Тампля.

2) Жена, сестра и дочь Капета просили, чтобъ имъ были даны ножницы для обрѣзанія ногтей."

26-го декабря подсудимый былъ вторично приведенъ предъ лицо судей. Это былъ день назначенный для защиты. Защитительная рѣчь была поручена Тронше и Мальзербомъ ихъ молодому сотруднику Десезу. Блестящая и прочувствованная рѣчь талантливаго оратора, занимающая въ изданіи *Procès des Bourbons* (Hambourg 1798) 65 страницъ убористой печати, — даже теперь, при молчаливомъ чтеніи, производитъ глубокое впечатлѣніе. Краснорѣчивый ораторъ разбираетъ обстоятельно, одно за другимъ, длинный рядъ обвиненій, выставленныхъ противъ Людовика, и почти всѣ они разлетаются въ прахъ. Онъ обращается ко всѣмъ лучшимъ человѣческимъ сторонамъ своихъ слушателей, къ ихъ уму и чувству, къ ихъ логикѣ и здравому смыслу, къ ихъ чувству справедливости и гуманности; онъ обращается, наконецъ,къ ихъ оракулу и цитатами изъ Руссо доказываетъ несправедливость осужденія бывшаго короля. Въ заключеніе онъ апеллируетъ къ исторіи: „Выслушайте заранѣе, что̀ скажетъ исторія: „Людовикъ вступилъ на престолъ двадцати лѣтъ, и въ двадцать лѣтъ онъ служилъ примѣромъ нравственной чистоты; онъ не принесъ на тронъ ни одной порочной слабости, никакой постыдной страсти; онъ былъ бережливъ, справедливъ, строгъ; онъ былъ всегда неизмѣннымъ другомъ народа. Народъ желалъ уничтоженія тяготѣвшаго на немъ разорительнаго налога: онъ его уничтожилъ. Народъ добивался отмѣны крѣпостничества: онъ началъ съ отмѣны крѣпостнаго права въ своихъ доменахъ... Народъ желалъ свободы: онъ ее далъ ему. Онъ опережалъ народныя желанія своими жертвами,—и однако во имя этого самаго народа требуютъ сегодня...“ Граждане! я не доканчиваю; я останавливаюсь предъ исторіей; подумайте только, что она будетъ судить вашъ приговоръ, а ея приговоръ—приговоръ вѣковъ!“

Все это было прекрасно, но въ то же время и безполезно, потому что убѣжденіе судей въ виновности подсудимаго предшествовало самому суду, а предвзятую идею нельзя искоренить одною рѣчью, какъ бы умна̀, какъ бы прочувствована, какъ бы убѣдительна она ни была.

V.

Теперь предстояло судьямъ произнести свой приговоръ. Въ средѣ конвента не было недостатка въ горячихъ и краснорѣчивыхъ защитникахъ короля; къ нимъ принадлежало большинство *жиронды*, которая первоначально, заодно съ *горой,* добивалась

суда надъ королемъ, но, очевидно, не предвидѣла того оборота, какой вскорѣ приняло это дѣло. Большинство жиронды, несмотря на свой безусловный республиканизмъ, вовсе не желало смерти короля. И вотъ, когда его процессъ явно началъ клониться къ этому результату, жиронда вдругъ мѣняетъ свою роль и изъ неумолимаго обвинителя превращается въ горячаго защитника. *Спасти короля*—сдѣлалось теперь главною мыслью жиронды. Это было послѣднимъ героическимъ поступкомъ этой блестящей группы политиковъ-поэтовъ и идеалистовъ-философовъ. Рѣчи жирондинскихъ ораторовъ, произнесенныя по этому поводу—быть можетъ самыя лучшія изъ всѣхъ, какія намъ сохранились отъ этой ораторской эпохи. Трудно указать въ исторіи другое дѣло, на которое было бы потрачено столько ума, чувства, одушевленія и краснорѣчія, какъ жирондой въ этомъ дѣлѣ. Иногда, въ порывѣ ораторскаго одушевленія, жирондинскіе ораторы поднимаются почти до пророческаго вдохновенія. Салль, въ своей рѣчи, 27 декабря говоря противъ осужденія короля на смерть, воскликнулъ: „Королевская власть выйдетъ обновленною изъ крови Людовика, а нація подвергнется всѣмъ ужасамъ войны со всѣмъ свѣтомъ!“

Но всѣ эти поэтически-одушевленныя и пророчески-вдохновенныя рѣчи раздавались гласомъ въ пустынѣ среди конвента, околдованнаго силлогизмами Сенъ-Жюста и Робеспьера. Для Людовика эти рѣчи были лишь роскошнымъ надгробнымъ словомъ, для самой жиронды—ея лебединою пѣснью. Она не могла спасти короля и ускорила лишь собственную гибель; 21 января было уже прилюдіей 31 мая!..

Видя невозможность добиться оправданія Людовика, жиронда ухватилась за послѣднее средство; она поставила вопросъ объ „апелляціи къ народу“, то-есть о томъ, чтобы приговоръ конвента былъ подвергнутъ на усмотрѣніе народа, посредствомъ всеобщаго голосованія.

Пренія, начавшіяся 26 декабря, продолжались до 14 января. Въ этотъ день, послѣ нѣсколькихъ горячихъ ораторскихъ схватокъ между *горой* и *жирондой*, была наконецъ принята большинствомъ голосовъ слѣдующая постановка вопросовъ:

Первый вопросъ: Виновенъ-ли Людовикъ Капетъ въ заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи противъ безопасности государства?

Второй вопросъ: Приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ-ли повергнутъ на одобреніе народа?

Третій вопросъ: Какого рода будетъ наказаніе?

Томительный процессъ вступаетъ теперь въ свою послѣднюю и самую жгучую фазу. Рѣшеніе судьбы короля сводится отнынѣ къ простому механическому процессу—къ счету количества *да* и *нѣтъ*, которое получитъ каждый изъ трехъ поставленныхъ вопросовъ. Это драма безъ словъ, трагедія въ цифрахъ. Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ „тремя единствами"—дѣйствія, мѣста и времени. Единство мѣста—зала конвента; время—трое сутокъ; наконецъ, единство дѣйствія—подсчитываніе итоговъ кровавымъ цифрамъ.

Дѣйствіе первое—подача голосовъ по первому изъ трехъ вопросовъ.

15 декабря засѣданіе конвента открылось подъ предсѣдательствомъ Верньо. Депутаты, одинъ за другимъ, всходятъ на трибуну и громкимъ голосомъ произносятъ свое мнѣніе, которое тутъ же записывается секретаремъ и подписывается вотирующимъ. Въ высшей степени интересенъ для характеристики настроенія національнаго представительства Франціи въ этотъ моментъ тотъ фактъ, что не нашлось ни единаго депутата, который бы отвѣтилъ на этотъ первый вопросъ (о виновности короля) *нѣтъ*: если въ чемъ, то именно въ этомъ вопросѣ единодушіе собранія было полное. Людовикъ былъ *единогласно* объявленъ виновнымъ. Въ числѣ вотировавшихъ былъ и родственникъ короля, герцогъ Орлеанскій, носившій теперь новое имя *Egalité*. Нѣкоторые депутаты — такихъ было, впрочемъ, очень немного—отказались совсѣмъ отъ голосованія, не признавая за собою права судить короля.

Въ тотъ же день начинается и второй актъ трагедіи—голосованіе по второму вопросу: Будетъ-ли приговоръ надъ Людовикомъ Капетомъ подвергнутъ ратификаціи народа? Единодушное въ первомъ вопросѣ собраніе теперь рѣзко раздвояется. Лишь *гора* дѣйствуетъ при этомъ, какъ одинъ человѣкъ, и своимъ безусловнымъ единодушіемъ и рѣшительностью увлекаетъ большинство *долины*, тѣмъ болѣе, что соперницѣ горы какъ разъ именно въ эту рѣшительную минуту не хватаетъ единодушія: многіе изъ жирондинцевъ вотируютъ вмѣстѣ съ монтаньярами противъ „апелляціи къ народу". Окончательный итогъ:

Противъ апелляціи..... 424 голоса.
За апелляцію.......... 283 „

Десять депутатовъ отказались вотировать.

Итакъ, выдвинутая жирондой „апелляція къ народу“ оказалась отвергнутою значительнымъ большинствомъ голосовъ, благодаря отсутствію единодушія въ средѣ жиронды въ рѣшительную минуту.

VI.

16 декабря „трагедія въ цифрахъ“ вступаетъ въ свое третье и послѣднее дѣйствіе, конецъ котораго долженъ былъ быть въ то же время и ея развязкой. Подача голосовъ по третьему вопросу—„какому наказанію будетъ подвергнутъ Людовикъ Капетъ?“—длилась томительно и утомительно долго; она началась вечеромъ 16 декабря и продолжалась безъ перерыва до вечера слѣдующаго дня. Каждый изъ 721 вотировавшихъ депутатовъ всходилъ по очереди на трибуну и подавалъ свой голосъ, мотивируя болѣе или менѣе подробно свое мнѣніе; иные произносили при этомъ чуть не цѣлыя рѣчи. Протоколъ этого засѣданія, напечатанный цѣликомъ въ цитированномъ выше изданіи *Procés des Bourbons*, занимаетъ 127 страницъ убористой печати.

И здѣсь, какъ въ предыдущемъ вопросѣ, одна лишь *гора* была единодушна: монтаньяры всѣ вотируютъ за смертную казнь. Въ *жирондѣ* опять расколъ: многіе изъ ея представителей вотируютъ заодно съ монтаньярами за казнь, но большинство—за заточеніе и изгнаніе. Что до *равнины*, то она раздѣляется между горой и большинствомъ жиронды.

Чрезвычайно интересны многіе изъ мотивовъ, которыми сопровождаютъ депутаты свой приговоръ. Мы приведемъ наиболѣе характерные изъ нихъ. Вопервыхъ—относительно депутатовъ, вотировавшихъ за смертную казнь.

Ласурсъ: „Я не допускаю середины: Людовикъ долженъ или царствовать, или пойти на эшафотъ“.

Дюко выставляетъ на видъ многочисленныя правонарушенія, допущенныя конвентомъ въ процессѣ противъ Людовика, и восклицаетъ патетически: „Я объявляю, что если бы конвентъ осудилъ обыкновеннаго гражданина съ такими же нарушеніями юридическихъ формъ, я назвалъ бы его (конвентъ) преступнымъ и тиранническимъ и донесъ бы на него французской націи“... И что бы вы думали?—вслѣдъ за этими словами ораторъ произноситъ смертный приговоръ королю, возводи при этомъ свой

поступокъ на степень героическаго подвига: „Осудить на смерть человѣка—вотъ величайшая изъ жертвъ, которую я приношу моему отечеству“... Итакъ, человѣкъ рѣшается пожертвовать совѣстью... изъ героизма!

Бриссо (жирондинецъ, какъ и предыдущіе два оратора), начавши сѣтованіемъ на „злаго генія, внушившаго конвенту прискорбное рѣшеніе (отвергнуть апелляцію къ народу) и тѣмъ приготовившаго въ будущемъ неизсчисленныя бѣдствія Франціи“,—кончаетъ произнесеніемъ смертнаго приговора Людовику!..

Изъ депутатовъ *горы* всего болѣе отличились своею непримиримостью къ „тирану“ представители Парижа, изъ которыхъ нѣкоторые вотировали за „смертную казнь въ двадцать четыре часа“. Были и такіе, которые не могли воздержаться въ эту торжественную и тяжелую минуту отъ соблазна блеснуть краснымъ словцомъ, подобно *Камиллу Демулену*, получившему столь печально-громкую знаменитость съ первыхъ же дней революціи въ качествѣ „прокурора фонаря“; [1] онъ закончилъ свою рѣчь словами: „Я вотирую за смертную казнь — слишкомъ поздно, быть можетъ, для чести конвента“.

Барерь, будущій „Анакреонъ гильотины“, мотивировалъ свой приговоръ (смертная казнь) тѣмъ, что „дерево свободы можетъ рости лишь тогда, когда его поливаютъ кровью тирановъ“. Въ числѣ вотировавшихъ за казнь былъ и вышеупомянутый родственникъ короля Филиппъ Egalité, герцогъ Орлеанскій, отецъ будущаго короля Луи-Филиппа.

Нѣкоторые изъ ораторовъ, вотировавшихъ *противъ* смертной казни, поражаютъ насъ своимъ глубоко-вѣрнымъ пониманіемъ послѣдствій казни короля.

Рабо Сентъ-Этьенъ: „Людовикъ мертвый будетъ опаснѣе для свободы, чѣмъ Людовикъ живой“.

Легарди: „Исторія всѣхъ народовъ учитъ насъ, что смерть королей никогда не служила на пользу свободѣ“.

Иные доходятъ при этомъ какъ бы до пророческаго ясновидѣнія, предсказываютъ событія, которыя буквально осуществились вскорѣ.

---

[1] Уличные фонари въ то время подвѣшивались на длинныхъ крюкахъ, прикрѣпленныхъ къ наружнымъ стѣнамъ домовъ. Фонарь поднимался и опускался при помощи веревки и блока. Благодаря такому устройству, фонари играли часто роль импровизированныхъ висѣлицъ, которыми пользовалась «самодержавная» толпа, желавшая расправиться съ какимъ-нибудь «врагомъ революціи».

Моллевд: „День, когда упадетъ голова тирана, будетъ, быть-можетъ, днемъ установленія новой тиранніи; смерть Людовика будетъ для французскаго народа тѣмъ же, чѣмъ была смерть Карла I для Англичанъ“.

Луве: „Положимъ, что Людовикъ умеръ; увѣрены вы, что не явится какой-нибудь честолюбивый и властолюбивый проходимецъ, который пожелаетъ сдѣлаться его преемникомъ?“...

Вотъ итоги этого третьяго голосованія:

Изъ 721 депутатовъ, принявшихъ участіе въ голосованіи 361 вотировали за смертную казнь; 286 за изгнаніе или заточеніе; 46 за смертную казнь съ отсрочкою—до изгнанія Бурбоновъ, до заключенія мира или до окончанія новой конституціи; двое—за тюремное заключеніе въ цѣпяхъ; 26—за смертную казнь, но не безусловно.

Такимъ образомъ большинство голосовъ за безусловную смертную казнь имѣло надъ меньшинствомъ перевѣсъ лишь одного голоса (361 противъ 360). Чтобы избѣжать скандала рѣшенія участи короля большинствомъ одного голоса, монтаньяры добились провѣрки голосованія, разсчитывая склонить нерѣшительныхъ депутатовъ, вотировавшихъ за смертную казнь съ извѣстными ограничительными условіями,—отказаться отъ этихъ послѣднихъ. Они не обманулись; состоявшееся на другой день провѣрочное голосованіе дало значительный приростъ большинству. Результатъ получился теперь слѣдующій:

Безусловно за смертную казнь..	387 голосовъ.
Прочее......................	334 голоса.

На слѣдующій день, 19 января, потерпѣла неудачу послѣдняя попытка той части депутатовъ, которые желали спасти Людовика; предложенная ими отстрочка исполненія смертнаго приговора была отвергнута большинствомъ 380 голосовъ противъ 310.

Людовикъ XVI былъ приговоренъ къ смертной казни, и приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе въ двадцать четыре часа. [1]

[1] Изъ 361 депутатовъ конвента, вотировавшихъ смерть Людовику XVI при первомъ голосованіи, 31 погибли на эшафотѣ, 18 умерли насильственною смертью до 18 брюмера восьмаго года республики; но большинство дожили до иныхъ временъ и... до иныхъ убѣжденій. Такъ, двое сдѣлались министрами при Наполеонѣ, четверо сенаторами, четверо генералами, но большая часть пристроилась къ имперіи въ качествѣ второстепенныхъ чиновниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На эшафотѣ.

I.

18 января защитники Людовика явились въ Тампль, чтобы сообщить осужденному о произнесенномъ надъ нимъ приговорѣ. Съ твердостью и полнымъ самообладаніемъ выслушалъ король роковую вѣсть. Никогда онъ не былъ настолько *королемъ*, какъ въ эту минуту, и его поведеніе въ послѣдніе дни жизни искупаетъ его прежнюю слабость. Прощаясь съ своими защитниками, онъ взялъ съ нихъ обѣщаніе придти еще къ нему. Этому не суждено было осуществиться; ворота Тампля затворились за ними навсегда, такъ какъ патріоты ратуши, поставившіе себѣ задачей отравить елико возможно послѣдніе дни тирана, издали въ тотъ же день распоряженіе о недопущеніи свиданій осужденнаго съ своими защитниками. Предписано было, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать новый строжайшій обыскъ въ его помѣщеніи. Постановлено также, чтобы „Людовикъ Капетъ не былъ ни на минуту упускаемъ изъ вида— ни днемъ, ни ночью". Поэтому поводу осужденный рѣшился обратиться къ своимъ истязателямъ съ слѣдующимъ письменнымъ заявленіемъ:

„Я прошу господъ коммиссаровъ отослать въ муниципальный совѣтъ мое заявленіе:

„1) Относительно постановленія, предписывающаго не упускать меня изъ вида ни днемъ, ни ночью. Нужно понять, что въ настоящемъ моемъ положеніи мнѣ очень тяжело не имѣть возможности оставаться наединѣ и тишины необходимой для того, чтобы сосредоточиться въ себѣ; ночью, наконецъ, я нуждаюсь въ отдыхѣ."

„2) Относительно запрещенія видѣться съ моими совѣтниками. Декретъ національнаго собранія разрѣшилъ мнѣ видѣться съ ними свободно, и мнѣ неизвѣстно, чтобъ этотъ декретъ былъ отмѣненъ."

Это заявленіе было доставлено въ ратушу на другой лишь день, 20 января. По предложенію „гражданина Эбера", постановлено ходатайство Капета оставить безъ послѣдствій.

Послѣдній декретъ о казни короля былъ окончательно изготовленъ лишь въ три часа утра 20 января. Нужно было немедленно сообщить его осужденному. Тотчасъ же министръ юстиціи Гара̀ отправляется въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ Лебрена и секретаря „исполнительной власти“ Грувиля въ Тампль, гдѣ ихъ уже ожидали муниципальныя власти съ меромъ и „главнокомандующимъ національною гвардіей“ Сантеромъ во главѣ. Людовика будятъ, даютъ знать о прибытіи „исполнительной власти“. Едва онъ успѣлъ встать съ постели и наскоро одѣться, цѣлая толпа властей наводняетъ его камеру, съ министромъ Гара̀ впереди. Послѣдній, приблизившись къ королю, объявляетъ, не снимая шляпы: „Людовикъ! Національный конвентъ поручилъ исполнительному совѣту сообщить вамъ его постановленія. Секретарь совѣта сейчасъ вамъ прочтетъ ихъ“. Грувиль дрожащимъ отъ волненія голосомъ начинаетъ чтеніе:

„1) Національный конвентъ объявляетъ Людовика Капета, послѣдняго короля Французовъ, виновнымъ въ заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи противъ государственной безопасности.

„2) Національный конвентъ объявляетъ, что Людовикъ Капетъ подвергнется смертной казни.

„3) Исполнительный совѣтъ дастъ знать о настоящемъ декретѣ Людовику Капету и приметъ необходимыя мѣры для приведенія въ исполненіе приговора въ двадцать четыре часа.“

„Во время этого чтенія, передаетъ въ своихъ мемуарахъ Клери, вѣрный слуга Людовика, бывшій очевидцемъ этой сцены,—не было замѣтно никакой перемѣны въ лицѣ короля. Я замѣтилъ лишь, что при словѣ *заговоръ* улыбка негодованія пробѣжала на его губахъ; но при словахъ „подвергнется смертной казни“ на его лицѣ появилось выраженіе необыкновеннаго блаженства.“

Король сдѣлалъ шагъ по направленію къ Грувилю, взялъ изъ его рукъ прочитанный декретъ и, бережно сложивъ его, положилъ въ карманъ, откуда вынулъ какую-то бумагу, которую протянулъ къ министру Гара̀, со словами:

— Г. министръ юстиціи! я прошу васъ передать эту записку національному конвенту.—Замѣтивъ, что министръ колеблется, Людовикъ прибавилъ:

— Я вамъ прочту ее.—И онъ прочелъ твердымъ голосомъ слѣдующее:

„Я прошу три дня отсрочки для того, чтобъ имѣть возмож-

ность приготовиться предстать предъ Богомъ. Я ходатайствую, съ тою же цѣлію, о возможности видѣться свободно съ личностью, которую я укажу коммиссарамъ коммуны.

„Я прошу объ освобожденіи меня на это время отъ постояннаго надзора, установленнаго надо мною съ нѣкотораго времени.

„Я прошу о возможности видѣться въ остающееся мнѣ время съ моимъ семействомъ когда я пожелаю и безъ свидѣтелей. Я желалъ бы, чтобы національный конвентъ занялся немедленно судьбой моего семейства и позволилъ бы ему удалиться свободно куда пожелаетъ.

„Я поручаю доброжелательности націи всѣхъ тѣхъ, кто былъ ко мнѣ привязанъ. Многіе изъ этихъ людей лишились при этомъ всего своего достоянія и терпятъ нужду. Между людьми, получавшими пенсіи, есть много стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые не имѣли другихъ средствъ къ жизни.

Людовикъ."

Когда Гара́ принялъ отъ короля эту бумагу, послѣдній вручилъ ему еще маленькую записочку, со словами:

— Это адресъ той личности, которую я желалъ бы видѣть.— Вслѣдъ затѣмъ власти удаляются.

Спустя немного коммиссары приглашаютъ Людовика въ столовую къ обѣду, при чемъ прочитываютъ ему слѣдующее новое постановленіе муниципальнаго совѣта: „Капету не будетъ дано ни ножа, ни вилки во время ѣды; но слуга долженъ ему разрѣзать хлѣбъ и мясо въ присутствіи двухъ коммиссаровъ, послѣ чего ножъ немедленно долженъ быть отобранъ".

II.

Прямо изъ Тампля министръ Гара́ отправляется къ конвентъ, чтобы дать ему отчетъ въ исполненіи порученной ему миссіи; при этомъ онъ прочитываетъ вслухъ врученную ему королемъ просьбу. Выслушавъ ее, собраніе принимаетъ немедленно слѣдующее постановленіе:

„Конвентъ уполномочиваетъ исполнительный совѣтъ: 1) удовлетворить ходатайства Людовика Капета, за исключеніемъ отсрочки (казни); 2) отвѣтить Людовику, что французская нація, столько же великодушная въ своей благотворительности, сколько неумолимая въ правосудіи, позаботится о его семействѣ и устроитъ надлежащимъ образомъ его участь".

Участь эта извѣстна: гильотина для жены и сестры, уроки сапожника Симона для сына, и тюрьма для дочери. Но въ настоящую минуту, по крайней мѣрѣ, конвентъ уступаетъ чувству гуманности настолько, чтобы разрѣшить осужденному видѣться съ добровольно имъ выбраннымъ священникомъ. Священникъ, котораго именно и имѣлъ въ виду Людовикъ, вручая министру Гара̀ „адресъ личности, съ которою бы ему хотѣлось видѣться", былъ шотландецъ Эджевортъ, бывшій ранѣе духовникомъ m-me Elisabeth, сестры короля († 1807 года въ Митавѣ, при дворѣ „Людовика XVIII"). Эджевортъ былъ приглашенъ въ совѣтъ министровъ.

— Вы ли г. Эджевортъ? обратился къ нему Гара̀.

— Да, это мое имя.

— Такъ какъ Людовикъ Капетъ высказалъ желаніе видѣть васъ у себя въ послѣднія минуты, то мы пригласили васъ сюда съ цѣлью узнать, согласны ли вы оказать ему ту услугу, которой онъ отъ васъ ожидаетъ.

— Исполнить его желаніе—моя обязанность.

— Въ такомъ случаѣ извольте слѣдовать за мной, такъ какъ я сейчасъ отправляюсь въ Тампль.

Предоставимъ Эджеворту самому передать сцену своего свиданія съ королемъ.

„...При видѣ государя, когда-то столь великаго, а теперь столь несчастнаго, я не могъ, пишетъ Эджевортъ,—совладать съ охватившимъ меня волненіемъ; противъ моей воли у меня навернулись слезы на глазахъ, и я упалъ къ его ногамъ и не могъ выговорить ни одного слова... Король былъ такъ растроганъ этимъ зрѣлищемъ, что самъ заплакалъ, но скоро овладѣлъ собой:

— Извините мнѣ, произнесъ онъ твердымъ голосомъ,—эту минутную слабость. Съ давняго времени я живу окруженный врагами я совершенно отвыкъ видѣть близь себя вѣрнаго подданнаго,— вотъ почему ваше выраженіе преданности такъ меня растрогало.

Посадивъ меня рядомъ съ собою, онъ продолжалъ:

— Въ настоящую минуту я долженъ заняться однимъ великимъ дѣломъ—и единственнымъ въ то же время, ибо что значатъ всѣ прочія въ сравненіи съ этимъ?.. Но я прошу у васъ небольшой отсрочки. Скоро должно придти ко мнѣ мое семейство; а въ ожиданіи его, я хочу вамъ показать мое писаніе.—Онъ досталъ изъ кармана запечатанный пакетъ, распечаталъ; это было завѣщаніе, составленное имъ еще въ декабрѣ. Всякій, кто читалъ этотъ

интересный документъ, столь достойный короля, пойметъ то глубокое впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ. Но—что̀, безъ сомнѣнія, изумитъ ихъ—государь имѣлъ настолько самообладанія, чтобы прочесть его мнѣ вслухъ и даже дважды. Его голосъ былъ твердъ; нѣкоторое измѣненіе въ лицѣ замѣтно было лишь, когда онъ встрѣчалъ имена, которыя ему были дороги. Тогда вся нѣжность пробуждалась въ немъ; онъ былъ обязанъ прервать чтеніе на нѣсколько мгновеній, слезы текли у него противъ воли“...

III.

Вскорѣ бесѣда была прервана вошедшимъ коммиссаромъ, объявившимъ королю, что семейство его идетъ къ нему. Людовикъ высказалъ желаніе видѣться со своими безъ свидѣтелей, въ своей комнатѣ.

— Никакъ нельзя, отвѣтилъ коммиссаръ:—мы съ министромъ юстиціи порѣшили, что свиданіе состоится въ столовой.

— Но вы слышали, возразилъ король,—постановленіе конвента, разрѣшающее мнѣ видѣться съ моимъ семействомъ безъ свидѣтелей.

— Это вѣрно, согласился коммиссаръ, потомъ, подумавъ, прибавилъ:

— Хорошо, вы будете оставлены безъ постороннихъ, но мы будемъ наблюдать за вами черезъ стеклянныя двери.

На томъ и порѣшили. Нѣсколько минутъ проходятъ для короля въ напряженномъ ожиданіи. Наконецъ дверь отворяется, входитъ Марія-Антуанета, держа за руку дофина; вслѣдъ за ними m-me Елизавета съ Маріей-Терезіей (дочерью короля). Всѣ бросаются въ объятія короля: никто не можетъ выговорить слова, слышны только сдержанныя рыданія... Успокоившись послѣ первыхъ минутъ волненія, все королевское семейство усаживается, и начинается длинная повѣсть пережитыхъ каждымъ страданій за послѣдніе три мѣсяца одиночнаго заключенія. Людовикъ разсказывалъ исторію своего процесса, при чемъ подъ конецъ умолялъ всѣхъ, въ особенности королеву и дофина, никогда не думать о мести за смерть его, короля. Это моя послѣдняя воля, прибавилъ онъ,—и надѣюсь, что вы ее свято исполните. [1]

---

[1] Эта подробность засвидѣтельствована герцогиней Турзель, гувернанткой дофина, въ ея мемуарахъ; она передаетъ этотъ эпизодъ со словъ Маріи-

Свиданіе продолжалось около двухъ часовъ. Мы не будемъ описывать раздирающую сцену прощанія; скажемъ только, что семейные взяли съ короля слово, что они увидятся еще завтра утромъ, въ семь часовъ (въ моментъ прощанія было десять съ четвертью вечера).

Вслѣдъ затѣмъ Людовикъ возвратился въ свою комнату, гдѣ его ожидалъ Эджевортъ.

Въ настоящую минуту осужденный ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ только о спасеніи своей души. Онъ былъ глубоковѣрующимъ христіаниномъ, и эта вѣра дала ему ту силу и твердость, которыя онъ выказалъ въ послѣднія минуты своей жизни въ тюрьмѣ и на эшафотѣ. Послѣднимъ желаніемъ его было подкрѣпить себя таинствомъ причащенія. Съ этою цѣлью Эджевортъ рѣшилъ выхлопотать отъ коммиссаровъ позволеніе совершить завтра утромъ мессу въ камерѣ короля. Разрѣшеніе было дано, „но съ тѣмъ условіемъ, чтобы богослуженіе было окончено не позднѣе семи часовъ утра, такъ какъ ровно въ восемь часовъ Людовикъ Капетъ долженъ отправиться къ мѣсту казни".

IV.

Простившись со своимъ духовникомъ, король легъ въ постель, чтобы провести свою послѣднюю ночь въ снѣ. Раздѣваясь, онъ только сказалъ своему вѣрному слугѣ:

— Клери, вы разбудите меня завтра въ пять часовъ. Вскорѣ Людовикъ заснулъ глубокимъ сномъ, „сномъ праведника". Клери всю ночь оставался возлѣ постели своего любимаго господина и государя, молясь Богу о дарованіи ему силъ и твердости въ роковой часъ... Услыхавъ, что часы пробили пять, онъ зажегъ свѣчку. Король пробудился.

— Пять часовъ уже пробило?

— Да, государь, на башенныхъ часахъ; но на здѣшнихъ стѣнныхъ часахъ еще нѣтъ.

Король немедленно поднимается съ постели.

— Я хорошо поспалъ, говоритъ онъ,—ни разу не пробудился во всю ночь. Я такъ былъ утомленъ вчерашній день. А г. Эджевортъ—гдѣ онъ?

Терезіи, дочери Людовика XVI, съ которой она имѣла впослѣдствіи случай бесѣдовать.

— Онъ на моей постели.

— Какъ? А вы гдѣ же провели ночь?

— На этомъ стулѣ.

— Я очень недоволенъ этимъ, сказалъ король.

— Ахъ, государь! могъ ли я думать о снѣ эту ночь!

Король протягиваетъ руку своему преданному слугѣ и крѣпко жметъ ее. Вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлаетъ наскоро свой туалетъ, послѣ чего Клери приводитъ въ надлежащій порядокъ камеру въ виду имѣющей вскорѣ начаться мессы. Въ шесть часовъ приходитъ Эджевортъ въ священническомъ облаченіи; начинается месса. Клери читаетъ за псаломщика; Людовикъ стоитъ на колѣнахъ, весь погруженный въ молитву, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія въ лицѣ. Дверь въ переднюю, гдѣ находятся коммиссары, остается отворенною; несмотря на гуманное постановленіе конвента, они продолжаютъ оставаться вѣрными предписанію ратуши — „не упускать изъ вида“ осужденнаго тирана. Король принимаетъ причастіе съ глубокимъ благоговѣніемъ; месса кончается. Затѣмъ онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ ожидаетъ, когда придутъ за нимъ, чтобы везти на казнь. Онъ выразилъ было желаніе видѣться еще одинъ послѣдній разъ съ своимъ семействомъ, какъ было обѣщано съ той и другой стороны при вчерашнемъ разставаніи; но Эджевортъ убѣдилъ его отказаться отъ этого намѣренія, чтобы не подвергать жену и дѣтей столь жестокому испытанію...

Восемь часовъ. Входитъ „главнокомандующій національной гвардіи“ Сантеръ въ сопровожденіи двухъ присяжныхъ священниковъ, назначенныхъ коммуной сопровождать осужденнаго на эшафотъ.

— Часъ приближается, объявилъ онъ торжественнымъ голосомъ.

— Вы за мной? обратился къ нему король.

— Да.

— Я занятъ, отвѣтилъ Людовикъ твердымъ, почти повелительнымъ тономъ:—прошу васъ обождать немного.

Съ этими словами онъ удаляется въ прилегающую маленькую камеру, чтобы помолиться наединѣ въ послѣдній разъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ выходитъ.

— Отправляемся теперь! говоритъ онъ твердымъ голосомъ, обращаясь къ Сантеру.

V.

Короля помѣстили на высокую колесницу; рядомъ съ нимъ помѣстился его духовникъ, спереди два жандарма. Впереди ѣхалъ Сантеръ въ сопровожденіи двухъ муниципальныхъ чиновниковъ и двухъ присяжныхъ священниковъ, которыхъ, какъ выше было упомянуто, ратуша назначила для сопровожденія осужденнаго на мѣсто казни. Болѣе десяти тысячъ вооруженныхъ санкюлотовъ окружали Тампль. Печальный кортежъ двигался между двумя густыми рядами пикъ, предшествуемый и сопровождаемый многочисленнымъ вооруженнымъ эскортомъ съ артиллеріей впереди—точно шли на штурмъ крѣпости... Впереди шла цѣлая толпа барабанщиковъ.

Людовикъ сидѣлъ, склонившись на своемъ высокомъ сидѣньѣ. Онъ былъ всецѣло погруженъ въ чтеніе даннаго ему духовникомъ молитвенника: онъ читалъ свою отходную... Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что̀ вокругъ него совершалось; въ эту минуту онъ былъ уже не отъ міра сего; его душа жила уже въ иномъ мірѣ, который открывала предъ нимъ его глубокая вѣра христіанина. Онъ очнулся лишь въ ту минуту, когда колесница остановилась. Король поднялъ глаза, и закрывъ молитвенникъ, отдалъ его Эджеворту.

— Вотъ мы, кажется, и пріѣхали, произнесъ онъ, обращаясь къ послѣднему.

Онъ не ошибся, да и нельзя было ошибиться. Предъ нимъ возвышался эшафотъ, на одномъ концѣ котораго зловѣще высилось орудіе казни—гильотина; острый стальной треугольникъ былъ приподнятъ, внизу стояла корзина—это въ нее должна упасть отдѣленная отъ тѣла голова... Кругомъ цѣлое море головъ и пикъ: это—„національная гвардія“, „народъ“... Король узнаетъ знакомую площадь: это „площадь Революціи“, бывшая „площадь Людовика XV“; онъ узнаетъ и это величественное зданіе, гордо смотрящее своимъ великолѣпнымъ фасадомъ на эту площадь, залитую народомъ, на это море головъ, на этотъ эшафотъ: это—Тюильри... Отдадимъ дань удивленія мужеству Людовика: онъ не потерялъ самообладанія при этомъ зрѣлищѣ. Твердыми шагами поднялся онъ на эшафотъ. Онъ высказываетъ желаніе говорить къ народу. Ему возражаютъ, что прежде нужно связать руки.

— Мнѣ? Связать? вырвался у него возгласъ негодованія.—Никогда!..

Эджевортъ спѣшитъ вмѣшаться, чтобы предупредить грозившую разыграться отвратительную сцену насилія надъ осужденнымъ со стороны палачей.

— Сдѣлайте, государь, эту послѣднюю жертву; покоритесь этому новому испытанію, посылаемому вамъ отъ Бога.

— Дѣлайте, что̀ хотите, сказалъ Людовикъ съ покорностью и отдался безъ сопротивленія въ руки палачей. Ему связали руки за спиной носовымъ платкомъ, подстригли затылокъ. Вотъ онъ уже поднимается по роковымъ ступенькамъ на платформу, гдѣ минуту спустя будетъ лежать его обезглавленное тѣло.

— Французы! восклицаетъ король, стоя у подножія гильотины: я умираю невиннымъ; я прощаю виновникамъ моей смерти и молю Бога, чтобы моя кровь не пала на Францію. А ты, злополучный народъ...“

Рокотъ барабановъ заглушилъ послѣднія слова „послѣдняго короля Французовъ“.

— Я привезъ васъ сюда не разглагольствовать, грубо пробормоталъ въ сторону короля Сантеръ, подавъ сигналъ барабанщикамъ.—Палачи овладѣваютъ осужденнымъ. Еще моментъ—и голова жертвы падаетъ подъ ударомъ стального треугольника въ приготовленную заранѣе корзину. Одинъ изъ палачей беретъ ее въ руки и показываетъ народу эту голову, носившую болѣе двадцати лѣтъ корону Франціи. Неистовые вопли оглашаютъ площадь:

— Vive la nation! Vive la République!.. [1]

Муниципальные чиновники вмѣстѣ съ коммиссаромъ „исполнительной власти“ составляютъ тутъ же, на мѣстѣ, протоколъ о „совершившемся фактѣ“, между тѣмъ какъ толпа санкюлотовъ обоего пола бросается къ эшафоту, чтобы насытиться зрѣлищемъ крови тирана. Мы не будемъ передавать подробностей тѣхъ отвратительныхъ сценъ, которыя разыгрались вокругъ не остывшаго еще

[1] Всѣ передаваемыя здѣсь подробности казни основаны исключительно на свидѣтельствахъ очевидцевъ и между прочимъ на свидѣтельствѣ одного изъ палачей Людовика XVI. Любопытно свидѣтельство палача (Сансона) о послѣднихъ минутахъ своей жертвы: «Чтобы воздать дань справедливости, писалъ онъ къ редактору газеты *Thermomètre du jour*, мѣсяцъ спустя послѣ казни короля, —прибавлю, что онъ (Людовикъ XVI) перенесъ все это съ хладнокровіемъ и твердостью, которые насъ всѣхъ поразили. Я убѣжденъ, прибавляетъ Сансонъ, что онъ почерпнулъ эту твердость въ правилахъ религіи, которою онъ былъ проникнутъ въ такой степени, какъ никто иной.» Палачъ немногимъ пережилъ свою знаменитую жертву; Сансонъ умеръ въ томъ же 1893 году.

трупа короля, и удовольствуемся лишь буквальною выдержкой изъ одной современной якобинской газеты. Вотъ какъ передается въ ней, на другой день послѣ казни, одна изъ этихъ сценъ, „достойная пера Тацита“, по выраженію автора приводимаго здѣсь описанія, которое представляетъ собою перлъ въ своемъ родѣ:

„Одинъ гражданинъ поднимается на гильотину, и опустивъ руку въ кровь Капета, образовавшую цѣлую лужу, онъ оросилъ ею трижды окружающихъ, которые толпились у подножія эшафота, желая каждый получить хоть одну каплю крови въ лицо.

— Братья! говорилъ этотъ гражданинъ, въ то время какъ обрызгивалъ окружающихъ:—намъ угрожали, что кровь Капета падетъ на наши головы. Что жь, и пусть падетъ! Людовикъ Капетъ столько разъ мылъ свои руки въ нашей крови. Республиканцы, кровь короля приноситъ счастье!..“

VI.

Республика рѣшила принять на свой счетъ погребеніе тирана. Около одиннадцати часовъ вечера того же дня, 21 января, телѣга, сопровождаемая отрядомъ конныхъ жандармовъ, прослѣдовала по Анжуйской улицѣ. Несмотря на позднее время, большая толпа народа сопровождала кортежъ въ глубокомъ молчаніи. Вскорѣ процессія достигла кладбища Св. Магдалины. Телѣга остановилась возлѣ глубокой свѣже-вырытой ямы. Съ телѣги сняли гробъ, безъ крышки. Въ немъ лежалъ обезглавленный трупъ, въ одеждѣ; окровавленная голова, съ остриженными на затылкѣ волосами, лежала между ногъ...

Два священника начали читать молитвы объ упокоеніи раба Божія Людовика; окружающая толпа внимала съ почтительнымъ молчаніемъ. Прежде чѣмъ опустить гробъ, въ могилу насыпали толстый слой негашеной извести. Вслѣдъ затѣмъ гробъ, какъ и прежде—незакрытый, опустили въ могилу; засыпали негашеной известью, потомъ землей. Такъ было предписано „исполнительною властью“. Недостаточно было отрубить голову тирану: самый трупъ его долженъ былъ быть разрушенъ... Революція точно сомнѣвалась во всемогуществѣ гильотины, какъ орудія уничтоженія „тирана“—и она была права въ этомъ; но она была неправа въ своей наивной вѣрѣ въ силу негашеной извести... Simplicitas, хотя и не sancta!

Павелъ Ардашевъ.

ЧИСТАЯ СОВѢСТЬ.

Разсказъ.

Скучно было бы разсказывать, какъ я познакомился съ Андреемъ Карловичемъ Церквечемъ. Мы жили въ одномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, и квартиры наши были расположены рядомъ. Церквечъ игралъ на скрипкѣ и два раза въ день уѣзжалъ, лѣтомъ—въ увеселительный садъ, а зимой—въ Малый Театръ; зарабатывалъ онъ, кажется, рублей полтораста. Я служилъ въ портовой таможнѣ. Лѣтомъ у меня много было дѣла, а зимой я пользовался досугомъ. Я былъ холостъ, Церквечъ женатъ. Обоимъ намъ стукнуло уже по сорока лѣтъ.

Церквечъ принадлежалъ къ тѣмъ аккуратнымъ и добродѣтельнымъ Нѣмцамъ, семейная жизнь которыхъ издали дѣйствуетъ на пожилыхъ холостяковъ благотворно и успокоительно. Въ его домѣ господствовалъ образцовый порядокъ: необыкновенно чистыя занавѣски на окнахъ, на сверкающемъ паркетѣ ни пылинки, на диванѣ и креслахъ вязаныя салфеточки, на окнахъ цвѣты, листья которыхъ тщательно вымыты, стекла такъ прозрачны, что казалось, ихъ совсѣмъ нѣтъ. Немножко въ воздухѣ пахло жаренымъ кофе и табачнымъ дымомъ, но этотъ запахъ, въ моемъ представленіи, сливался какимъ-то страннымъ образомъ съ семейнымъ началомъ,—это была атмосфера, внѣ которой Церквечъ уже былъ немыслимъ. Нѣмецъ по происхожденію и воспитанію, онъ считалъ себя русскимъ и говорилъ съ искусственнымъ московскимъ акцентомъ; но на стѣнахъ его кабинета висѣли портреты исключительно нѣмецкихъ знаменитостей, и

гильотинка, которой онъ обрѣзывалъ свои сигары, изображала изъ себя голову Бисмарка.

Онъ считался хорошимъ скрипачомъ. Однако же, къ музыкѣ онъ относился, какъ я къ таможенной службѣ. Прійдя съ репетиціи или съ концерта, онъ не дотрогивался до скрипки, закуривалъ сигару, пилъ пиво и погружался въ мелочи домашней жизни, въ числѣ которыхъ главную роль играла его молоденькая жена, Клавдія Александровна. До меня сквозь тонкую перегородку иногда долетали нѣжныя слова: „ein Küschen! nur ein Küschen! aber ein Küschen, Donnerwetter!“

Я наклеветалъ на себя, приравнивъ свой домашній образъ жизни къ образу жизни Церквеча. Положимъ, таможенная служба не занимала меня, когда я возвращался въ свои двѣ комнаты; но у меня были другіе интересы. Признаюсь, я любилъ почитывать, выписывалъ нѣсколько журналовъ, и у меня была страсть собирать хорошія книги; я былъ знакомъ со всѣми букинистами, и наградныя уходили у меня на пріобрѣтеніе какихъ-нибудь рѣдкихъ экземпляровъ въ безукоризненныхъ старинныхъ сафьянныхъ переплетахъ, съ гравюрами и даже съ автографами авторовъ. Но случалось, что мнѣ надоѣдали книги, сердце начинало неопредѣленно тосковать, и тогда я приходилъ къ Церквечамъ, пилъ у нихъ чай, ѣлъ бутерброды, вдыхалъ въ себя семейное начало и разсказывалъ о какой-нибудь литературной новинкѣ или же читалъ вслухъ. При этомъ Андрей Карловичъ впадалъ въ полудремотное состояніе, а хорошенькіе глаза Клавдіи Александровны зажигались огонькомъ, лучи котораго пріятно согрѣвали мое старѣющее сердце.

Никогда, впрочемъ, въ помыслахъ у меня не было ухаживать за Клавдіею Александровной. На Церквеча я смотрѣлъ, какъ на своего друга, видѣлъ, что жена его любитъ, зналъ, что онъ образцовый мужъ,—такой мужъ, какіе встрѣчаются только между Нѣмцами; наконецъ, супруговъ связывало навѣки премилое и преблагонравное твореньице, бѣлокурая Лизхенъ, родившаяся два года тому назадъ и бывшая моею духовною дочерью. Кромѣ того мнѣ были извѣстны обстоятельства женитьбы Церквеча на Клавдіи Александровнѣ. Она только-что окончила институтъ и, вмѣстѣ съ своею матерью, психопатическою поклонницей музыкантовъ, цѣлое лѣто ѣздила въ Озерки, гдѣ въ то время въ оркестрѣ Церквечъ былъ первою скрипкой. Длинные волосы скрипача и нѣкоторое сходство съ Шиллеромъ произвели впе-

чатлѣніе на юное сердце. Мать восторгалась Церквечемъ, познакомилась съ нимъ, и онъ сталъ бывать у нихъ. Я помню, какъ онъ сталъ на нѣкоторое время унылъ, поэтиченъ, сантименталенъ; потомъ онъ объявилъ мнѣ, что женится, и показалъ нѣсколько нѣжныхъ записочекъ отъ Клавдіи Александровны. Конечно, онъ взялъ небольшое приданое. Послѣ вѣнца унылость Церквеча смѣнилась хроническою радостью,—онъ сталъ улыбаться до ушей. Съ тѣхъ поръ онъ улыбался лѣтъ пять, располнѣлъ, остригъ волосы, завелъ бриллiантовую застежку для манишки и купилъ громадную хрустальную кружку, отдѣланную серебромъ, которая всегда ставилась предъ нимъ за обѣдомъ. Когда онъ былъ доволенъ женой, то позволялъ ей отхлебнуть пива изъ кружки. Однажды онъ то же самое предложилъ сдѣлать мнѣ, когда я былъ имянинникомъ.

Несмотря на то, что Клавдія Александровна въ духовномъ отношеніи была выше своего мужа — нѣжнѣе, чище, благороднѣе,—онъ неограниченно властвовалъ въ домѣ. Онъ всегда былъ правъ, и мнѣнія его не могли быть оспариваемы. Клавдія Александровна была подавлена авторитетомъ мужа, и долго я не былъ свидѣтелемъ не только ссоръ между супругами, но и какихъ бы то ни было размолвокъ. Мало-по-малу Клавдія Александровна стала понимать мужа съ полуслова; онъ скажетъ: „ну!“ и она уже знаетъ, что̀ это значитъ. Онъ сердечно любилъ крошечную Лизхенъ. Однако и надъ этимъ существомъ тяготѣла его власть; онъ поведетъ бровью, нахмурится,—и Лизхенъ немедленно уходитъ изъ комнаты съ самымъ виноватымъ видомъ.

— Ну, что̀ надо дѣлать теперь? спроситъ онъ у Лизхенъ. — Лизхенъ цѣлуетъ отца. „А теперь что̀?“—Лизхенъ цѣлуетъ мать. „А теперь?“—Лизхенъ цѣлуетъ меня и дѣлаетъ общій реверансъ.

— Что̀ я буду дѣлать теперь? точно также обращался онъ съ вопросомъ къ женѣ послѣ обѣда и трехъ кружекъ пива.

— Schlafen, отвѣчала она съ милой улыбкою.

Церквечъ самодовольно произносилъ, потягиваясь:

— Угадала.

Это случалось каждый разъ, когда я у нихъ обѣдалъ, и, конечно, это случалось ежедневно.

Такая необыкновенно ровная, однообразная, аккуратная жизнь, повидимому, нисколько не надоѣдала Клавдіи Александровнѣ. Правда, мнѣ казалось, что, кромѣ любви, которую внушаетъ ей

Церквечъ, она еще побаивалась его. Но страхъ этотъ не былъ плодомъ физическаго угнетенія, — Церквечъ не унижался даже до брани,—а выросъ самъ собой, потому что въ Церквечѣ чувствовалось что-то несокрушимое, неуязвимое, толстокожее, ничего не признающее, кромѣ себя и тѣхъ нравственныхъ правилъ, въ которыхъ онъ родился, въ которыхъ родились его отецъ и мать, его дѣдъ и бабка.

Какъ-то я принесъ Клавдіи Александровнѣ сочиненія Тургенева. Она стала перечитывать ихъ, увлеклась, и это отразилось на обѣдѣ: не удалась какая-то похлебка, обожаемая Церквечемъ. Церквечъ, пригласившій меня на похлебку, выразительно посмотрѣлъ на Клавдію Александровну, потомъ на этажерку съ книгами и наконецъ остановилъ взглядъ на мнѣ.

— Тургеневъ? Ну, знаешь ли, Петръ Павловичъ, ты начинаешь поддѣлываться къ моей женѣ. Я не хочу Тургенева, если онъ портитъ похлебку! Я не хочу! Сложи, Клада, книги, и пусть онъ возьметъ ихъ съ собой! Посмотримъ, какая теперь у насъ будетъ завтра похлебка. Клада, я сказалъ! Ich habe gesagt, Клада!

Мнѣ онъ погрозилъ пальцемъ съ лукавымъ и дружескимъ видомъ.

— Но-но! Мой старикъ, я вызову тебя на дуэль.

Клавдія Александровна покорно пожала плечами, покраснѣла и старалась глядѣть мужу прямо въ глаза.

Застѣнчивость, свойственная одинокимъ людямъ, помѣшала мнѣ выйти, какъ говорится, съ честью изъ неловкаго положенія. Я не заступился за Тургенева, унесъ его съ собой и затѣмъ долго—недѣли двѣ—не бывалъ у Церквечей.

Вдругъ онъ самъ пришелъ ко мнѣ.

— Ну! произнесъ онъ и ударилъ меня по колѣнкѣ своею мускулистою рукой. — Ты сердишься на друга? Я тебѣ сейчасъ что-то скажу, и ты перестанешь сердиться.

Онъ мрачно смотрѣлъ на меня, губы его слегка дергались, на лицѣ застыло выраженіе негодованія и какого-то злаго торжества.

— Сегодня умерла.

— Кто? вскричалъ я.

— Успокойся: не Клавдія Александровна умерла, а Лизхенъ умерла, въ нѣсколько часовъ; у ней съ вечера заболѣло горло, сегодня ея нѣтъ въ живыхъ. Она умерла отъ дифтерита. Было три доктора; былъ знаменитый докторъ Оттонъ Ивановичъ

Шмерцъ. Я заплатилъ ему десять рублей за визитъ. Но Лизхенъ умерла. Твоя крестница умерла, Петръ Павловичъ. Завтра мы будемъ ее хоронить. Дифтеритъ—ужасный бичъ дѣтей. У Лизхенъ былъ гангренозный дифтеритъ. Оттонъ Ивановичъ былъ безсиленъ. Да, я заплатилъ ему десять рублей, я заплатилъ бы сто, и заплатилъ бы двѣсти. Клавдія Александровна плачетъ. Будетъ Анхенъ, будетъ Марихенъ, но не будетъ Лизхенъ!

Вдругъ онъ обнялъ меня и зарыдалъ у меня на плечѣ.

Мы похоронили Лизхенъ. За гробомъ я велъ Клавдію Александровну подъ руку. Печаль сдѣлала ее неузнаваемой: молодое, почти дѣтское лицо ея осунулось, пожелтѣло и постарѣло.

— Все погибло! все! шептала она мнѣ.—Какая несправедливость! Лучше бы умеръ Андрей Карловичъ. Я теперь всѣхъ ненавижу, и докторовъ, и мужа! Вся моя жизнь была въ Лизхенъ! Если я была счастлива, то только благодаря Лизхенъ. О, вы ничего не знаете, вы смотрѣли на меня, какъ на ребенка. Какъ я несчастна! Какъ я несчастна!

Послѣ похоронъ собрались родственники Церквеча. Былъ поминальный завтракъ, состоявшій изъ бутербродовъ, холодной телятины, заливнаго и изъ другихъ закусокъ. Андрей Карловичъ выпилъ свои три кружки пива и предложилъ женѣ отхлебнуть. Но она отказалась, съ такимъ отчаяніемъ замотала головой, какъ будто пиво было отравлено, залилась слезами и стала истерически кричать. Ее унесли въ спальню; крикъ продолжался. Церквечъ нашелъ нужнымъ возвысить голосъ, но Клавдія Александровна не почувствовала облегченія. Она прогнала доктора, прописавшаго ей успокоительныя капли, и долго я слышалъ ея стоны, уйдя на свою половину.

Послѣ первыхъ дикихъ припадковъ горе приняло другую форму; оно стало тише. Клавдія Александровна ничего не ѣла, страшно исхудала, а когда мужъ что-нибудь говорилъ, она презрительно улыбалась, удалялась въ спальню и запирала дверь на замокъ. Авторитетъ Церквеча потерялъ точку опоры. Андрей Карловичъ заходилъ ко мнѣ и серьезно сталъ поговаривать о томъ, что его жена не въ своемъ умѣ. „Да, я думаю, она сошла съ ума, разсуждалъ онъ,—Лизхенъ была винтомъ. Винтъ выпалъ. Порвалась струна, и надо ее какъ-нибудь связать. Такая привязанность къ маленькому ребенку! Я самъ отецъ, я глубоко чувствую, о, я очень глубоко чувствую. Но Лизхенъ нельзя воскресить. Мы такъ молоды; мнѣ всего сорокъ пять лѣтъ, Кладѣ двадцать три. У

насъ будутъ другія дѣти. Или я сдѣлалъ ошибку, женившись на Русской? Но я самъ Русскій, и душа у всѣхъ одинакова, у всѣхъ—nichts.“

Однажды онъ мнѣ сказалъ:

— Мой единственный другъ, Петръ Павловичъ, я полагаюсь на тебя, я вѣрю тебѣ. Я не боюсь тебя. Да. Подѣйствуй на Кладу, поговори съ ней, верни ее мнѣ. Я жить хочу, понимаешь ли? Я былъ счастливъ и хочу быть счастливъ. Скажи ей, что я не на пять лѣтъ женился—я женился на всю жизнь. О, еслибъ я умеръ? Но вѣдь я же не измѣнился даже, я все тотъ же Андрей Карловичъ Церквечъ.

Я сталъ очень часто бывать у Церквечей. Мнѣ было жаль бѣдную молодую женщину. Я сталъ догадываться, что̀ дѣлается въ ея душѣ. Въ то время, какъ Церквечъ, старѣясь и жирѣя, шелъ назадъ и достигъ той блаженной ясности души, которая ничего не требуетъ, кромѣ застоя и безпрепятственнаго удовлетворенія будничныхъ потребностей да обезпеченной обстановки, Клавдія Александровна подвигалась впередъ, молча всматривалась въ жизнь, накопляла въ своемъ сердцѣ недовольство ею, выростала умственно. Но въ ней еще не было силы сбросить съ себя ярмо невозмутимой, самодовольной, жизнерадостной пошлости. Можетъ-быть, никогда бы этой силы у ней не явилось, еслибы не внезапное потрясеніе. Но какъ только равновѣсіе было нарушено—плотина прорвалась, и едва ли теперь можно было ожидать возвращенія къ прежней добродѣтельной китайщинѣ, приспособленной для того, чтобы Андрею Карловичу жилось счастливо и весело. Не знаю, случается ли что-нибудь подобное съ нѣмецкими женщинами, но съ русскими женщинами это бываетъ сплошь и рядомъ.

Я бесѣдовалъ съ Клавдіей Александровной и всячески старался успокоить ее. Однако, чѣмъ дальше бесѣдовалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что моя догадка справедлива и что жизнь Клавдіи Александровны разбита навсегда; не смерть ребенка была тому виной, смерть Лизхенъ дала только толчекъ несчастью...

Все это мнѣ было бы очень трудно втолковать Церквечу. Еслибы слонъ привыкъ жить въ одной загородкѣ съ дикою серной, которая вдругъ стала бы рваться на волю, какъ убѣдить толстоногое созданіе, что серна права?

Къ тому же по долгу дружбы я принужденъ былъ склонять серну къ сожительству съ нимъ. Не безъ искусства я выдвинулъ

впередъ всю тяжелую артиллерію ходячихъ нравственныхъ мнѣній. Дѣйствовалъ я осторожно, боясь обидѣть чуткое сердце, и—Богъ меня проститъ—впадалъ въ тонъ краснорѣчиваго проповѣдника и іезуита. Теперь, заднимъ числомъ, мнѣ кажется, что я ужь и въ то время не вѣрилъ въ дѣйствительность моихъ доводовъ. Должно-быть мнѣ тогда страшно было замѣтить разницу между тѣмъ, что̀ я говорю, и тѣмъ, что̀ я чувствую.

— Вы обращаете меня въ христіанство, сказала мнѣ Клавдія Александровна послѣ одной такой проповѣди.—Отчего бы вамъ не сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ миссіонеромъ?

При этомъ она посмотрѣла на меня такимъ острымъ и въ то же время ласковымъ взглядомъ, что я сразу понялъ, какими неискренними представляются ей всѣ мои рѣчи. Хорошо говорить о долгѣ, о святыхъ обязанностяхъ, о томъ, что жизнь сильнѣе смерти, о томъ, что надо идти неуклонно по избранной дорогѣ, примиряться съ мелкими невзгодами, смотрѣть сквозь пальцы на человѣческіе недостатки,—хорошо говорить съ такой женщиной, которая любитъ мужа; всѣ эти истины ей кажутся азбучными, и онѣ закрѣпляются въ ея умѣ, какъ десять заповѣдей. Но если жена не любитъ мужа? Но если проповѣдникъ сочувствуетъ ей?

— Все же, вы приходите къ намъ чаще. Иногда васъ не видишь два, три дня, и тогда, правда, я съ ума схожу. Ваша мораль злитъ меня; но въ спорахъ съ вами я забываю о своемъ горѣ.

Она говорила это и крѣпко сжимала мнѣ руку. Андрей Карловичъ присовокуплялъ отъ себя:

— Мой милый Петръ Павловичъ! твои дружескія заботы о Кладушкѣ не останутся безъ вознагражденія. Я не зналъ, что ты такой. Я начинаю любить тебя, какъ пастора. Да, я тебя высоко уважаю и цѣню. Скоро, скоро я подарю тебѣ свою кружку.

Онъ съ умиленіемъ замаслившимися глазами смотрѣлъ на меня и цѣловалъ меня въ обѣ щеки. Я уходилъ къ себѣ съ сердцемъ переполненнымъ мучительнымъ чувствомъ разлада между моей совѣстью и моими желаніями.

Обыкновенно я бывалъ у Церквечей послѣ обѣда или позднимъ вечеромъ, когда Андрей Карловичъ возвращался съ своей музыкальной службы. Но онъ заставилъ меня бывать и въ другое время. А для того, чтобы мы не оставались вдвоемъ—не изъ ревности, а изъ боязни общественнаго мнѣнія, изъ страха, что̀ скажутъ объ этомъ другіе Андреи Карловичи—къ Клавдіи

Александровнѣ пріѣзжала троюродная сестра Церквеча, круглолицая нѣмочка, вся въ веснушкахъ, по имени Клара. Эта Клара отличалась мастерствомъ вязать самыя безполезныя и пустыя вещицы, въ родѣ бисернаго шнурка для пенснэ, башмачка подъ часы, кошелька, имѣющаго форму кувшинчика или звѣзды. Она погружалась въ работу, а мы съ Клавдіей Александровной читали или бесѣдовали. Клавдія Александровна съ горечью говорила о своей жизни, о своемъ подчиненномъ положеніи, о безцѣльности своего рабства. Я уже не оспаривалъ ея взглядовъ; незамѣтно для самого себя, я сталъ соглашаться съ ней. Это былъ компромиссъ. И когда въ передней раздавался рѣзкій звонокъ Андрея Карловича, мы оба разомъ вздрагивали.

Былъ темный мартовскій вечеръ. Андрей Карловичъ только что уѣхалъ въ театръ. Я пришелъ къ Клавдіи Александровнѣ и засталъ ее въ гостиной. Она сидѣла на диванѣ, освѣщенная керосиновымъ свѣтомъ, падавшимъ изъ-подъ темнаго абажура, и руки ея безпомощно были опущены на колѣни, глаза—черные, яркіе глаза—задумчиво устремлены вдаль. Она слегка кивнула мнѣ головой и, когда я сѣлъ недалеко отъ нея, не глядя протянула руку. Я пожалъ руку, но она осталась въ моей.

— Кромѣ любви есть дружба, сказала Клавдія Александровна.—Если то, что я питаю къ вамъ, дружба, то дружба сильнѣе любви.

Я почти зналъ, что она можетъ мнѣ это сказать; но я не ожидалъ, что она это скажетъ. Ей такъ хотѣлось свободы, что всѣ преграды, бывшія у ней на пути и казавшіяся мнѣ незыблемыми, не останавливали ея. Первое, что я почувствовалъ, былъ испугъ. И я началъ ослаблять смыслъ произнесенныхъ ею словъ.

— Да, дружба, проговорилъ я, сжимая ей руку:—и я думаю, что Андрей Карловичъ не сомнѣвается въ ея чистотѣ; и, конечно, вы не сомнѣваетесь.

— А вы? спросила она.—Право, неужели добродѣтель и лицемѣріе одно и то же?

— Мы страннымъ образомъ удаляемся отъ разговора о дружбѣ, возразилъ я.—Но, извольте, потолкуемъ о лицемѣріи и добродѣтели. Лицемѣріе помогаетъ людямъ скрывать низкія чувства и облекать ихъ въ возвышенную форму. Добродѣтель подавляетъ низкія чувства во имя высшихъ побужденій.

Она грустно посмотрѣла на меня и тихо промолвила:

— Вы очень дурно думаете обо мнѣ?

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы были счастливы, но чтобы путь къ счастью былъ у васъ чистый.

— Послушайте, вскричала она:—все, что вы говорите, такъ хорошо, и я вѣрила столько лѣтъ, что надо быть самоотверженною и покорною! Дорого бы я дала, чтобы навсегда остаться дурочкой. Но неужели же дурочкамъ принадлежитъ лучшая доля, а когда дурочка чуточку поумнѣетъ, ея удѣлъ страданіе?

Я замолчалъ, собираясь съ мыслями и борясь съ сердцемъ, бившимъ тревогу. Она покачала головой и сказала:

— Кто изъ насъ лицемѣръ?

Глаза наши встрѣтились. Вдругъ она потянулась ко мнѣ и поцѣловала меня. Поцѣлуй былъ болѣзненный, смѣшанный со слезами, поцѣлуй, который вызываетъ жалость и гаситъ страсть. Онъ отрезвилъ меня, и я, отстранивъ отъ себя Клавдію Александровну, попросилъ ее успокоиться. Кстати вошла Клара съ бисернымъ чехольчикомъ въ рукахъ и молча сѣла поодаль. До тѣхъ поръ печальная и унылая, Клавдія Александровна оживилась за вечернимъ чаемъ; въ первый разъ по смерти ребенка она стала смѣяться и шутить; но въ ея шуткахъ сквозила горькая нота. Все время мнѣ было не по себѣ. И на этотъ разъ я обрадовался, когда Андрей Карловичъ вернулся раньше обыкновеннаго.

Дня черезъ два мы всѣ отправились въ концертъ. Дорогою въ омнибусѣ Андрей Карловичъ шепталъ мнѣ: „Ты дѣлаешь чудеса: она согласилась выѣхать. Наконецъ она разсѣется. Я сегодня буду играть, какъ чортъ! Я хочу, чтобъ она обратила на меня вниманіе! Тряхну стариной, любезный другъ!"

Въ театрѣ онъ занялъ свое обычное мѣсто и повременамъ издали улыбался намъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Клавдіей Александровной во второмъ ряду. Когда оркестръ начиналъ шумѣть и трещать—играли что-то изъ Тангейзера—Клавдія Александровна говорила. Разговоръ былъ отрывистый и приблизительно такой:

— Сердце у меня было пусто, но вы наполнили его.

— Я никогда не рѣшусь взять ваше сердце.

— У васъ есть другое сердце?

— Нѣтъ.

— Вы презираете меня?

— Не говорите этого, Клавдія Александровна.

— Вы равнодушны ко мнѣ?

— Вы знаете, что нѣтъ.

— Любите?

— Я не скажу вамъ этого.

— Вы во многомъ сами виноваты.

— Чѣмъ?

— Вы научили меня сравнивать.

По блеску ея глазъ, по румянцу, который вспыхивалъ на ея лицѣ, по улыбкѣ ея разцвѣтшихъ губъ я видѣлъ, что въ душѣ она торжествуетъ побѣду. Можетъ-быть мое нерѣшительное поведеніе заставляло ее угадывать истину. Какъ я поступилъ бы, еслибы мнѣ было двадцать пять лѣтъ, не знаю. Всѣ мои убѣжденія, можетъ-быть, опрокинулись бы, и теперь на душѣ у меня было бы однимъ грѣхомъ больше. Я призвалъ на помощь все свое мужество и благоразуміе пожилаго холостяка и произнесъ:

— Знаете что̀, Клавдія Александровна? Завтра я уѣзжаю, я взялъ отпускъ (у меня явилось только въ театрѣ это намѣреніе). Разстанемся добрыми друзьями, какими мы были всегда.

Рѣсницы Клавдіи Александровны дрогнули, губы поблѣднѣли, она вся слегка затрепетала, и то возбужденіе, та упругость жизни, которая играла въ ней, покинула ее. Такъ внезапно увядаютъ цвѣты, когда на нихъ дохнетъ морозъ.

— Мнѣ дурно, сказала она.—Увезите меня домой.

Церквечъ между тѣмъ приготовлялся къ соло. Онъ ждалъ капельмейстерской палочки и съ особенною торжественностью взглянулъ въ нашу сторону.

— Уѣдемъ! настойчиво повторила Клавдія Александровна и встала.

Она шаталась. Я долженъ былъ подать ей руку и вывести ее изъ театра. Позади насъ пѣла скрипка Андрея Карловича, и я невольно подумалъ: „теперь онъ, въ самомъ дѣлѣ, играетъ, какъ чортъ. Воображаю, что̀ у него на душѣ!“

Едва мы очутились на воздухѣ, какъ молодая женщина начала рыдать. Сидя на извощикѣ, я обнималъ ее и въ чемъ-то убѣждалъ. Все, что̀ я ей сказалъ, было такъ благородно и такъ незначительно! Когда отъ насъ зависитъ сдѣлать человѣка счастливымъ или, все равно, когда мы безсильны это сдѣлать, слова утѣшенія, которыя болтаетъ нашъ языкъ, движимый состраданіемъ, намъ самимъ должны казаться пошлостью.

Мы ѣхали черезъ Николаевскій мостъ. Хмурая Нева отражала въ себѣ желтый, тусклый закатъ поздняго вечера. Туманъ скра-

дывалъ очертанія зданій, темными силуэтами выдѣлявшихся на темномъ небѣ. Одинокая звѣздочка, какъ душа, заблудившаяся въ потемкахъ, мерцала вдали, окруженная тучами. Сердце у меня разрывалось отъ горя. Никогда я такъ нѣжно не любилъ, и никогда не была такъ сильна во мнѣ рѣшимость побѣдить свое чувство, ничѣмъ не запятнавъ его.

Клавдія Александровна наружно успокоилась, когда мы подъѣхали къ дому. Она поблагодарила меня и потребовала, чтобы я сейчасъ же вернулся въ театръ. Я исполнилъ ея приказаніе и объяснилъ Церквечу, что женѣ его нездоровится. На лицѣ моемъ было написано смущеніе. Едва ли Церквечъ понялъ его. Однако онъ избѣгалъ смотрѣть мнѣ въ глаза.

— Это нехорошо, очень нехорошо, что она даже не дождалась антракта, озабоченно говорилъ онъ.—Я только теперь узналъ, что въ литерной ложѣ сидятъ господа Зонебергенъ; они насъ знаютъ. Самый маленькій скандалъ есть скандалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы женаты, никто не видѣлъ ее вдвоемъ съ другими мужчинами безъ моего глаза. Надо понимать, Петръ Павловичъ, надо весьма понимать!

— Бываютъ исключенія, возразилъ я.—Не забывай, что Клавдія Александровна дѣйствительно заболѣла.

— О да! Ты послалъ за докторомъ?

— Нѣтъ. Она больна душой.

— О да! Я это самъ знаю.

— Ей-бы надо разсѣяться, надо бы ее увезти куда-нибудь на лѣто.

— О, да!

Я долго бродилъ по набережной Невы. Я плакалъ; благо, никто не видѣлъ моихъ слезъ. Поднялся страшный вѣтеръ. Но мнѣ доставляло наслажденіе идти противъ него, бороться съ нимъ и тратить въ этой борьбѣ избытокъ своихъ силъ, свою энергію, выражавшуюся въ рѣзкихъ порывахъ какого-то безпредметнаго бѣшенства, терзавшаго мнѣ душу. Когда пронеслась, словно кошмаръ, короткая ночь, я усталый и измученный пришелъ къ себѣ. Въ квартирѣ Церквечей было тихо.

Не помню, какъ я заснулъ. Мнѣ снилось, что я совершилъ какое-то преступленіе. Я напрасно старался себѣ его представить. Преступленіе было неопредѣленное, но тяжкое. Я испытывалъ во снѣ угрызенія совѣсти, какія испытываетъ, вѣроятно, убійца, еще не искусившійся въ своемъ ремеслѣ. Мнѣ грезилась

бездна, куда я столкнулъ кого-то. Несмотря на то, что меня не преслѣдовали, мнѣ было страшно. Говорятъ, чистая совѣсть спокойно спитъ. Совѣсть моя была чиста. Но почему же я страдалъ во снѣ? Не было ли во мнѣ врожденнаго влеченія къ дурному, подавленнаго воспитаніемъ и цѣлою системой „твердыхъ" убѣжденій? Когда были ослаблены высшіе мозговые центры, нервныя клѣточки, гдѣ тщательно сберегались правила, какъ надо поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ, общая основа зла всплывала на поверхность дремлющаго сознанія, перспектива опрокидывалась, и сердце начинало укорять меня за то, что я не негодяй, бѣлое называло чернымъ и честное дѣло безчестнымъ. Замѣчу, кстати, что долго потомъ преслѣдовали меня сны-мучители, и только недавно ихъ тѣни перестали смущать мой душевный покой.

Рѣзкій звонокъ разбудилъ меня въ одиннадцать часовъ утра.

— Спишь! ты спишь! вскричалъ Андрей Карловичъ, входя въ спальню. Руки его были заложены за спину, и онъ смотрѣлъ на меня лукаво и торжественно.—А не получишь ты сегодня выговора на службѣ? Впрочемъ, ты ѣдешь въ отпускъ. Счастливой дороги, дорогой другъ! Она...

— Чтò съ Клавдіей Александровной?

— Она... Ты слушай, чтò я говорю!.. Она здорова. Нашелся винтъ. Да, этимъ я обязанъ тебѣ. Она объявила мнѣ, что ты ее вылѣчилъ,—чѣмъ, я не знаю; но я опять счастливъ.

Тутъ слезы навернулись на его добрые, нѣмецкіе глаза. Растроганный онъ выдвинулъ изъ-за спины серебряную кружку и поставилъ ее на ночной столикъ.

— Прими! Твоя услуга безцѣнна!

И, предвкушая мою радость, онъ бросился меня обнимать, между тѣмъ какъ мнѣ стоило большихъ трудовъ сдержать себя, чтобы не швырнуть кружку.

Безъ сомнѣнія, Церквечъ былъ чрезвычайно изумленъ и обиженъ, когда вечеромъ я уѣхалъ на вокзалъ, не попрощавшись ни съ нимъ, ни съ его женой и извѣстивъ его о своемъ отъѣздѣ письменно.

Съ той поры я никогда больше не встрѣчался съ ними. Въ провинціи мнѣ предложили мѣсто, и я охотно промѣнялъ на него портовую службу въ Петербургѣ. Жизнь въ губернскомъ городѣ вовсе не такъ плоха, какъ кажется петербуржцамъ. Хотя я ни съ кѣмъ не сближаюсь, но все-таки скажу, что провинціалъ—ду-

шевный человѣкъ. Ничто не раздражаетъ васъ, потому что съ теченіемъ времени какъ-то пріятно притупляются нервы. Для меня лично представляется лишь одно неудобство: приходится ѣздить разъ въ годъ въ Петербургъ или въ Москву для пополненія моей коллекціи книгъ. Однако и въ глуши бываютъ случаи: на-дняхъ я купилъ у Еврея великолѣпное Кюрмеровское изданіе *Paul et Virginie*, съ гравюрами avant la lettre на китайской бумагѣ въ романтическомъ переплетѣ Бёля и съ автографомъ Теофиля Готье. Книга безукоризненная, ни одного рыжаго пятнышка. Я увѣренъ, что ея еще никто не читалъ до меня. Позолота на обрѣзѣ такъ богата и такъ свѣжа, что листы разъединяются съ трудомъ. Право, есть счастье въ такого рода увлеченіяхъ. Моя библіотека—моя тихая пристань

Вы спросите: а что̀ же кружка? Ее украли у меня. Что касается до Церквечей, то изъ газетъ я узналъ о назначеніи Андрея Карловича капельмейстеромъ въ одномъ изъ загородныхъ гуляній Петербурга. О Клавдіи Александровнѣ было у меня извѣстіе, что она больна чахоткой. Но молодой организмъ побѣдилъ недугъ, и теперь она здравствуетъ.

І. Ясинскій.

УРОКЪ ЭСТЕТИКИ.

(Памяти А. А. Фета.)

Der Mensch ist nur da ganz Mensch, wo er spielt.

Schiller.

Кого учить? У кого учиться?

Этихъ вопросовъ не существовало и не могло существовать для того направленія нашей эстетической и литературной критики, представителемъ котораго по справедливости считается В. Бѣлинскій. Эта критика не бралась за задачу — навязывать творцамъ художественныхъ произведеній готовую, опредѣленную программу ихъ творчества, а ихъ читателямъ, испытывающимъ отъ тѣхъ произведеній художественное наслажденіе,—программу, по которой они обязательно должны эстетически наслаждаться, и внѣ которой ихъ наслажденіе становится будто бы *ошибкою*, заблужденіемъ. Критика того времени признавала и свободный, геніальный, не подчиняющійся никакимъ готовымъ разсудочнымъ программамъ характеръ художественнаго творчества. Признавала она и *непосредственность* художественнаго впечатлѣнія, производимаго на душу его созданіями, и не навязываемаго ей никакими доказательствами, выкладками, теоретическими умопостроеніями тамъ, гдѣ само произведеніе этого впечатлѣнія *непосредственно* въ душѣ не вызвало. Она знала, что ни преднамѣренно, по заказу, сочинять дѣйствительно *прекрасное*, ни *доказывать* его дѣйствительную красоту нельзя. И о процессѣ художественнаго творчества, протекающемъ главную часть своего пути внѣ сферы сознанія и произвола, и о непосредственно, безъ напряженнаго

труда и разсужденія овладѣвающемъ душою эстетическомъ наслажденіи и просвѣтлѣніи души предъ дѣйствительной красотою,—она имѣла совершенно ясныя и точныя понятія. Поэтому ея задачею вовсе и не было *учить* творчеству и эстетическому наслажденію. Въ художественномъ произведеніи она искала прежде всего—эстетически *оцѣнить* истинно прекрасное, выдѣлить его изъ посредственнаго и ложнаго, дѣланнаго. Этимъ только путемъ стремилась она повліять и на развитіе эстетическихъ вкусовъ публики, ослабить ихъ грубость, искусственность и т. п. Ея задачею была *эстетическая* оцѣнка произведеній искусства, а почвою съ одной стороны изученіе величайшихъ, имѣющихъ міровое, вѣчное значеніе среди этихъ произведеній, съ другой же—изученіе тѣхъ условій, при какихъ вообще можетъ какое-либо произведеніе вызывать въ душѣ эстетическое впечатлѣніе, настроеніе. Она сама поучалась на образцахъ творческаго художественнаго генія и на томъ живомъ дѣйствіи, какое созданія его оказываютъ на чуткую къ красотѣ, способную къ безкорыстному наслажденію ею въ природѣ и человѣкѣ человѣческую душу.

Совершенно иную постановку получилъ вопросъ о задачѣ критики въ послѣдующій затѣмъ періодъ ея развитія, конецъ котораго мы нынѣ переживаемъ. Прекрасное само по себѣ и эстетическое впечатлѣніе, не служащее въ испытывающей его душѣ какимъ-либо инымъ, уже не эстетическимъ, но нравственнымъ, соціальнымъ, утилитарнымъ задачамъ жизни, — были признаны лишенными всякаго самостоятельнаго достоинства и значенія у положившихъ начало новому направленію критики Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ послѣдователей. Мѣрою всякой красоты и всѣхъ эстетическихъ впечатлѣній была признана сама окружающая дѣйствительная жизнь, съ ея нуждами, насущными интересами и заботами, съ ея настоящими тревогами и борьбою страстей. Искусство должно было отнынѣ только служить дѣлу этой жизни, этихъ нуждъ, заботъ, интересовъ, тревогъ и борьбы, дѣлая ихъ предметомъ своихъ изображеній, ихъ уясненіе и оцѣнку того или другаго отношенія къ нимъ — своею задачею. Внѣ этого предмета и этой задачи — и художественное творчество и художественное наслажденіе были признаны праздными, недостойными. Они признавались даже безнравственными, ибо эгоистическими, отвлекающими человѣка отъ его высочайшихъ задачъ нравственнаго и соціальнаго служенія, дѣлающими его ни въ комъ не нуждающимся, но и ни для кого неполезнымъ, не-

нужнымъ. Прекраснымъ отнынѣ допускалось признавать лишь то, что имѣетъ жизненное значеніе, ставитъ и уясняетъ человѣку его дѣйствительно-жизненныя практическія задачи въ окружающей современной дѣйствительности. Прекрасно лишь то, что имѣетъ значеніе практическое, *дѣловое*, но не то, что обречено навѣки оставаться предметомъ празднаго, ни къ какому полезному дѣлу неприложимаго и не влекущаго *созерцанія*. Прекраснымъ—иными словами—было признано только жизненно-приложимое, полезное, дѣловое, утилитарное.

По мѣрѣ своей утилитарности, дѣловитости, должны были оцѣниваться и произведенія искусства. Создалась и литература, преслѣдующая, вмѣсто чисто-художественныхъ задачъ безкорыстнаго изображенія вѣчно и типично-прекраснаго, цѣли утилитарныя, поставленныя условіями своего времени и своей обстановки, литература тенденціозная. Создалась и тенденціозная же критика, наложившая запретъ на все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ нуждамъ, вопросамъ и заботамъ насущной дѣйствительности, что неприложимо въ ея условіяхъ.

Этимъ сразу былъ наложенъ запретъ и на то *безкорыстное*, неуталитарное отношеніе къ міру, людямъ и жизни, которымъ характеризуется настроеніе художника ли, восхищающагося ли художественнымъ образомъ,—и на участіе *безсознательнаго, непроизвольнаго* элемента въ процессѣ художественнаго творчества. Отъ послѣдняго требуется уже не геніальность, но разсудочность, разсчетъ и прежде всего анализъ. *Налагается запретъ* и на *непосредственность*, безтрудность и неразсудочность самаго эстетическаго наслажденія, которое ставится въ зависимость отъ соображеній истинности и полезности. И творчество и наслажденіе, подчиненныя мѣрилу полезности, приложимости къ тѣмъ или инымъ внѣшнимъ цѣлямъ художественнаго созданія,—обращаются по неизбѣжной внутренней необходимости, въ процессы — вопервыхъ, разсудочные, а вовторыхъ, не только чуждые безкорыстія, но и по существу своему корыстные. Налагается, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретъ и на что-либо *необъяснимое*, не разрѣшающееся всецѣло въ понятія разсудка и изъ нихъ невыводимое, въ области искусства. Чѣмъ произведеніе искусства раціональнѣе, совершеннѣе выразимо въ терминахъ отвлеченнаго логическаго мышленія, менѣе зависитъ по своему смыслу отъ живой образности, — тѣмъ оно и выше. Налагается, наконецъ, запретъ и на всякое притязаніе искусства

творить какія-либо созданія вѣчныя, имѣющія значеніе, независящее отъ отношенія ихъ къ нуждамъ, заботамъ и цѣлямъ того или другаго опредѣленнаго времени. Призванное служить только уясненію и оцѣнкѣ этихъ нуждъ и цѣлей, утилитарное по самому своему назначенію и разсудочное, художественное произведеніе только для своего времени и имѣетъ здѣсь истинное значеніе и внутреннее оправданіе. Для другаго времени внутренно оправдано можетъ уже быть лишь другое произведеніе. Оно и создается своимъ временемъ и ему только призвано служить. Значеніе ему принадлежитъ не самому по себѣ, не вѣчное, не знающее различія вѣковъ, народовъ и культуръ, но лишь *какъ моменту въ эволюціи* той соціальной и умственной жизни человѣчества, которой выраженіемъ и орудіемъ оно служитъ.

Понятно, при этомъ, что и геніальная, ни съ чѣмъ несравнимая въ своей законченной индивидуальности, *личность* создателя художественнаго произведенія,—утилитарнаго и разсудочнаго момента въ общей безличной эволюціи,—утрачиваетъ здѣсь свое значеніе. Какъ самое произведеніе здѣсь всецѣло должно объясняться и оправдываться своимъ „жизненнымъ значеніемъ“ для своего времени, такъ условіями этого же времени вполнѣ, безъ остатка, должна объясняться и оправдываться и личность художника. Ничего необъяснимаго, разсудочно-нераціональнаго, ничего непосредственнаго, ничего безкорыстнаго и ничего вѣчно и неизмѣнно значительнаго не допускаетъ въ искусствѣ этотъ взглядъ на него, ни въ отношеніи художника, ни въ отношеніи его произведенія. Все безкорыстное, непосредственное, нераціональное и вѣчно-значущее, то-есть *все геніальное*, имъ въ области искусства рѣшительно осуждается или игнорируется. Это—эстетика *посредственности*.

Отрицая *безкорыстность и непосредственность*, неразсудочность и въ художественномъ творчествѣ, и въ художественномъ наслажденіи, требуя и здѣсь и тамъ утилитарной разсудочной тенденціи,—критика этого направленія естественно признавала своимъ призваніемъ разсудочное *учительство* въ эстетической области. Она бралась учить художника, какъ и что̀ творить, а публику—какъ и чѣмъ ей эстетически-наслаждаться. Естественно, что такое учительство со стороны людей, сильныхъ только программами, да тенденціями разныхъ „гражданскихъ“ интересовъ, но ничего художественно не творящихъ и ничѣмъ, по принципу, *эстетически* не наслаждающихся (вѣдь, по Прудону, неутилитарное „ис-

кусство для искусства есть развратъ сердца и разложеніе мысли"!) не всѣхъ себѣ подчинило. Подчинилось ему только то, что было послабѣе, поничтожнѣе и среди читателей, и среди писателей: читатели, думающіе и чувствующіе лишь по чужой указкѣ, „по Добролюбову" или „по Михайловскому" и др. и писатели, могущіе кое-какъ *обдумать*, что было бы умно и полезно выразить своимъ словомъ, но неспособные *вдохновляться*, могущіе *сочинить*, скомпоновать нѣчто, но не *творить*. Получилось, что все слабое и количественно-обильное, стадное, пошло за этою новой, учительствующей критикой, не вызвавшей на свѣтъ Божій, за всѣ тридцать лѣтъ своего, почти безраздѣльнаго, господства у насъ, ни единаго геніальнаго произведенія и имени; тогда, какъ немногіе сильные (А. Майковъ, А. Толстой. А. Фетъ, Я. Полонскій, Гончаровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Достоевскій), одаренные дѣйствительно творческимъ геніемъ, пошли своимъ особымъ путемъ, внѣ общаго теченія и создали литературу второй половины нашего вѣка.

Уже одно это могло бы служить свидѣтельствомъ ложности основъ и задачъ этой утилитарно-разсудочной (вмѣсто прежней безкорыстно-эстетической) критики, созданной у насъ Чернышевскимъ, Писаревымъ и Добролюбовымъ, и оказавшейся по-плечу только бездарностямъ или третьестепеннымъ дарованьицамъ. Совершенное непониманіе и отрицаніе *безкорыстнаго* художественнаго отношенія къ міру и жизни, художественнаго настроенія, было отличительною чертой не одного Добролюбова, но и Чернышевскаго. Критика же, ими созданная, обратилась, какъ прекрасно охарактеризовалъ ее г. Розановъ, въ „строгій и обстоятельный комментарій къ литературѣ, который *вноситъ* въ нее недостающее, *исправляетъ* неправильно сказанное, осуждаетъ и отбрасываетъ ложное и все это—на основаніи сравненія ея содержанія съ живою *текущею дѣйствительностью*, какъ ее *понимаетъ* критикъ" (*Русск. Обозр.* авг. 1892 г., 578). Достаточно стало критику понимать нужды земства, удобства хорошихъ судовъ, больницъ и школъ, предпочтительность богатства и здоровья нищетѣ и болѣзни, для того, чтобъ онъ, какой бы узкій, себялюбивый и неспособный поднять голову къ небу пигмей онъ ни былъ, смѣло *вносилъ* свое въ произведенія художника (дешевле всего было „вносить" гражданскую скорбь), *исправлялъ* ихъ, требовалъ *объясненія* ихъ смысла, *приложимости* ихъ и т. п. въ „текущей дѣйствительности". Конечно, еслибы критика могла въ самомъ

дѣлѣ рѣшительно оживлять или мертвить литературу, то подобная критика давно уже и навсегда убила бы всѣ ея зародыши у насъ. Если этого не случилось, то именно потому, что ни художественное творчество, ни художественное наслажденіе по существу своему не разсудочны и неутилитарны. Они остаются внѣ круга тѣхъ цѣлей и средствъ, которыми одними обладала эта *анти-эстетическая* критика, упраздняющая и творчество и наслажденіе во имя полезности „печнаго горшка". [1]

Въ наше время это направленіе нашей литературной критики очевидно вымираетъ, вянетъ и никнетъ долу въ полномъ и сознаваемомъ имъ самимъ истощеніи силъ. [2] Но, очищая литературное поле для новой, болѣе глубокой и жизненной критики, болѣе любящей самую литературу и менѣе поглощенной политическими и соціальными „злобами дня",—оно оставляетъ намъ послѣ себя еще надолго тяжелое наслѣдство. Господствовавшія въ немъ понятія объ оцѣнкѣ художника и художественнаго произведенія исключительно съ точки зрѣнія ихъ „жизненнаго значенія" отношенія ихъ къ тому, чѣмъ и для чего жила ихъ текущая современность, легли въ основу новаго пріема литературной критики. Этотъ новый пріемъ столь же далекъ отъ пониманія условій и значенія *эстетическаго* творчества и наслажденія, но пріобрѣтаетъ въ наши дни уже значительное вліяніе и въ литературѣ, и въ обществѣ. Это—то историко-критическое направленіе (главнымъ представителемъ его на Западѣ можно считать Тэна), которое всю задачу литературной критики видитъ не въ оцѣнкѣ независящихъ отъ условій времени и мѣста, безотносительныхъ эстетическихъ достоинствъ художественнаго произведенія, а въ *объясненіи* произведенія и самой личности автора изъ условій ихъ развитія и созданія.

Безотносительная оцѣнка съ точки зрѣнія непосредственно и безкорыстно созерцаемой красоты здѣсь отходитъ на задній планъ. Оправданіе произведенія и автора здѣсь ищется только въ объясненіи ихъ изъ историческихъ условій,—на высшей точкѣ зрѣнія,—оправданіе ихъ какъ необходимыхъ *моментовъ въ цѣлой безличной духовной эволюціи* человѣчества. Это чисто *объясни-*

---

[1] Ср., напримѣръ, заключеніе книги Прудона объ искусствѣ.

[2] Даже всегда вѣрно отражающій въ своей мысли общественное настроеніе данной минуты П. Д. Боборыкинъ отрекается отъ него и его осуждаетъ. (См. XVI книгу *Вопросовъ философіи и психологіи.*

тельное направленіе, оставляющее въ сторонѣ вопросъ о вѣчной, безусловной цѣнности художественнаго произведенія, имѣетъ свой pendant, отчасти уясняющій его значеніе, въ извѣстномъ направленіи исторіи философіи. И здѣсь стремленіе объяснить ту или другую систему философа изъ условій его времени и его личнаго характера, понять ее какъ звено въ эволюціи всѣхъ бывшихъ системъ, неизбѣжное, а потому и законное въ свое время и на своемъ мѣстѣ,—устраняетъ часто вопросъ о *безотносительной* внутренней истинѣ самой системы. Въ своихъ условіяхъ вѣдь *всякая* система была необходима и оправдана! Также и въ искусствѣ: чисто-объяснительное направленіе критики приводитъ къ признанію, что въ условіяхъ своего созданія,—внѣшнихъ и внутреннихъ,—всякое произведеніе искусства настолько именно является оправданнымъ, насколько *объяснено*. А это значитъ, вопервыхъ, что не существуетъ ни философской системы, ни художественнаго произведенія безусловно и безотносительно, на всѣ вѣка и во всѣхъ условіяхъ, независимо отъ какой-бы то ни было эволюціи—цѣнныхъ, цѣнныхъ *сами по себѣ* (просто, какъ вѣчная истина и красота). Вовторыхъ-же это ставитъ истинность системы и красоту художественнаго произведенія въ зависимость отъ того, насколько полно, насколько до конца они *объяснены* изъ причинъ и условій и объяснимы изъ нихъ. Но, какъ въ философіи до конца, всецѣло объяснена бываетъ лишь система *чисто-раціоналистическая*, не имѣющая въ себѣ никакихъ только *положительныхъ* началъ (таковы, напримѣръ, системы Гегеля или Спинозы),—какъ въ явленіяхъ окружающей жизни объяснимо всё, лишь поскольку оно есть только общее, безличное, индивидуальность же навсегда остается недоступною никакимъ понятіямъ и въ нихъ невыразимою, *фактомъ* и только,—такъ и въ области искусства геніальнѣйшее есть въ то же время и индивидуальнѣйшее, ни въ какія понятія разсудка не разрѣшаемое, никакъ искусственно, логически непостроаемое, *необъяснимое*. *Геніальное* здѣсь, также какъ и *положительное* въ философіи, а *индивидуальность* въ жизни, остается навѣки конечнымъ фактомъ, котораго нельзя не признать, но и невозможно свести на другое, вывести изъ другаго, — объяснить. Истинно-геніальное—предметъ поклоненія, но не матерьялъ, не предметъ объясненія.

Какъ во всякой истинно-великой философской системѣ должно быть нѣчно чисто-положительное, не разрѣшимое въ общія и

отвлеченныя понятія разсудка, такъ и въ каждомъ истинно-геніальномъ произведеніи искусства остается нѣчто навсегда загадочное, нераціональное для разсудка, и совершенно ясное лишь для непосредственнаго чувства, для безкорыстнаго художественнаго настроенія созерцающаго. Только въ этомъ навѣки загадочномъ для разсудка, стоящемъ внѣ сферы какихъ-либо теоретическихъ *объясненій*, элементѣ геніальнаго художественнаго произведенія и лежитъ мощь его неодолимо-обаятельнаго дѣйствія на душу, помимо воли и разсчетовъ беззавѣтно увлекающаго ее.—Эта мощь совершенно недоступна для только логически ясныхъ и убѣдительныхъ построеній мысли. Только въ этомъ, чисто-положительномъ, нераціональномъ элементѣ художественнаго произведенія, элементѣ, который возможно лишь созерцать, но не логически построять; которымъ возможно восхищаться, но не дѣлать его предметомъ кропотливаго анализа, сомнѣнія и доказательства,—источникъ и *непосредственнаго*, *эстетическаго* воспріятія его душою. Въ немъ же, наконецъ, и нетолько источникъ непосредственнаго и непроизвольнаго, безтруднаго и безкорыстнаго эстетическаго наслажденія, но и то вѣчно цѣнное, неумирающее, что возноситъ геніальное художественное произведеніе надъ потокомъ всякой общей и безличной „эволюціи", придавая ему значеніе не простаго преходящаго момента въ этой эволюціи.

Отрицаніе неразсудочнаго, непосредственнаго чисто-эстетическаго элемента въ художественномъ произведеніи, отрицаніе вѣчной, остающейся нетронутой никакою эволюціей, непреходящей значимости его, упущеніе изъ вида его дѣйствія на *настроеніе* во имя интересовъ *пониманія*, объясненія его—вотъ тѣ опасности, которыя грозятъ на пути этой новой, только объясняющей, будто бы *научной* критики. Выполняя задачу свою, объясняющую въ художественномъ творчествѣ и въ его созданіяхъ именно то, что въ нихъ не чисто эстетично,—эта критика не захватываетъ въ свой кругъ именно того, что дѣлаетъ ихъ вѣчно прекрасными. Какъ утилитарно-тенденціозная критика предшествующаго періода искала въ художественныхъ произведеніяхъ только разсудочнаго, *полезнаго* для жизни, такъ и эта новая, *научная* критика ищетъ въ нихъ только *понятнаго*, то-есть опять-таки чисто разсудочнаго, не эстетическаго и не геніальнаго. Какъ та, такъ и другая являются вполнѣ оправданными лишь въ приложеніи къ произведеніямъ, чуждымъ непосредственнаго и безкорыстнаго творчества, чуждымъ истиннаго *вдохновенія*. Ихъ эстетика есть эстетика для

тѣхъ, кто вдохновенія не знаетъ, для бездарностей, для которыхъ ихъ умъ есть лишь полезный „фонарь, освѣщающій имъ ихъ маленькій жизненный путь, но не безкорыстно озаряющее вселенную солнце“, по выраженію Шопенгауэра. [1]

Лучшимъ свидѣтельствомъ несостоятельности такой мелко-разсудочной эстетики и недостаточности опирающейся на нее критики должны являться конечно истинно-великія произведенія искусства. Въ нихъ долженъ раскрываться истинный смыслъ красоты и художественнаго творчества, ускользающій отъ утилитарно-разсудочныхъ точекъ зрѣнія „тенденціозной“ и „научной“ критики, если только вообще *есть* въ нихъ такой не утилитарно-разсудочный смыслъ, если эстетика—*не предразсудокъ*.

Въ этомъ отношеніи трудно указать на поэзію, болѣе поучительную для эстетика, чѣмъ поэзія недавно почившаго А. А. Фета. Она представляетъ, въ цѣломъ, вполнѣ ясный и законченный урокъ эстетики. Трудно найти поэта, у котораго въ огромной массѣ написаныхъ имъ за долгую и плодотворную жизнь произведеній въ такой чистотѣ и ясности, и въ большомъ и въ самыхъ мелкихъ деталяхъ, было бы выдержано до конца чисто-эстетическое, чуждое всякой утилитарности и разсудочности, всякой тенденціозности и дѣланности, безкорыстное и непосредственное-художественное настроеніе. Трудно найти поэта, произведенія котораго были бы такъ прозрачно-ясны и живы для безкорыстно-настроеннаго къ *созерцанію* красоты чувства, и въ то же время — такъ мало мотивированы для разсудка, съ его корыстными и односторонними точками зрѣнія и критеріями, такъ таинственно загадочны для него, непонятны. Вся поэзія Фета, съ начала и до конца, есть непрестающій, восторженный порывъ изъ міра разсудка, его корыстныхъ заботъ и нуждъ, его сомнѣній, безтолковой злобы и суеты ради ничтожныхъ полезностей,—въ міръ чистаго, безкорыстнаго, ничѣмъ не затемненнаго созерцанія вѣчной красоты. Основнымъ среди наиболѣе часто повторявшихся и наиболѣе удачно выливавшихся у него въ столь же музыкальный, какъ и ясный

---

[1] Свои понятія объ условіяхъ эстетическаго впечатлѣнія я ранѣе изложилъ въ маленькой брошюрѣ *Старое недоразумѣніе* (1888 г.), удостоившейся, несмотря на ея микроскопическіе размѣры, спеціальнаго неодобренія даже такого крупнаго авторитета по вопросамъ психологіи, эстетики и гражданскаго судопроизводства, какъ К. К. Арсеньевъ.

стихъ мотивовъ, является именно этотъ порывъ изъ міра корысти, пользы и разсудка въ міръ свѣтлаго, безкорыстнаго созерцанія.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на мигъ не устыдиться,
Нельзя предъ вѣчной красотой
Не пѣть, не славить, не молиться.

Предъ этой созерцаемой и *только*—созерцаемой красотой умолкаютъ въ поэтѣ всѣ личныя похоти и влеченія:

Что же тутъ мы, или счастіе наше,

восклицаетъ онъ,

Какъ и помыслить о нихъ не стыдиться;
Въ блескѣ, какого нѣтъ шире и краше,
Нужно безумствовать или смириться.

Въ этомъ блаженномъ міровомъ созерцаніи, поэтъ перестаетъ жить *своею* маленькой, узко себялюбивой жизнью. Онъ живетъ и радуется полнотѣ и совершенству жизни вмѣстѣ со всѣмъ, что живетъ въ его созерцаніи. Онъ можетъ искренно *радоваться* за облако, тому что оно такъ легко и прозрачно.

О! Какъ мнѣ весело слѣдить
За пышнымъ дымомъ тучъ сквозныхъ;
И радъ я, что не можетъ быть
Ничто вольнѣй и легче ихъ. [1]

Передъ этой свѣтлой радостью за полноту и красоту созерцаемой жизни, съ которою поэтъ всецѣло *сливается* своею очищенной отъ всего себялюбиваго и мелкаго душою, неудержимо открываются всѣ глубины и тайники этой души. Она не можетъ не высказаться, „не пѣть, не славить, не молиться". Можно ли яснѣе выразить это творчески-возбуждающее вѣяніе безкорыстнаго созерцанія, лучше выдать тайну творчества поэта, какъ въ піесѣ:

Молчали листья, звѣзды рдѣли,
И въ этотъ часъ
Съ тобой на звѣзды мы глядѣли,
Онѣ на насъ.
Когда все небо такъ глядится
Въ живую грудь,

[1] Какъ *безсмыслена* и нелѣпа подобная радость для *серьезныхъ* послѣдователей ученія Чернышевскаго—Добролюбова—Писарева, но также и для всякаго настоящаго животнаго, для котораго безсмысленно все безполезное!!

Какъ въ этой груди затаится
Хоть что-нибудь?
Все, что хранитъ и будитъ силу
Во всемъ живомъ,
Все, что уносится въ могилу
Отъ всѣхъ тайкомъ,
Что чище звѣздъ, пугливѣй ночи,
Страшнѣе тьмы,
Тогда, взглянувъ другъ другу въ очи,
Сказали мы.

Не себя, не свои задачки любитъ поэтъ, не торжество своего личнаго счастья поетъ онъ въ своей лучезарной пѣснѣ, а блаженство самаго этого откровенія счастія и красоты въ озаряющемъ міръ безкорыстномъ созерцаніи. Оно, это свѣтлое откровеніе, эта безполезная радость - для него самое драгоцѣнное сокровище жизни. Уходя изъ нея, онъ говоритъ:

Не жизни жаль, съ томительнымъ дыханьемъ,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ,
И въ ночь идетъ, и плачетъ, уходя.

Созерцать красоту и безкорыстно радоваться ей — вотъ въ чемъ высшее счастіе, со всякимъ страданіемъ, со всякой утратой примиряющее (см., напримѣръ, стихотвореніе „прежніе звуки съ былымъ обаяньемъ“ (одно изъ многихъ въ этомъ духѣ),—и пѣть объ этой красотѣ—единственное священное призваніе поэта. Таковъ смыслъ очень многихъ изъ лучшихъ стихотвореній покойнаго Фета. Къ этой темѣ онъ особенно часто и любовно возвращается, частію клеймя измѣняющихъ этому безкорыстному служенію красотѣ стихотворцевъ (напримѣръ „псевдо-поэту“ или конецъ „къ памятнику Пушкина“), -частію воспѣвая блаженство этого служенія, какъ, напримѣръ, въ пьесѣ „quasi una fantasia“. Въ немъ поэтъ видитъ единственный исходъ изъ полной горечи и безысходной муки жизни себялюбивой, непричастной безкорыстному созерцанію за всѣми мелкими личными заботами и страстями личности. Стихотвореніе „муза“ заключается словами:

Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?
На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки.

Нельзя быть дальше отъ какой-либо тенденціозности, отъ служенія какимъ-либо маленькимъ, преходящимъ задачамъ своего времени и общества, чѣмъ эта поэзія, о которой Фетъ самъ говоритъ въ предисловіи къ III выпуску *Вечернихъ Огней:* „мы постоянно искали въ поэзіи единственнаго убѣжища отъ житейскихъ скорбей, въ томъ числѣ и „гражданскихъ." Этимъ объясняется и извѣстная многолѣтняя вражда нашей утилитарно-тенденціозной критики къ поэзіи Фета. Но отсюда же происходитъ и не эфемерное, не мимолетное значеніе этой поэзіи, всего менѣе злободневной. Ея мотивы—вѣчные и общечеловѣческіе, но не мотивы того или другаго общественнаго строя, того или инаго направленія стремленій времени, его утилитарныхъ, маленькихъ задачъ и упованій. Звучащій во всѣхъ пѣсняхъ поэта призывъ къ созерцанію вѣчной красоты, къ безкорыстной радости полнотой и глубиной общей, міровой жизни, для всѣхъ вѣковъ, обществъ и людей *равно* понятенъ или непонятенъ, родствененъ и дорогъ или чуждъ и незначущъ. Его поэзія всегда встрѣтитъ горячій привѣтъ и возбудитъ искренніе восторги вездѣ, гдѣ есть *художественное настроеніе.* Но она останется непонятою и осмѣянною всюду, гдѣ этого настроенія нѣтъ, гдѣ изъ души человѣка вытравлено все благородное и безкорыстное, все незагрязненное личною страстью, похотью или разсчетомъ. Она вѣчна такъ же, какъ вѣчна въ человѣкѣ способность хотя на мгновенія становиться вполнѣ *благороднымъ* и великодушнымъ, забывая о личной корысти, личномъ торгашескомъ разсчетѣ и похоти. Она болѣе чьей-либо другой поэзіи заслуживаетъ названіе поэзіи чисто художественнаго настроенія,—не образа, не мысли, не страсти, а именно *настроенія.*

По силѣ и законченности образовъ, точно вычеканенныхъ или изваянныхъ, такъ же, какъ и по значительности вложенной въ нихъ мысли произведенія Фета, конечно, уступаютъ произведеніямъ А. Н. Майкова. Уступаютъ они, по широтѣ и глубинѣ философскаго (не всегда, впрочемъ, яснаго) отношенія къ міру и жизни, произведеніямъ графа А. К. Толстаго. Нѣтъ въ нихъ и задорнаго, здороваго и „здоровеннаго" юмора А. Толстаго и Я. П. Полонскаго и ихъ густыхъ и яркихъ красокъ. Но больше чѣмъ у кого-либо изъ этихъ его сверстниковъ, цѣльнѣе, непосредственнѣе и выдержаннѣе чѣмъ у нихъ, выражается въ произведеніяхъ покойнаго А. Фета основное поэтическое, чуждое и разсудочности и бурной страсти, безкорыстное созерцательное

настроеніе. Въ немъ, а не въ идеяхъ, образахъ или страстяхъ, вся своеобразная сила и чарующая прелесть поэзіи Фета. Въ этой же отличительной чертѣ ея, ставящей многія изъ его произведеній почти на грани, отдѣляющей музыку отъ поэзіи, отъ созданія разсудочно яснаго и точнаго слова, объясненіе нѣкоторыхъ ея коренныхъ особенностей, объясненіе такъ понятнаго каждой живой душѣ восклицанія поэта:

О еслибъ безъ слова
Сказаться душѣ было можно!

Благодаря этой чертѣ именно поэзія Фета и умѣетъ такъ ярко и въ то же время неожиданно освѣщать намъ такія глубины нашей духовной жизни, о которыхъ мы ранѣе и не догадывались. Никто изъ нашихъ современныхъ поэтовъ не выразилъ этой особенности поэзіи Фета лучше чѣмъ наиболѣе родственный ему по характеру своего таланта К. Р., авторъ сонета:

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты въ душевной глубинѣ;
Не выразить словами ихъ значенья,
Невѣдомы таятся въ насъ онѣ.

Ты понялъ ихъ: ты вылилъ въ пѣснопѣньи
Тѣ звуки, что въ безгласной тишинѣ
Плѣняютъ насъ,—тѣ смутныя видѣнья,
Что грезятся лишь въ мимолетномъ снѣ.

Могучей силой творческаго духа,
Постигнувъ все, неслышное для уха,
Ты угадалъ незримое для глазъ.

И сами мы тѣхъ сердца струнъ не знали,
Что въ сладостномъ восторгѣ трепетали,
Когда, чаруя, пѣснь твоя лилась.

Въ той же чертѣ, между прочимъ, и много проливающаго свѣта на самый процессъ художественнаго творчества,—процессъ столь таинственный, недоступный ни вдохновленному прозрѣнію самого поэта, ни кропотливому анализу ученаго критика или психолога.

Ни у одного изъ современныхъ поэтовъ не выступаетъ наружу съ такою ясностью и опредѣленностью *непосредственный* моментъ художественнаго творчества, какъ въ поэзіи Фета. Ко-

нечно, всякое истинное творчество, всякая дѣйствительная поэзія коренятся въ непосредственномъ вдохновеніи, въ актѣ, чуждомъ какого-либо анализа и разсчитанности логическаго построенія. Но у другихъ поэтовъ этотъ моментъ непосредственнаго во всемъ творческомъ процессѣ, заслоняемый слишкомъ опредѣленною законченностью образа, яркостью изображенія страсти или содержаніемъ мысли, только *угадывается* чуется въ основѣ всего произведенія, какъ его скрытое, внутреннее единство. У Фета этотъ моментъ ясно выступаетъ наружу именно потому, что его поэзія— не поэзія образа, страсти или мысли, но поэзія *настроенія*, для проявленія котораго *всякій* образъ, всякая мысль, всякая страсть составляютъ только *поводы*, не больше. Фету было дано выразить въ своихъ стихотвореніяхъ то, выраженіе чего составляетъ, повидимому, удѣлъ исключительно одной музыки, — настроеніе (благоговѣйное, молитвенное, свѣтлое, ласкающее, угнетенное и т. п.) *само по себѣ*, въ его чистомъ существѣ, независящемъ отъ того или другаго частнаго, случайнаго повода, для котораго *все* можетъ одинаково служить поводомъ. Благодаря этому центральному интересу настроенія въ лирикѣ Фета, его стихотворенія часто открываютъ не встрѣчающіеся у другихъ поэтовъ въ такомъ обиліи и ясности просвѣты въ таинственную область безсознательнаго творческаго процесса. Мы какъ бы становимся участниками и свидѣтелями его. Не ясенъ ли этотъ таинственный процессъ, напримѣръ, въ пьесѣ:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Пѣшій или конный—
Не видать въ пыли.
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ.

Поэтъ не *задумываетъ* здѣсь своей пѣсни, но мы видимъ, какъ она въ его душѣ зарождается. Это зарожденіе составляетъ нерѣдко и самый предметъ изображенія. Такъ, напримѣръ, въ

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь,—
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.

Я *думалъ... не помню, что думалъ*,
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

Или въ прелестномъ стихотвореніи „на стогѣ сѣна, ночью южной“, или во всѣмъ извѣстномъ:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало...

Кончающемся—

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ

Въ этихъ и подобныхъ имъ стихотвореніяхъ,—а ихъ много у Фета,—конечно глубже и яснѣе выражается поэтическое настроеніе, въ самомъ существѣ его, чѣмъ въ другихъ, хотя бы и блещущихъ большею яркостью и законченностью образа, какъ, напр., въ его *Ракетѣ:*

Горѣлъ напрасно я душой,
Не озаряя ночи темной;
Я лишь вознесся предъ тобой
Стезею шумной и проворной.
Лечу на смерть, вослѣдъ мечтѣ,
Знать мой удѣлъ лелѣять грёзы,
И тамъ со вздохомъ, въ высотѣ,
Разсыпать огненныя слёзы.

И подобныя послѣднему стихотворенія, несомнѣнно, *возможнѣе* по незнанію, приписать какому-либо другому хорошему поэту, чѣмъ, напр., „я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“, которое могъ написать одинъ А. Фетъ, поэтъ настроенія и никто другой.

Начало всякаго творческаго процесса, образующаго во внутренно связное, органическое единство рядъ разбросанныхъ мыслей, красокъ, звуковъ картинъ, и впечатлѣній, коренится въ безсознательной душевной работѣ. Это начало,—будь оно идея, или настроеніе, или образъ — *непосредственно* воспринимается сознаніемъ художника изъ этой глубины безсознательнаго, гдѣ

оно въ „безгласной тишинѣ“ зародилось. Оно *руководитъ* его дальнѣйшею, уже сознательною работой, но само не построяется намѣренно его сознаніемъ, не *придумывается* имъ. Творческій процессъ въ своемъ основаніи и безсознателенъ и непроизволенъ.

Изъ этого обстоятельства нѣкоторые эстетики дѣлаютъ въ наше время дальнѣйшій выводъ, что такъ какъ художественное творчество,—а все, что говорится о немъ, приложимо и ко всякому *творчеству*, и философскому и даже научному—и безсознательно и непроизвольно, то—значитъ—оно и *безлично*. Дѣло представляютъ такъ, что творческія идеи какъ-то зарождаются въ безличной, безсознательной жизни духа и оттуда, при наличности извѣстныхъ условій, пробиваются, всплываютъ въ личное сознаніе того или другаго мыслителя, поэта и т. п. Послѣдній со своимъ индивидуальнымъ, личнымъ складомъ мысли и чувства, представляется здѣсь лишь *проводникомъ*, *органомъ* для проявленія идей и настроеній, сложившихся внѣ и независимо отъ его личной, сознательной жизни.— Онъ представляется какъ бы клапаномъ, въ который непроизвольно вырываются отголоски какой-то общей, безличной духовной жизни, совершающей неуклонно по собственнымъ желѣзнымъ неизмѣннымъ законамъ свою роковую эволюцію. Личность художника или мыслителя по этому взгляду— не при чемъ въ процессѣ его творчества, а его творческія созданія—лишь независящіе отъ личной воли моменты проявленія какой-то роковой эволюціи, которая тѣмъ или другимъ путемъ *должна* совершиться до конца, *должна* проявиться во всѣхъ своихъ главныхъ моментахъ. И произведеніе творчества и творческая личность здѣсь представляются только *моментами* въ эволюціи, лишенными какого-либо самостоятельнаго, неизмѣннаго, вѣчнаго значенія и достоинства. Нѣтъ поэтому ни вѣчныхъ, безусловно прекрасныхъ, не умирающихъ созданій генія, ни вѣчныхъ геніевъ: все это лишь историческіе моменты.

Мы думаемъ, что подобный взглядъ на значеніе творческой личности и ея геніальныхъ созданій совершенно лишенъ основаній. Безсознательность и непроизвольность творческаго процесса вовсе не равнозначуща его безличности. Та безсознательная душевная жизнь, изъ которой сознаніе поэта или мыслителя заимствуетъ свою творческую, образующую, объединяющую идею, вовсе не есть какая-то *безличная* жизнь, роковымъ и непостижимымъ образомъ совершающаяся за спиной личнаго сознанія и послѣднему совершенно чуждая. Если мы не желаемъ, ради

излюбленнаго понятія о какой-то безплотной и роковой, неизбѣжно захватывающей въ свой потокъ всякую личную мысль и чувство эволюціи, впасть въ своего рода *научную мистику*,—то безсознательная душевная жизнь представится намъ не чѣмъ-то роковымъ для жизни личнаго сознанія, но всецѣло послѣднею *обусловленнымъ*, столь же *личнымъ*, какъ и жизнь сознанія. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, знаемъ мы *подлинно* о безсознательной душевной жизни, что̀ въ ея области находимъ? Ничего, кромѣ *слѣдовъ* тѣхъ актовъ, впечатлѣній, чувствъ, представленій, сужденій и т. п., которые были нѣкогда пережиты, продуманы и прочувствованы *сознательно*. Ничего, кромѣ, такъ-сказать, капитализаціи всѣхъ предшествующихъ сознательныхъ работъ и состояній души. То, что никогда и никакъ не было пережито сознаніемъ, никогда не попадетъ и въ сферу безсознательной душевной жизни. Послѣдняя по своему объему и полнотѣ содержанія совершенно зависитъ отъ жизни сознанія, отъ богатства, ясности и разнообразія продуманныхъ *сознательно* мыслей, прочувствованныхъ чувствъ. Она столь же личная, своеобразная у каждаго, какъ и его сознательная жизнь. Но, переходя изъ сферы яснаго сознанія въ сокрытую для послѣдняго область безсознательнаго, становясь *слѣдами* пережитыхъ впечатлѣній, мыслей и чувствъ, эти мысли, впечатлѣнія и чувства въ своей новой, удаленной отъ вмѣшательства сознанія области вступаютъ въ *новыя сочетанія*. Они претерпѣваютъ существенныя *измѣненія*, доходящія до неузнаваемости ихъ для того самаго сознанія, въ которомъ они зародились и изъ котораго они когда-то ушли въ безсознательную область. Характеръ этихъ измѣненій, претерпѣваемыхъ въ глубинѣ безсознательной жизни нашей души слѣдами пережитыхъ ею сознательно впечатлѣній, мыслей и чувствъ, очень важенъ для яснаго пониманія значенія безсознательнаго момента въ художественномъ творчествѣ. Именно этимъ характеромъ и объясняется *необходимость безсознательнаго* въ творчествѣ, необходимость для творца *непосредственно* воспринимать изъ безсознательнаго свою творческую, образующую идею, а не логически построять ее по обдуманному, сознательному плану.

Для нашей цѣли здѣсь достаточно указать на *два* такія измѣненія въ сочетаніяхъ нашихъ впечатлѣній и мыслей, претерпѣваемыя ими, когда они уходятъ изъ пережившаго ихъ сознанія и становятся достояніемъ безсознательнаго. Вопервыхъ, въ безсознательномъ, удаленномъ отъ свѣта сознанія, эти сочетанія

становятся постепенно *все болѣе и болѣе слитными, менѣе раздѣльными, расторжимыми.* Доказывать это положеніе нѣтъ надобности: всякій актъ воспоминанія, пережитаго нами когда-то, даетъ такое доказательство. На этомъ основано и постепенное образованіе всякой нашей привычки, всякаго навыка мысли и движенія (рѣчь, ходьба, письмо, игра на музыкальномъ инструментѣ). Все это—факты перехода такихъ сочетаній, которыя были въ сознаніи ясно раздѣльны и легко расторжимы, въ болѣе слитныя, нерасторжимыя, внутренно-объединенныя въ безсознательномъ. Въ послѣднемъ эти пережитыя когда-то сознаніемъ сочетанія пріобрѣтаютъ такимъ образомъ новую, недостававшую имъ еще въ сознательной жизни черту *внутренней организованности, крѣпкаго синтетическаго единства*, которое такъ существенно необходимо для идеи, чтобы она могла стать творческою, то-есть образующею, организующею, объединяющею огромныя массы представленій etc.

Вовторыхъ же, эта синтетичность, эта нерасторжимая (какъ въ сознательныхъ сочетаніяхъ) слитность, пріобрѣтаемая въ области безсознательной душевной жизни сочетаніями переданныхъ ей изъ сознанія душевныхъ состояній, имѣетъ особый отпечатокъ *внутренней необходимости*, неслучайности. Этотъ отпечатокъ пріобрѣтаютъ сочетанія нашихъ мыслей, чувствъ и впечатлѣній въ безсознательномъ именно поскольку они удалены отъ вмѣшательства сознанія, съ его произволомъ, случайностью его точекъ зрѣнія, измѣнчивыхъ заботъ и интересовъ, и т. п. Въ безсознательномъ *нѣтъ* этихъ случайныхъ заботъ, интересовъ и разсчетовъ, постоянно занимающихъ и направляющихъ такъ или иначе работы сознанія, опредѣляющихъ въ разное время очень различно его отношенія къ своимъ впечатлѣніямъ, мыслямъ и чувствамъ. Въ безсознательномъ сочетаются они, поэтому, не въ силу этихъ измѣнчивыхъ, случайныхъ интересовъ и точекъ зрѣнія на нихъ, но единственно по своей собственной, *внутренней сопринадлежности*, не по внѣшнему плану, но по внутренней, органической необходимости. Мотивъ сочетанія душевныхъ состояній въ безсознательномъ, поэтому, мотивъ *безкорыстный*, неутилитарный, чуждый какихъ-либо внѣшнихъ и случайныхъ задачъ, и соображеній, но лежащій въ самыхъ сочетающихся состояніяхъ, въ ихъ внутреннемъ значеніи. Сознаніе всегда корыстнѣе, утилитарнѣе безсознательнаго въ своихъ работахъ. Оно менѣе способно вполнѣ отрѣ-

шиться отъ озабочивающихъ его въ каждый моментъ его жизни измѣнчивыхъ заботъ и тревогъ, разсчетовъ и ожиданій, надеждъ и страховъ. Все это придаетъ тѣмъ сочетаніямъ мыслей и впечатлѣній, которыя производитъ сознаніе, гораздо большую случайность, измѣнчивость и корыстность, чѣмъ какими отмѣчены сочетанія, слагающіяся въ безсознательномъ.

Такимъ образомъ—только въ безсознательномъ пріобрѣтаетъ *идея*,—конечный плодъ всей жизни личнаго сознанія,—качества *синтетичности* и независящей ни отъ какихъ случайныхъ, измѣнчивыхъ соображеній, безкорыстной *внутренней необходимости*. А только обладая этими качествами и становится она *творческой*, образующей идеею и въ искусствѣ, и въ философіи, и въ наукѣ!

Сознаніе всегда въ какой бы то ни было мѣрѣ тенденціозно и утилитарно. Его отношеніе къ доставляемымъ ему потокомъ жизни впечатлѣніямъ, представленіямъ и задачамъ, всегда болѣе или менѣе односторонне, опредѣлено случайными, измѣнчивыми заботами, условіями настоящей минуты. Продукты его работъ,— его идеи и чувства должны *очиститься* отъ этой случайности, тенденціозности, разсудочной произвольной односторонности измѣнчивыхъ точекъ зрѣнія сознанія, для того, чтобъ освобожденная отъ этого искажающаго налета идея пріобрѣла внутреннее единство, творческую законченность и мощь. Это-то *очищеніе* и совершается надъ ними въ глубинахъ безсознательной жизни, удаленныхъ отъ свѣта сознанія и вмѣшательства его произвола и его утилитарнаго, односторонняго анализа. Только выношенная, долго созрѣвавшая въ той далекой отъ всякой тенденціи, корысти и разсудочнаго анализа области—становится идея внутренно-единой синтетичной и способной быть началомъ синтетической работы духа. А такова всякая *творческая* работа его, въ искусствѣ ли, или въ философіи, или даже въ наукѣ.

Но для того, чтобъ это совершилось и творческій актъ дѣйствительно состоялся, необходимы, очевидно, еще два условія. Нужно, вопервыхъ, чтобы жизнь сознанія доставляла матеріалъ, сколько-либо *годный* для той глухой, подземной синтезирующей въ безсознательномъ работы души. Нужно, чтобы самыя впечатлѣнія, мысли, переходящія изъ сознанія въ область безсознательнаго, имѣли какую-либо *внутреннюю* значимость, не были всецѣло *только* средствами сознанія для удовлетворенія его насущныхъ, эгоистическихъ нуждъ и потребностей минуты. Душа,

которая въ своей вседневной сознательной жизни всецѣло, безраздѣльно поглощена этими себялюбивыми и случайными нуждами и заботами, для которой всѣ ея впечатлѣнія и мысли суть только указанія, какъ ей удобнѣе въ данныхъ условіяхъ удовлетворить свои преходящія похоти,—никогда не увидитъ ни въ мірѣ, ни въ людяхъ ничего, кромѣ годныхъ или негодныхъ средствъ для своихъ случайныхъ цѣлей. Она никогда и ни къ чему не относится неутилитарно, созерцательно, никогда ничего не стремится *понять*, ограничиваясь только тѣмъ, что всѣмъ по возможности *пользуется*. Ничего цѣннаго, имѣющаго внутреннее значеніе, и не можетъ дать сознательная работа такой души для ея безсознательной жизни. Никакой творческой идеи въ такой душѣ никогда не зародится и въ безсознательномъ. Она — безплодна и въ искусствѣ, и въ философіи и въ наукѣ. Ея мѣсто, словами нашего поэта, обращенными къ Пушкину,

На этомъ торжищѣ, гдѣ гамъ и тѣснота,
Гдѣ здравый русскій смыслъ примолкъ, какъ сирота,
Всѣхъ громогласнѣй тать, убійца и безбожникъ,
Кому печной горшокъ всѣхъ помысловъ предѣлъ,
Кто плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горѣлъ,
Толкать дерзая твой незыблемый треножникъ.

Но если самое *зарожденіе* творческой, синтетической идеи недоступно тѣмъ, кто никогда въ сознательной жизни своей ни къ чему не относится безкорыстно, созерцательно, для кого тенденція, полезность, „печной горшокъ всѣхъ помысловъ предѣлъ“, то не менѣе необходимо безкорыстно-созерцательное настроеніе души и для того, чтобы чутко *воспринять* изъ безсознательнаго и *выразить* въ словѣ, образѣ эту идею, когда она уже созрѣла. Необходимо, чтобъ и въ моментъ творческаго акта, въ моментъ воспріятія рвущейся наружу изъ безсознательнаго идеи, сознаніе художника и мыслителя не заглушало и не искажало ея, а беззавѣтно и покорно отдавалось ей. Необходимо, чтобъ оно въ этотъ моментъ совершенно отрѣшилось отъ всего, что не самое созерцаніе, не самая мысль, отъ всѣхъ назойливо тѣснящихся въ него корыстныхъ заботъ, разсчетовъ, тенденцій. Необходимо, чтобы носитель творческой идеи въ этотъ рѣшающій его творческое дѣло моментъ былъ настроенъ безусловно безкорыстно, *празднично* и благородно, забывъ и о себѣ и обо всей мелочной злобѣ и суетѣ своей жизни, обо всемъ, что не безкорыстное созерцаніе и не

мысль. Это-то не будничное, только благороднымъ и могучимъ душамъ доступное, божественное своей полною безкорыстностію настроеніе и есть состояніе *вдохновенія*,—состояніе, способность къ которому въ полномъ объемѣ есть исключительный даръ неба, создающій творческіе геніи.

Можно констатировать наличность этого дара въ томъ или другомъ случаѣ и понять его необходимость для творческаго акта, но и только! *Объяснить* его изъ какихъ-либо общихъ или личныхъ причинъ, изъ роковой ли потребности таинственной безличной эволюціи, выразиться въ комъ бы то ни было творческимъ актомъ, или изъ особенностей индивидуальнаго темперамента, атавизма и т. п., совершенно невозможно. Безъ него — нѣтъ генія, но это самого его ничуть не объясняетъ! Не объяснять его и нужно для того, чтобы наслаждаться его твореніемъ и стать причастнымъ его духовной просвѣтленности, но понять его значеніе и—преклониться предъ нимъ.

Ученіе фаталистически совершающейся безличной эволюціи, для котораго и геніальная личность и геніальное произведеніе не имѣютъ собственнаго, внутренняго и вѣчнаго, неумирающаго значенія, но суть лишь логически необходимые моменты естественнаго или діалектическаго міроваго процесса, упраздняетъ всякое такое преклоненіе. Это—своего рода удобство теоріи, привлекающей къ себѣ, между прочимъ, и своею нивеллирующей личности демократичностью. Вѣдь и для того, чтобы поклоняться чему-нибудь, нужно извѣстное умѣніе, нужна нѣкоторая способность испытывать безкорыстное, несебялюбивое и неутилитарное настроеніе, нужна нѣкоторая, не всѣмъ доступная, степень душевнаго благородства! Звѣри ничему вѣдь не поклоняются, кромѣ страха и пользы. Но именно предъ неоспоримыми *фактами* вполнѣ безкорыстнаго душевнаго настроенія, созерцательнаго отношенія къ міру, людямъ и жизни, вдохновенія, предъ ихъ свойственностью только немногимъ исключительнымъ, благороднѣйшимъ личностямъ, эта теорія безличной эволюціи и должна отступить. Еслибъ ей и удалось даже какъ-нибудь объяснить эти, отмѣчающіе геніальную личность, факты изъ какихъ-нибудь общихъ, безличныхъ причинъ, то все же обладаніе этимъ такъ или иначе сложившимся настроеніемъ, вдохновеніемъ, этимъ душевнымъ благородствомъ, выноситъ ихъ обладателя изъ потока эволюціи и возноситъ надъ нимъ. Они освобождаютъ избранника, ими обладающаго (или *обладаемаго*—все равно) отъ деспотическаго гнета

условій среды, времени, господствующихъ тенденцій, предразсудковъ и интересовъ. Они дѣлаютъ его носителемъ независящихъ отъ этихъ условій интересовъ и предразсудковъ—идеаловъ истины и красоты. Они вырываютъ его и его созданія изъ положенія промежуточнаго звена въ цѣпи послѣдовательно смѣняющихся моментовъ развитія, придаютъ ему и его созданіямъ независящее отъ этого служебнаго положенія вѣчное значеніе, столь же неумирающее, какъ неумирающа и сама истина и красота. Эволюціей и положеніемъ въ ней могутъ опредѣлиться смыслъ и достоинство тѣхъ или другихъ смѣняющихся интересовъ, формъ быта и дѣятельности, но не самая незнающая времени истина и красота. Если *есть* онѣ, то есть и геніальныя личности и геніальныя произведенія, имѣющія сами по себѣ и на вѣки остающееся незыблемымъ значеніе.

Такое вѣчное значеніе принадлежитъ всякой истинной поэзіи, вылившейся изъ безкорыстнаго, чисто-созерцательнаго, чуждаго всякой ограниченной тенденціи и *только потому и творческаго* настроенія. Только оно освобождаетъ его носителя отъ ограничивающихъ узъ его времени, среды, интересовъ и предразсудковъ. Принадлежитъ оно и поэзіи Фета, которая полнѣе, яснѣе и цѣльнѣе другихъ создана именно этимъ настроеніемъ и его выражаетъ. Его она собственно и поетъ, и славитъ, къ его блаженству и призываетъ всѣхъ, въ комъ есть потребность и сила очистить свою душу отъ всего будничнаго сора, отъ всей грязи и мелочной суеты жизни. Конечно, несмотря на господство въ его душѣ этого освобождающаго отъ всякой корысти, грязи и мелочности настроенія, и Фетъ, подобно всѣмъ смертнымъ, былъ дитя своей земли, своего времени и своей среды. Несомнѣнно, что хотя и „небожитель" по духу, онъ и покупалъ, и продавалъ, и торговался, и баллотировался, и читалъ современныя газеты, и принималъ лѣкарства, и стригъ волосы, и ходилъ въ баню и т. д. т. д. Но это былъ именно то дитя земли, съ душою котораго „по небу полуночи ангелъ летѣлъ", неся ее „для міра печали и слезъ" и напѣвая ей тѣ небесныя пѣсни, звуковъ которыхъ въ ней заглушить не могли скучныя пѣсни земли, какъ долго ни томилась она на землѣ, „желаніемъ чуднымъ полна". Блаженство и живительную мощь этого „чуднаго", безкорыстнаго желанія и выражаетъ *вся* поэзія Фета, и съ царственною щедростью расточаетъ ихъ въ души алчущія свѣта и освѣжающей красоты среди сѣренькихъ сумерекъ вялой, душной будничной жизни.

Только въ свѣтѣ этого блаженнаго безкорыстно-созерцательнаго настроенія, незатемняющаго мысли и чувства никакой мутью личной похоти, страсти и разсчета, и могутъ представляться міръ и жизнь имѣющими *сами по себѣ* какой-либо смыслъ и значеніе, независимые отъ всякой случайной похоти и страсти. Только въ этомъ свѣтѣ и доступна человѣку какая-либо *объективная*, внутренняя, независящая отъ случайной для міра и жизни полезности ихъ для разныхъ мелкихъ и преходящихъ задачъ, истина, красота и правда бытія. Міръ, съ этой точки зрѣнія, неизбѣжно является *положительнымъ* выраженіемъ идеаловъ истины, красоты и правды. Безусловно, всецѣло отрицательное отношеніе къ бытію съ этой точки зрѣнія, единственной совмѣстной съ художественнымъ, философскимъ и научнымъ творчествомъ, рѣшительно невозможно. Такое отрицаніе пессимизма и нигилизма могутъ быть мотивированы лишь съ точки зрѣнія корыстной, себялюбивой пользы, наслажденія и т. п. отдѣльнаго существа, болѣе страдающаго, чѣмъ наслаждающагося, никогда неуспѣвающаго достигнуть своихъ ограниченныхъ цѣлей,—но не съ точки зрѣнія на міръ, какъ на само по себѣ значущее цѣлое. Истинное искусство, какъ и истинная философія и наука по существу своему безкорыстны, а потому и не могутъ быть пессимистичны. *Примиреніе* со всѣми скорбями, тяготами, разладомъ и мукою личной жизни во имя объективной, вѣчной истины, красоты и правды—вотъ неизбѣжный плодъ всякой истинной поэзіи, философіи и науки. Пессимизмъ имъ чуждъ просто потому, что его основаніе—въ *корыстной* оцѣнкѣ своего бытія съ точки зрѣнія индивидуальнаго страданія и наслажденія, точки зрѣнія, отрицающей у этого бытія объективное значеніе—значеніе его самого по себѣ, безотносительно къ пользамъ особи. Истинный поэтъ, а такимъ былъ Фетъ несомнѣнно, *не можетъ быть* пессимистомъ.

Собственно говоря единственнымъ, до конца послѣдовательнымъ пессимистомъ нашего вѣка былъ одинъ Ю. Банзенъ. Но онъ, рѣшительно признавъ безысходную *нелѣпость* бытія, послѣдовательно призналъ и нелѣпость, зло и неразуміе всякаго искусства и философіи, всякаго *безкорыстнаго* созерцанія вообще. И искусство и философія для него являются, вполнѣ последовательно, только лишнимъ обманомъ, лишнимъ источникомъ безцѣльнаго и безсмысленнаго страданія въ жизни (Aristoteles, oder über das Gesetz der Geschichte). Другіе философствующіе

пессимисты, въ родѣ Шопенгауэра и Гартмана, только непослѣдовательны, признавая пессимизмъ и въ то же время не отрицая безкорыстнаго эстетическаго и философски-научнаго созерцанія. Если они видятъ въ этомъ безкорыстномъ созерцаніи только источникъ единственнаго необманчиваго, хотя и весьма немногимъ и лишь на рѣдкія мгновенія доступнаго *наслажденія* въ нашей жизни, гдѣ все остальное—только невыносимо-мучительная иллюзія,—то они упускаютъ изъ вида гораздо болѣе существенную сторону безкорыстнаго созерцанія. Они упускаютъ изъ виду, что и эстетическое и философское созерцаніе свидѣтельствуютъ человѣку не только о нѣкоторомъ временно-испытываемомъ *имъ самимъ* личномъ наслажденіи, успокоеніи отъ мукъ и тревогъ жизни,—но и о независящемъ отъ этихъ мукъ, тревогъ и наслажденій собственномъ смыслѣ и значеніи бытія,—объ *объективной*, вѣчной истинѣ, красотѣ и правдѣ. Признавъ эстетическое и философское созерцаніе, необходимо признать въ бытіи и эту истину, эту красоту и правду. Но тогда уже невозможно отрицать у бытія самого по себѣ всякій положительный смыслъ и цѣнность. Дѣлая же послѣднее, признавая небытіе „выше, лучше и умнѣе бытія“,—необходимо отказаться и отъ безкорыстнаго созерцанія вообще, которое говоритъ именно о положительно-цѣнномъ въ бытіи,—и отъ искусства и отъ философіи и науки, признавъ и ихъ за глупыя и вредныя иллюзіи. Пессимистъ-философъ или пессимистъ-поэтъ возможны, повторяемъ, только какъ недоразумѣнія, болѣзненныя несовершенства чувства, мысли и воли.

Въ этомъ отношеніи поэзія А. А. Фета, совершеннѣйшаго пѣвца безкорыстнаго и положительнаго художественнаго настроенія въ наше время, особенно поучительна. Покойный поэтъ занимаетъ относительно пессимизма положеніе, которое было бы совершенно ясно для другаго времени, но очень способно возбудить массу недоразумѣній въ людяхъ нашего времени, насквозь пропитанныхъ пессимистическими вѣяніями, приносящимися къ намъ вмѣстѣ съ воплями отчаянія новѣйшей агонизирующей культуры Запада. Безсознательно, незамѣтно для себя надышавшись этими нездоровыми вѣяніями, эти люди всюду ищутъ „пессимизма“, при самыхъ даже положительныхъ собственныхъ стремленіяхъ, и всюду готовы его находить. Нетолько готовы они говорить, но и „ничтоже сумняся“ говорятъ даже о какомъ-то „пессимизмѣ христіанства“, совершенно забывая, что христіанство есть ре-

лигія примиряющая, вносящая въ жизнь *положительный* смыслъ и цѣнность. Забываютъ, что пессимизмомъ зовется *только* ученіе безусловно-отрицательное, ученіе, что небытіе—выше и лучше бытія, а не одно простое признаніе несовершенствъ, страданія и зла нашей земной жизни, связанное съ стремленіемъ къ бытію лучшему и высшему. Пессимизмъ стремится не къ лучшему бытію, но къ *небытію*[1]. Забываютъ, въ усердіи „не по разуму", что быть пессимистомъ, то-есть ставящимъ небытіе выше бытія можетъ лишь тотъ, для кого бытіе есть продуктъ неразумныхъ, слѣпыхъ и глупыхъ (dumm, по выраженію Шопенгауэра) силъ или силы, какъ для матеріалистовъ, Шопенгауэра и Гартмана,—но не для тѣхъ, для кого оно—созданіе высшаго и всеблагаго Разума. Забываютъ, что безусловное отрицаніе положительнаго смысла бытія возможно лишь тамъ, гдѣ въ немъ не видятъ, какъ въ христіанствѣ, школы, подготовительной ступени къ иному, высшему, совершеннѣйшему бытію. Забываютъ, наконецъ, что пессимизмъ, основанный единственно на перевѣсѣ въ жизни страданія надъ наслажденіемъ, выше всѣхъ точекъ зрѣнія ставитъ точку зрѣнія себялюбія, корысти,—тогда какъ христіанское поклоненіе Богу прежде всего чистая, безкорыстная любовь[2]. Забываютъ, — словомъ, весь смыслъ современнаго пессимизма, состоящій въ отрицаніи всего безкорыстнаго и въ отрицаніи Бога, безбожіи. И только поэтому легкомысленно и невѣжественно навязываютъ пессимизмъ, (совпадающій съ нигилизмомъ, какъ у Ницше) даже христіанству!

Что же удивительнаго, если подумаютъ искать пессимизмъ даже въ чуждой и *враждебной* ему, свѣтлой, не проклинающей и не разрушающей, но благословляющей и славословящей Божіе твореніе поэзіи Фета?! Это тѣмъ соблазнительнѣе, что покойный отдалъ нѣкоторую дань вѣяніямъ своего времени, подчинившись отчасти вліянію философа, особенно вредно и широко повліявшаго на наше общество благодаря своей, любезной всѣмъ дил-

---

[1] Не можемъ не порекомендовать нѣкоторымъ изъ нашихъ писателей, вкривь и вкось толкующихъ объ извѣстномъ имъ только по наслышкѣ пессимизмѣ, хотя разъ дать себѣ трудъ узнать точное значеніе слова *пессимизмъ*, достаточно обстоятельно выясненное въ «Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus» *E. Hartmann*, и «der Pessimismus und seine Gegner *Taubert*.

[2] Совершеннѣйшая степень молитвы, по религіозному воззрѣнію, есть *славословіе*, и только—низшая—испрошеніе себѣ помощи въ нуждѣ и утѣшенія въ скорби.

летантамъ, непослѣдовательности, общедоступности и литературному блеску,—Шопенгауэра. Онъ не только перевелъ на русскій языкъ два главныя философскія сочиненія Шопенгауэра и усвоилъ основы его *эстетической теоріи* (самой здравой части всего ученія Шопенгауэра), но его ученіемъ вдохновлены даже нѣкоторыя (числомъ весьма сравнительно, немногія) „Элегіи и думы“ поэта въ первомъ выпускѣ его „Вечернихъ огней“. Но, вчитываясь даже въ эти немногія пьесы,—за исключеніемъ трехъ—четырехъ, въ родѣ „Ничтожество“—мы находимъ никакъ не выраженіе дѣйствительнаго пессимизма, а, напротивъ, торжество *примиренія*, побѣду надъ всё ради корысти отрицающимъ пессимизмомъ чистаго, безкорыстнаго художественнаго созерцанія. Поверхностно замутивъ разсудочную жизнь поэта, безсильный что-либо создать теоретическій пессимизмъ не коснулся его свѣтлаго и могучаго творчества. Оно всюду не изсякая вноситъ положительный смыслъ и цѣнность, примиренность благородной души, способной безкорыстно радоваться, благословлять и поклоняться. Роль отголосковъ Шопенгауэрова пессимизма въ поэзіи Фета та же, какъ въ музыкальной каденціи роль уменьшенной септимы, подготовляющей, задерживающей и тѣмъ только *яснѣе* отмѣчающей конечное гармоническое разрѣшеніе. Настоящій пессимизмъ ликуетъ вмѣстѣ съ m-me Akkermann, провидя возможность воскликнуть когда-нибудь

> Plus d'hommes sous le ciel; nous sommes les derniers!

—нашъ-же поэтъ (въ пьесѣ „Никогда)“ только потому и возвращается въ покинутую могилу, что убѣдился, что все кругомъ уже вымерло, что

> Куда идти, гдѣ некого обнять?

Конечно не *пессимизмомъ* вдохновлены слова:

> Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
> Пусть говорятъ: то бредъ души больной;
> Но я иду по шаткой пѣнѣ моря,
> Отважною, не тонущей ногой.
> Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную;
> Онъ мой,—и съ нимъ двойное бытіе
> Вручила ты, и я, я торжествую
> Хотя на мигъ безсмертіе твое.

Или это заключеніе стихотворенія, прямо навѣяннаго Шопенгауэромъ и даже снабженнаго эпиграфомъ изъ него (измученъ жизнью, коварствомъ надежды):

И этихъ грёзъ въ міровомъ дуновеньи,
Какъ дымъ, несусь я и таю невольно;
И въ этомъ прозрѣньи, и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

И не только легко становится жить и „дышать не больно“ поэту и его читателю въ этомъ прозрѣньи и забвеньи безкорыстнаго художественнаго настроенія—а въ немъ же и единственная возможность намъ, удрученнымъ рабамъ земной нужды и скорби, возвыситься духомъ и дѣломъ до сферъ вѣчной красоты, истины и правды. Въ немъ же—и неоцѣненное, живительное доказательство человѣку—его дѣйствительнаго *благородства*, его свободы отъ того унижающаго рабства. Напрасны будутъ и безсильны всѣ самые страстные и громкіе призывы стаднаго человѣчества подчинить свой духъ этому унижающему рабству тенденціи, пользы, корысти, отказавшись навѣки отъ какихъ-либо притязаній на благородство, на истину, красоту и правду,—пока у человѣчества останутся такія законченныя, свѣтлыя и свободныя проявленія духовной жизни, какъ поэзія Фета. Благородная и чистая въ своемъ источникѣ, прекрасная и правдивая въ своей формѣ и содержаніи, — поэзія эта неизбѣжно и всегда будетъ облагораживать, очищать и неотразимо обращать къ красотѣ и правдѣ всякую душу, которой коснутся ея лучезарные, только любовью, только торжествомъ жизни и молитвой звенящіе звуки.

П. Астафьевъ.

О ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВІЯ

ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

„Только правда спасаетъ.“

I.

Если гдѣ, то особенно въ Сѣверо-Западномъ краѣ Православіе есть показатель русской народности, точно такъ какъ католичество есть показатель польской народности. Мы то и дѣло слышимъ здѣсь слова: „Онъ—русской вѣры“, вмѣсто „православный“, и „католикъ“, вмѣсто „Полякъ“. Абстрактно это, можетъ-быть,—не вполнѣ вѣрно: но дѣйствительность—такова; а нельзя не считаться съ дѣйствительностію, и политическая мудрость не пренебрегаетъ ею. Потому вопросъ, каково настоящее положеніе Православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ,—таково ли, что даетъ основаніе радоваться, или таково, что заставляетъ скорбѣть — имѣетъ первостепенную важность. Если положеніе Православія въ краѣ удовлетворительно, то и положеніе въ немъ русскаго дѣла вообще можно признать таковымъ; если же положеніе Православія въ краѣ неутѣшительно, то и русское дѣло вообще не можетъ не внушать здѣсь опасеній.

Но удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—дѣло весьма не легкое. Взявшійся за эту задачу долженъ обладать знаніемъ какъ можно большаго количества *фактовъ*, свидѣтельствующихъ о такомъ или иномъ положеніи Православія въ краѣ. Но въ нихъ-то мы и встрѣчаемъ особенную скудость. Странно сказать: наша публицистика послѣднихъ лѣтъ, кажется, всего менѣе занимается Сѣверо-Западнымъ краемъ. Еще въ 1886 году покойный про-

фессоръ М. О. Кояловичъ указывалъ (въ *Церковномъ Вѣстникѣ*), что „ни одна изъ столичныхъ газетъ не занимается систематически Западною Россіею; но въ то же время работой этой систематически, спеціально занимаются жидовскія и польскія газеты, особенно общепольская петербургская газета *Край*, вслѣдствіе чего водительство въ разумѣніи дѣлъ Западной Россіи переходитъ къ Полякамъ и Жидамъ, извращающимъ въ конецъ свѣдѣнія о положеніи этой области.“

Чему же приписать такое пренебрежительное отношеніе нашей прессы послѣднихъ лѣтъ къ Сѣверо-Западному краю? Предательству ли отечественныхъ интересовъ, или простому недомыслію, непониманію того, что центръ тяжести нашей западно-русской политики и разрѣшеніе польско-русскихъ затрудненій заключается въ Вильнѣ, а не въ Варшавѣ и Кіевѣ. Въ Варшавѣ и Привислянскомъ краѣ — чистая Польша: тамъ нѣтъ русской народности, которую слѣдуетъ защищать, и нѣтъ надежды превратить хоть одного Поляка въ Русскаго. А Кіевъ твердо стоитъ на своей русско-православной почвѣ. Не то въ Вильнѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ. Здѣсь стоятъ лицомъ къ лицу двѣ борющіяся на жизнь и смерть народности, польская и русская: будетъ ли польская оттѣснена за Нѣманъ, или русская за Двину и Днѣпръ? Примиреніе здѣсь едва ли возможно. Слово мира, сказанное Полякомъ, есть слово лицемѣрія и обмана; а сказанное Русскимъ, есть слово недомыслія или предательства.

Не малую роль въ „замалчиваніи“ дѣлъ Сѣверо Западнаго края играетъ тактика русскихъ служилыхъ людей въ краѣ, отлично обдѣлывающихъ собственныя дѣлишки и худо дѣлающихъ „дѣло государево“ — или правильнѣе, совсѣмъ не дѣлающихъ его. Все стараніе этихъ „ничего-недѣлателей“ заключается въ томъ, чтобъ о краѣ ничего не говорили; они не жалуютъ даже восхваленій, справедливо соображая, что восхваленія могутъ вызвать возраженія и разоблаченія. Потому девизъ ихъ—„молчать!“ И горе тому корреспонденту, который дерзнетъ „вынести соръ изъ избы“. Если онъ находится на службѣ, то ему грозитъ изгнаніе изъ нея. Нужно видѣть, какъ при появленіи въ печати сообщенія о виленскихъ дѣлахъ приходитъ въ волненіе весь виленскій Олимпъ, и какъ неистовствуютъ его боги, — dii majores et dii minores. Поэтому Сѣверо-Западный край какъ будто пропадаетъ безвѣстно, является terra incognita для русской публики, и въ настоящее время въ нашей повременной

печати вы скорѣе найдете обстоятельныя свѣдѣнія о Буэносѣ-Айресѣ и Патагоніи, чѣмъ о томъ, что̀ дѣлается въ Вильнѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ.

А Полякамъ только этого и нужно. Втихомолку они обдѣлываютъ свои дѣла въ Вильнѣ, краѣ и Петербургѣ, прочно закладывая „будованіе ойчизны“ въ этомъ русскомъ краѣ и крѣпко стягивая его нитями своей интриги, не стѣсняясь никакими средствами, пробираясь въ гостиныя и кабинеты знатныхъ людей и въ редакціи вліятельныхъ журналовъ и газетъ, гдѣ и когда нужно пуская въ ходъ то ахи и вздохи, то увѣренія въ преданности, то лесть и пресмыкательство, чтобъ „ошукать москаля“,—то клевету противъ ненавистнаго имъ человѣка, не отступая и отъ убійства (какъ убиты ими были прелаты Тупальскій и Кобцеговичъ за ихъ ревность въ исполненіи плана разполяченія католичества въ Западной Россіи).

Результатомъ всего вышеуказаннаго является большая скудость фактовъ, на которыхъ авторитетно можно было бы основать такое или иное представленіе о русскомъ дѣлѣ въ Сѣверозападномъ краѣ вообще и о Православіи въ особенности. Боюсь, что эта скудость будетъ сказываться и въ настоящемъ очеркѣ, хотя за приводимые въ немъ факты я ручаюсь, какъ за несомнѣнные и неоспоримые.

II.

На Сѣверо-Западный край должно быть обращено наше особое вниманіе. У насъ, правда, много и другихъ окраинъ. Но другія окраины не представляютъ такой опасности для Россіи, какъ западная. Не держимъ ли мы на этой окраинѣ наибольшее количество военныхъ силъ? Но гражданская опасность для Россіи на этой окраинѣ не меньше. Не старается ли врагъ нашъ именно съ этой стороны подрывать самый фундаментъ государственнаго зданія? Если на западной окраинѣ находится нашъ военный фронтъ, то здѣсь же и, по бо́льшимъ основаніямъ, находится и нашъ фронтъ гражданскій.

Вильна есть какъ бы столица Сѣверо-Западнаго края, центръ его администраціи и „казовый конецъ“ его. Посмотримъ же, каково настоящее положеніе Православія въ этомъ „казовомъ концѣ?“

Настоящій періодъ Православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ начинается съ прибытія въ Вильну графа Михаила Николаевича Муравьева въ 1863 году (14 мая) для усмиренія польскаго мятежа въ краѣ. Онъ, столь много сдѣлавшій для умиротворенія края и возстановленія въ немъ русской народности и государственности, сознавая всю важность для нихъ Православія, далъ ему въ своихъ заботахъ и мѣрахъ самое видное мѣсто, и потому справедливо чествуется „возвеличителемъ“ его. Прибывши въ Вильну, онъ буквально нашелъ „мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ“. Древнія православно-русскія святыни находились въ такомъ состояніи, что честный русскій человѣкъ краснѣетъ при одномъ воспоминаніи о томъ. Пречистенскій древне-митрополитальный соборъ въ первой половинѣ текущаго вѣка, то-есть когда Вильна уже была подъ русскою властью, былъ обращенъ въ скотскую лѣчебницу; потомъ, съ закрытіемъ въ Вильнѣ „ветеринаріи“, былъ отданъ въ аренду Жиду (точь-въ-точь какъ это дѣлалось въ XVII вѣкѣ). Жидъ устроилъ въ немъ въ одной половинѣ кузницу, а въ другой сваливалъ битое стекло, кости, тряпки, старое желѣзо и прочее, собираемое изъ помойныхъ ямъ. Пятницкая церковь, древнѣйшій православный храмъ въ Вильнѣ, представляла собой развалину однихъ только наружныхъ стѣнъ безъ крыши и сводовъ, съ выломанными окнами и дверью; сюда выбрасывали соръ и выливали помои изъ сосѣднихъ домовъ, естественно принадлежавшихъ Полякамъ. Въ Николаевской церкви, построенной ревнителемъ Православія, княземъ Константиномъ Острожскимъ, хотя и совершалось еще богослуженіе, но многія стекла въ окнахъ ея были выбиты, и въ нихъ свободно влетали птицы; внутренность и богослужебная утварь представляли полнѣйшее убожество; а извнѣ она была окружена домами терпимости, свиными хлѣвами и другими зловонными мѣстами.

Читателю, немного знакомому съ исторіею Западной Россіи позднѣйшаго періода, можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ могли быть оставляемы въ такомъ постыдномъ видѣ древле-русскія православныя святыни въ теченіе почти четверти вѣка со времени „Торжества Православія“ въ Западной Россіи, „Возсоединенія уніи 39 г.“ до времени Муравьева, когда въ Вильнѣ жили и „ревнитель Православія“ митрополитъ Іосифъ Симашко, пользовавшійся большимъ расположеніемъ и довѣріемъ государя Николая Павловича, и генералъ-губернаторы Сѣверо-Западнаго края? Но я откладываю разъясненіе этого обстоятель-

ства до другаго мѣста; здѣсь же удовольствуюсь только констатированіемъ факта, какъ онъ былъ.

Возстановленіе виленскихъ древле-православныхъ святынь въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ онѣ являются теперь, принадлежитъ вполнѣ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, ассигновавшему на это изъ контрибуціонныхъ денегъ большую сумму, на которую кромѣ того была сооружена на Георгіевскомъ скверѣ прекрасная часовня въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи мятежа, и отдѣланы въ великолѣпномъ видѣ Николаевскій каѳедральный соборъ и Маріинскій женскій монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возобновилъ и вновь построилъ по всему краю множество православныхъ храмовъ.

Заботясь о благолѣпіи храмовъ, графъ Муравьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечилъ матеріально духовенство, особенно сельское, остававшееся до него въ крайней нищетѣ (что особенно на руку было ксендзамъ), надѣливши его хорошо жалованьемъ и землей. А для дальнѣйшаго охраненія и упроченія Православія въ краѣ онъ возстановилъ древле-православное Свято-Духовское братство.

Преемники графа Муравьева, К. П. Кауфманъ и графъ Э. Т. Барановъ, относительно Православія дѣйствовали въ томъ же направленіи. Но отъ этого отступилъ генералъ-губернаторъ Потаповъ. Съ тѣхъ поръ виленскіе „дѣятели-обруситени“ (читай „обрушители“) болѣе и болѣе отчуждались отъ Православія, относились къ нему съ пренебреженіемъ. Правда, въ Вильнѣ стоятъ тѣ же прекрасные православные храмы; въ нихъ совершается величавое богослуженіе съ хорошими пѣвчими и немалымъ числомъ молящихся; городское духовенство почти все академическаго образованія; „стражъ Православія“, Свято-Духовское братство регулярно ведетъ свои частныя и публичныя собранія; но, вникая глубже въ эту „благовидность“, невольно получаешь убѣжденіе, что подъ нею кроется убыль жизни, оскудѣніе творческой силы, духовная дрема...

А врагъ Православія въ краѣ не дремлетъ. Польщизна, оправившись отъ пораженія, нанесеннаго ей графомъ Муравьевымъ и его ближайшими преемниками, начала снова свои наступательныя дѣйствія на Православіе, какъ на главный факторъ русской народности и государственности въ краѣ, употребляя къ ослабленію и униженію его всякія махинаціи въ краѣ, Вильнѣ и Петербургѣ, причиняя то нагло, то увертливо такія оскорбленія, которыя, при другихъ условіяхъ, никакъ не были бы остав-

лены безъ вниманія и ненаказанными. А теперь, даже и тогда, когда указываютъ на эти оскорбленія и нарушенія правъ Православія, на эти указанія не обращается вниманія, и сдѣланное зло такъ и остается сдѣланнымъ зломъ, какъ „совершившійся" фактъ; русскихъ людей, указывающихъ на это зло, клеймятъ кличками „людей неспокойныхъ", „фанатиковъ", „агитаторовъ", нагло грязнятъ имя ихъ всѣми мерзостями клеветы; и эти мерзости находятъ себѣ свободный доступъ туда, гдѣ онѣ никакъ не должны бы имѣть мѣста. Какова въ настоящее время въ краѣ сила польщизны и попустительство ей, покажутъ нижеслѣдующіе факты.

III.

Виленская дума, получившая самоуправленіе подъ эгидою генерала Потапова, и по составу своихъ гласныхъ польско-еврейская, или справедливѣе, по преобладающему количеству ихъ, польская, вывела главную городскую клоаку въ рѣку Вилію къ тому мѣсту, гдѣ Православная церковь совершаетъ освященіе воды въ Крещеніе и Спасовъ день, такъ что зловонная жидкость протекаетъ чрезъ самую іордань. Эта клоака съ полнымъ удобствомъ могла быть выведена въ рѣку много ниже іордани. Въ восьмидесятыхъ годахъ она была капитально перестроиваема: но ни при постройкѣ, ни при перестройкѣ ея не было обращено вниманія на интересы и достоинство Православія, и устье клоаки оставлено въ прежнемъ мѣстѣ. Объ этомъ было напечатано въ одной московской газетѣ въ 1887 г., но въ Вильнѣ это указаніе „замолчали". Въ текущемъ году *Виленскій Вѣстникъ* призналъ оскорбительность и зловредность устроиванія іордани подъ клоакою; но, странное дѣло, вмѣсто того, чтобы высказаться за непремѣнное и немедленное удаленіе клоаки изъ этого мѣста, виленскій офиціозъ, получающій внушенія отъ мѣстной администраціи, совѣтуетъ Православной церкви отступить назадъ предъ польско-католической продѣлкой, и устроивать іордань не на рѣкѣ Виліи, а у не дающаго теперь ни капли воды фонтана на площадкѣ между дворцомъ и Бонифраторами. Но можно сдѣлать еще проще: совсѣмъ отмѣнить православный крестный ходъ по этому католическо-іудейскому городу и устраивать іордань у самаго собора. Этою мѣрою достигалась бы и другая польская цѣль: не звонить на колокольнѣ

католической каѳедры (собора) православному крестному ходу, когда онъ проходитъ мимо ея на рѣку Вилію. Любопытно знать, своимъ ли умомъ почтенный виленскій офиціозъ измыслилъ такое предложеніе, или получилъ вдохновеніе о томъ свыше? Во всякомъ случаѣ оно возбуждаетъ представленіе о солдатѣ, дезертирующемъ съ поля битвы.

IV.

Со времени графа М. Н. Муравьева (1863 г.) въ Спасовъ день и Богоявленіе, во время православнаго крестнаго хода для водосвятія на рѣку Вилію, когда процессія проходила мимо Ивановскаго костела и каѳедры, на колокольняхъ этихъ храмовъ производимъ былъ звонъ. Это продолжалось неизмѣнно до послѣдняго времени почти тридцать лѣтъ, такъ что обратилось въ твердо-установившійся обычай. Но въ прошедшемъ году въ Спасовъ день, и въ нынѣшнемъ году въ Богоявленіе и Спасовъ день ни на Ивановской колокольнѣ, ни на каѳедральной не звонили, когда мимо ихъ проходилъ крестный ходъ. Это явленіе не могло не обратить на себя вниманія многихъ Русскихъ. Что оно означало? Чѣмъ объяснить нарушеніе давно установившагося обычая, выражающаго признаніе католичествомъ прерогативы Православной церкви, какъ русско-государственной? Говорили, что бискупъ запретилъ. Но во имя чего? Какой могъ быть мотивъ этого запрещенія? Догматическаго никакого не могло быть. Крестный ходъ есть торжественное несеніе Животворящаго Креста на мѣсто освященія воды. Обрядъ этотъ, приравниваемый въ первенствующей церкви къ таинству, одинаково признается католицизмомъ и Православіемъ. Одинаково обѣими церквами признается таинство священства и взаимно-благодатная преемственность іерархіи отъ Апостоловъ. И Крестъ въ обѣихъ церквахъ равно священъ, какъ символъ спасенія и христіанства.

Правда, невѣжественные виленскіе католики не хотятъ признать крестъ таковымъ, когда онъ находится въ рукахъ православнаго священника. Вотъ какой былъ курьезный случай въ Вильнѣ: Русскій православный чиновникъ вѣнчался въ православной церкви съ Полькой-католичкой. Когда при концѣ вѣнчанія священникъ поднесъ новобрачнымъ крестъ приложиться,

то новобрачная отказалась это сдѣлать и отвѣчала священнику: „Не могемъ, бо католичка естемъ!“ Конечно, ничего не можетъ быть общаго между невѣжественной, офанатизованной шляхтянкой и высоко-просвѣщеннымъ, совершенно-компетентнымъ въ богословскихъ наукахъ римско-католическимъ епископомъ. Что же побудило его сдѣлать оскорбленіе Кресту, несомому въ торжественной процессіи православнымъ архіепископомъ?

Дѣло въ томъ, что въ Вильнѣ католичество играетъ болѣе политическую роль, чѣмъ религіозную, и католическое духовенство болѣе занимается политикой, чѣмъ религіей. Потому и мотивъ настоящаго фарса противъ православнаго крестнаго хода должно искать не въ католической религіи, а въ польской интригѣ, и виновникомъ его былъ не католическій епископъ, а польскій агитаторъ. Объясненіемъ этого уклоненія виленскаго католическаго епископа на путь политической борьбы и агитаціи можетъ служить привѣтствіе краковскихъ газетъ „бискупу“ Гриневецкому, при его вступленіи на виленскую каѳедру, назвавшихъ его „борцомъ на проломѣ“. И дѣйствительно таковымъ былъ „бискупъ“ Гриневецкій во все время своего пребыванія въ Вильнѣ? Не желаетъ ли и епископъ Авдзевичъ слѣдовать по пути своего предшественника? Но и бискупъ Гриневецкій не отваживался наложить запретъ на звонъ со своихъ костеловъ православному крестному ходу.

Любопытны были потомъ разговоры Русскихъ въ Вильнѣ по поводу этого запрещенія звона. Одни увѣряли, что изъ Петербурга было прислано епископу Авдзевичу порицаніе и угроза удаленія его изъ Вильны, если еще разъ повторится то же. Другіе, напротивъ, утверждали, что виленскій генералъ-губернаторъ получилъ изъ Петербурга указаніе оставить католичество въ покоѣ. Конечно, мы, не посвященные въ высшую политику, не можемъ опредѣлить, на которой сторонѣ правда; но одно обстоятельство въ послѣднемъ крестномъ ходѣ 1 августа заставляетъ предполагать послѣднее. Ходъ былъ проведенъ къ рѣкѣ Виліи не обыкновеннымъ путемъ, по каѳедральной площади мимо фронта каѳедры, какъ это дѣлалось всегда, а позади ея, чрезъ Телятникъ (городской садъ), протиснувъ его въ весьма неширокія садовыя ворота,—путь, по которому крестный ходъ никогда прежде не ходилъ на воду. Естественно, это новшество также возбудило толки между Русскими Вильны, смыслъ которыхъ вообще былъ тотъ, что руководившіе ходомъ умышленно уклонились отъ обыч-

наго пути, чтобы, проходя позади каѳедры, сдѣлать ненужнымъ звонъ на ея колокольнѣ, и такимъ образомъ сами предупредительно освобождали отъ него костелъ. Но въ оцѣнкѣ этого новшества расходились. Одни видѣли въ немъ только результатъ миролюбія, желаніе избѣгать столкновеній съ католичествомъ. Другіе, напротивъ, въ этой предупредительной уклончивости отъ столкновеній, подъ этимъ миролюбіемъ видѣли апатію синекуризма, постыдное отступленіе назадъ предъ врагомъ, предательство ему отечественныхъ интересовъ и достоинства своей Церкви; потому что каждый шагъ Православія назадъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ католичества впередъ, занятіе послѣднимъ почвы, которою до того владѣло Православіе. Во всякомъ случаѣ, неоспоримо одно, что почетъ, оказывавшійся католичествомъ православному крестному ходу даже во дни Потапова, теперь отнятъ.

А вотъ и еще фактъ тоже значущій. Православная церковь, какъ государственная въ Русскомъ государствѣ, имѣетъ право публичныхъ благословеній, при открытіи всѣхъ общественныхъ учрежденій въ государствѣ, постоянныхъ и временныхъ. Это строго соблюдается въ Ригѣ, Батумѣ, Самаркандѣ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Но не всегда строго соблюдается въ Вильнѣ. Въ послѣдніе годы въ Вильнѣ было четыре, если не пять, сельскохозяйственныхъ выставокъ. Въ учрежденіи ихъ участвовали и государственное коннозаводство, и городская дума и мѣстные помѣщики, какъ польско-католическіе, такъ и русско-православные. И что же? Ни одна изъ этихъ выставокъ не была открыта съ православнымъ молебствіемъ, хотя я не могу допустить, чтобъ отъ приглашенія уклонилось православное духовенство; всего вѣроятнѣе, заправилами и открывателями выставки оно было игнорировано, оставлено въ небреженіи. И являлись эти выставки какими-то исчадіями нигилизма. Ужь больно бѣдную Вильну изъѣли космополитическіе паразиты...

V.

Православіе, какъ государственная религія, по всему Русскому государству имѣетъ прерогативу публичныхъ торжественныхъ процессій (крестныхъ ходовъ), на которыхъ обязательно должны присутствовать всѣ чиновники государственной службы. Тѣмъ болѣе эта представительность Православія должна быть соблю-

даема въ такихъ областяхъ государства, какъ Сѣверо-Западный край, гдѣ враждебныя Православію силы всячески стараются его уничижить. Это весьма хорошо понималъ графъ Муравьевъ, его споспѣшники и ближайшіе преемники. Въ каждомъ крестномъ ходѣ за духовенствомъ шествовалъ генералъ-губернаторъ, попечитель учебнаго округа и прочіе высшіе военные и гражданскіе чины и дамы ихъ. А гражданскій губернаторъ (Степанъ Федоровичъ Панютинъ) въ мундирѣ и регаліяхъ впереди хода несъ запрестольный крестъ. Все вмѣстѣ взятое, съ массою сопровождавшаго народа и войскомъ, стоявшимъ шпалерами съ игравшею музыкой вдоль пути хода, при колокольномъ звонѣ съ церквей и костеловъ, производило импозирующее впечатлѣніе. И храмы православные въ торжественныя богослуженія были полны виленской знати и прочей публики. Но уже съ семидесятыхъ годовъ сознаніе необходимости поддерживать представительность Православія начало въ виленской знати затмеваться. Знать эта выдѣлилась изъ общей церкви, собираясь на богослуженіе въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго помѣщенія.

Очевидно, при такой сгруппированности виленской „знати" въ генералъ-губернаторской домовой церкви, общественные православные храмы Вильны могли наполняться только „плебеями". Положимъ, неприсутствіе при общественномъ богослуженіи нѣсколькихъ десятковъ „знати" само по себѣ не образуетъ еще большой пустоты въ общественномъ храмѣ; но худо здѣсь то, что̀, глядя на нее, и „мелкая сошка" начинаетъ отсутствовать. Впрочемъ, и въ это еще время торжественность церковныхъ процессій поддерживалась тщательно.

Но вскорѣ затѣмъ съ храмами вступили въ соперничество театры, клубы и домашній винтъ. Профессоръ М. О. Кояловичъ, описывая въ *Церковномъ Вѣстникѣ* 1886 г. то, что̀ онъ видѣлъ во время своей поѣздки въ этомъ году въ Вильнѣ и краѣ, говоритъ: „Церкви пусты, а клубы полны". Преобладаніе клубовъ и театровъ надъ церковію достигло въ Вильнѣ такой степени, что, напримѣръ, въ виленскомъ дворянскомъ клубѣ подъ праздникъ виленскихъ мучениковъ былъ маскарадъ, и подъ Благовѣщеніе, бывшее въ тотъ годъ въ воскресенье, шло представленіе въ театрѣ. Наконецъ пренебреженіе къ православной церкви виленскихъ высшихъ чиновниковъ простерлось до того, что они перестали даже являться на торжественныя церковныя процессіи. Такъ въ нынѣшній годъ въ крестномъ ходу изъ Духова мо-

настыря въ Николаевскій соборъ, въ праздникъ „Возсоединенія Уніи“, самое высшее чиновное лицо, шедшее за архіепископомъ, былъ помощникъ полицеймейстера; прочіе же отсутствовали, хотя многіе изъ нихъ въ это время находились въ Вильнѣ, или близъ нея на дачахъ. И это было уже не въ первый разъ. Не въ первый разъ заявлялось о томъ и въ печати (въ послѣдній разъ въ *Новомъ Времени*); но виленская „знать“ „игнорируетъ“ заявленія печати въ своей олимпійской величавости, вѣроятно, игнорируя и то, что̀ говорятъ народу ксендзы, указывая на отсутствіе ея изъ православныхъ крестныхъ ходовъ, что „вѣра русская не есть вѣра панская, потому что великіе русскіе паны удаляются отъ нея,“—и народъ невольно вѣритъ ксендзу, дѣйствительно видя отсутствіе „великихъ русскихъ пановъ“ изъ крестныхъ ходовъ, которые чаще и легче видитъ народъ.

Отсутствіе виленскихъ высшихъ чиновниковъ изъ православныхъ крестныхъ ходовъ даетъ Полякамъ дерзость дѣлать Православію такія оскорбленія, которыя при иныхъ условіяхъ были бы невозможны. Такъ, въ 1887 году, утромъ, предъ крестнымъ ходомъ въ тотъ же праздникъ „Возсоединенія Уніи“, дворники все пространство улицы между Духовымъ монастыремъ, изъ котораго ходъ выходитъ и Николаевскимъ соборомъ, въ который ходъ входитъ, полили жидкостью изъ отхожихъ мѣстъ, такъ что всѣ присутствовавшіе въ ходѣ (небольшое количество „простаго люда“) шли, зажимая носы. Спросятъ: чего же смотрѣла полиція? Дѣйствительно, съ ранняго утра на пространствѣ хода толпились десятки городовыхъ и околоточныхъ: но всѣ они—Поляки и католики, таковы же и дворники, и потому, вѣроятно, между тѣми и другими существовало полное entente cordiale. По истинѣ, въ голову не укладывается такое гнусное оскорбленіе Православія виленскими дворниками-Поляками. Естественно, оно могло имѣть мѣсто только потому, что дворники и полицейскіе знали заранѣе, что въ ходу не будетъ, какъ и прежде, „главныхъ“. Объ этомъ происшествіи было напечатано, нѣсколько дней спустя, въ одной московской газетѣ и виленскою администраціею не было опровергнуто.

Не было опровергнуто и другое заявленіе въ печати, что городовой выгонялъ крестьянъ изъ Духова монастыря во время обѣдни въ 1888 году, когда они входили въ монастырь и направлялись въ церковь. Конечно, городовой дѣйствовалъ не по приказанію своего начальства, а по чьему-нибудь иному внушенію

(онъ былъ католикъ), какъ, вѣроятно, по тому же внушенію дѣйствовала и старушонка-Полька, пристроившаяся на улицѣ у воротъ Духова монастыря со своими „пацерками", „рожанцами", „шкаплерами" и под. въ праздникъ Св. Духа, когда бываетъ особенно много въ Вильнѣ крестьянъ-богомольцевъ, приходящихъ въ Духовъ монастырь поклониться „тремъ спящимъ братьямъ", равно чествуемымъ православными и католиками. Когда кучки этихъ богомольцевъ намѣревались войти въ ворота монастыря, то старушонка накидывалась на нихъ, указывая на Остробрамскій костелъ со словами: „Куда вы идете? Вашъ кòстелъ тотъ— и идите въ него! А это москевскій кòстелъ"... И сколькихъ эта гарпія отогнала отъ православнаго Духова монастыря къ сосѣднему католическому Остробрамскому костелу и его часовнѣ! Такъ католичество въ Вильнѣ не брезгаетъ никакими продѣлками для причиненія вреда Православію. О величайшемъ вредѣ сосѣдства Остробрамскаго костела и часовни его для Православія будетъ сказано ниже.

VI.

Графъ М. Н. Муравьевъ, въ видахъ дальнѣйшаго возстановленія и утвержденія Православія въ краѣ, предписалъ при устройствѣ сельскихъ школъ помѣщать ихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ православными церквами, гдѣ таковыя будутъ находиться. Это и соблюдалось при графѣ Муравьевѣ и его ближайшихъ преемникахъ, когда былъ открытъ главный контингентъ народныхъ сельскихъ школъ. Соблюдалось ли это правило при генералъ-губернаторѣ Потаповѣ и его преемникахъ, я не могу сказать точно; полагаю, что нѣтъ. Но вотъ что является въ настоящее время:

1) Въ мѣстечкѣ Рудоминѣ, отстоящемъ верстахъ въ восьми отъ Вильны, есть православная церковь. Соотвѣтственно предписанію графа Муравьева въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею была устроена народная школа. Рудоминская волость состоитъ изъ крестьянъ, частію православныхъ, частію католиковъ, но въ какомъ количествѣ того и другаго исповѣданія, трудно опредѣлить вслѣдствіе существованія по краю, какъ вѣроятно и здѣсь, сомнительныхъ православныхъ, то-есть такихъ, которые „по книгамъ" числятся православными, а въ дѣйствительности остаются католиками. Въ 1885 или шестомъ году рудоминская сельская

школа сгорѣла. Поляки обвиняли въ пожарѣ небрежность учительницы, а Русскіе—умышленный поджогъ, подъ руководствомъ польской интриги. Послѣдующій ходъ дѣла согласовался съ послѣднимъ предположеніемъ. На волостномъ сходѣ былъ возбужденъ вопросъ не только о построеніи новой школы, но и переносѣ ея изъ сосѣдства церкви въ еврейскій поселокъ, въ болотную мѣстность, въ сосѣдствѣ кабака. Напрасно протестовалъ противъ этого переноса рудоминскій православный священникъ (католическаго костела въ мѣстечкѣ нѣтъ), заявлявшій, что во время весенней распутицы долгое время онъ не можетъ ѣздить въ школу вслѣдствіе болотъ, покрывающихся водой; напрасно ктиторъ рудоминской церкви, хорошій Русскій человѣкъ въ чинѣ статскаго совѣтника, указывалъ на противность этого переноса предписанію графа Муравьева: школа была перенесена на новое мѣсто. Я не знаю, что было выставлено благовиднымъ мотивомъ этого переноса; но тайнымъ побужденіемъ къ тому высказывалось опасеніе крестьянъ-католиковъ, чтобы дѣти ихъ, находясь въ школѣ вблизи церкви и часто слыша и видя въ ней богослуженіе, не „заразились московской схизмой". И это чинилось не гдѣ-нибудь въ полѣсской глуши, но вблизи Вильны, на глазахъ виленскихъ гражданскихъ, учебныхъ и духовныхъ властей.

Здѣсь возникаетъ любопытный вопросъ: не могли или не хотѣли въ Вильнѣ воспрепятствовать переносу школы изъ сосѣдства церкви въ сосѣдство кабака, изъ сухой, здоровой мѣстности въ болотистую, нездоровую, изъ среды христіанскаго населенія въ жидовское? А это должно было сдѣлать, если не ради какихъ-либо пропагандическихъ видовъ,—теперь мы открещиваемся отъ нихъ,—то ради обучающихся въ школѣ православныхъ дѣтей, сколько бы ихъ ни было. Для *нихъ* лучше было оставаться въ сосѣдствѣ съ церковію, и этого резона одного было бы достаточно, чтобы удержать школу въ сосѣдствѣ церкви.

2) Тоже открещиванье отъ всякаго подобія пропагандѣ, даже въ малѣйшей степени, чувствуется въ недавнемъ „циркулярѣ" виленскаго директора народныхъ училищъ преподавателямъ оныхъ. Циркуляръ этотъ такъ поучителенъ, что я приведу его здѣсь во всей полнотѣ:

„Циркулярнымъ предложеніемъ отъ 26 ноября 1887 года было поручено въ видахъ подъема религіозно-нравственнаго воспитанія обучающихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ и шко-

лахъ пригласить отцовъ законоучителей и учителей къ обязательному чтенію ежедневно предъ первымъ утреннимъ урокомъ вслѣдъ за молитвою главы изъ Евангелія съ тѣмъ, чтобы учащіеся обязаны были читать главы изъ Евангелія по установленной для сего очереди."

Мѣра прекрасная! Но „циркуляръ" продолжаетъ:

„По имѣющимся въ дѣлахъ Управленія Учебнаго Округа свѣдѣніямъ учитель одного народнаго училища, давая широкое толкованіе этому циркуляру, считалъ нужнымъ привлекать къ слушанію Евангелія на русскомъ языкѣ и учениковъ римско-католическаго исповѣданія.

„Въ видахъ предупрежденія повторенія случаевъ неправильнаго примѣненія означеннаго циркуляра, подобныхъ указанному, его превосходительство г. управляющій Виленскимъ Учебнымъ Округомъ предложеніемъ отъ 19 іюня за № 4.048, поручилъ мнѣ разъяснить, что циркуляръ 26 ноября 1887 года имѣетъ въ виду лишь учениковъ православнаго исповѣданія."

Очевидно такіе же циркуляры разосланы народнымъ учителямъ по всему учебному округу. Здѣсь поражаетъ насъ прежде всего то обстоятельство, что въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1887 года) въ Управленіи Учебнаго Округа оказалось свѣдѣніе только объ *одномъ* учителѣ народнаго училища, привлекшемъ къ слушанію Евангелія на русскомъ языкѣ учениковъ римско-католическаго исповѣданія. И по поводу этого одного учителя Учебный Округъ, даже не освѣдомившись о результатахъ его „привлеченія", поспѣшилъ разослать всѣмъ учителямъ запретительный циркуляръ. Отъ чего же такая нервная поспѣшность? Отъ чего такая предупредительность?

Циркуляръ не говоритъ, чтобы кто-нибудь жаловался на эту мѣру. Да и жаловаться на нее было бы безсмысленно. Законъ Божій въ школахъ и для католиковъ преподается на русскомъ языкѣ; слѣдовательно, и приводимыя въ немъ слова Евангелія должны быть на русскомъ языкѣ. Потомъ, если учитель можетъ читать въ классѣ всѣмъ своимъ ученикамъ какую-нибудь сказку о „Козѣ Сидоровнѣ" по-русски, то почему онъ не можетъ читать всѣмъ своимъ ученикамъ по-русски Евангелія? Согласенъ, если въ Вильнѣ нашлась невѣжественная Полька-фанатичка, для которой Крестъ въ рукахъ православнаго священника не есть Крестъ, такъ и въ деревнѣ найдутся невѣжественныя Польки-фанатички, для которыхъ Евангеліе на русскомъ языкѣ не есть Евангеліе,

но стòитъ ли невѣжественный фанатизмъ принимать въ какое-нибудь вниманіе? Можетъ существовать болѣе серьезное побужденіе со стороны ксендзовъ тормозить важную мѣру преподаванія Закона Божія во всѣхъ школахъ Западной Россіи на русскомъ языкѣ (во многихъ сельскихъ школахъ ксендзы-законоучители не преподаютъ Закона Божія ни на какомъ языкѣ, преподавая его внѣ школы по-польски), но зачѣмъ съ такою готовностью и предупредительностью содѣйствовать враждебнымъ намъ махинаціямъ ксендзовъ? Нѣкогда М. Н. Катковъ сказалъ, что „мы устыдились своего патріотизма"; а я скажу, что въ Вильнѣ *мы испугались своего Православія*,—испугались, чтобы какъ-нибудь не подумалъ о насъ нехорошо въ Ватиканѣ монсиньеръ Ледоховскій.

И я желалъ бы знать, какъ будутъ выполнять народные учители новый циркуляръ? Въ школѣ находятся ученики православные и католики; самая школа состоитъ изъ одной, конечно, комнаты; какъ же каждодневно, послѣ начальной молитвы, учитель будетъ читать главу изъ Евангелія исключительно православнымъ ученикамъ? А ученики-католики, гдѣ въ это время будутъ находиться? Будутъ ли они на это время каждодневно высылаемы изъ классной комнаты,—нерѣдко на дождь и морозъ? Или, оставаясь въ ней, будутъ только затыкать пальцами свои уши, чтобы не слышать чтенія, предназначаемаго исключительно для православныхъ? Впрочемъ, вѣроятно, учитель найдетъ болѣе простое и примиряющее средство и не будетъ читать изъ Евангелія ни для православныхъ учениковъ, ни для католиковъ.

3) Вполнѣ соотвѣтствуетъ духу вышеприведеннаго циркуляра и слѣдующій недавно имѣвшій мѣсто случай. Къ директору народныхъ училищъ является учитель сельской школы и сообщаетъ, что онъ пріютилъ крестьянскаго мальчика католическаго исповѣданія, сына бродячаго пьянчуги, и желалъ бы сдѣлать его православнымъ, на чтò мальчикъ соглашается съ охотой. На это сообщеніе директоръ замахалъ обѣими руками и проговорилъ: „Избави васъ Боже сдѣлать это! Мы и не отпишемся!.. Не занимайтесь тѣмъ, что не относится къ прямой вашей обязанности". Да, мы уже слишкомъ *кого-то* боимся! Боимся быть хозяевами даже у себя дома. Диво ли же, что у насъ и за насъ хозяйничаютъ другіе?

VII.

Въ прошедшемъ году въ виленскихъ русскихъ кружкахъ начала ходить молва, что православная Благовѣщенская церковь, находящаяся на одной изъ главныхъ улицъ Вильны, Благовѣщенской, оказалась въ неимовѣрномъ положеніи, что̀ открылось по случаю начатыхъ въ ней передѣлокъ. Оказалось, что церковь по улицѣ была стѣснена съ обѣихъ сторонъ до самыхъ стѣнъ своихъ сосѣдними домами Поляка и Еврея. Еще въ семидесятыхъ годахъ по правой сторонѣ церкви стояли ворота, ведшія съ улицы на церковный дворъ и находящіяся на планѣ этой церкви; но теперь эти ворота застроены еврейскимъ домомъ. Захваченъ сосѣдями и весь церковный дворъ, такъ что въ настоящее время церковь не имѣетъ его ни пяди. Въ церкви было по два окна на сторонѣ. Но на лѣвой сторонѣ оба окна были заложены стѣной сосѣдняго трехъ-этажнаго дома, такъ что въ амбразурахъ ихъ было видно не небо, а голые, нештукатуренные кирпичи стѣны. Этотъ же домъ въѣхалъ вторымъ своимъ этажемъ на церковную ризницу, которая такимъ образомъ очутилась подъ чужимъ домомъ, и въ которой находящійся слышитъ надъ головою стукъ, производимый живущими во второмъ этажѣ. Подъ самыми окнами алтаря, выходящими теперь на чужой дворъ, устроены свиные хлѣвы, помойныя ямы и другія зловонныя мѣста.

Нѣкоторые изъ слышавшихъ о всемъ этомъ отказывались вѣрить разсказываемому, пока сами лично не убѣждались въ справедливости всего. Начали добираться, когда все это случилось? Оказалось, что все произошло не въ до-муравьевское время, а въ позднѣйшее, именно при генералъ губернаторѣ Потаповѣ. Правда, церковный дворъ былъ много урѣзанъ еще въ тридцатыхъ годахъ, но часть двора, ближайшая къ храму, все еще оставалась неприкосновенною до начала семидесятыхъ годовъ, когда и остатки его захватили сосѣди.

Въ настоящее время виновные стараются увернуться и замазать слѣды этого тяжкаго оскорбленія Православію. Такъ въ церкви, на лѣвой сторонѣ, совсѣмъ заложены амбразуры двухъ оконъ вровень со стѣною, заштукатурены и закрашены такъ, что теперь и слѣда нѣтъ, что тутъ были когда-то окна. Говорятъ, и съ Евреемъ домовладѣльцемъ ведутся пореговоры о покупкѣ его

дома для церкви. Вѣроятно, и относительно свиныхъ хлѣвовъ и прочихъ прелестей подъ окнами алтаря будетъ установленъ какой-нибудь благовидный modus vivendi.

Но если мы признаемъ преступнымъ удаленіе школы изъ сосѣдства православной церкви въ сосѣдство кабака, то насколько же преступнѣе преданіе оскорбленію отъ Поляка и Еврея самой Православной церкви,—и не въ мѣстечкѣ, а въ самой Вильнѣ на одной изъ главныхъ ея улицъ? Положимъ, виленская польско-еврейская дума могла не оберегать интересъ и достоинство Православной церкви; но въ Вильнѣ есть власти повыше думы, изъ которыхъ однѣ смотрятъ за общею законностію дѣлъ, а другія прямо охраняютъ интересы и достоинство Православной церкви.

Насколько мнѣ извѣстно это дѣло, его хотятъ покончить съ Евреемъ и Полякомъ миролюбиво. Но справедливо ли кончать миролюбиво нарушеніе правъ Православной церкви безъ возстановленія этихъ правъ? Нашъ законъ не допускаетъ никакихъ отчужденій церковныхъ имуществъ и не признаетъ давности владѣнія захваченными, или какимъ инымъ образомъ полученными церковными имуществами. А доказать захватъ церковнаго двора и неправильность постройки сосѣднихъ домовъ Поляка и Еврея не трудно. Почему же не возстановить право Благовѣщенской церкви во всей его полнотѣ? Объ этомъ я какъ-то сказалъ одному изъ моихъ виленскихъ друзей. Онъ отвѣчалъ: „Теперь этого не сдѣлаютъ.“

— Почему же?

— Потому что *муравьевскія времена* прошли.

VIII.

Другъ мой — правъ. „Муравьевскія времена“ прошли,—времена патріотизма, честнаго служенія своему отечеству, высокаго подъема русскаго народнаго духа и „возвеличенія“ Православія въ краѣ. Прошла и самая память о великомъ русскомъ государственномъ мужѣ и патріотѣ. Едва не изгибла! Въ 1888 (14 мая) минуло двадцать пять лѣтъ со времени его прибытія въ Вильну въ 1863 г. на умиреніе края, — и мы, такъ щедрые на юбилеи другимъ, забыли вспомянуть его благодарнымъ словомъ. Въ слѣдующемъ 1889 г. въ Вильнѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей „Возсоединенія Уніи“ въ 39 году. И въ этомъ „возсоединіи“

графъ Муравьевъ принималъ важное участіе, и своею проницательностью, дальновидностью и твердою рѣшимостью много содѣйствовалъ ускоренію этого важнаго дѣла. Будучи въ то время гродненскимъ губернаторомъ, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ происходило въ Жировицахъ (тогдашней уніатской митрополіи), находившихся въ его губерніи. Руководившій дѣломъ возсоединенія Іосифъ Симашко медлилъ, ссылаясь, что сдѣланное вѣками нельзя раздѣлать въ нѣсколько лѣтъ. Въ этихъ словахъ было много правды; но въ настоящемъ случаѣ они причиняли большой вредъ. Пока медлили, уніаты тысячами переходили въ католичество, потому что по всему краю шла польско-католическая агитація съ этою цѣлію. Муравьевъ, видѣвшій все это, написалъ письмо къ оберъ-прокурору Синода, графу Протасову, убѣждая его ускорить возсоединеніе, потому что иначе всѣ уніаты уйдутъ въ католичество, такъ что некого будетъ возсоединять. Это письмо дѣйствительно ускорило возсоединеніе.

Но на юбилеѣ „возсоединенія" имя Муравьева не было помянуто. Мало того. Когда 8 іюня крестный ходъ на пути изъ Пречистенскаго собора въ Николаевскій остановился на литію противъ Николаевской церкви, имъ великолѣпно возобновленной, и теперь изящно украшенной зеленью и растворенной, стоящая рядомъ съ церковью муравьевская часовня была наглухо заперта, что̀ глубоко оскорбило остающихся въ Вильнѣ въ весьма небольшомъ числѣ „муравьевскихъ людей", присутствовавшихъ въ ходѣ. Однимъ изъ нихъ, по окончаніи празднества, были предложены покойному архіепископу Алексію вопросы: Почему на юбилеѣ не вспомянули графа Муравьева? Почему во время крестнаго хода не была отворена „муравьевская часовня"? И почему она во всякое время не растворяется каждодневно и не горитъ въ ней „неугасимая лампада", какъ это предназначалось въ началѣ? На первые два вопроса было отвѣчено, что „программа празднества была составлена въ Петербургѣ", а на послѣдній ничего не было отвѣчено.

Исторія этой часовни такова. 8 ноября 1863 года М. Н. Муравьевъ праздновалъ день своихъ имянинъ. Изъ всѣхъ концовъ Россіи слались поздравленія къ нему и имянинные подарки. И его подчиненные собрали значительную сумму денегъ, которая была увеличена до 80.000 р. подпискою по всей Россіи и поднесена дорогому имянниннику. Графъ пожелалъ, чтобы эта сумма была употреблена на возобновленіе храма св. Николая, подчинен-

ные же испросили его дозволеніе при этой церкви соорудить часовню во имя Архистратига Михаила. Такимъ образомъ при Николаевской церкви явилась „муравьевская часовня“, внутри прекрасно отдѣланная въ византійскомъ стилѣ. Въ ней находится большая мозаическая икона Архистратига Михаила, цѣною въ пять тысячъ рублей, съ „неугасимою лампадой“ предъ нею. Снаружи у входа въ часовню вставлена въ стѣну бѣлая мраморная доска съ слѣдующею надписью: „Часовня сія во имя св. Архистратига Михаила воздвигнута въ 1865 году въ благодарность начальнику Сѣверо-Западнаго края Михаилу Николаевичу Муравьеву за водвореніе въ краѣ спокойствія и возвеличеніе Православія“.

Благодарность есть свойство благородныхъ душъ. Но этого свойства хватило ненадолго въ тѣхъ, кому ввѣрено было блюсти „муравьевскую часовню“. При генералъ-губернаторѣ Потаповѣ „неугасимая лампада“ въ часовнѣ была погашена, сама часовня заперта и обращена въ „мертвецкую“, — въ ней ставили гробы бѣдныхъ покойниковъ. Въ такомъ недостойномъ видѣ она оставалась почти двадцать лѣтъ. Теперь предстояло заставить снова растворить часовню и въ ней опять засвѣтить „неугасимую лампаду“. Много труда стоило достигнуть этого! Много о томъ сказано было устно и печатно жесткихъ словъ!

При осмотрѣ часовни оказалось, что ея массивныя бронзовыя двери не двигались на своихъ шалнерахъ, отъ продолжительной неподвижности скипѣвшихъ въ одну массу, такъ что ихъ нужно было сломать и замѣнить новыми. Внутри часовни отъ долговременнаго спертаго воздуха стѣнныя украшенія были съѣдены сыростью, и штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась. Мозаическій полъ также отъ сырости и образовавшихся отъ нея на сводѣ капель искрошился и представлялъ особенно въ срединѣ ямины. Но какимъ же образомъ часовня, имѣвшая, помимо своего религіознаго характера, такое высокое политическое значеніе, была оставлена въ такомъ небреженіи, въ такомъ недостойномъ видѣ?—На ней отразилась тогдашняя судьба русскаго дѣла въ Вильнѣ. Когда графъ Муравьевъ въ нѣсколько мѣсяцевъ утишилъ мятежъ въ краѣ, то полякующіе петербургскіе космополиты пришли въ большое смятеніе, и испугавшись, чтобы въ краѣ совсѣмъ не искоренилась польщизна, если долѣе будетъ продолжаться дѣло въ „муравьевскомъ направленіи“. Потому въ видѣ тормаза былъ посланъ въ 1864 году въ помощники графу

Муравьеву генералъ Потаповъ. Какъ и должно было ожидать, между „диктаторомъ“ и его „помощникомъ“ произошло нѣсколько жесткихъ сценъ, еще болѣе расширившихъ существовавшую между ними бездну. Въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года графъ былъ отозванъ изъ Вильны. Недолго оставался въ ней на этотъ разъ и Потаповъ; но чрезъ немного лѣтъ онъ снова вернулся въ нее уже генералъ-губернаторомъ. Тогда онъ началъ немилосердно гнать изъ края „муравьевскихъ людей“ и тормозить, если нельзя было прямо разрушать, „муравьевское дѣло“. Тогда виленское православное духовенство, забывши, что̀ Муравьев сдѣлалъ для Православія и непосредственно для *него*, нашло благовременнымъ запереть „муравьевскую часовню“, и, такъ сказать, изгладить ее изъ общественнаго сознанія. Цѣль была достигнута. Въ восьмидесятыхъ годахъ многіе Русскіе, прибывшіе въ болѣе позднее время въ Вильну, уже не знали о „муравьевской часовнѣ“. Закрытіе ея произошло при литовскомъ архіепископѣ Макаріи, впослѣдствіи Московскомъ митрополитѣ. Но время униженія въ Вильнѣ, если не для всего русскаго, то для „муравьевской часовни“ прошло. Въ настоящее время она опять возобновлена, бываетъ отворена каждодневно отъ утра до вечера, и предъ иконою Архистратига Михаила снова теплится „неугасимая лампада“, напоминая проходящему мимо въ темную ночь, что и въ Вильнѣ все еще „теплится“ русское патріотическое чувство...

IX.

Годъ 1891 для Вильны, Сѣверо-Западнаго края,—скажу даже, для цѣлой Россіи, знаменателенъ Высочайшимъ соизволеніемъ Государя Императора на сооруженіе въ Вильнѣ памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву и на открытіе подписки на оный по всей Россіи. Этимъ соизволеніемъ Высочайше санкціонируется то дѣло графа Муравьева и его спосиѣшниковъ, которое враги Россіи, внѣшніе и внутренніе, столько лѣтъ и такъ яростно забрасывали грязью. Общій голосъ русскихъ людей Вильны указываетъ мѣсто для памятника, на площади противъ Николаевскаго собора, гдѣ онъ будетъ видѣнъ изъ трехъ главныхъ сходящихся здѣсь улицъ,—указываетъ и самую позу графа въ статуѣ,—ту самую, въ которой онъ представленъ, при жизни еще, въ очень хорошей статуэтѣ, сохраняющейся, между прочимъ, въ

помѣщеніи виленскаго архіепископа. Величиною, конечно, онъ долженъ быть не меньше памятниковъ Кутузову и Барклаю у Казанскаго собора въ Петербургѣ. Для Русскаго имя Муравьева значитъ: патріотизмъ, возстановленіе русской народности, государственности и Православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ,—и памятникъ ему въ Вильнѣ будетъ символомъ утвержденія этихъ началъ въ этой исконной русской странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ выражать и *русское спасибо* великому русскому дѣятелю и его сподвижникамъ, а гнѣздящейся здѣсь крамолѣ будетъ непрестанно говорить: „Memento!"..

Но, независимо отъ этого государственнаго памятника, виленское Свято-Духовское братство, памятуя въ графѣ Муравьевѣ своего возстановителя, положило съ своей стороны соорудить въ Вильнѣ школу его имени и при ней церковь, что для Вильны, крайне бѣдной начальными школами, было благодѣтельно. Мѣсто для школы и церкви было выбрано на предмѣстіи Снипишки, наиболѣе нуждающемся въ нихъ. Была собрана братствомъ и достаточная на то сумма,—и оно обратилось къ виленской думѣ съ просьбою дать для нихъ небольшой участокъ земли на Кальварійской улицѣ, принадлежащій городу. Всякій русскій городъ поспѣшилъ бы съ своимъ содѣйствіемъ патріотическому и полезному дѣлу. Но Вильна — не русскій городъ, и дума ея не русская, а польско-еврейская. Потому она отказала братству въ просимомъ участкѣ и вмѣсто него предложила другой, неудобный для школы, и недостойный для церкви. Пошли препирательства и проволочки. Дѣло тянулось цѣлый годъ. Дума соглашалась дать просимый участокъ, если ей будетъ уступлена часть церковнаго двора Пятницкой церкви для расширенія сосѣдней извощичьей биржи. Предложеніе этого обмѣна братство отвергло, какъ оскорбительное, и обратилось за содѣйствіемъ къ генералъ-губернатору. Между тѣмъ сталъ ходить слухъ, что на братство производится „давленіе" лицомъ, отъ котораго всего меньше можно бы ожидать его, съ цѣлію заставить братство принять предлагаемый думою негодный участокъ. Этотъ слухъ вызвалъ протестъ русскихъ обитателей Снипишекъ, подписанный не менѣе полутораста лицами и посланный въ братство. Съ нетерпѣніемъ ожидали общаго торжественнаго собранія братства 6 августа, на которомъ долженъ былъ окончательно разрѣшиться вопросъ о мѣстѣ для школы и церкви. И было общее торжественное собраніе братства; но по тому же „давленію" вопросъ о

мѣстѣ для школы и церкви былъ совсѣмъ устраненъ изъ отчета и обсужденія,—„пройденъ молчаніемъ". По тому же „давленію", братство въ скоромъ времени *должно было* принять отъ думы для школы и церкви тотъ участокъ, который давала дума, а не тотъ, который просило братство. Такимъ образомъ виленская польско-еврейская дума одержала верхъ надъ православнымъ братствомъ. Главное основаніе отказа думы было не сбереженіе городскаго интереса, а уничтоженіе братства; потому что дума предлагала же ему этотъ участокъ въ обмѣнъ на половину церковнаго двора Пятницкой церкви.

Эта исторія невольно напомнила мнѣ слова виленскаго архіепископа Александра, сказанныя имъ въ такомъ же торжественномъ собраніи Свято-Духовскаго братства, которыя еще хорошо помнятъ многіе изъ братчиковъ: „Обыкновенно говорятъ, что здѣсь Православная церковь есть господствующая. Это невѣрно: она здѣсь только терпимая".

Да, въ словахъ высокопреосвященнаго много правды. Объ ней громко говорятъ и клоака, выводимая польско-жидовскою думою на рѣкѣ къ мѣсту православной іордани, и отнятіе у православной церкви церковнаго двора и обставленіе ея алтаря свиными хлѣвами, помойными ямами и отхожими мѣстами, и обливаніе улицы для православнаго крестнаго хода зловонною жидкостью изъ отхожихъ мѣстъ, и оставленіе неисполненнымъ Высочайшаго повелѣнія о передачѣ въ Православную церковь Островоротной иконы, ея древняго достоянія, послѣдовавшаго въ 1832 году, и слѣдовательно остающагося неисполненнымъ шестьдесятъ лѣтъ! Правъ, правъ владыка! Въ Вильнѣ Православію еще далеко до господствованія.

X.

Я сказалъ выше, что близкое сосѣдство римско-католическаго Остробрамскаго костела и принадлежащей ему часовни съ православными монастырями Троицкимъ и Свято-Духовскимъ крайне вредно для Православія. Идя вверхъ по Большой улицѣ (главной въ Вильнѣ), вы видите только православные храмы: Пятницкій, Николаевскій, Андреевскій, Николаевскій соборъ, Троицкій монастырь и Свято-Духовскій монастырь. У этого послѣдняго монастыря высится громадный католическій Терезинскій костелъ, по другому названію — Остробрамскій, стоящій своимъ

фасомъ вдоль Большой улицы, и выступившій своимъ бокомъ на половину этой улицы, которая, начиная отъ угла костела, называется уже Остромскою по-польски, и Островоротною по-русски. Улица эта кончается Острobрамскою часовнею, пристроенною къ старинной башнѣ бывшей городской стѣны и имѣющею сообщеніе съ костеломъ посредствомъ крытой галлереи. Въ эту галлерею есть входъ съ улицы чрезъ калитку къ стѣнѣ костельной ограды. Въ часовнѣ помѣщается извѣстная Остробрамская икона Богоматери, находящаяся теперь въ рукахъ католиковъ (названіе „Остробрамская" происходитъ отъ неправильно переведеннаго Поляками латинскаго „acer"—высокій и острый, и польскаго слова „брама" ворота, то-есть „высокія ворота". Дѣйствительно эти ворота находятся на самомъ возвышенномъ пунктѣ Вильны стараго времени). Часовня также обращена фасомъ вдоль улицы, и потому видна издалека. Передняя стѣна ея состоитъ почти вся изъ огромнаго окна, которое впродолженіи дня остается раствореннымъ, и въ него бываетъ видна икона, помѣщенная у противоположной стѣны.

Ранняя исторія этой иконы и часовни недостаточно ясна: но позднѣйшія извѣстія свидѣтельствуютъ неопровержимо, что эта икона принадлежала прежде православнымъ. Такъ венденскій каноникъ, ксендзъ Даніилъ Ловяга, жившій въ концѣ XVII вѣка писалъ: „Великій князь литовскій Ольгердъ обогатилъ сокровищницы свои безчисленными херсонскими драгоцѣнностями. Семейство этого князя большую часть церковныхъ украшеній раздарило православнымъ церквамъ города Вильны, къ числу коихъ принадлежитъ благодатная икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, находящаяся нынѣ въ часовнѣ отцовъ кармелитовъ, надъ городскими воротами, называемыми обыкновенно Острыми". Это свидѣтельство особенно важно тѣмъ, что принадлежитъ католическому духовному лицу, и его приводитъ, какъ авторитетное, Нарбутъ въ своей „Исторіи Литовскаго народа".

Не могла она въ древности принадлежать католикамъ — и по мѣстности, въ которой до сего времени находится, и по тому способу, которымъ она досталась католикамъ. Мѣстность вокругъ Острыхъ воротъ испоконъ вѣка была сплошь заселена Русскими, и до сего времени носитъ названіе Росса (см. Respublica Moscoviae et urbes 1580); а часть Большой улицы около Николаевскаго собора, и по сію пору носящая названіе: „Имбары" (амбары) на древнемъ планѣ города Вильны въ атласѣ

Блау XVI вѣка названа: „Московскій дворъ“ (Moscovisches Hof). А при такомъ условіи нелѣпо предположить въ этой мѣстности существованіе католической иконы, особенно въ то раннее время, когда даже по свидѣтельству Гванини, католика, „половина жителей Вильны состояла изъ Русскихъ, и русскихъ церквей въ ней было больше чѣмъ римскихъ“. Крашевскій, пропитанный глубоко антирусскимъ духомъ, перебирая отзывы иностранцевъ о Вильнѣ временъ короля Сигизмунда-Августа (1548—1572), и встрѣчая у нихъ извѣстіе, что вѣра Восточной Церкви была вѣрою всего города Вильны, нехотя сознается, что большинство жителей города Вильны въ тѣ времена дѣйствительно было на сторонѣ восточнаго исповѣданія.

И способъ перехода Остробрамской иконы къ католикамъ хорошо извѣстенъ. Они отняли ее у уніатовъ, а уніаты прежде были православными. О католическомъ же происхожденіи Остробрамской иконы не только никто изъ раннихъ католическихъ писателей не упоминаетъ, но даже нѣтъ рѣшительно ни одного свидѣтельства, ни стараго, ни новаго, ни истиннаго, ни подложнаго.

О переходѣ же Остробрамской иконы и часовни отъ православныхъ къ католикамъ извѣстно слѣдующее:

До введенія въ Вильнѣ уніи икона и часовня у Острыхъ воротъ принадлежала Троицкому монастырю. Когда же Троицкій монастырь былъ переданъ уніатамъ, то православные, духовные и міряне, не хотѣвшіе принять унію, около 1590 года купили участокъ земли напротивъ Троицкаго монастыря, рядомъ съ бывшею тутъ православною Благовѣщенскою церковью, и построили себѣ церковь во имя Св. Духа и монастырь, законченные въ 1640 году. Образовавшееся при монастырѣ знаменитое Свято-духовское Братство, скоро оказало сверхчеловѣческую энергію и мужество въ борьбѣ за Православіе противъ католичества и уніатства. Тогда для подавленія православнаго монастыря и братства, шпіонства за ними и парализованія ихъ дѣйствій, вице-канцлеръ великаго княжества литовскаго, Степанъ Пацъ, на участкѣ земли между Острыми воротами, Благовѣщенскою церковью и Свято-Духовскимъ монастыремъ, построилъ монастырь съ громаднымъ костеломъ во имя св. Терезіи, и поселилъ въ немъ католическихъ монаховъ, босыхъ кармелитовъ. Участокъ земли, на которомъ были возведены эти постройки, былъ такъ малъ и узокъ, что костелъ св. Терезы совершенно засторонилъ

собою православную Благовѣщенскую церковь и сильно стѣснилъ Свято-Духовскій монастырь.

Поселившись у Острыхъ воротъ, отцы-камерлиты принялись усердно подавлять Православіе и все Русское. Въ числѣ средствъ къ подавленію былъ и захватъ ими у троицкихъ Базиліанъ Остробрамской часовни. Но этотъ захватъ былъ сдѣланъ не вдругъ, а исподоволь. Кармелиты сначала испросили у Базиліанъ дозволеніе участвовать въ богослуженіи предъ иконою; потомъ начали болѣе и болѣе хозяйничать въ часовнѣ и, наконецъ, совсѣмъ забрали ее въ свои руки.

Базиліане, увидѣвши себя совершенно оттѣсненными отъ Островоротной часовни кармелитами, подали на нихъ жалобу въ Римъ. Процессъ тянулся долго. Наконецъ папа, какъ новый Соломонъ, рѣшилъ отдать часовню тому монастырю, который къ ней ближе (конечно, зарапѣе узнавши, что къ ней ближе монастырь кармелитовъ). Такимъ образомъ Островоротная часовня перешла къ католикамъ.

XI.

Въ первый польскій мятежъ въ 1794 г. Островоротная часовня служила цитаделью для Поляковъ. Около нея они поддерживали ожесточенную битву съ русскими войсками, осадившими городъ; Русскихъ убитыми здѣсь было 1.700 человѣкъ. Въ самыхъ Острыхъ воротахъ стояло двѣ пушки. Изъ самой часовни, чрезъ пять круглыхъ отверстій, которыя до того времени были заставлены алтаремъ, кармелиты стрѣляли въ русскія войска, и одинъ изъ нихъ, ксендзъ Цѣлица, убилъ выстрѣломъ полковника Дѣева, осматривавшаго около часовни свой полкъ.

Съ того времени Островоротная часовня сдѣлалась для Поляковъ политическимъ памятникомъ, польскою твердыней; значеніе ея и богатство быстро возрастали. На икону смотрѣли, какъ на палладіумъ польщизны въ Вильнѣ; провозгласили ее „Польскою Королевой“, и было пущено въ ходъ увѣреніе, что пока Остробрамская часовня будетъ оставаться во власти Поляковъ, до тѣхъ поръ будутъ оставаться во власти ихъ Вильна и край.

Особенно значеніе Островоротной часовни увеличилось для польщизны послѣ вѣнскаго конгресса и изгнанія изъ Петербурга іезуитовъ. Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, были закрыты въ Вильнѣ и краѣ польскія политическія общества, при-

крывавшіяся масонствомъ, наукою, благотворительностью, сельскимъ хозяйствомъ и т. п., то Поляки, чтобъ обмануть правительство, перевели политику на религію, и начали заводить по всему краю „костельныя братства“, поставивъ въ главѣ и водительствѣ „будованія ойчизны“ ксендза. Вотъ что писалъ о томъ Полякамъ князь Чарторыйскій: „Братья! Мы рѣшились избавить васъ отъ тиранническаго ига. Объединеніе необходимо. Умоляемъ васъ, будьте послушны пастырямъ вѣры: они укажутъ вамъ, гдѣ и когда поднять оружіе. Служители алтаря васъ научатъ, какъ добыть свободу. Примите ихъ; помогите имъ въ переѣздахъ, и наказывайте смертью тѣхъ, которые захотятъ ихъ выдать врагамъ“. Такимъ образомъ польско-русская борьба переносилась съ политической почвы на религіозную, и Православіе должно было принять на себя весь напоръ силы польщизны, облекшейся, какъ въ броню, въ католичество.

Скоро по всему краю возникли костельныя братства. Вмѣсто обществъ „умирающаго мопса“, „филоматовъ“, „филаретовъ“, „лучезарныхъ“, „шубравцевъ“ и т. п. теперь явились братства „имени и сердца Іисуса“, „имени Маріи“, „св. тайнъ“, „св. фамиліи“ и др. Только въ трехъ губерніяхъ, Виленской, Гродненской и Ковенской, было до четырехъ сотъ братствъ. Всѣ эти братства въ разныхъ видахъ, разными путями и средствами, преслѣдовали, какъ и прежнія общества, одну и ту же цѣль—ополяченіе Западной Россіи. Посредствомъ польскаго костела и ксендзовъ, командовавшихъ цѣлымъ полчищемъ „костельныхъ братчиковъ“, производилась по всему краю польская пропаганда. Но изъ всѣхъ братствъ наибольшее значеніе имѣло „Остробрамское Братство Объединенія“, основанное около 1823 года. Первоначально „Братство Объединенія“ еще въ XVII вѣкѣ было учреждено въ Краковѣ тамошними босыми кармелитами, и болѣе вѣка существовало тамъ, пользуясь большимъ вліяніемъ въ городѣ. Въ число братчиковъ поступали студенты, профессора и польскіе паны. Цѣлію братства было пропагандированіе католичества и польщизны: но вслѣдствіе насилій надъ противниками, которыхъ „объединенцы“ ругали, били и даже топили въ Вислѣ, это братство въ 1786 году въ Краковѣ было упразднено, и въ часовнѣ братской былъ устроенъ университетскій театръ. И вотъ, это самое братство, упраздненное въ Краковѣ, было въ 1823 году возстановлено въ Вильнѣ, при Остробрамской часовнѣ.

Поступавшіе въ Остробрамское Братство Объединенія обязы-

вались ежедневно бывать у Островрамской часовни; проходя передъ Острыми воротами, снимать шляпу; объ Островрамской часовнѣ, насколько силъ хватитъ, писать, читать и слушать, что говорятъ ксендзы и вообще Поляки; принимать участіе въ островрамскихъ богослуженіяхъ и процессіяхъ; слушать островрамскія проповѣди; изображеніе Островрамской иконы имѣть у себя въ домѣ, и медальонъ съ изображеніемъ оной носить на шеѣ.

Папа, смекнувъ, какою громадною силой будетъ Островрамская часовня для католичества противъ Православія въ рукахъ польскихъ агитаторовъ, далъ Островрамскому Братству Объединенія слѣдующую индульгенцію отпущенія грѣховъ: кто произнесетъ благочестиво имя Островрамской Богородицы, тому прощаются грѣхи за 25 дней; участвующимъ въ утреннихъ островрамскихъ богослуженіяхъ прощаются грѣхи за 300 дней; участвующимъ въ вечернихъ богослуженіяхъ — за 200 дней; участвующимъ въ богослуженіяхъ во время праздника Успенія, во вторникъ послѣ Пасхи и Троицына дня, на третій день послѣ Рождества и въ праздникъ Св. Екатерины—за семь лѣтъ; тому, кто зайдетъ въ Островрамскую часовню съ благочестивою цѣлію,—каждый разъ за 60 дней; участвующимъ въ островрамскихъ богослуженіяхъ въ праздники Безпорочнаго Зачатія, Покрова, сорока-часоваго богослуженія, при вступленіи въ число братчиковъ, и наконецъ при смерти ихъ прощаются имъ всѣ грѣхи. — Значитъ, Полякъ грѣши, сколько хочешь: только бывай чаще у Островрамской часовни, и пропагандируй ея славу,—и всѣ грѣхи его отпустятся.

Облеченное въ такое могущество, Островрамское Братство всѣ силы свои устремило къ тому, чтобъ обратить Островрамскую икону въ орудіе для разжиганія политическихъ страстей, и для возбужденія въ городскихъ и сельскихъ населеніяхъ ненависти къ Русскимъ.

XII.

Первымъ дѣломъ Островрамскаго Братства Объединенія было объявить Островрамскую икону чудотворною. Съ этою цѣлію была имъ издана въ 1823 г. книга о чудесахъ Островрамской иконы, подъ названіемъ „Реляція“ (Relacya o cudownym Obrazie N. Maryi Panny, ktory w Wilnie na Ostrey bramie, Wilna, 1823), написанная ксендзомъ и утверждающая, что эта икона была всенародно признаваема католиками чудотворною еще въ XVII вѣкѣ. То же

повторяютъ Крашевскій, Сырокомля и ксендзъ Ролевичъ. Но ни одинъ изъ этихъ писателей не указываетъ, откуда они почерпнули эти свѣдѣнія. Человѣкъ, задавшійся обстоятельнымъ разслѣдованіемъ этого дѣла, пересмотрѣлъ всѣ сочиненія, спеціально описывающія чудотворныя иконы въ Сѣверо-Западномъ краѣ; мы разумѣемъ, Море Господней Благодати, разливаемое Богомъ въ Польшѣ при иконахъ Спасителя и Богородицы", сочиненіе ксендза Яцка Прущa, писателя XVIII вѣка, составлявшаго свою книгу не только по печатнымъ источникамъ, но и по частнымъ устнымъ свѣдѣніямъ. Онъ самъ собиралъ факты по канцеляріямъ мѣстныхъ епископовъ; но онъ не слыхалъ даже, чтобы кто-нибудь изъ католиковъ отъ давнихъ временъ до его поры (1740 г.) считалъ Остробрамскую икону чудотворною.

Были также пересмотрѣны: „Церковная Исторія Литвы" Вуйка Кояловича, „Сарматская физіономія Польши и Митавы" профессора бывшаго виленскаго университета, А. Нарамовскаго, „Исторія Литовскаго Народа" Ѳ. Нарбута; описаніе 94 генеральныхъ ревизій остробрамскаго костела и монастыря съ 1627 года по 1788 годъ, произведенныхъ ксендзами, присылаемыми изъ Рима; нѣсколько десятковъ письменныхъ документовъ, бывшихъ островоротныхъ кармелитовъ, находящихся въ виленской публичной библіотекѣ; нѣсколько десятковъ ксендзовскихъ календарей (рубрицелъ) съ разными замѣтками виленскихъ ксендзовъ; нѣсколько десятковъ раннихъ проповѣдей, произнесенныхъ въ островоротномъ костелѣ. Всѣ эти сочиненія не могли бы обойти молчаніемъ чудеса Островоротной иконы, еслибъ объ нихъ было говорено до того времени; но въ нихъ нѣтъ ни одного даже слабаго намека на признаніе католиками этой иконы чудотворною вплоть до 1794 года, года перваго польскаго мятежа въ Вильнѣ.

Противъ признанія Остробрамской иконы чудотворною католиками раньше 1694 года говоритъ и то обстоятельство, что она *не коронована*, по католическому обыкновенію. Въ 1630 году возникъ у католиковъ обычай возлагать на чудотворныя иконы короны, освящаемыя самими папами и надѣляемыя ими разными отпущеніями грѣховъ. Обрядъ этотъ называется *коронаціей* и считается признаніемъ извѣстной иконы чудотворною отъ самого папы. Коронація иконы совершается возможно торжественнымъ образомъ, съ разными обрядами и костельными процессіями, которыя должны проходить чрезъ нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, заранѣе устроенныхъ къ этому празднику. Годовщина коронаціи

празднуется ежегодно. Коронованныхъ такимъ образомъ иконъ считается въ самомъ Ватиканѣ 216, въ остальномъ Римѣ 104, въ Сѣверо-Западномъ краѣ болѣе 21, въ самой Вильнѣ двѣ. Изъ сказаннаго ясно видно, что, еслибъ Остробрамская икона была признаваема католиками раньше 1794 года, то оставить ее безъ коронаціи въ XVIII вѣкѣ не могли бы, потому что здѣшніе ксендзы имѣли въ этотъ періодъ особенное расположеніе совершать этотъ обрядъ надъ чудотворными иконами, короновавши съ 1717 по 1786 годъ не менѣе 21 иконы.

Такимъ образомъ является несомнѣннымъ, что хотя католики болѣе вѣка, съ 1671 до 1794 года, владѣли Острабрамскою иконой, но во все это время не почитали ее чудотворною. Первымъ печатнымъ сказаніемъ о чудесахъ Острабрамской иконы была напечатанная въ 1823 году въ Вильнѣ „Реляція о чудотворной иконѣ Богоматери, находящейся въ Вильнѣ на Острыхъ воротахъ“, о которой было помянуто выше, и въ которой находится сказочная исторія объ Островоротной иконѣ и ея чудесахъ. Между ними на первомъ мѣстѣ фигурируетъ „пораженіе Москалей“ подъ стѣнами часовни въ 1794 году, такъ что и полковникъ Дѣевъ оказывается убитымъ не предательскою пулей ксендза Цѣлицы, а чудесною силой „Матки Боски“. Вообще тонъ повѣствованій о чудесахъ Острабрамской иконы таковъ, что ею совершаются чудеса исключительно въ пользу Поляковъ-католиковъ и никогда для „схизматичныхъ Москалей“, если только не ради пораженія или посрамленія ихъ.

Создавши такимъ образомъ изъ Острабрамской иконы высшую виленскую святыню и изъ Острабрамской часовни верховное въ Вильнѣ святилище, Островоротное Братство твердою рукой повело дѣло воспитанія населеній Вильны и края въ фанатической враждѣ къ Россіи. Средствами къ тому были:

1) Учрежденіе публичныхъ моленій на улицѣ предъ Острабрамскою часовней, которая была богато украшена внутри и снаружи. Въ часовнѣ поставленъ хорошій органъ и заведенъ хоръ пѣвчихъ. Эти моленія болѣе и болѣе привлекли къ Острабрамской часовнѣ не только виленскихъ Поляковъ и Полекъ, но и изъ провинціи. Пани и паненки отовсюду пріѣзжали въ Вильну на поклоненіе будто бы издревле католической чудотворной Острабрамской иконѣ и распѣвали предъ нею гимны, сначала религіозные, а потомъ революціонные. Число собиравшихся на мо-

ленья на улицѣ предъ Остробрамскою часовней уже считалось тысячами.

2) Изданіе такъ называемыхъ „Остробрамскихъ молитвенниковъ". Ихъ существуетъ четыре. Первый носитъ заглавіе „Островоротный Алтарикъ"; второй „Богослуженіе Островоротной Богородицѣ"; третій—„Островоротный Алтарикъ меньшій; четвертый—„Алтарикъ Островоротной Богородицы". Всѣ эти молитвенники, наполненные фанатизующими молитвами, гимнами и сказаніями о чудесахъ отъ Остробрамской иконы, равно какъ и „Реляція" въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ расходились по Вильнѣ и всему краю. То же должно сказать и объ изображеніяхъ Остробрамской иконы и часовни, печатныхъ, и фотографическихъ, и металлическихъ медальонахъ.

3) Учрежденіе у Острыхъ воротъ „Рукодѣльной школы Островоротной Богородицы въ Вильнѣ". Островоротная школа была женская и въ нее принимались не только дѣти, но даже старыя женщины разныхъ исповѣданій. Лица, принадлежавшія къ этой школѣ, ходили ежедневно къ остробрамской часовнѣ и участвовали въ уличныхъ богослуженіяхъ, а дома обучались польской грамотѣ и польской исторіи. Словомъ, Островоротная школа была ни болѣе, ни менѣе, какъ коллегія de propaganda fide, гдѣ подготовлялись будущія агитаторки польщизны, а извѣстно, что женщины заправляютъ здѣсь всѣми дѣлами.

4) При Острыхъ же воротахъ была основана „Лавка нищихъ", въ которой продавались по весьма дешевой цѣнѣ островоротные молитвенники, польскія народныя книги, изображенія иконы и часовни и др. При лавкѣ находился трактиръ, гдѣ нищіе получали обѣдъ, за который они должны были бѣгать по городу приглашать народъ къ Остробрамской часовнѣ. Они же должны были смотрѣть, чтобы предъ Остробрамскою часовней всѣ проходящіе снимали шляпы; а кто не хотѣлъ снять, у тѣхъ срывали шляпы насильно, бросая ихъ въ канаву, и даже били ихъ.

Такъ Поляки умѣли, благодаря русской халатности, обратить русскую православную святыню въ могущественное орудіе для разжиганія политическихъ страстей и возбужденія въ городскихъ и сельскихъ населеніяхъ ненависти къ Россіи.

XIII.

Какъ и слѣдовало ожидать, Островрамская часовня была главнымъ мѣстомъ революціонныхъ манифестацій Поляковъ въ мятежъ 1831 года. Предъ нею пѣлись революціонные гимны, говорились зажигательныя проповѣди и собирались деньги на мятежъ. Поэтому, чтобы положить конецъ дальнѣйшему злоупотребленію Поляковъ часовнею и вмѣстѣ возстановить древнѣйшее право на Островоротную икону православныхъ, въ 1832 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ римско-католическаго терезинскаго костела босыхъ кармелитовъ съ принадлежащею къ нему часовней православному духовенству. Но когда Высочайшее повелѣніе прибыло въ Вильну, то были пущены въ ходъ Поляками всѣ махинаціи для *не*выполненія Высочайшаго повелѣнія, вслѣдствіе которыхъ былъ предложенъ православному духовенству другой полуразвалившійся небольшой костелъ, въ предмѣстіи Снипишки, на правомъ берегу Виліи, также принадлежавшій босымъ кармелитамъ. Этотъ завилейскій костелъ былъ во имя св. Іосифа, но кармелиты переименовали его въ терезинскій, и назначили его къ передачѣ вмѣсто Терезинскаго Островрамскаго. Православное духовенство не приняло завилейскаго костела, и онъ былъ переданъ городу. Въ настоящее время нѣтъ и слѣдовъ его. А чтобы лучше замести слѣды подлога съ Высочайшимъ повелѣніемъ, ксендзы перестали называть оффиціально костелъ у Острыхъ воротъ Терезинскимъ, какъ будто уже не существующій, а называли его Островрамскимъ, перемѣнивъ самую костельную печать, и замѣнивъ на ней изображеніе св. Терезіи изображеніемъ Островрамской иконы.

Такимъ образомъ, посредствомъ подлога въ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, Поляки удержали въ своей власти Островоротную часовню и продолжали пользоваться ею для разжиганія политическихъ страстей и возбужденія ненависти къ Россіи, въ своихъ подготовленіяхъ къ новому мятежу. Въ настоящее время въ Вильнѣ еще живы люди, видѣвшіе эти подготовленія и живо помнящіе ихъ. Политическія демонстраціи у Островоротной часовни начались съ 1858 года, когда толпы съ каждымъ днемъ росли больше и больше. Народъ, стоя на улицѣ предъ часовнею, пѣлъ революціонные гимны; ксендзы изъ раствореннаго окна ча-

совни произносили зажигательныя проповѣди и благословляли на мятежъ; на улицѣ собирали „офяры на ойчизну". Оба православные монастыря были блокированы, и не столько толпами народа, сколько ихъ ненавистью, возбуждаемою островоротными ксендзами. Особенно было тяжело Духову монастырю, находящемуся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ островоротнымъ костеломъ. Нельзя было пройти православному на богослуженіе въ него, не рискуя получить дерзкую ругань и даже толчекъ отъ какого-нибудь Поляка или Польки. Покойный архіепископъ Александръ, бывшій въ Вильнѣ въ то время викарнымъ, лично мнѣ и многимъ другимъ разсказывалъ, какъ онъ въ 1862 году въ одно воскресенье въ мѣсяцѣ маѣ утромъ шелъ изъ Духова монастыря въ соборъ служить обѣдню, и какъ встрѣтившаяся съ нимъ у самыхъ монастырскихъ воротъ Полька-пани плюнула ему на рясу. Владыка зашелъ по пути къ митрополиту Іосифу и разсказалъ о случившемся, на что высокопреосвященный отвѣчалъ: „Въ Вильнѣ еще *не наше* время. И на меня плевали Польки. Нужно терпѣть".

Съ половины мая 1861 года Остробрамская часовня сдѣлалась главнымъ притономъ мятежныхъ массъ въ Вильнѣ. Здѣсь пѣлись революціонные гимны съ половины мая до 20 іюня въ концѣ богослуженія, съ 20 іюня по 1 іюля при зажженныхъ свѣчахъ, причемъ ксендзы были въ полномъ облаченіи. Іюля 31 собралось здѣсь болѣе пяти тысячъ народа. Пользуясь этимъ многолюдствомъ, польскіе агитаторы повели толпу за городъ на Бельмонтъ, гдѣ польскія аристократки танцовали съ пьяными виленскими сапожниками въ знакъ единенія въ общемъ дѣлѣ. Августа 4 собралось при Островоротной часовнѣ до трехъ тысячъ народа; снова агитаторы съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ повели ихъ за городъ, на Снипишки къ „статуѣ" Спасителя. Здѣсь долго пѣли революціонные гимны, говорили рѣчи о возстановленіи Польши и ругали правительство. Августа 6 собралось у Островоротной часовни болѣе двухъ тысячъ народа; отселѣ толпа направилась на Погулянку; но остановленная здѣсь казаками, снова возвратилась къ Острымъ воротамъ, увеличенная на своемъ пути до пяти тысячъ человѣкъ, и разошлась только въ глубокую ночь.

Послѣ усмиренія мятежа, графъ М. Н. Муравьевъ видѣлъ все зло отъ пребыванія Остробрамской часовни въ рукахъ Поляковъ, понимая, что пока она будетъ оставаться въ польскихъ

рукахъ, дотолѣ будетъ служить очагомъ мятежа,—и вмѣстѣ съ тѣмъ зная о подлогѣ при выполненіи Высочайшаго новелѣнія, рѣшилъ выполнить его въ точности и передать православному духовенству Островоротный костелъ и часовню; но скорое отозваніе его изъ Вильны помѣшало ему это осуществить. Та же кратковременность пребыванія въ Вильнѣ (не болѣе года) воспрепятствовали осуществить эту мѣру К. П. Кауфману и графу Э. Т. Баранову.

Впослѣдствіи Поляками была пущена въ ходъ сказка, что графъ Муравьевъ не передалъ Остробрамскую часовню православному духовенству потому, что опасался волненій. Совершенный вздоръ! Не Муравьеву, умирившему цѣлый возмущенный край, было бояться „волненій“ изъ-за справедливой передачи иконы тѣмъ, кому она должна принадлежать. Это же опасеніе до настоящихъ поръ приводятъ виленскіе администраторы; но они имъ только обѣляютъ свое бездѣйствіе. Волненія при передачѣ не произойдетъ, потому что эта икона есть панская, а не народная, и служитъ средствомъ агитаціи для пановъ и ксендзовъ; притомъ добрая половина сельскаго населенія—православные, и они чрезъ эту передачу только больше укрѣпятся въ Православіи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Владиміровъ.

НА СВОЮ ГОЛОВУ.

Разсказъ.

I.

Въ сѣренькій февральскій день, въ предъобѣденную пору, по дорогѣ изъ маленькой деревушки Павлочиной къ селу Сорокину шла молодая бабочка. Несмотря на то, что погода была нехорошая и дорогу заносило мелкимъ скрипучимъ снѣгомъ,—она шла скорымъ шагомъ и, видимо, торопилась. Бабочка это была жена одного крестьянина деревни Павлочиной — Анисья Штучкина. Шла она въ село къ торговцу, за баранками для своего маленькаго мальчика, котораго она родила только осенью. Анисья могла и не ходить сама, такъ какъ еще утромъ мужъ ея Кондратій вызывался самъ сходить за этимъ,—но она побоялась, какъ бы онъ вмѣсто торговца-то не зашелъ въ кабакъ, да не пропилъ ея пятиалтыннаго; съ нимъ это бывало,—и Анисья соврала, что ей нужно еще зайти къ одной бабѣ, чтобы спросить, какое ей средство лучше употребить маленькому отъ грыжи,—и пошла сама.

„Эхъ нужда, нужда!“ думала Анисья, идучи дорогой,—„вотъ крестьянами зовемся, а саней своихъ нѣту... Еслибы были, то я бы запрягла лошадь и живою рукой доѣхала сюда; лошадь теперь не въ работѣ, только промялась бы. А то вотъ таскайся пѣшкомъ, да еще по такой дорогѣ. Фу!“.. И съ этими думами Анисья подошла къ селу...

„Вотъ и задворки! Что бы дома застать Илью Федорыча! а то ну какъ нѣту? придется ждать,—а тамъ Ванюшка расплачется, Кондратій заскучаетъ съ нимъ“...

Вошла въ задворки баба. Торговецъ жилъ на середкѣ села; потому баба пошла прямо по дорогѣ; миновала она двора два, вдругъ изъ одного двора выскочила желтая, косматая собаченка и бросилась на Анисью... Не успѣла Анисья и повернуться, какъ собака вцѣпилась въ подолъ ея крашениннаго сарафана и начала трепать. Анисья вскрикнула, хотѣла оттолкнуть собаку ногой, но пошатнулась, сбилась съ дороги, попала ногой въ сугробъ и повалилась. Собака, торжествуя, начала рвать ее съ бо̀льшимъ остервененіемъ: она уже не удовольствовалась подоломъ, а схватила за голенище валенка и укусила ногу... Баба заблажила во все горло... На крикъ Анисьи и на лай собаченки изъ двухъ дворовъ выбѣжали мужики и бросились отгонять собаку. Отогнавъ собаку, одинъ мужикъ сталъ поднимать Анисью.

— Ахъ ты пёсъ! стерва этакая! Что жь ты надѣлала-то, ругалась Анисья, разглядывая разорванный сарафанъ...

— А ты и оборониться не могла? такую бабу и такой звѣрь осилилъ! трунилъ надъ Анисьей одинъ мужикъ...

— Да, хорошо тебѣ говорить-то! самого бы тебя потрепать..

— Ну, что̀ жь попробуй!

— Я не собака; что̀ мнѣ пробовать?..

— А говоришь!

Мужики отправились къ себѣ въ избы, а Анисья пошла своею дорогой.

Пришла къ торговцу въ избу Анисья, помолилась и стала здороваться...

— Здорово, молвилъ торговецъ.—Что это ты въ снѣгу вся?

— Да что, вишь ваше село-то какое, собака было заѣла.

— Чья?

— Шутъ ее знаетъ! во второмъ дворѣ отъ васъ...

— А, Мишухина! Это его, такая-то стерва собаченка. Больно укусила?

— Да подъ жилку тяпнула, сарафанъ вотъ изорвала, да голенищу. Вѣдь съ ногъ долой сшибла.

— Гмъ... Ишь окаянная... И чего онъ ее держитъ? словно добра много... Я вотъ побогаче его, да и то не держу.

— На бабу напалъ онъ, проговорила Анисья, — попался бы мужикъ хорошій, онъ бы его выучилъ...

Илья Федоровичъ откашлянулся.

— Оно, положимъ, и бабѣ, коли захочетъ, поучить можно.

— Ну, баба что̀ сдѣлаетъ?..

— Подай на волостной судъ, вотъ его и поучать; взыщутъ всѣ убытки, вотъ и будетъ знать.

Баба, насторожившая было уши, печально сморщила лицо и, махнувъ рукой, проговорила:

— Это-то гдѣ жь!.. Не съ нашимъ рыломъ лѣзть туда...

— Отчего?

— Вѣдь туда нужно съ деньгами: прежде судьевъ угостить,— а потомъ просить-то.

Илья Федоровичъ погладилъ бороду.

— Ну нѣтъ, это неправда; это при старыхъ порядкахъ, дѣйствительно такъ, а теперь по новому. Теперь безъ всякаго твоего угощенія, по чести совѣсти разберутъ. Я онямясь самъ въ волости-то былъ и слышалъ: всякую твою мелочь принять должны.

— Ну да?

— Право.

Баба задумалась; подумавъ немного, она спросила:

— А какъ это будетъ пойти-то, какъ сказать-то?

— А такъ, поѣзжай въ волость и заяви: „Такъ, молъ, и такъ, искусала меня собака—хочу ублаготвореніе получить"... Вотъ и все тутъ...

— Развѣ и правду такъ сдѣлать? вслухъ подумала баба.

— Знамо сдѣлай, поучи его подлеца; онъ вѣдь такой, песъ, гордый, на улицѣ встрѣтится—никогда первый шапки не сниметъ...

Анисья взяла баранки, завязала ихъ въ узелокъ и отправилась домой.

II.

Выйдя изъ Сорокина, Анисья опустила голову и пошла уже тише, чѣмъ шла сюда. Она вся погрузилась въ свои думы и размышляла, какъ ей будетъ лучше устроить на судъ пойти. Она обдумывала слова, которыя она на судѣ скажетъ; представляла, какъ судъ выслушаетъ ее и будетъ судить Михайлу. Въ глубинѣ души что-то подсказывало ей, что Михайло не виноватъ, что виновата собака, но слова Ильи Федоровича: „коли держишь собаку, привязывай", твердо стояли у ней въ памяти и затемняли все.

„Что жь, вѣдь правду", говорила она сама себѣ, „коли собаку держишь—зря не распускай. А то это ни ногъ, ни подоловъ не напасешься."

„А что, какъ правда, велятъ заплатить“, мелькнуло у ней въ головѣ, „вотъ хорошо-то было бы“...

И она чувствовала, какъ сердце у ней поднимается выше и бьется сильнѣе. „Надо идти“... твердо рѣшила она, и съ такимъ рѣшеніемъ пришла домой...

— Ты что такъ долго шлялась? Малый-то обревѣлся совсѣмъ,—встрѣтилъ Анисью мужъ.

Анисья бросилась къ люлькѣ, вытащила оттуда ребенка и приложила его къ грудямъ...

— Что? плаксиво заговорила она,—сходилъ бы самъ скорѣе.

— И сходилъ бы, давеча сама не пустила.

— Мнѣ нужно самой было по дѣлу.

— Что жь сдѣлала?

— Куда къ шуту сдѣлала! со мной тамъ бѣда случилась, собака чуть не разорвала...

— Жалко, что совсѣмъ не съѣла...

— Да, тебѣ можно разговаривать-то! самому бы пришлось, тогда узналъ бы...

— Чѣмъ же ты ей не пондравилась?

— Кому?

— Собакѣ-то?

— Шутъ ее знаетъ! только вошла я въ улицу, какъ она набросится и давай трепать; погляди, что сдѣлала...

— Гм... Ловко! вотъ чай заблажила-то?

— Смѣйся, смѣйся! А ты вотъ послушай, что добрые люди-то говорятъ; велятъ въ судъ подавать.

— На кого, на собаку?

— Не на собаку, а на хозяина ея. Подай, говорятъ: тамъ ему прикажутъ всѣ убытки заплатить.

— Это что жь у тебя кошелекъ растолстѣлъ?

— Ну вотъ мелетъ.

— Да какъ же? Въ судъ-то что̀ надо? Деньги, а безъ денегъ, какъ пойдешь?..

— Вотъ въ томъ-то и дѣло что нѣтъ. Илья Федорычъ говоритъ, что ноньче все по чести—совѣсти: безъ всего приди, выложи,—и разсудятъ.

Кондратій почесалъ затылокъ.

— Ишь ты!

— Право... Я думаю вотъ что: съѣздить пожаловаться.

Кондратій взглянулъ на бабу, бросилъ валенокъ, что подковыривалъ, пошелъ къ приступкѣ и сталъ курить.

— Что жь молчишь-то?

— Что жь говорить-то не объ дѣлѣ? Я вижу тебѣ покататься захотѣлось...

— Не кататься. Илья Федорычъ говоритъ, что безпремѣнно всѣ убытки заплатить велятъ; може, рубля полтора присудятъ...

— Пожалуй, держи карманъ-то! Что жь тамъ дураки развѣ сидятъ-то, что будутъ за бабій подолъ по полтора рубля присуждать?

— Не за одинъ подолъ, голенищу вѣдь разорвала, поджилку вотъ укусила. Развѣ мало дѣловъ-то...

Кондратій молча выкурилъ трубку, выколотилъ ее и проговорилъ:

— А пожалуй поѣзжай, только на чемъ? Саней-то вѣдь нѣту?

— Ну къ дядѣ Андрею сходи, попроси для этого дѣла...

— А какъ пискунъ-то этотъ расплачется?

— Я его покормлю да перевью; можетъ, до меня-то и помолчитъ, вѣдь до волости-то не Богъ знаетъ сколько...

— Ну ладно, давай обѣдать!..

Пообѣдали. Анисья стала кормить маленькаго, а Кондратій пошелъ добывать сани и запрягать лошадь...

Заложивъ лошадь, онъ вошелъ въ избу и проговорилъ:

— Ну поѣзжай! Да только тамъ живѣй, лишняго не болтай...

— Ну вотъ, я не знаю; только разскажу, какъ было дѣло, да и все тутъ...

— Ну, ну, ступай!

Анисья вышла изъ избы и поѣхала въ волость. Часа три ѣздила баба взадъ и впередъ и вернулась сіяющая; подъѣхала она ко двору и, не выпрягая лошадь, вбѣжала въ избу.

— Ну что? спросилъ Кондратій.

— Вотъ! воскликнула Анисья и показала двѣ бѣлыхъ бумажки.—Одѣвайся скорѣй, да вези въ Сорокино: это—повѣстки, послѣ завтра на судъ...

— Ну да?..

— Право слово! какъ сказала я, они и начали эти повѣстки писать; ну на, говоритъ, отдай старостѣ, если Михайла не согласится мириться, то судить его будемъ.

— Судить?

— Да, такъ и сказали: мы его судить будемъ. Послѣ завтраго и судъ.

Кондратій промолчалъ, онъ только про себя подумалъ:

„Нда... Вотъ что! за бабу судить! Вотъ времена-то настали.“

И онъ сталъ натягивать на себя полушубокъ, чтобы ѣхать въ Сорокино...

III.

Проводивъ Кондратія, Анисья обогрѣлась немного и стала подумывать, какъ бы ей подѣлиться всѣмъ, чѣмъ были исполнены душа и сердце, съ сосѣдками. Она стала придумывать, за чѣмъ бы ей толкнуться къ кому-нибудь, чтобы имѣть предлогъ завести разговоръ. Вдругъ, какъ на ея счастье, дверь въ избу растворилась,—и въ нее вошла одна подруга Анисьи. Анисья несказанно обрадовалась и уставилась на подругу, ожидая, что та скажетъ.

— Здорово, касатка! Зачѣмъ это твой давеча у Андрея сани бралъ?

— Да нужно, родимая, нужно...

И она разсказала обо всемъ подругѣ и особенно подчеркнула тѣ слова, которыя ей сказали въ волости: „если не помирится, то судить будемъ“...

Подруга, слушая это, не мало охала и качала головой. Она какъ и Анисья, была убѣждена, что судъ—серьезная штука; съ такими пустяками, какъ собака потрепала, туда нечего и соваться, а особливо бабѣ,—и вдругъ такая новость!

Поговоривъ еще кое о чемъ, подруга ушла отъ Анисьи и зашла кое къ кому повѣдать только что услышанную новость.

Въ одной избѣ, какъ на грѣхъ, собралось нѣсколько бабъ и мужиковъ, всѣ они, услыхавъ слова ея, тоже не мало охали и качали головами...

— Вѣдь вотъ не знатое дѣло-то, сказала баба,—лѣтось моего Проньку кобыла Савостьянова улягнула, я и пошла ему попенять; такъ онъ такъ пугнулъ меня, что я не чаяла, какъ изъ избы выскочить. А вотъ бы на судъ-то!

— Поэтому самое подходящее дѣло! собака укусила—и то вотъ, а кобыла улягнетъ—чего жь! сказалъ одинъ мужикъ.

— А если волкъ укуситъ, можно будетъ просить? спросила одна баба.

— На кого жь ты будешь просить-то? Вотъ чудачка! молвилъ другой мужикъ.

— Это вотъ если чужая блоха на тебя прыгнетъ да укуситъ, еще можно, хозяина найдешь, а волкомъ кого упрешь? съострилъ первый мужикъ.

Всѣ засмѣялись; кто-то выразилъ сомнѣніе, еще будетъ ли толкъ изъ Анисьиной жалобы.

— А вотъ увидимъ; послѣ завтра не за горами...

Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ послѣзавтрашняго дня. Анисья наканунѣ суда даже ночи не спала. Она думала, что судъ непремѣнно присудитъ Михайлу заплатить ей, и мысленно распредѣляла тѣ деньги, которыя должно было ей получить. Наступилъ и судный день. Кондратій опять пошелъ къ Андрею за санями. Запрегъ лошадь и отправилъ Анисью на судъ...

Пріѣхала въ волость Анисья, поставила лошадь къ сторонѣ, дала ей сѣна и пошла въ контору...

Въ волостной конторѣ все было приготовлено къ суду. Столъ стоялъ на нужномъ мѣстѣ, судьи въ сборѣ; въ сборѣ были и тяжущіеся; между ними Анисья замѣтила и сорокинскаго Михайлу.

Чрезъ полчаса начался и судъ; разобрали судьи два дѣла и вызвали Анисью.

— Ну, баба, говори въ чемъ просишь? сказалъ предсѣдатель.

— А вотъ, отцы родные, заговорила Анисья,—шла, значитъ, въ село къ Ильѣ Федоровичу за баранками, и напала, значитъ, на меня собака и прямо за подолъ...

— Ну? сказалъ предсѣдатель.

И Анисья разсказала подробно, какъ ее трепала собака, какъ повалила,—и показала, какіе изъяны ей нанесла. Судьи выслушали разсказъ и обратились къ Михайлѣ:

— Твоя собака?

— Моя...

— Что жь ты ее безъ привязи держишь?

— Сорвалась, право слово, сорвалась...

— А, сорвалась, такъ батюшка нельзя. Какъ статья гласитъ?

Отыскали статью, прочитали, и предсѣдатель обратился къ Михайлѣ.

— Ты виноватъ.

— То-есть какъ же? стало-быть, чѣмъ же?

— А тѣмъ, привязывай!

— Да, право, на привязи была, да сорвалась.

— Глядѣлъ бы, да не допущалъ.

— Да развѣ углядишь? вѣдь не думано.

— Ну коли не думано, такъ вотъ заплати ей... два цѣлковыхъ будетъ?

— Будетъ, отвѣчали судьи.

— Ну вотъ два рубля и выложь...

Михайло опѣшилъ.

— Два рубля? Да что вы, родимые? пожалѣйте!

— Это вотъ ее попроси, она не смилуется ли, указали судьи на Анисью.

— Родимая! обратился Михайло къ Анисьѣ,—ослобони, ну что тебѣ доспѣлось?

Но Анисья, услыхавъ о двухъ рубляхъ, твердо рѣшила не сдаваться...

— Какъ, что доспѣлось? ишь ты. Еслибы тебя такъ искусать, тогда узналъ бы...

— Да на, кусай! Откуда хочешь начинай, только не тревожь ради Бога.

— Что ты, Богъ съ тобой? Чего я тебя буду кусать? Что зря болтать, я убытки взыскиваю...

— Да что же, неужели у тебя на поджилкахъ на два рубля добра выкусила? Побойся Бога-то!

— Я не о поджилкахъ говорю, у меня вотъ сарафанъ разорванъ да голенище испортилъ, за это заплати...

— Да не два же рубля? Да стоитъ ли этого собака-то?.. А то вотъ что, если ужь на то пошло, то возьми ее себѣ... Что хочешь надъ ней дѣлай!

— Что ты, Богъ съ тобой, куда она мнѣ? отбивалась Анисья. Мнѣ деньги подай!

Михайло понялъ, что бабу не упросишь, и махнулъ рукой. Предсѣдатель, видя, что примиренье не состоялось, велѣлъ писать приговоръ...

— А какже мнѣ съ него получить? обратилась Анисья къ судьямъ,—получите!..

— Ты отдай ей, не канителься, сказалъ Михайлѣ предсѣдатель, а то худо будетъ.—Черезъ старосту стребуютъ.

— Ладно ужь, дома отдамъ, сейчасъ нѣту,—сказалъ Михайло и горько вздохнулъ...

Анисья поняла, что дѣлать больше нечего, и поѣхала домой.

IV.

Домой пріѣхала Анисья торжествующая; только она вошла въ избу, какъ, обратившись къ мужу, затораторила:

— Ну вотъ, ты еще думалъ, ничего не выйдетъ... Анъ и вышло: два цѣлковыхъ присудили...

— Получила?

— Нѣтъ, не получила, а завтра поѣду получать...

— Вотъ какъ-съ, проговорилъ Кондратій и замолчалъ.

— Вотъ получу деньги, куплю себѣ ситцу, новый сарафанъ справлю, да може еще Ванькѣ на рубашку выгадаю, загадывала Анисья.

Услыхали поволочинцы, чѣмъ дѣло кончилось, удивились; нѣкоторыя бабы даже позавидовали Анисьѣ.

— Ишь вѣдь счастье какое! собака укусила, и два цѣлковыхъ... Дѣла!

Анисья, видя это, еще больше торжествовала. На другой день она, истопивши печку, поѣхала получать деньги. Михайло не упирался; онъ отдалъ два цѣлковыхъ и только обругалъ ее вдогонку.

— Ишь дьяволы! таскаются тутъ, распустивши хвосты-то, а тамъ и плати имъ.

Анисья не обратила вниманія на эту ругань и, завернувши бумажки въ узелочекъ, живо поѣхала домой.

Пріѣхавъ домой, Анисья отпрягла лошадь, велѣла Кондратью отвезти сани къ хозяину, а сама пошла въ избу. Кондратій отвезъ сани, пришелъ домой, и только хотѣлъ начать уговаривать жену—полученныя деньги истратить вмѣсто сарафана на сани, какъ въ избу вошелъ дядя Андрей.

— А я не спросилъ тебя, когда ты мнѣ дровни-то подвезъ: — Что̀ получили деньги?

— Получили.

— Неужели правда?

— Правда, два рубля...

— Значитъ не задаромъ мои сани ѣздили?

— Нѣтъ.

— Ну такъ угощеніе съ васъ?

— За что̀?

— Да вотъ за то, что сани мои брали, вѣдь три дня ѣздили.

— Да что имъ сдѣлалось-то, дядя Андрей? сказала Анисья.

— Мало что, а тебѣ что сдѣлалось? А вотъ два цѣлковыхъ заплатили.

— Мнѣ-то присудили.

— Ишь ты какой жадный, дядя Андрей! не вытерпѣвъ, проговорилъ Кондратій,—какъ тебя на чужое добро зависть-то мучитъ!

— Онъ съ роду такой сковолыжникъ! сказала Анисья.

— Кто, я скволыжникъ? Ахъ ты шлюха, смѣешь ты мнѣ эти слова говорить!

— Постой, ты не ругайся, ощетинившись крикнулъ Кондратій,—я въ своемъ домѣ не дамъ...

— Велика ты фря въ своемъ домѣ,—побирушка!

— А ты чужеспинникъ: сноху работой замаялъ, а самъ на печкѣ лежишь, крикнула Анисья.

— Врешь, стерва! закричалъ Андрей и подступилъ къ Анисьѣ. Это ты на мужѣ верхомъ ѣздишь, да за носъ, какъ дурака, водишь!

Кондратій взялъ за плеча Андрея и вытолкнулъ его изъ избы. Андрей остановился въ сѣняхъ и хотѣлъ было упереться, но Кондратій вытолкалъ его и изъ калитки.

— А, ты такъ-то разбойникъ? Постой! Я съ тобой расправлюсь; вы думаете для васъ однихъ судъ-то устроенъ? Нѣтъ! И мы найдемъ дорогу, грозилъ Андрей.

— Ищи, дьяволъ тебя задери! крикнулъ ему въ-горячахъ Кондратій.

Дѣйствительно на другой день, староста привезъ Кондратію повѣстку, которой его вызывали черезъ двѣ недѣли на судъ, въ качествѣ обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ Андрея Бакулина. Получивъ повѣстку, онъ почувствовалъ, какъ сердце его заныло, и ему стало очень нехорошо.

„Вотъ такъ попался, подумалъ онъ, теперь бѣда: за то, что собака укусила, на два рубля осудили, а мнѣ, значитъ, и не такъ еще нагоритъ.“

Когда староста ушелъ, Кондратій со злобой накинулся на жену:

— Вотъ, стерва, указала дорогу на свою голову: не заводила бы тогда канители, може ничего бы и не было, а то вотъ!..

И онъ ткнулъ ей подъ носъ повѣсткой и отвернулся. Анисья хотѣла заплакать, но понявъ, что она дѣйствительно во всемъ виновата, только сморщилась и низко опустила голову.

Сергѣй Семеновъ.

НАШИ ИДЕАЛЫ.

(Разговоръ на палубѣ.)

Mystérieuse Russie...
Ed. Drumont. *La fin d'un monde.*

Это было въ Черномъ Морѣ. Была темная ночь. На пароходѣ все уже спало. Только я да еще два пассажира оставались на палубѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ выяснилось потомъ изъ ихъ разговора, былъ Русскій; онъ говорилъ все по-русски, изрѣдка лишь вставляя въ свою рѣчь французскія фразы, для вящаго вразумленія своего собесѣдника; другой былъ иностранецъ. Онъ, очевидно, совершенно хорошо понималъ русскую рѣчь, но говорить по-русски затруднялся и всѣ свои возраженія дѣлалъ на не совсѣмъ чистомъ французскомъ языкѣ. Къ какой націи онъ принадлежалъ, опредѣлить было довольно трудно. Видно только было, по смыслу разговора, что онъ европеецъ. Мнѣ, впрочемъ, сначала до этихъ господъ и до ихъ національности никакого дѣла не было: я первый разъ въ жизни видѣлъ, какъ свѣтится ночью море и, стоя у борта, не могъ отвести глазъ отъ этой фосфорной пѣны, къ которой присоединялись еще дельфины, шнырявшіе около насъ и оставлявшіе въ чернилѣ воды серебристый хвостатый слѣдъ, который то сливался съ свѣтящеюся пѣной волнъ, образуемыхъ движеніемъ нашего парохода, то отдѣлялся отъ нея и исчезалъ во мракѣ. Я сталъ прислушиваться къ разговору моихъ спутниковъ, когда услыхалъ, что они толкуютъ объ идеалахъ. Въ нашъ наживной, практическій вѣкъ, въ глухую ночь, на коммерческомъ суднѣ разговоръ объ идеалахъ! Что̀ за

аномалія! Всѣ говорятъ, что живемъ мы въ настоящее время безъ идеаловъ. Вдругъ собесѣдники остановились въ двухъ шагахъ отъ меня, и одинъ изъ нихъ, иностранецъ, воскликнулъ на французскомъ языкѣ, съ нѣкоторою ироніей:

— Да покажите же мнѣ, ради Господа Бога, ваши идеалы!

— Наши идеалы? О, они вамъ понравятся! отвѣчалъ, не безъ комическаго оттѣнка, мой соотечественникъ.—Вы полюбите наши идеалы, несмотря на то, что они покуда всѣ крайне чумазые. Ихъ вѣдь до сихъ поръ не пускаютъ еще ни въ одно порядочное общество. Ваши идеалы снабжены всѣ академическими дипломами; наши, всѣ до единаго, безпаспортные. Ваши засѣдаютъ въ парламентахъ; наши—слоняются по конюшнямъ, живутъ въ курныхъ избахъ, трескаютъ квасъ съ лукомъ и у всѣхъ на глазахъ, не стѣсняясь, почесываютъ себя въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ ваши идеалы даже келейно не разговариваютъ.

— Ужасно интересно посмотрѣть ваши идеалы и посравнить ихъ съ нашими.

— Да вотъ, первый вашъ идеалъ, на которомъ все у васъ зиждется: *борьба*.

— Что же вы можете противопоставить этому идеалу? Это идеалъ всей природы: трава въ полѣ, и та ведетъ борьбу за существованіе.

— Очень радъ, что вы не отрицаете этого своего идеала. И у насъ тоже идетъ борьба за существованіе, только это у насъ не идеалъ. Вашъ идеалъ — борьба другъ съ другомъ, а нашъ идеалъ—борьба съ самимъ собою. Этой борьбы не ведетъ трава въ полѣ. Вашъ идеалъ—одолѣть другаго, а нашъ идеалъ—одолѣть самого себя. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ нашемъ идеалѣ дошли уже до васъ, и возбуждаютъ не малое ваше удивленіе. Дрюмонъ въ своей книжкѣ *La fin d'un monde* разсказываетъ, почти ручаясь за достовѣрность своего разсказа, что въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ, кажется, въ одномъ изъ залъ Большой Оперы, какой-то русскій графъ, осмотрѣвшись кругомъ и увидѣвъ массу Жидовъ, объявилъ, что если любой изъ нихъ дастъ ему пощечину, то онъ не потребуетъ за это удовлетворенія. Нашелся Жидъ, который рискнулъ мазнуть его рукой по лицу. Графъ опустилъ голову и молча перенесъ оскорбленіе. „По всей вѣроятности,“ объясняетъ Французъ, „ему хотѣлось этимъ униженіемъ искупить какой-нибудь грѣхъ, никѣмъ невѣдомый, но который тяготилъ его совѣсть.“

Этотъ разсказъ мнѣ кажется весьма страннымъ и мало вѣроятнымъ; но онъ показываетъ, что у васъ начали ужъ слагаться легенды объ удовлетвореніи, которое мы находимъ въ побѣдахъ надъ самимъ собою—Les âmes de Slaves ont parfois de ces besoins de s'humilier, de se dompter elles-mêms, замѣчаетъ Дрюмонъ. [1]

— Предъ этимъ идеаломъ преклоняюсь.

— И предъ другими тоже преклонитесь. Вашъ идеалъ — *богатство*, вашъ идеалъ —братья Ротшильды: у всѣхъ у васъ устремлены на нихъ и ненавидящія и завидующія имъ очи. Мы тоже стремимся къ наживѣ, но только это у насъ не идеалъ. Нашъ идеалъ:

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Вашъ богачъ—человѣкъ спокойный, степенный, даже почти всегда добрый и благотворительный; онъ утопаетъ въ чувствѣ собственнаго достоинства; онъ живой—въ раю. Нашъ богатый мужикъ—весь въ аду со своими капиталами; его рубли жгутъ ему руки. Онъ коститъ съ утра до ночи живаго и мертваго. Онъ знаетъ, что онъ ни для кого не диковинка, что онъ для всѣхъ *міроѣдъ*, *кулакъ*, *кровопійца;* онъ и самъ, въ глубинѣ души, считаетъ себя христопродавцемъ; онъ ежеминутно самъ предъ собою оправдывается и самъ не вѣритъ себѣ, и злобится за то на весь міръ. Онъ стоитъ на молитвѣ и не знаетъ, имѣетъ ли онъ право обращаться съ молитвой ко Господу, потому что знаетъ, чего требуютъ отъ него его идеалы. Онъ не знаетъ, чѣмъ откупиться отъ Господа: золотитъ купола, строитъ церкви, часовни, а въ промежуткахъ самодурствуетъ, чтобы заглушить душевное свое безпокойство; онъ унижаетъ предъ собою другихъ, чтобы вымѣстить на комъ-нибудь всѣ ужасы своего положенія. Вотъ откуда они у насъ идутъ, эти самодуры. У васъ ничего подобнаго и быть не можетъ.

По этому типу создалась у насъ смѣхотворная фраза: „Нраву моему не препятствуй", совершенно невозможная въ вашихъ комедіяхъ. Да никакому вашему юмористу и въ голову не пришли

---

[1] Души Славянъ ощущаютъ по временамъ надобность въ униженіи, въ одолѣніи самихъ себя.

бы тѣ самодурства, къ которымъ располагаетъ нашихъ толстопузыхъ купцовъ ихъ постоянное безпокойство, ихъ вѣчное сознаніе своего окаянства, своего христоотступничества:—„одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду!“ Преклоняетесь вы предъ этимъ идеаломъ?

— Преклоняюсь, отвѣчалъ, съ нѣкоторою запинкой, европеецъ.

— У васъ главное дѣло—*большинство.* Ваши короли держатся большинства; это ваше общественное мнѣніе. Всѣ дѣла большинство рѣшаетъ, зачастую обманное, подтасованное. Сами правительства ваши пускаются во всѣ тяжкія, чтобы раздобыть себѣ большинство. Самый величайшій геній вашей политики былъ человѣкъ, умѣвшій путемъ всякихъ обмановъ и сдѣлокъ подтасовывать себѣ большинство. А вѣдь и настоящее-то большинство весьма рѣдко бываетъ право. Скорѣе на сторонѣ самаго незначительнаго меньшинства можетъ оказаться зарождающееся пониманіе истины. Но для васъ истина въ силѣ, а не сила въ истинѣ. Задавленное меньшинство пускается ужь въ вашихъ парламентахъ въ мордобитія. Ужасно многознаменательны эти ваши парламентскія побоища.

— Явленіе, конечно, прискорбное; но интересно знать, какія у васъ есть противъ этого средства.

— А вотъ, видите ли, у насъ до крестьянской реформы въ народѣ не было и понятія о большинствѣ. Изъ составленной сенаторомъ Семеновымъ книги „Освобожденіе крестьянъ“ видно, что когда въ Редакціонныхъ коммиссіяхъ зашла рѣчь о мірскихъ сходкахъ, онъ докладывалъ почтенному собранію, что нашъ народъ совершенно не понимаетъ *большинства*; что всѣ свои дѣла онъ иначе не рѣшаетъ, какъ единогласно: говорятъ, уступаютъ другъ другу, ищутъ непремѣнно общаго соглашенія; но ваши просвѣщенные идеалы восторжествовали, и было единогласно установлено, что дѣла на мірскихъ сходкахъ должны рѣшаться по большинству голосовъ. И чрезъ тридцать лѣтъ послѣ вступленія въ дѣйствіе этого закона, вотъ что́ происходитъ въ народѣ: мнѣ разсказывалъ это мировой судья изъ одного нашего захолустья, гдѣ—онъ же мнѣ говорилъ—медвѣди выходятъ изъ лѣсу на дорогу, какъ только заслышатъ звонъ проѣзжаго колокольчика, и ждутъ путника, зная, что имъ непремѣнно будетъ брошена краюха хлѣба: такіе патріархальные существуютъ тамъ еще нравы.—Прихожу, говоритъ,—разъ въ деревню и попадаю на мірской сходъ. О чемъ они толковали, не знаю; но только раздѣлились на двѣ

стороны: на одной человѣкъ тридцать, на другой шесть. Подхожу я къ большей шеренгѣ.—Что, говорю, ваше взяло!—А Богъ еще знаетъ!—Какъ Богъ знаетъ? Вишь васъ сколько!—И тамъ еще есть. — Да много ли ихъ? всего шестеро. — Что же неволить, что ли?—На вашей же сторонѣ законъ? Посмотрѣлъ на меня,—точно я ему говорю Богъ вѣсть несуразность какую, мнѣ даже стыдно стало.—Какъ же вы сдѣлаетесь?—А вотъ посмотримъ.

Въ это время на сторонѣ большинства,—вы замѣтьте, это не меньшинство стало изыскивать способы къ соглашенію, а большинство, которое по закону могло настоять на своемъ,—такъ на сторонѣ большинства раздались голоса: „Къ дѣду! къ дѣду!“ А меньшинство кочевряжилось:—Есть изъ-за чего дѣда тревожить! И такъ поладимъ.—Поднялся шумъ и, наконецъ, всѣ рѣшили *единогласно*—идти къ дѣду.

Пошли. И мировой съ ними. Онъ, видите ли, пять лѣтъ тутъ судилъ и рядилъ и, съ вашими очками на носу, не видалъ, какъ крестьяне свои дѣла рѣшаютъ.

Вотъ выходитъ изъ избы дѣдъ: сѣдой, какъ лунь, еле ноги передвигаетъ. Ужь много лѣтъ ни въ какія мірскія дѣла не вмѣшивается—Богу душу готовитъ. Кланяются ему низко и просятъ рѣшить, какъ ихъ дѣлу быть. Дѣдъ тоже поупрямился; наконецъ сталъ ихъ слушать. Какъ онъ рѣшилъ, съ большинствомъ, или съ меньшинствомъ, объ этомъ и помину потомъ не было. Всѣ были довольны, потому, что рѣшеніе идти къ дѣду было единогласное.

Вамъ непонятна любовь нашего народа къ Царю. Судя по своимъ идеаламъ, вы готовы въ ней даже рабскія чувства усматривать. Могу васъ увѣрить, что это Верховный нашъ Дѣдъ, приводящій наши всенародныя разногласія къ единогласію. И для насъ совсѣмъ нежелательно, чтобы онъ прислушивался въ чемъ-нибудь къ голосу большинства (даже настоящаго), намъ нужно, чтобы онъ прислушивался только къ голосу своей совѣсти, ибо мы ищемъ мира и правды, а не одолѣнія.

— Это поразительно! вставлено было восклицаніе по-французски.

— Хотите вы еще идеала *свободы?*

Былъ у насъ въ Перьми купецъ изъ крестьянъ — Адріанъ Пушкинъ. Почтеннѣйшій былъ человѣкъ, уважаемый цѣлымъ городомъ. Додумался онъ до какихъ-то религіозныхъ сомнѣній и сталъ объ этомъ писать и подавать записки въ разныя правительственныя учрежденія: оберъ-прокурору Синода, въ Коммиссію

прошеній; прямо въ Синодъ представлялъ свои рукописи. Всѣ свои воззрѣнія онъ исключительно проводилъ въ правительственныхъ сферахъ, въ обществѣ безпокойства не сѣялъ и держалъ все въ строгомъ секретѣ отъ общества. Разъ подалъ записку кому-то очень высокому, бывшему проѣздомъ въ Перьми; въ газетѣ, гдѣ я это все вычиталъ, [1] не сказано, кто это именно былъ. Но всѣ относились къ его запискамъ безъ особеннаго вниманія, и записки эти не имѣли никакихъ послѣдствій. Въ Петербургъ ѣздилъ, въ Синодѣ какую-то аллегорическую картину представлялъ своего сочиненія. Синодъ нашелъ, что аллегорія не соотвѣтствуетъ ученію Церкви и картину къ обнародованію не одобрилъ, но тѣмъ дѣло и кончилось. А между тѣмъ Пушкинъ всѣ свои дѣла оставилъ, все состоянін свое извелъ на свои розысканія и, истощивши всѣ средства, обратился, наконецъ, къ Пермскому городскому обществу съ просьбой ссудить его нѣкоторой суммой для веденія одного важнаго дѣла, извѣстнаго только правительству и составляющаго секретъ, который онъ не можетъ сообщить обществу. Многіе изъ горожанъ оказали ему посильную помощь; но вступилъ въ управленіе новый городской голова и захотѣлъ непремѣнно знать, въ чемъ состоитъ это секретное дѣло, на веденіе котораго даетъ деньги городское общество. Пушкинъ подалъ ему объясненіе. И вотъ-съ тогда пошло это дѣло дальше, и препроводили раба Божьяго въ Соловецкій монастырь на увѣщаніе. Когда привезли его въ Архангельскъ, видѣлъ тамъ его губернаторъ. Жаль ему стало; обѣщалъ Пушкину всякое содѣйствіе къ его освобожденію, если только онъ оставитъ свою идею.—Не могу, говоритъ,—я буду боленъ.—И отправился на Соловки. Это было въ 1866 году. Черезъ четырнадцать лѣтъ видѣлъ его тамъ тотъ путешественникъ, изъ разсказа котораго я знаю о Пушкинѣ. Сидѣлъ онъ гдѣ-то въ башнѣ, въ потемкахъ. Монахи сначала пускались съ нимъ въ словопренія, но убѣдились, что его сломить невозможно, и все ихъ увѣщаніе свелось наконецъ къ одному: „Поклонись ты нашимъ угодникамъ и ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны".—Не могу.

А у него въ Перьми жена, дѣти остались, дѣти, о которыхъ онъ не могъ безъ слезъ вспомнить — семь человѣкъ. Старшіе ужь учились въ гимназіи, когда его отъ нихъ увезли. Жить

[1] *Голосъ*, августъ 1880 г. № 234.

было нечѣмъ: мать ихъ взяла изъ гимназіи и отдала въ услуженіе. Онъ самъ все это разсказывалъ, едва сдерживая слезы, на тюремномъ дворѣ, тому путешественнику, который сообщилъ о немъ всѣ эти свѣдѣнія.

„И все это говорилось“, замѣчаетъ путешественникъ, „безъ малѣйшихъ признаковъ озлобленія или негодованія.“ Ни одной жалобы, ни одного обвиненія или упрека кому бы то ни было! Пушкинъ считалъ, что виновато одно только время: „Время должно оправдать меня... И оно оправдаетъ, я вѣрю въ это... если же я заблуждаюсь, если все это только кажется мнѣ истиной, то пусть соловецкая тюрьма будетъ моею могилой!..“

Разговоръ еще продолжался, и Пушкинъ весь еще былъ растроганъ своими воспоминаніями о женѣ, о дѣтяхъ, когда подошли два солдата, и одинъ изъ нихъ, остановившись передъ Пушкинымъ, *почтительно* промолвилъ: „Пора, время ужъ“...— Что̀ такое? спросилъ путешественникъ.—„Въ тюрьму пора“, объяснилъ Пушкинъ.

„Я посмотрѣлъ на него и удивился, говоритъ разсказчикъ: передо мною снова стоялъ загадочный человѣкъ, съ гордымъ, увѣреннымъ видомъ, для котораго, казалось, не существуетъ ни житейскихъ привязанностей, ни симпатій“.

Вотъ она, батюшка, наша свобода! свобода духа, которой не могутъ у насъ отнять никакія заточенія, но которой, зато, никто и дать намъ не можетъ. Если ея нѣтъ въ душѣ, то ея не добыть никакими революціями.

Хотите вы теперь другаго Пушкина—вы, можетъ-быть, что-нибудь слыхали о немъ: нашъ знаменитый поэтъ Пушкинъ Александръ Сергѣевичъ? Вѣдь онъ, за какіе-то дурацкіе стихи, внушенные ему всѣмъ нашимъ европейскимъ воспитаніемъ, начиняющимъ насъ вашими идеалами, попалъ въ ссылку чуть не прямо со школьной скамейки. Намъ въ школахъ внушается самое беззавѣтное преклоненіе передъ вашими идеалами; но если кто изъ насъ по своему простодушію приметъ слишкомъ въ серьезъ эти школьныя внушенія и вынесетъ ихъ за стѣны школы, его сейчасъ подъ надзоръ полиціи. Увѣряю васъ, это кажется непослѣдовательнымъ только потому, что нечеловѣчески цѣлесообразно: своей науки у насъ не имѣется, свои идеалы остаются несознанными, а учиться надо; вотъ мы и учимся по вашимъ учебникамъ; но въ жизни,—это уже дѣло другое; тутъ другія силы начинаютъ дѣйствовать. И слава Богу, что у насъ есть

такая сильная власть, которая не боится принимать на себя отвѣтственность за такую кажущуюся непослѣдовательность. Да я вамъ вотъ что̀ скажу: самъ Пушкинъ, пробывшій шесть лѣтъ молодой своей жизни въ изгнаніи за академическую любовь свою къ вашей свободѣ, все рвавшійся къ вамъ за границу, и восклицавшій: „Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи!“ „Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ!“ посмотрите, какъ самъ этотъ Пушкинъ вскипѣлъ, когда появилось письмо Чаадаева: „Клянусь честью, пишетъ онъ ему, что ни за что̀ на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какую намъ Богъ послалъ“. И онъ мнѣ ни въ чемъ такъ не симпатиченъ, какъ въ этой своей непослѣдовательности. Въ то время мы всѣ ослѣплены были блескомъ вашихъ идеаловъ, и, конечно, только лучшіе изъ насъ чувствовали надъ собою руку Божію, отводившую насъ отъ этого блеска, который былъ для насъ помраченіемъ.

— А что̀ это такое: письмо Чаадаева?

— Виноватъ: я и забылъ, что вы не знаете; это трогательный и горестный, полный слезливаго отчаянія плачъ ребенка о томъ, что онъ еще не большой и не можетъ дѣлать того, что̀ дѣлаютъ взрослые. Онъ самъ говоритъ это: „Solitaires dans le monde, nous n'avons rien donné au monde, nous n'avons rien appris au monde... si nous avons quelques-unes des vertus des peuples jeunes et peu avancés dans la civilisation, nous n'en avons aucune de celles des peuples mûrs et jouissants d'une haute culture. L'enseignement que nous sommes destinés à donner ne sera pas perdu assurément; mais qui sait le jour où nous nous retrouverons au milieu de l'humanité, et que de misères nous éprouverons avant que nos destinées s'accomplissent? [1] Вотъ вамъ все содержаніе письма; остальное, на тридцати слишкомъ страницахъ, — иллюстраціи, и я вамъ скажу, очень талантливыя: непонята суть, а внѣшнее все очень правдиво, какъ и тѣ строчки, которыя я вамъ передалъ.

[1] Одинокіе въ мірѣ, мы ничего міру не дали, ничему міръ не научили. Если есть у насъ кое-какія добродѣтели, свойственныя молодымъ народамъ, мало подвинувшимся въ цивилизаціи, то нѣтъ ни единой, свойственной народамъ зрѣлымъ, пользующимся высокой культурой. Идея, которую суждено намъ внести въ міръ, конечно, не пропадетъ; но кто знаетъ, когда мы займемъ свое мѣсто посреди человѣчества, и какія придется перенести намъ злополучія, прежде чѣмъ исполнится наше предназначеніе?

— Отчего это написано по-французски?

— Оттого, что Чаадаевъ принадлежалъ къ хорошему обществу. На моемъ вѣку въ порядочныхъ обществахъ стыдились еще говорить по-русски. И отвѣтъ Пушкина по-французски написанъ!—Но вернемтесь къ изгнанію Пушкина. Вопервыхъ, посмотрите, какъ онъ переноситъ изгнаніе: онъ пишетъ одному пріятелю изъ своей деревни, въ которой его продержали два года: „Ты вбилъ ему (кому-то) въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя, меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ". Ни одного письма, въ которомъ бы выражалась хотя тѣнь серьезнаго, установившагося озлобленія. Восклицанія, въ родѣ тѣхъ, что̀ я приводилъ, выражаютъ только минутное настроеніе и не подсказываютъ никакихъ серьезныхъ рѣшеній. Гоненія Пушкинъ переносилъ всѣ въ царствованіе Императора Александра (тоже преклонявшагося передъ европейскими идеалами); но когда въ письмѣ Чаадаева Пушкинъ прочелъ укоризну, что у Россіи нѣтъ даже своей исторіи, онъ вознегодовалъ: „А Петръ? А Екатерина? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ?"—Мы такъ свободны, что можемъ отдавать справедливость даже тѣмъ, отъ кого переносимъ гоненія!

Постойте, а Достоевскій? Этотъ человѣкъ, вышедшій европейскимъ революціонеромъ изъ корпуса, вернулся защитникомъ русскихъ идеаловъ изъ каторги, хотя онъ далеко не уяснилъ ихъ себѣ, а только ихъ смутно почувствовалъ, насмотрѣвшись на нашихъ каторжниковъ и замѣтивши, что многое изъ того, что̀ Европа начинаетъ добывать въ ретортахъ, у насъ въ чистѣйшемъ видѣ валяется въ навозныхъ ямахъ, по улицамъ, какъ нѣчто никому не нужное, ничего не стоющее и ни для кого не интересное. И я зналъ лично Достоевскаго: не было ни одной минуты, въ которую онъ бы пожалѣлъ, что былъ въ каторгѣ (4 года каторги и 6 лѣтъ солдатчины). То, что̀ онъ тамъ пріобрѣлъ, было для него гораздо дороже, чѣмъ то, что̀ онъ здѣсь въ это время утратилъ. Но эти наши, никѣмъ не оцѣненныя еще свойства, открытыя Достоевскимъ въ „Мертвомъ Домѣ", встрѣчаются не только въ грязи невѣжества, они попадаются и въ высокихъ хоромахъ.

Я зналъ одно очень вліятельное, интересовавшее всю Европу историческое лицо. Въ дѣтствѣ въ немъ видѣли всѣ какую-то особенную строптивость. Я думаю, что это была только прямота души, ибо это свойство сохранилось въ немъ до послѣднихъ

дней его жизни. Но тѣмъ не менѣе принимались всѣ мѣры къ подавленію въ немъ этой строптивости. „Обезпокоило батюшку, разсказывалъ онъ мнѣ самъ, что я хожу все понуривши голову. А какъ мнѣ было не повѣсить головы (прибавилъ онъ тутъ же съ добродушною ироніей), когда я не могъ даже задуматься надъ урокомъ безъ того, чтобы это не было записано гувернеромъ, не спускавшимъ съ меня глазъ, сколько я времени думалъ, съ тѣмъ, чтобы все потраченное на это время, вмѣстѣ съ другими его растратами—очинкой, напримѣръ, карандаша, было отработано мною въ воскресенье. Посмотрѣли бы, какъ я бѣсновался, когда я оставался одинъ! Мнѣ предоставлялось каждый день пробыть часъ одному, и тогда я уходилъ въ большой залъ,—и что тамъ было! Про меня такъ и говорили: „Его—ство бѣснуется". Я представлялъ всегда послѣдній видѣнный мною балетъ. Я изображалъ самъ и оркестръ, и Тальони и кордебалетъ, даже декораціи (когда онѣ передвигались) и публику. Потъ съ меня лилъ градомъ, когда кончалось представленіе. Между дѣйствіями я самъ себѣ апплодировалъ.

И вотъ былъ созванъ цѣлый медицинскій совѣтъ для рѣшенія вопроса: почему я хожу съ понурою головою? Рѣшили, что у меня ослабленіе затылочныхъ мышцъ, и что нужно ихъ укрѣпить, а для этого нужно задать имъ работу.

Тогда на учебномъ моемъ столѣ, противъ моей головы, были устроены маленькія воротца съ блокомъ подъ верхнею перекладиной: въ этотъ блокъ пропущенъ былъ шнуръ, къ которому съ противоположной отъ меня стороны, привязана была гиря, а мнѣ, когда я садился учиться, надѣвался на голову кожаный кушакъ съ колечкомъ на самомъ лбу, и къ этому кольцу привязывался другой конецъ шнура, такъ чтобы голову мнѣ постоянно тянуло впередъ, и чтобы я долженъ былъ постоянно напрягать затылочныя мышцы для того, чтобы держать голову прямо. Я, конечно, скоро догадался—и какъ мнѣ эту гирю привяжутъ, такъ упрусь подбородкомъ въ грудь и не безпокою своего затылка излишней работою. Возились со мною, возились, чтобы я не опускалъ головы,—наконецъ, въ виду моего упорства, придумано было средство: плотно вокругъ шеи стали надѣвать на меня кожаный отложной воротникъ, весь утыканный иглами. Ну, тогда я, конечно, пересталъ уже опускать за ученьемъ голову.

— Кто же, спросилъ я, изобрѣталъ для васъ эти мученія? И кто наблюдалъ за исполненіемъ всего этого?

Онъ назвалъ мнѣ имена все знакомыхъ мнѣ лицъ, которыя пользовались глубокимъ его уваженіемъ и неизмѣнно оставались при немъ, въ качествѣ людей самыхъ для него дорогихъ, самыхъ близкихъ.

— Но вы ихъ всѣхъ любите! воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— А еще бы! воскликнулъ съ бо̀льшимъ еще удивленіемъ онъ, устремивши на меня широко-раскрытые глаза и покачавъ головой съ дружеской укоризной. „Все это дѣлалось, мой милѣйшій, изъ желанія мнѣ добра; а средства... средства всегда подсказываются человѣку не сердцемъ, а временемъ."

Вы замѣчаете: мѣщанинъ Пушкинъ въ тюрьмѣ признавалъ отвѣтчикомъ за свои страданія время; этотъ, на высотѣ своего положенія, въ своихъ палатахъ, объяснялъ все для него непріятное также временемъ. Вы не завидуете этой свободѣ души отъ власти разныхъ жизненныхъ засореній, свободѣ, безъ которой нельзя узрѣть Бога, этой нашей русской свободѣ?

Европеецъ безмолствовалъ, очевидно не будучи въ состояніи такъ скоро освоиться съ этимъ, совершенно для него новымъ видомъ свободы.

— Но позвольте, спохватился онъ вдругъ: - почему же васъ удивило все это? вѣдь вы и сами должны быть пропитаны этимъ духомъ.

— Ахъ, Боже мой! мое удивленіе соотвѣтствовало тому минутному настроенію, въ какомъ я былъ, услышавъ разсказъ объ этихъ иголкахъ. Притомъ же вѣдь мы отпускаемъ безропотно только свои страданія, а за другихъ мы тоже возмущаемся.

Но это не есть еще самый высокій идеалъ нашей свободы. Это только одно изъ повседневныхъ его проявленій. Высочайшій идеалъ, это—охраненіе нашего ока ото всего, что можетъ стѣснить свободное проникновеніе въ него свѣта Божьяго, свободу самаго главнаго отправленія человѣческой души—разумѣнія. „Никакая атеистическая книга,—говоритъ одинъ нашъ писатель, изъ самыхъ новыхъ, [1] — не оторветъ столько душъ отъ Господа Бога, сколько оторветъ ихъ самая маленькая вѣтвь желѣзной дороги". Не туда сейчасъ мысли направятся: только и станешь думать, какъ бы извлечь изъ этой вѣтви какую-нибудь для себя

[1] В. В. Розановъ.

выгоду; и на Божій міръ смотрѣть не захочешь и въ самого себя заглянуть будетъ некогда. У васъ съ этой точки зрѣнія никогда никто не взглянулъ на желѣзную дорогу. Вашей свободѣ она на прибыль, а нашей — въ ущербъ. Конечно, теперь отъ нея уже не отдѣлаешься; но дѣло отъ этого не измѣняется. Вотъ, отчего мы иногда такъ туго принимаемъ ваши усовершенствованія. Мы ищемъ *свободу отъ грѣха*, а вы намъ *свободу грѣха* предлагаете. Всякое внѣшнее благо, всякое обладаніе имъ или стремленіе къ нему лишаетъ человѣка свободы разумѣнія. Мысль его сейчасъ приковывается, какъ къ каторжной тачкѣ, къ этому благу: какъ его достичь, какъ его удержать, какъ его увеличить. И вотъ нашъ народъ весьма равнодушенъ къ матеріальному своему благосостоянію и къ той свободѣ, которая нужна для его достиженія. „Пусти душу въ адъ, будешь богатъ", говоритъ его пословица. „Богатство полюбится, и умъ разступится", „Богатому сладко ѣстся, да плохо спится". И къ мірскимъ почестямъ нашъ народъ весьма равнодушенъ, и къ власти у него нѣтъ стремленія.

Вотъ еще вашъ идеалъ—*власть*. Всѣ вы ужасно властолюбивы; всѣмъ вамъ такъ и хочется, какъ медку лизнуть, власти; оттого вы ее такъ трудно и переносите. Такъ у васъ и тянутся къ ней всякія прокаженныя руки, такъ вы другъ другу себя и рекомендуете всѣ въ правители. А нашъ народъ знаетъ, что никакая власть на всѣхъ угодить не можетъ, что всякая власть закрѣпощаетъ душу человѣка тому дѣлу, къ которому она приставлена; что у всякой власти есть неопрятныя, противныя душѣ человѣческой обязанности, и потому онъ отъ всякой власти сторонится и на всякую власть, кромѣ Царя, смотритъ съ нѣкоторымъ даже высокомѣріемъ, весьма ярко выражающимся въ его поговоркѣ: „Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ".—Царь, это другое дѣло: Царь—власть наслѣдственная, невольная, и народъ передъ ней преклоняется, какъ передъ подвижничествомъ. Приходило ли вамъ это когда-нибудь въ голову, когда вы читали клеветы, распространяемыя на насъ въ вашихъ журналахъ?

Я самъ одинъ разъ попалъ на мірскую сходку. Сходки-то я самой не видѣлъ, а видѣлъ, какъ мужики, нехотя, на нее собирались.—Что у васъ тутъ? спрашиваю одного.—Сходка, отвѣчаетъ съ неудовольствіемъ.—Объ чемъ?—Старосту выбирать. (Въ голосѣ слышно, что самое пустое это *по евоному* дѣло).—Кого же вы выбираете?—А ужь хорошаго, батюшка, человѣка, конечно,

не выберемъ.—Какъ такъ? удивился я: я вѣдь тоже, какъ видите, европеецъ—у меня и дипломъ тоже есть, а тотъ мнѣ: „Что ему ноги мозолить, по становымъ шатаясь, да душу трудить, передъ всѣми отвѣтъ держа, да изъ голаго недоимки вытягивая!—Да вѣдь худой-то человѣкъ васъ же тѣснить будетъ. — Отчего тѣснить, какъ ему тѣснить? На него и управу найдемъ. — А у старосты-то, зачастую, хранятся общественныя деньги; да едва ли и часты примѣры, чтобы староста, подъ конецъ, этихъ денегъ не растратилъ. Такъ вотъ-съ оно гдѣ, уваженіе къ личности-то. А вы думаете, что у васъ личность уважается! У васъ капиталы уважаются, а не личность. Личность у васъ только машина, создающая капиталы — capital-making machine. Съ этой стороны она у васъ неприкосновенна. Оттого у васъ капиталистъ чувствуетъ себя совершившимъ все земное, и вполнѣ благодушествуетъ. — Уваженіе къ личности!—Не въ Фребелевскихъ ли садахъ уваженіе къ личности? На первомъ шагу — счетъ. Надъ головою ребенка небо со звѣздами, вокругъ него лѣса, рѣки, птицы небесныя. Богъ милліардами голосовъ призываетъ его къ участію въ своемъ бытіи, а Нѣмецъ отводитъ ото всего этого дитя и формируетъ его мысль цвѣтными шариками! И просвѣщенная Германія въ восторгѣ отъ глубины своего ума и своей изобрѣтательности! Да можно ли обнаружить большее недовѣріе и пренебреженіе къ человѣческой личности? Только гориллу для цирка можно такъ приготавливать. Не въ германской ли дисциплинѣ уваженіе къ личности? Не во французскихъ-ли способахъ удовлетвореніе похоти? Не въ обращеніи ли Англичанъ съ Индѣйцами и Китайцами? да даже со своею собственною прислугою? У насъ, вы видѣли, какъ даже съ медвѣдями—Божьею тварью—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращаются.—Приглашенная въ семейство графа Л. Н. Толстаго, къ дѣтямъ, Француженка не могла на первыхъ порахъ надивиться, какъ *милостиво* разговариваетъ графиня съ приходящими къ ней крестьянами. Я думаю, она скоро перестала понимать, какъ это могло бы быть иначе.

Я слышалъ, какъ одинъ высокорожденный и очень высокопоставленный господинъ, пріѣзжая къ одной уважаемой имъ особѣ въ день ея рожденія, совершенно серьезно передавалъ ей поздравленіе отъ своего кучера. Осмѣлится обратиться къ какому-нибудь англійскому лорду, да зачѣмъ тутъ лордъ—къ любому вашему биржевику, его кучеръ съ такимъ порученіемъ? У меня есть съ собою здѣсь вырѣзка изъ газеты, какъ вся наша Цар-

ская Семья провожала на кладбище тѣло своей няни: Государь и Великіе Князья шли за гробомъ пѣшкомъ, Государыня ѣхала въ каретѣ. [1] Вы ничего этого даже въ толкъ взять не можете. Васъ смущаютъ все наши строгіе законы относительно охраненія нашей цѣлости?—Такъ еще бы, когда духовный нашъ цементъ остается до настоящаго времени непонятнымъ, и когда вы смущаете насъ всякими своими дьявольскими соблазнами! Вѣдь вы и мы—два разные міра. У васъ одинъ вашъ губернаторъ заставитъ цѣлую чуждую провинцію выучиться говорить на его языкѣ, а у насъ тысячи Русскихъ по-якутски научатся, чтобы не затруднять тѣхъ дикарей, съ которыми имъ объясняться приходится. Вотъ мы съ вами и не понимаемъ другъ друга. Я былъ свидѣтелемъ одной уличной сцены. Безчинствовалъ пьяный артельщикъ. Подошелъ къ нему городовой съ приглашеніемъ проходить; онъ съ нимъ драку началъ. Насилу, съ помощью пяти дворниковъ, удалось препроводить его, наконецъ, въ участокъ. Собравшаяся толпа негодовала на городоваго за грубое обращеніе съ буяномъ. А вѣдь грубость состояла только въ томъ, что ему закручивали за спину руки, которыми онъ наровилъ всѣмъ носы разбить. Я далъ городовому свою карточку на случай, еслибы ему понадобился свидѣтель. Чрезъ нѣсколько дней я навелъ справку, чѣмъ это дѣло кончилось.—Продержали сутки въ участкѣ и отпустили съ Богомъ на волю.

— Но вѣдь онъ же городоваго ударилъ!—Оправдываются:— „Человѣкъ онъ хорошій, и мѣсто у него хорошее. Грѣхъ случился—подпилъ. Выспался, опять человѣкомъ сталъ, такимъ-же какъ прежде былъ. А посади его въ тюрьму на три мѣсяца, Богъ еще знаетъ, какимъ онъ оттуда выйдетъ!"—По числу оправдательныхъ у насъ приговоровъ, Нѣмцы вывели разсчетъ, по которому общественная совѣсть въ Россіи въ пятьдесятъ разъ слабѣе, чѣмъ въ Германіи. По моему, общественная совѣсть въ Россіи въ пятьдесятъ разъ строже къ самой себѣ, чѣмъ въ Германіи. Русь—цѣлый особый міръ, а не государство. Да вы знаете, что значитъ слово Русь? Мы сами этого еще не знаемъ,—по крайней мѣрѣ наши академіи: въ академическомъ словарѣ этого нѣтъ, хотя у Даля есть, въ толковомъ его словарѣ: „Русь—міръ, бѣлъсвѣтъ, свобода, просторъ". Сидитъ ямщикъ на облучкѣ, одна нога въ саняхъ, а другая *на руси*. Это значитъ, на свободѣ.

[1] *Правительственный Вѣстникъ*, 5 марта 1891 г. № 50.

Домъ-то у него стоитъ *на руси*. Это значитъ на открытомъ мѣстѣ, свободномъ со всѣхъ сторонъ. Мы до того любимъ свободу, что даже всѣ писанные договоры ненавидимъ. У васъ все писанное; вы и съ чертями письменныя заключали условія,—такъ сильно вы довѣряете ограниченной формѣ и такъ мало придаете значенія не имѣющей границъ сущности. Обыкновенно вы же насъ упрекаете въ формалистикѣ; но у насъ она такъ каррикатурна именно потому, что она намъ не свойственна: мы ее отъ васъ позаимствовали. А по нашему народному пониманію, всякій писанный договоръ—чертова грамота, закрѣпощенье души. Вотъ теперь Французамъ съ нами все грамотку сладить хочется. А зачѣмъ? Дѣло само за себя стоитъ. И если имъ только на какомъ-нибудь оплошномъ словѣ поймать не хочется, такъ никакого договора не нужно. А захотятъ насъ обойти, такъ кому они на насъ пойдутъ жаловаться, если мы заупрямимся? Ничего кромѣ ссоръ ни изъ какихъ договоровъ не выходитъ, а мы любимъ миръ и согласіе.

Но я вамъ теперь покажу нашъ идеалъ религіозный, который царитъ надо всѣми нашими идеалами, и изъ котораго вытекаютъ наши всѣ остальные идеалы.

Вы любите намъ тыкать въ глаза, что ваша церковь создала готическую архитектуру,— все у васъ внѣшнее!—И это приводитъ въ крайнее смущеніе выкроенную въ нашихъ школахъ по вашему образцу нашу интеллигенцію: одна ея часть старается увѣрить себя, что нашъ Василій Блаженный ничѣмъ не уступитъ вашимъ разнымъ мюнстерскимъ аббатствамъ; а другая, въ угоду вамъ, изощряется въ собственноустномъ плеваніи себѣ въ бороду. А наша конюшня говоритъ: „Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ,“ то-есть не въ готическихъ храмахъ, а въ человѣческомъ сердцѣ. Но я вамъ сказалъ, что наши чумазые идеалы, покуда, въ своемъ собственномъ отечествѣ, ни въ какія порядочныя мѣста еще не впускаются, и потому голосъ нашей конюшни никакого впечатлѣнія не производитъ. А въ нашихъ хлѣвахъ и конюшняхъ живетъ твердое и глубокое убѣжденіе, что *человѣкъ родится не для себя*. Вы не подумайте, что это фраза моего сочиненія; это у насъ такая въ народѣ пословица: *человѣкъ не для себя родится*. Вы, можетъ-быть, думаете, что этимъ хотятъ сказать, что человѣкъ родится на пользу своему ближнему; и это вамъ кажется весьма высокимъ. Но вы слишкомъ низко берете, если вы такъ думаете. Наши голодныя избы

этой вашей пользы не ищутъ, онѣ ее презираютъ и глубоко увѣрены, что наша жизнь нужна для какихъ-то таинственныхъ, непостижимыхъ цѣлей самому Господу Богу. Это выражается въ той покорности, съ которой онѣ переносятъ всѣ свои несчастія, выражается во взглядѣ ихъ на самую смерть. Смерть, по убѣжденію нашихъ избъ, это моментъ, когда Господь Богъ освобождаетъ человѣка отъ обязанности нести Ему дальнѣйшую службу. *Жить—Богу служить*, говоритъ тоже наша народная пословица.

Богъ Свое строитъ, говоритъ еще его пословица, какъ бы въ поясненіе двумъ первымъ. Нашъ народъ вѣритъ, что каковъ бы ни былъ каждый отдѣльный человѣкъ, онъ, все равно, есть живой матеріалъ въ строеніи Бога живаго.

Отсюда и личность человѣческая является носительницею какой-то невѣдомой воли Божіей; отсюда и то, совершенно непонятное для васъ, уваженіе къ человѣческой личности, по которому самые преступники представляются нашему народу только несчастными. Этотъ взглядъ, инстиктивно, охватываетъ всѣ наши сферы. Императоръ Александръ II, когда въ него выстрѣлилъ Каракозовъ, кинулся освободить его отъ бросившейся на него толпы и воскликнулъ: „Что̀ ты сдѣлалъ, несчастный!“ Отсюда и тотъ взглядъ, по которому самое заточеніе меньше лишаетъ человѣка свободы, нежели ссора съ братомъ или погоня за мірскими благополучіями. Самое добро, любовь, милосердіе являются при этомъ не какими-нибудь достоинствами и заслугами, а только путями къ достиженію той высшей духовной свободы, которая одна намъ кажется привлекательной.

Вы видите, что во всемъ этомъ есть нѣкоторая связь и съ нашими Власами, и съ нашимъ дѣдомъ и съ нашею общей увѣренностію, что всѣ наши злоключенія происходятъ только отъ времени, на которое никуда нельзя принести ни жалобы, ни аппеляціи. Это проскользнуло невольно, даже въ слезныхъ сѣтованіяхъ Чаадаева: „Кто знаетъ, когда мы займемъ свое мѣсто посреди человѣчества и т. д.“ Это письмо тѣмъ особенно смѣшно, что оно составляетъ жалобу на самое время. Но — такое тогда ужь время было.

Вся исторія человѣчества должна раздѣлиться, современемъ, на два главныхъ періода: на періодъ, когда человѣкъ былъ увѣренъ, что живетъ для себя, и во всѣмъ искалъ средствъ для увеличенія своего *матеріальнаго благосостоянія*—ваше любимое слово, и на періодъ, когда онъ понялъ, что жизнь его нужна

для самой вѣчности, и сталъ думать о *спасенiи своей души* — это наше любимое слово.

И смотрите, не страшно ли это: религiозный нашъ идеалъ составляетъ почти то слово, къ которому вы подошли съ вашей великолѣпною наукой; но вы этого слова не снимете, въ видѣ плода, съ излюбленнаго вами древа познанiя, ибо оно, это слово, окажется прежде, чѣмъ вы до него додумаетесь, совершенно готовымъ на древѣ жизни; оно лежитъ, заложенное, съ незапамятныхъ временъ, какою-то силою, въ сердцахъ темныхъ людей, живущихъ въ такихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ по сiе время продолжается еще мирное сожительство человѣка съ медвѣдями.

Но пойдемте спать. Давно время. Если вамъ не надоѣло меня слушать, и если вы желаете знать, почему этого плода нельзя даже и получить на древѣ познанiя, — выходите сюда завтра ночью, чтобы намъ не мѣшали. А покуда скажите только: что̀ жь, нравятся вамъ наши идеалы?

— Mais c'est sublime tout ce que vous dites! [1] воскликнулъ иностранецъ со слезою въ голосѣ.

П. Кусковъ.

[4] То, что вы говорите, величественно.

ГУСЛЯРЪ.

Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Всѣ заказаны?

Кольцовъ.

Гой вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!

Лермонтовъ.

Жилъ гусляръ во дни минувшіе,
Правду-матку проповѣдовалъ;
Онъ будилъ умы уснувшіе,
По кривымъ путямъ не слѣдовалъ.

Пѣлъ гусляръ:—„Веди насъ, Боженька!
Невтерпёжъ тропинка узкая...
Гой ты, славная дороженька!
Гой еси ты, пѣсня Русская!

„Не въ тебѣ-ли свѣтитъ зорюшка
Для народа исполинскаго?—
Долетай отъ Бѣла-Мòрюшка
Вплоть до Мòрюшка Хвалынскаго!

„Не кружись вокругъ да около!
У тебя-ли крылья связаны?
Для тебя-ли—ясна сокола—
Къ небесамъ пути заказаны?“

Околдованъ словно чарами,
Пѣлъ гусляръ... Въ немъ сердце билося...
А теперь, на грѣхъ, съ гуслярами
Злое горюшко случилося.

Ни пути нѣтъ, ни дороженьки...
Нѣтъ орловъ; не видно сокола.
Устаютъ больныя ноженьки,
Бродятъ всё вокругъ да около.

Гой ты, пѣсенка-кручинушка,
Пѣсня бѣдная, болящая,
Не угасни, какъ лучинушка
Тускло-медленно горящая!

Вмѣсто пѣсни, слышны жалобы
На судьбу—злодѣйку гнѣвную...
Спѣть гуслярамъ не мѣшало-бы
Пѣсню чудно-задушевную—

Чтобы сердце въ ней не чахнуло,
Не дрожало передъ тучею,—
Чтобы въ пѣснѣ Русью пахнуло,
Русью свѣжею, могучею!..

Леонидъ Трефолевъ.

Ярославль на Волгѣ.
1893 г.

О МОНАРХІИ.

(Размышленія по поводу Панамскихъ дѣлъ.)

...Въ Европѣ все не хотятъ понять, что естественный видъ политическаго быта для новыхъ народовъ есть монархія; съ тою же основательностью, съ какою пантера, наскучивъ своимъ пестрымъ одѣяніемъ, захотѣла бы перемѣнить его на красивое опереніе или на крѣпкую чешую, они пытаются сбросить съ себя тысячелѣтнюю форму государственнаго бытія и замѣнить ее новою, по выбору, наилучшею... Они не находятъ, чтобы та, которую они носили до сихъ поръ, была связана какимъ-нибудь причиннымъ соотношеніемъ съ внутреннею ихъ структурой, — они думаютъ, что она имѣетъ совершенно самостоятельное, отъ всего независимое существованіе, и ее можно, поэтому, измѣнить, уничтожить или замѣнить другою, оставаясь внутри себя, въ субъективномъ своемъ строѣ, тѣмъ же, чѣмъ прежде. Споры о „наилучшей формѣ правленія", какіе съ середины прошлаго вѣка и до сихъ поръ ведутся всюду, питаются именно этимъ предположеніемъ: что отдѣлимое въ разсужденіи отдѣлимо и въ дѣйствительности, что подлежащее критикѣ можетъ стать и предметомъ выбора.

Между тѣмъ достаточно самаго краткаго размышленія, чтобы понять, что этой свободы выбора для новыхъ народовъ нѣтъ... Его нѣтъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они получили свое историческое бытіе, тотъ первоначальный импульсъ почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ, который опредѣлилъ собою и продолжительность ихъ историческаго странствія, и его направленіе, и плоды, страданія, паденія и просвѣтлѣнія, которыя они должны были испытать на тогда уже заложенныхъ для нихъ путяхъ.

I.

Христіанство, появленіе новыхъ расъ на смѣну прежнихъ, умирающихъ, и установленіе монархіи на мѣстѣ древней республики—эти три факта, отдѣлившіе древній міръ отъ новаго, совершились въ существенныхъ своихъ чертахъ на протяженіи не болѣе какъ одной человѣческой жизни. Частное событіе въ Святомъ Семействѣ, гдѣ-то въ затерянной Сиріи,—торжествующее появленіе Августа въ стѣнахъ Вѣчнаго города послѣ битвы при Акціумѣ, и гибель легіоновъ, имъ посланныхъ, всегда побѣдоносныхъ легіоновъ, въ холодныхъ лѣсахъ Германіи,—что, повидимому, могло имѣть все это между собою общаго? И, между тѣмъ, для поздняго созерцанія, эти три факта въ ряду колоссальныхъ событій своего времени одни выдѣляются, какъ-то странно отвѣчаютъ другъ другу, взаимно гармонируютъ въ дальнѣйшемъ развитіи и, среди паденія, осѣданія всего другаго, одни высятся, соединяются и образуютъ своды новаго историческаго зданія, подъ сѣнью которыхъ живемъ мы. Только имя исторіи соединяетъ тотъ древній, отошедшій въ вѣчность, міръ съ нашимъ: ни формы, ни содержанія, ни самой носительницы ихъ, человѣческой крови, не перешло изъ него въ новый міръ: умерли расы, умеръ особенный духъ, ихъ оживлявшій, исчезли формы, въ которыхъ творилъ этотъ духъ, въ которыхъ онъ развивался и которыя завѣщалъ намъ, но только какъ безплотное воспоминаніе. Все вновь родилось, и даже одновременно; но родилось раздѣленное дальнимъ мѣстомъ и множествомъ замѣшавшихся событій, правда малившихся, уже сходящихъ, какъ тѣнь, изъ поля исторіи; и нужно было пройти вѣкамъ, чтобы то, что отъ начала соотвѣтствовало другъ другу, чему предстояло соединиться и замкнуть линіи осуществляемаго въ исторіи плана, сомкнулось дѣйствительно.

Христіанство, религія человѣческой совѣсти, ея тревогъ, ея судьбы, есть внутреннее содержаніе новой цивилизаціи; монархія, какъ форма, объемлющая это содержаніе, въ которой оно наиболѣе свободно развивается по своимъ внутреннимъ законамъ, есть постоянная, неотдѣлимая форма этой цивилизаціи всюду, гдѣ она растетъ, движется, и не пребываетъ только, не малится; наконецъ кельтическія, германскія, славянскія племена, какъ

послѣдніе остатки великаго арійскаго племени, выброшенные въ круговоротъ всемірно-историческаго движенія, суть носители синтеза этого содержанія и этой формы, — очевидно послѣдніе въ исторіи и, слѣдовательно, синтеза очевидно наивысшаго, какой доступенъ человѣческимъ способностямъ. Эти три элемента, слившіеся болѣе, чѣмъ полтора тысячелѣтія назадъ, подготовленныя взаимно еще ранѣе, въ первыя годы нашей эры, не могутъ уже быть разъединены вновь иначе, какъ къ гибели цѣлаго, что они образуютъ собою — христіанской цивилизаціи новыхъ народовъ и, наконецъ, ихъ самихъ какъ этнографическаго матеріала, какъ племенъ, замѣщающихъ извѣстныя территоріи. Свободы нѣтъ для нихъ другой, чѣмъ какая принадлежитъ всякому до конца дней его: уйти, нарушивъ законы жизни, въ холодную темь вѣчнаго молчанія.

II.

Уже самое наблюденіе античнаго міра, гдѣ на протяженіи всѣхъ береговыхъ странъ Средиземнаго моря нашъ взглядъ не открываетъ ни одной монархіи и всюду видитъ республики, можетъ внушить мысль, что было какое-то соотношеніе между этою формой политическаго быта и духомъ народовъ тогда тамъ обитавшихъ. Послѣ слабой борьбы и чаще даже безъ нея, исчезаютъ всюду слѣды родовой—преимущественной власти, которая принадлежала βασιλεύς'у, rex'у,—и гдѣ она сохраняетъ за собой имя, какъ въ Спартѣ, она не сохраняетъ въ себѣ значенія. Очевидно, въ психическомъ строѣ этихъ народовъ были причины, неодолимо отвращавшія ихъ отъ исчезающей всюду формы общественнаго быта, и всюду же влекшія ихъ къ новой формѣ, которая въ очень позднее время у народа, давшаго ей наивысшее выраженіе, получила и свое нарицательное имя. Глубокая аналогія, которую мы находимъ между нею и всѣми остальными формами творческой дѣятельности тѣхъ же народовъ, еще болѣе убѣждаетъ насъ, что онѣ всѣ текутъ изъ какого-то одного источника, очевидно субъективно заключеннаго внутри ихъ создававшей расы.

Ясность природы, отсутствіе чего-либо мистическаго въ ея задаткахъ, и отсюда глубокая, потому что *одинокая*, человѣчность во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляетъ коренную особенность античныхъ народовъ, наложившую печать свою на всѣ формы ихъ

творчества. Грекъ какъ и Римлянинъ, первый познавая міръ и второй покоряя его и устраивая, одинаково опирались на свои только силы, равно не искали помощи въ чемъ-либо темномъ и ихъ влекущемъ, не догадывались, не предчувствовали, не ожидали чуда, когда не было силъ, и не обращались къ таинственнымъ символамъ тамъ, гдѣ переставали видѣть зрѣніе или понимать умъ. Отъ этого въ наукахъ, въ философіи, какъ и въ искусствѣ государственнаго созиданія, во всемъ, чему можно было научиться и научить, они стали руководителями послѣдующихъ народовъ; для всего оформливаемаго, для всякой ясной дѣятельности, они нашли соотвѣтствующія формы: для мышленія насколько оно бываетъ точно, для поэзіи насколько она можетъ быть правильна, для политическаго устройства насколько оно вытекаетъ изъ отчетливыхъ потребностей общежитія,—для всего, что не носитъ въ себѣ отраженія ничего другаго, кромѣ естественныхъ силъ человѣка, какъ онѣ выражены въ могущественной и мѣрной, но предоставленной себѣ самой красотѣ.

Если мы спросимъ себя, откуда вытекала эта ясность природы, это богатство спокойныхъ и мѣрныхъ формъ, то должны будемъ отвѣтить, что источникъ всего этого лежалъ въ чрезмѣрной слабости внутренняго, индивидуальнаго существованія, въ тусклой, не пробужденной личности, которая поражаетъ насъ въ каждомъ Грекѣ и Римлянинѣ лучшей поры ихъ существованія еще болѣе, чѣмъ красота и мощь ихъ внѣшнихъ силъ, внѣшнихъ проявленій, всегда всѣмъ общихъ, всегда у всѣхъ одинаковыхъ, различныхъ лишь въ мѣрѣ своей, но не въ выраженіи, не въ характерѣ, не въ смыслѣ. Геніальность, какую мы знаемъ въ древности, всегда была геніальностью общаго; она всегда носитъ родовой характеръ, а не исключительный, есть геніальность силъ, а не личности. Особаго, тайнаго міра мы не только не видимъ, но даже и не предполагаемъ въ Периклѣ, въ Софоклѣ, въ Фидіѣ, въ Александрѣ Великомъ, какъ не предполагаемъ его ни въ какомъ Римлянинѣ до очень поздней поры. Отъ этого интересъ соперничающихъ способностей есть почти единственный, какой провожаетъ насъ во все время, пока мы слѣдимъ за античной исторіей, этимъ широкимъ и многообразнымъ повтореніемъ всюду однѣхъ и тѣхъ же Олимпійскихъ игръ. Красота, но только пластическая, безъ чего либо просвѣчивающаго извнутри, скульптурность быта, учрежденій, самой исторіи есть послѣдствіе этого крайняго напряженія силъ къ внѣшнему.

Изъ этой особенности, которую мы понимаемъ, какъ недостатокъ, вытекъ пышный расцвѣтъ жизни общественной: этотъ неумолкаемый шумъ форума, экклезіи, публичное краснорѣчіе, публичность всѣхъ состязаній, игръ, и, наконецъ, публичность самой религіи и поэзіи, этихъ торжественныхъ процессій и гимновъ богамъ и людямъ полу-богамъ. Не было ничего, что кто-нибудь уносилъ бы въ сторону отъ вниманія всѣхъ, къ себѣ, въ уединенный міръ своего личнаго существованія; міръ общій всѣмъ, былъ вмѣстѣ и единственнымъ міромъ каждаго: вниманіемъ, склоненнымъ къ этому міру, они всѣ сливались въ одно, и это сліяніе, какъ противоположность разрозненности, проходитъ разграничивающею линіею, за которую не переходятъ и не смѣшиваются античный и новый міръ.

Изгнаннику, насколько онъ не надѣялся вернуться въ родной городъ, оставалось только умереть: внѣ шума его площади, внѣ тревогъ его гражданъ, у него не было жизни; ни другая природа, ни другіе люди ничего не говорили ему. Отъ этого изгнаніе въ Греціи и Римѣ было равнозначуще духовной смерти; оно было тоже, что у насъ одиночное заключеніе въ тюрьмѣ. Былъ свѣтъ, была радость только въ одномъ тѣсномъ уголкѣ міра — на знакомой площади, среди извѣстныхъ лицъ, передъ дорогими колоннами родного храма. За чертой, гдѣ они переставали видѣться—гдѣ для насъ раскрывалась бы еще вселенная, для Грека, для Римлянина была лишь темь и холодъ, безъ возможности въ ней думать, къ ней что-нибудь чувствовать, съ нею какъ-нибудь соотноситься. И былъ моментъ, когда эта темь обнимала всѣхъ, когда этотъ холодъ сжималъ члены каждаго.

Это было, когда одинъ возвышался надъ всѣми и въ свое вѣдѣніе бралъ дѣла всѣхъ. Особой жизни ни у кого не было; а жизнь ихъ общая, одна извѣстная имъ жизнь, переставала быть заботой каждаго. Не уходя изъ родного города, всѣ становились какъ будто изгнанниками; умолкали рѣчи въ экклезіи—и не раздавалось болѣе никакихъ; не было жизни на форумѣ—и не было болѣе никакой жизни. Насколько народъ не умеръ, усиленнымъ напряженіемъ силъ онъ возвращалъ свободу своимъ членамъ: τύραννος погибалъ, а его память на вѣки становилась ненавистной и отвратительной. Одно воспоминаніе о Пизистратѣ внушало страхъ и къ Периклу; одинъ неосторожный жестъ Гракха, понятый какъ напоминаніе о царскомъ вѣнцѣ, стоилъ ему жизни.

III.

Πολιτεία какъ замѣна семьи, respublica какъ отрицаніе privatae rei есть, такимъ образомъ, не только имя, но и сущность античной жизни; было бы ошибкою сказать, что древній міръ не зналъ личной свободы, не умѣлъ осуществить ее; онъ ея не зналъ въ гораздо болѣе глубокомъ смыслѣ: онъ не зналъ *лица*, которое хотѣло бы для себя свободы. Свободенъ былъ городъ— и были всѣ свободны; не было тиранна—и каждый былъ равенъ всѣмъ; въ то же время онъ былъ только отраженіемъ всѣхъ, иногда болѣе яркимъ, иногда менѣе, но всегда безъ прибавленія къ нему чего нибудь своего, особеннаго.

И вотъ надъ этимъ строемъ, такъ чувствующимъ, такъ созерцающимъ, болѣе чѣмъ на четыре вѣка установилась форма, которую мы не можемъ понимать иначе, какъ тираннію, всегда невыносимую прежде, всегда кратковременную. Имперія, не смотря на вѣковое привыканіе къ ней Римлянъ, не могла перевоспитать ихъ чувствъ, очевидно росшихъ изъ болѣе постояннаго и глубокаго источника, нежели простой фактъ, хотя бы—охватывающій ряды поколѣній. Но,—что̀ не менѣе характерно,—и мы сами испытываемъ къ ней чувства, не много отличающіяся отъ тѣхъ, какія испытывали Римляне. Новыя завоеванія, обезпеченный внутри миръ, обширныя законодательныя работы и расцвѣтъ провинцій, наконецъ не дикихъ, наконецъ узнавшихъ и на своихъ нарѣчіяхъ поэзію, литературу, зачатки наукъ, все это не измѣняетъ въ нашихъ глазахъ смыслъ эпохи, которую мы считаемъ только медленнымъ умираніемъ, долгою и мучительною агоніею, конца которой нетерпѣливо ждемъ. Удивительное дѣло: не смотря на равную почти долговременность республики и монархіи въ Римѣ, не смотря на то, что до насъ дошли плоды только второй, мы, смотря на эти два діаметрально противоположные фазиса одной жизни, считаемъ почему-то неизмѣнно ошибкою второй, а не первый; норма и недостатокъ нормы нами распредѣляются именно такъ; странное извращеніе какого-то закона мы ощущаемъ здѣсь именно въ концѣ. Несравненную мощь мы въ немъ болѣе не любимъ; отъ его побѣдъ отвращаемся; его миръ презираемъ; культуру его ненавидимъ; въ то же время любя и миръ, и культуру, и мощь въ самомъ себѣ. Мы *въ немъ* именно

ненавидимъ это; мы *его*, какіе бы дары онъ ни несъ, желаемъ какъ можно скорѣе видѣть сошедшимъ только въ могилу; и, между тѣмъ, Римлянъ въ *самихъ себѣ* мы также любимъ. Итакъ, именно это частное соединеніе ихъ тѣла какъ націи съ формой монархіи, вотъ что вызываетъ въ насъ всѣ эти отталкивающія чувства къ четырехъ-вѣковому періоду исторіи. Для Рима онъ былъ мучительной агоніей, для насъ — мучительнымъ воспоминаніемъ...

И, между тѣмъ, есть же смыслъ какой-пибудь въ этомъ почти полутысячелѣтнемъ мучительствѣ; и если, какъ несомнѣнно, онъ не заключенъ ни въ немъ самомъ, ни въ томъ, что̀ ему предшествовало, то ясно, что онъ лежитъ въ томъ, что̀ за нимъ послѣдовало.

Римская имперія есть насильственное, ненатуральное соединеніе содержанія, уже утратившаго свои естественныя формы, и формы, не получившей еще соотвѣтствующаго содержанія. Прошли вѣка, и дисгармонія исчезла; содержаніе — „языческій міръ" окончательно умерло; а новый міръ, міръ христіанскій, вступилъ въ подготовленную для него форму, которая на немъ, этомъ мірѣ, стала и прекрасна, и возвышена.

IV.

„Много есть прекраспаго въ Греціи, но ничего нѣтъ лучшаго въ ней, какъ Элевзинскія таинства: тѣ которые посвящены бываютъ въ нихъ, умираютъ съ лучшими надеждами, чѣмъ остальные люди", такъ записалъ одинъ поздній зритель античной жизни. Можно думать, что люди, какъ бы ни были счастливы данною имъ жизнью, если эта жизнь заключена въ предѣлы, никогда не могутъ быть удовлетворены ею; земля, чѣмъ бы она ни была разцвѣчена, всегда останется для нихъ недостаточной, и за ея грани всегда человѣкъ будетъ усиливаться заглянуть въ безконечное. Греки, какъ и позднѣе Римляне, совершивъ все, что можетъ быть совершено въ предѣлахъ естественныхъ силъ человѣка, всего менѣе были удовлетворены этимъ совершеннымъ; одна возможность хоть въ аллегорическихъ символахъ (которые, по разсказамъ, одни показывались посвященнымъ въ Элевзиніяхъ) понять судьбу свою за гробомъ, заставляла привязываться къ нимъ болѣе, чѣмъ ко всему реальному, что дано было человѣку

въ насыщеніе античнымъ міромъ,—міромъ, какъ мы знаемъ, наиболѣе прекраснымъ въ предѣлахъ естественныхъ его способностей.

Навстрѣчу этой истощенной и обезсиленной человѣчности, въ моментъ величайшаго упадка ея силъ, пришли новыя, иного происхожденія силы—тѣ, которыми до сихъ поръ живемъ мы. Нужны были „времена и сроки“ для этого, нужно было, чтобы недостаточность естественныхъ силъ была хорошо почувствована человѣкомъ и твердо запомнилась въ человѣчествѣ, прежде нежели нужное спасеніе было дано ему. И когда это исполнилось, оно было дано.

V.

„Царство Мое не отъ міра сего“... когда это было выслушано и понято человѣкомъ, весь строй души его получилъ обратное теченіе съ тѣмъ, какое онъ имѣлъ до сихъ поръ; „Царство Божіе внутри васъ есть“... и сюда, внутрь своей совѣсти, обратились взоры всѣхъ. Міръ, освѣщаемый солнцемъ, міръ яркаго дневнаго сіянія и всего, что совершается при немъ, не исчезая, померкъ для человѣка; другой міръ, міръ уединенныхъ движеній его сердца, открылся ему и приковалъ одинъ его вниманіе; все, что заслоняло его, что мѣшало его видѣть—оставлялось; пустыня, уединенный лѣсъ возлюбились человѣкомъ на мѣсто шумнаго города, который тысячелѣтія любилъ онъ, куда влеклось до сихъ поръ его вниманіе.

Въ этихъ пустыняхъ, въ этихъ лѣсахъ началась вѣковая борьба человѣка со своимъ сердцемъ; шумныя внѣшнія событія текутъ еще по прежнему, къ разнымъ результатамъ, но уже къ одному концу. Только тамъ, гдѣ отшельники, невидимые никѣмъ, борются и перевоспитываютъ свою душу, въ замѣнъ этого печальнаго конца всходятъ новыя порожденія. Прошли вѣка, и они остались одни. Новый человѣкъ началъ новую исторію, въ смыслѣ которой не осталось ни тѣна прошлаго.

Человѣкъ, гордый своими силами, умеръ; человѣкъ, какъ предметъ зависти боговъ, правый предъ ними и предъ людьми, исчезъ; умеръ богатый и остался одинъ Лазарь. Нужно ли было ему итти на Олимпійскія игры? или слушать ораторовъ? подавать голосъ въ народныхъ собраніяхъ? Все болѣло въ немъ, все точилось въ язвахъ, было замазано гноемъ. Колесницы бы онъ ис-

пачкалъ, ораторовъ не дослушалъ, съ собранія ушелъ бы, не подавъ голоса.

Псы, облизывавшіе у него раны, были благодѣтелями ему; благодѣтелемъ былъ бы всякій, давшій ему тѣнь отъ солнца, согрѣвшій, защитившій... Что̀ онъ могъ дѣлать, чувствуя только боль? какую заботу могъ имѣть, кромѣ какъ соскребсти черепкомъ накопившійся гной со своихъ членовъ. Милостиваго Самарянина онъ ждалъ, который, взявъ на себя заботы, оставилъ бы его наединѣ со своими страданіями.

Четырехвѣковое мучительство умирающей части человѣчества нужно было, чтобы для его возраждающейся части былъ возведенъ этотъ покровъ; предъ тѣмъ, какъ сойти въ могилу, богатый призванъ былъ къ тому, чтобы построить сѣнь для остающагося Лазаря; и онъ ее строилъ, не понимая для чего, съ проклятіями, съ ненавистью, со злобою къ каждому подымаемому бревну, и все-таки строилъ...

И эта сѣнь, менѣе красивая, чѣмъ его собственные чертоги, когда о послѣднихъ осталось одно воспоминаніе, намъ кажется прекраснѣе, чѣмъ они. Такою кажется она потому, что тамъ, въ этихъ исчезнувшихъ чертогахъ была лишь внѣшняя красота, и все, что происходило въ нихъ, хотя для зрѣнія было привлекательно, въ сущности ничему болѣе не отвѣчало, кромѣ этого зрѣнія... Мы болѣе любимъ эту новую храмину съ лежащимъ подъ ней Лазаремъ; мы находимъ тутъ болѣе смысла; мы думаемъ, что она точнѣе соотвѣтствуетъ не временнымъ и случайнымъ чертамъ человѣка, а его истинной и вѣчной природѣ. Спросивъ себя, въ глубинѣ совѣсти, бѣденъ или богатъ человѣкъ, мы, конечно, всегда отвѣтимъ: „бѣденъ"...

Мощь человѣческихъ силъ, одинокихъ его силъ, уже испытана была въ исторіи и оказалась недостаточной. Онъ *оказался* бѣденъ даже и въ пору, когда былъ наиболѣе богатъ; размышленія ничего не могутъ прибавить къ этому факту, кромѣ какъ подтвердить его.

VI.

Нельзя не замѣтить, что въ собственныхъ своихъ силахъ два античные народа были дѣйствительно богаче, чѣмъ ихъ позднѣйшіе преемники въ исторіи; богаче не только въ мѣрѣ этихъ силъ, но и въ дѣйствительной способности ихъ вынести на себѣ, по

крайней мѣрѣ, на долго тяжесть всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и затрудненій. Такой изваянной крѣпости характеровъ, какую мы наблюдаемъ во множествѣ Грековъ и Римлянъ, такой продолжительной сдержанности при возможности внутренно пасть, и твердости среди бѣдствій, мы вовсе не наблюдаемъ у новыхъ народовъ. То былъ вѣкъ бронзовыхъ людей, и напрасно бы среди людей нашей эры мы искали повтореній Цезаря, Суллы, Гракховъ, Антонія—въ силѣ, Перикла или Аристида—во внушающей довѣріе доблести. Несомнѣнно, мы внутренно болѣе слабы; болѣе похотливы, менѣе тверды; чисто-человѣческій типъ въ насъ несомнѣнно пониженъ сравнительно съ классическою древностью.

И, однако, наша цивилизація такъ несомнѣнно надъ ней возвышена; и если, какъ это ясно, она возвышена не нашими средними силами, то это сдѣлано тѣмъ, что къ нимъ прибавлено. Лазарь если имѣлъ какое преимущество передъ богатымъ, то это, конечно, не было преимущество его мускуловъ или бо̀льшая крѣпость жилъ. Въ немъ было чище сознаніе, былъ углубленъ страданіемъ его духъ, и въ этомъ одномъ состояло его богатство. Не въ немъ самомъ, не въ лежащей на соломѣ связкѣ костей и мускуловъ, былъ здѣсь источникъ лучшаго; лучшее было въ посланномъ ему страданіи, и въ томъ, что, не будучи въ силахъ ему противостать, онъ его покорно сносилъ.

Христіанская цивилизація есть, по существу своему, вѣчно самоосуждающая цивилизація, и вотъ почему она стала непрерывнымъ развитіемъ. Духъ успокоеннаго довольства всегда въ ней отсутствуетъ, возьмемъ ли мы XII вѣкъ, эпоху позднѣе или ранѣе; только на минуту проходитъ въ ней облако свѣтлой радости, какъ будто самоудовлетворенія: это въ моментъ, когда она наиболѣе удалилась отъ христіанства и приблизилась къ классической древности, которую думала возродить. Напротивъ, эта древность вовсе не знала нашего безпокойнаго движенія впередъ; удержать текущій моментъ было ея не перестающею заботой.

Мы взяли лишь одну черту, и она еще не изъ главныхъ. Безъ какого-либо опасенія ошибиться, мы утверждаемъ, что по внутреннимъ, въ ней заключеннымъ даннымъ, христіанская цивилизація есть вѣчная, то-есть въ смыслѣ равновременности физическому существованію человѣка; такъ думаемъ мы потому, что она хранитъ въ себѣ исходъ для всякаго противорѣчія, ограниченіе каждому бѣдствію. Бѣдствіе, страданіе—это то, что̀ заслу-

жено, что̀ ожидалось; „приму его и облеченный сойду въ землю“. Здѣсь зло не порождаетъ новаго зла, не переходитъ въ живыя его безчисленныя развѣтвленія; оно только уходитъ въ землю, оставляя живымъ не зараженную жизнь. Все непостижимо въ этой жизни; нашему вѣдѣнію даны только частности, смыслъ же цѣлаго отъ насъ скрытъ. Не зная этого смысла, ка̀къ можемъ мы роптать противъ частностей, которыя очевидно направляются имъ,—куда, почему, мы не знаемъ. Преходяща, мимолетна становится жизнь человѣка, но тѣмъ тверже то, что̀ надъ нею, ея нерушимый покровъ. Человѣкъ—только бѣгущая тѣнь, но бросаемая вѣчнымъ предметомъ. Будетъ ли тѣнь сопротивляться своему предмету? или не двигаться, когда онъ движется? Мимолетна она тамъ и здѣсь, но *гдѣ-нибудь*—она вѣчна. Нѣтъ условій для ея исчезновеній, есть они только для ея перемѣщенія къ которому всегда человѣкъ долженъ быть готовъ, которому онъ долженъ быть покоренъ, какъ слѣпецъ ведущей его рукѣ. Для слѣпца нѣтъ конца пути; для него нѣтъ остановки; онъ весь сосредоточенъ въ этомъ переступаемомъ имъ шагѣ, и переступаетъ его твердо,—тверже, чѣмъ всякій зрячій, если онъ не совершенъ. Ограниченнымъ способностямъ человѣка, въ признаніи совершенной его слѣпоты, дана безграничная незыблемость—черезъ *вѣру*. Что̀ можетъ сдѣлать съ человѣкомъ исторія, когда онъ уже ко всему готовъ? его убить — но онъ ожидаетъ этого, годы носитъ съ собой „смертное“, во что обернутъ его передъ тѣмъ, какъ положатъ въ гробъ. Это камень, съ которымъ напрасно играетъ дьяволъ; ему ни разбить его, ни сокрушить: брошенный, утопленный, зарытый, онъ—камень.

Отъ этого всѣ бѣдствія, за исключеніемъ колебанія самой вѣры, для христіанскаго общества—лишь обрывающій листья вѣтеръ. Каждую весну они возрождаются вновь; гибель людей, цѣлыхъ народностей, даже до двухъ спасающихся человѣкъ, не есть здѣсь гибель окончательная. Какъ христіанство есть религія вѣчно сокрушенной и возрождающейся совѣсти, такъ христіанская жизнь въ исторіи есть вѣчно обновляющаяся жизнь, силы которой не изсякаютъ и не могутъ изсякнуть по качеству заключеннаго въ нее зерна.

VII.

И только христіанство же осолило въ вѣчную, не исчезающую крѣпость созданія новаго духа. Внѣшняя красивость, которую одну мы находимъ въ твореніяхъ древности, послѣ всякаго сколько-нибудь продолжительнаго созерцанія ея, утомляетъ. Но никогда не утомитъ и вѣчно повторяющаяся, непрестанно созерцаемая внутренняя красота. Это потому, что она отвѣчаетъ не явленіямъ человѣческаго духа, но его сущности. Вѣчный субъектъ, непостижимый, но лучше всего такъ опредѣляемый, онъ никогда не можетъ насытиться тѣмъ, что̀ говоритъ ему именно какъ субъекту, идя отъ другаго высшаго, коего онъ — лишь отраженіе. „Личность"—вотъ опредѣленіе новаго человѣка, въ противовѣсъ опредѣленію его какъ „гражданина", то-есть родоваго чего-то, которое одно знала древность. Великая тайна этого преобразованія лежитъ въ томъ, что Евангеліе обращено только къ личности; ни народовъ, ни классовъ, ни всѣхъ ихъ раздѣленій и сцѣпленій не знаетъ оно; одно сцѣпленіе оно знаетъ—человѣка съ Богомъ, одно раздѣленіе, раздѣленіе его со грѣхомъ. Я и грѣхъ мой — вотъ одно, чему оно говоритъ; и такъ какъ это есть главное для меня, я весь предаюсь только ему. Центръ, который до христіанства лежалъ всегда внѣ человѣка, съ нимъ—перемѣстился внутрь его. Красота и сила всего внѣшняго должна была померкнуть, но тѣмъ ярче вспыхнула внутренняя красота.

Только она одна и свѣтитъ въ европейской цивилизаціи, очень несовершенной по формамъ, что̀ бы мы въ ней ни взяли. И такъ какъ красота эта несравненно труднѣе внѣшней, то отсюда исходятъ всѣ неисчислимыя паденія новаго человѣка, — паденія, однако, всѣ предупрежденныя, ибо въ горечи, въ сокрушеніи, въ самоосужденіи лежитъ уже и выходъ изъ нихъ. Только одно нужно ему—остаться христіаниномъ; съ этимъ онъ поднимется изъ всякаго паденія, какъ безъ этого низойдетъ со всякой высоты.

VIII.

И онъ, пока вѣрилъ, поднимался; немощными руками — онъ пересилилъ черезмѣрное; умомъ, сокрушеннымъ о темнотѣ своей, онъ открылъ удивительное. Мистическія глубины, указанныя

христіанствомъ, какъ вѣчный предметъ заботъ человѣка, встревоженныя, вышедшія изъ прежняго покоя и равновѣсія, вылились въ неисчерпаемыхъ созданіяхъ новаго духа. Не будемъ заблуждаться: даже въ борьбѣ съ христіанствомъ, насколько новый человѣкъ боролся глубоко и страстно, онъ этимъ обязанъ самому же христіанству, — той волнѣ свѣта, которая брошена имъ въ человѣческую душу, той глубинѣ, которую оно ей сообщило. Безъ него, безъ его модифицированныхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ даже, когда источникъ ихъ забытъ, мы не умѣли бы ни стремиться къ истинѣ, ни дѣйствительно жаждать добра. Вся душа наша, почти два тысячелѣтія назадъ, была пробуждена имъ; какимъ образомъ, вставъ и бодрствуя, мы могли бы бодрствовать по инымъ законамъ, нежели по какимъ пробудились? Чѣмъ стали бы бодрствовать, какъ не этою самою душею, именно такъ, именно къ этому пробужденною? „Что̀ я могу знать? что̀ я обязанъ дѣлать? на что̀ я смѣю надѣяться?“ мы не удивились бы, встрѣтивъ эти вопросы въ писаніи какого-нибудь отшельника II—III вѣка, и между тѣмъ они вписаны какъ „канонъ чистаго разума“ Кантомъ въ его критикѣ этого разума. „Я былъ похожъ на ребенка, играющаго на берегу моря и собирающаго то блестящіе камешки, то болѣе красивыя, чѣмъ другія, раковины, тогда-какъ обширный океанъ глубоко скрывалъ истину отъ моихъ глазъ“, эти слова, такъ проникнутыя смиреніемъ передъ безконечнымъ, какъ будто бы они исходили изъ устъ какого-нибудь темнаго мистика, сказаны были Ньютономъ его друзьямъ въ отвѣтъ на удивленіе послѣднихъ его открытіямъ. Трепетъ передъ этимъ безконечнымъ, ему покорность, ему преданность въ каждомъ своемъ движеніи и въ цѣлой жизни — это уже неотдѣлимо отъ новой исторіи, отъ новаго духа. Вотъ уже два почти тысячелѣтія, какъ сила наша ростетъ только изъ признанія своей немощи, наше просвѣщеніе — изъ чувства глубокаго своего невѣдѣнія, и всякая красота, какую мы носимъ, изъ боли гноящихся нашихъ язвъ.

IX.

Зачатые, рожденные, взрощенные въ этихъ чувствахъ, мы приняли законъ ихъ, какъ законъ своей жизни, и поклонились ему, какъ высшей доступной намъ красотѣ. Смиреніе Ньютона, которое въ древности было бы понято какъ робость, въ новомъ мірѣ мы поии-

маемъ какъ полное самоотреченія мужество. Трепетъ Канта передъ отвѣтственностью своей совѣсти, который Полибіемъ былъ бы сочтенъ какъ признакъ душевной ограниченности, намъ кажется проявленіемъ величайшей душевной глубины. Мѣры великаго и малаго измѣнились, древняя красота понизилась, и на ея мѣсто поднялась новая красота; это — красота самоотреченія, красота покорности передъ неисповѣдимымъ, готовность къ страданію, откуда бы и какъ бы оно ни исходило. Гладіаторскія игры не привлекаютъ насъ болѣе, и скучны намъ бѣгъ колесницъ и состязанія бойцовъ, будутъ-ли то физическіе бойцы или умственные гладіаторы. И, съ этимъ вмѣстѣ, насколько мы растемъ изъ древняго сѣмени, насколько въ насъ чистосердечно отреченіе отъ всего этого, мы отрекаемся и отъ древнихъ формъ жизни.

Не безъ причины, не случайно новый міръ такъ же всюду носитъ монархическую форму, какъ древній — республиканскую; монархія такъ же рано въ немъ устанавливается, такъ же поздно начинаетъ исчезать; и,—что̀, быть можетъ, важнѣе этого,—она неотдѣлима отъ самыхъ культурныхъ народовъ во всю пору ихъ великаго историческаго труда, и, напротивъ, отсутствуетъ тамъ, гдѣ не высказывается никакихъ новыхъ идей, не приносится никакой новой вѣры, не расцвѣтаетъ никакой свѣжей поэзіи или глубокой философіи. Это взаимное сопутствіе такъ точно, такъ неизмѣнно повторяется всюду, что очень поздній историкъ двухъ смежныхъ культуръ, нашей и античной, могъ бы по политической формѣ каждаго народа, зная только, до Р. Х. или послѣ него онъ жилъ, уже предугадывать его духовное творчество, равно какъ по послѣднему опредѣлять безошибочно его политическую форму. Въ древности Аѳинская демократія была классическою страной образованія; въ новомъ мірѣ Америка, полная столь же демократическихъ республикъ, есть, напротивъ, страна безкультурная. Монархическая Европа есть классическая страна культуры; и, напротивъ, въ древнемъ мірѣ Македонія и олигархическая Спарта есть страны дикости и грубости. И не только относительно цѣлаго народа вѣрно было бы подобное угадываніе по государственному строю его культуры, но и въ длинной исторіи его никто не ошибся бы, пріурочивъ высшій моментъ культуры къ моменту высшей выдержанности у него политическаго строя, т.-е. въ древности—республики, и въ христіанской Европѣ — монархіи. Классическая эпоха культуры въ Испаніи есть время Филиппа II, въ Англіи — Елизаветы и первыхъ

Стюартовъ, во Франціи—Ришелье и Людовика XIV, у насъ—императора Николая I; для Аѳинъ, напротивъ, это есть время Перикла и послѣ него, т.-е. полной гражданской свободы и, наконецъ, разнузданности. Законъ этотъ неизмѣненъ: всюду въ античномъ мірѣ заря гражданской свободы есть утренняя, въ новомъ мірѣ она всюду—вечерняя; тамъ обѣщаетъ она долгую и счастливую жизнь, здѣсь только служитъ предвѣстницей наступающей ночи.

X.

Ясно, что тамъ она была благотворна, что тамъ она гармонировала съ внутреннимъ содержаніемъ души и, въ силу этой гармоніи, служила лучшею атмосферой, гдѣ раскрывались ея силы и созрѣвали ея плоды; въ новомъ мірѣ, напротивъ, между внѣшней свободой и содержаніемъ души есть какая-то непримиримая дисгармонія, въ силу чего ея дѣятельность извращается въ этой атмосферѣ, а плоды, если они и появляются, горьки, безвкусны, незрѣлы и бросаются слѣдующимъ же поколѣніемъ послѣ того, какъ они принесены предъидущимъ.

То, что не даетъ имъ вызрѣть, что морщитъ ихъ кожу надъ бѣднымъ, безсочнымъ содержаніемъ, есть противоположность чувствъ нашихъ и созерцаній, какъ они уже направлены въ христіанствѣ и ежедневно же возбуждаются имъ, съ тѣмъ новымъ, куда влечетъ ихъ и направляетъ форма общественности, основанная на внѣшней свободѣ. Нѣтъ примиренія между этими противоположностями; нѣтъ въ нихъ посредствующаго; каждое изъ нихъ есть не только утвержденіе но и утвержденіе, отвергающее въ корнѣ то, что утверждается въ другомъ.

Въ хаосъ отношеній, гдѣ все основывается на соперничествѣ, на борьбѣ, какъ мы внесемъ слова: „блаженны кроткіе, блаженны милостивые?“ Въ этой борьбѣ, гдѣ силы затаиваются до времени, чтобы противникъ не могъ изготовиться встрѣтить ихъ, какъ скажемъ мы: „блаженны чистые сердцемъ?“ Куда помѣстимъ мы тысячи выраженій, которыя мы приняли какъ святыя, которымъ повѣрили, просвѣтили ими свою душу и уже положили ихъ въ основу тысячи дѣлъ, которыя втайнѣ согрѣваютъ наше сердце, успокоиваютъ встревоженную совѣсть? Или, если словамъ этимъ мы вѣримъ и не хотимъ разстаться съ ними, какъ, повторяя ихъ безъ лукавства, не совершая другого лукавства—взой-

демъ на трибуну, потребуемъ отчета, начнемъ преслѣдовать, соберемъ всѣ силы, чтобы обогатиться чужой бѣдностью или возвеличиться чужимъ униженіемъ. Здѣсь нѣтъ примиренія; и кто думаетъ, что примирилъ эти противоположности въ себѣ, примирилъ ихъ вялостью своей души, а не ея силою, не страстными и глубокими ея пожеланіями. Насколько, хотя бы безсознательно для себя, мы еще остаемся христіанами, мы не отдаемъ своихъ силъ свободѣ съ тою полнотою, съ какою отдавалъ ихъ ей древній человѣкъ; насколько мы уже вступили въ кругъ этихъ новыхъ свободныхъ отношеній, мы не можемъ болѣе ни творить, ни чувствовать, ни созерцать такъ, какъ этого требуетъ полный христіанскій законъ. Ни тамъ, ни здѣсь мы не сохраняемъ цѣлости своихъ силъ, не являемся въ мѣру естественнаго своего роста; и вотъ почему новыя республики—только недомѣрки до древнихъ, и новыя колеблющіяся монархіи — уже не монархіи христіанскія.

XI.

Безсознательно для себя самого, античный міръ выразилъ въ двухъ своихъ любимыхъ играхъ главный принципъ своей жизни, одинаковый у обоихъ великихъ народовъ, его представлявшихъ, у грековъ и римлянъ. Олимпійскія и гладіаторскія состязанія представляютъ съ одной стороны изящный апоѳеозъ, и съ другой — низменное выраженіе одной и той же сущности, борьбы даровъ природы, какъ они вышли изъ лона ея, но не просвѣщены были никакимъ высшимъ свѣтомъ. Безъ какого-либо измѣненія этой сущности, выраженіемъ ея же служила и вся ихъ политическая жизнь и историческая дѣятельность; республика была естественною формою, которую приняла эта жизнь: тоже соперничество, но только уже высшихъ даровъ, таже борьба безъ иного въ ней смысла кромѣ какъ побѣдить. Въ чувствахъ, въ созерцаніяхъ, какія двигали этою жизнью, одушевляли эту форму, мы не найдемъ ничего, зародыша чего не могли бы уже найти въ Олимпіи; и не было ничего въ нихъ, что такъ или иначе не оканчивалось тѣмъ, что мы могли бы наблюдать на кровавой аренѣ Колизея. Пелопонезская война въ ея красивыхъ и печальныхъ эпизодахъ, гражданская борьба въ Римѣ вплоть до проскрипцій, до избіенія тысячъ побѣжденныхъ въ храмѣ Беллоны Суллою—развѣ это не Олимпіи, не Колизей въ громад-

ныхъ размѣрахъ? Цезарь или Антоній, и противъ нихъ Октавіанъ и Помпей — развѣ это не гладіаторы исторіи? не *только* гладіаторы? съ тою страшною мускулатурой, такъ же при тысячахъ созерцающихъ глазъ и такъ же мало готовые пощадить, какъ и не просящіе себѣ пощады....

Но вотъ, вѣка прошли, и когда лишь гноящіеся трупы павшихъ заражали атмосферу исторіи, ей явленъ былъ новый образъ жизни. Естественные дары, оказавшіеся недостаточными, сознанные такими отъ самого человѣка, получили высшее просвѣщеніе мистическаго происхожденія. Побѣдные клики смѣнились скорбью; тамъ, гдѣ дымилась кровь, затеплились ѳиміамъ и молитвы. О, конечно, все прежнее еще вспыхивало въ исторіи, и новое не получало всюду своего приложенія. Но существенно, что въ прежнемъ уже не признавалось его красоты; что высшею правдой, хотя бы до времени попранной, считалось именно милосердіе. Образъ, носимый въ сердцѣ каждымъ и въ которомъ каждый чувствовалъ, что здѣсь выражена его природа, его возможная судьба—былъ образъ страдающаго человѣка, томящагося въ ранахъ, вся сила котораго лежитъ въ его терпѣніи, все возможное—только покорность, и единственная красота—въ безропотномъ перенесеніи своей участи. Этому чувству, этому новому сознанію себя каждымъ, отвѣтила форма жизни, обнимающая ихъ всѣхъ—*монархія*. Это болѣе не узурпація власти, которою хотѣли бы насладиться всѣ и овладѣлъ одинъ; это—одинъ, который склонился надъ всѣми съ безграничною скорбью о ихъ боляхъ, съ неистощимымъ милосердіемъ. Монархія—это форма отношеній, завѣщанныхъ изъ Евангелія; тамъ ея прообразы, ея символы; она выраженіе нравственнаго міропорядка на землѣ, какъ республика есть выраженіе физическаго міропорядка.

XII.

Отъ этого въ новомъ мірѣ она не ненавидима, но любима; народы, насколько они сохраняютъ въ себѣ христіанскія чувства, чтутъ ее съ тою горячностью и преданностью, съ какою убогій, безсильный подняться съ земли, израненный чтетъ добраго Самарянина, надъ нимъ склоняющагося. Всѣ недостатки государя они стремятся извинить, какъ въ древнемъ мірѣ стремились очернить даже его добродѣтели. Іоаннъ Грозный, только

бы тиранъ въ древности, любимъ народомъ и, къ досадѣ историковъ, съ несравненнымъ превосходствомъ передъ ихъ вялыми трудами воспѣтъ въ пѣсняхъ неувядающей свѣжести. Людовикъ XI, въ древности бы только презрѣнный, отвратительный старикъ, сталъ предметомъ легендъ, которыхъ никогда не разсказывалось объ Августѣ, объ Адріанѣ. Никто не видѣлъ ни благодѣяній себѣ, ни даже сколько-нибудь разума въ больномъ, немощномъ, только умѣвшемъ молиться сынѣ Грознаго, этой тѣни царя и почти только тѣни человѣка; но развѣ у одра Перикла было столько слезъ, столько умиленія, такой взрывъ безграничной нѣжности, какимъ вспыхнули тысячи народа, ожидавшіе передъ дворцомъ извѣстій о ходѣ болѣзни и, наконецъ, узнавшіе о его кончинѣ. Не дѣла, о, нѣтъ, чтутъ новые народы въ своихъ государяхъ; они чтутъ въ нихъ повтореніе своихъ же чувствъ; чтутъ, что ихъ скорбямъ тамъ есть откликъ въ милосердомъ сердцѣ; что жалость тамъ не оскудѣваетъ; что Самарянинъ, бередитъ-ли онъ раны больнаго, наконецъ безпомощенъ-ли что нибудь сдѣлать—всегда хочетъ сдѣлать, всегда есть Самарянинъ. И больной это чувствуетъ; умѣлаго и неумѣлаго, помогающаго и бередящаго, но никогда равнодушнаго, онъ провожаетъ въ каждомъ движеніи умиленіемъ своего сердца, въ каждой напасти—величайшей своей скорбью. Принести свою жизнь за него—это величайшій героизмъ въ новомъ мірѣ; мы чувствуемъ, что это истинный героизмъ и нравственнаго характера его не можемъ отвергнуть; какъ не можемъ признать этого характера и видимъ только внѣшнюю красоту въ героизмѣ древности, въ гибели за республику противъ тирана. Это такъ, это выросло изъ исторіи; и языкъ нашъ всегда останется бѣденъ противъ ея фактовъ, немощенъ въ борьбѣ съ ея тысячелѣтними теченіями.

XIII.

Но вотъ, пренебрегая этими теченіями, новые народы хотятъ набросить новый смыслъ на тысячи уже совершившихся фактовъ; поздній разумъ, блеклый лепетъ своего языка они пытаются противопоставить явленіямъ, которыя такъ памятно, такъ неувядаемо сіяютъ въ ихъ исторіи. Лазарь почувствовалъ себя наконецъ зажившимъ; ему жестка прежняя солома, скученъ бѣдный кровъ, его такъ долго защищавшій отъ сырости и отъ па-

лящихъ лучей солнца. Онъ приподнимается и чувствуетъ, что ноги его держатъ; онъ пробуетъ голосъ и слышитъ, что онъ если и сипитъ, то однако громко; тщательно затираетъ онъ рубцы заживших ранъ и насыпаетъ пудры на остатки своихъ волосъ; онъ еще надѣется явить міру прекрасное зрѣлище; онъ выходитъ и требуетъ себѣ колесницъ, заготовленія вѣнковъ. Кони готовы,—старые, древніе кони, на которыхъ когда-то ристали Алкивіадъ, Кимонъ; они тѣже, въ природѣ своей нисколько не измѣнились....

Но какъ измѣнилось все, кромѣ этихъ могучихъ коней; какъ именно они въ неувядаемой красотѣ своей обнаруживаютъ страшную перемѣну, происшедшую въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ они послѣдній разъ были отведены на покой.... Вотъ Лазарь, тщательно запрятывая мотающіяся лохмотья своихъ повязокъ, заноситъ ногу и беретъ возжи.... онъ унесется въ безграничную даль; онъ никогда не увидитъ этого отвратительнаго сарая, гдѣ онъ проводилъ свои дни.... сіяніе огней, веселыя пиршества, новыя мудрыя бесѣды въ рощахъ Лицея и Академіи его ожидаютъ...

Минута — и нѣтъ коней; или это призракъ былъ, или кони никогда не выходили изъ мѣста своего вѣчнаго упокоенія; лежитъ Лазарь, не раздаются его пѣсни, лежитъ такъ близко отъ мѣста, гдѣ поднялъ изношенную свою туфлю на колесницу. Раны его вскрылись, пудра слетѣла... о, какъ отвратителенъ теперь его видъ; какъ отвратительны его жалобы, мѣшающіяся съ ругательствами. Бѣдный человѣкъ: кто такъ ненавидѣлъ тебя, кто далъ тебѣ этотъ совѣтъ? и кàкъ могъ ты величайшее сострадавіе, какимъ былъ окруженъ, неизреченное милосердіе, о тебѣ заботившееся, промѣнять на указанія, какія подсказаны были тебѣ ужъ конечно умнымъ, но и такъ злобно, такъ высокомѣрно издѣвающимся надъ тобой духомъ твоей исторіи?...

В. Розановъ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МИШЕЛЯ ТЕЙСЬЕ.

Соч. **Эдуарда Рода.**

(Переводъ съ французскаго **Е. Полигановой.**)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Пріемною здѣсь была маленькая гостиная нижняго этажа,—самая простенькая комнатка во всемъ домѣ, которую Сюзанна предпочитала всѣмъ остальнымъ комнатамъ, вслѣдствіе того, что шкафъ съ колонками, диванъ, столъ въ стилѣ Генриха II и стулья въ стилѣ Людовика XIII, собранные здѣсь по какой-то весьма мало классической прихоти, были единственными предметами, оставшимися отъ ихъ прежней обстановки. Нѣкогда, въ то время, когда они еще жили въ скромной квартиркѣ на антресоляхъ въ улицѣ Помпъ, эти нѣсколько предметовъ, за дешево купленные въ аукціонномъ залѣ самимъ Мишелемъ, поодиночно привозились и затѣмъ съ гордостью уставлялись въ рабочемъ кабинетѣ. Въ то время они были единственною роскошью молодыхъ супруговъ; теперь же, напротивъ, мебель эту скрывали въ комнатѣ, предназначенной для семейныхъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ, между тѣмъ какъ новая обстановка, вся сразу заказанная пользующемуся извѣстностью обойщику, украшала собою оба этажа довольно обширнаго, съ конюшнею и каретнымъ сараемъ отеля, три года занимаемаго Тейсье въ улицѣ Сенъ-

Жоржъ. По склонности, они жили просто до тѣхъ поръ, пока только это было возможно; но одновременно съ тѣмъ, какъ благодаря наслѣдству устраивались ихъ денежныя дѣла, съ каждымъ днемъ все возраставшее положеніе Мишеля заставляло ихъ постепенно расширять свою жизнь: вице-президентъ палаты, на пути къ тому, чтобы быть министромъ, постоянно всюду приглашаемый, Мишель волей-неволей былъ вынужденъ выѣзжать, принимать у себя, а слѣдовательно и устроить себѣ до нѣкоторой степени роскошную обстановку. Однако, Сюзанна осталась вѣрна своей старой мебели, какъ почти живымъ воспоминаніямъ прошлаго. Она любила всѣ эти предметы. Они напоминали ей дни, о которыхъ она сожалѣла,—тѣ дни, когда ея Мишель всецѣло принадлежалъ ей, по крайней мѣрѣ въ часы отдыха, остававшіеся у него отъ его занятій публициста,—публициста уже извѣстнаго, очень занятаго, поглощеннаго редактированіемъ крупной газеты *l'Ordre*, которая была обязана ему своимъ успѣхомъ, которая была его органомъ и которою онъ управлялъ еще и теперь, но уже сверху. Предметы эти напоминали ей сладостные часы, первыя времена брака по склонности, брака легкомысленнаго, между слишкомъ юнымъ молодымъ человѣкомъ безъ состоянія, безъ чего-либо вѣрнаго въ будущемъ, и между женщиною еще ребенкомъ, единственнымъ приданымъ которой были вѣра, отважность и любовь. Предметы эти напоминали ей различныя подробности шестилѣтней совмѣстной жизни вдвоемъ, исполненной той особенной любви, которая свойственна супружествамъ безъ дѣтей, которая продолжаетъ оставаться страстною, исключительною, ревнивою. Предметы эти напоминали ей также объ удовольствіи, проистекавшемъ вслѣдствіе постепенно возраставшаго благосостоянія, о минутахъ горестей, тревогъ, а также и радости при ея первой беременности, нерѣшительное сообщеніе о которой исполнило ея мужа чувствомъ удивленія и счастія. Предметы эти напоминали ей о болѣзни ихъ старшей дочки Анни, а также и о продолжительной болѣзни Мишеля, который былъ приговоренъ докторомъ, но спасенъ ею,—силою ея любви еще болѣе, чѣмъ ея заботами. Да, эти предметы ихъ старой мебели напоминали ей всѣ эти мелочи, всѣ эти тревоги, всѣ эти нити, которыя вышиваютъ по канвѣ нашей жизни свои арабески, состоящіе изъ веселыхъ или мрачныхъ красокъ, которыя время затягиваетъ блѣдными полутонами. Дни, о которыхъ ей говорили эти предметы, были то хороши, то плохи,—въ общемъ, скорѣе хороши, вслѣдствіе всеукрашающаго

чувства любви; къ тому же Сюзанна находилась какъ разъ въ той порѣ, когда въ сердцѣ больше сожалѣній, чѣмъ надеждъ, или же, когда, по какому-то смутному инстинктивпому чувству, человѣкъ предпочитаетъ протекшіе годы годамъ еще предстоящимъ. Теперь столько заботъ отвлекали отъ нея чувство Мишеля! Безъ сомнѣнія онъ еще любилъ ее, потому что онъ обладалъ силой любви, способной устоять противъ суеты всякихъ дѣлъ, и душею, закаленной даже противъ счастія. А между тѣмъ это было уже не то: Мишель уже такъ мало бывалъ съ нею. Этого требовала жизнь: ему надобно было исполнять свою роль, направлять свою газету, руководить своею партіей, осуществлять свои великія задачи, осуществлять, какъ онъ выражается, „нравственное пересозданіе“ страны, которой онъ отдался и тѣломъ, и душей. Само собою разумѣется, жена его одобряла его труды, любила его за нихъ еще больше, ободряла его. А между тѣмъ труды эти лишали ее его: приходилось дѣлиться имъ съ его избирателями, сотоварищами, съ его соперниками, друзьями, съ людьми обязанными ему, съ его поклонниками, съ его поклонницами; женщины, привлекаемыя его пылкимъ краснорѣчіемъ, его любовью къ добру, высотою его души, или же проще, его успѣхомъ и своимъ вѣчнымъ любопытствомъ по отношенію къ людямъ знаменитымъ, къ людямъ на виду, писали ему, окружали его какой-то опьяняющей атмосферой, въ которую закрадывались и какія-то тлетворныя вѣянія. Такимъ образомъ къ прежнему тихому чувству любви присоединялась легкая тревога, въ которой Сюзанна не признавалась даже самой себѣ, но которая тѣмъ не менѣе дѣлалась постоянною. Сюзанна, безъ сомнѣнія, крѣпко вѣрила въ своего мужа, тѣмъ не менѣе порою ее тревожили какія-то смутныя опасенія; она считала себя слишкомъ слабою, чтобъ удержать его. Она уже начинала стариться: въ ея великолѣпныхъ темныхъ волосахъ уже начинали проглядывать серебряныя нити, въ ея прелестномъ цвѣтѣ лица уже начиналъ проявляться желтоватый тонъ старинной слоновой кости, морщины, еще не врѣзываясь въ ея чело, уже начинали однако на немъ вырисовываться. Напротивъ, Мишель, будучи старше ея всего четырьмя годами, все еще оставался молодъ: у него не было ни одного сѣдаго волоса, онъ все еще сохранялъ вполнѣ юношескую стройность стана, былъ крѣпокъ, подвиженъ, неутомимъ, какъ будто столь дѣятельно прожитые имъ тридцать восемь лѣтъ не составляли для него никакого бремени. Да, поло-

жительно Сюзанна сожалѣла о томъ времени, когда, сидя въ одномъ изъ креселъ въ стилѣ Людовика XIII, она смотрѣла на Мишеля, который работалъ за своимъ столомъ въ стилѣ Генриха II, сама, или читая какую-нибудь новую книгу взоромъ, который только и жаждалъ, чтобъ отъ нея оторваться, или же, двигая иглой, занималась какой-нибудь скромною домашнею работой. И вотъ именно для того, чтобы жить въ этомъ прошломъ, безсознательно любила она ютиться въ этой маленькой, безо всякихъ украшеній гостиной, двери которой отворялись только для самыхъ близкихъ.

Сегодня Сюзанна находилась здѣсь вмѣстѣ со своими двумя дочками. Анни, очень высокая для своихъ восьми лѣтъ дѣвочка, была тонка какъ спаржа, нѣсколько блѣдна и съ бѣлокурыми волосами; ея маленькое задумчивое личико съ большими сѣрыми глазами, глазами Мишеля, имѣло выраженіе серьезное, нѣжное, почти грустное, между тѣмъ какъ Лоранса, двумя годами моложе сестры, почти брюнетка, казалась какъ будто всегда улыбающеюся всѣми чертами своего личика—и своими лукавыми глазками, и своимъ нѣсколько большимъ ротикомъ, и своими пухленькими щечками съ ямочками. По обыкновенію, обѣ дѣвочки были возлѣ матери,—одна сидѣла по правую сторону, другая по лѣвую,—и обѣ очень мило и безмолвно забавлялись кольцами ея руки, предоставленной ею въ ихъ распоряженіе.

Удерживая ихъ взглядомъ въ этомъ спокойномъ положеніи, которое повидимому было естественно для старшей, но должно было стоить усилій для меньшой, Сюзанна бесѣдовала съ гостемъ. То былъ Жакъ Монде, самый близкій другъ дѣтства ея мужа. Онъ совершенно неожиданно пріѣхалъ со скорымъ вечернимъ поѣздомъ, вызванный въ Парижъ по семейному дѣлу, которое на двое сутокъ должно было удержать его вдали отъ гимназіи въ Аннеси, гдѣ онъ началъ вмѣстѣ съ Мишелемъ свое образованіе и гдѣ лѣтъ съ десять онъ состоялъ преподавателемъ латинскаго языка. Зная, что у Тейсье всегда имѣется для него комната, онъ пріѣхалъ предъявить на нее свои права, будучи твердо увѣренъ въ радушномъ пріемѣ. Монде одновременно былъ другомъ мужа и жены: Тейсье нѣсколько лѣтъ кряду проводили лѣто въ сосѣдствѣ съ нимъ, на берегу маленькаго озера, зеленыя волны котораго напѣвали Мишелю воспоминаніе объ его дѣтствѣ. Друзья здѣсь совсѣмъ не разставались. Что же до Сюзанны, то, познакомившись ближе съ Монде, который сначала

ей скорѣе не нравился, она стала питать къ нему совершенно особенную дружбу. Этотъ отличный человѣкъ, безъ честолюбія и богатства, съ благоразумными желаніями, который подъ нѣсколько грубоватыми пріемами скрывалъ рѣдкое благородство души и исключительную ясность ума, казался ей, какъ она говорила, „добрымъ ангеломъ“ Мишеля. Онъ нравился ей самой своей простотой, своей прямотой, своимъ здравымъ смысломъ. Порою она завидовала его женѣ, которая, правда, не была окружена никакими парами славы, но которая, по крайней мѣрѣ, имѣла своего мужа всецѣло для себя; ей приходилось дѣлиться имъ только со своими шестерыми толстощекими дѣтьми, которыя были хорошо питаемы, плохо одѣваемы, даже адскій шумъ и гамъ которыхъ не мѣшали Монде въ его скучномъ занятіи исправленія ученическихъ тетрадокъ. Сюзанна понимала, что эти два любящіе другъ друга, взаимно во всемъ другъ другу помогающіе, здоровые человѣка приняли жизнь такою, какая она есть, что они наслаждаются ею, что они не портятъ ее никакими ненужными стремленіями, никакими чрезвычайными желаніями; между тѣмъ какъ въ Мишелѣ была какъ бы какая-то постоянная пустота, какъ бы какая-то скрытая бездна, въ которой порою слышался какой-то глухой рокотъ; въ немъ заключалась та тайна бурныхъ натуръ, которыя кажутся спокойными, которыя можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ спокойны, но которыя какимъ-нибудь порывомъ вѣтра могутъ быть потрясены до самой своей глубины. Монде съ своей стороны восхищался скромной прелестью Сюзанны, ея лучезарною добротой, ея глубокой преданностью „великому человѣку“, котораго онъ любилъ почти отеческой любовью. Часто онъ говорилъ Тейсье:

— У тебя какъ разъ такая жена, какую тебѣ надо, самая настоящая, единственная... какъ ты долженъ быть счастливъ!..

Тейсье отвѣчалъ:

— Да, я счастливъ, правда,— вполнѣ счастливъ...

Но иногда онъ прибавлялъ:

— Впрочемъ, мнѣ было бы некогда не быть счастливымъ.

И Монде тогда становился озабоченъ, испытывая смутное сознаніе, что въ этомъ колесѣ счастія существуетъ—таки какая-то пружинка, которая совершенно незамѣтно немножко поскрипываетъ.

У Сюзанны съ Монде было много о чемъ переговорить другъ съ другомъ, потому что за послѣдніе четыре года, то-есть со

времени крупныхъ успѣховъ Тейсье, поѣздки на лѣто въ Аннеси были оставлены, и они вовсе не видались за это время. Они разговаривали, перескакивали съ предмета на предметъ, время отъ времени прерываемыя Лорансой, которой надоѣдало сидѣть смирно. Совершенно естественно, что послѣ того, какъ Монде сообщилъ извѣстіе о своей женѣ и своихъ шестерыхъ дѣтяхъ, предметомъ разговора сдѣлался Мишель.

— Вотъ далеко-то шагнулъ! съ восторгомъ повторялъ Монде... Знаете, на будущихъ выборахъ онъ можетъ быть увѣренъ въ почти единодушномъ своемъ избраніи въ Верхней Савойѣ.. Мы опасаемся лишь того, что, если его выберутъ также и въ Сенскомъ департаментѣ, какъ это весьма вѣроятно, то онъ пожалуй насъ покинетъ...

— Да, отвѣчала Сюзанна съ нѣкоторой гордостью,—онъ очень популяренъ... Всюду отдаютъ справедливость честности его намѣреній, твердости его правилъ... Но только это захватываетъ всю его жизнь: онъ уже не принадлежитъ намъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ принадлежитъ всѣмъ...

— Что вы хотите? нельзя быть великимъ человѣкомъ въ качествѣ дилетанта... А—онъ великій человѣкъ, безспорно настоящій великій человѣкъ... Я всегда былъ о немъ высокаго мнѣнія, еще съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я ему помогалъ въ его латинскихъ переводахъ... потому что латинскій языкъ не принадлежалъ къ числу его сильныхъ сторонъ.. Однако, онъ удивилъ меня, онъ превзошелъ мои ожиданія... какъ только взгляну на то, что̀ онъ сдѣлалъ за эти четыре года!.. вѣдь это геніально, да, геніально... какъ онъ организовалъ силы консервативовъ для противодѣйствія якобинизму, который велъ насъ къ погибели! А мудрость его предложеній, искусство его тактики, его краснорѣчія!..

Здѣсь Сюзанна скромно его перебила:

— Слѣдуетъ сказать, что его двигаетъ впередъ воля страны, и что кромѣ того у него хорошая поддержка...

— Хорошая поддержка? повторилъ Монде. Гмъ!.. кто же это его поддерживаетъ, позвольте васъ спросить?..

— Тѣ люди, которые вмѣстѣ съ нимъ управляютъ партіей,—публицисты, напримѣръ, какъ Пейро, депутаты, какъ, напримѣръ, де-Торнъ или монсеньеръ Рюссель...

Монде покачалъ головой:

— Пейро... де-Торнъ... монсеньеръ Рюссель... Посмотрѣлъ бы я, что̀бъ они сдѣлали безъ—него, и они, и ихъ друзья... нѣтъ,

нѣтъ, я отлично сознаю, что все зданіе держится Мишелемъ... Знаете ли почему? потому что онъ лучше другихъ!.. Все это полишинели, которые только и думаютъ, о томъ, чтобы набивать свои горбы... У него же есть характеръ, идеалъ, вѣра, воля,— вещи рѣдкія, весьма рѣдкія, которыя сдѣлали его нашимъ спасителемъ... Онъ, вѣроятно, сильно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ ему приходится исполнять такую видную роль?..

— Да нѣтъ же, Боже мой, нисколько! Напротивъ, онъ все тотъ же: добрый, тихій, все понимающій, всегда спокойный среди самыхъ горячихъ схватокъ... Да вотъ не далѣе, какъ сегодня, онъ долженъ былъ говорить весьма важную рѣчь, а еслибы вы его видѣли за завтракомъ...

— Онъ говорилъ, и вы не были въ палатѣ? прервалъ ее Монде.

— Нѣтъ... Онъ не любитъ, чтобъ я тамъ присутствовала, когда онъ говоритъ... Впрочемъ, мнѣ и самой бы этого не хотѣлось: на меня стали бы смотрѣть... А, вы знаете, такого честолюбія у меня нѣтъ, мое честолюбіе совсѣмъ иное...

— Еслибъ я, который его никогда не слыхалъ, только зналъ, что онъ будетъ говорить, я выѣхалъ бы изъ Аннеси съ вечера... Мнѣ было бы не трудно это сдѣлать... какъ жалко, право!.. О чемъ же онъ говорилъ?

— Онъ внесъ предложеніе съ требованіемъ отмѣны закона относительно развода...

Монде широко раскрылъ удивленные глаза.

— Зачѣмъ же ему хочется уничтоженія права развода? воскликнулъ онъ. Разводъ необходимъ, разводъ имѣетъ основаніе для своего существованія, разводъ...

— О, Мишель совершенно правъ! съ живостью перебила его Сюзанна!.. Еслибы вы его послушали, вы стали бы одного съ нимъ мнѣнія. Не слѣдуетъ забывать того, что согласно его системѣ, все должно быть неприкосновенно: семья, общество, церковь. Это одно священное цѣлое. Неприкосновенность всего этого должна уважаться. Я не въ состояніи вамъ всего этого объяснить; но онъ, онъ восхитителенъ, когда касается этихъ вопросовъ... Я убѣждена въ томъ, что сегодня онъ имѣлъ громадный успѣхъ...

Честное лицо Монде попрежнему продолжало выражать изумленіе, но онъ не желалъ противорѣчить своей собесѣдницѣ.

— Вы были бы хорошимъ депутатомъ, сказалъ онъ улыбаясь. Да, да, вы сумѣли бы поддерживать Мишеля не хуже всякихъ

де-Торновъ и монсеньеровъ Рюсселей... Должно быть онъ правъ, если вы такъ говорите и онъ такъ полагаетъ... Но это вопросъ важный .. крайне важный!

Въ это мгновеніе бесѣда ихъ была прервана: дверь распахнулась, и въ комнату вошла безъ всякаго доклада изящная, молодая дѣвушка. Дѣти вскочили и бросились къ ней здороваться. Она погладила длинные волосы Анни и протянула руку Сюзаннѣ, которая ей слазала:

— Бланшъ, Бланшъ!..

— Я пришла васъ звать обѣдать, безо всякихъ церемоній, проговорила она,—если только я вамъ не помѣшала...

— Вы знаете, что вы никогда намъ мѣшать не можете... А сегодня еще у насъ старый другъ... также и вашъ другъ...

Бланшъ, еще не замѣтившая Монде, теперь посмотрѣла на него и двинулась къ нему, протягивая руку:

— Г. Монде!

— Мадемуазель Эстевъ!.. Я уже не рѣшаюсь васъ называть Бланшъ, я, который не видалъ васъ цѣлыхъ пять лѣтъ .. какъ вы перемѣнились за это время, какъ вы перемѣнились!

Отецъ Бланшъ, Рауль Эстевъ, точно также уроженецъ Верхней Савойи, былъ третьимъ въ тѣсной дружбѣ Тейсье и Монде. Онъ былъ талантливымъ инженеромъ, былъ дѣятеленъ, отваженъ, исполненъ обширныхъ проектовъ, и умеръ въ полномъ разцвѣтѣ силъ, погибъ во время желѣзнодорожнаго крушенія, оставивъ своихъ жену и дочь если не въ бѣдственномъ, то во всякомъ случаѣ трудномъ положеніи.

Тейсье, принявшему на себя обязанность дѣйствовать вмѣсто какого-нибудь неловкаго опекуна, удалось выручить изъ различныхъ, довольно сложныхъ дѣлъ значительный затраченный сюда Эстевомъ капиталъ, который обезпечивалъ Бланшъ широкую будущность. Что же до г-жи Эстевъ, то послѣ отчаянія перваго времени—и притомъ ранѣе окончанія своего траура—она вторично вышла замужъ за одного весьма богатаго и крайне незначительнаго завсегдатая всякихъ клубовъ, г. де-Керьэ. У нея не было дѣтей отъ этого втораго брака, бросившаго ее въ водоворотъ свѣтской жизни, къ которой она имѣла склонность. Дочь ея, не походившая на нее ни лицемъ, ни характеромъ, подростая, стѣсняла ее. Она ни мало не заботилась о ней; а Бланшъ, враждебно относившаяся къ г. де-Керьэ, противъ котораго она питала чувство глухой антипатіи, чувствовавшая себя несчастною

въ средѣ, гдѣ ей не доставало чувства любви, и гдѣ ей не нравились насильно навязываемые ей вкусы и привычки, мало-по-малу отдалилась отъ своей семьи и сдѣлалась почти пріемною дочерью Сюзанны.

Монде были извѣстны всѣ эти подробности. До нѣкоторой степени Бланшъ росла у него на глазахъ, такъ какъ она обыкновенно сопутствовала Тейсье при ихъ поѣздкѣ на лѣто въ Анесси. Но онъ не видалъ ее четыре года, и за это время она удивительно перемѣнилась и похорошѣла. Теперь это была высокая, стройная дѣвушка, производившая впечатлѣніе чѣмъ-то бо́льшимъ, чѣмъ красота. Безъ сомнѣнія, она была красива, но такою красотой, которая мало бросается въ глаза.

Относительная неправильность чертъ ея лица мѣшала тому, чтобы сразу замѣтить, насколько онѣ гармонируютъ между собою; волосы ея, на первый взглядъ, казались черезъ чуръ бѣлокурыми для прозрачной бѣлизны ея кожи, подходившей по своему тону къ тону старинныхъ картинъ; длинныя рѣсницы какъ будто не давали сразу замѣтить темную синеву ея глазъ, ихъ ясный блескъ, ихъ безконечно кроткое выраженіе. Надобно было долго всматриваться въ нее, чтобы почувствовать ея обаяніе. Надобно было видѣть ея походку, ея нѣсколько медленныя движенія, отличающіяся той, неподдающейся описанію, граціей, которая исходитъ какъ-то изнутри человѣка. Надобно было слышать, какъ она говоритъ, слышать ея голосъ, одновременно и серьезный и отличающійся какой-то хрустальною чистотой, придающій каждому ея слову какое-то особенно милое выраженіе. Надобно было наблюдать ея пріемы, ея жесты, ея сдержанность, проникнуться особенною исходящей отъ нея атмосферой. Вотъ тогда-то человѣкъ испытывалъ влеченіе къ ней вслѣдствіе нѣжнаго сочувствія, вызываемаго глубиной внутренней жизни, которая ничѣмъ не проявляется, но которая угадывается, неотразимому и вмѣстѣ съ тѣмъ грустному вліянію которой невольно начинаешь поддаваться.

— Г. Тейсье былъ сегодня великолѣпенъ, сказала Бланшъ, садясь въ третье кресло въ стилѣ Людовика XIII.

Она казалась весьма оживленною, какъ будто въ ней сказывались еще отголоски той битвы, при которой она присутствовала.

— Такъ вы были въ палатѣ? спросилъ Монде.

— Да... я тамъ была съ г-жею де-Торнъ... Вообразите, она никогда еще не слыхала его!..

— Точно также, какъ и я, сказалъ Монде.

— И я, повторила съ полуулыбкой Сюзанна.

— Вамъ незачѣмъ слушать его въ палатѣ, сказала Бланшъ,— онъ всецѣло принадлежитъ вамъ... онъ вамъ разсказываетъ все, чтобъ онъ ни дѣлалъ, чтобъ онъ ни говорилъ!.. Но сегодня онъ былъ болѣе краснорѣчивъ, болѣе увлекателенъ, чѣмъ когда-либо...

— Такъ его предложеніе прошло? спросила Сюзанна.

— Нѣтъ... но тѣмъ не менѣе это было успѣхомъ... Фурре потребовалъ предварительнаго обсужденія... Предварительное обсужденіе по поводу предложенія Тейсье!.. Разумѣется, оно было отвергнуто большинствомъ ста голосовъ... Неотложность, къ несчастію, точно также была отвергнута, но послѣ преній, и всего большинствомъ пятнадцати голосовъ... Палата депутатовъ замирала, волновалась, правая выражала неудовольствіе, лѣвая рукоплескала... Тогда среди общаго гама онъ произнесъ своимъ прекраснымъ, покрывающимъ всякій шумъ, голосомъ: „надобно начать снова!“ А между тѣмъ въ залѣ было множество пришедшихъ въ неистовство людей, даже и въ ложахъ, которыя были переполнены. Мнѣ кажется онъ никогда еще не вызывалъ такой бури. Но вѣдь вы знаете, какъ онъ бываетъ спокоенъ, когда вокругъ него грохочетъ буря.

Говоря, она воодушевлялась, ея голосъ дрожалъ отъ сдерживаемаго чувства восторга. Монде покачивалалъ головою свойственнымъ ему, особеннымъ движеніемъ, выражавшимъ неодобреніе.

— Зачѣмъ это Мишель затрогиваетъ такіе вопросы, какъ разводъ? сказалъ онъ.—Есть черезъ чуръ трудныя задачи, которыхъ трогать не слѣдуетъ... Время отъ времени задачи эти рѣшаются въ томъ или иномъ смыслѣ, плохо ли, хорошо ли, но рѣшаются... Но разъ подобные вопросы бываютъ рѣшены, то пусть нѣкоторое время они такъ и остаются... Я не знаю, каковъ настоящій законъ; но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что онъ не достаточно старъ, чтобы надобно было его измѣнять.

— Мишель сумѣетъ васъ переубѣдить, сказала Сюзанна, какъ разъ въ то мгновеніе, какъ сбиралась отвѣчать Бланшъ.—А, да вотъ и онъ!

Дѣйствительно, Мишель входилъ въ комнату. Онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ очень рѣзкимъ, пожалуй, строгимъ профилемъ; его темнокоштановые волосы были коротко острижены, усы закручены.

— Здравствуйте! проговорилъ онъ, входя.—Каково! Монде! Какой добрый вѣтеръ занесъ тебя сюда?

И онъ протянулъ ему руку.

Но Монде слишкомъ хорошо зналъ своего друга, чтобы не угадать прозвучавшее въ его голосѣ легкое неудовольствіе, не взирая на сердечность словъ и движеніе. Впрочемъ, это скорѣе встревожило, чѣмъ оскорбило его.

— Я пріѣхалъ сюда по поводу маленькаго наслѣдства послѣ тетки, отвѣтилъ онъ. Меня вызвалъ нотаріусъ. Впрочемъ, я здѣсь мимолетно и пробуду не больше двухъ дней.

— Какъ, всего два дня! воскликнулъ Мишель, и на этотъ разъ съ болѣе сердечной откровенностью. — Если ты уже сбѣжалъ сюда, такъ ужь надобно, чтобы было изъ-за чего. Желаешь получить маленькій отпускъ? Я берусь тебѣ это устроить.

— Такъ ты въ хорошихъ отношеніяхъ съ министерствомъ?

— Кто? я? на ножахъ. А потому-то я и добился бы всего, чего бы захотѣлъ, еслибы только попросилъ чего-нибудь.

— То, что̀ ты мнѣ тутъ говоришь, началъ было Монде, — для человѣка, который стремится все пересоздать...

Но Мишель уже обернулся къ мадемуазель Эстевъ и уже не слушалъ того, что ему говорилъ его пріятель.

— Какая вамъ пришла славная мысль, Бланшъ, пріѣхать сегодня вечеромъ къ намъ, говорилъ онъ молодой дѣвушкѣ.

Все лицо его сіяло. Затѣмъ, указывая движеніемъ руки на вошедшаго вмѣстѣ съ нимъ и остававшагося въ тѣни молодаго человѣка, онъ прибавилъ:

— Позвольте вамъ представить г. Мориса Пейро, съ которымъ вы, кажется, еще не знакомы, несмотря на то, что онъ одинъ изъ нашихъ постоянныхъ посѣтителей.

Молодой человѣкъ поклонился Бланшъ, которая отвѣтила:

— Я очень аккуратно читаю статьи г. Пейро.

Затѣмъ, съ нѣсколько лихорадочной живостью, Тейсье обратился къ своей женѣ:

— Что̀ же, милый другъ, не пора ли намъ обѣдать? Да поскорѣе! Г. Пейро надобно еще прочесть корректуры къ сегодняшнему вечеру. Я привелъ его, потому что мы живемъ въ двухъ шагахъ отъ его типографіи.

— Обѣдъ готовъ, отвѣтила Сюзанна.—Мы тебя поджидали, по крайней мѣрѣ, больше получаса.

Въ быстромъ обмѣнѣ рѣчей со времени прихода Мишеля по-

ложительно не было ничего необычнаго. Почему же Монде начиналъ испытывать впечатлѣніе какого-то неопредѣленнаго безпокойства? Почему онъ чувствовалъ какую-то натянутость, какую-то тревогу, что-то угрожающее и тягостное, какое-то смутное сжимавшее ему сердце предчувствіе? У истинныхъ друзей бываютъ иногда такія таинственныя откровенія, которыми они безъ сомнѣнія бываютъ обязаны искренности своей преданности.

Обѣдъ былъ сервированъ съ большою простотой; это былъ обѣдъ людей, которые не придаютъ большаго значенія столу. Что же до разговора, то онъ исключительно касался политики; Пейро направлялъ его, на всѣ лады перебирая вопросъ, которому было посвящено сегодняшнее засѣданіе палаты депутатовъ. Пейро говорилъ съ рѣдкимъ изяществомъ, съ большимъ обиліемъ всегда вѣрныхъ образовъ, съ умѣньемъ дѣлать тонкіе выводы, психологическіе или нравственные. Монде отвѣчалъ ему со свойственными ему прямотою и здравымъ смысломъ. Мишель былъ разсѣянъ, едва слушалъ, о чемъ шла рѣчь, молчалъ, или же вдругъ начиналъ говорить съ какою-то нервною и авторитетною многорѣчивостью.

— Вы человѣкъ наблюдательный, любознательный, литераторъ,—вдругъ обратился онъ къ Пейро, который только-что разсказывалъ интересный случай развода. — Въ сущности, меня всегда удивляетъ, что вы находитесь въ нашихъ рядахъ, хотя я васъ и признаю однимъ изъ нашихъ капитановъ, но вы интересуетесь событіями лишь въ силу тѣхъ идей, на которыя они васъ наводятъ. Ваши мнѣнія являются плодомъ философскихъ размышленій. А въ довершеніе къ этому, васъ постоянно занимаетъ разсматриваніе различныхъ сторонъ всякаго вопроса, что составляетъ безполезную и опасную игру. Мы же, наоборотъ, мы—люди практическіе. Мы желаемъ прежде дѣйствовать, чѣмъ думать. Это, замѣтьте, нисколько не мѣшаетъ намъ вполнѣ понимать то, чего мы хотимъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ во Франціи только и дѣлали, что все разрушали, все уничтожали. Мы снова все возстановляемъ, вотъ и все. Мы вошли въ изъѣденный червями домъ и желаемъ превратить его въ прочное зданіе, всѣ части котораго взаимно бы другъ друга поддерживали. Вотъ потому-то мы и остерегаемся вашей психологіи, и потому-то наша нравственная сторона несравненно проще вашей нравственной стороны.

— Я думаю, ты говоришь теперь такъ же, какъ и въ палатѣ, сказалъ Монде.

— Не совсѣмъ. Въ палатѣ я говорю несравненно пространѣе и часто повторяюсь. Впрочемъ, что касается до сущности, ты правъ, это одно и то же. Но что же тутъ подѣлаешь? У меня нѣтъ однихъ мнѣній для галлерей палаты, а другихъ для болѣе тѣснаго кружка. Надобно, чтобы ты помирился съ тѣмъ, чтобы смотрѣть на меня тѣми же глазами, какъ и всѣ, старина!.. Ты, который меня знаешь съ тѣхъ поръ, какъ я существую, долженъ этому удивляться!

Монде, который былъ не прочь пошутить, принялъ лукавый видъ.

— Честное слово, сказалъ онъ, изо всей твоей сегодняшней рѣчи мнѣ вполнѣ ясно только то, что ты сжегъ свои корабли!..

А затѣмъ, замѣтивъ, что всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ, онъ прибавилъ, обращаясь къ Сюзаннѣ:

— Это вполнѣ ясно!.. Вы, дорогая г-жа Тейсье, можете теперь быть совершенно спокойны... Если у сего великаго мужа и могло бы когда-либо возникнуть поползновеніе развестись, то это уже дѣло невозможное, конченное, онъ самъ заковалъ себя въ цѣпи!

И съ этими словами Монде добродушно расхохотался. Однако никто не вторилъ его смѣху. Сюзанна ограничилась тѣмъ, что улыбнулась съ выраженіемъ полной увѣренности. Мишель только пожалъ плечами.

— Вы можете быть спокойны, г. Монде, замѣтилъ послѣ всеобщаго краткаго молчанія Пейро. Но, знаете ли вы, что̀ составляетъ главную силу г. Тейсье? Не его краснорѣчіе, не его дарованія, даже не его сущность, а полное согласіе съ его убѣжденіями всей его частной жизни, на которую еще никто не осмѣлился дѣлать никакихъ нападковъ.

Монде обмѣнялся взглядомъ съ Сюзанной, чтобы напомнить ей, что самъ онъ только-что говорилъ то же самое. Но въ это самое мгновеніе Мишель вдругъ рѣзко проговорилъ:

— У насъ подобнаго рода вещи не имѣютъ того значенія, которое вы имъ придаете.

— Нѣтъ, можетъ быть, онѣ имѣютъ несравненно бо̀льшее значеніе, чѣмъ это предполагаете вы, человѣкъ столь безупречный, замѣтилъ Пейро. Де-Торнъ, о которомъ никакъ нельзя сказать того же самаго, только-что говорилъ мнѣ это во время се-

годняшняго засѣданія, а вы знаете, что де-Торнъ человѣкъ прозорливый. „Мы странный народъ,“ говорилъ онъ: „добродѣтель всегда намъ представляется нѣсколько смѣшною, а между тѣмъ у насъ существуетъ огромная потребность въ добродѣтели, и мы поддаемся ея вліянію“. Что до меня, то я полагаю, что де-Торнъ въ данномъ случаѣ не ошибается.

— Что однако ни мало не мѣшаетъ тому, возразилъ Тейсье, чтобъ нѣкоторые весьма беззастѣнчивые люди отлично пробивали себѣ у насъ дорогу. Возьмемъ для примѣра хоть Діеля. Ужь конечно не своей добродѣтели обязанъ онъ своими успѣхами! А между тѣмъ онъ непоколебимо остается въ своемъ министерствѣ колоній, не взирая на окружающіе его имя скандальные слухи. Посмотрите еще на Комбеля: это еще страннѣе. Имя его запятнано, а его уважаютъ. У него въ прошломъ масса всякихъ грязныхъ исторій, которыя только могутъ быть у человѣка, исторій, въ которыхъ замѣшаны женщины, исторій, касающихся денегъ. И онъ только еще сильнѣе отъ этого. Самые его противники признаютъ, что онъ вполнѣ достойный уваженія президентъ совѣта министровъ. Развѣ это не правда?

Это прямое указаніе на лицъ, повидимому, нисколько не поколебало Пейро.

— Это далеко не столь убѣдительно, какъ это можно думать, отвѣтилъ онъ. Комбель и Діель исключенія: порокъ имъ пошелъ на пользу. Въ томъ состояніи, до котораго они дошли, они все могутъ себѣ позволить: ничто уже не въ силахъ вредить имъ. Репутація ихъ такова, что имъ рисковать нечѣмъ... Они внѣ всякихъ нападеній; о нихъ уже все сказано, больше сказать о нихъ нечего. Имъ всякій скандалъ, что съ гуся вода!

— Пейро, замѣтилъ Мишель, вы, кажется, противорѣчите себѣ.

— Ничуть, увѣряю васъ. Дайте мнѣ кончить. Если имъ все удается, то потому, что они обладаютъ добродѣтелью, замѣняющею собою всѣ остальныя добродѣтели: они обладаютъ наглостью.

— О, вы пускаетесь въ нелѣпые выводы!

— Никогда! Что вѣрно относительно ихъ, то только и вѣрно, что относительно ихъ однихъ, потому что они нѣчто вродѣ уродовъ, которые въ этомъ качествѣ и составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Но если кто-нибудь иной надѣлалъ бы десятую долю того, что надѣлали они, то это былъ бы человѣкъ по-

гибшій. А если это человѣкъ честный, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, то для полнаго уничтоженія его достаточно было бы еще меньшаго: было бы достаточно какой-нибудь одной ошибки, слабости, малѣйшаго пустяка.

— Что до меня, сказалъ слушавшій съ большимъ вниманіемъ Монде, то я полагаю, что г. Пейро правъ: прощаютъ только плохимъ людямъ. А слѣдовательно, Мишель, веди себя какъ слѣдуетъ! Ты осужденъ навѣки быть добродѣтельнымъ, мой милый!

— Ничто изъ того, о чемъ мы сейчасъ говоримъ, заявилъ Пейро, не можетъ касаться г. Тейсье: ему даже невѣдомы никакіе соблазны!

Никто ничего не замѣтилъ на это заявленіе, послѣ котораго водворилось нѣкоторое молчаніе. Затѣмъ Мишель заговорилъ съ бо̀льшимъ добродушіемъ, чѣмъ это было до сихъ поръ.

— Знаете, дѣти мои, сказалъ онъ, всякій имѣетъ свои слабости, свои слабыя струнки, и въ сущности всѣ люди не лучше одни другихъ, лишь бы только они не были вовсе никуда негодными людьми, подобно Діелю и Комбелю. Но, что̀ дѣлать? Всякій человѣкъ рабъ своей жизни! Я направилъ свою жизнь по прямому пути, та̀къ мнѣ и нужно продолжать! Если вы ужъ желаете это знать, то я признáюсь вамъ, что порою меня тянуло свернуть немножко въ сторону съ этого прямаго пути, да, право такъ! но я никогда не дѣлалъ этого, можетъ быть потому, что путь-то мой не особенно непріятенъ.

При этихъ словахъ онъ обернулся къ женѣ, которая ему улыбнулась.

— А можетъ быть также и потому, продолжалъ онъ, что я инстинктивно сознавалъ то, что̀ сейчасъ говорилъ Пейро, хотя я и не психологъ и не философъ. Можетъ быть я предчувствовалъ, что добродѣтель составляетъ силу. Всегда бываетъ нѣкоторый разсчетъ въ нашей манерѣ вести себя.

— Вотъ видите, сказалъ Пейро, въ концѣ концовъ вы признаете же, что я правъ. И слушайте! хотите, я еще приведу вамъ слова де-Торна въ томъ же родѣ? „Для Тейсье корректность является талисманомъ.“

— А всетаки же это странно, замѣтилъ Монде, что противоположности одинаково достигаютъ успѣха, и что порокъ необходимъ Діелю, которой бы погибъ, еслибъ ему вздумалось сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, а добродѣтель необходима Тейсье, кото-

рый потерпѣлъ бы крушеніе при малѣйшемъ уклоненіи съ праваго пути.

— Да, это странно, сказалъ Пейро, но это такъ. И можетъ быть это недурно: это расширяетъ пропасть, отдѣляющую хорошихъ людей отъ плохихъ.

— Впрочемъ, заключилъ разсужденія Мишель, справедливость всетаки же въ концѣ концовъ торжествуетъ: когда нибудь наступитъ день, когда Комбель и Діель рухнутъ вмѣстѣ со всѣми себѣ подобными. Въ теченіе нѣкотораго времени, подобнаго рода людей ничто не беретъ! Ими даже восхищаются. О нихъ говорятъ: это люди сильные! И этимъ все извиняется. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, простое дуновеніе ихъ опрокидываетъ. И тогда, какое паденіе! Мы уже видали тому примѣры: помните, дѣло Каффареля со всѣми его послѣдствіями? намъ еще неоднократно придется быть свидѣтелями точно такихъ же паденій!

Изъ-за стола уже встали. Мишель, уже стоя, договорилъ свою тираду, которую онъ закончилъ утвердительнымъ и рѣшительнымъ движеніемъ руки. Всѣ вернулись въ маленькую гостиную, гдѣ Сюзанна, которой помогала Бланшъ, разливала кофе. Пейро наскоро выпилъ свою чашку и простился, ссылаясь на спѣшность своего дѣла. Кружокъ тогда сдѣлался уже совсѣмъ интимнымъ. Тейсье, который самъ не курилъ, предложилъ сигару Монде.

— Да, у тебя превосходныя сигары, любезный другъ! воскликнулъ тотъ послѣ двухъ-трехъ затяжекъ. А ты ими и не пользуешься! Такъ ты ихъ держишь для твоихъ политическихъ друзей?

— Разумѣется.

— Ты много принимаешь у себя?

На этотъ вопросъ ему отвѣтила Сюзанна.

— У насъ всегда кто нибудь бываетъ.

— Полагаю, вы также много выѣзжаете?..

— Во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ мнѣ бы это хотѣлось, сказалъ Тейсье.

— И это тебя занимаетъ?

— Ахъ, вотъ ужъ вовсе-то нѣтъ! Видишь ли, живя спокойно и тихо въ миломъ твоемъ захолустьи Аннеси, гдѣ всѣ дни походятъ одни на другіе, ты и вообразить себѣ не въ состояніи, до какой степени я бываю иногда утомленъ, разбитъ, измученъ своей жизнью... Она давитъ меня какъ какая нибудь гора, а отдѣлаться отъ этого невозможно...

— Такой человѣкъ, какъ ты, который дѣлаетъ то, что ты дѣлаешь...

— Ахъ, что же изъ этого?.. Бываютъ минуты, когда мнѣ противно всякое человѣческое лице... Да, эти существа, которыхъ совершенно невѣрно именуютъ нашими ближними, становятся для меня невыносимы... Я желалъ бы убѣжать отъ нихъ, отъ ихъ шума, чтобъ отправиться куда бы то ни было съ моими близкими и нѣсколькими друзьями... весьма немногими друзьями... вести жизнь тихую, лишенную всякой натянутости, ни о чемъ не заботясь, ничего не думая...

Пока Мишель такъ говорилъ, взглядъ Монде слѣдилъ за нимъ съ выраженіемъ удивленія и какой-то вопросительной проницательности.

Мишель это замѣтилъ, смутился и умолкъ.

— Ты ведешь весьма странныя рѣчи, сказалъ ему послѣ краткаго молчанія его другъ, необычайно странныя для человѣка, который преслѣдуетъ великую цѣль, который занятъ высокими вопросами, который желаетъ обновить нравственность страны, улучшить весь свѣтъ. Еслибы твои сотоварищи и твои избиратели тебя слышали...

— Да вѣдь они меня не слышатъ! прервалъ его Мишель, пожимая плечами. Они видятъ только одну мою сторону,—ту, которую я всѣмъ показываю... Но во мнѣ есть еще и другая, истинная моя сторона...

Его голосъ сдѣлался какъ-то глухъ.

— Ужь не хочешь ли ты сказать, съ нѣкоторою тревогой спросилъ Монде, что исполняемая тобою роль есть не болѣе какъ роль напускная?... что ты такой же скептикъ, какъ и другіе?.. что ты играешь на своей струнѣ только потому, что считаешь ее за лучшую?..

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! воскликнулъ Тейсье. Я вѣрю въ то, что̀ дѣлаю, вѣрю въ то, что̀ я говорю, я всѣми силами желаю блага... Но, что дѣлать! Бываютъ минуты утомленія, слабости, даже сомнѣнія... сомнѣнія въ себѣ самомъ... Ты пріѣхалъ въ одну изъ такихъ минутъ..

Монде покачалъ головой:

— Я что-то несовсѣмъ это понимаю, сказалъ онъ. Такая задача, какъ у тебя, мнѣ кажется, должна была бы тебя всего поглощать, сдѣлать тебя счастливымъ...

Затѣмъ, обратясь къ безмолвно сидѣвшей Сюзаннѣ, онъ прибавилъ:

— Зачѣмъ же вы позволяете ему такъ говорить?

— Да какъ же мнѣ помѣшать ему? отвѣтила она. И это случается съ нимъ чаще, чѣмъ вы можете себѣ это представить... Еслибы вы только знали, до какой степени онъ сдѣлался нервенъ!.. Эта общественная жизнь отнимаетъ у него здоровье, силы... частичку сердца также... Я часто проклинаю эту жизнь! мнѣ хотѣлось бы оторвать его отъ нея... Но это невозможно: онъ будетъ стоять на своемъ посту до послѣдняго своего издыханія...

Опять наступило минутное молчаніе. Его прервалъ Монде, сказавъ серьезнымъ, обдуманнымъ тономъ:

— Какъ бы то ни было, для человѣка живаго, пылкаго, чувствительнаго, можетъ-быть и не плохо быть очень занятымъ... Это даже для него необходимо, дорогая г-жа Тейсье. Кто знаетъ, можетъ-быть, при другихъ условіяхъ, вы могли бы имѣть и болѣе серьезные поводы къ тревогѣ?

— Впрочемъ, заявилъ Мишель, все что̀ мы говоримъ, не имѣетъ большаго значенія. Водоворотъ жизни влечетъ за собою людей; никому не приходится всегда дѣлать то, что̀бъ ему хотѣлось...

Съ этими словами онъ всталъ, подошелъ къ сидѣвшей въ сторонѣ и не принимавшей участія въ разговорѣ Бланшъ и сталъ вполголоса бесѣдовать съ нею, между тѣмъ какъ Сюзанна и Монде продолжали свой разговоръ. Это двойное *a parte* продолжалось довольно долгое время. Но вотъ Монде раза два, три зѣвнулъ, и Сюзанна воскликнула:

— Да вы совершенно измучены, г. Монде, вы совсѣмъ лишились силъ!.. А я-то и не подумала объ этомъ и заставляю васъ говорить, говорить...

— Это отъ желѣзной дороги, дорогая г-жа Тейсье... отъ этой ужасной желѣзной дороги... знаете, я вовсе не привыкъ...

— Ваша комната должна быть готова... Пойдемте! Я васъ провожу, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ какъ слѣдуетъ...

Она поднялась съ мѣста, Монде простился съ Бланшъ и Мишелемъ и вмѣстѣ съ Сюзанной вышелъ изъ комнаты.

Въ маленькой гостиной наступило минутное молчаніе. Бланшъ и Мишель обмѣнялись быстрымъ взглядомъ и, обративъ глаза къ двери, прислушивались къ удаляющимся шагамъ, которые совершенно замерли, когда Сюзанна и Монде дошли до устлан-

ной толстымъ ковромъ передней. Потомъ они снова посмотрѣли другъ на друга взоромъ, въ которомъ они уже болѣе не сдерживали своего чувства. Мишель опустился на колѣни у ногъ молодой дѣвушки, завладѣлъ ея руками и осыпалъ ихъ поцѣлуями. И такъ они оставались съ минуту, безмолвно, всецѣло принадлежа другъ другу, влагая въ эту ласку, единственную, которую они когда-либо позволяли себѣ, всю радость и всю муку своихъ нерѣшительныхъ желаній, своей мучительной любви, которая вслѣдствіе постоянной борьбы все еще болѣе возрастала, которая то терзала, то опьяняла ихъ, которую силой воли они старались сдерживать, не будучи въ состояніи уничтожить. Они молчали, но и самымъ этимъ безмолвіемъ говорили другъ другу многое. Руки Бланшъ слабо сжимали руки Мишеля; дыханіе ихъ становилось затруднительнымъ. Это какъ будто было тою самою бурей, электричество которой добрый Монде чувствовалъ въ воздухѣ въ теченіи всего вечера. Ихъ пугалъ малѣйшій шорохъ, малѣйшій трескъ. Мишель поднялся съ колѣнъ и проговорилъ скороговоркой:

— Вотъ, пока мы одни...

И вынувъ изъ кармана письмо, онъ его подалъ Бланшъ, которая поспѣшно сунула его за корсетъ, а ему дала въ обмѣнъ другое письмо.

Мишель снова завладѣлъ руками молодой дѣвушки.

— Что̀ вы мнѣ говорите въ этомъ драгоцѣнномъ письмѣ? спросила она.

— Увидите... Все то же!.. Что я васъ люблю, люблю, и что я несчастенъ.

Она сжала его руки.

— Вы несчастны?

— О, нѣтъ, не теперь! не въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда я съ вами, когда у меня есть иллюзія, что вы моя!.. Но во все остальное время, всегда! Да, когда я дѣйствую, не сознавая того, что̀ я дѣлаю, вѣчно думая о васъ, и когда я бываю одинъ... Да вотъ сегодня, находясь на трибунѣ...

— Вы такъ хорошо говорили! перебила она его.

— Не знаю, я себя не слышалъ!.. какъ и всегда, я думалъ только о васъ...

— А между тѣмъ вы даже не взглянули на меня!..

— Потому что я говорилъ... ахъ, вы, конечно, поняли это!.. говорилъ противъ васъ, противъ себя, противъ своего сердца!..

Монде и не думалъ о томъ, что онъ выразился такъ вѣрно: да, я сжигалъ свои корабли... увы! наши корабли!.. И это пламя, и этотъ дымъ меня терзали... Рушились всѣ безумные планы, которые я составляю съ тѣхъ поръ, какъ васъ люблю... Съ каждымъ произнесеннымъ мною словомъ я все яснѣе сознавалъ, что никогда, никогда вы не будете моею... потому что я разрушалъ нашу единственную надежду, нашъ единственный якорь спасенія... И мнѣ хотѣлось кричать отъ боли, до такой степени жгли меня мои собственныя слова...

Слушая его, Бланшъ нѣсколько отстранилась отъ него съ выраженіемъ удивленія на лицѣ.

— Да, продолжалъ онъ, я никогда вамъ объ этомъ не говорилъ, но я часто объ этомъ думалъ... Въ концѣ-концовъ намъ оставалось это средство, разводъ...

Бланшъ сдѣлала движеніе рукой, какъ бы закрывая ему ротъ:

— Молчите, Мишель! не говорите подобныхъ вещей, прошу васъ!.. Зачѣмъ вы ихъ говорите?.. Вы очень хорошо знаете, что это только слова, знаете, что это невозможно!..

— Невозможно, да, вы правы!.. Но я неустанно объ этомъ думалъ, въ концѣ-концовъ мнѣ начинало казаться, что это не вовсе такъ невозможно, какъ это представляется... Мысль эта преслѣдовала меня... Мнѣ захотѣлось ее оттолкнуть...

— Вы хорошо сдѣлали!.. Дорогой мой, не забывайте того, что вы сами мнѣ такъ часто повторяли: мы властны въ нашихъ чувствахъ, но не въ поступкахъ, мы имѣемъ право... не знаю вѣрно ли это?.. мы имѣемъ право любить другъ друга, пока мы этимъ никого не заставляемъ страдать...

— Да, правда, я такъ говорилъ, такъ думалъ; я и до сихъ поръ еще разъ такъ думаю, но у меня не хватаетъ силъ, я слишкомъ сильно люблю васъ!..

Она снова придвинулась къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда не слишкомъ сильно!..

— Нѣтъ, это такъ... Мнѣ надобно было бы быть сильнымъ... Я былъ обязанъ быть сильнымъ... И что же? Нѣтъ, нѣтъ, я ненавижу, я презираю себя за то, что не сумѣлъ справиться съ собою, не сумѣлъ скрыть своихъ чувствъ!.. Я смутилъ вашу жизнь, я лишилъ васъ того счастія, которое бы могло выпасть на вашу долю...

— Не говорите такъ, потому что я счастлива!..

И въ той потребности, которая свойственна всѣмъ женщи-

намъ, утѣшить любимаго человѣка, когда онъ страдаетъ, стараясь передать ему все ощущаемое внутри себя счастіе, въ этой чисто-женственной потребности великодушной и благодѣтельной ласки, она стала гладить рукой его волосы, почти материнскими движеніями, очень нѣжно и очень успокоительно. И въ эту минуту они чувствовали себя почти счастливыми, забывъ себя, забывъ то, что̀ имъ вѣчно угрожало, то, что̀ ихъ раздѣляло, забывъ то, что жизнь и долгъ воздвигали между ихъ готовыми слиться въ поцѣлуѣ устами... И вдругъ въ это самое мгновеніе совершенно безшумно отворилась дверь. Они не видали, какъ на порогѣ остановилась Сюзанна, какъ она сдѣлала было шагъ впередъ, какъ затѣмъ, смертельно блѣдная, схватилась рукой за сердце, какъ бы сдерживая готовый вырваться у нея крикъ, и какъ снова медленно удалилась. И еще нѣсколько мгновеній смотрѣли они другъ другу въ глаза, едва обмѣниваясь краткими словами. Потомъ, какъ будто обрѣтя нѣкоторое успокоеніе въ истомѣ неудовлетвореннаго желанія и борьбѣ съ нимъ, они принялись степенно бесѣдовать между собою; такимъ образомъ въ ихъ позѣ уже не было ничего необычнаго, когда снова въ комнату вошла Сюзанна и съ вполнѣ естественнымъ видомъ присоединилась къ ихъ разговору. Прошло еще нѣсколько однообразныхъ, скорѣе тягостныхъ минутъ, какъ это бываетъ между утомленными своимъ днемъ людьми, которые близко знаютъ другъ друга и которымъ между тѣмъ уже не о чемъ разговаривать. Когда часы пробили десять, слуга явился съ докладомъ, что мадемуазель Эстевъ ждетъ ея карета. Бланшъ поднялась, подала руку Мишелю и поцѣловала Сюзанну, которая поблѣднѣла и закрыла глаза. Не было ни одного слова, ни одного движенія, ничего внѣшняго, что̀бы выдало происходившую между этими троими людьми драму.

Однако, когда Бланшъ удалилась, Мишель замѣтилъ, что жена его едва держится на ногахъ.

— Что̀ съ тобой? спросилъ онъ ласково.

Она отвѣчала самымъ естественнымъ тономъ:

— Я что-то не совсѣмъ хорошо чувствую себя сегодня...

— Не хорошо себя чувствуешь? переспросилъ онъ съ тревогою.

— О, это пустяки, не безпокойся... немножко устала... я много ѣздила сегодня по магазинамъ... За ночь отдохну... Покойной ночи!..

Она подставила ему для поцѣлуя лобъ. Онъ прикоснулся къ нему горящими устами.

— Ты тоже идешь на верхъ? спросила она.

— Нѣтъ, еще рано... Я еще немного поработаю у себя въ кабинетѣ...

Онъ взялъ лампу и первый вышелъ изъ комнаты. Она повторила ему то, что имѣла обыкновеніе говорить ему каждый вечеръ:

— Не слишкомъ утомляйся!..

На порогѣ онъ остановился, чтобъ отвѣтить:

— Не безпокойся... Ты знаешь, я человѣкъ крѣпкій!

Когда дверь за нимъ затворилась, силы покинули Сюзанну, и она упала, рыдая, въ кресло. У нея не могло быть сомнѣнія относительно того, что она видѣла своими собственными глазами. Но подобно тѣмъ, кого постигаетъ неожиданная утрата, она еще не была въ состояніи сосредоточиться до того, чтобы постигнуть всю глубину своего горя. Она мысленно повторяла про себя: „все кончено“, не вникая во весь смыслъ этихъ трагическихъ словъ. Она спрашивала себя. „Что же надобно дѣлать?“ не сознавая всей мучительности этого вопроса. А ночные часы между тѣмъ шли среди этого еще не вполнѣ сознаннаго горя.

Что до Мишеля, то онъ не думалъ о нездоровьѣ жены. Онъ также и не работалъ. Присѣвъ къ своему письменному столу, онъ отодвинулъ въ сторону загромождавшія его бумаги; вынувъ изъ кармана письмо Бланшъ, онъ читалъ его и перечитывалъ; а прежде, чѣмъ его сжечь, какъ онъ это всегда дѣлалъ, онъ списалъ себѣ этотъ отрывокъ, который заставилъ его на долгое время задуматься:

„... Я вамъ не говорила, что нѣсколько времени тому назадъ я испытала нѣчто вродѣ грезы, странной и очаровательной грезы. Я много думала о нашей безъисходной, виновной, страшной любви и чувствовала себя печальной, въ отчаяніи. Я ничего не видѣла передъ собою въ будущемъ и мнѣ казалось, что голова моя готова разлетѣться въ дребезги отъ утомленія и скорби. И вдругъ я почувствовала какое-то пріятное успокоеніе, и въ то же время мнѣ ясно представилось то, чѣмъ я могу и должна быть для васъ. Я поняла, что между нами существуютъ исключительныя, не поддающіяся никакому опредѣленію узы, нѣчто вродѣ братства въ любви. Я могла бы быть для васъ болѣе чѣмъ сестрой, потому что между нами существовала бы тайна; болѣе, чѣмъ другомъ, потому что я знаю, какъ вы меня любите; болѣе чѣмъ же-

ной, потому, что, видя меня такъ мало, вы не могли бы утомиться мной; болѣе чѣмъ любовницей, потому что въ нашей любви не было бы никакого позора. Когда бы я состарѣлась, ваша любовь видоизмѣнилась бы, вотъ и все; и еслибъ я уѣхала, вы стали бы сожалѣть обо мнѣ, но безъ горечи и безъ угрызеній. И я почувствовала себя настолько счастливой, что спокойно заснула, чего уже давно со мною не было..."

Долго сидѣлъ Мишель, задумавшись надъ этимъ отрывкомъ письма, наполнявшимъ его и чувствомъ безмѣрной радости при сознаніи, что онъ такъ сильно любимъ, и чувствами мрачнаго отчаянія при мысли о томъ, что только почти сверхъестественное усиліе препятствуетъ тому, чтобъ эта великая любовь не сдѣлалась совершенно виновною. И онъ также, подобно рыдавшей въ маленькой гостиной Сюзаннѣ, спрашивалъ себя: „Что̀ дѣлать?" И если онъ не страдалъ, подобно ей, отъ смертельнаго удара, который разомъ все убиваетъ въ сердцѣ, онъ тѣмъ не менѣе съ безмѣрнымъ горемъ измѣрялъ и разверзающуюся въ его совѣсти пропасть и безконечное отдѣляющее его отъ счастія разстояніе.

Что же до Бланшъ, то пройдя черезъ роскошные покои этого безразличнаго для нея дома, въ которомъ никогда не было никакого отголоска ея сердцу, она заперлась у себя въ спальнѣ, чтобы также прочитать письмо Мишеля:

„... Еслибы вы только знали, какъ я васъ благословляю и благодарю!.. Еслибы вы только знали, до какой степени я нахожу васъ благородной, великодушной, какъ я восхищаюсь вами за то, что вы меня любите такою любовью, которая не можетъ ничего ожидать, которая вся можетъ состоять только изъ жертвы, горести, самоотреченія!.. Въ своей черезъ-чуръ внѣшней жизни я никогда особенно не вникалъ въ сердечныя чувства и вотъ внезапно вы открываете мнѣ всѣ тайные изгибы сердца. Теперь я понимаю смыслъ многихъ словъ, которыя мнѣ были невнятны, какъ понимаю многое изъ того, что̀ для меня было закрыто. Или вѣрнѣе, я все это чувствую, чувствую душею. Да, я сознаю и чувствую, что у насъ съ вами есть новая жизнь, которая принадлежитъ только намъ двоимъ. Я сознаю и чувствую всю глубину, весь ужасъ, всю жестокость, всю божественность и всю прелесть соединяющей насъ тайны. Я сознаю и чувствую, что вмѣстѣ, руководимые другъ другомъ, мы проникли въ тотъ міръ, врата котораго для многихъ остаются закрытыми,—потому что наше чувство

любви можетъ доставить намъ немного радости, лишь вознесясь надъ чувствомъ любви. Я знаю, что любовь наша преступна, потому что эта любовь запретная, потому что она осуждена на скрытность и ложь. А между тѣмъ, мнѣ кажется, что мы можемъ до нѣкоторой степени смыть съ нея пятно; мнѣ кажется, что мы можемъ требовать отъ нея, чтобъ она облагородила насъ. Дорогая, не заблужденіе ли это? Если да, то до какой степени оно непростительно для такого человѣка какъ я, который долженъ былъ бы знать жизнь, по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ избѣжать такого грубаго заблужденія и сердца, и совѣсти. Но какъ бы то ни было, я не могу удержаться отъ улыбки при мысли о томъ, какъ стали бы судить о насъ, еслибъ знали. И я смѣюсь надъ этимъ,—до такой степени мнѣ безразлично все, что только не вы; я весь отдаюсь счастью любить васъ и воображаю себѣ то чувство радости, которое бы я испытывалъ, жертвуя вамъ всѣмъ, еслибъ только въ этомъ всемъ не заключалось бы также трехъ невинныхъ существъ, которыхъ я долженъ защищать и спасать отъ самого себя; а по терзанію, которое я испытываю вслѣдствіе того, что ничего не властенъ сдѣлать, вслѣдствіе того, что находящееся у меня подъ рукой счастіе все-таки для меня недостижимо, потому что я не долженъ къ нему стремиться,—по этому самому страданію я чувствую, что любовь наша сама въ себѣ заключаетъ себѣ оправданіе, потому что она сильна и потому что она приноситъ себя въ жертву...“

Бланшъ читала и перечитывала письмо, и, въ то время какъ слезы одна за другою капали на бумагу, она спрашивала себя, по какой рововой случайности она полюбила его,—его, который никогда не могъ принадлежать ей, и почему должна она состариться, не зная радости любить безъ стѣсненія и быть свободно любимой,—той радости, которая достается въ удѣлъ всѣмъ невѣстамъ, всѣмъ женамъ, всѣмъ матерямъ?..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эдуардъ Родъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

---

1) Изъ памятной книжки.

(Нѣсколько словъ о живыхъ и умершихъ.)

П. С. Нахимовъ.—Д. Л. Крюковъ.—Т. Н. Грановскій.—А. Ѳ. Писемскій.—А. В. Лохвицкій.—И. К Айвазовскій.—С. А. Юрьевъ—Н. А. Чаевъ.

Первыми словами моими, съ которыми я имѣю честь обратиться къ моимъ читателямъ, будетъ оговорка, что замѣтки мои не будутъ отличаться строгою послѣдовательностью, систематичностью, а тѣмъ болѣе хронологической связностью въ изображеніи событій, эпизодовъ, характеристикъ и фактовъ. Я хочу разсказать только то, что̀ запечатлѣлось у меня на сердцѣ, частію въ общеніи съ описываемыми здѣсь лицами (въ большинствѣ теперь уже покойниками), а частію пользуясь сохранившимися у меня небольшими отрывками изъ бумагъ моего покойнаго отца, отъ котораго кромѣ того мнѣ удалось услышать не мало хорошо уцѣлѣвшихъ въ моей памяти разсказовъ и случаевъ изъ его жизни, протекшей въ постоянномъ сношеніи съ людьми, выдающимися своими дарованіями. Кстати, не могу не высказать, выражаемаго уже многими, „но только все не впрокъ", сожалѣнія, что память о нашихъ лучшихъ людяхъ—дѣятеляхъ въ области развитія живой мысли, искусства и литературы—какъ-то плохо держится въ нашемъ обществѣ; великія заслуги ихъ и неизмѣримо высокіе подвиги, какъ ратниковъ на обильномъ тер-

ніями полѣ знанія, науки и художественнаго творчества, не только что плохо цѣнятся и сознаются, но подчасъ даже и умаляются, труды ихъ тлѣютъ неизданными, обширнѣйшія библіотеки ихъ продаются „съ пуда“ кулакамъ-букинистамъ; полныхъ, обстоятельныхъ, правдивыхъ и безпристрастныхъ біографій ихъ, въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ, ждешь цѣлыми десятками лѣтъ и—въ большинствѣ случаевъ—такъ и не дождешься; волей-неволей приходится довольствоваться лишь „прочувствованными некрологами“. Осыпавъ цвѣтами свѣжую могилу, вѣтренное племя бѣжитъ, спѣша и суетясь, далѣе, къ своему житейскому дѣлу, думая, что все сдѣлало для великаго человѣка и все извлекло изъ него. Есть что-то страшное въ этомъ тупомъ равнодушіи общества къ лучшимъ своимъ представителямъ... Отчего бы тѣмъ изъ насъ, кто обладаетъ хотя бы сырыми и отрывочными матеріалами, не обнародовать ихъ своевременно для будущихъ біографовъ и историковъ?.. Эти мысли придали мнѣ смѣлости воспользоваться вновь открывшимся въ *Русскомъ Обозрѣніи* отдѣломъ, чтобы подѣлиться тѣмъ, что я имѣю.

Я не нахожу лучшаго случая, какъ въ виду недавняго Татьянина дня, дня рожденія Московскаго университета, подѣлиться скромными моими воспоминаніями о нѣкоторыхъ его профессорахъ и питомцахъ, и нѣсколькими мыслями, которыя всегда тѣсно и неразрывно связаны съ этимъ старѣйшимъ и заслуженнымъ питомникомъ просвѣщенія.

* * *

Мнѣ выпала на долю завидная честь быть сыномъ извѣстнаго въ свое время писателя, воспитанника Московскаго университета въ одну изъ богатыхъ по послѣдствіямъ эпохъ его развитія—въ сороковыхъ годахъ, когда инспекторомъ университета былъ П. С. Нахимовъ—личность всегда окруженная симпатіями студентовъ, любвеобильная и чрезвычайно оригинальная. Это былъ очень теплый, мягкій, отзывчивый и до нельзя справедливый начальникъ, и каждый студентъ того времени всю свою жизнь, по выходѣ изъ университета, хранилъ въ своемъ сердцѣ благодарныя о немъ воспоминанія, которыя никогда не могли изгладиться, несмотря на то, что П. С. былъ нерѣдко и суровъ. Въ шутку, Платонъ Степановичъ былъ называемъ „Флакономъ“ Степановичемъ—прозвище, кажется, не имѣющее въ основаніи своемъ никакой ядовитой подкладки, кромѣ простой замѣны однѣхъ

буквъ другими. Пользуясь имѣющимися у меня отцовскими записками и врѣзавшимися въ памяти бесѣдами съ нами, дѣтьми моего отца, я нахожу нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько фактовъ, характеризующихъ личность П. С. Нахимова.

Частенько случалось, что запутавшійся въ собственныхъ грѣхахъ студентъ, видя бѣду неминучую, шелъ прямо къ Платону Степановичу и исповѣдывалъ предъ нимъ свои заблужденія. Отъ Платона Степановича выходилъ онъ уже съ облегченнымъ сердцемъ, хотя и достаточно напуганный на будущее время. Нахимовъ обыкновенно говорилъ студентамъ *ты* и виноватому никогда не позволялъ говорить, а тотчасъ препровождалъ въ карцеръ, потому что, объяснялъ иногда Платонъ Степановичъ, „если заговоритъ, такъ оправдается". Въ самомъ-то дѣлѣ нечего было и оправдываться, потому что подсудимый почти всегда видѣлъ, что былъ кругомъ виноватъ. Иногда же Платонъ Степановичъ, дѣйствительно, облекался неумолимою грозой и — надо правду сказать—нерѣдко достигалъ цѣли, то-есть запугивалъ студента. Грозно встрѣчая виноватаго, онъ говорилъ иногда съ какимъ-то страшнымъ равнодушіемъ: „солдатъ!.. Ступай пока въ карцеръ, а потомъ ты—солдатъ!" и, чтобъ дать всю достовѣрность такому приговору, спѣшилъ прибавить: „графъ [1] велѣлъ,—для примѣра". Это солдатство оканчивалось, обыкновенно, трехдневнымъ заключеніемъ въ карцерѣ. Но, если студенту удавалось „заговорить", какъ выражался Платонъ Степановичъ, если при этомъ можно было нѣсколько разъ сказать: „Платонъ Степановичъ! *вы нашъ отецъ, благодѣтель, защита; вся надежда на васъ*!" старикъ рѣдко выдерживалъ, смягчался,—и солдатство оканчивалось, напримѣръ, такими словами: „Вотъ то-то! вѣдь я знаю, что вы меня любите, да не бережете. Ну, а какъ высшее начальство узнаетъ про твои проказы, да спроситъ: „а кто у васъ инспекторъ?"— Нахимовъ.—„Посадить Нахимова на гауптвахту!"—Вдругъ тебѣ нужда какая-нибудь случится, придешь ты къ Платону Степановичу, спросишь: гдѣ Платонъ Степановичъ? Скажутъ: „нѣтъ Платона Степановича"—Гдѣ же?—„На гауптвахтѣ!" Что ты будешь дѣлать безъ Платона-то Степановича?"

Однажды нѣсколько человѣкъ, бывшихъ студентами Московскаго университета и товарищами, случайно съѣхались въ ка-

---

[1] Графъ С. Г. Строгановъ, бывшій въ то время попечителемъ Московскаго университета.

комъ-то дальнемъ уголкѣ Россіи, послѣ долговременной разлуки. Разумѣется, это былъ свѣтлый день въ ихъ жизни. Студенческіе годы, юность, университетъ возстали въ ихъ воспоминаніяхъ во всей поэтической красотѣ. Вмѣстѣ съ ними предсталъ и добрый образъ незабвеннаго Платона Степановича. Тутъ же положили они послать ему, за подписью всѣхъ, письмо, въ которомъ, объяснивъ счастливую встрѣчу, свидѣтельствовали ему свою вѣчную, неизмѣнную благодарность. Старикъ берегъ это письмо, какъ святыню, и въ хорошія минуты нерѣдко показывалъ его студентамъ... Это былъ поистинѣ *чистый сердцемъ!*

* * *

Въ то время особенно увлекали студентовъ профессора Д. Л. Крюковъ и Т. Н. Грановскій. Мой отецъ, имѣвшій счастіе слушать лекціи того и другаго, такъ характеризуетъ этихъ двухъ корифеевъ отечественной науки, украсившихъ своими именами славную исторію Московскаго университета.

Юристовъ и словесниковъ, на первыхъ же курсахъ, неожиданно поражала блестящая личность Крюкова. Смерть безжалостно вырвала его въ самую лучшую пору его жизни. Незабвенный для своихъ слушателей, онъ едва извѣстенъ публикѣ: два, три его печатныя сочиненія не могутъ дать полнаго понятія о Крюковѣ, хотя и свидѣтельствуютъ о его высокихъ дарованіяхъ. Самая наружность Крюкова была необыкновенна и прекрасна: огромное, высокое чело, почти все обнаженное, свидѣтельствовало о необыкновенной силѣ его способностей, а молодое, почти юношеское лицо, эти тонкія, женственно-нѣжныя уста и очаровательная улыбка съ перваго же раза симпатически дѣйствовали на слушателя. Вся фигура его носила на себѣ печать какого-то особаго изящества. Когда онъ всходилъ на каѳедру, глаза всѣхъ невольно останавливались на его прекрасной физіономіи. Лекціи свои (римская литература и древности) онъ читалъ по тетрадкѣ,—языкомъ, занимавшимъ средину между литературнымъ и разговорнымъ. Голосъ его былъ громкій и пріятный, произношеніе изящное и щеголеватое.

* * *

Тому, кто не имѣлъ счастія слушать лекціи Тимоѳея Николаевача Грановскаго по всеобщей исторіи, мы не въ силахъ дать понятія о высокомъ ихъ достоинствѣ. Какъ ни превосходны его печатныя творенія, но они не могутъ стать на ряду съ его лекціями. Для Грановскаго тѣсны были предѣлы журнальной статьи или отдѣльной монографіи; безбрежный просторъ міровой исторіи—вотъ что̀ нужно было душѣ Грановскаго. Справедливо было замѣчено, что Грановскій былъ, по преимуществу, по природѣ своей—профессоръ. На каѳедрѣ онъ былъ не только ученый, но поэтъ, художникъ, артистъ. Здѣсь, по преимуществу, было его творчество, здѣсь онъ жилъ своею духовною стороной; здѣсь высказывались его думы, сочувствія, убѣжденія.

Грановскій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ ученыхъ, у которыхъ наука достигаетъ высшихъ предѣловъ развитія, гдѣ, какъ у Платона или Гумбольдта, знаніе уже сливается съ поэзіею, грани исчезаютъ, жизнь и природа выступаютъ цѣльно со всѣми своими сторонами. Лица и поколѣнія, давно оставившія земное поприще, не были мертвы для Грановскаго, ибо онъ вѣрилъ въ безсмертіе духовнаго дѣла, ими совершеннаго, чувствовалъ присутствіе мысли, внесенной ими въ исторію. Къ мертвымъ онъ обращался еще съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ живымъ, потому что съ одной стороны понималъ высокое призваніе историка, обязаннаго вскрыть чистую истину, а съ другой—чувствовалъ всю безотвѣтность лица, отодвинутаго отъ насъ на цѣлыя тысячелѣтія. Онъ поднималъ ихъ *не для того*, какъ самъ выражался, *чтобы тревожить могильный сонъ подсудимаго*, а для того, чтобъ его же дѣлами, его же мыслью разсказать подвигъ, совершенный имъ для человѣчества. Оттого чтенія Грановскаго были исполнены особеннаго величія; послѣ первыхъ же лекцій слушатель проникался благоговѣйнымъ уваженіемъ и къ исторіи, и къ историку.

Обладая въ высшей степени красотой слова, мастерствомъ художественнаго воспроизведенія лицъ и событій, онъ выводилъ историческихъ дѣятелей какъ живыхъ, со всѣми ихъ думами, страстями, заблужденіями. И Китаецъ, и двоедушный Тиверій, и Неронъ, *этотъ художникъ, сошедшій съ ума*, по выраженію профессора, выходили у него свободно, съ своими физіономіями, нося на себѣ всѣ цвѣта и колоритъ современной имъ эпохи,—каждый съ своимъ дѣломъ, съ своимъ историческимъ подвигомъ. Для него не существовало такъ-называемыхъ занимательныхъ и

незанимательныхъ эпохъ. Самыя темныя и, повидимому, лишенныя интереса событія выходили изъ его устъ исполненными глубокаго смысла и значенія, потому что историческая необходимость ихъ хорошо была понята профессоромъ.

Всему этому придавала прелесть и обаяніе особая, свойственная ему теплота сочувствія, какая-то глубокая, мужественная любовь къ человѣчеству. Въ его лекціяхъ живо чувствовалась заповѣдь Спасителя: *„возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“*. Произнося историческій судъ надъ людьми, онъ понималъ, что судитъ брата, человѣка, себя!

„Да будетъ намъ позволено сказать (говоритъ самъ Грановскій въ своей знаменитой рѣчи *О современномъ значеніи исторіи)*, что тотъ не историкъ, кто неспособенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не сумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій, стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго, предъ судомъ современниковъ, сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство.“

Спокойно, величаво, скрестивъ руки надъ поверхностью каѳедры, говорилъ профессоръ о судьбахъ историческаго міра. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отличавшихся какимъ-либо особымъ величіемъ, голосъ профессора чуть замѣтно измѣнялся какъ будто мужалъ; прекрасные, задумчивые глаза покрывались чуть замѣтною влагой, и душевное движеніе для внимательнаго наблюдателя ясно обозначалось на лицѣ. Глубокая тишина царствовала въ аудиторіи. Кругомъ на скамьяхъ, стульяхъ, столахъ, на самыхъ приступкахъ каѳедры тѣснились слушатели и скрипѣли перья. Но перья вдругъ умолкали подъ вліяніемъ какой-нибудь возвышенной мысли или изящнаго образа; самое дыханіе какъ будто мѣшало слуху; вся аудиторія превращалась въ беззвучный, напряженный слухъ,—и еще торжественнѣе выступалъ тихій, симпатическій голосъ профессора.

Вотъ нѣсколько прекрасныхъ словъ, которыми закончилъ Т. Н. Грановскій свое обращеніе къ студентамъ втораго курса, по окончаніи своихъ лекцій, такъ какъ на послѣдующихъ курсахъ всеобщая исторія уже не читалась. Эти слова, какъ и самая рѣчь, сохранились въ студенческихъ тетрадкахъ.

„Не для однихъ разговоровъ въ гостиныхъ, можетъ быть, умныхъ, но безполезныхъ, предназначаетесь вы, а для того, чтобы быть полезными гражданами и дѣятельными членами общества. Возбужденіе къ практической дѣятельности—вотъ назначеніе исторіи. Она избавитъ насъ отъ пристрастія къ прошедшему, отъ надеждъ на будущее. Позвольте мнѣ пожелать, чтобы вы избрали на всю жизнь девизомъ слова Ульриха фонъ-Гутена: „наука пробуждается, умъ свободенъ, весело жить!..“ весело не во имя тѣхъ удовольствій, которыя доставляетъ жизнь, а во имя науки и труда“.

Такъ напутствовалъ профессоръ своихъ учениковъ на подвигъ жизни.

* * *

Осязательнымъ примѣромъ тому, какъ безгранично широко было развито въ прежнемъ студенчествѣ чувство любви, товарищества и уваженія человѣка къ человѣку можетъ служить слѣдующій краснорѣчивый фактъ, имѣвшій мѣсто въ С.-Петербургѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Однажды утромъ на Сергіевской улицѣ встрѣтились два прохожихъ и, разговорившись по какому-то случайному поводу, съ невыразимой радостью узнали другъ въ другѣ бывшихъ студентовъ, воспитанниковъ Московскаго университета. Они обнялись крѣпко, по-братски, пожали одинъ другому руку и, свѣтлые отъ наплыва добраго, хорошаго чувства, вызваннаго радужными воспоминаніями о прошедшемъ житьѣ-бытьѣ во времена студенчества, отправились въ домъ Комолова на этой же, Сергіевской, улицѣ, въ которомъ, по крайне пріятному для обоихъ совпаденію, оба они имѣли квартиры. Оба они были уже люди семейные, и одинъ изъ нихъ литераторъ, имѣвшій пять человѣкъ дѣтей, страшно нуждался: квартира была не оплачена, не было дровъ и многаго необходимаго. Другаго же, наоборотъ, судьба возвеличила: онъ занималъ прекрасную должность въ Государственномъ Совѣтѣ и жилъ роскошно. Когда, студентами, они жили въ Москвѣ, въ однѣхъ меблированныхъ комнатахъ, нумера ихъ приходились рядомъ, и они нерѣдко переговаривались черезъ стѣнку и забѣгали другъ къ другу. И вотъ какъ-то вечеромъ, когда обоимъ нужно было быть въ театрѣ, одному изъ нихъ пришлось оказать другому маленькую, незначительную услугу, выразившуюся въ томъ, что сосѣдъ сосѣду одолжилъ на

вечеръ свои сапоги, имѣвшіеся въ запасѣ. Казалось бы, это пустячное, мелкое одолженіе должно бы забыться и съ теченіемъ многихъ лѣтъ совершенно изгладиться множествомъ разныхъ впечатлѣній, даруемыхъ въ изобиліи жизнью, но оно вспомнилось по прошествіи почти двадцати лѣтъ, когда бѣдный труженикъ-литераторъ узналъ, вскорѣ послѣ встрѣчи на Сергіевской и послѣдовавшихъ за нею свиданій, что квартира его оплачена за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, въ сараѣ свалено нѣсколько саженей дровъ, и матеріальное его положеніе на время обезпечено безусловно,—причемъ „сапоги" были съ особеннымъ удареніемъ упомянуты лицомъ, сдѣлавшимъ все это для нуждающагося собрата. Одинъ изъ этихъ двухъ питомцевъ Московскаго университета, спустя четыре года послѣ описанной встрѣчи, умеръ въ 1874 году за тысячу верстъ отъ Московскаго университета, оставивъ по себѣ честную, добрую память въ сердцѣ лицъ его знавшихъ, а другой скончался въ Москвѣ недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

* * *

Въ одной изъ провинціальныхъ гимназій, во время урока, одинъ невзрачный, небольшаго роста гимназистикъ на глазахъ всего класса и преподавателя разбилъ стекло въ окнѣ и незамѣтнымъ образомъ укололъ перомъ палецъ сидящаго съ нимъ рядомъ товарища. На шалуна посыпался градъ упрековъ со стороны преподавателя, и казалось бы у провинившагося не могло быть не только рѣчи объ оправданіи, но и самой мысли о невиновности, потому что проступокъ его былъ замѣченъ всѣми учениками и, что самое важное, самимъ преподавателемъ. Но мальчикъ вывернулся, искусно себя обѣлилъ и посредствомъ очень краснорѣчивыхъ для мальчика выраженій доказалъ, что стекло разбилъ не онъ, а его сосѣдъ, у котораго, кстати, не иначе какъ отъ прикосновенія къ стеклу, и палецъ въ крови. Преподаватель былъ пораженъ бойкостью и витіеватостью „защитительной рѣчи" своего ученика, а ученики долго послѣ этого случая не могли забыть этотъ, насмѣшившій весь классъ, инцидентъ съ разбитымъ стекломъ.

Мальчикъ, разбившій стекло, впослѣдствіи стяжалъ себѣ славу извѣстнаго адвоката и ученаго публициста. Это былъ присяжный повѣренный А. В. Лохвицкій, получившій въ свое время образованіе въ Московскомъ университетѣ. Мой отецъ былъ всегда

въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ этимъ добрѣйшимъ и гуманнѣйшимъ питомцемъ almae mater, и покойная матушка моя хаживала, бывало, въ его семью, жившую тогда, лѣтъ 10 — 12 тому назадъ, въ собственномъ домѣ, на Новинскомъ бульварѣ. Этотъ домъ находился въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ теперешнимъ домомъ Ѳ. Н. Плевако, жившаго въ то время напротивъ, по другую сторону бульвара, тоже въ своемъ домѣ.

* * *

Тѣсное сближеніе моего отца съ А. Ѳ. Писемскимъ началось еще въ дѣтствѣ, въ бытность ихъ обоихъ учениками костромской гимназіи, гдѣ оба они шли первыми по русскому языку, и каждый изъ нихъ старался съ сугубымъ усердіемъ закрѣпить за собой лестное право считаться первымъ писателемъ классныхъ сочиненій; но все же пальма первенства, въ данномъ случаѣ принадлежала моему отцу. Однажды споры о первенствѣ, толки и подстрекательства одноклассниковъ по поводу того, кто изъ двухъ пишетъ сочиненія лучше и строже соблюдаетъ грамматическія правила, подали поводъ рѣшить вопросъ кулачнымъ порядкомъ: кто побѣдитъ, тотъ, слѣдовательно, и пусть будетъ первымъ писателемъ. Побѣдителемъ оказался мой отецъ, и Писемскому изрядно отъ него досталось. Объ этомъ литературномъ поединкѣ Алексѣй Ѳеофилактовичъ любилъ разсказывать и всегда весело и добродушно смѣялся при этомъ.

Извѣстно, что Писемскій былъ большой хлѣбосолъ и гастрономъ, и любилъ поѣсть съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой. Нерѣдко случалось, что какое-нибудь тонкое, изысканное, въ строго выдержанномъ стилѣ, блюдо, за которое онъ принимался съ чувствомъ знатока гастрономическаго искусства, причиняло ему немалыя физическія страданія, доводившія любителя до постели и до употребленія различныхъ медикаментовъ. Имѣя ввиду эту страсть Алексѣя Ѳеофилактовича, покойный поэтъ Б. Н. Алмазовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ, что Писемскій

.... часто при мнѣ умиралъ
(Разъ сорокъ!)... Какія страданья!...
Отходную съ чувствомъ надъ нимъ я читалъ,
А онъ диктовалъ завѣщанье.

Писемскій любилъ и уважалъ моего отца, дорожилъ его совѣтами и замѣчаніями въ области литературнаго творчества, и большинство первыхъ его произведеній, до печати, были прочитаны имъ моему отцу съ рукописи, и впослѣдствіи исправлялись и пополнялись авторомъ въ смыслѣ указаній моего отца. Писемскій свято хранилъ въ своемъ сердцѣ воспоминанія о добромъ старомъ времени и завѣтные идеалы сороковыхъ годовъ. Его извѣстный романъ, надѣлавшій въ свое время много шуму и въ печати и въ обществѣ, *Люди сороковыхъ годовъ* полонъ глубочайшаго поучительнаго смысла и обширнаго художественнаго интереса. Послѣдніе годы своей жизни Писемскій провелъ уединенно, въ своемъ домѣ въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, и мало съ кѣмъ видѣлся, удрученный семейнымъ горемъ [1], которое въ значительной мѣрѣ ускорило его кончину.

Однажды какіе-то московскіе лицедѣи на одномъ изъ частныхъ театровъ поставили его пьесу *Горькая судьбина*. Писемскій въ этотъ день былъ у кого-то на обѣдѣ; накормили его не совсѣмъ согласно его вкусамъ и взглядамъ на гастрономическое искусство; обѣдомъ онъ остался недоволенъ, и прямо послѣ этого обѣда заѣхалъ въ театръ, гдѣ шла его пьеса. Въ театрѣ онъ все время былъ мраченъ и раза два-три поднимался со стула, чтобы бѣжать. На вопросъ одного изъ его знакомыхъ, какъ онъ себя чувствуетъ, Писемскій отвѣчалъ: „Мерзѣйше: мнѣ приходится переваривать скверный обѣдъ и еще болѣе скверную игру любителей...“

* * *

Когда мой отецъ, живя въ Петербургѣ, писалъ въ *Голосъ* и *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* статьи о театрахъ и о новыхъ картинахъ нашихъ художниковъ, онъ былъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ и въ томъ числѣ Общества Поощренія Художествъ. Въ то время на постоянной выставкѣ этого Общества стали впервые появляться картины неизвѣстнаго художника-мариниста. Его вода была до такой степени натуральна, большіе корабли и маленькія лодочки до того естественны и реальны, что зритель долго не могъ оторвать отъ нихъ глазъ, проникнутый чувствомъ глубочайшаго удивленія по поводу этой поражающей вѣрности воспроизведенія. Отецъ *первый* посвятилъ картинамъ этого начинающаго художника нѣсколько сочувствен-

[1] Смерть сына.

ныхъ статей и сразу отвелъ ему вполнѣ заслуженное имъ мѣсто въ ряду нашихъ лучшихъ первоклассныхъ художниковъ. Это былъ И. К. Айвазовскій, славное имя котораго стало нынѣ гордостью всей Россіи и звучнымъ эхомъ отозвалось далеко за ея предѣлами, перелетѣвъ и возлюбленный этимъ художникомъ безбрежный океанъ. Иванъ Константиновичъ былъ очень признателенъ моему отцу, и когда мы жили въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, на дачѣ бывшей Тимоѳеева, пріѣзжалъ къ намъ, но, вслѣдствіе болѣзни моего отца, не былъ принятъ и, оставивъ свою визитную карточку, уѣхалъ. Вскорѣ послѣ этого мы уѣхали изъ Петербурга въ Каменецъ-Подольскъ, и сношенія моего отца съ И. К. Айвазовскимъ волей-неволей должны были прекратиться.

* * *

Не могу не сказать нѣсколько словъ о С. А. Юрьевѣ, память о которомъ останется навсегда для меня священной. Встрѣчался я съ нимъ очень часто у Н. А. Чаева и былъ нѣсколько разъ у него на квартирѣ, въ домѣ его сестры, г-жи Пятницкой, на 4-й Мѣщанской улицѣ. Ни одно свиданіе съ нимъ не обходилось, бывало, безъ того, чтобы старикъ не посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ воспоминаніямъ о моемъ отцѣ, котораго онъ страстно любилъ, быть-можетъ, потому, что отецъ мой былъ такимъ же идеалистомъ, какъ и С. А. Юрьевъ, и такъ же беззавѣтно обожалъ его, всегда отзываясь о немъ съ чувствомъ безпредѣльнаго къ нему уваженія и глубочайшей любви. Да и можно ли было не любить С. А. Юрьева? Я отмѣчу въ его вообще крайне добродушномъ характерѣ одну преобладающую въ немъ черту, которая прямо бросалась въ глаза тѣмъ лицамъ, которымъ когда-либо приходилось обращаться къ нему съ какой бы то ни было просьбой, и въ особенности съ просьбой о матеріальной помощи, о доставленіи работы или должности, о рекомендаціи и т. п. Отказывать — было не въ характерѣ С. А. Но дѣлая добро, онъ ни единымъ словомъ, ни малѣйшимъ намекомъ не давалъ понять просящему лицу, что онъ дѣлаетъ ему одолженіе, и этимъ крайне деликатнымъ и рѣдкимъ въ наше время обращеніемъ съ людьми любовно оберегалъ подчасъ очень щекотливое чувство нѣкоторой вполнѣ естественной стыдливости, часто необыкновенно сильно развитое у субъектовъ, вынужденныхъ обстоятельствами жизни обращаться къ кому бы то

ни было за помощью. Я знаю нѣсколько бѣдныхъ семействъ, которымъ, по нѣскольку разъ, оказана была С. А. Юрьевымъ весьма существенная поддержка, выражавшаяся въ доставленіи имъ нѣкоторыхъ средствъ, при помощи устраивавшихся въ ихъ пользу литературно-музыкальныхъ вечеровъ, душою и главнымъ инпціаторомъ которыхъ былъ неизмѣнно почтенный С. А. Его популярность, обширный кругъ знакомства, умѣнье пробудить въ человѣкѣ со средствами состраданіе къ чужому горю, его замѣчательная энергія дѣлали, обыкновенно, то, что всѣ билеты на эти литературно-музыкальные вечера раскупались въ два-три дня, приглашались въ большинствѣ случаевъ имъ же самимъ артисты и литераторы,—и результатомъ этихъ, всегда оживленныхъ, непринужденныхъ, для многихъ еще и теперь памятныхъ благотворительныхъ soir'овъ былъ полный сборъ. Очищалось обыкновенно свыше 300 рублей,—сумма, больше которой не могъ доставить сравнительно небольшой залъ въ домѣ, бывшемъ г-жи Кошелевой, на Поварской улицѣ. Этотъ залъ владѣлицей его предоставлялся обыкновенно въ распоряженіе С. А. Юрьева безвозмездно, столько же ради симпатичной цѣли этихъ вечеровъ, сколько опять-таки въ силу того неотразимаго обаянія, которымъ окружилъ себя С. А., бывшій всегда въ самыхъ интимныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ самимъ Кошелевымъ, горячимъ приверженцемъ московскихъ славянофиловъ. Разъѣзжавшимся, по окончаніи этихъ вечеровъ, по домамъ долго слышался прекрасный, звучный, выработанный голосъ С. А., который всегда что-нибудь читалъ на этихъ вечерахъ, и видѣлись добрыя, характерныя и полныя думы симпатичныя черты лица маститаго старца.

* * *

Упомянувъ о Сергѣѣ Андреевичѣ Юрьевѣ, я невольно переношусь мыслью на Зубовскій бульваръ, въ квартиру Н. А. Чаева, этого „послѣдняго изъ могиканъ“ эпохи сороковыхъ годовъ, съ которымъ я имѣлъ счастье познакомиться лѣтъ 15 тому назадъ, бывая у него сперва съ матерью, а потомъ, послѣ ея кончины, одинъ.

Когда-то, это было очень давно, Н. А. имѣлъ собственный домъ на Прѣснѣ и, получая изрядные доходы съ имѣнія, въ ту пору еще холостой, жилъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Живой, веселый, общительный, съ пылкой и любящей душой и стра-

стный ружейный охотникъ, Н. А. собиралъ вокругъ себя много веселой, благовоспитанной молодежи, которая у него дневала и ночевала, пользуясь самымъ широкимъ гостепріимствомъ, хлѣбосольствомъ и радушіемъ Н. А.

Когда шестнадцатилѣтнимъ юношей я началъ писать стихи, въ душѣ моей пробудилось вполнѣ естественное, но робкое въ то время желаніе видѣть свои труды напечатанными. Я показалъ нѣсколько своихъ стихотвореній Н. А., который, отмѣтивъ въ нихъ нѣкоторыя погрѣшности противъ версификаціи и посовѣтовавъ мнѣ сдѣлать замѣну нѣсколькихъ словъ другими, имъ самимъ сказанными, въ общемъ одобрилъ мои первыя, слабыя начинанія, просилъ меня не бѣгать отъ вдохновенія и далъ мнѣ рекомендательное письмо къ А. А. Гатцуку, прося его принять во мнѣ участіе, какъ въ начинающемъ поэтѣ, имѣющемъ „талантъ къ творчеству“ (собственное выраженіе Н. А.) Это письмо широко распахнуло для меня двери въ семейство А. А. Гатцука и дало мнѣ возможность въ теченіе нѣсколькихъ счастливыхъ лѣтъ моей жизни наслаждаться теплотою и рѣдкимъ радушіемъ этой милой, симпатичной семьи и пользоваться общеніемъ съ умнѣйшимъ, гуманнымъ и въ высшей степени образованнымъ А. А., въ *Газетѣ* котораго и были впослѣдствіи напечатаны первыя мои стихотворенія.

Н. А.—страстный любитель музыки и въ особенности своего знаменитаго „Страдиварія“,—скрипки, за которую однажды предлагали Н. А. 3.000 рублей, но онъ отказался. Любовь къ этому, дѣйствительно чудному, инструменту была до того сильна, что Н. А. вскакивалъ, бывало, по ночамъ съ постели и черезъ нѣсколько комнатъ бѣжалъ къ своему кабинету, гдѣ хранилось его сокровище, въ звукахъ и пѣсняхъ пережившее нѣсколько поколѣній. Н. А. чудилось среди ночного безмолвія, что его любимица падаетъ, струны со стономъ лопаются, скрипка разбивается въ дребезги, и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній по всѣмъ большимъ и высокимъ комнатамъ, нарушая тишину ночи, носятся какіе-то странные, тихіе звуки, напоминавшіе отдаленный, невыразимо горестный плачъ. Не проходило ни одного дня, чтобы Н. А. не упражнялся на этой скрипкѣ въ теченіе получаса, а иногда и болѣе. Сердце Н. А. было на столько любвеобильно, въ широкомъ и полномъ значеніи этого слова, въ чуткой его душѣ былъ такой громадный запасъ теплоты, искренности и страстности, что ему, отъ избытка чувствительности, приходилось

расточать свою любовь не только на близкихъ, цѣнимыхъ имъ лицъ, но и на все, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія, участія, привѣта и состраданія. Н. А. не имѣлъ и не имѣетъ дѣтей, и завѣтная его мечта оставить по себѣ наслѣдника въ настоящее время можетъ уже по справедливости быть отнесенной къ окончательно несбывшимся надеждамъ.

Въ то время, когда мнѣ приходилось посѣщать Н. А., у него по четвергамъ бывали вечера, съ ихъ неизмѣнными квартетами, бывшими величайшимъ наслажденіемъ для самого Н. А., которому приходилось на этихъ квартетахъ выказывать свое искусство замѣчательнаго самоучки-виртуоза на не менѣе замѣчательной скрипкѣ. На эти вечера собиралось обыкновенно нѣсколько близкихъ, преданныхъ Н. А. лицъ, и время летѣло быстро, благодаря крайней общительности гостей и въ особенности самого Н. А. На этихъ вечерахъ, между прочимъ, я встрѣчался и съ С. А. Юрьевымъ, и два или три раза видѣлъ покойнаго А. Н. Островскаго, нашего заслуженнаго отца драматурговъ, съ которымъ Н. А. всегда былъ въ неизмѣнно короткихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Придавая важное значеніе какъ личности Н. А., такъ и его таланту, считаю нужнымъ засвидѣтельствовать, что у него долженъ быть въ рукописи оконченный или неоконченный еще романъ изъ дореформеннаго времени. О томъ, что этотъ романъ онъ пишетъ, говорилъ онъ мнѣ самъ, когда, однажды лѣтомъ, я былъ у него въ Сокольникахъ, на Ивановской улицѣ, гдѣ въ то время жилъ Н. А. на дачѣ. Вѣроятнѣе всего, что это произведеніе, если не вполнѣ, то въ общемъ своемъ видѣ готово уже къ печати, потому что, въ упомянутое мною свиданіе съ нимъ на дачѣ, Н. А. уже задумывался надъ его заглавіемъ и въ шутку перечислилъ ихъ нѣсколько, пародируя кричащія названія романовъ и повѣстей современнаго репертуара и весело смѣясь при этомъ.

Н. А. любилъ, бывало, посѣщать православные старинные храмы, съ ихъ своеобразной, рѣзко бросающейся въ глаза архитектурой, съ ихъ мрачными переходами, сводами, съ ихъ таинственной, располагающей къ раздумью, узорчатой темнотою, гдѣ все повергаетъ душу въ тихое молитвенное настроеніе, гдѣ, кажется, скользятъ еще безмолвныя тѣни давно уснувшихъ вѣчнымъ сномъ православныхъ царей, бояръ и прочихъ ревнителей церкви Божьей. Какъ сынъ православной Россіи, Н. А. всегда былъ истиннымъ христіаниномъ въ полномъ значеніи этого слова.

Въ настоящее время творецъ „Подспудныхъ силъ“ и „Богатырей“—уже 68 лѣтній старецъ, но, тѣмъ не менѣе, несмотря на упадокъ силъ и на разстройство нервной системы, отъ всей его фигуры вѣетъ свѣжестью осени и тѣмъ неизъяснимымъ, безыменнымъ, чему нѣтъ названія, но что присуще только людямъ недюжиннымъ, выдѣленнымъ перстомъ Всемогущаго изъ среды посредственности и обыденности, которымъ выпалъ высокій жребій проводить въ жизнь идеалы правды, добра и красоты.

Пожелаемъ же Н. А, полнаго выздоровленія и будемъ ободрять себя надеждою, что онъ своимъ блестящимъ перомъ освѣтитъ, хотя на мгновеніе, наши скучныя, невыносимо скучныя, и житейскія и литературныя сумерки.

Д. Дмитріевъ.

---

2) Письма Д. И. Писарева, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ изъ-подъ ареста. [1]

Второе письмо Д. И. Писарева къ дѣвушкѣ, никогда имъ не видѣнной.

Милостивая государыня, Лидія Осиповна! Я получилъ вашъ отвѣтъ, и если вы мнѣ позволите выразить вамъ о немъ откровенно мое мнѣніе, то я вамъ скажу, что нахожу его вполнѣ благоразумнымъ. Другаго отвѣта я никогда и не ожидалъ, и еслибъ я считалъ васъ за дѣвушку, способную броситься на шею къ совершенно незнакомому человѣку, то я бы никогда и не сдѣлалъ вамъ предложенія. Осмѣлился я написать къ вамъ не для того, чтобы получить ваше согласіе,—на что̀ оно мнѣ въ настоящую минуту? Что̀бъ я съ нимъ сталъ дѣлать въ моемъ теперешнемъ положеніи? [2] Написалъ я единственно для того, чтобы заинтересовать васъ странностью этого поступка, и чтобы ваше возбужденное любопытство заставило васъ отложить на годъ или на полтора года окончательное рѣшеніе вашей участи, то-есть свадьбу съ какимъ-нибудь новосильскимъ туземцемъ. [3] Мое

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе*, январь 1893 г.

[2] То-есть подъ арестомъ. *Прим. А. Дм. Данилова.*

[3] И Дмитрій Ивановичъ и Лидія Осиповна—Новосильскаго уѣда, Тульской губерніи. *Прим. А. Дм. Данилова.*

предложеніе было и навсегда останется дѣломъ совершенно серьезнымъ, но я заранѣе былъ увѣренъ, что получу отказъ, и заранѣе зналъ, что̀ я отвѣчу на этотъ отказъ. Отвѣчу я вотъ что̀: до поры до времени, Лидія Осиповна, будемъ добрыми друзьями; потомъ, когда увидимся, будемъ говорить долго, серьезно и совершенно откровенно, какъ люди положительные, собирающіеся заключить между собою очень важное условіе; а потомъ—что̀ Богъ дастъ. Вы не подумайте пожалуста, что я, плѣнившись разсказами мамаши и Вѣрочки, пылаю къ вамъ мечтательною страстью и воображаю васъ себѣ какъ что-то необычайное. Ничуть не бывало. Никакой страсти я не чувствую и ничего необычайнаго не ожидаю и не ищу. А думаю я просто, что вы такая дѣвушка, которой не тяжело и не скучно будетъ жить со мною, которая сойдется какъ нельзя лучше съ моимъ семействомъ, и которая доставитъ мнѣ столько счастія, сколько всякій порядочный человѣкъ можетъ требовать себѣ въ жизни. Вы спросите, можетъ-быть, почему я такъ думаю.—Я перечислю тѣ свойства, которыя я вамъ приписываю, и вы увидите, что ни отъ одного изъ этихъ свойствъ вы не имѣете ни малѣйшей возможности отказаться. *Недурна собою* — что̀ жь вы, безобразны что ли? *Не глупа*—а насчетъ этого вы какъ думаете? *Сильное здоровье* — это въ моихъ глазахъ очень важное преимущество. Безъ него счастье въ жизни невозможно. Да и для будущихъ дѣтей эта статья капитальная. *Не избалована роскошью*. Это тоже важно. Еслибы мнѣ случилось жениться на дѣвушкѣ, которая требовала бы ежеминутно нарядовъ и свѣтскихъ удовольствій, то наша семейная жизнь пошла бы, разумѣется, ужасно скверно. *Имѣетъ понятіе о практической жизни*, то-есть внесетъ въ наше семейство именно то, чего въ немъ недостаетъ: возьметъ въ свои руки министерство финансовъ и устроитъ въ домѣ порядокъ. — Я, разумѣется, хочу имѣть не хозяйку, а жену, но, если къ другимъ достоинствамъ присоединится въ женщинѣ практическая расторопность, то я нахожу, что это совсѣмъ не лишнее. Раиза такая же неряха, какъ и я самъ; это, конечно, не помѣшало бы мнѣ жениться на ней, но наша соединенная неряшливость надѣлала бы намъ въ жизни много лишнихъ хлопотъ.—Вотъ видите, Лидія Осиповна: еслибъ я встрѣтилъ дѣвушку, которая имѣла бы перечисленныя выше свойства, и которая, притомъ, влюбилась бы въ меня, то я бы непремѣнно женился на ней, и отлично бы мы съ нею прожили свой вѣкъ,

хотя, можетъ-быть, страстной любви съ моей стороны и не было бы. Вотъ что необходимо для удобства жизни; если же имѣется что-нибудь сверхъ этого, то уже начинается настоящая страсть, живое наслажденіе, горячее счастье жизни. Если намъ съ вами удастся полюбить другъ друга этою жгучею любовью, то вы увидите, что я совсѣмъ не холодный резонеръ; я сумѣю воспользоваться этимъ счастьемъ, если оно представится мнѣ съ вами или съ другою женщиной: но я знаю также, что это счастье достается не всѣмъ; поэтому я сумѣю и обойтись безъ него,— сумѣю, въ случаѣ надобности, наполнить жизнь трудомъ и спокойнымъ довольствомъ. Для семейной жизни необходимо, прежде всего, взаимное уваженіе и отсутствіе физическаго отвращенія. Если къ этому присоединяется бѣшеная взаимная любовь—превосходно; но это уже роскошь жизни, а не насущный хлѣбъ. Есть—хорошо; нѣтъ—не бѣда. Изъ всего, что я вамъ говорилъ, вы видите, что при свиданіи съ вами никакого разочарованія произойти не можетъ, потому что совсѣмъ не было и очарованія. Очарованіе, можетъ-быть, *будетъ;* но будетъ или не будетъ—все равно: предложеніе мое сохраняетъ свою силу; только въ одномъ случаѣ вы будете для меня обожаемымъ сокровищемъ, а въ другомъ случаѣ добрымъ и уважаемымъ другомъ. Весь вопросъ состоитъ стало-быть въ томъ, *понравлюсь ли я вамъ?* Это, конечно, вопросъ очень важный. Отъ него зависитъ все дѣло, и рѣшиться онъ можетъ только при свиданіи. Стало-быть поживемъ — увидимъ. Но *я вамъ даю честное слово:* какъ только я выйду изъ своего теперешняго положенія [1], я непремѣнно тотчасъ поѣду туда, гдѣ вы въ то время будете находиться, и буду имѣть честь представиться вамъ. Мое предложеніе — дѣло серьезное, и я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы показать вамъ, что я смотрю на него именно такимъ образомъ. А тамъ ужь поступайте, какъ вамъ будетъ угодно. Но у васъ уже теперь есть противъ меня два предубѣжденія: вопервыхъ, то, что вы называете моею ученостью; вовторыхъ, Раиза.—Вся моя ученость, Лидія Осиповна, состоитъ въ томъ, что я читаю книги на трехъ иностранныхъ языкахъ и пишу хорошо и быстро по-русски. Скажите на милость, чѣмъ это вамъ мѣшаетъ, и за что вы постоянно колете мнѣ глаза этою проклятою ученостью, которой у меня даже совсѣмъ нѣтъ?—Угодно вамъ по-

---

[1] Изъ-подъ ареста. *Прим. А. Дм. Данилова.*

слушать, какое вліяніе моя ученость будетъ имѣть на вашу жизнь, если вы сдѣлаетесь моею женою? Извольте. Вопервыхъ, мы будемъ получать всѣ русскіе журналы, а многія статьи будемъ прочитывать вмѣстѣ, потому что мнѣ необходимо для моихъ работъ слѣдить постоянно за русскою журналистикой. Вовторыхъ, мы будемъ получать нѣсколько иностранныхъ газетъ и журналовъ; въ третьихъ, мы будемъ получать и просматривать множество новыхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ; въ четвертыхъ, мы будемъ водить знакомство съ людьми очень смирными, простыми, работящими и совершенно безцеремонными. Мамаша уже имѣетъ понятіе о такихъ людяхъ, и уже полюбила ихъ, несмотря на несходство нѣкоторыхъ понятій. Въ пятыхъ, если Лидіи Осиповнѣ угодно будетъ разъяснить себѣ какой-нибудь интересный для нея вопросъ, она обратится къ своему *ученому* мужу, и мужъ скажетъ ей, въ какой книгѣ она можетъ найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній. Въ шестыхъ, если той же Лидіи Осиповнѣ угодно будетъ познакомиться съ нѣмецкимъ или съ англійскимъ языкомъ, то при помощи своего *ученаго* мужа она одолѣетъ эти языки въ какіе-нибудь полтора года. А не угодно будетъ, такъ и необходимости нѣтъ никакой. На русскомъ и на французскомъ написано и постоянно пишется такъ много интересныхъ и хорошихъ вещей, что ихъ будетъ совершенно достаточно для нашего чтенія вдвоемъ. Ну, а въ седьмыхъ, Лидія Осиповна будетъ жить съ своимъ *ученымъ* мужемъ такъ, какъ вообще живутъ благоразумные люди, получающіе около 3.000 р. с. годоваго дохода. Никакой роскоши, но и никакихъ чувствительныхъ лишеній. Впрочемъ, министерство финансовъ будетъ находиться въ рукахъ самой Лидіи Осиповны. Мое дѣло будетъ зарабатывать, а ея дѣло сводить концы съ концами. Лидія Осиповна! вполнѣ понимаю, почему васъ смущаетъ то, что вы ошибочно считаете моимъ умственнымъ превосходствомъ. Вы хотите быть во всѣхъ отношеніяхъ другомъ вашего будущаго мужа; вы хотите понимать весь смыслъ его дѣятельности, дѣлить съ нимъ каждую мысль, каждую радость, каждое огорченіе. Я совершенно съ вами согласенъ, и глубоко уважаю васъ за это желаніе: безъ этого семейная жизнь не имѣетъ никакого смысла. Но успокойтесь, будущій другъ мой; вы будете знать и понимать все, что я дѣлаю,—все, что до меня касается: и отчего я встревоженъ, и отчего я веселъ, и надъ чѣмъ я задумался, и къ чему клонится вся моя работа; вы, какъ честное, свѣжее и молодое

существо, будете любить все, что я люблю, и ненавидѣть все, что я ненавижу. Для этого, другъ мой, не надо знать ни математики, ни астрономіи, ни физики; надо только, чтобы былъ у человѣка неиспорченный здравый смыслъ, и твердый самостоятельный характеръ. Не осмѣлитесь же вы клеветать на себя, и говорить, что у васъ этихъ свойствъ нѣтъ? Вы увидите сами: достаточно будетъ двухъ-трехъ задушевныхъ разговоровъ для того, чтобы вы въ общихъ чертахъ поняли и полюбили все, что составляетъ смыслъ нашей работы и цѣль всей моей жизни. И чѣмъ меньше вы до сихъ поръ слышали и читали модныхъ фразъ, тѣмъ глубже подѣйствуетъ на васъ слово искренняго убѣжденія. Фразеровъ обоего пола у насъ очень много; но я не фразеръ; въ этомъ меня не смѣютъ заподозрить даже мои литературные враги; поэтому и женою моею, то есть самымъ близкимъ моимъ другомъ, можетъ быть только существо глубоко-искреннее, способное крѣпко любить ту мысль, которую она полюбитъ; а знанія—дѣло совершенно второстепенное, и пріобрѣсти ихъ совсѣмъ не мудрено, когда живешь при такой обстановкѣ, которая со всѣхъ сторонъ шевелитъ любознательность. — Теперь насчетъ Раизы. Съ каждымъ днемъ я сильнѣе убѣждаюсь въ томъ, что это—прошедшее, и что тутъ ничто не можетъ воротиться назадъ. Было, сплыло, и быльемъ поросло. Представьте себѣ, что ея мужъ умеръ бы сегодня. Ничего бы изъ этого не вышло. Она сама не бросится ко мнѣ на шею, а я тоже не сдѣлаю къ ней ни одного шага,—не по самолюбію, а потому что теперь ужь хлопотать-то не изъ чего: теперь Раиза совсѣмъ не то, чѣмъ она была два года тому назадъ. Она начинаетъ превращаться въ развалину. Видѣлъ я ея карточку, читалъ ея письма. Не то, совсѣмъ не то. На карточкѣ худая, больная, пожилая женщина; въ письмахъ — пустота, слабость, усталость. Увѣряю васъ, я нисколько не завидую Г... и рѣшительно не желаю быть на его мѣстѣ. Раиза сама писала въ прошломъ году, что ея нервное разстройство можетъ перейти въ падучую болѣзнь или въ сумасшествіе. Ей теперь двадцать четыре года. Она легко можетъ прожить двадцать или тридцать лѣтъ. Но вѣдь это не жизнь, а постоянное скрипѣніе. Г... сильный и здоровый мужчина, красавецъ собою, долженъ превратиться въ сидѣлку и присутствовать постоянно при медленномъ разрушеніи той женщины, которую онъ любитъ. Скажите пожалуста, чему же тутъ завидовать? Вдумываясь въ положеніе Г..., я могу только благодарить Господа Бога за то, что эта чаша прошла мимо

меня. А два года тому назадъ я подрался съ Г... изъ-за этой чаши, подрался съ тѣмъ самымъ благодѣтелемъ, который отнималъ у меня эту чашу. Вы знаете, конечно, что даже мое теперешнее положеніе есть послѣдній результатъ моего тогдашняго бѣснованія. Но именно *послѣдній* результатъ. Теперь бѣснованіе кончено, и я сужу совершенно хладнокровно о прошедшемъ. Ясное доказательство, что это прошедшее дѣйствительно прошло. Не думайте, Лидія Осиповна, что я хочу оплевать тотъ кумиръ, передъ которымъ десять лѣтъ стоялъ на колѣняхъ. Нѣтъ, это было бы очень грязно и подло. Развѣ она виновата въ томъ, что она слаба и больна? А между тѣмъ, ея мужъ все-таки несчастный человѣкъ вслѣдствіе ея болѣзни. Я бы могъ быть ея мужемъ, и я бы переносилъ это несчастье твердо и терпѣливо, потому что ее стòитъ любить. Она милая, очень милая женщина; но все-таки несчастье можно переносить, когда оно на васъ сваливается; а напрашиваться на очевидное несчастье, добиваться его всякими усиліями — это уже глупо. Раиза сама прогнала меня. Скажите пожалуста, зачѣмъ же я теперь-то сталъ бы искать сближенія съ нею, даже въ томъ случаѣ, еслибы Г... умеръ. Нѣтъ, Лидія Осиповна, прошедшаго не воротишь, а теперь во мнѣ даже замерло желаніе воротить его. Все устроилось въ моей жизни чрезвычайно благополучно. Даже счастливыя воспоминанія моей молодой любви начинаютъ застилаться туманомъ. Я не умѣю жить въ прошедшемъ. Передо мною открыто будущее. Я молодъ и крѣпокъ. Я хочу и буду жить полною, здоровою жизнью мыслящаго и чувствующаго человѣка. Мнѣ нужна *дѣйствительность*, а не воспоминанія. Поэтому, если только я буду имѣть счастье понравиться вамъ, любите смѣло. Я васъ не обману, и Раиза ничему не помѣшаетъ. Если даже мы когда-нибудь сойдемся опять съ Раизою, то мы будемъ только добрыми старыми друзьями, и вы сами полюбите ее, потому что она милая женщина. До свиданія. Извините, что я въ одномъ мѣстѣ этого письма назвалъ васъ — *другъ мой*. Это написалось какъ-то нечаянно, а вычеркивать не хочется. Впрочемъ, обѣщаю вамъ, что на будущее время вы не встрѣтите въ моихъ письмахъ подобныхъ вольностей. Согласитесь однако, Лидія Осиповна, что тутъ нѣтъ ничего обиднаго. Обдумайте мое письмо, и отвѣчайте на него попрежнему мамашѣ. [1] До свиданія.

Д. Писаревъ.

---

[1] Отвѣты на письма Дмитрія Ивановича были доставлены ему и, вѣроятно, имъ уничтожены. *Прим. А. Д. Данилова.*

МОСКОВСКІЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ 1892 Г.

Въ 1889 году, во время послѣдней Всемірной выставки, бывшей въ Парижѣ, въ этой столицѣ европейской цивилизаціи собрались многочисленные конгрессы, числомъ что-то болѣе ста. Среди этихъ конгрессовъ не послѣднее мѣсто занимали сессіи конгрессовъ по Антропологіи и доисторической Археологіи и по Зоологіи. Первый изъ этихъ конгрессовъ собрался въ свою 10 сессію, второй въ первую сессію. Первый представлялся собраніемъ Общества уже установившагося, уже сложившаго извѣстныя традиціи, уже пережившаго періоды колебаній и недоразумѣній, второй только-то начиналъ свою дѣятельность, и начиналъ ее при условіяхъ далеко не вполнѣ благопріятныхъ, такъ какъ отъ группы устроителей его отшатнулась группа недружелюбныхъ къ кружку устроителей ученыхъ и такъ какъ одновременно съ нимъ происходило другое собраніе, а именно собраніе Французской ассоціаціи для споспѣшествованія наукамъ „Association pour l'avancement des sciences“, отвлекшее изъ зоологическаго конгресса значительное число лицъ, которыя, въ случаѣ своего неучастія въ дѣлахъ ассоціаціи, могли бы посвятить свои труды дѣламъ конгресса.

Тѣмъ не менѣе, оба конгресса прошли удачно, дали важный ученый матеріалъ и показали еще разъ, что наука имѣетъ немало такихъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены лишь общими силами ученыхъ разныхъ странъ и разныхъ школъ, и что для разработки такихъ вопросовъ необходимы періодическія собранія такихъ ученыхъ. Къ такимъ вопросамъ, которые могли бы быть разрѣшенными лишь общими усиліями, относится, на-

примѣръ, вопросъ о пересмотрѣ и регламентаціи зоологической номенклатуры, разработанный и возбужденный на первой сессіи зоологическаго конгресса профессоромъ Рафаэлемъ Бланшаръ и занявшій столь много времени при своемъ разсмотрѣніи и изученіи, что окончаніе его въ краткій періодъ засѣданія первой сессіи оказалось невозможнымъ, и его пришлось отложить на слѣдующій конгрессъ.

Кромѣ того, Парижскіе конгрессы, хотя и имѣвшіе большой ученый успѣхъ, но не имѣвшіе того особеннаго, характернаго колорита, который налагаютъ на труды собраній конгресса его сессіи въ городахъ менѣе космополитическихъ, нежели поистинѣ международный Парижъ, еще разъ показали, что для работъ конгрессовъ особенно удобными и интересными являются тѣ страны и тѣ города, въ которыхъ отражается или природа, присущая этой мѣстности,—будетъ ли то въ видѣ музеевъ или въ видѣ особенно благопріятныхъ условій для изслѣдованій,—или характеръ ихъ народа въ образѣ выдающихся ученыхъ школъ, университетовъ, единичныхъ научныхъ дѣятелей. Озабоченные тѣмъ, чтобы развить дѣятельность конгрессовъ, чтобы придать имъ бóльшій интересъ и бóльшую оригинальность, постоянный Комитетъ конгресса по Антропологіи и доисторической Археологіи и бюро первой сессіи зоологическаго конгресса обратили свое вниманіе на Россію, какъ на terra incognita для западно-европейскихъ ученыхъ, и, воспользовавшись присутствіемъ на засѣданіяхъ конгресса заслуженнаго профессора Московскаго университета Анатолія Петровича Богданова, обратились къ нему съ просьбою о ходатайствѣ передъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи объ учрежденіи при Обществѣ Комитета для осуществленія въ 1892 году въ Москвѣ международныхъ конгрессовъ по Антропологіи и доисторической Археологіи и Зоологическаго.

Надо замѣтить, что вопросъ о собраніи въ Москвѣ международнаго конгресса по Антропологіи и доисторической Археологіи поднимался уже не въ первый разъ; такъ, еще въ 1874 году очень многіе изъ членовъ международнаго конгресса, собравшагося въ Стокгольмѣ, желали слѣдующей сессіи въ Москвѣ, но, къ сожалѣнію, въ дѣлѣ науки встрѣтились политическія интриги, и мѣстомъ собранія конгресса былъ провозглашенъ Буда-Пештъ; на Пештскомъ конгрессѣ вопросъ о собраніи въ Москвѣ опять поднимался, но среди его членовъ не наш-

лось ни одного такого Русскаго, который пожелалъ бы взять на себя устройство конгресса въ Россіи, да и собравшимся въ Пештѣ ученымъ, находившимся все еще подъ вліяніемъ политическихъ тенденцій, довѣрять было не совсѣмъ удобно; послѣ такихъ двухъ сессій дѣло конгрессовъ стало было погибать, когда конгрессы выручилъ сначала Лиссабонъ, собравшій небольшое количество ученыхъ, но представившій имъ богатый научный матеріалъ и, наконецъ, Парижъ, конгрессъ котораго и по числу членовъ и по рефератамъ былъ очень удаченъ.

Снесшись съ Обществомъ Любителей Естествознанія и получивъ согласіе на учрежденіе при немъ Комитета по устройству конгресса, А. П. Богдановъ согласился на принятіе на себя полномочія со стороны Постояннаго Комитета конгресса по Антропологіи и доисторической Археологіи и со стороны бюро и совѣта первой сессіи Зоологическаго конгресса и предложилъ этимъ учрежденіямъ намѣтить лицъ, которыя взяли бы на себя предсѣдательство въ организаціонныхъ комитетахъ того и другого конгрессовъ и въ общихъ собраніяхъ самихъ конгрессовъ. Для Зоологическаго конгресса такихъ лицъ не было намѣчено, но для конгресса по Антропологіи и доисторической Археологіи президентскій постъ былъ предложенъ Постояннымъ Комитетомъ конгрессовъ графинѣ П. С. Уваровой, которая отклонила отъ себя это званіе, почему выборъ предсѣдателя организаціоннаго Комитета былъ предоставленъ уже мѣстному, Московскому Комитету, а выборъ президента отложенъ до открытія самаго конгресса.

Уже съ осени 1889 года профессоръ А. П. Богдановъ приступилъ къ дѣлу организаціи конгрессовъ и вступилъ какъ въ личную переписку, такъ и въ личные переговоры съ тѣми лицами, участіе которыхъ или вліяніе которыхъ на ходъ дѣла конгрессовъ были особенно желательны и полезны. Предпринимая личныя поѣздки за границу лѣтомъ 1890 и 1891 года, не имѣя иныхъ помощниковъ, кромѣ Ѳ. Ѳ. Каврайскаго—будущаго секретаря организаціоннаго Комитета и своего сына В. А. Богданова—будущаго помощника секретаря Комитета, А. П. Богдановъ къ сентябрю 1891 года, времени оффиціальнаго утвержденія Комитета по устройству международныхъ конгрессовъ по Антропологіи и доисторической Археологіи и Зоологическаго подготовилъ работы уже настолько, что въ первыя же оффиціальныя засѣданія Комитета онъ имѣлъ возможность избрать своихъ

уполномоченныхъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, начиная отъ Архангельска и кончая Мельбурномъ и начиная отъ Читы и кончая городомъ Мексико

Вновь организованный Комитетъ въ первомъ же засѣданіи вычленилъ изъ своей среды двѣ коммиссіи для подготовки спеціально научныхъ вопросовъ: одну для предстоящаго конгресса по Антропологіи и доисторической Археологіи, другую для Зоологическаго конгресса; кромѣ этихъ коммиссій скоро организовалась третья—хозяйственная, взявшая на себя подготовленіе довольно сложныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, связанныхъ съ пріемомъ пріѣзжихъ гостей, доставленіемъ имъ удобныхъ и менѣе цѣнныхъ квартиръ, организаціей поѣздокъ и экскурсій и т. д. Впослѣдствіи къ этимъ коммиссіямъ прибавилось еще двѣ, редакціонно-переводныя, трудившіяся надъ печатаніемъ, редакціей и переводомъ на французскій языкъ рукописей, изъ которыхъ многія были присланы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Во главѣ первой коммиссіи, то-есть подготовительной по научнымъ трудамъ конгресса по Антропологіи и доисторической Археологіи, было предложено сначала Д. Н. Анучину; такая же коммиссія по Зоологическому конгрессу была передана въ завѣдываніе лица, пишущаго эти строки; предсѣдателемъ хозяйственной коммиссіи былъ Н. А. Мейнгардъ, а предсѣдателемъ обѣихъ редакціонно-переводныхъ коммиссій инспекторъ московскаго училища ордена Св. Екатерины И. Ф. Дюмушель.

Насколько было облегчено дѣло организаціонныхъ коммиссій по научнымъ трудамъ предстоящихъ конгрессовъ личными трудами профессора А. П. Богданова, можно уже видѣть по тому, что ко времени открытія дѣятельности этихъ коммиссій въ портфелѣ организаціоннаго Комитета уже имѣлись десятки писемъ и сообщеній тѣхъ лицъ, которыя желали принять участіе въ трудахъ конгресовъ или внесеніемъ вопросовъ на обсужденіе предстоящей сессіи конгресса, или указаніемъ тѣхъ сообщеній, которыя лица эти предполагали дѣлать въ засѣданіяхъ конгрессовъ и тѣхъ трудовъ своихъ, которые предлагались ими къ напечатанію въ изданіяхъ конгресса. Но помимо этого и во время самостоятельной дѣятельности подготовительныхъ коммиссій лицами, руководившими ими, приходилось неоднократно пользоваться личными сношеніями А. П. Богданова, и потому слова, что московскіе международные конгрессы устроены все-

цѣло трудами профессора А. П. Богданова, являются не фразой, а истиннымъ фактомъ.

Кромѣ коммиссій, работавшихъ непосредственно для конгресса, при Комитетѣ учреждались еще коммиссіи по устройству научныхъ выставокъ во время конгрессовъ; такихъ коммиссій было три—по выставкѣ Археологіи и Антропологіи, Географіи, обѣ подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина и по выставкѣ Зоологической подъ предсѣдательствомъ Н. М. Кулагина. Впослѣдствіи устройство Археологической выставки взяла на себя графиня П. С. Уварова.

Подготовительныя работы организаціонныхъ коммиссій преслѣдовали двѣ цѣли: съ одной стороны подготовить отвѣты на тѣ вопросы, которые предлагались корреспондентами Комитета и его коммиссій, съ другой—постараться представить пріѣзжимъ гостямъ болѣе или менѣе полныя сводки того, что сдѣлано въ разныхъ областяхъ науки русскими учеными или изслѣдователями русской природы. Несмотря на то, что первая задача казалась бы для перваго взгляда болѣе трудною, нежели вторая, на практикѣ оказалось совсѣмъ обратное. Вопросы предлагались, главнымъ образомъ, тѣми лицами, которыя сами подготовляли отвѣты на нихъ, или же работали въ области, близкой къ темамъ такихъ вопросовъ. Исключенія были рѣдки, и тѣ вопросы, которые остались безъ отвѣта, были по бо́льшей части такъ обширны, такъ захватывающи или требовали для отвѣта такихъ продолжительныхъ трудовъ и наблюденій, что при первомъ же взглядѣ на такой вопросъ можно было усомниться въ возможности разрѣшенія. Такими являлись, напримѣръ, вопросы, предложенные нашимъ русскимъ зоологомъ Д. М. Россинскимъ о зависимости созидающихъ способностей (строительныхъ способностей) у животныхъ отъ вліянія окружающей среды и наслѣдственности, или другой вопросъ его же, о возможности или невозможности чистой культуры Cytozoa, то-есть тѣхъ низшихъ паразитирующихъ животныхъ, которыя обитаютъ въ крови животныхъ, въ ихъ тканяхъ и т. д. Бо́льшею же частію вопросы являлись такими, на которые можно было ожидать отвѣта или со стороны лицъ ихъ предлагающихъ, или со стороны извѣстныхъ спеціалистовъ.

Таковы были, напримѣръ, вопросы профессора Рафаэля Бланшара, доктора Жерара, профессора Мёбіуса о необходимости пересмотра животной номенклатуры, нашедшіе отвѣтъ въ обширныхъ докладахъ самихъ Бланшара и Жерара, вопросъ о значе-

нія эмбріологіи въ классификаціи, предложенный и разработанный профессоромъ А. А. Тихоміровымъ, вопросъ о населеніи русскихъ морей, предложенный профессоромъ А. П. Богдановымъ и нашедшій отвѣтъ въ статьяхъ гг. Н. М. Книповича, Г. А. Кожевникова, П. Н. Бучинскаго, С. М. Герценштейна и А. А. Остроумова.

Гораздо труднѣе являлись общія сводки. Спеціальная русская литература такъ разбросана, что собраніе свѣдѣній даже по небольшимъ, спеціальнымъ отраслямъ зоологической систематики, фауны той или другой группы животныхъ и т. д. очень затруднительны и большею частію доступны лишь лицамъ, спеціально посвящающимъ свои труды той или другой группѣ. Собраніе такихъ свѣдѣній въ одно общее безъ намѣренія подвергнуть ихъ дальнѣйшей обработкѣ и пересмотру является поэтому трудомъ, кажущимся спеціалистамъ столь неплодотворнымъ, что найти лицо, которое посвятило бы свои силы этому долгу, такъ сказать, платонически, почти невозможно. И дѣйствительно, только одинъ докторъ А. А. Остроумовъ, директоръ Севастопольской біологической станціи, посвятилъ свои труды на сводку данныхъ по низшимъ животнымъ, населяющимъ Черное море, не имѣя въ виду какой-либо дальнѣйшей эксплоатаціи этого труда.

Съ другой стороны и положеніе нашей науки далеко не всегда даетъ возможность болѣе или менѣе плодотворнаго исполненія подобной задачи. Напримѣръ я могу привести вопросъ о фаунѣ нашихъ русскихъ озеръ, относительно которой предполагалось составить болѣе или менѣе подробную сводку для зоологическаго конгресса. Литература показала намъ, что у насъ есть свѣдѣнія о Ладожскомъ, Онежскомъ озерѣ, Ильменѣ и Чудскомъ озерѣ, но озера сѣверо-востока Новгородской губерніи и востока Олонецкой почти не изслѣдованы. Въ центральной Россіи изслѣдованы три, четыре маленькихъ подмосковныхъ озера, сдѣлано кое-что по Плещееву озеру, но не затронуты озера Владимірской, Рязанской, Калужской, Смоленской губерній. Озера Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерній совсѣмъ не изучены, изъ южныхъ озеръ мы знаемъ 2, 3 соляныхъ, солеосадочныхъ озеръ, Вейсово озеро около Славянска, и только.

Такое положеніе дѣла заставляло иногда отклоняться отъ выполненія начатой задачи и, если и принесло пользу, такъ именно въ томъ, что показало намъ, какъ много еще можно сдѣлать у себя, дома, не ѣздя ни на Зондскіе острова, ни на Афганскую границу или далекую, Восточную Сибирь.

Тѣмъ не менѣе и эта сторона подготовительныхъ работъ къ конгрессамъ не осталась безплодной. Подобныя сводки по извѣстнымъ вопросамъ были сдѣланы и возбудили большой интересъ съѣхавшихся ученыхъ, хотя они далеко не соотвѣтствовали тѣмъ desiderata, которыя были намѣчены въ подготовительныхъ коммиссіяхъ.

Таковы явились, напримѣръ, упомянутыя выше общія работы гг. Герценштейна, Книповича, Бучинскаго, Остроумова, Кожевникова, давшія довольно полную картину нашихъ свѣдѣній о населеніи окружающихъ Европейскую Россію морей, работы гг. Чернышева и Никитина, давшія свѣдѣнія о природѣ, окружавшей первобытнаго человѣка, насельника Россіи, сводка г. Сизовымъ разныхъ типовъ погребеній у доисторическихъ народовъ, населявшихъ Россію.

Такъ какъ подобныя задачи, выпадавшія на долю коммиссій, подготовлявшихъ работы конгрессовъ, требовали присутствія лицъ, имѣвшихъ спеціальныя познанія, то уже въ самомъ началѣ возникновенія коммиссій, онѣ разбились на отдѣлы, завѣдываніе которыми было поручено лицамъ, разрабатывавшимъ спеціально тѣ или другія отрасли наукъ, и уже этимъ лицамъ было предложено приглашать къ участію другихъ спеціалистовъ. Такъ организовались при подготовительной коммиссіи конгресса Антропологіи и доисторической Археологіи пять отдѣловъ, при Зоологической же коммиссіи шесть, впрочемъ, въ послѣдствіи слившіеся тоже въ пять.

Отдѣлы эти, или секціи, были слѣдующіе:

А. По конгрессу Антропологіи и доисторической Археологіи:

1) Геологія и палеонтологія въ ихъ отношеніяхъ къ первобытному человѣку.—Организаторъ проф. А. А. Тихомировъ.

2) Общіе вопросы по доисторической Археологіи. Организаторъ графиня П. С. Уварова, предсѣдательница Императорскаго Московскаго археологическаго Общества.

3) Курганы и городища, а также частная Русская доисторическая Археологія. Организаторъ II. И. Сизовъ, секретарь Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ.

4) Антропологія. Организаторъ проф. А. Н. Маклаковъ.

5) Доисторическая этнографія. Организаторъ проф. В. Ф. Миллеръ.

Б. По Зоологическому конгрессу:

1) Общіе вопросы по біологіи, систематикѣ и зоологической географіи. Организаторъ А. Н. Маклаковъ.

2) Частные вопросы по біологіи, систематикѣ и зоологической географіи. Организаторъ проф. А. А. Тихомировъ.

3) Гистологія и эмбріологія. Организаторъ проф. И. Ф. Огневъ.

4) Физіологія и физіологическая химія. Организаторъ проф. Л. З. Мороховецъ.

5) Морфологія и сравнительная анатомія. Организаторъ проф. Н. Ю. Зографъ.

6) Микропаразитологія. Организаторъ проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, впрочемъ передъ открытіемъ конгресса передавшій свое дѣло Л. З. Мороховцу, который въ концѣ-концовъ соединилъ эту секцію съ физіологической секціей.

Вопросы, сообщенія, требовавшія просмотра, передавались организаторамъ соотвѣтствующихъ секцій, которые, затѣмъ уже и озабочивались тѣмъ, чтобы по возможности вызвать на отвѣты спеціалистовъ соотвѣтствующихъ отраслей науки.

Такъ были вызваны, напримѣръ, рефераты покойнаго А. И. Вилькинса и В. Ф. Ошанина, явившіеся отвѣтомъ на предложенный Парижскимъ академикомъ Альфонсомъ Мильвуа Эдвардсомъ вопросъ о связи фауны Тибета съ фауной Туркестана и русскихъ владѣній въ Азіи, такъ были вызваны отвѣты на вопросы, предложенные профессорами Леономъ Костовичи въ Яссахъ, составленные профессорами Дерптскаго университета Ю. К. фонъ Кеннелемъ, и многіе другіе рефераты.

Кромѣ того подготовительнымъ коммиссіямъ приходилось много трудиться, совмѣстно съ Комитетомъ и съ редакціонно-переводной коммиссіей надъ подготовленіемъ къ печати хотя бы половины представленныхъ рефератовъ.

А. П. Богдановъ предложилъ Комитету и коммиссіямъ издать ко дню открытія конгрессовъ первыя части ихъ трудовъ, что значительно облегчило бы слушаніе рефератовъ, дало бы возможность подготовиться къ объявляемому засѣданію, заранѣе знать содержаніе предположеннаго реферата и, собравшись съ мыслями, приступить къ дебатамъ при обсужденіи даннаго реферата.

Общими усиліями удалось подготовить къ конгрессамъ первыя части ихъ трудовъ. Для этого потребовались нечеловѣческія усилія со стороны завѣдывавшихъ печатаніемъ редакціонныхъ коммиссій, и лишь энергіи А. П. Богданова и И. Ф. Дюмушеля уда-

лось побороть препятствія и затрудненія, которыя встрѣтило печатаніе въ Москвѣ французскаго текста типографіями, рабочіе которыхъ были совершенно непривыкшими къ этому дѣлу.

За то и Комитетъ и коммиссіи были обрадованы съ этой стороны небывалымъ успѣхомъ. Ни одинъ антропологическій или зоологическій конгрессъ не довели своихъ трудовъ, появившихся въ печати, ранѣе нежели черезъ восемь мѣсяцевъ по закрытіи конгресса. Труды зоологическаго конгресса 1889 года, собравшагося въ Парижѣ и продолжавшагося лишь пять дней (съ 5 по 10 августа) были окончены печатаніемъ лишь 25 февраля слѣдующаго 1890 года, а изданіе ихъ въ такой скорый срокъ считалось особенно скорымъ въ сравненіи съ изданіями трудовъ другихъ научныхъ конгрессовъ. Московскіе же конгрессы напечатали свои труды, хотя и въ половинномъ ихъ составѣ, ранѣе собранія конгрессовъ. Намъ пріятно видѣть, съ какимъ удивленіемъ и уваженіемъ отнеслись къ этому иностранные ученые; достаточно просмотрѣть послѣдній полученный въ Москвѣ номеръ журнала *Anthropologie*, издаваемаго Картальякомъ, Гами и Топинаромъ, чтобы видѣть, какъ удивлены были представители западно-европейской науки этою быстротою и энергіей.

Но, помимо дѣятельности коммиссій, работавшихъ, такъ сказать, надъ матеріаломъ готовымъ, доставленнымъ и сообщеннымъ Комитетомъ, въ послѣднемъ шла работа еще болѣе кипучая и оживленная. Если принять во вниманіе, что международные конгрессы всегда связаны такъ или иначе съ политическими соображеніями, если припомнить, что лишняя любезность, часто случайная, сказанная или написанная по адресу ученаго представителя одной націи нерѣдко считается ученымъ другой націи за намѣренное оскорбленіе по его адресу, если, наконецъ, вспомнимъ то ненормальное положеніе европейской политики, которое такъ часто прорывается и въ научной дѣятельности, то легко понять тѣ затрудненія, тѣ препятствія, которыя затрудняли организаціонному Комитету его работу. Дѣло иногда переходило чуть не въ политику, и предсѣдателю организаціоннаго Комитета, проф. Богданову, приходилось сплошь и рядомъ трудиться надъ дилеммами почти политическаго характера.

Труды его раздѣляли почетный президентъ конгресса графъ П. А. Капнистъ, товарищъ почетнаго президента князь П. М. Голицынъ, и благодаря ихъ ходатайствамъ, благодаря принятію ими на себя задачи быть руководителями этой стороны дѣятельности

конгрессовъ, Комитетъ конгрессовъ скоро вступилъ въ непосредственное сношеніе съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ г. послами, посланниками и консулами; въ свою очередь, и тѣ иностранныя державы, которыя имѣютъ своихъ представителей въ Москвѣ, поручили имъ вступить въ сношеніе съ Комитетомъ, и такимъ образомъ эта трудная, для кабинетныхъ ученыхъ почти недоступная сторона дѣятельности Комитета по устройству международныхъ конгрессовъ была вполнѣ обезпечена.

Къ январю 1892 года результаты подготовительной дѣятельности Комитета конгрессовъ и коммиссіи стали выясняться, къ новому 1892 году уже поступили заявленія по антропологическому конгрессу относильно 59 рефератовъ и вопросовъ, и по зоологическому относительно 45, число членовъ по тому и другому конгрессу считалось до 200, и успѣхъ конгрессовъ можно было считать обезпеченнымъ.

Состоявшееся 14 января 1892 года Высочайшее соизволеніе на принятіе Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ званія Почетнаго Президента конгресса Антропологіи и доисторической Археологіи еще болѣе упрочило дѣло конгрессовъ, и съ этого времени работы по осуществленію конгрессовъ измѣнили свой, такъ сказать, нервный характеръ на характеръ болѣе спокойный и болѣе послѣдовательный.

Все дѣло шло спокойно и правильно, несмотря на неудачный, голодный 1891 годъ, до іюня мѣсяца. Съ этого времени въ газетахъ появились свѣдѣнія о холерѣ, о ея нашествіи на Россію, о ея приближеніи къ Москвѣ. Иностранная печать раздувала народное бѣдствіе до небывалыхъ размѣровъ, Москва рисовалась воображенію публицистовъ Западной Европы на краю гибели, и ихъ инсинуаціи начали отражаться на дѣлѣ конгрессовъ. Комитетъ сталъ получать письма сначала только вопросительныя, затѣмъ уже съ запросами почти формальными о размѣрахъ эпидеміи. Въ заграничныхъ, неблагопріятно настроенныхъ по отношенію конгрессовъ, кругахъ стали раздаваться голоса о томъ, что собраніе конгрессовъ въ Москвѣ несвоевременно: еще болѣе стали поговаривать объ этомъ въ Россіи: даже въ средѣ Комитета нѣкоторые болѣе робкіе члены стали проводить такія мысли. Въ Комитетѣ начиналось колебаніе, но энергія лицъ, стоявшихъ во главѣ ея, беззавѣтная вѣра въ успѣхъ дѣла проф. А. П. Богданова, передавшаяся и его сотрудникамъ, разсѣяли эту надви-

гавшуюся на дѣятельность Комитета тучу, и рѣшено было собрать конгрессъ во что бы то ни стало.

Къ срединѣ іюля, когда страшная азіатская гостья уже посѣтила Москву, стали получаться письма о непреклонномъ намѣреніи нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ членовъ присутствовать на московскихъ конгрессахъ; среди такихъ ученыхъ красовались имена Вирхова, Кольманна, Мильнъ-Эдвардса, Бланшара и успѣхъ конгрессовъ опять оказался вполнѣ обезпеченнымъ.

Наконецъ наступилъ день открытія перваго изъ конгрессовъ— Антрополого-Археологическаго, 1 августа 1892 года. Первое засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ избраннаго въ предварительномъ засѣданіи президента князя В. М. Голицына и при генеральномъ секретарѣ проф. Д. Н. Анучинѣ. Я не буду описывать ни хода засѣданій конгрессовъ, ни ихъ празднествъ и торжествъ; все это уже хорошо извѣстно черезъ газеты. Я постараюсь дать обзоръ ихъ научной дѣятельности и результатовъ, ими достигнутыхъ.

Я начну съ Антропологическаго конгресса, какъ конгресса, происходившаго ранѣе и болѣе старшаго по возрасту.

На сколько мнѣ извѣстно, конгрессъ по Антропологіи и доисторической Археологіи, собравшійся въ Москвѣ въ свою XI-ю сессію, получилъ въ наслѣдіе отъ предыдущихъ сессій конгрессовъ лишь одинъ вопросъ, это разрѣшеніе вопроса о соглашеніи краніометрическихъ методовъ изслѣдованія, выработанныхъ Брока и его школой и распространенныхъ теперь во Франціи, Россіи, Италіи, Сѣверной Америкѣ и государствахъ римско-латинскихъ съ методами, выработанными въ Германіи и утвержденными на нѣмецкомъ антропологическомъ съѣздѣ во Франкфуртѣ; послѣдніе методы извѣстны подъ названіемъ методовъ „Франкфуртскаго соглашенія“. Эти методы приняты въ Германіи, Швейцаріи и Австріи, за послѣднее время и въ Италіи. Англія употребляла то тѣ, то другіе методы, а нѣкоторые изъ англійскихъ ученыхъ, по привычкѣ представителей науки этой страны, работаютъ по своимъ методамъ, не справляясь съ тѣмъ, что дѣлается на континентѣ.

Московскому Антропологическому конгрессу не было большаго труда разрѣшить такой вопросъ, такъ какъ на немъ присутствовали два изъ четырехъ выдающихся и выработавшихъ схему Франкфуртскаго соглашенія краніометровъ Германіи—Вирховъ и Кольманнъ (Люце скончался, а Ранке не пріѣхалъ), а Франція

представила одного изъ самыхъ выдающихся учениковъ Брока-Шантра. Для конгресса ожидались также буда-пештскій антропологъ Аврелій Тёрёкъ и вѣнскій антропо-психологъ Бенедиктъ, выработавшіе свои собственныя схемы изслѣдованій, но отсутствіе ихъ, повидимому, не отразилось особенно вредно на этой сторонѣ дѣятельности конгресса, такъ какъ Тёрёкъ и Бенедиктъ радикалы въ антропологіи, а неуспѣхъ другаго радикала антропологіи, римскаго профессора Серджи, бывшаго на конгрессѣ и старавшагося провести собственные методы въ антропологію, показалъ, что большинство современныхъ антропологовъ еще далеко не склонно къ радикальнымъ измѣненіямъ выработанныхъ методовъ.

Для подготовленія и всесторонняго обсужденія вопроса о соглашеніи краніометровъ была избрана спеціальная коммиссія, составившаяся изъ гг. Рудольфа Вирхова, Кольманна, Шантра, Серджи, проф. Томскаго университета Н. М. Маліева, Д. Н. Анучина и Н. Ю. Зографа. Предсѣдательствовалъ въ коммиссіи проф. Р. Вирховъ, секретарствовалъ проф. Д. Н. Анучинъ.

Послѣ двухъ продолжительныхъ засѣданій, въ которыхъ особенно горячо дебатировались вопросы объ основной черепной линіи, представители французской школы сдѣлали уступки по вопросу объ основной черепной линіи, а представители Франкфуртскаго соглашенія уступили въ вопросахъ о методахъ измѣренія, и такимъ образомъ вопросъ былъ приведенъ къ благополучному и окончательному разрѣшенію. Перечислять детали постановленій коммиссіи я считаю на страницахъ журнала общаго характера неудобнымъ и потому посылаю лицъ, желающихъ познакомиться съ ними ко второму тому изданій конгресса, гдѣ будетъ помѣщенъ полный списокъ о работахъ коммиссіи.

Исполнивши задачу, возложенную предшествовавшей сессіей конгресса, XI-я сессія конгресса въ свою очередь задала задачу и будущей сессіи конгресса, впрочемъ избравши для ихъ выполненія особыя коммиссіи.

Первая задача для будущей сессіи конгресса вызвана сообщеніемъ профессора ліонскаго факультета Э. Шантра, озаглавленнымъ имъ „Projet des réformes dans la nomenclature des peuples de l'Asie". Въ этомъ рефератѣ профессоръ Шантръ, извѣстный знатокъ и изслѣдователь антропологіи и доисторической археологіи Кавказья и Закавказья, указывалъ на то смѣшеніе

понятій объ азіатскихъ племенахъ и народахъ, которое существуетъ среди ученыхъ. Такъ какъ азіатскіе народы, то-есть народы Кавказа, Туркестана, Сибири, менѣе всего изучены со стороны антропологической, а тѣ свѣдѣнія, которыя даютъ намъ лингвистика, этнографія и исторія являются и сбивчивыми и разнорѣчивыми, то профессоръ Шантръ находилъ необходимымъ приступить къ серьезному антропологическому изученію Кавказа и другихъ азіатскихъ владѣній Россіи, причемъ высказалъ мнѣніе, чтобы эти работы шли рука объ руку съ изслѣдованіями историческими, лингвистическими и этнографическими. Вслѣдствіе этого профессоръ Шантръ находилъ необходимымъ избрать спеціальную коммиссію, которая разработала бы вопросъ о номенклатурѣ азіатскихъ народовъ и представила по нему докладъ будущей сессіи конгресса. Совѣтъ конгресса избралъ въ члены этой коммиссіи кромѣ самого г. Шантра, профессоровъ: А. П. Богданова, Рудольфа Вирхова, Н. Ю. Зографа, Н. М. Маліева, В. Ф. Миллера и П. П. Цагарелли; кромѣ того въ коммиссіи долженъ былъ принимать участіе генеральный секретарь конгресса Д. Н. Анучинъ и нынѣ умершій А. И. Вилькенсъ. Коммиссія будетъ состоять при отдѣлѣ Антропологіи Общества Любителей Естествознанія и ей дано право приглашать въ свои члены спеціалистовъ.

Другая задача, возложенная на другую коммиссію, была вызвана рефератомъ лица, пишущаго этотъ обзоръ „о методахъ антропометрическихъ изслѣдованій живыхъ людей, практикуемыхъ въ Россіи и о необходимости объединенія антропометрическихъ методовъ“. Мнѣ удалось также представить, какая неясность, какая запутанность понятій обусловливается тѣмъ, что методы антропометрическихъ изслѣдованій примѣняются различно изслѣдователями разныхъ націй и даже разныхъ мѣстъ въ предѣлахъ одной и той же націи. Результатомъ моего сообщенія было единогласное постановленіе конгресса объ организаціи для подготовленія этого вопроса къ обсужденію на будущей сессіи особой коммиссіи, причемъ и эта коммиссія поставлена также въ связь съ отдѣломъ Антропологіи Общества Любителей Естествознанія и послѣднему поручено даже озаботиться выборомъ личнаго состава этой коммиссіи, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ составъ ея вошелъ непремѣнный секретарь Д. Н. Анучинъ и докладчикъ реферата.

Среди вопросовъ, которые были предложены на разсмотрѣніе конгресса, очень выдающееся мѣсто занималъ вопросъ А. П. Богданова о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась природа Россіи въ періодъ предполагаемаго появленія въ Восточной Европѣ человѣка или въ эпоху близкую къ этому періоду. Этотъ вопросъ становится въ весьма тѣсную связь съ другимъ вопросомъ о ледниковомъ періодѣ въ Россіи и обитаніи въ Россіи человѣка въ этотъ періодъ.

На оба эти вопроса представили весьма обстоятельные и подробные доклады два петербургскихъ геолога, члены Геологическаго Комитета С. Н. Никитинъ и Ѳ. Ѳ. Чернышевъ.

Вотъ какую картину природы Россіи въ ледниковый періодъ въ предшествовавшіе ему періоды даютъ эти ученые:

Послѣ третичной геологической эпохи, во время которой и въ Южной Россіи, какъ въ южной половинѣ Европы, была хорошо развитая фауна, была хорошо развитая флора, наступилъ такъ называемый послѣтретичный періодъ, стоявшій въ связи съ періодомъ четвертичнымъ или квартернернымъ.

Въ этотъ слѣдующій періодъ, какъ извѣстно, часть Россіи была покрыта льдами, въ то же время Каспійское море было гораздо больше настоящаго, также какъ, вѣроятно, и Азовское море; Каспійское море омывало своими водами южный Уралъ и доходило до предѣловъ сѣверной половины Уфимской и южной половины Вятской губерніи. Такимъ образомъ является вопросъ, была ли возможность въ этотъ періодъ соединенія Европы съ Азіей, была ли возможна, въ случаѣ этого соединенія, жизнь на такомъ перешейкѣ, однимъ словомъ, была ли возможна эмиграція изъ Азіи въ Европу и обратно въ это время утренней зари человѣчества? Ѳ. Ѳ. Чернышевъ отвѣчаетъ на это такъ. Въ послѣтретичный періодъ на Уральскихъ горахъ были ледники, но лишь въ сѣверной части хребта начиная съ 61 градуса сѣверной широты; эти ледники шли далѣе, покрывая губерніи Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, сѣверныя части губерній Вятской и Пермской и открывались съ одной стороны въ Ледовитый океанъ, занимавшій въ тотъ періодъ времени сѣверную часть своего нынѣшняго побережья и соединявшійся узкимъ проливомъ съ Балтійскимъ моремъ.

Между этими ледниками и Каспійскимъ моремъ, вдавшимися въ то время длинными заливами далеко на сѣверъ, находились мѣ-

стности, которыя были благопріятны для жизни человѣка. Дѣйствительно, въ среднемъ Уралѣ и есть слѣды не только такихъ животныхъ, которыя указывали бы на возможность жизни человѣка въ этомъ краѣ въ послѣтретичный періодъ, но даже и слѣды человѣка. Таковы находки Гебаура въ Камышловскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, Малахова въ пещерахъ на верхнемъ Міасѣ, Иванова и Малахова въ торфяникахъ Екатеринбургскаго уѣзда и такъ далѣе. Всѣ эти находки, впрочемъ, относятся къ періоду нѣсколько болѣе позднему, хотя заставляютъ предполагать о возможности существованія человѣка на Уралѣ въ одно время съ мамонтомъ. Такихъ находокъ, которыя доказали бы связь этого первобытнаго населенія восточнаго склона Урала съ западнымъ его склономъ, еще не сдѣлано, но связь эта не невѣроятна.

С. Н. Никитинъ разбираетъ періодъ нѣсколько позднѣйшій; онъ обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на періодъ, который называется ледниковымъ періодомъ, а изъ этой обширной эпохи онъ обращаетъ особенное вниманіе на вторую половину этого періода или плеистоценную эпоху.

Ледниковый періодъ, смѣнившій послѣтретичныя эпохи, во время своего наибольшаго развитія былъ пагубенъ для Россіи. Обширные ледники, въ предшествовавшую эпоху, распространявшіеся лишь на сѣверную Россію, въ этотъ періодъ заняли всю Россію, и ея поверхность являлась такой же обширной мертвой снѣговой пустыней, какъ современная Гренландія. Это было въ первую половину ледниковаго періода. Затѣмъ наступаютъ болѣе благопріятныя времена. Правда, шведскіе и сѣверо-нѣмецкіе ученые утверждаютъ, что за ледниковымъ періодомъ слѣдовало нѣкоторое умягченіе климата, за которымъ слѣдовалъ новый, столь же жестокій періодъ снѣга и холода, но Никитинъ вообще противникъ этой гипотезы и, въ крайнемъ случаѣ, принимаетъ ее лишь для части Финляндіи, въ остальной же Россіи въ это время ледники смѣняются озерами, по предположенію Альфреда Неринга тундрами, наконецъ, къ началу второй половины ледниковаго періода, степями, занимавшими южную и восточную Россію. По этимъ степямъ пасутся стада мамонтовъ, первобытныхъ быковъ, громадныхъ лосей и оленей, и чѣмъ далѣе на сѣверъ подвигается граница ледниковъ, тѣмъ далѣе заходятъ вслѣдъ за ней и эти животныя. За ними слѣдомъ идетъ человѣкъ, но тогда, какъ мамонты, носороги, гигантскіе лоси, только что получивши

такое распространеніе, не выдерживаютъ борьбы съ новыми климатическими условіями и вымираютъ, человѣкъ остается, основываетъ поселенія (находки Иностранцева) и является первымъ насельникомъ Россіи. Интересно и то, что человѣкъ этого періода уже не дитя природы, не звѣрообразный дикарь. Онъ отличный мастеръ, онъ приготовляетъ превосходные, полированные каменные ножи и топоры, онъ варитъ пищу, приготовляетъ для себя горшки и посуду и т. д.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Николай Зографъ.

Гармоническое развитіе силъ и способностей души въ Святителѣ Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ.[1]

Въ литературѣ и обществѣ, къ глубокому сожалѣнію, доселѣ не исчезли разнаго рода недоразумѣнія относительно свойствъ и характера личности и дѣятельности величайшаго изъ іерарховъ русскихъ, Святителя Филарета, митрополита Московскаго, (двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Бозѣ почившаго и подъ сѣнію Лавры преподобнаго Сергія почивающаго своими останками). Несмотря на то, что уже древнее правило гласитъ: de mortuis aut nihil aut bonum, и нынѣ, какъ при жизни сего великаго Святителя, еще раздаются и слышатся намѣренные, а иногда, быть-можетъ, и не намѣренные, неблагопріятные отзывы и сужденія, клеветы, даже злословія и хулы противъ этой личности, относительно ея характера и дѣятельности. Говорятъ и пишутъ, напримѣръ, что митрополитъ Филаретъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, но безсердечный, съ черствою, холодною душей, самолюбивый, преслѣдовавшій только свои личныя цѣли, не дѣлавшій „ни одного добраго дѣла въ отношеніи къ ближнему своему по чистому чувству христіанской любви“, деспотъ мысли, слова и дѣла, задерживавшій, благодаря своему авторитету, всякое движеніе впередъ (прогрессъ) и т. д. Будто бы духовенство не любило его за его сухость и безсердечіе, боялось его, на четверенькахъ доползало къ нему, являясь въ его покои. Таковы же какъ онъ, будто бы, и проповѣди его: онѣ „холодны, въ нихъ нѣтъ чувства, нѣтъ сердца, въ нихъ острый умъ играетъ, такъ сказать, до усталости словами, соединяя и противопоставляя ихъ разными извитіями; въ нихъ

[1] Статья эта переработана авторомъ изъ рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и напечатанной въ первоначальномъ своемъ видѣ въ „Чтеніяхъ“ Общества. (Декабрь 1892).

нѣтъ той духовно-жизненной силы, христіанскаго чувства, которыми ораторъ увлекаетъ сердца своихъ слушателей"[1] Самъ Святитель Филаретъ, при жизни своей, слыша или узнавая какимъ бы то ни было образомъ о такихъ и подобныхъ отзывахъ, сужденіяхъ, клеветахъ и злословіяхъ, по примѣру пастыреначальника Христа, на все это *молчаше* и *ничесоже отвѣщеваше* (Матѳ. 26, 63; 27, 12), извлекая изъ нихъ для себя лишь уроки смиренія, покорности волѣ Божіей и „осторожности"[2] Но мы не можемъ такъ поступать, ибо такіе отзывы и сужденія не проходятъ даромъ для народнаго сознанія и въ умахъ многихъ сыновъ Церкви и отечества, мало знающихъ о Святителѣ Филаретѣ или, по крайней мѣрѣ, мало имѣющихъ достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній, омрачаютъ свѣтлый ликъ его великаго образа. Мы должны возстановлять истину и не можемъ не свидѣтельствовать о ней.

Откуда происходятъ вышеприведенные отзывы и сужденія? На этотъ вопросъ отвѣчаемъ словами св. Меѳодія Патарскаго: „истинно доброму болѣе противится зло, нежели не доброму" (τῷ ὄντι τῷ ἀγαθῷ μᾶλλον ἐναντιώτερον τὸ κακὸν ἢ τῷ μὴ ἀγαθῷ)[3]. Душа чистая, возвышенная, великая, при своемъ соприкосновеніи съ душей не таковою, болѣе возмущаетъ въ послѣдней тину злыхъ помысловъ и страстей, отталкивая ее отъ себя, нежели душа, если не прямо злая, то и не добрая, „ни теплая, ни холодная," по слову священнаго писателя Апокалипсиса (3, 15. 16). Всѣ такіе и подобные отзывы и сужденія о святителѣ Филаретѣ страдаютъ главнѣйшимъ недостаткомъ, отъ котораго должно было бы быть свободнымъ всякое слово сужденія человѣческаго, дабы оно было вѣрно: недостаткомъ истинности и безпристрастія. Только безпристрастный, не односторонній взглядъ на предметъ сужденія можетъ вѣрно служить истинѣ, и только усмотрѣніе всѣхъ условій и обстоятельствъ развитія и проявленія силъ и способностей души сего Святителя можетъ быть твердымъ основаніемъ къ правильной оцѣнкѣ его личности, дѣятельности и заслугъ Церкви и отечеству.

---

[1] См. напр. Ровинскаго, *Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*, изданный Академіею Наукъ, т. II, стр. 1771—1772. Спб. 1889; *Русск. Стар.* 1892, № 9, стр. 710—712; *Новое Время* 1892, № 5936 и др.

[2] См. *Письма м. Филарета къ архимандриту Антонію*, ч. II, стр. 412, Москва, 1878.

[3] *Пиръ десяти дѣвъ* или *о дѣвствѣ*, рѣчь Ареты.

„Люди, обладающіе глубокими понятіями о предметахъ природы человѣчества и общества человѣческаго, —говорилъ митрополитъ Московскій Филаретъ въ проповѣди, произнесенной въ 1854 году въ одномъ изъ учебныхъ заведеній г. Москвы,—суть очи народа. Однако, какъ не всякому члену тѣла надобно быть окомъ, такъ не всякому члену общества надобно быть ученымъ. Но усиленные укоры невѣжеству и похвалы неопредѣлительно понятому просвѣщенію посѣяли въ нѣкоторыхъ людяхъ односороннія мысли, что воспитаніе, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать значитъ преподавать науки, что воспитаннымъ надобно почитать того, кто прошелъ нѣсколько поприщъ уроковъ. Это значитъ воспитывать болѣе голову, нежели сердце и всего человѣка“ [1]—Вотъ взглядъ Святителя Филарета на воспитаніе человѣка, на развитіе природныхъ его силъ и способностей. И самъ онъ, какъ сейчасъ увидимъ, получилъ такое же, т. е. равномѣрное, гармоническое воспитаніе и развитіе силъ и способностей своей души.

Онъ родился и до семнадцати лѣтъ воспитывался въ г. Коломнѣ, издревле славившемся святынями, древностями церковными и гражданскими, и благочестіемъ жителей своихъ. Родители его были люди отъ природы умные, по своему времени и мѣсту весьма просвѣщенные, добросердечные, а главное,—искренно благочестивые, глубоко религіозные и высоко нравственные. Отецъ его, Михаилъ Ѳеодоровичъ Дроздовъ († 1816 г.), съ 1800 года соборный протоіерей г. Коломны, обладалъ даже собственною, довольно значительною по числу и хорошею по подбору книгъ, библіотекой, а мать его Евдокія Никитична вполнѣ уподоблялась, по вліянію на воспитаніе своего семейства, тѣмъ христіански-благочестивымъ матерямъ, которыя воспитали святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ. Они, вмѣстѣ съ дѣдомъ Василія Михайловича Дроздова, будущаго митрополита Филарета, также священникомъ города Коломны Никитою Аѳанасьевичемъ († 1824), посѣяли въ душѣ его первыя сѣмена не только необходимыхъ познаній и добрыхъ правилъ жизни, но и христіанскаго благочестія, истинной любви къ Богу и ближнимъ. Умъ образуетъ умъ, а любовь рождаетъ любовь въ сердцѣ другаго. Еще въ дѣтствѣ насаж-

[1] *Сочиненія м. Филарета.* V, 250—251. Москва, 1885. Проповѣдь произнесена въ Коммерческомъ Училищѣ и разсуждаетъ прямо о воспитаніи.

дена была въ сердцѣ В. М. Дроздова любовь къ Богу, къ ближнимъ, къ храму Божію, къ православному богослуженію, къ молитвѣ. Мать его брала съ собою сына постоянно въ церковь къ богослуженію, которое чинно совершалъ отецъ его, и сохранилось преданіе, что нерѣдко, отстоявъ всю службу церковную, малютка Дроздовъ, слѣдя глазами за спускаемымъ для погашенія свѣчи, и вновь поднимаемымъ по блоку на высоту свѣщникомъ предъ алтаремъ, тихо говорилъ матери: „мама, скоро кончится служба, молитва къ Богу пошла“ [1].—Что̀ дается душѣ въ первые годы ея развитія, то обыкновенно глубоко западаетъ въ нее и является первымъ, самымъ прочнымъ основаніемъ, на которомъ зиждется вся послѣдующая жизнь и дѣятельность человѣка. Такъ было и съ Дроздовымъ. Доброе вліяніе семейнаго воспитанія продлилось для В. М. Дроздова на цѣлыя 17 первыхъ лѣтъ его жизни; ибо и въ Коломенской Духовной Семинаріи, куда онъ поступилъ на 9 году возраста своего въ 1791 году, онъ былъ приходящимъ, а не живущимъ въ курсѣ ученикомъ. Между тѣмъ и школьное воспитаніе его въ означенной Семинаріи не осталось для него безъ добрыхъ послѣдствій. Оно раскрыло и развило необыкновенныя дарованія ума Дроздова. Хотя „тогдашнія училища духовныя, даже лучшія, были небогаты средствами къ развитію необыкновенныхъ дарованій юноши“, [2] однако они обладали благомъ, котораго совсѣмъ не имѣли свѣтскія учебныя заведенія того времени. Учебное дѣло въ духовныхъ училищахъ было поставлено на твердыхъ началахъ классическаго образованія и сильнаго подъема значенія письменныхъ упражненій, способствовавшихъ развитію и изощренію ума, упорядоченію мыслей и укрѣпленію умственной дѣятельности, усвоенію привычки къ труду. Non multa, sed multum—вотъ основное правило и вмѣстѣ плодъ такъ направленной и развитой умственной дѣятельности. В. М. Дроздовъ былъ постоянно однимъ изъ наилучшихъ учениковъ Коломенской Семинаріи и только за упраздненіемъ ея въ 1800 году не окончилъ въ ней полнаго курса, докончивъ таковой курсъ въ 1800—1803 годахъ въ Троицкой Лаврской Семинаріи.

---

[1] См. Н. В. Сушкова, *Записки о жизни и времени м. Филарета,* стр. 30 приложеній Москва, 1868.

[2] Изъ надгробнаго слова бывшаго ректора Московской Духовной Академіи протоіерея А. В. Горскаго въ память святителя Филарета. Слово это было въ свое время (въ 1867 г.) весьма распространено въ печати.

Съ переходомъ В. М. Дроздова въ Троицкую Лаврскую Семинарію условія и обстоятельства воспитанія и образованія его нѣсколько измѣнились, но опять не къ худшему, а къ лучшему для развитія его ума и сердца. Съ одной стороны, учебное дѣло въ этой Семинаріи, благодаря отеческой попечительности митрополита Платона, было поставлено гораздо выше, нежели въ другихъ провинціальныхъ семинаріяхъ. Троицкая Лаврская Семинарія въ этомъ отношеніи по справедливости равнялась и оффиціально уравнена была съ академіями; а съ другой стороны и въ отношеніи къ развитію сердца и направленію воли, Лаврскій періодъ воспитанія В. М. Дроздова представлялъ прекрасныя условія. Въ Лаврской Семинаріи вполнѣ господствовалъ семейный характеръ, патріархальность, причемъ истиннымъ отцомъ семейства, патріархомъ, являлся извѣстный сколько своимъ высокопросвѣщеннымъ умомъ, столько же превосходнымъ характеромъ и любвеобильнымъ сердцемъ, упомянутый митрополитъ Платонъ. Онъ принималъ живѣйшее, самоличное и весьма дѣятельное участіе не только въ учебныхъ и другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ занятіяхъ учителей и учениковъ Семинаріи, всячески возбуждая и поощряя эти занятія, но и въ минутахъ отдыха, во время рекреацій, — въ прогулкахъ, даже играхъ семинаристовъ. При этомъ онъ зорко слѣдилъ какъ за учителями, такъ и за учениками, высматривалъ, отличалъ и поощрялъ таланты, выдвигалъ на видъ и направлялъ ихъ, по возможности, къ лучшему пути служенія Церкви и отечеству. Такимъ образомъ и внѣ Коломны, вдали отъ дома родительскаго, В. М. Дроздовъ не лишенъ былъ блага семейнаго воспитанія. Для сердца его и здѣсь было много пищи, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, и начальствующіе, и учащіе и учащіеся въ Лаврской Семинаріи были все люди хорошіе (за исключеніемъ весьма немногихъ, которые скоро были и удаляемы изъ нея), а съ другой—и изъ Лавры В. М. Дроздовъ поддерживалъ живыя, по большей части письменныя, а по временамъ (въ каникулы) и личныя сношенія съ своими коломенскими родными.

Но самымъ великимъ благомъ для него въ разсматриваемомъ отношеніи было то, что онъ съ 1800 года вступилъ подъ сѣнь обители Преподобнаго Сергія, этого величайшаго подвижника иноческой жизни, Великаго Угодника Божія и дивнаго во святыхъ Чудотворца.— Въ 1864 году, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ нашей alta mater — Академіи, самъ митрополитъ Филаретъ, въ своей

рѣчи, развивалъ мысль о томъ, какъ Преподобый Сергій благодатью воздѣйствуетъ на развитіе духа монашества вокругъ себя и между прочимъ среди привитающихъ въ стѣнахъ его Лавры „любителей божественной, духовной, церковной мудрости", то-есть учащихъ и учащихся сперва въ Троицкой Лаврской Семинаріи, а съ 1814 года и въ Московской Духовной Академіи, и какъ здѣсь еще въ прошедшемъ столѣтіи, „подъ его покровомъ, возжглись свѣтильники, стоявшіе потомъ на высокихъ свѣщникахъ Церкви, напримѣръ, Платонъ, Амвросій, Августинъ. [1] Тотъ же Великій Угодникъ Божій, невидимою, благодатною силой своею, привлекъ и чистое, нѣжное сердце глубоко-религіознаго, благонравнаго и благовоспитаннаго юноши Дроздова, сперва къ сочувствію духу монашества, а затѣмъ и къ принятію самого монашества, дѣйствуя чрезъ такія надежныя орудія, какъ митрополитъ Платонъ. Находясь вдали отъ родныхъ и отъ развлеченій духомъ міра сего, витая подъ кровомъ обители иноческой и близъ святыхъ, нетлѣнныхъ мощей самого первоначальника сей обители Преподобнаго Сергія, гдѣ все говорило уму и сердцу его о благочестіи, святости, подвижничествѣ, о духовномъ и возвышенномъ надъ всѣмъ мірскимъ, В. М. Дроздовъ уже съ самаго перваго года поступленія своего въ Лаврскую Семинарію сталъ чувствовать въ себѣ признаки влеченія къ иноческой жизни. Такъ еще 15 ноября 1800 года, стало быть черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ перехода на жительство изъ Посада съ вольной квартиры въ самыя зданія Лаврской Семинаріи, онъ, не будучи и 18 лѣтъ отъ роду, писалъ къ своему родителю: „иногда, одинъ съ моею скукой, ходя по обнаженному саду, погружаюсь я въ мрачную задумчивость и на всякомъ предметѣ, на который устремляется мысль моя, кажется, читаю слово мудраго: Vanitas Vanitatum!" [2] А затѣмъ и не задолго до окончанія курса въ Семинаріи, отъ 10 декабря 1802 года онъ писалъ тому же лицу: „Я получилъ ваше трогательное письмо. Чувствую цѣну довѣренности, съ которою вы ближе показываете мнѣ свое положеніе и позволяете участвовать въ своихъ мысляхъ. Онѣ подаютъ мнѣ случай внимательнѣе размыслить о свѣтѣ. Я представляю, что и я нѣкогда долженъ вступить на сію сомнительную сцену, на которую теперь смотрю со стороны, гдѣ

---

[1] См. *Сочиненія митрополита Филарета.* V, 563. Москва, 1885.
[2] *Письма митрополита Филарета къ роднымъ*, стр. 9.

нерѣдко невѣжество и предразсудокъ рукоплещетъ, освистываетъ злоба и зависть... И мнѣ идти по сему пути, гдѣ мечутъ подъ ноги то камни, то золото, о которыя равно удобно претыкается неопытность или неосмотрительность... Я молю Бога, чтобы долѣе и долѣе хранилъ васъ для меня, дабы, при руководствѣ вашихъ совѣтовъ и вашей опытности, легче могъ я снискать свою“ [1] Размышляя глубже и глубже о томъ же, В. М. Дроздовъ вскорѣ безповоротно рѣшилъ избрать путь монашества. Въ ноябрѣ 1803 года, отлично кончивъ курсъ въ Семинаріи, онъ оставленъ былъ при самой же Семинаріи въ званіи учителя, и на этой должности, мало-по-малу, еще болѣе возлюбилъ уединеніе въ связи съ учебными занятіями и иноческую жизнь, воспитывая въ себѣ духъ строгаго подвижничества. Будучи міряниномъ по имени и по званію, онъ жилъ настоящимъ отшельникомъ. Подобно св. Григорію Богослову и св. Василію Великому, онъ зналъ только двѣ дороги: въ храмъ Божій и въ школу; на другія же дороги и на распутія не только не вступалъ, но и не обращалъ никакого вниманія. „Вы подлинно имѣете драгоцѣнный залогъ и свидѣтельство Божіяго къ вамъ благоволенія въ талантахъ, а паче въ честномъ поведеніи сына вашего“,—писалъ къ его родителю отъ 15 октября 1804 года близко знавшій его съ ученической скамьи ректоръ Семинаріи архимандритъ Евграфъ Музалевскій-Платоновъ. [2] При своемъ преподаваніи двухъ священныхъ языковъ—еврейскаго и греческаго, въ Св. Писаніи и въ святоотеческихъ твореніяхъ черпая для себя уроки Божественной, духовной, церковной мудрости и напояя свой, отъ природы свѣтлый умъ, живыми струями этихъ спасительныхъ первоисточниковъ христіанства, В. М. Дроздовъ сердце свое питалъ и напоялъ изъ сроднаго сему источника—православнаго Богослуженія. Въ его письмахъ къ роднымъ часто какъ бы невольно проторгается воспитываемое такимъ образомъ религіозное чувство. „Есть случай писать къ вамъ: и можно ли не писать?—читаемъ, напримѣръ, въ его письмѣ къ родителю отъ 26 декабря 1807 года (слѣдовательно писанномъ на другой день праздника Рождества Христова и въ день рожденія самого В. М. Дроздова). — Ставъ вчера очень рано, и довольно утомясь, какъ по большей части случается въ такіе дни, каковъ сей,—я бы не всталъ нынѣ къ

[1] Тамъ же, стр. 29.
[2] См. тамъ же, стр. 60.

утрени,—простите моему признанію: — но встаю въ сіе время, дабы утреннневать къ вамъ.[1] Поэтому, когда въ началѣ 1806 года, по случаю первой блестящей проповѣди В. М. Дроздова на 12-е января въ воспоминаніе освобожденія Лавры отъ осады Поляками, митрополитъ Платонъ, такъ же давно хорошо узнавшій и оцѣнившій его, прямо сдѣлалъ ему предложеніе—вступить въ монашество, онъ безъ труда и безъ особенной внутренней борьбы склонился на это предложеніе, предварительно впрочемъ испросивъ на то согласіе своего родителя, какъ любящій и покорный сынъ. Доколѣ, по молодости лѣтъ, ему еще нельзя было принять самое постриженіе въ монашество, онъ болѣе прежняго сталъ уготовлять себя къ тому и настолько освоился съ монашескимъ образомъ жизни, что когда, вскорѣ послѣ постриженія, въ концѣ 1808 года, родитель спрашивалъ его о новомъ его состояніи, онъ письмомъ, отъ 14 декабря означеннаго года, извѣщалъ его: „вы желаете вѣдать обстоятельства моего новаго состоянія. Но я почти не вижу около себя новаго. Тотъ же образъ жизни; тѣ же упражненія; та же должность; то же спокойствіе, кромѣ того, что прежде, съ нѣкотораго времени, я иногда думалъ: *что-то будетъ? что-то выйдетъ?* А теперь и этого не думаю".[2] Въ іюлѣ 1808 года, подавая на имя митрополита Платона прошеніе о постриженіи въ монашество, онъ писалъ въ этомъ прошеніи: „обучаясь и потомъ обучая подъ архипастырскимъ Вашего Высокопреосвященства покровительствомъ, я научился по крайней мѣрѣ находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи. Сіе расположило меня къ званію монашескому. Я тщательно испыталъ себя въ семъ расположеніи въ теченіе почти пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ должности учительской. И нынѣ, Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, всепокорнѣйше прошу, Вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ совершить мое желаніе, удостоя меня монашескаго званія.[3] Митрополитъ Платонъ по этому сдѣлалъ представленіе Св. Синоду, въ коемъ, съ своей стороны свидѣтельствуя о „честныхъ и сановитыхъ нравахъ и отличномъ ученіи просителя, ходатайствуетъ о дозволеніи постричь его въ мо-

---

[1] Тамъ же, стр. 94.

[2] Тамъ же, стр. 106—107.

[3] № 29 дѣлъ архива учрежденнаго Собора Троицы Сергіевой Лавры за 1808 годъ.

нашество.[1] Св. Синодъ далъ это дозволеніе, и 16 ноября 1808 года В. М. Дроздовъ былъ постриженъ съ именемъ Филарета. Такъ преподобный Сергій ввелъ въ свою священную ограду избранный сосудъ свой, и съ своей стороны сердце юнаго питомца Лавры Сергіевой такъ сильно горѣло любовію къ основателю Лавры, что въ бытность его подъ сѣнію послѣдней, „любимою его мечтой было удостоиться по времени стать гробовымъ у раки преподобнаго Сергія“. [2] Вступленіемъ въ монашество довершилось воспитаніе Филарета, митрополита Московскаго, хотя въ послѣднія 5 лѣтъ предъ тѣмъ онъ и самъ былъ уже воспитателемъ юношества въ качествѣ учителя Семинаріи.

Изъ разсмотрѣнія всего періода этого воспитанія ясно видно, что развитіе силъ и способностей души его шло равномѣрно, гармонически; что не только умъ и воля воспитываемы были въ немъ надлежащимъ образомъ, о чемъ свидѣтельствовали приведенные отзывы объ „отличномъ ученіи“ съ одной и о „честномъ поведеніи“, „честныхъ и сановитыхъ нравахъ“ его съ другой стороны, но и сердце, особенно съ помощію постепеннаго приближенія къ идеалу монашества, слѣдовательно къ истинно христіанскому идеалу жизни, опирающейся на исполненіе всеобщаго закона любви къ Богу и къ ближнимъ. Что такое гармоническое, равномѣрное развитіе силъ и способностей души было завѣтнымъ идеаломъ и самого Святителя Филарета, это, независимо отъ приведенныхъ раньше словъ проповѣди его, лучше всего можетъ доказывать слѣдующее частное письмо его къ родному его брату Никитѣ Михайловичу [3], писанное въ 1808 году. „Берегись, сколько можно,—пишетъ онъ брату—знакомства и сообщенія съ людьми, коихъ нравы сомнительны. Когда видишь худой примѣръ, не соблазняйся мыслію, что люди ненаказанно дѣлаютъ зло; зло ненаказанное вскорѣ готовитъ большую бѣду тому, кто сдѣлалъ оное. Старайся исполнять свое дѣло тщательно и вѣрно, сколько можешь: а за тѣмъ мѣру успѣха и благосостояніе свое поручай Богу, прибѣгая къ Нему часто тайною сер-

[1] См. тамъ же, писанное рукою самого митрополита Платона черновое представленіе въ Св. Синодъ.

[2] Сушковъ, *записки о жизни и времени митрополита Филарета*, стр. 38. Москва, 1868.

[3] Н. М. Дроздовъ скончался въ 1839 году, въ санѣ протоіерея въ г. Коломнѣ, а въ 1818 году училъ въ Виѳанск. Д. Семинаріи.

дечною молитвою; и Онъ сохранитъ тебя. [1] Писано мнѣ о книгахъ тебѣ потребныхъ. Но ученіе... не многими книгами, а размышленіемъ о читанномъ и слышанномъ. Теперь можешь читать философскія сочиненія Цицерона, что и для знанія и для языка полезно... *Храни незлобіе, и виждь правоту, яко есть останокъ человѣку мирну.* [2] Это замѣчательное и поучительное для всякаго и на всѣ времена наставленіе, безъ всякаго сомнѣнія, опиралось на опытѣ собственнаго воспитанія Святителя Филарета.

Теперь спрашивается: какіе же были плоды такого воспитанія Святителя Филарета? Въ чемъ проявлялись такъ равномѣрно гармонически развитыя силы и способности души его? При отвѣтѣ на эти вопросы мы оставимъ въ сторонѣ умъ и волю его; ибо не подлежитъ спору, что при такихъ условіяхъ воспитаніе и развитіе съ помощію дальнѣйшаго сомообразованія, умъ Святителя сдѣлался необыкновенно гибкимъ, строго вышколеннымъ въ разсужденіяхъ о какихъ бы то ни было предметахъ, отличался стройностію въ распорядкѣ и изложеніи мыслей, былъ способенъ сразу схватывать и обнимать самую сущность дѣла и усматривать всѣ возможныя стороны предмета, не говоря уже о чрезвычайной остротѣ его, быстротѣ сообразительности, необыкновенной памятливости, проницательности, дальновидности, даже прозорливости, что все было особеннымъ даромъ Божіимъ и плодомъ чистоты сердца и дѣвственной жизни; а воля въ Святителѣ можетъ быть уподоблена непоколебимой скалѣ. Мы обратимъ преимущественное вниманіе на сердце его, чтобы доказать, что это былъ человѣкъ вовсе не безсердечный и что, напротивъ, дѣятельность сердца у него была въ полной гармоніи съ дѣятельностію ума и воли.

Первымъ и ближайшимъ проявленіемъ дѣятельности сердца въ Святителѣ Филаретѣ было, естественно, чувство любви его къ родителямъ и сродникамъ, окружавшимъ его съ младенчества и ранняго дѣтства. И въ этомъ отношеніи мы имѣемъ такія живыя, сильныя и убѣдительныя доказательства, что только упорное предубѣжденіе можетъ утверждать противное. Проявленіе этого чувства, какъ само собою понятно, особенно сильно

[1] Филаретъ Амфитеатровъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій († 1857), въ 1818 году былъ ректоромъ Московской Духовной Академіи.

[2] *Письма митрополита Филарета къ роднымъ*, стр. 222. Послѣдній приведенный текстъ взятъ изъ Псал. 36—37. Срав. также на стр. 388—389 письмо отъ 1845 года.

стало со времени разлуки В. М. Дроздова съ родными, съ 1800 года, какъ это весьма наглядно и болѣе всего представляется въ его письмахъ къ роднымъ. Онъ живо принимаетъ къ сердцу всѣ радостныя и скорбныя событія въ родной семьѣ, не забываетъ привѣтомъ даже домашнюю прислугу [1] и т. д. Такъ, напримѣръ, вотъ письмо его къ родителю отъ 8 ноября 1800 года, слѣдовательно писанное въ самый день Ангела его родителя: „Чувствія, которыя теперь изліются изъ души моей, можетъ быть остались бы въ ней, когда бы я сообразовался только съ обычаями свѣта. Они велятъ намъ предъ тѣми, къ которымъ привержены мы, открывать усердіе въ день ихъ Ангела. Но я хочу исполнить сіе, пропустивъ уже пристойное время; потому что слѣдую въ семъ случаѣ одному собственному сердцу. Итакъ, хотя я смѣю надѣяться, что вы увѣрены о моей къ вамъ сыновней любви, однако я не могу не сказать, что я, поздравляя васъ съ прошедшимъ днемъ вашего Ангела, желаю вамъ увидѣть его многократно, и притомъ озаряемый солнцемъ веселія, какъ на васъ, такъ и на ближайшихъ къ вамъ лучи простираюшаго.“ [2] Равнымъ образомъ 7 ноября 1802 года онъ писалъ ему же: „Вы начинаете новый годъ: а я не знаю, какъ оканчивается предыдущій. Однако я не останавливаюсь на семъ; но съ моими желаніями, съ моими надеждами предупреждаю время, и воображаю васъ еще многократно встрѣчающихъ новый годъ свой въ спокойствіи. Сія мысль услаждаетъ меня и составляетъ мою радость. Желанія, надежды! Еслибы вы имѣли право требовать у судьбы своего удовлетворенія! Такъ! Благій Промыслъ исполнитъ чистыя желанія и надежды чувствительнаго сердца, рожденныя любовію, благодарностію, почтеніемъ.—Простите симъ восклицаніямъ, которыя излились изъ полнаго сердца. Вашъ покорнѣйшій сынъ В. Д.“ стр. 28—29. А въ 1804 году, въ виду того же дня Ангела, его сыновнее чувство излилось даже въ стихотворномъ привѣтствіи слѣдующаго содержанія:

„Я и не вó-время кричу,
Что многолѣтства вамъ хочу:
Что въ сердцѣ вѣчно обитаетъ,
Законовъ времени не знаетъ.“ [3]

[1] «Бабушкѣ Флоровнѣ, Алексѣевнѣ, Васильевнѣ кланяюсь», писалъ В. М. Дроздовъ въ первый же годъ своего пребыванія въ Лаврѣ. *Письма митр. Филарета къ роднымъ*, стр. 3. Ср. также стр. 4 Флоровна (Евдокія) была няней В. М. Дроздова.

[2] *Письма митр. Филарета къ роднымъ*, стр. 8.

[3] *Письма митр. Филарета къ роднымъ*, стр. 58.

Или еще:

„Не звуки лирныe, но кроткій гласъ сердечный
Ліетъ мнѣ въ сердцѣ огнь неугасимый, вѣчный.
Здѣсь не коварное искусство говоритъ,
Что безобразію даетъ прелестный видъ.
Безъ маски, безъ прикрасъ, природа здѣсь простая,
Не меньше, какъ въ раю, открытая, нагая,
Приходитъ пожелать, да радости одни
Всегда приноситъ вамъ грядущи ваши дни;
Да кротки небеса моленьямъ вашимъ внемлятъ,
И бури жизненны спокойства не колеблятъ.
Вотъ сердце вамъ мое! Желаній вотъ предметъ!
Въ Коломнѣ ясный день,—и въ Лаврѣ тучи нѣтъ.“ [1]

Когда однажды В. М. Дроздовъ въ письмѣ родителя прочиталъ упрекъ по одному случаю, не вполнѣ справедливый, то до слезъ былъ огорченъ этимъ и писалъ ему: „Я прочиталъ вашъ упрекъ, и не знаю, потерялъ или нашелъ четверть часа, которая прошла въ горестной задумчивости. Я бы не нашелъ конца, и обезпокоилъ бы васъ, ежели бы хотѣлъ болѣе говорить о семъ упрекѣ. Не знаю, заслужилъ ли я его. Замолчу. Вы не видите слезъ, сквозь которыя я едва вижу эту бумагу. Простите меня.“ [2] Или вотъ еще въ другомъ тонѣ начало письма отъ 7 іюня 1805 года: „Я получилъ вашъ подарокъ. Жалѣю, что не могу ничѣмъ болѣе доказать вамъ благодарность мою, какъ только признательными словами. Но примите съ отеческою благосклонностію по крайней мѣрѣ сіи слова, и уважьте то, что я говорю вамъ не языкомъ однимъ, ни умомъ болѣе, а сердцемъ. Я и не распространяюсь много: ибо хочу не украсить и увеличить блистательною внѣшностію, но открыть только мои чувствованія, дабы сердце и чувствовало, что сердцемъ писано.“ [3] Наконецъ вотъ слова письма отъ 1 ноября 1808 года, писаннаго за нѣсколько дней до постриженія въ монашество, когда уже пришло разрѣшеніе Св. Синода на это: „Не знаю точно, понравится ли вамъ новость, которую скажу теперь: впрочемъ, если въ вашихъ письмахъ говоритъ ваше сердце, надѣюсь, что

---

[1] См. журн. *Вѣра и Разумъ* 1892, II, отд. церк. стр. 383, въ статьѣ прот. А. А. Смирнова, который впервые издалъ въ свѣтъ это стихотвореніе.

[2] *Письма митр. Филарета къ роднымъ*, стр. 31.

[3] Тамъ же, стр. 67.

я не оскорбилъ васъ и не поступилъ противъ вашего соизволенія, сдѣлавъ одинъ важный шагъ по своей волѣ, по довольномъ, смѣю сказать, размышленіи. Батюшка! *Василья* скоро не будетъ, но вы не лишитесь сына: сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнію, чувствуетъ важность воспитанія и знаетъ цѣну вашего сердца. Простите мнѣ; я не думалъ осмѣлиться хвалить васъ, и не знаю, какъ это вырвалось." [1]

Можетъ ли такъ относиться къ отцу человѣкъ безсердечный?

Не менѣе горячее, искреннее чувство сыновней любви и благодарности наполняло сердце Святителя Филарета и въ его отношеніяхъ къ матери, надолго пережившей отца его и скончавшейся въ глубокой старости уже въ 1853 году. Нужно было ближе знать и видѣть, какъ онъ о ней заботился, какъ покоилъ ее, какъ исполнялъ малѣйшія ея желанія, какъ смиренно просилъ ея благословенія, даже тогда, когда всѣ дорожили его святительскимъ благословеніемъ, какъ, по переселеніи изъ Коломны въ Москву въ 1844 году, нѣжно заботился объ устройствѣ ея жилища близъ Троицкаго подворья, какъ пріобщалъ ее Святыхъ Таинъ въ своей домовой церкви, какъ во всякую погоду навѣщалъ ее, особенно во времена посѣщавшихъ ее болѣзней, наконецъ какъ принялъ послѣдній вздохъ ея и отдалъ ей послѣдній долгъ отпѣваніемъ на Пятницкомъ кладбищѣ, [2]—чтобы понять всю силу его сыновней любви и нѣжность привязанности къ матери, такъ же какъ и глубокаго къ ней почтенія, согласно одной изъ коренныхъ заповѣдей закона христіанскаго.

Нѣжно любилъ Святитель Филаретъ и остальныхъ родныхъ своихъ, [3] такъ же какъ и другихъ лицъ не изъ родныхъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ его воспитанію и развитію. Въ Лаврѣ Сергіевской, особенно за послѣдніе годы его пребыванія въ ней „вторымъ отцемъ" для него былъ митрополитъ Платонъ, [4] весьма полюбившій его за его отличныя умственныя способности и ученіе, за его чистоту сердца и высоконравственную жизнь, за его искреннее благочестіе и за особенный даръ проповѣдничества и, какъ самъ выражался, „прилагавшій особливое, въ разсужденіи

---

[1] Тамъ же, стр. 105—106.

[2] См. обо всемъ этомъ какъ въ тѣхъ же *Письмахъ митр. Филарета къ роднымъ*, такъ и у Сушкова, въ упом. соч. стр. 29 и др.

[3] См. выраженія этой любви въ *Письмахъ м. Ф.* къ *родн.*, стр. 58 — 59, 108 и др.

[4] Выраженіе самого Филарета. См. тамъ же, стр. 126.

его воспитанія, отеческое стараніе" [1] И Филаретъ, въ свою очередь, платилъ ему горячею любовію, даже болѣе того, благоговѣніемъ и глубокою благодарностію. Онъ его называлъ своимъ „благодѣтелемъ", [2] всѣми силами старался оправдать его довѣріе и любовь къ нему, [3] желалъ всегда имѣть и имѣлъ предъ глазами своими портретъ его, [4] и когда митрополитъ Платонъ скончался въ 1812 году, то пролилъ искреннія, горькія слезы о немъ и едва имѣлъ силы, какъ самъ писалъ родителю, прочитать духовное завѣщаніе его [5] отъ душившаго его напора скорбныхъ чувствъ.

Насколько митрополитъ Платонъ для Филарета, вдали отъ родительскаго дома послѣдняго, замѣнялъ ему отца, настолько же другихъ родныхъ въ Лаврѣ замѣняли ему товарищи его по ученію и по службѣ. Любя уединеніе, чуждаясь развлеченій грубыхъ, стараясь не вступать на распутія міра сего, удаляясь отъ общенія съ людьми дурными, Филаретъ отнюдь не чуждался совсѣмъ общества своихъ товарищей, не чуждался невинныхъ развлеченій въ родѣ игры на гусляхъ, рыбной ловли и т. п., не удалялся отъ общенія съ людьми хорошими, зная, что *тлятъ обычаи благи* только *бесѣды злыя* (1 Кор. 15, 33), съ хорошими же людьми онъ вступалъ даже въ нѣжную дружбу, по примѣру дружбы Св. Василія Великаго съ Григоріемъ Богословомъ. Онъ очень сердечно относился, напримѣръ, къ служившимъ съ нимъ и въ Лаврской Семинаріи и затѣмъ (съ 1809 года) въ Петербургской Духовной Академіи архимандриту Евграфу Музалевскому-Платонову, архимандриту (послѣ архіепископу рязанскому) Сергію Крылову-Платонову и другимъ, [6] питалъ искреннюю любовь къ ученикамъ своимъ по Лаврской Семинаріи и по С.-Петербургской Академіи, [7] равно какъ и къ товарищамъ своимъ

---

[1] И. А. Чистовича, *Исторія Спб. Духовная Академія*, стр. 183 примѣч. Спб. 1857.

[2] См. *Письма м. Фил. къ родн.*, стр. 106, 108 и др.

[3] Тамъ же, стр. 79, 95—96 и др.

[4] Тамъ же, стр. 108.

[5] «Столь оно наполнено умиленія», по его словамъ. См. тамъ же, стр. 167.

[6] Срав. о томъ въ *Письмахъ м. Филарета къ родн*, стр. 88, 125, 129—130, 157 и др.

[7] Напримѣръ, къ Иларіону (въ монашествѣ Иннокентію) Смирнову, Никифору Путилину, Егору (въ монашествѣ Григорію) Постникову, Михаилу (въ монашествѣ Макарію) Глухареву и другимъ.

по курсу ученія. [1] Для образчика беремъ неизданное доселѣ письмо его къ товарищу по Лаврской Семинаріи, съ 1803 года священнику Тульской Семинаріи, Ивану Ивановичу Пылаеву, писанное, въ отвѣтъ на скромное письмо сего послѣдняго, уже въ 1816 году, когда слава архимандрита Филарета гремѣла по всей Россіи. На извиненія Пылаева за безпокойство и на боязливое напоминаніе о прежнихъ по Лаврѣ добрыхъ между ними отношеніяхъ и о теперешней разности ихъ положеній, Филаретъ отвѣчаетъ ему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Почтеннѣйшій Отецъ! Любезный другъ! Письмо ваше ни въ какомъ случаѣ не было бы мнѣ въ тягость, а послѣ толь долгаго молчанія принесло мнѣ особенное утѣшеніе. Теперь уже не время считаться въ прошедшемъ. Вы, можетъ-быть, правѣе меня, потому что менѣе знали о мѣстѣ моего, нежели я о мѣстѣ вашего, жительства. Что принадлежитъ къ разности состояній, вы напрасно ищете между ними такого же разстоянія, какъ между Веневомъ и Петербургомъ. Вамъ ясно, что̀ я не считаю нужнымъ сказать. Близости душъ, есть ли онѣ одинаково настроены къ истинному и чистому общенію, ничто не должно препятствовать. Наша давняя дружба (вы не употребили сего имени), но, надѣюсь, не отречетесь отъ него) связана была не порокомъ или страстію, но тихою искренностію при единствѣ упражненій. Не забылъ я и того, что когда слабость глазъ не позволяла мнѣ писать уроковъ, вы доставляли мнѣ самую великодушную помощь. [2] По симъ обстоятельствамъ будете увѣрены, что я и теперь съ истиннымъ удовольствіемъ нахожу себѣ въ томъ же съ вами отношеніи, какъ нѣкогда въ Лаврѣ. Не поставляйте въ противорѣчіе съ сими чувствованіями продолжавшагося доселѣ моего молчанія. Григорій Егоровичъ [3] скажетъ вамъ, что я и къ нему не пишу подолгу. Дѣло, полудѣлье, а иногда, можетъ-быть, и бездѣлье опутываютъ совершенно. Дѣлая то, что̀ неизбѣжно, съ трудомъ иногда оторвешься исполнить то, что̀ хочется“. [4]

---

[1] Напримѣръ къ А. П. Саксину, В. Ѳ. (въ монашествѣ Гавріилу) Розанову и другимъ.

[2] Судя по оставшимся до насъ нѣкоторымъ бумагамъ архива Троицкой Лаврской семинаріи И. И. Пылаевъ писалъ четко и красиво.

[3] Пономаревъ. Срав. *Письма м. Филарета къ родн.*, стр. 152.

[4] Подлинникъ этого замѣчательнаго письма, съ котораго мы имѣемъ точную копію, хранится у редактора *Тульск. Еп. Вѣд.* протоіерея А. Н. Иванова, любезности котораго мы обязаны и снятіемъ копіи.

Можетъ ли такъ писать къ человѣку безвѣстному человѣкъ безсердечный, эгоистъ и под., притомъ человѣкъ, такъ сильно занятый разнаго рода работами и порученіями? А это письмо относится именно къ тому періоду, къ которому относится и приведенный въ началѣ нашей настоящей рѣчи неблагопріятный отзывъ о Святителѣ Филаретѣ.

Изъ этого же періода жизни сего Святителя мы могли бы привести и еще нѣсколько случаевъ проявленія его любви, милосердія, состраданія, притомъ такихъ, въ которыхъ дѣло любви милосердія и состраданія онъ, согласно ученію Евангелія, всячески старался исполнить тайно, чтобы не знала лѣвая рука, что дѣлаетъ правая. Такъ извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій, въ мірѣ Петръ Спасскій, учившійся около года въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ то время, когда ректоромъ ея былъ Филаретъ, и выбывшій изъ нея по болѣзни, несмотря на то, что за отношенія Филарета къ библейскому обществу неблагосклонно отзывался о немъ, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ отмѣчаетъ слѣдующее: „Петръ Спасскій (то-есть самъ Фотій)... неизвѣстно отъ кого слышалъ, что Филаретъ сострадателенъ, милостивъ весьма и его знаетъ; помыслъ ему и пришелъ тогда: пойду я и буду его просить, дабы въ домъ отца отпустилъ меня лѣчиться. По сему случаю пришедъ, видѣлъ наединѣ Филарета къ себѣ сострадательность и милость. Идя же къ Филарету, призвалъ Господа въ помощь, сталъ у дверей въ прихожей комнатѣ его. По докладу вскорѣ, какъ вышелъ къ нему Филаретъ, вотъ видъ лица его былъ яко Ангела Божія; онъ сожалѣлъ о его болѣзни, взялъ на себя попеченіе искать средствъ къ его облегченію“, и т. д., такъ что, добавляетъ Фотій,—„студентъ Петръ его любилъ и думалъ, что во всю жизнь свою не обрящетъ себѣ другаго по сердцу болѣе“. [1] Другой случай тайной помощи одному бѣдному, но благородному человѣку, оказанной чрезъ студента же Академіи, извѣстнаго миссіонера Макарія, въ то время Михаила Глухарева, можно видѣть у Сушкова въ его *Запискахъ о жизни и времени м. Филарета* (стр. 146 и далѣе).

---

[1] Въ извлеченіяхъ записки Фотія напечатаны въ IV книги *Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія* за 1868 г. Мы имѣли ихъ подъ руками въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

А сколько было такихъ и подобныхъ дѣлъ любви, милосердія и состраданія оказано Святителемъ Филаретомъ во время бытности его самостоятельнымъ епархіальнымъ священноначальникомъ! Ихъ и исчислить невозможно. Вотъ изъ многихъ немногіе примѣры. Бывъ вынужденъ лишить мѣста одного діакона за его дурное поведеніе, Святитель Филаретъ, зная скудость средствъ содержанія его и семьи его, тайно посылалъ послѣдней ежемѣсячно деньги въ томъ количествѣ, въ какомъ получалъ доходъ діаконъ. Каждый мѣсяцъ невѣдомое семьѣ діакона лицо доставляло въ опальный домъ это вспоможеніе. Когда же діаконъ образумился и отрезвился, владыка снова далъ ему діаконское мѣсто,—и вспоможеніе прекратилось. Окольными путями діаконъ и семейство его узнали, кто помогалъ имъ въ тяжкое для нихъ время. [1]

Другой случай съ однимъ изъ дворянъ, бывшимъ военнымъ, желавшимъ послужить Богу въ санѣ священства. Святитель Филаретъ сначала долго не хотѣлъ исполнить его желанія, несмотря на просьбы вліятельныхъ свѣтскихъ лицъ ходатайствовавшихъ за него предъ Филаретомъ, такъ какъ не былъ увѣренъ ни въ способности его быть хорошимъ священникомъ, ни въ искренности и обдуманности его желанія. Затѣмъ, когда увѣрился въ этомъ, съ любовію благословилъ его на доброе дѣло. Но тогда самъ желавшій священства сталъ колебаться и уже будучи посвященъ въ санъ діакона и направляясь въ Геѳсиманскій скитъ къ митрополиту Филарету для полученія благословенія на рукоположеніе во священника, началъ раздумывать, какъ онъ, 60-лѣтній старецъ, со своими частыми головными болями, будетъ нести бремя священства и миссіонерства, къ которому готовился, наконецъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшихъ исканій и въ уединеніи, отрѣшившись отъ міра, готовиться къ будущей жизни. Но едва онъ вошелъ въ келію владыки Филарета, и прежде нежели началъ рѣчь о томъ, о чемъ рѣшилъ въ душѣ высказаться, какъ прозорливый Святитель, положивъ руки свои на плеча его, пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, ободрилъ его своимъ обычно смѣлымъ и убѣдительнымъ словомъ, какъ будто слышалъ то, о чемъ тотъ думалъ на пути къ нему, и когда вошедшій хотѣлъ поклониться ему въ ноги, владыка, взявъ его за руки, не допустилъ до этого, сказавъ: „не утомляйте меня

---

[1] Сушковъ, упом. соч. стр. 144—145.

борьбою"; а послѣ того, когда тотъ въ скиту занемогъ, владыка имѣлъ любвеобильное попеченіе о врачеваніи его и позже не упускалъ его изъ виду, всюду сопровождая его своею любовію.[1] И множество такихъ случаевъ можно было бы привести.

Въ связи съ тѣмъ, съ какою любовію усматривалъ онъ дѣла милосердія въ другихъ, съ какимъ умиленіемъ слушалъ разсказы о нихъ! При этомъ часто слезы умиленія и участія къ людямъ, даже и совершенно ему неизвѣстнымъ, орошали лицо его.[2] Мы уже не говоримъ о такихъ учрежденіяхъ, какъ Горихвостовскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, Филаретовское училище для сиротъ-дѣвицъ того же званія и другихъ, которыя не рѣдко и началомъ своего существованія обязаны были его сердоболію. И какъ онъ радовался, когда, въ день его 50-лѣтняго юбилея 5 августа 1867 года, московское духовенство помянуло день этотъ ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ милосердія, учрежденіемъ нѣсколькихъ стипендій въ Филаретовскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ.[3] Совершенно чуждый, по обѣту монашества, всякого любостяжанія, онъ творилъ милостыню, искренно стремясь подражать въ семъ праведному Филарету Милостивому, имя котораго носилъ и раздавая бѣднымъ денежную помощь безъ всякой заботы о томъ, сколько и кому дано будетъ или сколько у него самого останется денегъ. Для убѣжденія въ этотъ достаточно прочитать хотя бы многія письма его къ намѣстнику Сергіевой Лавры архимандриту Антонію.

Можно было бы и еще указать на одну сторону въ жизни и дѣятельности Святителя Филарета, которая свидѣтельствуетъ о развитіи и проявленіи въ немъ не только ума, но и сердца, и которая сближаетъ его опять съ Святымъ Григоріемъ Богословомъ. Это поэтическій даръ или, какъ въ старину выражались, „поэтическая жила", которую еще начальство Лаврской Семинаріи въ немъ замѣчало, — лиризмъ, выражавшійся не рѣдко въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Таковы стихотворенія его: *Вечерняя пѣснь путешественника*, относящееся къ 1820 году, извѣстный отвѣтъ на стансы Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный", *Увѣщательная пѣснь Св. Григорія Богослова* и др. Это былъ своего рода оазисъ, въ которомъ душа его отдыхала

[1] Сушковъ, упом. соч. стр. 230—231.

[2] См. тамъ же, стр. 62.

[3] См. тамъ же, стр. 222—223. См. *Прав. Обозр.* 1867, XXIII, 158. «Изв. и Замѣтки».

отъ напряженной умственной дѣятельности и жила преимущественно жизнію сердца, чувства. Но, дабы не утомлять вниманія слушателей и читателей нашей рѣчи, мы, оставивъ эту сторону дѣла, [1] обратимся къ важнѣйшему въ разсматриваемомъ отношеніи, къ равноангельской жизни Святителя Филарета, къ его подвижничеству, къ жизни въ Богѣ и для Бога, составляющей вѣнецъ всѣхъ его подвиговъ и трудовъ, цвѣтъ всей его духовной жизни, какъ и вѣнецъ гармоническаго развитія и проявленія всѣхъ силъ и способностей души его. Въ своей жизни, которая даже съ высоты царскаго престола наименована „святою", [2] и, конечно, не безъ основанія, Святитель Филаретъ явилъ высокопоучительный для всѣхъ примѣръ постепеннаго очищенія сердца своего путемъ непрестанной молитвы, строгаго поста, духовнаго бодрствованія надъ собою и надъ всѣми движеніями души и тѣла, съ помощію глубокаго смиренномудрія, всегда истинно покаяннаго настроенія духа и т. п., такъ что такая жизнь и не вполнѣ постижима для людей не духовныхъ, *душевныхъ*, по выраженію Апостола; ибо *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже духа Божія, юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется* (1 Кор. 2, 14). Не разумѣя этой, истинно духовной, плодъ благодати Духа Божія представляющей собою жизни Святителя, такіе люди нерѣдко и произносятъ, руководясь минутными впечатлѣніями, тѣ сужденія и отзывы о Святителѣ Филаретѣ, образчики которыхъ мы приводили раньше. И эти люди, не проникнувъ и не будучи въ состояніи, по несоотвѣтствію настроенія своей души настроенію духа Святителя Филарета, проникнуть въ тайники такой высокой духовной жизни, не только износятъ неблагопріятные отзывы и сужденія объ архіереѣ Божіемъ, который, по свидѣтельству лицъ, близко его знавшихъ, былъ „весь духъ" [3] и всякую минуту обнаруживалъ заботливость о томъ, чтобы быть достойнымъ сосудомъ духа благодати, [4] жившаго въ немъ, но и съ гордою самоувѣренностію, столь чуж-

---

[1] Подробнѣе о семъ можно читать въ нашей статьѣ: *Лира Филарета митрополита Московскаго*, помѣщ. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1884 г. № 11.

[2] См. Высочайшій рескриптъ митрополиту Филарету по случаю его 50-лѣтняго юбилея въ *Прав. Обозр.* 1867, XXIII, стр. 148—149 «Изв. и Замѣтки».

[3] См. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1877, I, 53. Слова преосвященнаго Леонида (Краснопѣвкова).

[4] См. Слово протоіерея А. О. Ключарева (нынѣ преосвященнаго архіепископа Харьковскаго Амвросія) въ *Прав. Обозр.* 1868, XXV, 42.

дою его духу смиренномудрія, утверждають, будто „никто не имѣлъ столько случаевъ проникать за монашеское покрывало скрытнаго характера Филаретова и свойствъ его души“, сколько они. [1]

Конечно, и Святитель Филаретъ, какъ человѣкъ, былъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, немощей, какъ, напримѣръ, вспыльчивости, нетерпѣливости и др., но все это были такія мелкія случайности въ общемъ строѣ его духовной жизни, что онѣ нисколько не должны нарушать гармоніи его духовнаго настроенія и общаго впечатлѣнія отъ святолѣпныхъ чертъ его духовнаго образа. И самъ Богъ есть не только *любы* (1 Іоан. 4, 8), но и *огнь поядаяй* (Евр. 12, 29). Для людей недостойныхъ, на которыхъ Святитель Филаретъ дѣйствовалъ, когда нужно было, по закону правосудія, а не любви и милосердія, онъ, конечно, могъ казаться и человѣкомъ жестокимъ и деспотомъ; но кто хотя сколько-нибудь проникалъ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ тайнику духовной жизни его, тотъ пойметъ, что не легкимъ и не краткимъ подвигомъ борьбы внутренней, самоуглубленія и самообладанія достигъ онъ того, чѣмъ былъ великъ въ своей жизни. Онъ былъ подлинно великъ, какъ умомъ своимъ, которымъ издавна работалъ за многихъ и для многихъ, не даромъ стяжавъ названіе „Филарета мудраго“, въ отличіе отъ Кіевскаго „Филарета благочестиваго“, такъ и святостію жизни своей. Не напрасно въ Высочайшемъ рескриптѣ 5 августа 1867 года, сказано было о томъ, что вся Россія благодарно чтитъ его святую жизнь и великія дѣянія. Характеръ народа выражается въ великихъ людяхъ выходящихъ изъ среды его и, наоборотъ, великіе люди въ извѣстномъ народѣ служатъ яснымъ доказательствомъ исторической жизненности народа и его способности быть великимъ. Митрополитъ Филаретъ былъ именно такимъ великимъ человѣкомъ въ средѣ народа Русскаго, и Русскій народъ инстинктивнымъ чутьемъ, при всей сокровенности святой жизни, узнавая такую жизнь и особенно высоко ее цѣня, (умъ же великій для него часто бываетъ недоступенъ), цѣнилъ и Святителя Филарета. Онъ прибѣгалъ къ его святымъ молитвамъ, и молитва святаго мужа производила истинныя чудеса исцѣленія отъ болѣзней, обращенія заблудшихъ на путь истинный и проч. [2] Развѣ эта сила мо-

[1] См. Слова Толмачева въ *Русской Старинѣ* 1892, № 9, стр. 710.

[2] О множествѣ такихъ случаевъ силы молитвы Святителя Филарета можно читать въ *Душеполезномъ Чтеніи* за 1875, 1892 и др. годы.

литвы дается обыкновеннымъ смертнымъ, или еще болѣе того эгоистамъ и подобнымъ, о которыхъ сказано: *Господь гордымъ противится* и только *смиреннымъ даетъ благодать* (Іон. 4, 6)? Даръ прозорливости и необыкновенной силы убѣжденія, которыми обладалъ митрополитъ Филаретъ, также дается избраннымъ людямъ, какъ знаменіе свыше сходящей премудрости, при томъ сходящей только на достойныхъ, за особые ихъ духовные подвиги. А каковъ былъ этотъ даръ прозорливости и силы убѣжденія въ Святителѣ Филаретѣ, это можно видѣть также изъ многихъ случаевъ, уже обнародованныхъ доселѣ въ печати. [1] Великою силою убѣжденія обладало и слово проповѣди Святителя Филарета. Даже въ послѣднее время его жизни, когда голосъ его уже значительно ослабѣлъ, „его полушепотъ, которымъ онъ произносилъ слова и рѣчи свои,—по признанію людей близко знавшихъ и слышавшихъ его,—производилъ на тѣхъ, кто имѣлъ возможность слышать его, глубокое впечатлѣніе... Намъ,—говорятъ эти люди,—приходилось не разъ быть свидѣтелемъ покоряющаго дѣйствія уже ослабѣвшаго силою произношенія его, по прежнему мощнаго силою содержанія, слова; звукъ его едва внятно доносился до лицъ помѣщавшихся вблизи архипастыря, смыслъ, видимо, ловился напряженіемъ всѣхъ чувствъ, блестящіе, необычайно подвижные глаза архипастыря какъ бы дополняли то, въ чемъ отказывалъ ему голосъ, и эта тихая рѣчь подъ высокими сводами храма, какъ-бы откровеніе свыше, всегда производило необычайно глубокое впечатлѣніе“ [2] А между тѣмъ его слово проповѣди не только раскрывало высокія и глубокія тайны богопознанія, но и было вѣстникомъ мира и любви, утѣшенія и врачеванія, вызывало къ молитвѣ, единенію и т. д. Вообще это всеобъемлющее по содержанію слово вполнѣ соотвѣтствовало гармоническому развитію его духовныхъ силъ и способностей, и не безъ основанія нѣкоторые еще въ 1811 году, чрезъ внимательное чтеніе его проповѣдей, искали случая заочно „бесѣдовать съ прекрасною его душею, открытою въ этихъ проповѣдяхъ. [3] Въ этомъ же словѣ проповѣди, такъ же какъ и во

---

[1] См. кромѣ упомянутыхъ выше годовъ *Душеполезнаго Чтенія* въ брошюрѣ Н. И. Субботина: «Двадцатипятилѣтіе присоединенія членовъ Бѣлокриницкой раскольничьей іерархіи къ Православной Церкви.

[2] *Очеркъ жизнеописанія м. Филарета*, стр. 49, 50. Москва, 1875.

[3] А. А. Титова, *Рукописи И. А. Вахрамѣева*, вып. 3, стр. 297. Сергіевъ Посадъ, 1892.

многихъ его письмахъ, особенно изливавшихся изъ его души въ тяжкія для него времена сильныхъ огорченій, незаслуженныхъ оскорбленій и несправедливыхъ гоненій, мы встрѣчаемъ истинные перлы выраженія его идеальныхъ стремленій къ полному отшельничеству, къ удаленію отъ всего мірскаго въ пустыню. *Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ?* не разъ взывалъ онъ: *и полещу и почію. Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54, 7—9) [1] По этому-то Святитель Филаретъ съ такою радостію принялъ мысль объ устраненіи Геѳсиманскаго скита близъ Лавры и такъ любилъ проводить дни въ уединеніи этого скита. Здѣсь онъ отдыхалъ душею отъ работы ума, живя преимущественно жизнію сердца, посвященнаго Богу и къ Нему любовію горѣвшаго.

Жизнь митрополита Филарета одинъ изъ біографовъ его назвалъ стройною эпопеей. [2] Въ этомъ не вполнѣ точномъ выраженіи есть доля правды. Если и въ жизни Филарета, какъ въ жизни всякаго историческаго лица, по справедливому замѣчанію самого же Филарета, должно „выставлять тѣ обстоятельства и событія, кои показываютъ ходъ его духа и характера, а случайности опускать“: [3] то въ немъ дѣйствительно является натура стройно, гармонически развитая, неустанная дѣятельность, одушевленная высокими и благими цѣлями, и жизнь въ христіанскомъ смыслѣ святая. Самое преобладаніе работы великаго ума въ этой недюжинной личности, предъ дѣятельностію сердца, должно возбуждать въ насъ только чувство глубокой благодарности, благоговѣнія къ ней, а не осужденія ея. Святитель Филаретъ болѣе полустолѣтія послѣднихъ лѣтъ своей долгой жизни неутомимо работалъ великимъ умомъ своимъ, на пользу Церкви, отечества и всего Православія, за многихъ, какъ мы замѣчали въ высшемъ церковномъ, а отчасти и гражданскомъ управленіи, небольшимъ сравнительно плодомъ чего служитъ извѣстное многотомное *Собраніе мнѣній и отзывовъ его* по разнымъ дѣламъ и вопросамъ (Изд. 1885—1888).

---

[1] См. *Сочиненія м. Филарета* IV, 195; Срав. также II, 343; также *Приб. къ Твор. Св. Отц.* 1872, XXV, 431; *Письма м. Филарета къ Антонію* II, 14 и др. При произнесеніи проповѣдей 1842 г. на этотъ текстъ и самъ м. Филаретъ, по свидѣтельству современниковъ, находился въ сильномъ волненіи и многіе слушатели его плакали.

[2] Сушковъ, упом. соч. стр. 292.

[3] А. А. Титовъ, *Рукописи принадл. И. А. Вахрамѣеву* I, 192. Москва, 1888.

Но вотъ 19 ноября 1867 года безболѣзненная, не постыдная, мирная, истинно-христіанская кончина великаго святителя пресѣкла внезапно эту неустанную, многостороннюю, многолѣтнюю дѣятельность. Смѣжились очи, такъ ярко горѣвшія огнемъ, то проливавшимъ тихій, ясный свѣтъ истиннаго, добраго и прекраснаго, а то попалявшимъ недостойныхъ, и всегда такъ сильно, магнетически дѣйствовавшія на тѣхъ, которые имѣли случаи близко видѣть Святителя. Сомкнулись уста, износившія всѣмъ свышеполустолѣтнее, глубокое и обильное назиданіе. Перестала проявляться тѣлесно сила великая, нравственная, общественная, въ которой весь Русскій народъ чувствовалъ собственную свою силу, мощь. Обрушилась громада земной славы, составлявшей украшеніе Церкви и государства и утѣшеніе народа. Пресѣклась жизнь, полная великихъ трудовъ и подвиговъ. Невольно при этомъ на мысль приходитъ слово Писанія: *Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ. Ей, глаголетъ Духъ: да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними* (Апок. 14, 13). Мы вѣруемъ, что по крайней мѣрѣ тамъ, на небѣ, куда непрестанно устремленъ былъ взоръ Святителя Филарета въ земной его жизни, онъ находитъ ту свободу жизни сердца, жизни въ Богѣ и для Бога, жизни во всеобъемлющей любви божественной, которой онъ такъ часто, но по большей части тщетно жаждалъ и искалъ среди подвиговъ напряженной жизни умственной и среди дѣлъ своего служенія, къ которому былъ призванъ и которое честно совершалъ, строго исполняя монашескій обѣдъ послушанія. Будемъ творить молитвы о немъ, о упокоеніи много пришельствовавшей души его, да и онъ предстанетъ о насъ своею молитвою предъ престоломъ Божіимъ. *Дѣла* же его, особенно по оставшимся отъ него многочисленнымъ писаніямъ, въ которыхъ каждая строка и каждое слово имѣютъ вѣсъ и значеніе, будемъ усердно изучать и, согласно заповѣди Апостола (Евр. 13, 7), взирая *на скончаніе жительства его*, отнюдь не осуждать или злословить его, но, напротивъ, всѣми силами стараться подражать этому великому образцу мудрости, вѣры и любви. Чрезъ это, безъ сомнѣнія, будутъ внесены „новыя силы въ наше сознаніе, въ наше просвѣщеніе"; [1] и во всякомъ случаѣ отъ сего гораздо болѣе будетъ пользы,

[1] *Моск. Вѣдом.* 1867, № 262. Передовая статья по случаю кончины м. Филарета.

нежели отъ порицаній, осужденій и злословій, которыя, производятъ только „уменьшеніе ко всему и ко всѣмъ уваженія, довѣрія, надежды“ [1] Только при такихъ условіяхъ отношенія къ дѣлу мы можемъ надѣяться достигнуть истины. Ибо „только въ тихой, а не волнуемой водѣ отражается образъ солнца: только въ тихой, не волнуемой страстями душѣ можетъ отразиться вышній свѣтъ духовной истины“,—заключу я свою рѣчь словами того же Святителя Филарета. [2]

И. Корсунскій.

---

[1] *Соч. м. Филарета* V, 559. Срав. *Собр. мн. и отз. м. Филарета* IV, 336. М. 1886.

[2] *Соч. м. Филарета* V, 558.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

Пошлыя, зловредныя небылицы, печатающіяся въ Англіи о Россіи и обо всемъ русскомъ, дошли до комическаго абсурда. Это—какое-то мутное море, въ которомъ даже искусные мореплаватели теряются и гибнутъ: англійская пресса своею систематическою недобросовѣстностью и лживостью съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе компрометируется, теряя довѣріе своихъ читателей, сохранившихъ хотя малую долю здраваго смысла. Она проявляетъ при этомъ не одно глупое невѣжество, а просто какую-то болѣзненную ненависть къ правдѣ, какую-то „правдобоязнь", отвергающую самыя категорическія опроверженія, самые очевидные факты.

„Гладстонъ увѣрялъ меня, что лѣтъ 50 тому назадъ былъ тоже сильный спросъ на „ужасы" о Франціи". Теперь, видно, чередъ за Россіей. Противодѣйствовать этой модѣ очень трудно. Большинство англійской прессы попало въ дурныя руки.

Люди, руководящіе ею, не „рождены для вдохновенія", „для звуковъ сладкихъ и молитвъ".

Ихъ цѣль: деньги и почести. „Reptillien Fond" и „панамскіе скандалы" принимаютъ разныя формы. Редакторы здѣсь богатѣютъ такъ же скоро, какъ виноторговцы. Званія сэра (Knighthood) недавно добился редакторъ лживѣйшей газеты *Daily Telegraph.* Та же великая благодать выпала на долю представителя *Morning Post.* Вѣрная служба памяти Дизраелли часто влечетъ за собою „на чай" въ видѣ титула; а пока держится мода на потрясающія вѣсти о Россіи, англійскимъ корреспондентамъ легко себѣ зарабатывать копѣйку: на средства они неразбор-

чивы! Кто-то замѣтилъ, что совѣсть — самая дорогая роскошь; сохранять ея чистоту, дѣйствительно, стòитъ не дешево. Она, очевидно, приходится не по средствамъ нашимъ заграничнымъ судьямъ. При ихъ бѣдности трудно найти честное слово о нашей внутренней и политической жизни, о нашихъ религіозныхъ и національныхъ идеалахъ. Честное слово о насъ проскальзываетъ какъ бы украдкой, боязливо, и заглушается сознательнымъ и безсознательнымъ гвалтомъ клеветниковъ. Наше самобичеванье, надо сознаться, заходитъ иногда слишкомъ далеко, и имъ пользуется любой проходимецъ. За послѣдніе два года могу указать всего два добросовѣстныя о насъ сочиненія: книгу *Harry de Windt* „о Сибири", опровергающую лганье *Kennen'a*, и отчетъ въ Журналѣ Общества „Друзей" (Квэкоровъ), Бруска и Фокса, о путешествіи ихъ въ Россію. („The Friend" january 22. 1892).

Поѣздка эта въ голодающія наши провинціи состоялась при странныхъ условіяхъ, благодаря одному, крайне непріятному, недоразумѣнію: эти отмѣнно-хорошіе люди собрали около четырехъ сотъ тысячъ рублей и, сопутствуемые графомъ Гайдномъ, роздали эти деньги по указаніямъ самихъ же Русскихъ. Тутъ и рѣчи не было (да и не могло быть) ни о какихъ коварныхъ замыслахъ, ни о какой политической или религіозной пропагандѣ. Я сама участвовала на частной конференціи въ Лондонѣ, на которой обсуждался весь планъ поѣздки ихъ въ Россію, и я же снабдила ихъ, за своей отвѣтственностью, рекомендательными письмами. Но, за исключеніемъ нашего посла въ Лондонѣ, г. Стааля, оберъ-прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, графа Н. П. Игнатьева и еще двухъ-трехъ лицъ, значительная часть нашего общества встрѣтила этихъ друзей, какъ самыхъ опасныхъ соглядатаевъ и авантюристовъ. Надъ этимъ инцидентомъ не мало потѣшались въ Лондонѣ, хотя подобнаго рода недоразумѣнія случаются не у насъ однихъ. Иначе какъ полнѣйшимъ недоразумѣніемъ, основаннымъ на безусловно-ложныхъ фактахъ, нельзя себѣ объяснить, напримѣръ, статью, появившуюся въ *Дублинскомъ Обозрѣніи (Dublin Review)* о русской Церкви.

Авторъ ея—лэди Гербертъ (Lady Herbert of Lea) мечтаетъ объ обращеніи въ католицизмъ всей земли Русской. Она основываетъ свои надежды на книгѣ г. Вл. Соловьева *La Russie et l' Eglise Universelle*, которой она приписываетъ большое значеніе, но о которой болѣе свѣдующій судья, теперешній премь-

еръ Англіи—высказался въ совершенно другомъ направленіи. Леди Гербертъ особенно нравится замѣчаніе, будто „православный только молится, тогда какъ католикъ молится и дѣйствуетъ". „Конечно", восклицаетъ она,—„первый, очевидно, менѣе сообразуется съ ученіемъ Христа, чѣмъ второй".

Не найдя нужнымъ провѣрить цитируемые факты, она, сама недавно перешедшая въ католицизмъ, уже теперь ликуетъ, предвидя вѣрную побѣду папы надъ Православіемъ. Но мало ли о чемъ можетъ мечтать увлекающаяся неофитка! Для насъ, несомнѣнно, болѣе значенія имѣютъ цитаты, приводимыя ею изъ сочиненія доминиканскаго патера Ваннутелли (Sguardo all' Oriente), извѣстнаго своею дипломатическою ловкостію и преданностью римской церкви. Тѣмъ интереснѣе его утвержденіе, что въ XIX вѣкѣ Россія является самою великою, сильною и твердою державой въ мірѣ и что этимъ величіемъ обязана она своей религіи. „Громадное большинство народа", говоритъ онъ, „глубоко предано правительству, которое олицетворяетъ русскую національность во всей ея силѣ и славѣ. Революціонные принципы, постепенно разрушающіе всѣ европейскія государства, до сихъ поръ не успѣли затронуть народа, и поэтому Россіи предстоитъ болѣе великое будущее, чѣмъ какой-либо другой странѣ". Онъ, далѣе, разбираетъ ея великую миссію: 1) разрушеніе Оттоманской Имперіи въ Европѣ съ одновременнымъ уничтоженіемъ магометанства; 2) истребленіе революціоннаго духа, охватывающаго всѣ европейскія страны и 3) задержаніе распространенія еврейскаго вліянія, которое дѣлаетъ безпрерывные и всевозрастающіе успѣхи во всѣхъ странахъ. Основаніемъ и силой русскаго правительства служитъ его народная религія. „Нигдѣ, продолжаетъ доминиканецъ, титулъ „святой" не выражаетъ такъ вѣрно дѣйствительности, какъ въ Россіи. Въ этой странѣ христіанство не ограничивается терпимостью или дозволеніемъ, а является элементомъ господствующимъ и запечатлѣннымъ въ самомъ сердцѣ народа... Православіе составляетъ главную цѣль существованія Россіи, ея наивысшій идеалъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ и будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшую ея славу. Признавъ за Россіей такія безцѣнныя качества, патеръ Ваннутелли естественно желаетъ соединенія Православной Церкви съ церковію римско-католической.

Любопытно также то, что онъ пишетъ о своей поѣздкѣ въ Кіевъ. Служба въ соборѣ св. Софіи произвела на него потря-

сающее впечатлѣніе: по его словамъ, музыка была чѣмъ-то „райскимъ“, а гармонія голосовъ столь чисто идеально-религіознаго характера, что католической церкви не мѣшало бы поучиться этому у русской. Онъ глубоко тронутъ сосредоточенностью и усердіемъ молящихся, все время продолжительной службы стоящихъ на ногахъ. Послѣ благосклоннаго пріема у митрополита Платона онъ отправился въ Москву, гдѣ также былъ пораженъ религіознымъ настроеніемъ народа. Онъ говоритъ: „Не понимаю, какимъ образомъ многочисленные посѣтители Россіи могутъ писать о ней, не указывая на эту главную ея отличительную черту. Безъ этой оцѣнки всякое описаніе Россіи будетъ крайне неполнымъ. Идея христіанства нигдѣ не преобладаетъ, и Христосъ нигдѣ не царствуетъ такъ всенародно, какъ въ Россіи“.

Вотъ какъ леди Гербертъ описываетъ свиданіе патера Ваннутелли въ С.-Петербургѣ съ однимъ членомъ Святѣйшаго Синода. „Доминиканца приняли крайне вѣжливо и любезно, ободряя его высказаться совершенно откровенно о русскомъ вопросѣ. Его собесѣдникъ сказалъ ему, что въ настоящую именно минуту Россіи неудобно входить въ слишкомъ близкую связь съ европейскими народами, которые все больше и больше теряютъ нравственныя основы жизни. По его мнѣнію общество на Западѣ идетъ къ своей погибели, благодаря невѣрію, революціоннымъ и соціальнымъ принципамъ, которые теперь такъ громко провозглашаются всюду. Онъ указывалъ патеру Ваннутелли также и на ложные принципы свободы, распространяемые главнымъ образомъ печатью“. „Въ Россіи“, продолжалъ Русскій, „мы сохранили принципъ авторитета и глубочайшее уваженіе къ христіанской религіи. Народъ привязанъ къ правительству и замѣчательно добръ въ своей основѣ, причемъ пользуется такимъ благоденствіемъ, какое не существуетъ въ другихъ странахъ. У насъ нѣтъ ни политическихъ партій, ни парламентовъ, ни соперничества властей; мы стремимся только къ тому, чтобы избѣжать соприкосновенія со всѣмъ тѣмъ, что̀ ведетъ къ нарушенію спокойствія массъ“.

Читая эти строки, невольно слышишь родную русскую рѣчь. Такъ можетъ и долженъ разсуждать всякій Русскій, которому дорога его православная родина. Но воздавъ намъ должную хвалу, патеръ Ваннутелли, по странной и непонятной намъ игрѣ фантазіи, вдругъ сворачиваетъ въ сторону и заканчиваетъ слѣдующею нелѣпостію: „Не будь этихъ фактовъ, мѣшающихъ воз-

соединенію всѣхъ христіанскихъ народовъ, Россія непремѣнно подчинилась бы Риму, конечно, *еслибы того пожелало ея правительство*". Сознаемся: это уже совершенный абсурдъ, но безъ него, вѣроятно, не появилась бы и самая статья лэди Гербертъ.

Должно замѣтить, что статьи религіознаго содержанія и разныя проповѣди всегда находятъ въ Англіи большое число читателей, въ особенности, когда онѣ отличаются какою-нибудь оригинальностію, странностію. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ первыхъ журналовъ въ Лондонѣ *XIX Столѣтіе* („Nineteenth Century") печатаетъ въ декабрьскомъ нумерѣ длинный трактатъ о „Счастіи въ аду" Майверта (St.-George Mivart), а Dr. Паркеръ въ церкви „City Temple" прочелъ на Рождествѣ (27 декабря) сочиненную имъ самимъ *дополнительную главу къ Дѣяніямъ Апостоловъ*, въ которой безобразно вплетена современность (напримѣръ, упоминаются дамы, недавно пѣвшія на свѣтскихъ сборищахъ).

Майвертъ утверждаетъ, что хотя многимъ придется вѣчно оставаться въ аду, но что ихъ пребываніе тамъ будетъ все-таки несравненно счастливѣе, чѣмъ жизнь на землѣ. Къ сожалѣнію, авторъ забылъ подтвердить свои аргументы, что̀ однако не помѣшало удвоенной продажѣ №, гдѣ появился этотъ бредъ; значитъ, цѣль издателя достигнута.

Докторъ Паркеръ нѣсколько обстоятельнѣе. Вотъ его живописный разсказъ:

„Когда Апостолъ Павелъ вступилъ въ Лондонъ, онъ пошелъ въ христіанскія *синагоги (!)*, съ удивленіемъ разсматривая современный механизмъ, употребляемый для обращенія массъ. Припоминая Антіохію и Аѳины, Ѳфесъ и Коринѳъ, Иконію и Памфилію, онъ онѣмѣлъ при видѣ усовершенствованій, которыя представились его взору. Оправившись отъ волненія, онъ сказалъ голосомъ невнятнымъ отъ наплыва чувствъ слѣдующую рѣчь:

„Ничего подобнаго не видалъ я въ Листрѣ. Въ Антіохіи, Сиріи и Киликіи мы не имѣли пріятныхъ воскресныхъ сходокъ съ такими любезными солистками, какъ мистрисъ Вокcъ. Помѣщенія нашихъ миссій не были снабжены курительными кабинетаки и билліардами. У насъ также не было полковъ и бригадъ со звонкими оркестрами и развѣвающимися знаменами. Но если такими способами вы можете принести пользу хотя одной человѣческой душѣ, совершая тѣмъ самымъ работу Господню, то будьте тверды и непоколебимо держитесь вашего направленія.

„Мой послужной списокъ состоялъ изъ бичеванія, тюремнаго заключенія, погромовъ, трудовъ, бдѣній и постовъ; вы же, которымъ выпали на долю болѣе свѣтлые дни, берегитесь, чтобы комфортъ жизни и мягкость климата не уменьшили крѣпость вашихъ мышцъ“.

Павелъ затѣмъ взошелъ на ступени своего собора, причемъ его величіе неизмѣримо превысило священное зданіе, и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

„Лондонскіе мужи! Я замѣчаю, что вся ваша проницательность не мѣшаетъ вамъ ссыпать ваши деньги въ дырявые мѣшки, ибо на моемъ пути по Лондону я узрѣлъ храмъ съ вывѣской: „Освободитель“ (Liberator). Старцы—въ заключеніе своей карьеры, молодые люди—въ ожиданіи женитьбы, рабочіе, члены обществъ трезвости и бережливости,—всѣ спѣшатъ вручить свой заработокъ жителямъ этого храма, облаченнымъ въ христіанскую ливрею.

„Въ древности я проповѣдывалъ о праведности, воздержаніи, о днѣ Страшнаго Суда, приводя въ ужасъ нечестивцевъ, предрекая имъ адскія муки.

„Еслибы мнѣ пришлось вернуться надолго къ служенію на землѣ, я бы снова взялся за то же великое дѣло, не стѣсняясь испортить этимъ воскресные вечера моихъ слушателей; я бы восклицалъ громко и непрерывно:

„Умойтесь, очиститесь, бросьте ваши скверныя дѣянія! Прекратите зло, научитесь творить добро, помогите ограбленному, защищайте сироту и вдовицу.

„Чего Господь отъ васъ требуетъ? Вѣдь Онъ только желаетъ чтобы вы держались правды, милости и шествовали скромно передъ Нимъ“. Великій гласъ замолкъ, и народъ усердно взмолился о возвращеніи апостольскихъ проповѣдниковъ.

„Тѣ же, кто чувствовалъ за собой какую-нибудь вину, повѣсили головы въ смиреніи и съ позоромъ.“

Этой картиной закончилъ Dr. Паркеръ свою проповѣдь, а конгрегація его разошлась, насладившись всласть такой своеобразной новинкой.

Храмъ съ вывѣской „Освободитель“, на который съ такимъ негодованіемъ, по словамъ англійскаго проповѣдника, указывалъ Апостолъ Павелъ, дѣйствительно принесъ много горя и сдѣлалъ много зла. Подъ этой фирмой было учреждено строительное общество въ исполинскихъ размѣрахъ. Въ продолженіе многихъ

лѣтъ въ него помѣщали свою послѣднюю копѣйку бѣдняки всей Англіи, соблазненные усиленными процентами. Но прошлою осенью оно обнаружилось. По отчету присяжнаго попечителя растраченная сумма—отъ двухъ до четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ—пропала безвозвратно, ничего почти не оставивъ на долю несчастныхъ вкладчиковъ.

Трудно себѣ представить размѣры подавляющей нищеты, произведенной этимъ банкротствомъ. Многія жертвы этого мошенничества лишились разсудка, тысячи людей потеряли сбереженія цѣлой жизни. Безъ сомнѣнія, укоризненный совѣтъ какого-нибудь апостола правды могъ бы многихъ спасти отъ этой гибели, даже не взывая къ авторитету Святыхъ Евангелистовъ.

Но подобной кощунственной болтовней не ограничивается подчасъ религіозная жизнь въ Англіи.

Года два тому назадъ въ Ливерпуль вернулся съ Востока одинъ миссіонеръ, не вполнѣ достигшій своей миссіонерской цѣли. Вмѣсто того, чтобы другихъ навести на истинный путь, онъ самъ промѣнялъ свою вѣру на магометанство, обративъ въ него и своихъ сыновей. Турецкій султанъ, оцѣнивъ такого союзника, съ радостью снабдилъ его деньгами и пожеланіями успѣха въ „странѣ Гяуровъ". Тотъ поспѣшилъ вернуться домой, выстроить мечеть въ самомъ Ливерпулѣ, и въ продолженіе одной зимы завербовалъ въ магометанство около пятидесяти членовъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько женщинъ и одного священника. Пропаганда продолжается съ успѣхомъ и по сію минуту. Съ другой стороны, мистриссъ Безантъ, которая не такъ давно, въ сообществѣ своего друга, атеиста Брадло, печатала брошюры, неудобныя для чтенія порядочныхъ женщинъ, теперь проповѣдуетъ нѣчто въ родѣ буддизма съ примѣсью теософіи и собираетъ многочисленныхъ адептовъ, число которыхъ достигло болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Такое, подобное циклону, броженіе мысли, обхватывающее религіозные умы въ Англіи и не вызывающее сильнаго, единодушнаго отпора со стороны общества, или хотя бы нѣсколькихъ руководящихъ людей, еще сохранившихъ понятіе о христіанской морали, не можетъ царствовать безнаказанно: оно отражается въ самой жизни, принимая самыя разнообразныя формы. Такъ, напримѣръ, не хуже директоровъ общества „Освободитель", отличился на дняхъ издатель газеты *Pearsons' Weekly* г. Пирсонъ,

который втихомолку устроилъ въ Лондонѣ своего рода Monte-Carlo, въ видѣ такъ называемыхъ „Словосостязаній" („Missing Word Competition"). Ловушка заключалась въ слѣдующемъ. Печаталась фраза, въ которой пропускалось одно слово; любой читатель, желавшій участвовать въ этой азартной игрѣ, дополнялъ недостающее слово и отправлялъ свою разгадку въ редакцію съ приложеніемъ одного шиллинга. Получаемыя такимъ образомъ деньги раздѣлялись между успѣшными отгадчиками. Г. Пирсонъ дѣйствовалъ въ качествѣ „крупье" и находилъ свою выгоду въ увеличенной распродажѣ своей газеты.

Эта небывалая еще азартная игра пошла ходко, и продажа *Пирсонскаго Еженедѣльника* увеличивалась на сотни тысячъ экземпляровъ. Число участвующихъ росло еженедѣльно, такъ что, наконецъ, полмилліона шиллинговъ получалось въ одну недѣлю. Дабы не давать злу принимать гигантскіе размѣры, г. Джонсъ Гокъ и „національная лига противъ азартныхъ игръ" возбудили преслѣдованіе противъ одной изъ многихъ газетъ, поспѣшившихъ подражать Пирсонской, и успѣли добиться судебнаго рѣшенія о незаконности этихъ состязаній. На оставшіяся у Пирсона отъ послѣдняго состязанія 24.000 фунтовъ было наложено запрещеніе, но недовольные состязатели наполняютъ воздухъ своими жалобами, что̀ впрочемъ лишь увеличиваетъ извѣстность предпріимчивой газеты, продажа которой теперь достигаетъ полумилліона экземпляровъ.

Но расшатанность нравственныхъ основъ Англіи проявляется еще рельефнѣе въ ея политикѣ, особенно когда дѣло касается захватовъ, протекторатовъ и „временныхъ" оккупацій. Присвоеніе лакомаго куска увлекаетъ какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ, какъ свободномыслящихъ, такъ и громко ратующихъ о спасеніи души, или еще болѣе о соблюденіи воскреснаго дня.

Со времени перехода *Pall Mall Gazette* въ консервативныя руки (что̀, между прочимъ, доставило ея прежнему владѣльцу 50 тысячъ фунтовъ стерлинговъ) единственный радикальный органъ появляющійся вечеромъ—это *Звѣзда* (*Star*).

Ея руководящая статья объ Египетскомъ инцидентѣ поучительна тѣмъ, что она даже вовсе не упоминаетъ о „*временной*" *оккупаціи* Египта, какъ это всегда дѣлаютъ англійскіе дипломаты и государственные люди, хотя и эта оговорка никого не можетъ стѣснить и ничему помѣшать. На землѣ вѣдь все „*временно*". Когда пишутся дѣйствительныя условія, то означаютъ

точные сроки и опредѣленныя границы. Россія заняла своими войсками Болгарію на два года и вывела ихъ день въ день. Но этой точности Англичане избѣгаютъ преднамѣренно, и съ ихъ точки зрѣнія иначе связывать себя обѣщаніями и не слѣдуетъ.

Газета *Star* радуется энергіи, съ которой лордъ Кронмеръ застращалъ молодаго владѣтеля Египетскаго престола своимъ ультиматумомъ, давъ ему всего 24 часа для смѣненія новаго министерства. Этимъ временемъ пришла и телеграмма лорда Розбери о высылкѣ войскъ въ тысячу человѣкъ.

„Никто никогда не воображалъ“, восклицаетъ газета, „чтобы либеральное правительство могло дѣйствовать иначе, при подобномъ положеніи дѣлъ“. Это совершенно вѣрно: всѣ знаютъ, до какой степени г. Гладстонъ связанъ по рукамъ и по ногамъ членами своего кабинета.

Въ Англіи правила, основанныя на религіозной этикѣ, допускаются только для домашняго обихода. Дѣйствительно: въ частной жизни встрѣчаются замѣчательныя личности, полныя нравственной силы, выдержки характера, глубокаго самоотверженія; но въ конституціонныхъ странахъ отдѣльныя лица исчезаютъ, и дѣйствія правительства подчиняются волѣ большинства. Обманъ въ большихъ размѣрахъ, въ международныхъ и политическихъ отношеніяхъ вызываетъ одобреніе въ англійскихъ народныхъ массахъ. Тутъ критеріи нравственности—исключительно сила и выгода.

Появленіе тысячнаго войска, которое все комфортабельно умѣстилось бы въ Московской залѣ Дворянскаго Собранія, не испугало бы Москвичей: но въ Египтѣ помнятъ бомбардированіе Александріи, и за горстью солдатъ могла легко послѣдовать англійская эскадра...

„Отчего это Россія не займетъ Арменіи также *„временно“*, какъ мы занимаемъ Египетъ?“ спросилъ меня на дняхъ одинъ очень вліятельный членъ парламента. „Вѣдь она такимъ образомъ могла бы исподтишка забрать въ свою власть всю Малую Азію. Неужели вы этого не видите сами?“

„Да, конечно“, отвѣчала я, „это было бы полезное пріобрѣтеніе, но Россіей и ея главнымъ Представителемъ руководятъ другіе принципы нежели тѣ, которые руководятъ вами.

„Вашъ современный прогрессъ еще не подорвалъ строя Русскаго народа. Мы еще вѣримъ въ нашу вѣру, мы живемъ ею.

Мой собесѣдникъ началъ что-то доказывать, а мнѣ припомнились родныя строки:

„Сотворившій міръ въ немъ скрытъ,
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ!
Познавать Его творенья,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить,—
Вотъ, въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ: въ Богѣ жить...“

Развѣ этими правилами, этими мыслями не должно руководствоваться и въ политической жизни?!.

О. К. (Ольга Новикова).

15 (27) января 1893.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Два типа журналистовъ: русскій заморышъ и французскій дѣлецъ.—Publicitè.—Тайные фонды.—Канализація взятокъ.—Политическій шантажъ.—Репортеръ-откупщикъ.—Процессъ Панамской администраціи.—Голосъ народа въ панамскомъ дѣлѣ.—Очаровательный министръ и милліонная взятка.—Романъ министра.—Исторія одной мечты.—Sic transit!

Богатая неожиданностями панамская исторія, нескончаемая какъ китайская драма, имѣла въ прошломъ мѣсяцѣ интермедію, въ которой досталась роль и на долю нашей скромной печати. Бѣдный заморышъ, онъ былъ публично обвиненъ въ томъ, что заключаетъ и разрушаетъ международные союзы, самозванно назначаетъ посланниковъ съ какими-то необыкновенными миссіями, и, играя въ судьбахъ міра столь значительную роль, — очень естественно получаетъ за это 500.000! И въ этомъ обвиняется та самая особа, которую мы съ вами знаемъ, которую я здѣсь, въ Парижѣ, не могу себѣ представить иначе, какъ въ слѣдующемъ видѣ. Господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ болѣе или менѣе гемороидальнымъ цвѣтомъ лица, съ бородой, непремѣнно въ очкахъ и непремѣнно сутуловатый, въ толстомъ поношенномъ пальто и въ помятой шляпѣ, тяжело влачащій ноги, обутыя въ глубокія калоши. Онъ весь пропитанъ табачнымъ запахомъ, и обкуренные концы его пальцевъ не носятъ слѣдовъ особой о нихъ заботливости. Онъ очень разсѣянъ и часто угрюмъ, но страстно любитъ поспорить, „развить идею", полемизировать о принципахъ. Онъ искренно увѣренъ, что обладаетъ истиной, и не можетъ себѣ представить, что возможно имѣть другія воззрѣнія чѣмъ его собственныя. Вотъ почему онъ не только за-

подозриваетъ искренность человѣка, имѣющаго другія убѣжденія чѣмъ онъ самъ, но даже прямо способенъ считать его подлецомъ. Это, какъ видите,—дикарь, человѣкъ сдѣланный „изаднаво куска дерева липы“. Признаюсь откровенно, въ такомъ видѣ я его очень люблю, несмотря на всю его чудаковатость. И именно потому люблю, что онъ способенъ горячиться и ломать копья изъ-за убѣжденій не только на бумагѣ. Но отсюда, разумѣется, еще очень далеко до того, чтобъ его „убѣжденія“ были для кого бы то ни было обязательны. Напротивъ, мнѣ кажется даже, что по многимъ вопросамъ для него обязательно не имѣть убѣжденій, или, имѣя ихъ, не высказывать. За что̀ же 500.000? Не ясно ли, что это басня, сочиненная его французскимъ собратомъ, не имѣющимъ никакого понятія объ истинномъ характерѣ и значеніи нашего заморыша?

Этотъ французскій собратъ, котораго я очень хорошо знаю, склоненъ судить о другихъ по себѣ самомъ. А его положеніе довольно любопытное. Работникъ печати, не знающей надъ собою, почитай, никакихъ законовъ, онъ никогда не бываетъ свободенъ въ выраженіи своихъ мнѣній: онъ всегда чей-нибудь агентъ, орудіе исполняющее чужую волю. Сотрудникъ или редакторъ политической газеты, онъ — наемный человѣкъ, обязанный отстаивать извѣстныхъ людей, извѣстныя мысли, извѣстныя выгоды и осуждать все то, что находится поперекъ его дороги. Во главѣ политической газеты всегда стоитъ политическій человѣкъ: депутатъ или сенаторъ, министръ или кандидатъ въ министры, гораздо рѣже — одинъ изъ двухъ претендентовъ на отсутствующій престолъ. Цензура этихъ господъ необычайно строгая: сотрудникъ удаляется за одно неподходящее слово, за непочтительный намекъ по адресу друга „политическаго директора“. А такъ какъ политическіе люди очень непостоянны въ своей дружбѣ и въ своихъ союзахъ, то сотрудникъ и главный редакторъ должны обладать соотвѣтственною эластичностью въ своихъ воззрѣніяхъ. Сегодня свѣтитъ на небѣ Ж. Ферри, — надо восхвалять не только его лично, но и его заигрыванья съ Бисмаркомъ, его политику въ Тонкинѣ и въ Тунисѣ, бранить Италію на чемъ свѣтъ стоитъ. Завтра общественное мнѣніе повернулось противъ Ферри, въ палатѣ произошла новая группировка партій,— приходится говорить наоборотъ. Политическій директоръ, который радикальничалъ, чтобы выдвинуться, попадаетъ въ „комбинацію“ новаго кабинета,—чего собственно онъ только и добивал-

ся,—немедленно нужно умѣрить яркость собственнаго цвѣта, изъ краснаго превратить его въ розовый, блѣдно-розовый, совсѣмъ блѣдный, „поклониться тому, что сжигалъ“. Затѣмъ, въ угоду патрону, нужно бороться съ его врагами. Борьба эта, вы отлично понимаете, не имѣетъ въ себѣ ровно ничего идеалистическаго: нужно спихнуть врага съ насиженнаго мѣста и усѣсться возможно удобнѣе самому. Для этого нужно спихнуть его такъ, чтобъ онъ сломалъ себѣ руки и ноги, и потерялъ бы всякую охоту спихнуть васъ въ свою очередь. Нужно, стало-быть, клеветать, имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлый арсеналъ „petits papiers“, съ помощью которыхъ можно задушить врага, а въ случаѣ надобности и друга... Эта мода введена была въ политическіе нравы еще Гамбеттой. Онъ являлся на публичныя собранія не иначе какъ съ карманомъ биткомъ набитымъ „документиками“. При малѣйшей оппозиціи, вынимался одинъ изъ нихъ, и противникъ убивался наповалъ. Но со времени Гамбетты сдѣланы большіе успѣхи. Печать получила полную свободу. То была большая побѣда, которая громко праздновалась „старыми бородами“, людьми принциповъ, неоднократно платившимися тюрьмой и ссылкой за черезчуръ рѣзко высказанное мнѣніе. Но свободу получили теперь не они одни; ее получили также и бездарные мерзавцы, которые отроду ни о какихъ принципахъ не слыхивали. Они-то главнымъ образомъ воспользовались преимуществами новаго закона, или, вѣрнѣе, беззаконія. Первымъ результатомъ его было наводненіе Парижа тысячами листовъ самаго возмутительно скабрёзнаго содержанія, съ иллюстраціями, которыя способны были вызвать краску стыда и негодованія у всякаго мало-мальски порядочнаго человѣка. Гнусный пасквиль занялъ мѣсто идеи, клевета замѣнила полемику, шантажъ сдѣлался своего рода принципомъ. Талантъ исчезъ, потому что сталъ не нуженъ, его голосъ былъ заглушенъ нахальными криками газетныхъ альфонсовъ и торгашей, скандалистовъ, клеветниковъ и сплетниковъ. Тиражъ чистоплотныхъ и талантливо издающихся газетъ палъ плашмя, а взамѣнъ ихъ возросъ до небывалыхъ размѣровъ тиражъ безнравственныхъ, но крикливыхъ бездарностей. Конкурренція дополнила дѣло. Число газетныхъ листковъ росло и растетъ до сихъ поръ съ поистинѣ головокружительною быстротой. Ихъ теперь въ одномъ Парижѣ 2163, да почти вдвое столько въ провинціи. Существованіе ихъ, замѣтьте, вызвано вовсе не увеличившейся потребностію въ чтеніи, а совер-

шенно другими причинами: желаніемъ издателей дѣлать политическую карьеру, пріобрѣтать вліяніе, или зарабатывать деньги, во что̀ бы то ни стало. Вслѣдствіе этого каждая новая газета расчитываетъ исключительно на то, чтобы отвлечь читателей отъ другихъ, уже существовавшихъ раньше. Борьба за существованіе между газетами сдѣлалась такимъ образомъ отчаянно жестокой. Пришлось понизить стоимость номера съ 2 даже 3 су до *одного*, выпускать приложенія литературныя и художественныя, щеголять обиліемъ сенсаціонныхъ извѣстій и интервью, а для этого—запастись цѣлыми эскадронами репортеровъ; при такихъ условіяхъ газетные номера въ 5 сантимовъ, продаваемые разносчикамъ по 3½, обходятся самому издателю гораздо дороже. Какъ жить? Средство одно — „дѣлать дѣла". Это техническій терминъ. Вы можете сплошь и рядомъ слышать въ журнальномъ мірѣ такіе разговоры:—Такая-то газета имѣетъ очень ничтожный тиражъ.— Да, но она дѣлаетъ отличныя дѣла!.. Что это значитъ? Это значитъ вотъ что. Редакторъ газеты, о которой идетъ рѣчь, человѣкъ разбитной и практическій. Онъ имѣетъ связи въ мірѣ биржевиковъ, банкировъ, строителей, подрядчиковъ, коммерсантовъ, среди свѣтскихъ и правительственныхъ лицъ, спортсменовъ; кокотокъ, художниковъ, книжныхъ торговцевъ и т. д. Въ каждомъ изъ этихъ міровъ онъ имѣетъ кліентовъ. Такой-то банкъ платитъ ежегодно извѣстную сумму за то, чтобъ его не ругали. Другой—за то, чтобы его прославляли, печатали „отъ себя" замѣтки и цѣлыя статьи о талантахъ его директоровъ, остроуміи и выгодности его „комбинацій". Кокотка платитъ за отчетъ объ ея туалетахъ, за игривыя замѣтки объ ея прелестяхъ, спортсменъ— за восхваленіе его лошадей, магазины—за рекомендацію ихъ товаровъ и т. д. и т. д. Вы читаете на первой страницѣ длинную и восторженную статью о новой книгѣ невѣдомаго автора, знаете, что за это заплачено 1.200 фр. О картинѣ — приблизительно то же самое. О цѣлой выставкѣ—это сто̀итъ гораздо дороже, смотря по соглашенію, 3—5—10 тысячъ, даже 50.000, если дѣло идетъ о коллекціи, предназначаемой въ продажу съ аукціона. Похвала актеру, актрисѣ, піанистамъ, пѣвцамъ въ отдѣлѣ театральной хроники—25 фр. за строчку. О вечерѣ, балѣ, свадьбѣ, въ болѣе или менѣе свѣтскомъ семействѣ, пишутъ почтительные отчеты по 40 фр. за строчку на первой страницѣ, въ отдѣлѣ городской хроники. Тамъ же и за ту же цѣну печатаются отчеты о знаменитыхъ иностранцахъ, посѣтившихъ Парижъ. Я говорю

о цѣнахъ въ большихъ газетахъ; въ малыхъ и цѣны меньше. Но это еще не все. Правительство, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи полтора милліона секретныхъ фондовъ, ежегодно вотируемые парламентомъ. Они предназначены для тайнаго полицейско-политическаго сыска и для подкупа печати. Само собою разумѣется, что на оффиціальномъ языкѣ слово „подкупъ" замѣнено словомъ „субсидія." Деньги выдаются для „поощренія печати, поддерживающей республиканскую политику правительства". И съ тѣхъ поръ какъ существуетъ третья республика, не было еще ни одного министерства, какой бы ни былъ его составъ, которое бы погнушалось прибѣгать къ такого рода „поощренію". Суммы, предназначенныя для этой цѣли, находятся въ безконтрольномъ распоряженіи министра; деньги выдаются получателямъ съ рукъ на руки, безъ росписокъ. И только передъ выходомъ въ отставку министръ представлялъ президенту республики памятную записку относительно употребленія этой суммы. Эта записка, впрочемъ, по прочтеніи ея президентомъ, остается въ рукахъ министра. Обыкновенно распредѣленіемъ этихъ суммъ занимается не самъ министръ, а какой-нибудь журналистъ изъ его друзей. Такъ, напр., при Флоке раздавателемъ правительственныхъ щедростей былъ нѣкій Каниве, директоръ журнала *Paris*. Этому милому человѣку Флоке обязанъ гибелью своей политической карьеры и прикосновенностью къ грязному панамскому дѣлу. Самъ Флоке—человѣкъ безусловно честный, но наивный, довѣрчивый и невысоколетающій. Онъ искренно ненавидѣлъ Буланже (врядъ ли это не былъ единственный человѣкъ, котораго Флоке ненавидѣлъ), считая его не безъ основанія опаснымъ для существованія республики. Чтобы отдѣлаться отъ него, онъ даже, будучи министромъ, вызывалъ его на дуэль, съ твердымъ намѣреніемъ убить. Но онъ его только ранилъ, а звѣзда Буланже послѣ этого разгорѣлась еще ярче. Вотъ въ это-то время Каниве указалъ своему покровителю на грозную будто опасность со стороны Буланже оттого, что друзья его, панамскіе администраторы, раздаютъ огромныя суммы печати. „Если не канализировать этого потока банковыхъ билетовъ, деньги попадутъ въ руки друзей фютюръ-диктатора и усилятъ ряды его приверженцевъ въ печати", говорилъ Каниве. Какъ аргументъ, это было шито бѣлыми нитками. Но Флоке повѣрилъ, и... канализировалъ. Онъ далъ понять панамскимъ дѣятелямъ, что деньги нужно дѣлить поровну между всѣми, и потребовалъ для

своихъ друзей 300.000. Изъ этой суммы 100.000 взялъ самъ Каниве, какъ представитель самой дружественной правительству, хотя бездарной и никѣмъ не читаемой газеты. Четыре года спустя Флоке поплатился за это репутаціей и всей политической карьерой.

Газетчики и журналисты очень падки на получки изъ секретныхъ фондовъ. Тѣ изъ нихъ, которые, стоя въ оппозиціи, не могутъ поддерживать политики кабинета, все-таки умудряются получать отъ него подачки... за патріотизмъ. Вы видите сплошь и рядомъ, что реакціонныя газеты, съ пѣной у рта разносящія ежедневно республиканское правительство, дѣлаютъ исключеніе въ пользу министровъ иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морскаго. Это дѣлается, говорятъ онѣ, изъ патріотизма. Оно, разумѣется, возможно. Но несомнѣнно также, что это благородное чувство сильно подогрѣвается спеціальными секретными суммами, которыя находятся въ распоряженіи этихъ трехъ министровъ. Случается и такъ: одна или нѣсколько болѣе или менѣе распространенныхъ газетъ, получившихъ взятку отъ министра внутреннихъ дѣлъ, оставляютъ его въ покоѣ, но за то съ особеннымъ остервенѣніемъ направляютъ свои стрѣлы на остальныхъ, или на одного изъ нихъ спеціально облюбованнаго. Это уже шантажъ, по всѣмъ правиламъ искусства. Съ Рувье, въ маѣ 1887 г., когда онъ былъ министромъ финансовъ, произошелъ, напримѣръ, такой пассажъ. Газета въ то время буланжитская *Lanterne*, издаваемая эксъ-торговцемъ ваксой, евреемъ Мейеромъ, избрала Рувье мишенью своихъ, скажемъ, клеветъ. А газета, несмотря на личность своего директора, идетъ бойко—всѣ публичныя женщины Парижа и даже Франціи читаютъ ее. Какъ быть? Рувье вступилъ въ переговоры съ почтеннымъ литераторомъ. Оказалось, гражданское негодованіе г. Мейера такъ велико, что для удовлетворенія его непремѣнно нужно 100.000. А гдѣ ихъ взять? Министръ финансовъ секретныхъ фондовъ не имѣлъ. Не изъ своего же кармана ихъ взять. Тогда Рувье сообщилъ о своемъ затруднительномъ положеніи въ совѣтъ министровъ. Но тутъ онъ поступилъ, откровенно говоря, нѣсколько эгоистично: онъ изложилъ дѣло такъ, будто за 100.000 Мейеръ обязуется не только перестать негодовать на него, но даже остальныхъ его товарищей обязуется одобрять во всѣхъ ихъ настоящихъ и будущихъ дѣйствіяхъ.

Въ виду такого положенія, совѣтъ министровъ рѣшилъ выдать просвѣтителю французскихъ публичныхъ гражданъ требуемую сумму изъ тайныхъ фондовъ министерства иностранныхъ

дѣлъ и военнаго. Исполненіе этого порученія было возложено на министра финансовъ. Какъ онъ его исполнилъ, этого доподлинно сказать не могу. Но Мейеръ съ того же дня прекратилъ свои нападки на него. За то, очинивъ новое перо, онъ открылъ стрѣльбу по военному министру. Генералъ Ферранъ, который занималъ тогда этотъ постъ, горько жаловался на эту диверсію, совершенно несогласную съ правилами военнаго артикула: онъ же заплатилъ, и его же ругаютъ!..

Вотъ вамъ организація французской газеты нашихъ дней. Это не органъ общественнаго мнѣнія, а коммерческое предпріятіе; газетный листъ—древне-римскій *album*, на которомъ всякій прохожій за извѣстное вознагражденіе можетъ писать что ему угодно. Въ этомъ торговомъ домѣ, основанномъ на акціяхъ, сотрудникъ прежде всего—приказчикъ. Отъ него требуются не столько талантъ, сколько исполнительность и покорность. Убѣжденія для чего излишняя обуза; за то, ежели онъ хочетъ составить карьеру, онъ долженъ обладать большими маклерскими способностями. Молодому человѣку, который приноситъ въ редакцію литературно выточенныя статьи, говорятъ:—Охота вамъ тратить время на это, приносите намъ лучше „дѣла“. А за дѣла онъ получаетъ, само собою разумѣется, не какой-нибудь жалкій „гонораръ“, а коммиссію. Вотъ почему вы видите такой непонятный на первый взглядъ фактъ, что въ то время, какъ талантливый сотрудникъ обреченъ всю свою жизнь строчить въ неимовѣрныхъ количествахъ, чтобы кое-какъ жить,—какой-нибудь безграмотный репортеръ разъѣзжаетъ въ собственныхъ каретахъ, имѣетъ собственный отель, модныхъ кокотокъ на содержаніи и круглую ренту.

Въ матеріальномъ смыслѣ онъ въ самомъ дѣлѣ неоцѣнимый человѣкъ для редакціи. Не только онъ ей ничего не стòитъ, но онъ еще обогащаетъ ее, обогащаясь самъ. Неутомимая ищейка, онъ вѣчно рыскаетъ и все узнаетъ. Основывается какое-нибудь предпріятіе, онъ первый узнаетъ о немъ, является къ заинтересованной сторонѣ и предлагаетъ „publicité“. Любитель собирается продать коллекцію,—уже репортеръ у него, предлагаетъ статьи, полныя восторговъ и лганья. Какое-нибудь учрежденіе, коммерческое, финансовое или хотя бы филантропическое, подвергается нападкамъ,—уже онъ тутъ, какъ тутъ, предлагаетъ защиту. Какая-нибудь корпорація желаетъ утопить другую, добиться перемѣнъ въ законодательствѣ,—онъ предлагаетъ „кампаніи“.

Пріѣзжаетъ новая труппа, устраивается выставка, открывается увеселительное заведеніе, дѣлается открытіе, которое надо всучить правительству или сдѣлать извѣстнымъ, чтобы лучше продать,—безъ репортера дѣло не обойдется. Онъ все устраиваетъ и за все получаетъ, и не гроши, а тысячи, десятки тысячъ. Народился даже такой типъ репортера, который собственно ни при какой газетѣ не состоитъ, но со всѣми хорошъ и всѣмъ доставляетъ „дѣла". Этотъ беретъ на откупъ все, что для успѣха нуждается въ печатномъ словѣ. Положимъ, банкъ дѣлаетъ какой-нибудь выпускъ. Репортеръ пріѣзжаетъ къ директору и говоритъ: „Вамъ нужна publicité; я берусь сдѣлать вамъ ее, организовать во всѣхъ газетахъ, въ какихъ пожелаете. Это будетъ стоить столько-то, и вамъ придется имѣть дѣло только со мною". Начинается торгъ по всѣмъ правиламъ, затѣмъ заключается нотаріальное условіе, извѣстная часть условной суммы выплачивается впередъ, въ полученіи выдается росписка,—и дѣло сдѣлано. Репортеръ выполняетъ въ точности всѣ свои обязательства,—вся печать вдругъ начинаетъ заливаться на всѣ лады, возбуждая восторги и довѣріе. И банкиру пріятно: хлопотъ меньше и дешевле обходится, чѣмъ самъ бы онъ лично имѣлъ дѣло съ каждою газетой отдѣльно.

До какой степени репортерное ремесло выгодно, можно видѣть изъ сдѣланныхъ на судѣ разоблаченій; изъ нихъ явствуетъ, что какой-нибудь ничтожный парламентскій репортеръ Креспенъ получилъ за услуги Панамской компаніи 96.000 франковъ. А онъ сотрудничаетъ только въ провинціальныхъ газетахъ!

Репортеръ-интервьюеръ это—китъ-рыба, на которой держится современная французская печать. Онъ основываетъ теперь газеты, дѣлаетъ дѣла и поддѣлываетъ общественное мнѣніе. Журналы лопаются, книгопродавцы банкрутятся, театры пустуютъ, талантъ помираетъ съ голоду (кромѣ очень большихъ и исключительныхъ), одинъ репортеръ ликуетъ, и какъ сыръ въ маслѣ катается. За то какъ же его презираютъ! Въ литературномъ и ученомъ мірѣ, съ глазу на глазъ (потому что его боятся какъ огня), о немъ говорятъ какъ о зловредной твари, которая наполняетъ воздухъ своимъ нахальнымъ крикомъ, своимъ безстыжимъ лганьемъ, отвлекая вниманіе общества отъ всего, что красиво, возвышенно и поучительно. Въ обществѣ, гдѣ его не знаютъ, его представляютъ себѣ не иначе, какъ въ видѣ злаго аргуса. У него, впрочемъ, есть одно оправданіе: его феноменальная не-

развитость и невѣжество. Онъ въ дѣйствительности вовсе не золъ; напротивъ, онъ добродушенъ и обязателенъ, онъ даже часто по-своему честный человѣкъ. Но школа, въ которой онъ выросъ, безпринципность, которая для него обязательна, низменные инстинкты, которымъ онъ обязанъ служить, дѣлаютъ его дѣятельность крайне антипатичной. При томъ, я говорю здѣсь только о тѣхъ, которые задаютъ тонъ, которые на виду. Масса— вездѣ масса: она идетъ за вожаками, не думая, не разсуждая. Да ей и некогда этого дѣлать: „пора страдная, спѣшная, надо семь дѣловъ кончать", а главное—надо ѣсть...

Къ этой характеристикѣ журналиста-репортера прибавьте, что его трудъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ оплачивается редакціей довольно плохо. А потребности у него большія. Толкаясь постоянно между людьми богатыми и нажившимися, онъ пріобрѣлъ всѣ ихъ вкусы и воззрѣнія на міръ, всѣ ихъ аппетиты. А въ этомъ обществѣ твердо установлено правило: бѣденъ—значитъ глупъ и лѣнивъ. Волей-неволей приходится тянуться за богатыми...

Теперь вамъ будетъ ясна разница между нашимъ журналистомъ и французскимъ. Одинъ—теоретикъ и идеалистъ, другой прежде всего—дѣловой человѣкъ. У него и жаргонъ дѣловой, и образъ мыслей дѣловой, и одѣвается онъ какъ дѣловой человѣкъ. Это газетный биржевикъ, литературный приказчикъ. Что же удивительнаго, что его имя попадается въ приходо-расходныхъ книгахъ всѣхъ банковъ, коммерческихъ домовъ и всякихъ администрацій, въ томъ числѣ Панамской! Я знаю, и у насъ уже народился такой типъ журналиста-совмѣстителя и даже шантажиста. Но въ этомъ-то и дѣло, что у насъ онъ только что родился, и его уже раскусили и уже единогласно презираютъ. Это скорѣе литературный червонный валетъ, чѣмъ дѣлецъ на европейскій ладъ,—явленіе единичное, не имѣющее къ своимъ услугамъ ни организаціи, ни теоріи, ни соотвѣтствующаго языка. Кто и когда осмѣлится у насъ развивать публично, предъ многочисленною аудиторіей мысль, что газета—коммерческое предпріятіе, для котораго обязательны соображенія только торговаго порядка и никакія иныя? А здѣсь еще очень недавно, и именно по поводу панамской исторіи, я присутствовалъ на публичной лекціи очень талантливаго человѣка, развивавшаго эту мысль предъ 2.000 слушателей, оправдывавшаго съ этой точки зрѣнія всѣ продѣлки печати въ панамскомъ дѣлѣ!

Правда, коммерческія теоріи въ литературѣ и здѣсь начинаютъ отживать свой вѣкъ. Та самая панамская исторія, которая сорвала столько масокъ, разрушила столько репутацій, вывела на свѣжую воду стольких фарисеевъ и фарисейскихъ взглядовъ, нанесла жестокій ударъ и этимъ теоріямъ. Публика раскрыла глаза и поняла наконецъ, что подъ всѣми этими красивыми словами скрывается ничто иное, какъ организованный обманъ съ мелкими, корыстными и даже прямо мошенническими цѣлями. Она поняла, что ежели Рейнаки, Герцы и Оберндӧрферы — шайка разбойниковъ, то всѣ тѣ представители печати, фигурирующіе въ спискахъ „publicité“ панамской администраціи, доставившіе имъ содѣйствіе своихъ перьевъ,—ихъ соумышленники, попустители и укрыватели. На первомъ же засѣданіи судебнаго разбирательства дѣла Лесепса, Эйфеля и К°, когда рѣчь зашла о печати, предсѣдатель рѣзко замѣтилъ:—Ну, еще бы! *Temps* и *Débats!* Эти газеты состояли у васъ на содержаніи; онѣ говорили все, что вамъ было угодно!..

Три мѣсяца тому назадъ ни одинъ судья во Франціи не имѣлъ бы смѣлости отозваться такъ непочтительно о парижской газетѣ, и особенно о такихъ двухъ, самыхъ большихъ и вліятельныхъ. Его бы за это съѣли живымъ вмѣстѣ съ его черною тогой и шапочкой...

* * *

Этотъ процессъ панамской администраціи, отъ котораго столько ждали, оказался полнѣйшимъ разочарованіемъ. Ни малѣйшаго разоблаченія насчетъ того, что такъ долго волнуетъ толпу, почти ни одного новаго факта. Одинъ длинный, нескончаемый, „какъ день безъ хлѣба“, дѣловой разговоръ о десяткахъ и сотняхъ милліоновъ, о фактахъ давнымъ-давно извѣстныхъ, о которыхъ я подробно говорилъ въ декабрьской книжкѣ этого журнала. И тѣмъ не менѣе этотъ судъ надъ людьми, которыхъ имена такъ гремѣли по свѣту, и которые надѣлали столько зла, не былъ лишенъ нѣкотораго суроваго величія. Не бѣда, что судили ихъ въ новомъ раззолоченномъ залѣ, что сидѣли они не на обыкновенной позорной скамьѣ между двухъ жандармовъ, а рядомъ съ адвокатами, и вошли въ залъ безъ стражи. Чувство общественной справедливости было удовлетворено сознаніемъ, что вотъ—люди, считавшіе себя выше закона, потому что украли не калачъ, а полтора милліарда, потому что подкупили совѣсть печати, зако-

нодателей, министровъ,—а законъ все-таки покаралъ ихъ. Какъ обыкновенныхъ воришекъ, онъ привлекъ ихъ къ отвѣтственности и прямо въ лицо бросилъ обвиненіе въ мошенничествѣ.

— Эйфель! Вы обвиняетесь не только въ мошенничествѣ, но и въ злоупотребленіи довѣріемъ по отношенію къ администраціи Панамы.

И Эйфель, блѣднѣе смерти, нервно теребя свою подстриженную сѣдую бородку, жмется и путается, какъ самый вульгарный шулеръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, и котораго со всего размаха съѣздили по физіономіи. Неужели это тотъ самый Эйфель, разбитной и веселый 60-лѣтній красавчикъ, которому коронованныя особы съ уваженіемъ жали руку, который въ своемъ кабинетѣ на высотѣ 300 метровъ принималъ всю міровую знать и благосклонно выслушивалъ ея комплименты! Упасть съ такой высоты, и прямо въ грязь! Онъ, впрочемъ, выкарабкается, и даже отмоется, такъ какъ прежде чѣмъ явиться на судъ имѣлъ предосторожность перевести въ сохранное мѣсто, въ англійскій банкъ, свои милліоны. А ихъ у него, говорятъ, цѣлыхъ восемьдесятъ. Пусть его приговариваютъ теперь возвратить награбленныя деньги,—у него ничего не найдутъ. А съ 80.000.000 всегда есть возможность остаться порядочнымъ человѣкомъ, несмотря на полученныя пощечины... Не все розово въ жизни строителя каналовъ. Приходится иногда подвергаться „непріятностямъ“, расплачиваться собственными боками, получать плевки прямо въ физіономію, и утереться, сохраняя на лицѣ обворожительную улыбку.

Передъ нами старикъ-крестьянинъ, гладко выбритый и одѣтый по праздничному. Онъ пріѣхалъ изъ глухой деревни, вызванный прокуроромъ, чтобы давать показаніе. Весь красный отъ негодованія, онъ говоритъ громкимъ голосомъ:

— У меня были деньги, не только мои, но и принадлежавшія несовершеннолѣтнимъ. Я всѣ помѣстилъ въ Панаму, всѣ безъ остатка. Когда въ 1888 году до насъ стали доходить тревожные слухи о предпріятіи, я ни мало не медля собрался въ дорогу, поѣхалъ въ Парижъ и отправился прямо къ Фердинанду Лесепсу. Меня приняли; я высказалъ ему свои опасенія.

— Э-э-э! Держу пари, что вы читаете газету „Панаму“, нападающую на нашу компанію.

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Какъ же это, такой почтенный человѣкъ, какъ вы, и чи-

таете газету, которую сочиняютъ мерзавцы, подкупленные Англичанами. Они хотятъ уронить наши акціи, чтобы имъ цѣна была грошъ. А потомъ скупятъ ихъ и заберутъ Панамскій каналъ въ свои руки. Не продавайте акцій; если вы ихъ сохраните, вы современемъ наживете на нихъ хорошенькое состояньице.

Послѣ краха я опять поѣхалъ въ Парижъ повидаться съ Лесепсомъ и разсказать ему, что Панама меня разорила.

— „А какое мнѣ дѣло до того, что Панама рухнула!“ сказалъ Лесепсъ.

Это меня страшно взбѣсило.

— Вы Голіаѳъ, а я даже не Давидъ, сказалъ я ему,—но я втопчу въ грязь ваше имя „великаго Француза“. Тутъ былъ его сынъ, Шарль Лесепсъ; онъ схватилъ меня за горло, я оттолкнулъ его, и онъ упалъ на кресло. — „Оставьте меня, сказалъ онъ, вы сильнѣе меня“.

— Да, продолжалъ крестьянинъ, я все потерялъ, даже деньги, которыя не мнѣ принадлежали. Я простой мужикъ, но знайте, я не лгунъ и не мошенникъ. Я не такой, какъ эти господа! воскликнулъ онъ, указывая на подсудимыхъ...

Входитъ молодой человѣкъ, приказчикъ, скромно, но прилично одѣтый. Нѣсколько сконфуженный торжественностью обстановки, онъ тихимъ голосомъ разсказываетъ свою краткую и скорбную исторію. Его мать, вдова, питала полное довѣріе къ Лесепсу. Все свое маленькое состояніе она вложила въ 50 акцій Панамы. И она въ 1888 г., когда стали ходить неблагопріятные слухи о положеніи предпріятія, обратилась къ Фердинанду Лесепсу за совѣтомъ: что дѣлать? И тотъ энергически совѣтовалъ не продавать акцій.—Теперь, добавилъ молодой человѣкъ,—у насъ ничего не осталось. Мать, разбитая параличемъ, лежитъ въ госпиталѣ. Панамская компанія прислала ей 100 фр...

Слесарь Пулья, 50 лѣтъ, съ загорѣлымъ и энергичнымъ лицомъ. Въ свое время, онъ пріобрѣлъ 30 акцій, и, разумѣется, все потерялъ. — „Я видѣлъ, говоритъ онъ,—всѣ эти афиши, читалъ всѣ зазыванія газетъ, и повѣрилъ. Думалъ обезпечить моихъ трехъ маленькихъ дѣтей, и вотъ!“ Дрожа отъ негодованія, онъ обращается къ Лесепсу и требуетъ отчета, куда онъ дѣвалъ его сбереженія.—Я думалъ, восклицаетъ Пулья,—что правительство все это знаетъ. Оно должно было насъ предупредить. Вѣдь знаетъ же оно, какъ и гдѣ насъ найти, когда ему требуются наши налоги.

Предсѣдатель. Правительство не можетъ заниматься частными предпріятіями. Съ вашими жалобами вы должны обратиться въ палату, здѣсь имъ не мѣсто.

Пулья. Въ палату! Еще бы! Чтобы меня вытолкали въ шею?.. Отроду я картъ въ руки не бралъ. Съ двѣнадцати лѣтъ живу своимъ трудомъ. Никогда ноги моей не было на этой проклятой биржѣ, о которой мой докторъ говорилъ, что еслибы потолокъ надъ нею обрушился, онъ не раздавилъ бы ни одного честнаго человѣка. Я работалъ всю жизнь и все потерялъ.

Предсѣдатель. Ваше положеніе достойно всякаго участія. Мы обратимъ особое вниманіе на ваше показаніе. Если преступленіе будетъ установлено, правосудіе съумѣетъ примѣнить его во всей строгости.

Пулья. Я васъ спрашиваю, г. предсѣдатель, развѣ это не возмутительно: несчастнаго бѣдняка, который стащилъ три морковки, приговариваютъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію; а эти молодцы, увѣрявшіе насъ, что въ 1888 году суда будутъ проходить по Панамскому каналу на всѣхъ парусахъ, свободно разгуливаютъ, засунувъ руки въ карманы! Они даже не отдали бы мнѣ поклона при встрѣчѣ на улицѣ, потому что я простой слесарь. Но, слава Богу, я не жуликъ. Лучше бить молотомъ по наковальнѣ, чѣмъ разбивать чужія кассы.

Это, вы видите, голосъ народа, голосъ 800.000 тружениковъ, ограбленныхъ и пущенныхъ по міру панамскою антрепризой. Во всемъ этомъ безсознательномъ дѣлѣ мы не слышали ноты болѣе вѣрной и болѣе трагической... Прокуроръ и адвокаты, несмотря на свои искусныя рѣчи, которыя длились по нѣскольку дней, не сказали ничего, что хоть издали походило бы на эти простыя, изъ сердца идущія слова.

Лесепсъ-сынъ своимъ безстрастнымъ голосомъ человѣка, видавшаго виды, хотѣлъ было вывести дѣло изъ цифровыхъ дебрей и освѣтить его съ новой стороны. Онъ началъ разсказывать, жертвой какихъ шантажей сдѣлалась панамская администрація съ самаго начала. Но предсѣдатель осадилъ его съ первыхъ словъ: эти-де интересныя вещи нужно хранить для слѣдующаго процесса, для дѣла о подкупѣ выборныхъ и должностныхъ лицъ, которое начнется въ будущемъ мѣсяцѣ. Лесепсу удалось назвать только одно имя,—бывшаго министра общественныхъ работъ Байо, нынѣ благополучно пребывающаго въ Мазасской тюрьмѣ, этой подводной мели мазуриковъ большаго и малаго

размѣра. А Байо—мазурикъ скорѣе малаго, чѣмъ большаго калибра, даромъ что онъ былъ министромъ. Это не Рувье, который, несмотря на свои безнравственныя воззрѣнія,—крупная фигура, съ несомнѣннымъ темпераментомъ, съ огромными способностями, знаніями и талантами. Байо же просто „очаровательный человѣкъ", со множествомъ мелкихъ, такъ-называемыхъ свѣтскихъ талантовъ. Въ молодой французской демократіи такіе люди, при нѣкоторомъ честолюбіи, всегда идутъ очень далеко. Ихъ внѣшній лоскъ, умѣнье носить фракъ и забавно болтать въ салонѣ, сочинить стишки, написать остроумную статейку, даетъ имъ видъ настоящихъ джентльменовъ, отъ которыхъ республиканскія дамы безъ ума. А, вы знаете, ce que femme veut... Я могъ бы назвать поэтовъ, романистовъ, дипломатовъ, депутатовъ съ очень ординарными способностями, но которые, благодаря содѣйствію дамъ, сдѣлали себѣ положительно блестящую карьеру. Байо изъ ихъ числа. Этому человѣку все удавалось въ жизни. Въ коллегіи онъ былъ первымъ ученикомъ, получалъ всѣ награды, его любили и баловали учителя и товарищи, потому что онъ умѣлъ всѣхъ забавлять: писалъ недурные стихи, сочинялъ каррикатуры, издавалъ рукописную газету. Дома его отличали и баловали многочисленныя подруги его хорошенькихъ сестеръ за его веселый и легкомысленный нравъ. Онъ выросъ въ атмосферѣ, гдѣ ему ни въ чемъ не отказывали, и привыкъ думать, что міръ созданъ для его наслажденія. Этотъ взглядъ онъ перенесъ впослѣдствіи и на свою дѣятельность, вначалѣ инженерную, потомъ политическую. Въ его характерѣ не было ничего катоновскаго: умѣя вселить къ себѣ любовь, онъ умѣлъ и эксплоатировать ее. Вотъ, напримѣръ, исторія одной его любви.

Есть въ Парижѣ одно извѣстное и уже довольно старинное бюро, спеціальность котораго добывать патенты и защищать интересъ разнаго рода изобрѣтателей. Во главѣ его лѣтъ двадцать съ лишнимъ назадъ стоялъ отецъ нынѣшняго владѣльца инженеръ Арманго. Старикъ, пріучавшій сына къ своему дѣлу, послалъ его однажды къ своему знакомому ученому, который разорился на какихъ-то изобрѣтеніяхъ. Молодой человѣкъ не засталъ ученаго дома, но онъ былъ принятъ хорошенькою дочерью его и для перваго раза проболталъ съ нею довольно долго. Онъ вышелъ отъ нея до такой степени очарованный, что въ скоромъ времени предложилъ ей руку и сердце. Счастливый и по уши влюбленный, молодой Арманго счелъ нужнымъ, при заключеніи

брачнаго контракта, чтобы скрыть бѣдность своей невѣсты, сдѣлать ее собственницей половины того, что имѣлъ и будетъ имѣть впослѣдствіи. Это называется на юридическомъ языкѣ жениться sous le régime de la communauté des biens. А Арманго былъ очень богатъ. Супруги жили очень счастливо. У нихъ родилась и выросла дочь, когда семья сблизилась съ молодымъ министромъ путей сообщенія Байò, товарищемъ Арманго по институту инженеровъ. Министръ только что овдовѣлъ, и у него тоже была взрослая дочь. Занятому государственными дѣлами, ему, говорилъ онъ, некогда было вывозить ее въ свѣтъ и развлекать, и потому онъ просилъ жену своего друга взять его дочь подъ свое покровительство, стать для нея второю матерью. Г-жа Арманго согласилась. Молодая дѣвушка очень быстро сдружилась съ ней, и это еще больше сблизило Байò съ семействомъ Арманго.

Въ одинъ прекрасный день г-жа Арманго убѣгаетъ изъ дому. Она до такой степени освоилась съ ролью второй матери m-lle Байò, что захотѣла сдѣлаться законною супругой ея отца.

Бѣдный инженеръ былъ пораженъ и уничтоженъ. Но онъ, вѣроятно, вскорѣ успокоился бы, поразмысливъ, что онъ не первый, не послѣдній, попавшій въ такое непріятное положеніе: все это въ границахъ слабой человѣческой натуры! Къ тому же невѣрная жена его была уже далеко не первой молодости...

Но Арманго былъ приведенъ въ совершенное негодованіе, когда будущая m-me Байò, не ограничиваясь требованіемъ развода, потребовала отъ него еще половину его состоянія. Это былъ уже наглый, возмутительный грабежъ на законномъ основаніи. А либеральный министръ не только не воспротивился такому дѣйствію своей супруги, онъ самъ взялъ въ руки „защиту ея интересовъ". Правда, у этого министра тогда не было никакого состоянія. Мало того. Арманго, послѣ развода, продаетъ въ Америкѣ какое-то изобрѣтеніе своего покойнаго тестя за 750.000 франковъ. M-me Байò налагаетъ на эту сумму запрещеніе: она, а не какой-то Арманго, наслѣдница своего отца; хотя этотъ „какой-то" все же отецъ ея дочери. Байò такимъ образомъ, укравъ у своего друга жену, заставилъ еще дать за ней приданое. Вотъ это настоящее fin de siècle, гораздо больше чѣмъ скабрёзныя пѣсенки Иветтъ Гильберъ, которыя сводятъ съ ума Парижъ!

Надо думать, что этотъ неожиданный и крупный кушъ, сорванный съ пріятеля путемъ женитьбы на его супругѣ, разжегъ

аппетитъ беззаботнаго министра. Потому что къ этому же времени относится его грабежъ панамской администраціи: за представленіе въ палату законопроекта о выпускѣ облигацій съ выигрышами Байо потребовалъ 1.000.000. И компанія согласилась. Развѣ можно отказать во взяткѣ министру, особенно когда онъ ставитъ ее условіемъ sine qua non! Лесепсъ съ трудомъ выторговалъ только разсрочку въ выдачѣ этой суммы: 375.000 при внесеніи законопроекта, 325.000 при обсужденіи его въ палатѣ и 300.000 послѣ вотированія его. Законопроектъ, въ силу разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, пришлось взять назадъ. Но полученную сумму Байо прикарманилъ, и отдать не хотѣлъ.

Надо было видѣть негодованіе эксъ-министра, когда благодаря смутнымъ слухамъ объ его сопричастіи къ панамскимъ взяткамъ, онъ былъ въ первый разъ вызванъ въ слѣдственную коммиссію парламента. Ему нечего скрывать, говорилъ онъ, и не за что краснѣть. Его жизнь вся на виду. Онъ „энергично протестуетъ" противъ взводимыхъ на него клеветъ...

Они всѣ „энергично" протестовали, виноватые и невинные, и даже первые гораздо энергичнѣе вторыхъ! Но никто не былъ такъ великолѣпенъ въ своей оскорбленной невинности, какъ г. Байо. Осмѣлиться говорить такія новости о немъ, который имѣетъ 40.000 франковъ ренты! Гдѣ онъ ихъ взялъ эти 40.000 годоваго дохода, объ этомъ онъ благоразумно умолчалъ. Но онъ былъ такъ вомущенъ, такъ возмущенъ, что даже я, давнымъ давно знавшій всѣ подробности его романа съ бывшей m-me Арманго, даже я былъ поколебленъ. Глядя на него въ день отнынѣ знаменитаго запроса Делаге, на его стройную фигуру, которая, вытянувшись во весь ростъ, вся дыша негодованіемъ, кричала, обращаясь къ доносчику:—Имена, назовите имена, или вы лжецъ! Я думаю: неужели можно *такъ* врать, съ такимъ лицомъ, съ такими негодующими нотами въ голосѣ? Оказалось, что онъ именно *такъ* вралъ. Онъ вралъ не только въ палатѣ, въ толпѣ, онъ вралъ съ глазу на глазъ посланцамъ г. Карно, наканунѣ ареста, когда президентъ умолялъ его сказать правду; онъ вралъ судебному слѣдователю, когда у того уже были несомнѣнныя улики противъ него, и отвѣчалъ одно: эти обвиненія для него оскорбительны. Даже когда ему было объявлено, что онъ арестованъ, онъ вышелъ изъ кабинета слѣдователя съ гордо поднятою головой, какъ человѣкъ сдѣлавшійся жертвою низкой интриги, и,

какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ обѣдать въ сосѣдней комнатѣ со своею женой!

Онъ выдержалъ роль еще нѣсколько дней потомъ, подъ ключемъ, въ темной и узкой клѣткѣ Мазаса. Затѣмъ вдругъ все существо его опустилось, онъ сдѣлался жалокъ и гадокъ. Подъ его блестящей внѣшностью счастливаго джентльмена показалась дрянная натура мелкаго и зловреднаго мазурика. Онъ сознался во всемъ, но не хотѣлъ погибать одинъ, и сталъ оговаривать всѣхъ и все глупо, подло, не останавливаясь ни предъ какой ложью.

Когда затѣмъ, послѣ пятичасовыхъ допросовъ у судебнаго слѣдователя, онъ возвращался измученный въ свою клѣтку, онъ приходилъ въ отчаяніе, чувствуя и сознавая всю глубину своего паденія. Онъ бросался на узенькую скамейку, вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, рвалъ на себѣ волосы и стоналъ, какъ раненный звѣрь. Цѣлыя ночи онъ не смыкалъ глазъ, стоналъ и рыдалъ, или нервно шагалъ по клѣткѣ, разговаривая самъ съ собой. Тюремщики думали, и это думаютъ также въ городѣ, что онъ сходитъ съума. Но это простое возбужденіе человѣка, который еще не свыкся съ мыслію, что прошлое прошло безвозвратно, что не будетъ онъ никогда больше засѣдать въ роскошномъ дворцѣ министерства, гдѣ стѣны увѣшаны драгоцѣнными гобеленами, гдѣ у дверей подобострастно гнутъ предъ нимъ спину великолѣпные пристава въ чулкахъ, съ серебряными цѣпями на шеѣ, а въ его передней не будетъ толпы просителей, нервно ожидающихъ пріема и ласковой улыбки. Судьбы тысячей и тысячей не будутъ зависѣть отъ него никогда; не будетъ онъ произносить блестящихъ рѣчей съ трибуны, и слова „честь", „отечество", „польза государства", которыя сыпались у него изо рта, въ сопровожденіи широкихъ и изящныхъ жестовъ, должны исчезнуть изъ его словаря... Но онъ успокоится, примирится, какъ всѣ жуиры, которые за неимѣніемъ шампанскаго начинаютъ тянуть простую водку. Онъ, кажется, уже успокоился. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ маленькій человѣкъ, нѣкій Маріотъ, осмѣлился публично обвинить тогда всесильнаго министра во взяточничествѣ, мошенничествѣ. Байо привлекъ его къ суду. А такъ какъ Маріотъ не имѣлъ доказательствъ, онъ былъ осужденъ, его разорили, заставивъ заплатить судебныя издержки на 15—16 тысячъ франковъ. Теперь Байо, мучимый укорами совѣсти, рѣшилъ, говорятъ, уплатить ему эту сумму.

Дай Богъ, чтобъ это была правда. Это доказало бы, что у Байò, по крайней мѣрѣ, не дурное сердце.

А г-жа Байò, эта женщина осуществившая на мигъ такую прекрасную мечту? Она очень осунулась, постарѣла и озлобилась на своего эксъ-министра. Въ то время какъ тотъ, сидя въ келіи Мазаса, тоскуетъ надъ развалинами своего былаго величія, его супруга ведетъ противъ него процессъ о возвращеніи ей приданаго, которое она оцѣниваетъ въ нѣсколько сотъ тысячъ. Но на имущество Байò наложено запрещеніе. Судъ несомнѣнно приговоритъ его къ возвращенію насильственно полученной имъ взятки, къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, и навѣрно также къ тюремному заключенію на 2—3 года. Въ тиши одиночки „мертваго дома“ онъ будетъ имѣть время предаться интереснымъ размышленіямъ на тему о томъ, что жизнь—не прогулка по аллеѣ, усаженной розами, которыя можно беззаботно срывать направо и налѣво, а тяжелый путь, усѣянный пнями и камнями, и что розы на этомъ пути встрѣчаются рѣдко, да и тѣ съ шипами. Его жена, изгнанная изъ земнаго рая,который представляла себѣ въ видѣ министерскаго отеля, одинокая, обѣднѣвшая, всѣми брошенная, будетъ заглядывать издали въ окна скромнаго домика, гдѣ вечеромъ при свѣтѣ лампы будутъ играть черныя и русыя головки, дѣти дѣтей ея, которыхъ она сама такъ безсердечно бросила. Sic transit!..

И. Яковлевъ.

РУССКІЙ ВОЕННЫЙ ПОРТЪ НА МУРМАНѢ.

Морскіе очерки.

I.

Начну, по-старинному,—съ изложенія своего profession de foi.

Безъ этого какъ-то неловко передъ читателемъ: читаетъ, читаетъ человѣкъ длинную статью какую-нибудь, а потомъ и скажетъ:—фу, скука какая, зналъ бы—не начиналъ!

Морскому же писателю у насъ еще болѣе слѣдуетъ бояться такого разочарованія со стороны читателя — у насъ вѣдь не Англія, гдѣ всякій знаетъ море, всякій любитъ его и гдѣ со всякимъ всегда можно заговорить о морѣ.

У насъ море знаютъ и любятъ только моряки по спеціальности, да и между ними развилось много „сухопутныхъ моряковъ“ (чего въ той же Англіи нѣтъ конечно), которые плаванія свои совершаютъ вокругъ адмиралтейскаго шпица въ Петербургѣ, и которымъ до моря и его нуждъ не было бы ни малѣйшаго дѣла, еслибы только такой индефферентизмъ не вліялъ на „двадцатое число“...

Читателей же не-моряковъ, которыхъ и надо имѣть въ виду въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, необходимо напередъ ознакомить съ тѣмъ, о чемъ будешь писать.

Скажутъ, что я очень пессимистично смотрю на дѣло, скажутъ, что интересъ къ морю растетъ въ нашемъ обществѣ, что и доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣднее время появляется все болѣе и болѣе морскихъ писа-

телей въ нашей періодической, не спеціально-морской литературѣ, и что такіе писатели, какъ г. Бѣломоръ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, или г. А. К. въ *Гражданинѣ*, совершенно заслуженно пользуются теперь общимъ вниманіемъ.

Все это такъ. Но, вопервыхъ, двухъ безспорно талантливыхъ писателей по общимъ морскимъ вопросамъ очень мало для Россіи, и будь бы въ нашемъ обществѣ дѣйствительная потребность въ ознакомленіи съ моремъ—ихъ бы явилось гораздо болѣе, а, вовторыхъ, интересъ къ морю долженъ измѣряться не количествомъ напечатанныхъ статей, а тѣми результатами, которые должна бы была дать работа общественной мысли, возбужденной этими статьями.

Вотъ этихъ-то результатовъ мы и не видимъ...

Когда мнѣ говорятъ про интересъ къ морю, мнѣ всегда вспоминается случай, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ.

Одинъ мой знакомый, милѣйшій человѣкъ, собираетъ лубочныя картины. Какъ всякій собиратель, онъ готовъ истратить массу и денегъ и труда, чтобы добыть тотъ или иной „предметъ" для своей коллекціи. Полюбопытствовалъ и я посмотрѣть на его собраніе. Надобно было видѣть съ какимъ восторгомъ показывалъ онъ мнѣ какого-то Бову-Королевича, напечатаннаго въ началѣ нашего столѣтія какой-то Ахматьевой, гдѣ-то у Спаса на Спасской, въ Москвѣ, и раскрашеннаго какой-то знаменитой старушенціей, жившей гдѣ-то у Спасскаго моста. Были тутъ и традиціонныя мыши, хоронящія кота, и непомѣрно большіе генералы, ведущіе мановеніемъ непомѣрно большаго пальца на бой непомѣрно маленькихъ солдатъ. При этомъ чѣмъ уродливѣй, чѣмъ страннѣй была картина, тѣмъ она кажется большій восторгъ возбуждала у моего чудака-пріятеля. Каждый штрихъ, каждый мазокъ кисти былъ имъ изученъ и опредѣленъ, каждая неправильность подчеркнута. Но вотъ попадается мнѣ картина, которая и составляетъ, по-моему, величайшую рѣдкость всей его многочисленной коллекціи, хотя до моего разъясненія, въ чемъ заключается вся рѣдкая часть этой картинки, ни онъ самъ, ни его друзья и посѣтители, — люди вообще интеллигентные, — не обращали вниманія на этотъ chef d'oeuvre лубочнаго искусства.

Картина эта носитъ названіе „Корабль *Марія*, претерпѣвающій бурю на Черномъ Морѣ, въ то время, когда на ономъ плылъ государь императоръ Николай Павловичъ съ августѣйшимъ семействомъ"; изданіе 1858 года.

Представлено военное судно, очень *густо* снабженное диковинными пушками, съ невѣроятной стремительностію бросаемое по волѣ бушующихъ волнъ.

Волны, гроза, разверстыя небеса сверхъ всякаго положенія.

И вдругъ, въ этой-то величественной бурной обстановкѣ, *на полуютъ*[1] *стоитъ* монументальная фигура императора Николая I *на бѣлой лошади...*

Буря реветъ, а лошадь стоитъ и не шелохнется!

Ну, развѣ это не прелесть?! Развѣ это не „нагляднѣйшая морская несообразность"?! А между тѣмъ мой пріятель и его посѣтители годами смотрѣли на картинку и ничего *рѣдкаго*, кромѣ года изданія, не находили.

Не забудьте, что картинка эта въ свое время прошла чрезъ руки цензуры, гдѣ тоже были, конечно, интеллигентные сухопутные люди, и никому въ голову не пришло, что лошадь съ всадникомъ не можетъ стоять въ бурю на полуютѣ.

Вотъ и мечтайте тутъ объ *общемъ* интересѣ къ морю!

Итакъ, моя программа:

Личный составъ и матеріальная часть.

Для перваго желаемъ большаго единообразія и уничтоженія розни между спеціалистами и линейными моряками, а для второй—чтобъ она была заготовляема исключительно въ Россіи.

Флотъ военный и коммерческій.

Должны составлять едино тѣло и единъ духъ, не быть одинъ другому мачихой.

Устройство якорныхъ стоянокъ, складовъ и портовъ.

Таковые должны быть устроены, вопервыхъ, на нашемъ Сѣверѣ, и, вовторыхъ, по возможности, въ „чужихъ" моряхъ.

„*Чужія*" *теперь моря*,—какъ, напримѣръ, Тихій Океанъ у береговъ Полинезіи, Южной Америки и пр.,—*не должны считаться таковыми*, ибо русскіе моряки, не только въ равнѣ съ прочими, но даже раньше другихъ, открыли тамъ материки и острова и изслѣдовали и описали моря.

Образованіе и приготовленіе моряка нашими школами, какъ военными, такъ и коммерческими.

Важное значеніе консуловъ и консульскихъ агентовъ. Они должны быть безусловно русскими подданными, преимущественно изъ отставныхъ моряковъ военнаго и коммерческаго флота.

---

[1] Задняя кормовая часть палубы судна.

Таковы вопросы, которые я позволю себѣ обсудить съ читателемъ, и дай Богъ, чтобы вопросы эти поскорѣй вышли изъ области нашихъ pia desideria и осуществились на дѣлѣ, а не звучали чѣмъ-то въ родѣ „новогоднихъ пожеланій"!..

II.

Если меня спросятъ, какой же изъ намѣченныхъ вопросовъ я считаю важнѣйшимъ, то я, не обинуясь, отвѣчу—объ устройствѣ якорыхъ стоянокъ и портовъ и о „чужихъ" моряхъ.

Другіе вопросы составляютъ наше домашнее дѣло, съ которымъ всегда можно разобраться на досугѣ, устройство же гаваней и портовъ, особенно въ ставшихъ волею судебъ и нашей дипломатіи „чужихъ" моряхъ, можетъ встрѣтить препятствія, не отъ насъ зависящія, да и, вообще, во всякомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ его начинать, надо найти исходную точку, точку опоры, стать твердо на ноги, и въ морскомъ дѣлѣ такою точкой опоры напрасно считаютъ воду. Какой бы флотъ не былъ, онъ всегда, вездѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ суши, и къ нему также можно отнести вполнѣ аллегорическій смыслъ русской былины, въ которой говорится, что русскіе богатыри, даже повергнутые „на земь" вражьей силой, отъ ней—матушки набирались новой силы и одолѣвали „погань нечестивую".

Скажемъ короче: я положительно не знаю, что важнѣй въ военно-морскомъ дѣлѣ: хорошій плавающій флотъ или хорошіе гавани и порты, которые являются для него главнымъ источникомъ силы, гдѣ онъ получаетъ и вооруженіе, и снаряженіе и пополненіе запасовъ и командъ; при теперешнемъ строгомъ раздѣленіи всей суши между различными государствами, положительно нельзя представить себѣ военное судно, которое въ военное время не имѣетъ для себя доступнаго порта. Такому судну остается или погибнуть отъ истощенія всѣхъ запасовъ, или погибнуть въ неравномъ бою, или, въ лучшемъ случаѣ, зайти въ какой-нибудь нейтральный портъ и тѣмъ обрѣчь себя на полное бездѣйствіе во все остальное время войны.

Вѣдь теперь не доброе старое время, когда считалось, что

Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изънаряжены,
А Соколъ-Корабликъ получше всѣхъ:
Высокошенько головушка приподнята,

Носъ-корма сведены по туриному;
Широки бока по звѣриному,
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогому камню, по яхонту;
Вмѣсто бровей было врощено
По заморскому черному соболю,
Вмѣсто усовъ было воткнуто
Два булатные острые ножичка—
Хорошо нашъ корабликъ изнаряженъ всѣмъ!

Въ то доброе старое время такой хорошо снаряженный корабликъ могъ „плавать всюду свободно", почти всюду заходить въ случаѣ нужды. Тогда народы не знали тонкостей нейтралитета и почти всегда съ радостію принимали хорошо изукрашенные кораблики одной изъ воюющихъ сторонъ. Примутъ, полюбуются, снабдятъ запасомъ и отпустятъ съ миромъ—воюй снова, благо не съ нами!..

Теперь же всюду понадѣланы перегородки изъ минъ, всюду смотрятъ жерла орудій, и никто „кораблику" не позволитъ взять на „нейтральной территоріи" не только боеваго запаса, а и глотка воды.

Нашъ современный русскій военный флотъ безспорно можетъ составить гордость всякаго государства, но можетъ ли онъ развить всю заключающуюся въ немъ силу, можетъ ли онъ служить вполнѣ тѣмъ цѣлямъ, для котроыхъ предназначенъ, до тѣхъ поръ, пока святая Софія не сбросила съ своего купола полумѣсяца и пока два, три вражьихъ судна въ мигъ могутъ ему преградить выходъ изъ Чернаго моря, да мало того что преградятъ разъ,—преградятъ десятки разъ снова, если нашему флоту какимъ-нибудь чудомъ храбрости удастся пробить первую преграду. А тутъ еще дѣло принимаетъ „новый оборотъ"—заводятъ какіе-то „болгарскіе и румынскіе корабли", гдѣ подъ фесками могутъ появиться Нѣмцы или Англичане.

То же и въ Балтійскомъ морѣ. Сколько надо усилій сдѣлать пока нашъ флотъ пробьется на просторъ по тѣснинамъ Балтики, Зунда, проливовъ, шхеръ и прочее?

Посмотрите на карту: вѣдь стоитъ непріятелю занять два островка — *Лангеландъ* и *Фемернъ* — и для нашего Балтійскаго флота готовы новыя Дарданеллы...

Да и пробившись на *относительный* просторъ Средиземнаго или Нѣмецкаго морей, будетъ ли нашъ флотъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ флотомъ нашихъ враговъ?

Нисколько! У тѣхъ есть вездѣ свои гавани, вездѣ мѣста, гдѣ они могутъ найдти пріютъ, а у насъ такихъ мѣстъ *нигдѣ* нѣтъ, и нашему флоту, окажи онъ чудеса храбрости, все-таки въ концѣ-концовъ придется или выйти изъ фронта, зайдя въ нейтральный портъ, или снова пробиваться сквозь замкнувшееся за собой кольцо препятствій, чтобы возвратиться для отдыха и пополненія урона и запасовъ все въ тѣхъ же Кронштадтѣ или Севастополѣ.

Прежній „корабликъ“ при благопріятныхъ условіяхъ могъ плавать себѣ, да плавать „въ чужихъ краяхъ“,—у него все было: и вѣтеръ для передвиженія, и случайно встрѣтившійся, не вражескій, корабль, который ему могъ дать запасъ, и случайно попавшаяся на пути не враждебная гавань, городъ; теперь, повторяю, этого ничего нѣтъ, нѣтъ даже возможности пользоваться благодѣтельнымъ вѣтромъ,—теперь вѣтеръ и паруса замѣнены углемъ, который такъ невѣроятно быстро расходуется теперешними гигантскими машинами. Не забудемъ еще, что нашъ Балтійскій флотъ почти полгода бываетъ запертъ самою природой и лишенъ всякой возможности нести какую-нибудь службу.

Какъ же можно оставлять дѣло въ такомъ положеніи, какъ же можно рекомендовать затрачивать огромныя суммы такъ трудно добываемыхъ, по нашимъ временамъ, денегъ на сооруженіе исключительно подвижнаго состава нашего флота и какъ же можно жалѣть (сравнительно съ этими затратами) грошей на устройство гаваней и портовъ, тѣмъ болѣе, *что у насъ есть полная возможность устроить вполнѣ удобные порты* при небольшихъ затратахъ, которыя при этомъ должны очень скоро окупиться, ибо всякій такой портъ неминуемо долженъ поднять и коммерческую и промышленную стороны даннаго мѣста и государства и возмѣстить, слѣдовательно, денежныя затраты?

III.

Я сказалъ, что *есть возможность* устроить необходимый намъ портъ, и такая возможность давно сознается всѣми занимающимися этимъ вопросомъ.

Такой портъ можетъ быть устроенъ, „оборудованъ“ по-морскому, на Сѣверѣ, на Рыбачьемъ полуостровѣ.

Объ необходимости устройства здѣсь порта и эллинга очень много и писалось, и говорилось, и вопросъ этотъ „обсуждали въ надлежащихъ сферахъ"...

Отчего же дѣла-то не подвинулось ни на шагъ?

Прежде чѣмъ идти дальше, посмотримъ, что представляетъ нашъ Сѣверъ и въ военно-морскомъ, и въ отношеніи климата и условій жизни, такъ-какъ, надо отдать намъ справедливость, мы лучше знаемъ условія климата и жизни какого-нибудь государства древнихъ Ацтековъ, чѣмъ тѣ же условія сосѣдней съ нашей губерніи.

Съ начала нынѣшняго столѣтія нашими учеными и моряками-практиками сдѣлано очень много для разработки географіи и топографіи береговъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана; такія имена, какъ Литке, Рейнеке, всѣмъ тогда же стали извѣстны. Потомъ идутъ: нашъ неутомимый дѣятель на Сѣверѣ М. К. Сидоровъ, академикъ Миддендорфъ и др.

Этотъ послѣдній пишетъ: „Я бы долженъ былъ отказаться отъ всего моего прошлаго, еслибы при настоящемъ случаѣ (то-есть говоря объ Гольфстремѣ) не высказалъ надежды, что полярное море вскорѣ обратитъ на себя должное вниманіе. Тѣмъ, для которыхъ имѣютъ важность только матеріальныя выгоды, можно указать на то, что полярное море содержитъ въ себѣ огромныя сокровища. Истребительная ловля, которою американскіе китоловы обогащаются въ нашемъ Беринговомъ проливѣ, возбуждаетъ духъ соревнованія, и промышленные Норвежцы съ давнихъ поръ стараются имъ подражать вблизи Колы и въ Карскомъ морѣ. Здѣсь-то именно и находятся сокровища. Вмѣсто того, чтобы думать о томъ, гдѣ бы достать для нхъ обереганія Аргуса, вооруженнаго огненною пастью, должно бы прежде всего *изучить* природу этихъ странъ и затѣмъ со свѣжими силами приняться самимъ за разумное пользованіе ею, прежде чѣмъ внутри нашихъ собственныхъ границъ иностранцы не отнимутъ у насъ первенства".

Оставляя въ сторонѣ тѣ части сѣвернаго побережья, которыя не пригодны или мало пригодны для намѣченной нами цѣли, мы остановимся только на Мурманскомъ берегѣ и на нашей границѣ съ Норвегіей. Руководствуясь тѣмъ, что ничто не ново подъ луной и новымъ лишь можетъ считаться то, что основательно забыто, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ замѣчательнаго,—къ сожалѣнію забытаго теперь,—доклада извѣстнаго практическаго дѣятеля и знатока нашихъ мор-

скихъ побережій Н. А. Шаврова, [1] такъ-какъ до сихъ поръ мы не знаемъ труда по данному вопросу, который бы въ сжатомъ видѣ такъ полно и убѣдительно излагалъ самую суть дѣла.

Этому докладу уже скоро минетъ *десять* лѣтъ, а какъ мало измѣнилось положеніе дѣлъ за это время!

„Намъ не нужно на сѣверѣ Россіи Гибралтара, то-есть такой крѣпости, которая доставляла бы владѣніе всемъ Поморьемъ: мы и безъ того можемъ имъ пользоваться. Намъ необходима только безопасная стоянка для военныхъ судовъ, удобство снабженія ихъ топливомъ и возможность исправленія въ случаѣ какихъ-нибудь аварій. Таковому требованію вполнѣ удовлетворяетъ удобный торговый портъ съ хорошимъ рейдомъ, обезпеченнымъ укрѣпленіями. Послѣднія неизбѣжны, впрочемъ, и въ томъ случаѣ, если совсѣмъ не думать о морской стоянкѣ (военныхъ) судовъ, а только объ одномъ торговомъ портѣ, который, при существующемъ открытомъ для непріятеля положеніи Поморья, не можетъ быть оставленъ безъ укрѣпленій.

Гдѣ же строить этотъ портъ?

Въ Сѣверномъ океанѣ, на Бѣломъ морѣ весьма много очень удобныхъ въ морскомъ отношеніи портовъ, но всѣ они имѣютъ одинъ недостатокъ, дѣлающій ихъ негодными для заданной цѣли,—они замерзаютъ на весьма продолжительное время, *исключая тѣхъ, которые находятся между Варангерскимъ заливомъ и островкомъ Кильдиномъ.* Здѣсь незамерзающее море даетъ возможность пользоваться портомъ круглый годъ, что составляетъ главное условіе для свободы дѣйствій военныхъ судовъ, которыя будутъ стоять въ этомъ портѣ, и для успѣшнаго развитія торговаго движенія, которое терпитъ большія неудобства и убытки, если отправка и полученіе грузовъ по временамъ пріостанавливаются“.

Свободный, никогда не замерзающій портъ у насъ въ Россіи! Да развѣ у насъ было когда-нибудь и гдѣ-нибудь нѣчто подобное въ Европейской Россіи? Не странно ли слышать, *что у насъ* есть такой благодатный уголокъ [2] на полномъ просторѣ океана, гдѣ никакая сила не можетъ помѣшать намъ всегда послать нашъ флотъ куда мы хотимъ и когда мы хотимъ и гдѣ коммер-

---

[1] *О развитіи сѣвера Россіи,* докладъ *Н. А. Шаврова,* 1884 г., Спб., типографія Суворина.

[2] Я не говорю про Либаву, Виндаву, Севастополь, Батумъ, такъ какъ они *не свободны* и могутъ быть всегда заперты непріятелемъ.

ческія суда могутъ плавать круглый годъ, и мы тѣмъ не менѣе не дѣлаемъ ничего, чтобы воспользоваться выгодами этого драгоцѣннаго мѣста? Да мало того, что ничего не дѣлаемъ, мы систематически разоряемъ этотъ край, систематически принижаемъ нашего Русскаго поселенца, даемъ Норвежцамъ возможность захватить и поработить его, несмотря на то, что край этотъ искони русскій и православный. Еще Марфа Борецкая считала его „отчиной дѣдиной“ Великаго Новгорода, еще во времена „большаго чертежа“ здѣсь были погосты и православныя церкви, считавшіе не одну сотню лѣтъ существованія... Но предоставимъ снова слово почтенному Н. А. Шаврову:

„Обыкновенно у насъ принято оплакивать потерю Варангерскаго залива, [1] вѣрнѣе всего потому, что вообще плакать легче, чѣмъ работать, а указывать на блестящее будущее несравненно удобнѣй, чѣмъ отыскивать средства и содѣйствовать улучшенію настоящаго. Еслибы Россія не встрѣтила препятствій къ пріобрѣтенію Варангерскаго залива, то, вѣроятно, произошло бы то же самое, что на нашихъ глазахъ случилось съ Батумомъ. Всѣ толковали о превосходствѣ этого порта, который безъ денежныхъ расходовъ и искусственныхъ сооруженій удовлетворяетъ всѣмъ торговымъ, морскимъ и военнымъ требованіямъ. Но когда Батумъ, по Берлинскому трактату, отошелъ къ Россіи, то оказалось, что для обращенія его въ хорошій портъ необходимо построить волнорѣзъ, устроить набережныя и даже вырыть внутренній бассейнъ. Стало-быть пріобрѣтеніе Батума не избавило Россію отъ необходимости искусственно улучшить его портъ, несмотря на многія его естественныя преимущества.

[1] Варангерскій заливъ потерянъ нами при слѣдующихъ обстоятельствахъ: еще задолго до присоединенія Финляндіи здѣсь были Русскіе поселенцы, которые и считали, весьма естественно, что и земля у нихъ русская. Послѣ присоединенія и подавно никому въ голову не приходило сомнѣваться въ этомъ; но вотъ въ концѣ царствованія Александра I Норвежцы стали обижать Поморовъ, рубили ихъ лѣсъ и пр. Поморы пожаловались, и дѣло, благодаря Нессельроде, получило совсѣмъ неожиданный оборотъ: назначенный русскимъ уполномоченнымъ, подполковникъ Галяминъ, вмѣсто того, чтобы наблюдать русскіе интересы, безпокоился о томъ, что „скажетъ Европа“ — и результатомъ этого (а кто и прямо обвиняетъ Галямина въ измѣнѣ) было назначеніе такой границы, по которой эта лучшая часть искони Русской земли на Сѣверѣ отошла къ Швеціи. Время тогда было смутное, правительству было не до Варангера, а когда хватились, было уже поздно, и Россія осталась безъ незамерзающаго залива... *(Примѣчаніе автора)*

То же было бы и съ Варангерскимъ заливомъ. Находясь въ океанѣ и подвергаясь приливамъ и отливамъ, портъ въ Варангерскомъ заливѣ долженъ имѣть бассейнъ съ постояннымъ уровнемъ (bassin à flôt), безъ которыхъ нагрузка и выгрузка судовъ была бы крайне затруднительна, и безъ которыхъ поэтому на всемъ свѣтѣ не существуетъ ни одного благоустроеннаго коммерческаго или военнаго порта, какъ можно убѣдиться въ Англіи, Франціи и пр. Поэтому потеря Варангерскаго залива лишаетъ насъ только обширнаго естественнаго рейда, годнаго для маневрированія цѣлыхъ эскадръ, которыхъ долго еще не будетъ на Сѣверномъ океанѣ, — но нисколько не увеличиваетъ расходовъ Россіи по сооруженію удобнаго для военныхъ судовъ укрѣпленнаго торговаго порта. Стало-быть оплакиваніе безсовѣстности Галямина и ожиданіе когда можно будетъ присоединить Варангерскій заливъ,—нисколько не должно останавливать нашей дѣятельности по устройству порта въ устьѣ р. Пазы, въ Печенгскомъ заливѣ, на Рыбацкомъ полуостровѣ или на островѣ Кильдинѣ. Напротивъ, устройство такого порта, устраняя преувеличенную важность Варангерскаго залива для Россіи, можетъ сдѣлать безцѣльнымъ противодѣйствіе Англіи и дастъ Норвегіи возможность уступить Россіи клочекъ морскаго побережья, вовсе ненужный для самой Норвегіи. Очевидно также, что если Россія охранитъ наше Поморье отъ возможности ассимиляціи прибрежнаго населенія съ Норвежцами, то современная политическая и экономическая дѣятельность послѣднихъ окажется безпочвенною для будущаго, а стало-быть базисъ, стратегическое основаніе ихъ дѣйствій, то-есть прилежащая русской границѣ территорія,—сдѣлается совсѣмъ ненужною Норвежцамъ.

„Мы высказали не случайно, что намъ нуженъ не Гибралтаръ, то-есть не одна точка, не одна батарея, не допускающая доступа въ извѣстное пространство. Намъ нужна оборона Поморья не только *на водѣ* отъ набѣговъ судопромышленниковъ, отнимающихъ у насъ лучшіе промыслы, но и *вдоль берега* отъ непрерывнаго наплыва чужаго населенія, остающагося въ тѣсной связи съ источникомъ своего происхожденія, а потому мало годнаго для служенія интересамъ Россіи. [1] Поэтому портъ надо намъ строить

[1] Вспомнимъ недавнюю исторію съ такъ-называемыми «привилегіями» нашими, которыя Норвежцы, оказывается, могутъ мѣнять по произволу и обращать скорѣй во вредъ намъ. Ничего подобнаго не было бы, еслибы мы имѣли на сѣверѣ военный портъ и нѣсколько военныхъ судовъ. *(Прим. автора).*

въ мѣстности наиболѣе удобной для русской колонизаціи, которая имѣетъ то же значеніе на сушѣ, какъ крейсеръ на морѣ. Подобная мѣстность находится именно тамъ, гдѣ вліяніе Гольфстрема умягчаетъ суровый сѣверный климатъ, то-есть въ окружностяхъ Варангерскаго залива и Рыбачьяго полуострова. Что бы не возражали противъ трудности колонизаціи въ этой мѣстности, колонизація въ другихъ частяхъ Поморья представляетъ еще болѣе затрудненія, особливо если она будетъ происходить административнымъ порядкомъ. Постройка порта и устройство учрежденій, необходимыхъ при стоянкѣ судовъ, вызоветъ приливъ новыхъ людей, и такая колонизація, хотя вызванная административнымъ распоряженіемъ, совершится естественно. Она составится изъ рабочихъ, мастеровыхъ, матросовъ, служилыхъ людей, необходимыхъ для службы на военныхъ судахъ и для постройки порта, ихъ семей и купцовъ, которые явятся здѣсь для снабженія новаго населенія всѣми потребностями жизни.

„Море и торговля—вотъ два основныхъ источника для существованія здѣсь населенія. На этомъ основаніи въ новомъ портѣ должно быть организовано значительное судостроеніе и мореходство, которое съ одной стороны будетъ почерпать средства существованія въ морскихъ промыслахъ и рыболовствѣ на Сѣверномъ океанѣ, а съ другой стороны—въ перевозкѣ товаровъ изъ-за границы въ портъ и въ отпускѣ нашихъ произведеній за границу. Послѣднее возможно будетъ лишь при томъ условіи, чтобы портъ не былъ изолированъ отъ страны отсутствіемъ путей сообщенія.“

Такова суть дѣла.

Кажется, послѣ всего сказаннаго, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что портъ на Сѣверѣ намъ *необходимъ* и во всякомъ случаѣ необходимѣй постройки дорого стоющихъ колоссовъ-броненосцевъ, обреченныхъ не имѣть выхода изъ теперешнихъ портовъ.

Посмотримъ теперь, есть ли у насъ *возможность* устроить такой портъ, какой намъ необходимъ.

IV.

Самое устройство, „оборудованіе“, порта при мѣстныхъ условіяхъ, не потребуетъ особыхъ гидротехническихъ сооруженій и вслѣдствіе доступности вообще всего этого побережья обой-

дется очень не дорого,—тотъ же г. Шавровъ, котораго авторитету можно вполнѣ довѣрять, исчисляетъ этотъ расходъ *вмѣстѣ съ устройствомъ необходимыхъ учрежденій для починки и содержанія судовъ* около 8.000.000.

Эта сумма, принимая во вниманіе хоть бы цѣну теперешнихъ броненосцевъ, обходящихся каждый около десятка милліоновъ, не должна, конечно, затруднять наше правительство.

Главный же расходъ не этотъ, а расходъ необходимый на устройство удобнаго и доступнаго пути отъ новаго порта къ центру Россіи.

Портъ, не соединенный желѣзною дорогой съ общею сѣтью россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, немыслимъ и никакого значенія имѣть не можетъ—объ этомъ и говорить нечего.

Какъ же провести на Сѣверъ нужную для цѣлей развитія его дорогу?

Многіе, въ томъ числѣ и г. Шавровъ, предлагаютъ вести ее въ видѣ самостоятельной линіи отъ С.-Петербурга на Петрозаводскъ и далѣе.

Но возьмемъ карту Россіи, и изъ Петербурга, какъ изъ центра, опишемъ окружность, которая бы заключила Рыбачій полуостровъ—мѣсто предполагаемаго порта.

Смѣривъ радіусъ, мы увидимъ, что отъ Петербурга *кратчайшее* разстояніе до этого порта будетъ равняться 1.200 верстамъ. Это по прямой линіи. Но вѣдь по этой части Россіи вести дорогу по прямой линіи *немыслимо*, такъ какъ здѣсь, какъ нигдѣ, этому мѣшаютъ мѣстныя условія: множество рѣкъ, озеръ, болотъ, горныхъ кряжей.

Такимъ образомъ надо разсчитывать на длину линіи minimum 1.500 верстъ, при томъ самаго неудобнаго во всѣхъ отношеніяхъ пути—помимо дикости мѣстности, придется считаться почти съ полнымъ отсутствіемъ населенія, не говоря про отсутствіе маломальски значительныхъ городовъ.

Сооруженіе такой линіи, принимая minimum же по сорока тысячъ за версту, обошлось бы шестьдесятъ милліоновъ — объ каковой суммѣ и думать нечего для даннаго дѣла.

Какъ же быть?

А надо не задаваться на первый разъ широчайшими задачами, а ограничиться тѣмъ, что̀ можетъ дать намъ современное положеніе дѣлъ; это же послѣднее, не давая возможности провести линію отъ Петербурга, вполнѣ позволяетъ для нашей цѣли

воспользоваться *существующею линіей финляндскихъ дорогъ.* Эти послѣднія, проходя по всему побережью Финскаго и Ботническаго заливовъ, доведены теперь до крайней точки Ботническаго залива, до города Улеаборга.

Отъ Улеаборга же *по прямой линіи* будетъ всего 350—400 верстъ до намѣченнаго нами пункта, и если считать, что дорога будетъ равняться даже 500 верстамъ, то и тогда расходъ сократиться *втрое.* Такая дорога не можетъ стоить дороже 20 милліоновъ, или весь расходъ на портъ и дорогу будетъ равенъ 28—30 милліонамъ maximum.

Это тоже очень почтенная цифра, не спорю, но затрачивая таковую разумно, постепенно, не въ одинъ годъ, можно покрыть ее почти всю *изъ доходовъ,* неминуемо поступающихъ отъ одной продажи лѣса вокругъ проводимой дороги.

Дорога захватитъ по крайней мѣрѣ 250.000 десятинъ лѣса, не стоющаго теперь ничего, который тогда будетъ стоить по крайней мѣрѣ по 75 рублей за десятину, то-есть почти 19 милліоновъ.

Цифры эти нельзя считать фантастичными, такъ какъ лѣсъ, будучи соединенъ съ безчисленными финляндскими лѣсопильнями, найдетъ всегда хорошій сбытъ, ибо лѣсное дѣло и отпускъ лѣса за границу прочно установились въ Финляндіи, и тамошніе производители жалуются скорѣй на недостатокъ предложенія, чѣмъ на недостатокъ спроса лѣса.

Вовторыхъ, надо считать, что сейчасъ же по утвержденіи проэкта линіи и порта явится усиленный спросъ на землю вокругъ предполагаемыхъ станцій, а въ особенности на мѣстѣ, гдѣ долженъ быть портъ.

Кто знаетъ какая „земельная горячка“ возгорѣлась, лишь только стало извѣстно, что въ Ѳеодосіи будетъ устроенъ портъ, тотъ легко пойметъ, что цѣнность земли около Ѳеодосіи поднялась не вслѣдствіе особыхъ качествъ почвы, а исключительно вслѣдствіе ожиданія близкаго открытія порта. То же самое было и въ Новороссійскѣ, Батумѣ, Либавѣ и пр.

На Сѣверѣ 95% земельной собственности принадлежитъ государству, казнѣ, — слѣдовательно, и барыши, которые пойдутъ на возмѣщеніе расходовъ, получитъ тоже казна.

Въ третьихъ, при теперешнемъ положеніи дѣла, Норвежцы безданно-безпошлинно не только торгуютъ и промышляютъ въ нашихъ земляхъ, но даже хищнически разоряютъ богатства

нашего Сѣвера и порабощають нашихъ поморовъ; наши „станціонеры“, конечно, не въ силахъ что-либо подѣлать съ этимъ ежегоднымъ все болѣе и болѣе растущимъ зломъ.

Съ устройствомъ порта, хищническая эксплоатація нашихъ любезныхъ сосѣдей должна будетъ неминуемо прекратиться, да и „промышленниковъ“-то норвежскихъ можно будетъ обложить извѣстнымъ сборомъ въ пользу казны, который и долженъ всецѣло идти на покрытіе расходовъ по устройству порта.

Наконецъ надо же во что-нибудь считать оживленіе всего нашего Сѣвера, развитіе тамъ правильной торговли, промышленности и пр., не говоря уже про крайнюю необходимость самаго порта для государства.

На промыслы и внѣшнюю торговлю Сѣвера напрасно смотрятъ, какъ на нѣчто незначительное: не надо забывать, что та сумма, которая выражаетъ собой теперь годовой нашъ вывозъ съ Сѣвера, *вся цѣликомъ составляется изъ цѣны мѣстныхъ продуктовъ*, тогда какъ наши Балтійскіе порта хотя и поражаютъ на первый взглядъ читателя суммой своего вывоза, но эта сумма есть продуктъ производительности центра Россіи и ея неморскихъ окраинъ, прилежащія же морю окраины добываютъ и экспортируютъ очень мало, если не ничего.

Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи сѣверный портъ, открытый круглый годъ для плаванія, нисколько не долженъ стоять ниже Балтійскихъ, а, напротивъ, можетъ стоять выше по отпуску.

Не забудемъ еще того обстоятельства, что весь нашъ Сѣверъ *искони* и почти *исключительно* населенъ коореннымъ русскимъ племенемъ и давая этому послѣднему возможность вступить на путь правильнаго экономическаго и политическаго развитія, мы дѣлаемъ незмѣримо больше для Русскаго государства, чѣмъ давая возможность на нашъ русскій счетъ развиваться всякимъ инородцамъ, живущимъ по берегамъ всѣхъ остальныхъ нашихъ морей.

Сѣверный поморъ представляетъ собой единственный типъ *истинно-русскаго моряка*, свыкшагося съ своимъ страшнымъ моремъ съ самой колыбели; этотъ поморъ представляетъ для Россіи единственный матеріалъ, изъ котораго можетъ быть выработано поколѣніе моряковъ, ничѣмъ не уступающее хваленому англійскому моряку, ибо условія для развитія того и другаго будутъ одни и тѣже.

Кромѣ же поморовъ, да нашихъ промысловыхъ рыбаковъ по

Волгѣ и Каспію, у насъ нѣтъ элемента, изъ котораго бы можно было создать русскаго моряка, и намъ надо дорожить нашими поморами, если мы хотимъ когда-нибудь стать морской державой, а не оставлять ихъ на порабощеніе иностранцевъ.

Не въ средѣ Чухонъ или Финновъ и не въ средѣ Грековъ черноморскаго побережья лежитъ ядро русскаго морскаго могущества, а въ средѣ русскихъ поморовъ, удивляющихъ и теперь иностранцевъ своими „морскими качествами"...

Неужели же у насъ, тратящихъ десятки милліоновъ на разныя поповки, „Ливадіи" и прочія морскія диковины, не найдется денегъ на то, безъ чего не можетъ развиваться нашъ родной флотъ; неужели же мы, тратящіе сотни милліоновъ на содержаніе адмиралтейскихъ чиновниковъ, носящихъ подчасъ и военные чины, не соберемся затратить хоть что-нибудь на нашъ Сѣверъ,—колыбель нашего мореходства?

Нѣтъ этому не хочется вѣрить; не хочется вѣрить, что мы сами, своими руками, отдадимъ иностранцамъ единственное мѣсто, гдѣ можетъ развиться нашъ флотъ, а сами будемъ сидѣть на берегахъ Маркизовой лужи въ ожиданіи, когда намъ придется снова потопить наши суда, какъ мы сдѣлали это въ Крымскую компанію..

Черноморецъ.

КРИТИКА.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

Критическій этюдъ.

И увидѣлъ я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нѣтъ.

И я, Іоаннъ, увидѣлъ святый городъ Іерусалимъ новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный, какъ невѣста, украшенная для мужа своего.

И услышалъ я громкій голосъ съ неба говорящій: се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ.

И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ; ибо прежнее прошло.

Апок. XXI, 1—4.

Есть Божество, ведущее насъ къ цѣли,
Какой бы путь ни избирали мы...

Гамлетъ. Актъ V.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

VI.

Для характеристики міросозерцанія г. Короленко очень важны его разсказы: *Въ подслѣдственномъ отдѣленіи*, *Очерки сибирскаго туриста* и особенно небольшой разсказъ *Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ*. На нихъ мы и остановимся.

Мы не будемъ говорить о прекрасныхъ очеркахъ сибирской тюремной жизни, которые авторъ даетъ въ своемъ разсказѣ,

озаглавленномъ *Въ подслѣдственномъ отдѣленіи*; пройдемъ мимо любопытныхъ картинъ, которыя можно найти въ *Очеркахъ сибирскаго туриста*. Все, что было сказано въ первой статьѣ, гдѣ мы сдѣлали общую характеристику дарованія г. Короленко, все, что было нами сказано въ разборѣ его разсказовъ *Въ дурномъ обществѣ* и *Сна Макара*, совершенно примѣнимо и къ этимъ двумъ его произведеніямъ. И здѣсь мы находимъ тотъ же человѣчный юморъ, ту же грустную поэзію, то же стыдливое отношеніе къ человѣческимъ страданіямъ. Займемся же тѣмъ явленіемъ, которое именно въ этихъ разсказахъ болѣе всего занимаетъ и вниманіе самого автора ихъ.

Въ обоихъ этихъ разсказахъ, *Въ подслѣдственномъ отдѣленіи* и въ *Очеркахъ сибирскаго туриста*, выступаютъ три лица, обрисованныя авторомъ въ его обыкновенной эскизной манерѣ, но съ удивительнымъ мастерствомъ—три лица совершенно разнородныя, но связанныя общею идеей. Всѣ эти три лица, „мѣщанинъ изъ Камышина“, сектантъ Яковъ и сибирскій ямщикъ, по прозванію „Убивецъ“, являются представителями народныхъ „правдоискателей“, хотя и идутъ по разнымъ дорогамъ. И Яковъ думаетъ, что онъ терпитъ за правду, и „мѣщанинъ изъ Камышина“ думаетъ, что онъ терпитъ за правду и, наконецъ, „Убивецъ“ становится убійцей, благодаря „правдоискательству“.

Такова общая связь между этими тремя лицами.

Вотъ что разсказываетъ „Убивецъ“ о своемъ правдоискательствѣ, съ чего оно началось и чѣмъ кончилось:

„... Видишь ты... Было это давно..“ разсказываетъ „Убивецъ“.— Оно хоть и не очень давно, ну, да воды-то утекло много. Жизнь моя совсѣмъ по иному пошла, такъ вотъ поэтому и кажется все, что давно это было. Крѣпко меня люди обидѣли,—начальники. А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ: жена молодая, да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было,—остался одинъ-одинёшенекъ на свѣтѣ. Ни у меня родныхъ, ни у меня друга. Попъ—и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ. И сталъ я тогда задумываться. Думалъ, думалъ и наконецъ того пошатился въ вѣрѣ. Въ старой-то пошатился, а новой еще не обрѣлъ. Конечно, дѣло мое темное. Грамотѣ обученъ плохо; разуму своему тоже не вовсе довѣряю... И взяла меня отъ этихъ мыслей тоска, то-есть такая тоска страшенная, что, кажется, радъ бы на бѣломъ свѣтѣ не жить... Бросилъ я избу свою, какое было еще хозяйствишко,—

все кинулъ... Взялъ про запасъ полушубокъ, да порты, да сапоги-пару, вырѣзалъ въ тайгѣ посошокъ й пошелъ...

„— Куда?

„— Да такъ, никуда. Въ одномъ мѣстѣ поживу, за хлѣбъ поработаю—поле вспашу хозяину, а въ другое—къ жатвѣ поспѣваю. Гдѣ день проживу, гдѣ недѣлю, а гдѣ и мѣсяцъ; и все смотрю, какъ люди живутъ, какъ Богу молятся, какъ вѣруютъ... Правильныхъ людей искалъ".

Это состояніе души „пошáтившагося" въ вѣрѣ сибирскаго ямщика слишкомъ хорошо знакомо современному русскому человѣку изъ образованнаго общества. Только „Убивецъ" „пошáтился" въ вѣрѣ, которую всосалъ съ молокомъ матери, въ вѣрѣ, которая многими вѣками воздѣйствовала на народъ нашъ, а современный человѣкъ „пошáтился" въ вѣрѣ привитой ему вѣяніями времени, въ вѣрѣ въ прогрессъ, въ человѣчество, въ тѣ идеи, которыя еще такъ недавно въ Европѣ были провозглашены какъ послѣднее откровеніе человѣческаго разума и которыя теперь представляются многимъ какимъ-то зловѣщимъ призракомъ, пугающимъ воображеніе, но не удовлетворяющимъ духовной жажды. Результатъ, однако, получился одинъ и тотъ же. Оба они, и „Убивецъ" и современный человѣкъ, „пошàтившіеся" въ своей вѣрѣ— оба они въ старой вѣрѣ „пошàтились", новой не обрѣли, оба они ищутъ „правильныхъ людей". „Убивецъ", конечно, гораздо реальнѣе современнаго человѣка. Причины его душевнаго состоянія просты и ясны. „Крѣпко меня люди обидѣли и начальники", говоритъ онъ. Обидѣли просто, реально: притѣснили, такъ или иначе—и отсюдова горечь скопившаяся въ сердцѣ противъ обидчиковъ привела къ отрицанію самой вѣры въ жизнь и въ правильность устроенія всего міра. „Жена, сынъ померли",—и вотъ тоска одиночества еще болѣе „пошàтила" вѣру. Наконецъ, „попъ и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ"—не къ этому же попу идти искать утѣшенія и разрѣшенія своихъ сомнѣній. Надо найти „правильныхъ людей".

Таково душевное состояніе этого простонароднаго „правдоискателя". Самое „правдоискательство" его вызвано личными причинами. Его вѣра „пошатилась", но не вѣра въ Бога, а вѣра въ людей, вѣра въ жизнь. Должно-быть онъ неправильно вѣровалъ, если въ вѣрѣ своей онъ не находитъ успокоенія—таково его разсужденіе. Но онъ „разуму своему вовсе не довѣря-

етъ". Онъ ищетъ „правильнаго человѣка", которому онъ, темный и неграмотный, могъ бы *повѣрить;* въ „правильномъ человѣкѣ" онъ видитъ какъ бы пророка, какъ бы посланника Божія, который не отъ себя, не своимъ разумомъ, а „отъ писанія" объяснитъ ему смыслъ міра и жизни.

Современный образованный „правдоискатель" хотя тоже ищетъ „правильнаго человѣка", но тѣмъ не менѣе твердо вѣритъ въ *свой* разумъ, мало того—вѣритъ, но и поклоняется этому своему разуму. „Правильнаго человѣка" и его ученіе онъ оцѣниваетъ именно имъ, этимъ своимъ разумомъ, и ничѣмъ больше.

Не таковъ „правдоискатель" простонародный,—и въ этомъ, какъ во всемъ, онъ выше „правдоискателя" образованнаго. Онъ оцѣниваетъ „правильнаго человѣка" не разумомъ, а чувствомъ, подчиняется ему, этому „правильному человѣку" не ради кажущейся ему разумности его разсужденій, а ради его *святости*, ради неотразимаго впечатлѣнія, производимаго нравственнымъ образомъ этого „правильнаго человѣка". „Правильный человѣкъ" въ его понятіи есть *святой* человѣкъ.

Такъ случилось и съ „Убивцемъ". Когда онъ пошелъ куда глаза глядятъ, вздумалось ему на себя „крестъ наложить". Ради этого „креста" онъ попалъ въ острогъ, объявивъ себя бродягой. Въ острогѣ-то ему и попался „правильный человѣкъ", старикъ сектантъ—Безрукій.

„Прошелъ какъ-то по тюрьмѣ говоръ: Безрукаго, молъ, покаянника опять въ острогъ приведутъ. Слышу я разговоры эти: кто говоритъ—„правда", другіе спорятся, а мнѣ, признаться, въ ту пору и не къ чему было: ведутъ, такъ ведутъ. Мало ли каждый день приводятъ? Пришли это изъ городу арестантики, говорятъ: „Вѣрно. Подъ строгимъ конвоемъ Безрукаго водятъ. Къ вечеру безпремѣнно въ острогъ". „*Шпанка*"[1] на дворъ повалила,—любопытно. Вышелъ и я погулять тоже: не то чтобы любопытно было, а такъ, больше съ тоски, все, бывало, по двору суешься. Только я сталъ ходить, да и задумался было опять, и о Безрукомъ забылъ совсѣмъ. Вдругъ отворяютъ ворота, смотрю — ведутъ старика. Стариченко-то маленькій, худенькій, борода сѣдая болтается, длинная; идетъ, самъ пошатывается, — ноги не держатъ. Да и рука одна безъ дѣйствія виситъ. А ме-

[1] *Шпанкой* на арестантскомъ жаргонѣ зовутъ сѣрую арестантскую массу.

жду прочимъ, пятеро конвоя съ нимъ и еще штыки къ нему приставили. Какъ увидѣлъ я это, такъ меня даже шатнуло. „Господи, думаю, чего только дѣлаютъ! Неужли-жь человѣка этакъ водить подобаетъ, будто тигру какую? И диви бы еще богатырь какой, а то вѣдь старичокъ ничтожный, недѣля до смерти ему!..“

„Взяла меня страшная жалость. И что больше смотрю, то больше сердце у меня разгорается. Провели старика въ контору; кузнеца позвали—ковать въ ручныя и ножныя кандалы, накрѣпко. Взялъ старикъ желѣзы, покрестилъ старымъ крестомъ, самъ на ноги надѣлъ. „Дѣлай“, говоритъ кузнецу. Потомъ „наручни“ покрестилъ, самъ руки продѣлъ. „Сподоби, говоритъ, Господи, покаянія ради“.

„Ямщикъ замолчалъ и опустилъ голову, какъ будто переживая въ воспоминаніи разсказанную сцену. Потомъ, тряхнувъ головой, заговорилъ опять:

„— Прельстилъ онъ меня тогда, истинно тебѣ говорю: за сердце взялъ. Удивительное дѣло! Послѣ-то я его хорошо узналъ: чистый дьяволъ, прости Господи, сомутитель и врагъ. А какъ могъ изъ себя святаго представить! Вѣдь и теперь, какъ вспомню его молитву, все не вѣрится: другой человѣкъ тогда былъ, да и только.

„Да вѣдь и не я одинъ. Повѣришь ли, „шпанка“ тюремная — и та притихла. Смотрятъ всѣ, молчатъ. Которые раньше насмѣхались, и тѣ примолкли, а другой даже и крестное знаменіе творитъ. Вотъ, братъ, какое дѣло!

Ну, а ужъ меня онъ прямо руками взялъ. Потому, какъ былъ я въ то время въ задумчивости, въ родѣ оглашеннаго, и взошло мнѣ въ голову, что есть этотъ старикъ истинный праведникъ, какіе встарину бывали.“

Безрукій совершенно овладѣлъ нашимъ простонароднымъ „правдоискателемъ“. Онъ сразу проникъ въ его душу, тоскующую и мятущуюся, понялъ въ чемъ дѣло, понялъ, что это душа жаждущая покаянія. „Обѣщаешь ли меня слушать—укажу тебѣ путь къ покаянію“, говорилъ онъ.

Мы не будемъ разсказывать, какъ Безрукаго вмѣстѣ съ „Убивцемъ“ выпустили изъ острога. Оказалось, что Безрукій держитъ разбойничій притонъ: онъ грабитъ на дорогахъ проѣзжающихъ. Онъ весь обагренъ кровью. На его душѣ много убійствъ. „Убив-

ца" онъ тоже хочетъ повернуть въ разбойники: для того и привязалъ его къ себѣ, для того и покорилъ.

Уже созданіе лица Безрукаго свидѣтельствуетъ о дарованіи автора. Это тоже эскизъ, но эскизъ удивительный. Это типичный русскій простонародный пустосвятъ—мрачный и трагическій. Онъ вѣруетъ, какъ вѣруютъ бѣсы—вѣруетъ и трепещетъ, и не даромъ „Убивецъ" говоритъ про него „чистый дьяволъ, сомутитель и врагъ". Еще въ острогѣ онъ проповѣдывалъ „Убивцу" мрачную и зловѣщую теорію покаянія. Когда простонародный „правдоискатель" сказалъ своему учителю, что горько его душѣ, что и въ острогъ онъ ушелъ потому, что на міру грѣха много—Безрукій ему отвѣтилъ: „Горько! А о чемъ—и самъ не знаешь. Не есть это покааніе настоящее. Настоящее покаяніе сладко. Слушай, что я тебѣ скажу, да помни: безъ грѣха одинъ Богъ, а человѣкъ по естеству грѣшенъ и спасается покаяніемъ. *А покаяніе по грѣхѣ, а грѣхъ на міру. Не согрѣшишь—не покаешься, а не покаешься—не спасешься.* Понялъ?"

„Убивцу" показались эти слова хорошими, но онъ плохо ихъ понялъ. Лишь впослѣдствіи, когда Безрукій подалъ ему топоръ, приказывая убить человѣка, и сказалъ: „Согрѣши, а послѣ спокаешься",—лишь тогда ему ясенъ сталъ ихъ зловѣщій смыслъ, ясна стала та ложь, которую Безрукій такъ искусно цереплелъ съ правдой.

Но для Безрукова это не была ложь: онъ твердо вѣровалъ въ свое зловѣщее измышленіе, и, обагряя руки въ крови, и грабя и обманывая, и насильничая, увѣрялъ себя, что все это нужно для того, чтобы покаявшись спастись. Весь ужасъ Безрукаго въ томъ, что онъ не лицемѣръ, не Тартюфъ, который не вѣритъ въ то, что говоритъ. Напротивъ, онъ *искрененъ*, а потому и ужасенъ. Онъ поступилъ съ „Убивцемъ" какъ тонкій психологъ. Онъ продержалъ его у себя на постояломъ дворѣ довольно долго, не пуская въ дѣло. Рѣшившись же пустить его въ дѣло, онъ не предупредилъ его ни о чемъ. „Убивецъ" жилъ у него въ ямщикахъ. Разъ ночью онъ велѣлъ ему собираться. Надо было везти молодую барыню съ двумя дѣтьми. Безрукій зналъ, что у барыни съ собой много денегъ, и онъ рѣшилъ убить ее и ограбить—убить и дѣтей. Это долженъ сдѣлать ямщикъ—„Убивецъ". „Убивецъ" повезъ барыню, ничего не подозрѣвая. Но бѣдную женщину тревожитъ смутное предчувствіе. Она боится за себя, за дѣтей. Страницы, на которыхъ описывается эта поѣздка, разго-

воры барыни съ ямщикомъ, ея неопредѣленный страхъ, тягостное предчувствіе, весь вырисовывающійся на этомъ фонѣ образъ „Убивца“, мрачнаго, томимаго своею тоской, но почти женственно нѣжнаго, дѣтски простодушнаго — эти страницы истинно прекрасныя: онѣ свидѣтельствуютъ о глубокой любви автора къ родинѣ своей, къ народу своему, о глубокомъ его пониманіи этого народа, таящаго подъ суровой внѣшностью столько любви и нѣжности, столько простоты, простодушія и простодушной честности...

Но вотъ какъ разыгралась эта трагедія, окончившаяся убійствомъ:

„Ну, толко, братецъ, въѣхали въ тайгу—меня точно по сердцу-то холодомъ обмахнуло“,—говоритъ „Убивецъ“.—Гляжу: впереди по тропочкѣ ровно бы кто на вершной бѣжитъ. Явственно-то не видно, а такъ кажетъ будто сѣрый конекъ Безрукаго, и топотокъ слышно. Упало у меня сердцѣ: что, молъ, это такое будетъ? Зачѣмъ старикъ сюда выѣхалъ? Да еще клятву мнѣ напомнилъ ранѣе... Не къ добру... Задумался я... Страхъ передъ старикомъ разбираетъ. Прежде любилъ я его, а съ этого вечера страсть бояться сталъ; какъ вспомню, какіе глаза у него были, такъ дрожь и пройдетъ, и пройдетъ по тѣлу.

„Примолкъ я; думать ничего не думаю и не слышу ничего. Барыня моя слово, другое скажетъ, я все молчу. Стихла и она, бѣдная,.. Сидитъ...

„Мѣсто пошло узкое, темное мѣсто. Тайга самая злющая, чернь. А на душѣ у меня тоже черно, просто сказать: чернѣе ночи. Сижу самъ не свой. Кони дорогу знаютъ, бѣгутъ къ Камню этому,—я и не правлю. Подъѣзжаемъ,—такъ и есть!.. Стоитъ на дорогѣ сѣрый конекъ, старикъ на немъ сидитъ, глаза у него,—вѣришь ли Богу,—какъ угли... Я и возжи-то выпустилъ изъ рукъ. Кони вплоть подъѣхали къ сѣрому, стали сами собой. „Ѳедоръ! старикъ говоритъ, — сойди-ко на земь!“ Сошелъ я съ козелъ, послушался его; онъ тоже съ сѣдла слѣзаетъ. Конька-то своего сѣраго поперёкъ дороги передъ тройкой поставилъ. Стоятъ мои кони, ни одинъ не шелохнется. Я тоже стою, какъ околдованный. Подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ что-то, за руку взялъ, ведетъ къ кошовкѣ. Гляжу: въ рукѣ у меня—топоръ!..

„Иду за нимъ... и словъ у меня супротивъ его, душегуба, нѣту, и силъ моихъ нѣту противиться. „Согрѣши, говоритъ, а послѣ

спокаешься“... Больше не помню. Подошли мы вплоть къ кошевушкѣ. Онъ сталъ обокъ. „Начинай, говоритъ. Сначала бабу-то по лбу“! Глянулъ я тутъ въ кошовку... Господи Боже! Барыня-то моя сидитъ, какъ голубка ушибленная, ребятокъ руками кроетъ, сама на меня большими глазами смотритъ. Сердце у меня повернулось... Ребятки тоже проснулись, глядятъ, точно пташки. Понимаютъ ли, нѣтъ ли...

„И точно я съ этого взгляду ото сна какого прокинулся. Отвелъ глаза, подымаю топоръ... А у самого сердце-то закипаетъ... Посмотрѣлъ на Безрукаго, дрогнулъ онъ... А у меня въ сердцѣ одна злоба. И знаю, что сейчасъ страшное дѣло сдѣлаю, а жалости нѣту нисколько. Посмотрѣлъ въ другой разъ на старика: глаза у него зеленые, такъ и забѣгали... Испужался, мечется передо мной, какъ змѣя. Поднялась у меня рука, размахнулся... состонать не успѣлъ старикъ, повалился мнѣ въ ноги... а я его, братецъ, мертваго... ногами... Самъ звѣремъ сталъ, прости меня, Господи Боже“...

Такъ кончилось дѣло. Безрукій несовсѣмъ проникъ въ душу нашего „правдоискателя“, которую, какъ думалъ онъ, вполнѣ покорилъ себѣ. Въ этой омраченной душѣ жило иное чувство—чувство, котораго невозможно было заглушить никакими софизмами. И это чувство побѣдило, оно восторжествовало. Нарывъ прорвался, и въ омраченную душу проникъ лучъ свѣта.

Человѣческому правосудію нечего было дѣлать съ этимъ случаемъ; „Убивецъ“ былъ совершенно правъ и чистъ; но самъ онъ смотрѣлъ иначе.

„На утро доставилъ я барыню въ управу, въ село“, разсказывалъ онъ.—„Самъ повинился. „Берите меня, я человѣка убилъ!“ Барыня разсказываетъ все какъ было. „Онъ меня спасъ“, говоритъ. Связали меня. Ужь плакала она, бѣдная. „За что же, говоритъ, вы его вяжете? Онъ доброе дѣло сдѣлалъ, моихъ ребятъ отъ злодѣевъ защитилъ“. Да и бѣдовая же! Видитъ, что никто на ея слова вниманія не беретъ, кинулась ко мнѣ, давай развязывать сама. Тутъ ужь я ее остановилъ.—Брось, говорю, не твое дѣло. Теперь ужь дѣло-то людское, да Божье. Виноватъ ли я, правъ ли—разсудитъ Богъ, да добрые люди...—„Да какая же, говоритъ, можетъ быть вина твоя?“ —Гордость моя, отвѣчаю.

Черезъ гордость я и къ злодѣямъ этимъ попалъ, самовольно. Отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ. Анъ вотъ онъ, свой-то совѣтъ, и довелъ до душегубства"...

„Убивца" отпустили безъ суда — дѣло было ясное. Но интересна эта противоположность между отношеніемъ къ совершенному барыни, которую спасъ „Убивецъ" и самаго этого простонароднаго правдоискателя. Барыня даже не можетъ понять *какая на немъ вина* — самъ „Убивецъ" прекрасно это понимаетъ: *гордость моя*, говоритъ онъ. *Свой совѣтъ*, какъ онъ выражается, „самочинное умствованіе", какъ скажемъ мы—довели его до душегубства. Кровь пролита и причиной пролитія ея была не только любовь, но и *злоба:* можно было обойтись безъ убійства, какъ ему замѣчаетъ это и засѣдатель, сказавши: „Вѣдь супротивъ тебя старикъ все одно какъ ребенокъ. Онъ тебя смущалъ, а ты бы ему благороднымъ maнеромъ ручки назадъ, да къ начальству. А ты, не говоря худого слова—бацъ! и свалилъ."

Это понимаетъ и самъ „Убивецъ". Онъ не только убилъ, но и злобствовалъ надъ трупомъ. „Гордость моя", говоритъ онъ,— „отъ міра отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ."

Откудова же такая рознь между простонароднымъ „правдоискателемъ" и барыней, представительницей уже „интеллигентныхъ" взглядовъ?

Въ дорогѣ барыня, чтобы разогнать свой страхъ, разговорилась съ ямщикомъ, и вотъ какой произошелъ у нихъ разговоръ:

„Повеселѣлъ и я съ нею", разсказываетъ „Убивецъ"—„Сѣлъ на козлы. „Давай, говоритъ моя барыня, станемъ разговаривать". Спрашиваетъ про меня, и про себя сказываетъ, ѣдетъ къ мужу. Сосланный мужъ у нее, изъ богатыхъ. „А ты, говоритъ, у этихъ хозяевъ давно ли живешь въ услуженіи ли, какъ ли?"—Въ услуженіи, говорю, недавно нанялся.—„Что, молъ, за люди?"—Люди, говорю, ничего... А, впрочемъ, кто ихъ знаетъ. Строгіе... водки не пьютъ, табаку не курятъ.—„Это, говоритъ, пустяки одни, не въ этомъ дѣло".— А какъ же, говорю, жить-то надо? Вижу я: она хоть баба, да съ толкомъ; не скажетъ ли мнѣ чего путнаго? „Ты, спрашиваетъ, грамотный ли?"—Маленечко, молъ, учился.—„Какая, говоритъ, большая заповѣдь въ Евангеліи?"—Большая, молъ, заповѣдь—любовь!—„Ну, вѣрно. А еще сказано: больше той любви

не бываетъ, если кто душу готовъ отдать за други своя! Вотъ тутъ и весь законъ. Да еще умъ, говоритъ, нуженъ,—значитъ, разсудить: гдѣ польза, а гдѣ пользы нѣту. А персты эти, да табакъ тамъ—это одна наружность"...—Ну, правда твоя, отвѣчаю. А все же и строгости маленько не мѣшаетъ, чтобы человѣкъ во всякое время помнилъ."

Дѣло, такимъ образомъ, объясняется: противоположность отношенія барыни и ямщика къ факту убійства становится понятною. Для барыни Евангеліе есть „хорошая книга", на которую она ссылается, какъ сослалась бы на Платона или Сократа, на Бокля или Милля; для „Убивца"—Евангеліе есть слово Божіе, откровеніе непреложной и неизмѣнной истины. Вотъ почему барыня не понимаетъ, что *любовь*, не воспитанная *страхомъ Божіимъ,* развивающаяся *внѣ вѣры*, можетъ привести даже и къ злодѣянію, къ самовольному суду надъ жизнью человѣческой, а простонародный „правдоискатель" это понимаетъ: „а все же и строгости маленько не мѣшаетъ", замѣчаетъ онъ, „чтобы человѣкъ во всякое время помнилъ". Что же помнилъ? Все то, что такъ же какъ и о любви, сказано ему на всѣ вѣка: что не ему судить, гдѣ „польза", а гдѣ нѣтъ ее, что не ему перестраивать жизнь по-своему, что не ему, падшему и ничтожному, судить своихъ ближнихъ и произносить приговоры надъ ними.

Не понимая всего этого, барыня видитъ только фактъ, но не понимаетъ смысла факта, не понимаетъ сцѣпленія всѣхъ звеньевъ, всего душевнаго процесса, который привелъ „Убивца" къ пролитію крови. А мужикъ это понимаетъ. Онъ говоритъ: „гордость моя"; пролитая кровь заставила его обратить очи въ „глубь души", и онъ увидалъ эту свою душу „въ такихъ смертельныхъ, въ такихъ кровавыхъ язвахъ",—онъ понимаетъ, что къ убійству его привело то, что онъ, по гордости своей, видѣлъ только зло міра и жизни, которое его угнетало, но не видѣлъ того же зла заключеннаго въ душѣ его, не видѣлъ до тѣхъ поръ, пока это зло не сказалось въ пролитіи крови человѣческой... И, увидѣвъ это, онъ смирился, онъ пріобрѣлъ настроеніе кающагося мытаря, онъ уже знаетъ „какая можетъ быть вина его", — гордость, которая его—честнаго, простодушнаго, правдиваго, любящаго довела до „душегубства", какъ онъ выражается...

Трудно болѣе ярко, чѣмъ то сдѣлалъ г. Короленко въ своемъ разсказѣ, — очевидно, вовсе и не имѣя въ виду это сдѣлать,—

трудно болѣе ярко указать на великую и всеобъемлющую правду настроенія народнаго и на совершенную ложность даже и въ основаніи своемъ имѣющихъ добрыя чувства настроеній „интеллигенціи". Настроеніе народное—настроеніе христіанское, суровое и строгое; настроеніе интеллигентное—настроеніе сентиментальное, въ которомъ есть чувствительность, готовая перейти въ жестокость, но нѣтъ *любви*—настроеніе временъ упадка...

Но только при настроеніи христіанскомъ возможно покаяніе истинное, ведущее къ искупленію и возрожденію. И „Убивецъ", въ которомъ барыня не видѣла никакой вины, но который самъ осудилъ себя строже, чѣмъ осудилъ бы его судъ человѣческій—именно каялся этимъ истиннымъ покаяніемъ. Въ прекрасномъ очеркѣ показываетъ нашъ авторъ его образъ, печальный и задумчивый, томимый вѣчнымъ воспоминаніемъ о пролитой крови. Эту кровь онъ искупилъ не только тяжкимъ покаяніемъ, муками души своей, но и самой жизнью: его убили ночные грабители, которымъ онъ мѣшалъ грабить проѣзжающихъ.

VII.

Перейдемъ къ другому „правдоискателю"—къ сектанту Якову. Онъ изображенъ въ разсказѣ, озаглавленномъ *Въ подслѣдственномъ отдѣленіи*.

Яковъ выражаетъ свою миссію и свои убѣжденія въ слѣдующихъ словахъ: „Стою за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей".

Что онъ подразумѣваетъ подъ этою формулою видно изъ тѣхъ объясненій, которыя онъ даетъ автору разсказа. Міровоззрѣніе его необыкновенно мрачное. По его мнѣнію, въ мірѣ уже было три „смѣненія".

„— Видишь вотъ, отвѣтилъ онъ на мой вопросъ объ этихъ „смѣненіяхъ", разсказываетъ авторъ:—„Читалъ я въ „Сборникѣ", да видно запамятовалъ. Первое: Римъ отпалъ. Разъ... Второе Византія будто... Два. Ну, третье—московское. Ноне идетъ четвертое,—горше первыхъ. Съ шестьдесятъ перваго году началось.

„— Какое же?

„— Какое же? Ты теперича какъ пишешься? неожиданно спросилъ у меня Яковъ.

„Я не зналъ, какъ я пишусь, но Яковъ отвѣтилъ за меня самъ.

„— Ты теперь пишешься: бывшій государственный преступникъ. Ты понимай: бывшій! Значитъ, былъ, да нѣту. Вотъ какое смѣненіе!.. Земское смѣненіе пошло, гражданскія власти пошли. Государственныхъ отмѣнили.

„Съ шестьдесятъ перваго года (по мнѣнію Якова) міръ рѣзко раскололся на два начала. Одно — государственное, другое — гражданское, земское. Первое Яшка признавалъ, второе отрицалъ всецѣло, безъ всякихъ уступокъ. Надъ первымъ онъ водрузилъ осмиконечный крестъ и пріурочилъ его къ истинному правъ-закону. Второе назвалъ царствомъ грядущаго антихриста.

„— Подъ гражданскими-то властями тяжелѣе, что ли?

„— Какъ не тяжеле? Ты то возьми: жить стало не можно. Ранѣе государевы подати платили, а нонѣ гражданскія власти земскія подати окромя накладываютъ. Это на тѣхъ, кто имъ, значитъ, подверженъ.

„— Ты подати не платишь? спросилъ я, начиная догадываться о ближайшихъ причинахъ Яшкина заключенія.

„— Государственныя платимъ. Сполна великому государю вносимъ. А на земскія мы не обвязались. Вотъ беззаконники и морятъ, подъ себя приневоливаютъ. Кресты съ церквей посняли.

„— Ну, кресты-то на церквахъ есть.

„— Не настоящіе... и крещенье не настоящее — щепотью... Все ихъ дѣло, ихъ и знаменіе.

„— Постой, Яковъ. Какъ это ты разсудишь: вѣдь и великій государь въ тѣ же церкви ходитъ?

„— Великій государь, отвѣчалъ Яшка тономъ, не допускающимъ сомнѣній,—въ старомъ правъ-законѣ пребываетъ... Ну, а Царь Польской, князь Финляндской, тотъ, значитъ, въ новомъ...

„Оказывалось, что будущее принадлежитъ новымъ началамъ. Уступая давленію этихъ началъ, великій государь издалъ циркуляръ, въ которомъ написано: „Быть по тому и быть по сему“, что значитъ: кого успѣютъ слуги антихриста заманить — заманивай. Надъ тѣми онъ властенъ, на тѣхъ подати налагай и душами владѣй. А кто не обязался, кто въ истинномъ правъ-законѣ стоитъ крѣпко, того никто не смѣетъ приневолить.

„Новыя начала берутъ силу все болѣе и болѣе. „Беззакон-

ники“ пошли противъ циркуляра, стали подъ свою руку приневоливать насильно (потому и беззаконники). Трудно стало. Пущены въ ходъ всякія средства.

„— На тридцать на шесть губеренъ пущено тридцать шесть лисицъ. Честью да лестью все пожгутъ и сколь народу погубятъ—страсть!..

„Нигдѣ нѣтъ защиты. Государственное начало съ осьмиконечнымъ крестомъ меркнетъ. Государственныя власти „стоятъ плохо“. Народъ подается, не видя опоры. „Пишутся, правда, циркуляры-те, да что ужь“... Суды пошли гражданскіе, тихіе...“

Такимъ образомъ Яковъ считаетъ „начальниковъ“, посадившихъ его въ острогъ, не слугами Государевыми, а слугами антихристовыми, которые идутъ противъ Бога, противъ великаго Государя, противъ закона Христова, противъ святого крещенія и т. д. Этихъ-то „неправедныхъ начальниковъ“ онъ старается „обличать“. Онъ обличалъ ихъ на свободѣ, обличаетъ ихъ и въ острогѣ. Посаженный въ казематъ, вѣроятно, въ качествѣ вреднаго сектанта, онъ продолжаетъ „стоять“ „за Бога, за великаго Государя“ и т. д., но выражаетъ свой протестъ въ чрезвычайно оригинальной формѣ. Какъ только проходятъ по корридору „неправедные начальники“, онъ тотчасъ же изо всей силы начинаетъ стучать ногою въ дверь. На вопросъ: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?—онъ отвѣчаетъ:

„— Обличаю начальниковъ, пояснилъ онъ, — начальниковъ неправедныхъ обличаю. Стучу.

„— Какая же отъ того польза тебѣ?

„— Польза? Есть польза...

„— Да какая же? Въ чемъ?

„— Есть польза, повторилъ онъ упрямо.—Ты слушай ухомъ: стою за Бога, за великаго государя...—и онъ цѣликомъ повторилъ свою тираду.

„Я понялъ теперь, что Яковъ не искалъ реальныхъ, осязательныхъ послѣдствій отъ своего стучанія для того дѣла, за которое онъ „стоялъ“ столь неуклонно среди глухихъ стѣнъ и не менѣе глухихъ къ его обличеніямъ людей; онъ видѣлъ „пользу“ уже въ самомъ фактѣ „стоянія“ „за Бога и за великаго государя, стало-быть, поступалъ такъ „для души“.

„— А за что тебя держатъ? спросилъ я далѣе.

„— За что?.. Без-законники! заговорилъ Яшка и возбужденно завозился за своею дверью.—За что держать? Скажи вотъ: безо всякаго преступленія... Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ. А и было бы преступленіе, такъ развѣ имъ судить?.. Богъ суди!

„— Человѣка ты убилъ, сказалъ Михѣичъ (тюремный надзиратель), внимательно слушавшій нашъ разговоръ.—Пошто приставляешься?

„— Неправда, неправда! заговорилъ Яшка какимъ-то страдающе-возбужденнымъ голосомъ. — Ишь чего выдумали, беззаконники! Неправда, не вѣрь имъ, Володимеръ, не вѣрь слугамъ антихристовымъ! Нѣтъ моего никакого преступленія. Отрекись, вишь, отъ Бога, отъ великаго государя, тогда отпустимъ. Гдѣ же отречься?.. Невозможно мнѣ. Самъ знаешь: кто отъ Бога, отъ истиннаго правъ-закону отступитъ—мертвъ есть. Плотью-то онъ живетъ, а души въ немъ живой нѣту!..“

Таковъ Яковъ. Его умъ помутился и помутился вслѣдствіе разнообразныхъ вѣяній современности. Понять смыслъ этихъ вѣяній, онъ, темный, едва грамотный человѣкъ не можетъ; онъ только какъ бы ощупью угадываетъ этотъ смыслъ, и его ужасъ передъ тѣмъ, что дѣлается въ современности, отражается мрачными мистическими измышленіями, въ которыхъ нелѣпыя представленія перемѣшаны какъ бы съ темною отгадкою истиннаго смысла явленія. Потому что въ самомъ основаніи своей мысли Яковъ правъ. Широкое теченіе западно-европейской мысли именно направлено противъ Бога, великаго Государя, противъ закона Христова, противъ святого крещенья. Отраженіе этихъ вѣяній у насъ, слабое и плохо осмысленное, въ основаніи своемъ, однако, имѣетъ то же направленіе. Но Яковъ—сектантъ, раскольникъ, онъ отстранился отъ Церкви, въ лонѣ которой могъ бы получить успокоеніе, разрѣшеніе своихъ сомнѣній — и вотъ ему некуда укрыться отъ своего ужаса, и онъ, вѣруя, что кто отъ „Бога отступитъ — мертвъ есть“, радѣя о своей душѣ, отдаетъ свою плоть на истязаніе, готовый перенести все, лишь бы до конца стоять „за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ“... И въ этомъ его трагизмъ...

Образъ неукротимаго и суроваго Якова обрисованъ въ разсказѣ прекрасно: нѣтъ ни одной черты лишней и ненужной, разсказъ течетъ свободно и непринужденно, а тонкое чувство мѣры удерживаетъ автора отъ излишнихъ реальныхъ подробностей: лицо

Якова вышло живымъ и живущимъ, оно говоритъ само за себя. Однако самъ авторъ не имѣетъ опредѣленнаго взгляда на созданное имъ лицо. Называя Якова „подвижникомъ,“ онъ тѣмъ не менѣе, разсказавши далѣе эпизодъ о „камышинскомъ мѣщанинѣ“, задается вопросомъ: да не изъ одного ли тѣста сдѣланы „камышинскій мѣщанинъ“ и Яковъ?

Между тѣмъ „камышинскій мѣщанинъ“ представляетъ собою лицо по истинѣ отвратительное. Вотъ что разсказываетъ о немъ авторъ:

„Предъ столомъ стоялъ человѣкъ небольшаго роста, въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ. Наружность его не отличалась ничѣмъ особеннымъ. Казалось, онъ принадлежалъ къ мелкому мѣщанству, къ тому его слою, который сливается въ маленькихъ городахъ и пригородахъ съ сѣрымъ крестьянскимъ людомъ. Видъ онъ имѣлъ равнодушный, пожалуй, можно бы сказать—апатичный, еслибы, порой, по лицу его не пробѣгала чуть замѣтная саркастическая улыбка, а въ глазахъ не вспыхивалъ огонекъ какого-то сознательнаго превосходства или торжества. Но эти проблески были едва уловимы; они пробѣгали, на мгновеніе оживляя неподвижныя черты, на которыхъ тотчасъ опять водворялось выраженіе апатіи и вялости. Въ передней толпились арестанты. Видимо заинтересованные ходомъ опроса, они тянулись другъ изъ-за друга, вытягивая шеи и слѣдя за своимъ сотоварищемъ и за начальствомъ.

„— Ты что жь не говоришь? кипятился письмоводитель.— Что молчишь? Ты вѣдь мѣщанинъ изъ Камышина? Вѣдь тутъ, въ твоемъ статейномъ спискѣ, написано ясно. Вотъ!

„Письмоводитель ткнулъ пальцемъ въ лежавшую предъ нимъ бумагу и поднесъ ее къ носу арестанта. Тотъ презрительно отвернулся, и огонекъ въ его глазахъ вспыхнулъ сильнѣе.

„— И ладно, коли написано, произнесъ онъ спокойно.

„— Да ты долженъ отвѣчать. Вѣры какой?

„— Никакой.

„Смотритель быстро повернулся къ говорившему и посмотрѣлъ на него выразительнымъ, долгимъ взглядомъ. Арестантъ выдержалъ этотъ взглядъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія.

„— Какъ никакой?! Въ Бога вѣруешь?

„— Гдѣ онъ, какой Богъ?.. Ты, что ли, его видѣлъ?

„— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать? набросился смотритель.—Я тебя, сукина сына, сгною!.. Мерзавецъ ты этакой!

„Мѣщанинъ изъ Камышина слегка пожалъ плечами.

„— Что жь?—сказалъ онъ.—Было бы за что гноить-то. Я прямо говорю... За то и сужденъ.

„— Врешь, мерзавецъ, навѣрное, за убійство сужденъ. Хороша, небось, птица!

„Мѣщанинъ изъ Камышина сдѣлалъ было движеніе, какъ будто хотѣлъ возражать, но черезъ мгновеніе опять повелъ плечами.

„— Тамъ судите, за что знаете.

„— Какой родпой языкъ? продолжаетъ письмоводитель опросъ по рубрикамъ.

„— Что еще? спрашиваетъ опять мѣщанинъ съ пренебреженіемъ.—Какой еще родной?.. Не знаю я...

„— Ахъ, ты, подлецъ! Вѣдь не по-нѣмецки же ты говоришь. По-русски, чай?

„— Слышите сами, по-каковски я говорю.

„— Слышимъ-то мы слышимъ, да мало этого. Пойми ты, анаѳема! Надо знать, Русскій ты или Чувашъ, Мордва какая-нибудь. Понялъ?

„— Чего понимать?.. Не знаю, рѣшительно отрѣзалъ мѣщанинъ изъ Камышина.

„Письмоводитель убѣдился, что тутъ ничего не подѣлаешь. „Опять, видно, придется справки наводить. Лишняя работа!“ Та же мысль занимала, очевидно, и смотрителя. Камышинскій мѣщанинъ былъ отпущенъ, причемъ его благородіе сдѣлалъ нѣсколько многозначительныхъ обѣщаній.

„Когда я вышелъ изъ конторы, опросъ еще не былъ конченъ, и въ передней толпились еще арестанты. Они кучкой обступили камышинскаго мѣщанина, который стоялъ среди нихъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія, хотя, очевидно, находился въ положеніи героя минуты.

„— Какже, чудакъ! говорилъ какой-то рыжеватый философъ, съ тузомъ на спинѣ, — пра-а, чудакъ! Вѣдь ежели, сказываешь, къ примѣру: „нѣтъ!“—такъ что же есть?

„— Ничего! отрѣзалъ камышинскій мѣщанинъ коротко и ясно.“

Таковъ этотъ простонародный космополитъ и атеистъ. Въ основаніи его космополитизма и атеизма лежитъ какая-то странная, почти уже и не человѣческая душевная тупость и скотское упрямство. Этотъ типъ, обнаруженный въ жизни г. Короленко и такъ удачно имъ схваченный, безъ сомнѣнія сыграетъ свою роль въ будущихъ, предназначенныхъ Россіи, тяжкихъ и страшныхъ испытаніяхъ. Въ этомъ типѣ есть нѣкоторыя общія черты съ однимъ изъ поразительныхъ лицъ, выведенныхъ Достоевскимъ — со Смердяковымъ; но и въ Смердяковѣ нѣтъ той наводящей ужасъ тупости, соединенной со скотскимъ упрямствомъ, какія мы находимъ въ „камышинскомъ мѣщанинѣ“. Въ Смердяковѣ все же есть человѣческая черта: движеніе духа, приводящее его къ безплодному покаянію, разрѣшающемуся холоднымъ отчаяніемъ и самоубійствомъ. Въ „Камышинскомъ мѣщанинѣ“ мы не замѣчаемъ ничего подобнаго. Его душа какъ бы совершенно окаменѣла и не способна отозваться ни на какое впечатлѣніе жизни. Западные Равашоли окажутся, пожалуй, слишкомъ мелкими передъ этимъ русскимъ простонароднымъ атеистомъ и космополитомъ. И когда всматриваешься въ эту зловѣщую фигуру, когда вникаешь въ жизненный смыслъ ея, еще глубже начинаешь понимать слова Пушкина, сказанныя имъ о русскомъ бунтѣ: „русскій бунтъ—безсмысленный и безпощадный“...

Описавши „камышинскаго мѣщанина“, авторъ замѣчаетъ:

„Выходитъ, что камышинскій мѣщанинъ сужденъ, осужденъ, закованъ, сосланъ, наконецъ готовится воспріять осуществленіе смотрительскихъ обѣщаній, которыя порой бываютъ хуже всякаго приговора, — вообще страждетъ изъ-за... ничего! Казалось бы, къ тому, что характеризуется этимъ словомъ „ничего“, можно относиться лишь безразлично. Между тѣмъ камышинскій мѣщанинъ относится къ нему страстно, онъ является какъ бы адептомъ, подвижникомъ чистаго отрицанія. Онъ безстрашно исповѣдуетъ свое „ничего“ предъ врагами этого оригинальнаго ученія.

„Яшка начерталъ на своемъ знамени другую формулу: „за Бога, за великаго государя!“ Онъ былъ сектантъ, приверженецъ „стараго правъ-закону“, но мнѣ кажется, что между нимъ и камышинскимъ мѣщаниномъ много общаго. Яшка порвалъ свои связи съ родиной, съ семьей, съ родною деревней. Камышинскій мѣщанинъ сдѣлалъ то же и даже словомъ не хочетъ признать

эту связь, когда она ясно установлена на бумагѣ. „Я вамъ не подверженъ“, — говоритъ Яшка. Камышинскій мѣщанинъ тоже, очевидно, не признаетъ въ лицѣ его благородія власти, которой онъ обязанъ повиновеніемъ. „Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ, говоритъ Яшка,—а и было бы преступленіе, такъ не вамъ судить,—Богу!“ „Судите, за что знаете,“ говоритъ камышинскій мѣщанинъ, какъ бы не желая даже соотвѣтствующими разъясненіями принять участіе въ процессѣ этого сужденія. Но въ то время, какъ камышинскій мѣщанинъ скептически вопрошаетъ: „какой Богъ и кто его видѣлъ?“ — Яшка производитъ неуклонное стучаніе во имя Господне.

„Что это—непримиримые враги или союзники? Однородныя ли это явленія, или явленія разныхъ порядковъ? Что тутъ существеннѣе: пункты сходства или пункты разногласія, — общее у обоихъ отрицаніе существующихъ условій или религіозно-сектантскіе взгляды, которые есть у Якова и которые изгналъ изъ своего обихода камышинскій мѣщанинъ?“

Такое явленіе, какъ Яковъ, стучащій „во имя Бога и великаго Государя“, совершенно сбиваетъ съ толку автора, хотя, благодаря своему художественному такту, благодаря чувству мѣры, къ этому явленію онъ относится осторожно, даже до видимыхъ противорѣчій, не рѣшаясь сказать окончательнаго слова. Яковъ—то кажется ему подвижникомъ, то онъ говоритъ, какъ мы только что видѣли, что между тѣмъ же самымъ Яковомъ и „камышинскимъ мѣщаниномъ“ очень много общаго; а въ концѣ-концовъ лишь ставитъ рядъ недоумѣвающихъ вопросовъ.

Между тѣмъ и Яковъ, и „камышинскій мѣщанинъ“, и „Убивецъ“—всѣ эти три лица имѣютъ болѣе общій и болѣе обширный смыслъ, который ускользаетъ отъ автора; между тѣмъ и Яковъ, и „камышинскій мѣщанинъ“, и „Убивецъ“, правильно понятые, могутъ уяснить не только иныя черты народнаго духа, но и многія типичныя явленія, совершающіяся среди нашей „интеллигенціи“, но и многія извращенія мысли и чувства, которыя можно наблюдать среди этой „интеллигенціи“. Мало того, самъ нашъ авторъ, какъ это ни странно, складомъ своихъ мыслей и чувствъ не далеко ушелъ отъ тѣхъ же Якова и „Убивца“, какъ это можно видѣть уже изъ предшествовавшей нашей характеристики, и какъ мы увидимъ это еще яснѣе, когда передъ нами обнаружатся еще новыя черты его міросозерцанія.

Чтобы понять Якова, автору стоило припомнить хотя бы Никиту Пустосвята, или боярыню Морозову, или даже протопопа Аввакума—историческія личности достаточно ясныя. У всѣхъ у нихъ одна и та же психологія—та же, что и у Якова. Всѣ они уже никакъ не подвижники, ибо не имѣютъ главной черты, характеризующей истиннаго подвижника: *смиренія*. Эти люди—протестанты настолько же во имя истины или того, что кажется имъ истиной, насколько и во имя удовлетворенія собственной гордыни. Въ нихъ замѣтно *прежде всего* безповоротное преклоненіе предъ своимъ разумомъ, предъ своимъ пониманіемъ, и нежеланіе провѣрить свой разумъ, свое пониманіе чѣмъ-нибудь высшимъ—разумомъ и пониманіемъ вселенскимъ. Это нежеланіе свидѣтельствуетъ о томъ, что они гораздо болѣе страстно относятся къ себѣ самимъ, нежели къ истинѣ, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ нихъ *смиренія*.

Вотъ слово, которое возбуждаетъ постоянное и прискорбное недоумѣніе. Иные—и многіе у насъ —думаютъ, что въ немъ заключенъ какой-то презрительный смыслъ, или, вѣрнѣе сказать, придаютъ ему такой смыслъ. Смиреніе смѣшиваютъ съ *уничиженіемъ*, въ житейскомъ смыслѣ этого слова. Думаютъ, что смиреніе есть свойство людей слабыхъ, нравственно безличныхъ, людей съ робкою душою, запуганныхъ, загнанныхъ.

Трудно понять, на чемъ зиждется это недоразумѣніе, это заблужденіе. Въ дѣйствительности мы видимъ образцы высокаго смиренія именно въ людяхъ огромной нравственной силы, поразительнаго, какого-то уже сверхчеловѣческаго мужества, какъ, напримѣръ, въ апостолахъ, въ христіанскихъ мученикахъ и подвижникахъ, вызывавшихъ изумленіе къ своему мужеству въ самихъ своихъ мучителяхъ. Но именно *смиреніе* и давало имъ эту силу. Смиреніе, и ничто больше, въ первые вѣка христіанства, во времена гоненій, давало силу хрупкимъ, слабымъ и робкимъ молодымъ дѣвушкамъ—

Идти на казнь и гимны пѣть
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содраганія глядѣть... [1]

Но именно для того, чтобы воспитать въ себѣ чувство смиренія, необходимо высочайшее нравственное мужество, потому, что для этого нужно подавить въ себѣ всѣ свои страсти, жела-

[1] *Два міра* Майкова.

нія, подавить гордость и тщеславіе, выслѣдить ихъ въ самыхъ тонкихъ ихъ изгибахъ и уничтожить—подавить во имя истины. Потому что истина постигается только въ спокойномъ созерцаніи,—въ созерцаніи возвышающемся надъ человѣческими страстями и желаніями, возможномъ лишь тогда, когда человѣкъ отвергнетъ свое эгоистическое *я*. Смириться—это значитъ усвоить своей душѣ настроеніе кающагося мытаря,—а это одинъ изъ труднѣйшихъ подвиговъ, требующій всей нравственной силы, всей душевной энергіи человѣка. Только черезъ смиреніе можно постигать истину, и вотъ почему протестъ во имя истины у людей не имѣющихъ смиренія есть, какъ я уже замѣтилъ, настолько же протестъ во имя истины, насколько и во имя ихъ гордыни, то-есть лжи.

Смиреніе есть признакъ не слабости, а силы. Гдѣ можно найти бо́льшую нравственную силу, какъ не въ Іисусѣ Христѣ, а между тѣмъ Онъ Самъ сказалъ про Себя: „Я кротокъ и смиренъ сердцемъ"—и былъ таковъ дѣйствительно. Всею Своею жизнью Онъ показываетъ намъ недосягаемый образецъ именно *смиренія*. И гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ нѣтъ подвига, ибо подвигъ можетъ быть совершенъ только во имя истины.

Обыкновенно нашъ расколъ, наше сектантство объясняютъ невѣжествомъ. Но это объясненіе очень поверхностное, если понимать слово „невѣжество" въ общепринятомъ смыслѣ, какъ его и понимаютъ объясняющіе.

Не невѣжество породило у насъ сектантство великосвѣтское, начиная отъ масонства и кончая редстокизмомъ, пашковщиной, спиритизмомъ и т. д.; не невѣжество, въ общепринятомъ смыслѣ слова, породило у насъ сектантство нигилистическое, соціалистическое, раціоналистическое и др.; не невѣжество, въ общепринятомъ смыслѣ слова, создало у насъ Базаровыхъ и Марковъ Волоховыхъ, не невѣжество создало нашихъ, дѣйствовавшихъ въ жизни, нигилистовъ и анархистовъ. Причина тутъ болѣе глубокая. Всѣ эти сектанты, начиная отъ Никиты Пустосвята до Якова, до „Убивца", до Базарова и Волохова, до дѣйствовавшихъ въ жизни нигилистовъ и анархистовъ, до „камышинскаго мѣщанина", наконецъ, всѣ они увѣровали въ свой разумъ, какъ въ непреложный критерій истины, и поклонились ему; всѣ они увѣровали въ свою гордыню и поклонились ей. И если невѣжество Якова отлилось въ форму запутанныхъ, мистическихъ представленій, скрытыхъ подъ формулой „за Бога, великаго Государя"

и т. д.; если невѣжество „камышинскаго мѣщанина“ отлилось въ форму голаго, безсмысленнаго отрицанія, возведеннаго въ идею, за которую отрицатель готовъ пострадать, то въ менѣе ли нелѣпыя формы отлилась „образованность“ Базаровыхъ и Волоховыхъ, анархистовъ, нигилистовъ, пашковцевъ, редстокистовъ, спиритовъ? Повторяю, образованіе или невѣжество тутъ ни причемъ. Если человѣкъ увѣруетъ въ свой разумъ, какъ въ непреложный критерій истины, если онъ увѣруетъ въ свою гордыню и поклонится ей, то будь онъ образованъ или невѣжественъ, ученый или неграмотный мужикъ, онъ одинаково далеко уйдетъ отъ истины, заслоненной отъ него и вѣрой въ свой разумъ, и преклоненіемъ передъ гордыней своей, и игрой не подавленныхъ въ немъ, дурныхъ чувствъ и страстей.

Это общая формула, которая, конечно, должна быть особымъ образомъ приложена къ каждому частному случаю. Безъ сомнѣнія, между глубоко-трагичнымъ Яковомъ и отталкивающимъ своею скотоподобностью „камышинскимъ мѣщаниномъ“ лежитъ цѣлая бездна, но столь же несомнѣнно, что какъ Яковъ, такъ и „камышинскій мѣщанинъ“ имѣютъ одну общую черту—оба они считаютъ свой разумъ критеріемъ истины, оба они увѣровали въ свою гордыню и поклонились ей. Разница же въ томъ, что въ заблужденіи Якова сказалось все благородство и вся возвышенность его натуры, въ характерѣ же заблужденія „камышинскаго мѣщанина“ сказалась вся вульгарная грубость, вся низменность его природы. Вотъ почему Яковъ—лицо трагическое, а „камышинскій мѣщанинъ“ лицо только отвратительное своею вульгарною низменностью. Яковъ принимаетъ страданіе хотя за неправильно понятую, искаженную умствованіями, но великую идею, у „камышинскаго мѣщанина“ даже и готовность принять страданіе есть не болѣе, какъ результатъ скотскаго упрямства. Яковъ трогателенъ въ своей суровой и наивной непоколебимости, производя стукъ „за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ“, но во всякомъ случаѣ онъ не „подвижникъ“, а только лицо трогательное и трагическое, ибо настоящіе подвижники и въ узы заключенные, *не такъ* стояли „за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей“...

Самъ авторъ, несмотря на то, что называетъ Якова „подвижникомъ“, относится къ нему только съ сожалѣніемъ; такое ли отношеніе вызываютъ къ себѣ истинные подвижники?

Неувѣренность автора въ отношеніяхъ его къ своимъ героямъ именно объясняется шаткостью, туманностью, непослѣдовательностью его собственнаго міросозерцанія, сказывающимися съ особенною ясностью въ его разсказахъ *Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ* и *За иконой*.

VIII.

Въ дарованіи г. Короленко столько подкупающихъ сторонъ, что лишь скрѣпя сердце приходится указывать на тѣ пагубныя несовершенства и недостатки, которые уже замутили и, быть-можетъ, еще болѣе замутятъ чистый источникъ этого дарованія. Хорошо если эти недостатки только результатъ временнаго и преходящаго настроенія, а не органическій порокъ, который, развиваясь, можетъ принести пагубные плоды...

Главный недостатокъ г. Короленко, какъ я много разъ повторялъ, это шаткость и неопредѣленность его міросозерцанія. Пока нашъ авторъ касается темъ, для пониманія которыхъ достаточно природнаго здраваго смысла и простаго человѣчнаго отношенія къ людямъ и явленіямъ жизни, до тѣхъ поръ эти шаткость и непредѣленность міросозерцанія едва замѣтны, и то не въ фальши изображенія, а въ неполнотѣ его. Эта неполнота бросается въ глаза даже и въ одномъ изъ лучшихъ произведеній нашего автора, въ его разсказѣ *Въ дурномъ обществѣ*. Не можетъ быть, чтобы на складъ души ребенка, изображеннаго въ этомъ разсказѣ, не воздѣйствовали такъ или иначе религіозныя впечатлѣнія дѣтства; а между тѣмъ этотъ рядъ впечатлѣній, которыя несомнѣно были, которыя не могли пройти мимо, этотъ рядъ впечатлѣній совершенно пропущенъ авторомъ; не говорю: преднамѣренно,— и даже предполагаю, что совершенно напротивъ. Предполагаю, что именно искренность его и помѣшала ему коснуться этихъ впечатлѣній, уловить ихъ вліяніе на душу ребенка.

Что же значитъ, что писатель *искренній* сдѣлалъ такой пропускъ, быть-можетъ даже сознавая, что это пропускъ? Это значитъ, что въ *его* душѣ не встали, не ожили тѣ образы, которые когда-то, давно воплотили въ себѣ эти впечатлѣнія; значитъ что въ *его* душѣ уже замерли тѣ струны, которыя могли бы заставить снова отозваться, снова воскресить то замершее и заглохшее, что когда-то, несомнѣнно, жило въ его дѣтской душѣ, что, несо-

мнѣнно, оставило въ ней слѣдъ—стершійся *навсегда*, или лишь затертый „чуждыми красками", которыя, „съ годами", спадутъ „ветхою чешуей":—вотъ въ чемъ вопросъ...

Но какъ бы то ни было, теперь дѣлается понятнымъ, что именно вслѣдствіе искренности настроенія нашъ авторъ далъ изображеніе хотя правдивое, но не полное.

Иначе случается съ нимъ, когда сама тема требуетъ уже не одного простаго здраваго смысла, не одного человѣчнаго отношенія къ людямъ, а проникновенія въ такіе тайники души человѣческой, которые недоступны ни простому здравому смыслу, ни простому человѣчному отношенію къ людямъ; иначе случается, когда автору приходится сталкиваться съ тою запутанностью человѣческихъ отношеній, гдѣ, распутывая ихъ, здравый смыслъ становится въ непримиримое противорѣчіе съ непосредственнымъ чувствомъ, гдѣ можно понять, а слѣдовательно и разсудить дѣло, найти почву для *примиренія*, лишь освѣтивъ явленіе свѣтомъ объективной правды, или, прямѣе сказать, для устраненія всякихъ недоразумѣній, освѣтивъ явленіе свѣтомъ не здѣшней, не земной правды. Безъ вѣры же въ эту правду, заключающую въ себѣ непреложные законы міра и жизни, при столкновеніи съ подобною сложностью человѣческихъ отношеній легко впасть или въ узкое, сухое доктринерство, или въ пустую, сентиментальную мечтательность, отражающуюся тѣмъ же доктринерствомъ, но часто уже ведущимъ къ безумію и къ преступленію.

Нашъ авторъ, благодаря чувству мѣры, благодаря художественному чутью своему, которое противится всякому сухому доктринерству, благодаря, наконецъ, своему здравому смыслу, который противится всякимъ утопическимъ мечтаніямъ, построеннымъ на превратномъ и фантастическомъ пониманіи природы человѣческой,—благодаря всему этому, онъ не впадаетъ ни въ сухое доктринерство, ни въ утопическую мечтательность; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя вѣры въ правду абсолютную, всегда сущую, всегда себѣ равную, всеразрѣшающую и всепримиряющую, остается при рядѣ недоумѣвающихъ и печальныхъ вопросовъ. Въ его тонѣ всегда болѣе или менѣе слышится нота печальнаго недоумѣнія. Вотъ почему, останавливаясь на фигурѣ сектанта Якова, или „камышинскаго мѣщанина", или „Убивца", онъ даетъ лишь эскизы.

Съ точки зрѣнія своего шаткаго и неопредѣленнаго міросозерцанія онъ не можетъ проникнуть въ глубочайшіе тайники души этихъ людей: ихъ образы остаются для него самого загадоч-

ными и неясными; съ точки зрѣнія своего шаткаго міросозерцанія онъ не можетъ стать судьей между этими людьми и воздвигнувшею на нихъ гоненіе жизнью, не имѣя непреложнаго критерія для такого суда. Душевный процессъ, приведшій хотя бы сектанта Якова къ его удивительной вѣрѣ, являющейся смѣсью нелѣпыхъ бредней, въ которыя отлились самыя возвышенныя чувства и понятія, такъ и остается тайной для нашего автора, потому что понять этотъ процессъ можно лишь ставши въ мысли и чувствѣ *выше* изображаемаго лица. Но при міросозерцаніи нашего автора, сводящемся на субъективную этику, и съ точки зрѣнія котораго религіозныя вѣрованія—субъективное дѣло каждаго человѣка, при такомъ міровоззрѣніи, конечно, нельзя этого сдѣлать. У автора субъективная вѣра, въ которой онъ не увѣренъ, какъ въ объективной правдѣ, и у Якова своя, субъективная вѣра, въ которой, кромѣ того, онъ увѣренъ какъ въ объективной правдѣ; какъ же тутъ стать *выше*, какъ же тутъ рѣшить, чья вѣра правильнѣе?

Авторъ и не рѣшаетъ, а какъ бы говоритъ: „Съ моей точки зрѣнія Яковъ заблуждается, а, впрочемъ, Богъ знаетъ, гдѣ правда“. Какъ же ему, при такой шаткости своего душевнаго настроенія, проникнуть въ душу Якова? Онъ и не проникаетъ, потому что и онъ и Яковъ стоятъ на одной ступени. И онъ вѣритъ только въ правду своей мысли, въ правду своего чувства, не провѣренныхъ ничѣмъ высшимъ; и Яковъ увѣровалъ въ свой разумъ, въ свое чувство, и поклонился имъ:—какъ же ему, автору, понять глубочайшую основу заблужденій изображаемаго лица, если онъ самъ находится въ состояніи такого же точно заблужденія, только иначе выразившагося? И вотъ, какъ только авторъ сходитъ съ почвы доступнаго ему эскизнаго изображенія, такъ тотчасъ же впадаетъ въ кругъ безвыходныхъ противорѣчій: то, какъ мы видѣли, называетъ Якова „подвижникомъ“, то приравниваетъ его къ „камышинскому мѣщанину“—и въ концѣ-концовъ заключаетъ рядомъ недоумѣвающихъ вопросовъ.

Я уже не разъ указывалъ на симпатичныя стороны дарованія г. Короленко, на благородство его тона и пріемовъ; къ нему смѣло можно примѣнить стихъ Лермонтова:

И міръ, мечтою благородной,
Предъ нимъ очищенъ и омытъ...

мнѣнно, оставило въ ней слѣдъ—стершійся *навсегда*, или лишь затертый „чуждыми красками“, которыя, „съ годами“, спадутъ „ветхою чешуей“:—вотъ въ чемъ вопросъ...

Но какъ бы то ни было, теперь дѣлается понятнымъ, что именно вслѣдствіе искренности настроенія нашъ авторъ далъ изображеніе хотя правдивое, но не полное.

Иначе случается съ нимъ, когда сама тема требуетъ уже не одного простаго здраваго смысла, не одного человѣчнаго отношенія къ людямъ, а проникновенія въ такіе тайники души человѣческой, которые недоступны ни простому здравому смыслу, ни простому человѣчному отношенію къ людямъ; иначе случается, когда автору приходится сталкиваться съ тою запутанностью человѣческихъ отношеній, гдѣ, распутывая ихъ, здравый смыслъ становится въ непримиримое противорѣчіе съ непосредственнымъ чувствомъ, гдѣ можно понять, а слѣдовательно и разсудить дѣло, найти почву для *примиренія*, лишь освѣтивъ явленіе свѣтомъ объективной правды, или, прямѣе сказать, для устраненія всякихъ недоразумѣній, освѣтивъ явленіе свѣтомъ не здѣшней, не земной правды. Безъ вѣры же въ эту правду, заключающую въ себѣ непреложные законы міра и жизни, при столкновеніи съ подобною сложностью человѣческихъ отношеній легко впасть или въ узкое, сухое доктринерство, или въ пустую, сентиментальную мечтательность, отражающуюся тѣмъ же доктринерствомъ, но часто уже ведущимъ къ безумію и къ преступленію.

Нашъ авторъ, благодаря чувству мѣры, благодаря художественному чутью своему, которое противится всякому сухому доктринерству, благодаря, наконецъ, своему здравому смыслу, который противится всякимъ утопическимъ мечтаніямъ, построеннымъ на превратномъ и фантастическомъ пониманіи природы человѣческой,—благодаря всему этому, онъ не впадаетъ ни въ сухое доктринерство, ни въ утопическую мечтательность; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя вѣры въ правду абсолютную, всегда сущую, всегда себѣ равную, всеразрѣшающую и всепримиряющую, остается при рядѣ недоумѣвающихъ и печальныхъ вопросовъ. Въ его тонѣ всегда болѣе или менѣе слышится нота печальнаго недоумѣнія. Вотъ почему, останавливаясь на фигурѣ сектанта Якова, или „камышинскаго мѣщанина“, или „Убивца“, онъ даетъ лишь эскизы.

Съ точки зрѣнія своего шаткаго и неопредѣленнаго міросозерцанія онъ не можетъ проникнуть въ глубочайшіе тайники души этихъ людей: ихъ образы остаются для него самого загадоч-

ными и неясными; съ точки зрѣнія своего шаткаго міросозерцанія онъ не можетъ стать судьей между этими людьми и воздвигнувшею на нихъ гоненіе жизнью, не имѣя непреложнаго критерія для такого суда. Душевный процессъ, приведшій хотя бы сентанта Якова къ его удивительной вѣрѣ, являющейся смѣсью нелѣпыхъ бредней, въ которыя отлились самыя возвышенныя чувства и понятія, такъ и остается тайной для нашего автора, потому что понять этотъ процессъ можно лишь ставши въ мысли и чувствѣ *выше* изображаемаго лица. Но при міросозерцаніи нашего автора, сводящемся на субъективную этику, и съ точки зрѣнія котораго религіозныя вѣрованія—субъективное дѣло каждаго человѣка, при такомъ міровоззрѣніи, конечно, нельзя этого сдѣлать. У автора субъективная вѣра, въ которой онъ не увѣренъ, какъ въ объективной правдѣ, и у Якова своя, субъективная вѣра, въ которой, кромѣ того, онъ увѣренъ какъ въ объективной правдѣ; какъ же тутъ стать *выше*, какъ же тутъ рѣшить, чья вѣра правильнѣе?

Авторъ и не рѣшаетъ, а какъ бы говоритъ: „Съ моей точки зрѣнія Яковъ заблуждается, а, впрочемъ, Богъ знаетъ, гдѣ правда". Какъ же ему, при такой шаткости своего душевнаго настроенія, проникнуть въ душу Якова? Онъ и не проникаетъ, потому что и онъ и Яковъ стоятъ на одной ступени. И онъ вѣритъ только въ правду своей мысли, въ правду своего чувства, не провѣренныхъ ничѣмъ высшимъ; и Яковъ увѣровалъ въ свой разумъ, въ свое чувство, и поклонился имъ:—какъ же ему, автору, понять глубочайшую основу заблужденій изображаемаго лица, если онъ самъ находится въ состояніи такого же точно заблужденія, только иначе выразившагося? И вотъ, какъ только авторъ сходитъ съ почвы доступнаго ему эскизнаго изображенія, такъ тотчасъ же впадаетъ въ кругъ безвыходныхъ противорѣчій: то, какъ мы видѣли, называетъ Якова „подвижникомъ", то приравниваетъ его къ „камышинскому мѣщанину"—и въ концѣ-концовъ заключаетъ рядомъ недоумѣвающихъ вопросовъ.

Я уже не разъ указывалъ на симпатичныя стороны дарованія г. Короленко, на благородство его тона и пріемовъ; къ нему смѣло можно примѣнить стихъ Лермонтова:

И міръ, мечтою благородной,
Предъ нимъ очищенъ и омытъ...

Этого нашъ авторъ умѣетъ достигать, что̀ я особенно старался выяснить, разбирая его „эпизодъ“ *Въ дурномъ обществѣ*. Но этого не довольно. И тотъ же Лермонтовъ, охарактеризовавъ это настроеніе, замѣчаетъ:

Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?

Нашъ авторъ, съ другой стороны, понимаетъ и то, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ первой статьѣ, безъ чего невозможно человѣчное отношеніе къ явленіямъ жизни,—понимаетъ то, о чемъ говоритъ король Лиръ:

...Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно виденъ глазу,—
Подъ шубой парчевою—нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото—стальное
Копье закона сломится безвредно;
Одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломенки пигмея...

Но и этого не довольно.

Повторяю: это пониманіе покажетъ только то, что въ жизни все спутано, все несовершенно, все состоитъ изъ свѣта и тѣни, что часто топчется въ грязь достойное уваженія, а возносится достойное презрѣнія, что въ душѣ блудницы и мытаря часто чище сохраняется образъ божества, нежели въ душѣ добродѣтельнаго фарисея;—это большой шагъ, но все же лишь первый шагъ къ пониманію того, что часто „хорошее предъ людьми есть мерзость предъ Богомъ“. Но и такого пониманія, котораго, однако, во всемъ его объемѣ нѣтъ у нашего автора, опять-таки недостаточно; и такому пониманію все-таки поддаются не всѣ сюжеты, не всѣ коллизіи, создаваемыя жизнію, не всѣ противорѣчія идеала съ дѣйствительностію. Иныя коллизіи, для художественнаго ихъ разрѣшенія, требуютъ болѣе глубокаго, обширнаго и разносторонняго пониманія жизни и ея условій, души человѣческой вообще, и—что̀ главнѣе всего—своей собственной души...

Иныя жизненныя коллизіи, мрачныя и трагическія, могутъ найти свое правильное разрѣшеніе только въ вѣрѣ въ безсмертіе души человѣческой, *въ вѣрѣ во всю совокупность жизни*, здѣшней, земной, и нездѣшней, обѣщанной жизни, когда будутъ новая земля и новое небо. Такая вѣра, вѣра во всю

совокупность жизни, даетъ смыслъ и здѣшней земной жизни, которая безъ этой вѣры, при тѣхъ ужасающихъ контрастахъ, какіе мы въ ней встрѣчаемъ, должна казаться „дьяволовымъ водевилемъ“, какъ выразилось одно изъ дѣйствующихъ лицъ у Достоевскаго.

Если все земное страданіе не будетъ утолено, если всѣ зіяющія язвы жизни не будутъ залечены, если весь ея ужасъ не найдетъ исхода и примиренія, если *неправда*, что „отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ; ибо прежнее прошло“; если неправда, что „есть Божество, ведущее насъ къ цѣли“— если все это неправда, если все,что было и есть теперь, не пройдетъ никогда, или пройдетъ утонувши въ новомъ хаосѣ разрушившагося міра, то, конечно, міръ есть „дьяволовъ водевиль“ и ничѣмъ инымъ быть не можетъ.

Что-нибудь изъ двухъ. Или человѣкъ безсмертенъ—и исторія человѣчества есть очищающій подвигъ страданія и искупленія, подвигъ, съ окончаніемъ котораго человѣчество обрѣтетъ новое небо и новую землю; или, если человѣкъ смертенъ, смертенъ весь, до конца, не имѣетъ безсмертной души, а исторія человѣчества есть рядъ необъяснимыхъ случайностей, безплодныхъ страданій и безсмысленныхъ злодѣяній, то міръ есть „дьяволовъ водевиль“,—и только.

Третьяго выхода, третьяго міровоззрѣнія для человѣка искренняго, не равнодушнаго къ истинѣ, а стремящагося къ ней, мыслящаго и послѣдовательнаго быть не можетъ.

Даже если повѣрить мечтѣ современныхъ, сентиментальныхъ фантазеровъ о томъ, что когда-нибудь человѣчество устроится здѣсь на землѣ, уже безъ Бога, безъ вѣры, счастливымъ и въ полной гармоніи, что здѣсь на теперешней землѣ не будетъ „ни плача, ни вопля, ни болѣзни“—то и тогда необходимо спросить: а прошлое? Неужели это прошлое прошло и не живетъ съ нами и не будетъ жить съ тѣмъ, будущимъ счастливымъ человѣчествомъ? Неужели „плачъ и вопли“, вопли нестерпимаго страданія возстающіе изъ этого прошлаго, не будутъ тревожить сонъ этого счастливаго человѣчества? Неужели это счастливое человѣчество будетъ въ состояніи быть счастливымъ съ такими воспоминаніями? Или уже окончательно ожесточатся души людей, оскудѣетъ любовь въ ихъ сердцахъ, или уже тогдашній человѣкъ окончательно уйдетъ въ свое *я*, въ свой физическій и нравственный комфортъ?

Эти вопросы невольно приходятъ въ голову всякому, кто *уважаетъ* человѣка, кто вѣритъ въ его душу, вѣритъ, что эта душа, если она не умретъ нравственно, не будетъ въ состояніи жить съ такими воспоминаніями—уже безъ вѣры, безъ надежды на то, что скорбь всего человѣчества будетъ утолена, а муки его не пропадутъ даромъ...

Яркимъ примѣромъ такой страшной жизненной коллизіи, при разрѣшеніи которой здравый смыслъ становится въ непримиримое противорѣчіе съ непосредственнымъ чувствомъ, можетъ служить разсказъ нашего автора, озаглавленный: *Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ*. Это самый плохой разсказъ изо всѣхъ, напечатанныхъ въ двухъ книжкахъ, заключающихъ въ себѣ произведенія г. Короленко. Онъ, за исключеніемъ немногихъ страницъ, написанъ вяло и блѣдно. Дарованіе здѣсь какъ бы покидаетъ автора; простота здѣсь уступила мѣсто вялости, изящество—манерности. Въ самомъ способѣ изложенія, въ языкѣ уже сказалось, до чего авторъ былъ не свободенъ, разрабатывая свою тему.

Между тѣмъ въ разсказѣ вопросъ, какъ говорится, поставленъ ребромъ, и именно вслѣдствіе такой рѣзкой постановки безсиліе автора преодолѣть свою задачу выразилось еще яснѣе.

Дѣло, въ короткихъ словахъ, вотъ въ чемъ. Наступаетъ ночь подъ свѣтлый праздникъ. Въ тюрьмѣ арестантъ-бродяга готовится къ побѣгу, а у острожныхъ воротъ смѣнился на часахъ молодой рекрутъ. Въ разсказѣ прекрасно описываются мысли и ощущенія того и другаго — и вотъ наступаетъ катастрофа. Но пусть расказываетъ самъ авторъ:

„Молодой рекрутъ ходитъ съ ружьемъ вдоль стѣны. Предъ часовымъ разстилается ровное, недавно обнажившееся изъ-подъ снѣга, далеко уходящее поле. Легкій вѣтеръ бѣжитъ по немъ, шелестя засохшимъ бурьяномъ, звенитъ въ прошлогодней травѣ и вѣетъ въ душу солдата спокойною, грустною думой.

„Молодой часовой остановился у стѣны, поставилъ ружье на землю и, положивъ руки на дуло, а голову на руки, глубоко задумался. Онъ не могъ еще ясно представить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь, въ эту торжественную ночь предъ праздникомъ, съ ружьемъ у стѣны, въ виду пустыннаго поля. Вообще, онъ былъ еще настоящій мужикъ, не понималъ еще многаго, что такъ понятно солдату, и его недаромъ дразнили „деревней“. Онъ такъ недавно еще былъ свободенъ, былъ хозяинъ, владѣлецъ своего поля, сво-

ей работы, а теперь страхъ, безотчетный, необъяснимый, неопредѣленный, преслѣдовавшій каждый шагъ, каждое движеніе, вгонялъ молодую и угловатую деревенскую натуру въ колею строгой службы.

„Но въ эту минуту онъ былъ одинъ... Пустынный видъ, разстилавшійся предъ глазами, и свистъ вѣтра въ бурьянѣ навѣвали на него какую-то дрему, и предъ глазами молодаго солдата несутся родныя картины. Онъ тоже видитъ деревню, и тотъ же бѣжитъ надъ нею вѣтеръ, и церковь горитъ огнями, и темныя сосны качаютъ надъ церковью зелеными вершинами...

„По временамъ онъ какъ будто очнется, и тогда въ его голубыхъ глазахъ отражается недоумѣніе: что это? — поле, ружье и стѣна... Онъ на минуту вспоминаетъ дѣйствительность, но скоро опять смутный звонъ ночнаго вѣтра навѣваетъ родныя картины, и солдатъ опять дремлетъ, опершись на ружье...

„Невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовой, на гребнѣ стѣны появляется темный предметъ: это голова человѣка... Бродяга глядитъ въ дальнее поле, къ чуть видной чертѣ далекаго лѣса... Его грудь расширяется, жадно ловя свѣжее, свободное дуновеніе матери-ночи. Онъ спускается на рукахъ и тихо скользитъ внизъ, вдоль стѣны...

. . . .

„Радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь. Дверь тюремной церкви раскрылась, во дворѣ крестный ходъ; стройное пѣніе хлынуло волною изъ церкви. Солдатъ вздрогнулъ, выпрямился, снялъ шапку, чтобы перекреститься и... замеръ съ поднятою для молитвы рукой... Бродяга, достигнувъ земли, быстро пустился къ бурьяну.

„— Стой, стой!.. Голубчикъ, родимый! вскрикиваетъ часовой, въ ужасѣ подымая ружье... Все, чего онъ боялся, предъ чѣмъ трепеталъ, надвигается на него, безформенное, страшное, — въ виду этой бѣгущей, сѣрой фигуры. „Служба, отвѣтъ!“ — мелькаетъ въ умѣ солдата, и онъ, вскинувъ ружье, прицѣлился въ бѣгущаго человѣка. Предъ тѣмъ, какъ спустить курокъ, онъ съ жалкимъ видомъ зажмурилъ глаза...

„А надъ городомъ вновь паритъ и кружится въ эфирѣ гармоническій, пѣвучій, переливчатый звонъ... и опять надтреснутый колоколъ тюрьмы трепещетъ и бьется, точно стонъ подстрѣленной птицы. Изъ-за стѣны стройно несутся далеко въ поле первые звуки торжествующей пѣсни: „Христосъ воскресе!“

„И вдругъ, за стѣной, покрывая все остальное, грянулъ выстрѣлъ... Слабый, безпомощный стонъ пронесся за нимъ безпредметною жалобой, и затѣмъ на мгновеніе все стихло...

„Только дальнее эхо пустыннаго поля, съ печальнымъ ропотомъ, повторяло послѣдніе раскаты ружейнаго выстрѣла.“

. . . .

И такъ вопросъ поставленъ, какъ говорится, ребромъ,—но авторъ не даетъ на него отвѣта въ своемъ изображеніи.

Выставлено противорѣчіе между глубочайшими требованіями души христіанской и условіями дѣйствительности, выразившимися на этотъ разъ въ принципѣ государства. Что дѣлать: стрѣлять ли во имя огражденія общественнаго порядка и безопасности, или не стрѣлять, покорствуя голосу Распятаго и Воскресшаго?

Здравый смыслъ долженъ подсказывать: „стрѣлять; иначе рухнетъ государство и водворится анархія“. Непосредственное чувство съ ужасомъ отвращается отъ такого рѣшенія.

Гдѣ же правда?

Авторъ, очевидно преднамѣренно, взялъ случай исключительный. Онъ понимаетъ, что солдатъ на войнѣ будетъ стрѣлять со спокойною совѣстію; тотъ же солдатъ, при иной обстановкѣ, выстрѣлитъ въ бѣгущаго арестанта тоже со спокойною совѣстію,—но вѣдь тутъ выбрана какая минута?

И солдатъ стрѣляетъ, но стрѣляетъ, какъ бы загипнотизованный дисциплиной, съ безпокойствомъ и ужасомъ.

И понятно, что съ безпокойствомъ и ужасомъ; самые эти безпокойство и ужасъ уже намекаютъ на рѣшеніе вопроса.

Остановимся сперва на его теоретической постановкѣ. Какъ поступать въ подобномъ случаѣ съ точки зрѣнія православнаго христіанина, — вотъ вѣдь, что хотѣлъ спросить авторъ:—стрѣлять или не стрѣлять? Въ отвѣтѣ не можетъ быть сомнѣнія: *Нѣтъ, не стрѣлять*.

Но если такъ, то какъ же должна разрѣшиться трагическая коллизія? Она можетъ разрѣшиться только въ художественномъ изображеніи, а изображеніе г. Короленко рѣшительно антихудожественное—и вотъ почему.

Конечно, такой *случай*, какой описанъ въ разсказѣ г. Короленко возможенъ. Возможно, что растерявшійся и малодушный солдатикъ выстрѣлитъ, зажмуривъ глаза. Но вѣдь это будетъ только случай, а въ художественномъ произведеніи не должно быть ничего случайнаго. Пусть въ случаѣ, описанномъ г. Коро-

ленко есть правда фактическая, но есть ли тутъ правда художественная, которая должна разрѣшить коллизію, а не оставлять въ душѣ читателя недоумѣвающихъ и тяжкихъ вопросомъ?

На этотъ разъ, художественная ошибка автора заключается въ томъ, *что онъ поставилъ въ трагическое положеніе лицо вовсе не трагическое* — каковъ его солдатикъ, стрѣляющій съ зажмуренными глазами. Что его солдатикъ лицо не трагическое, это, надѣюсь, не требуетъ доказательствъ. Трагическое лицо невозможно себѣ представить безъ нравственной силы и энергіи, такъ или иначе направленныхъ, то-есть, въ положительную или въ отрицательную сторону,—и только анализъ души такого лица можетъ разрѣшить трагическую коллизію, только при такой постановкѣ дѣла можетъ быть выполнена задача искусства, которая всегда заключалась и будетъ заключаться въ томъ, чтобы во временномъ и случайномъ отыскать вѣчное и неизмѣнное.

Еслибы г. Короленко взялъ для своего разсказа характеры трагическіе—дѣло было бы поставлено иначе, и коллизія разрѣшилась бы сама собою, однимъ анализомъ души этихъ трагическихъ лицъ.

Въ одной проповѣди покойнаго протоіерея Родіона Путятина, который въ своихъ поученіяхъ является истиннымъ и высокимъ художникомъ, удивительнымъ мастеромъ слова [1], въ поученіи, произнесенномъ имъ послѣ обѣдни на Свѣтлый Праздникъ, проповѣдникъ такъ выражается о „радости Воскресенія Христова": „Радость Воскресенія Христова такъ велика, божественна, сладка, что никогда ею не нарадуешься, все бы и говорилъ всѣмъ: Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ; все бы и слушалъ отъ всякаго: воистину воскресъ, воистину воскресъ, воистину воскресъ. *Мнѣ еслибы звѣрь сказалъ нынѣ: Христосъ воскресъ, я и тому, радуясь, отвѣтилъ бы: воистину воскресъ*".

Пусть бы г. Короленко разработалъ свою тему именно въ смыслѣ этой „радости воскресенія".

Пусть бы онъ, напримѣръ, вмѣсто малодушнаго и незначительнаго солдатика, выведеннаго въ его разсказѣ, взялъ стараго николаевскаго солдата, закаленнаго, покорнаго своему долгу, своей „присягѣ" до „положенія живота", но въ то же время

[1] Привожу здѣсь точное заглавіе книги, которую не только религіозный человѣкъ, но и всякій любитель произведеній художественныхъ прочтетъ съ наслажденіемъ: *Полное собраніе поученій Р. Путятина*. Изданіе 21. Спб. 1888 г.

простодушно и глубоко вѣрующаго, притомъ уже много разъ видѣвшаго смерть лицомъ къ лицу; пусть бы осталась та же обстановка, пусть бы такой солдатъ точно такъ же стоялъ на часахъ въ тюрьмѣ въ ночь подъ Свѣтлый Праздникъ; пусть бы авторъ ярко и трогательно изобразилъ его настроеніе, торжественное и молитвенное, его душу, размягчившуюся и готовую умилиться; пусть бы точно такъ же онъ замѣтилъ бѣгущаго бродягу и уже поднялъ ружье, чтобы стрѣлять, а тутъ гулъ колоколовъ, крестный ходъ, и пѣніе: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...*

И остановился бы старый солдатъ, и выпустилъ бы ружье, невольно поднявъ руку для крестнаго знаменія, и не сталъ бы стрѣлять въ бродягу... И пусть бы такъ все осталось неизвѣстнымъ, какъ и почему случилось, и пусть бы солдата судили и осудили, и жестоко наказали, и пусть бы онъ *осмысленно* принялъ страданіе „ради Христа Распятаго", и тѣмъ самымъ показалъ бы какъ уже *во истину* надо „стоять за Бога, за Великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей", выражаясь словами сектанта Якова.

Но очень понятно, что съ точки зрѣнія, признающей только субъективную правду чувства, сводящей религію на простое этическое ученіе—съ такой точки зрѣнія къ подобному сюжету и нельзя было иначе отнестись, какъ отнесся къ нему г. Короленко. Онъ не замѣтилъ, что именно этотъ, повидимому, скользкій сюжетъ, разработанный *художественно*, обнаружилъ бы не безсиліе правды Христовой, а всю ея силу, всю ея безграничную власть надъ душою человѣческой—обнаружилъ бы ея побѣдное торжество; онъ не замѣтилъ, что на эту тему можно было создать потрясающую трагедію, показавъ, какъ душа человѣческая, обнаженная отъ всего условнаго и временнаго, обнаруживаетъ свою божественную сущность...

Можетъ быть скажутъ: „пожалуй вышло бы мелодраматично". Но вѣдь это зависитъ уже отъ таланта. Мелодраматизмъ заключается вовсе не въ темѣ, а въ разработкѣ темы. Что̀ можетъ быть мелодраматичнѣе сюжета *Гамлета?* Между тѣмъ *Гамлетъ* не мелодрама, а величайшая въ мірѣ трагедія. И изъ того же сюжета французскіе передѣлыватели *Гамлета* сдѣлали пошлѣйшую мелодраму.

Повторяю: одного здраваго смысла, одного человѣчнаго отношенія къ людямъ, одной субъективной этики, шаткой, условной

и измѣнчивой, далеко недостаточно, чтобы взойти на вершины художественнаго творчества, чтобы создавать художественныя произведенія, пользуясь такими трагическими сюжетами, какъ сюжетъ разказа *Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.* А чтобы взойти на эти вершины художественнаго творчества, надо отыскать въ душѣ своей то вѣчное и неизмѣнное, всегда сущее, всегда себѣ равное, что̀ одно можетъ дать непреложный критерій для суда надъ жизнью; чтобы взойти на эти вершины, надо почувствовать, что есть въ жизни что-то, стоящее и выше личнаго счастья и выше личнаго страданія, надо увѣровать въ то великое и вѣчное, что̀ одно даетъ смыслъ міру и жизни человѣческой...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ю. Николаевъ.

ИСКУССТВО.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

9 февраля.

Театральный сезонъ окончился для театровъ драматическихъ. Наступаетъ сезонъ итальянской оперы, которая уже объявлена въ посту на театрѣ г. Корша. Благодаря очень короткому мясоѣду, театрамъ придется еще работать послѣ Пасхи. На это будетъ гораздо болѣе „попурри“, нежели серьезная художественная работа. Весенній сезонъ имѣлъ большее значеніе въ прежнее время, когда три четверти Москвичей проводили лѣто въ городѣ. Теперь, когда три четверти московскаго населенія уѣзжаетъ на дачи, дачи эти начинаютъ населяться съ послѣднихъ чиселъ апрѣля, теперь весенній сезонъ театровъ утратилъ всякое значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ нашимъ казеннымъ театрамъ, единственнымъ серьезнымъ, ибо государственнымъ учрежденіямъ на пользу искусства слѣдовало бы кореннымъ образомъ измѣнить практику своихъ представленій въ промежуткѣ между Пасхой и окончательнымъ прекращеніемъ спектаклей на лѣтнее время. Прежде всего слѣдовало бы отмѣнить обычай давать весной новыя піесы и назначать дебюты. Это имѣло смыслъ въ прежнее время, когда закрывался только Малый театръ, но труппа его продолжала играть, только уже не въ городѣ, а на загородномъ казенномъ театрѣ Петровскаго парка. Тогда и „новыя“ піесы и дебютанты „весенняго“ сезона продолжали являться и лѣтомъ передъ публикой и притомъ очень избранною. Къ началу настоящаго сезона складывались о тѣхъ

и о другихъ мнѣнія дѣйствительно выражавшія настроеніе общественнаго сужденія. Дебютантъ или дебютантка, сыгравшіе весной свои положенныя три роли въ Маломъ театрѣ, три роли, по которымъ можно составить себѣ достаточное понятіе о пѣвцѣ и танцовщикѣ, но не о драматическомъ артистѣ, выказывались въ настоящемъ свѣтѣ на театрѣ Петровскаго парка. Они или „проваливались“ или же составляли себѣ репутацію. Теперь, когда Малый театръ „наглухо“ закрывается къ 15 мая, а театръ Петровскаго парка отданъ въ аренду, или проданъ, я не знаю, теперь утратили всякій смыслъ какъ постановки весной „новыхъ“ піесъ, такъ и дебюты. Публика совершенно переутомлена къ веснѣ. Ее приходится искусственно возбуждать гастролями знаменитостей, а эти гастроли въ концѣ сезона лишь довершаютъ упадокъ нервной дѣятельности нашего нервнаго поколѣнія. Я знаю изъ личнаго опыта, какія муки принесло мнѣ года два тому назадъ ежедневное посѣщеніе театра весной во время гастролей г-жи Дузе, чередовавшихся съ представленіями Мейнингенцевъ, или Росси, не помню навѣрное, ибо я не злопамятенъ. Театръ переставалъ быть удовольствіемъ: онъ обращался въ нравственную и физическую пытку. Пытку физическую, ибо было до такой степени жарко, что оставаться въ городѣ—значило прямо совершать насиліе надъ здравымъ смысломъ. Съ какою завистію смотрѣли мы, шедшіе въ театръ, на вереницы экипажей, мчавшихся за городъ, на тысячи людей, спокойно гулявшихъ на бульварахъ. Пытка нравственная являлась сама собою. Не шутка сознавать, что, находясь въ здравомъ умѣ, дѣйствуешь противъ здраваго смысла, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ. И вы хотите, чтобъ эта измученная публика, лишь искусственно „подстегиваемая“ на посѣщеніе весной театровъ знаменитыми именами, вы хотите, чтобъ она находила еще время, силы и интересъ посѣщать свои русскіе, доморощенные спектакли? Полноте, это иллюзія. Представленія на Маломъ театрѣ можно смѣло закрывать теперь 1 мая, а до закрытія нужно давать лишь *лучшія* изъ репертуарныхъ піесъ минувшаго сезона, тѣ, на которыя нельзя было прежде достать билетовъ, или которыя давались по „возвышеннымъ“ цѣнамъ. Кстати объ этихъ „возвышенныхъ“ цѣнахъ. По моему мнѣнію, онѣ не соотвѣтствуютъ достоинству государственнаго художественнаго института. Это пріемъ, который слѣдовало бы предоставить исключительно частнымъ театральнымъ предпріятіямъ. А между тѣмъ

опера *Снѣгурочка* г. Римскаго-Корсакова даже на масляницѣ давалась на Большомъ театрѣ по „возвышеннымъ“ цѣнамъ.

Какъ бы то ни было, но дѣйствительный театральный сезонъ кончился. Послѣдними новостями Малаго театра были: *Марія Шотландская*, драма Біернсона, и *Якобиты*, драма Коппé. Кромѣ того возобновлена была комедія *Волки и Овцы* А. Н. Островскаго. Театръ г. Корша поставилъ въ числѣ разныхъ недолговѣчныхъ новостей капитальную піесу покойнаго М. Е. Салтыкова (Щедрина) подъ названіемъ *Смерть Пазухина*. Я остановлюсь главнымъ образомъ на этой замѣчательной комедіи, такъ какъ она почти совершенно неизвѣстна. Но прежде нужно сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ Біернсона и Коппé.

Драма *Марія Шотландская* обнимаетъ собою время съ весны 1566 по весну 1567 года, то-есть послѣдній годъ передъ отреченіемъ Маріи Стюартъ отъ престола и бѣгствомъ ея въ Англію. Передъ нами проходятъ: убійство Риччіо, болѣзнь Дарнлея и пороховой взрывъ, положившій конецъ его существованію, заговоры аристократіи, взятіе Маріи въ плѣнъ Ботвелемъ. Этимъ послѣднимъ событіемъ кончается драма, которой, въ сущности, совсѣмъ нѣтъ. Ибо то, что мы видимъ передъ собою, есть только рядъ историко-драматическихъ эпизодовъ, коллекція случайностей, не связанныхъ въ художественно-драматическое цѣлое вслѣдствіе отсутствія центральнаго лица, центральнаго интереса, центральной завязки. Это не драма. Это что-то въ родѣ хроники, представленіе изъ жизни Маріи Стюартъ, которое въ дѣйствительности слѣдовало бы назвать: *Приключенія Маріи Шотландской*. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не знаетъ хорошо, чего оно хочетъ, и первая не знаетъ этого сама Марія. При этихъ условіяхъ представляютъ нѣкоторый внѣшній интересъ лишь отдѣльныя картины, но общее и цѣлостное впечатлѣніе совершенно отсутствуетъ.

Драма *Якобиты* точно также происходитъ въ Шотландіи и точно также обнимаетъ событія *одного* года (1745 — 1746). Но если у Біернсона мы присутствуемъ при началѣ политическихъ и религіозныхъ смутъ Шотландіи, то Коппé описываетъ намъ послѣднюю яркую ихъ вспышку, выразившуюся въ попыткѣ принца Карла Эдуарда Стюарта возвратить себѣ соединенный престолъ трехъ королевствъ. Тема могла бы быть очень интересною подъ перомъ дѣйствительнаго драматурга. Но Коппé не драматургъ. Онъ лирикъ. Вслѣдствіе этого онъ пишетъ поэму,

совершенно серьезно представляя себѣ, что создаетъ драму. Поэма его заключается въ изображеніи возвышенныхъ чувствъ шотландскаго народа, представителемъ котораго выступаютъ старикъ слѣпецъ Ангусъ и внучка его, Марія. Ангусъ возбуждаетъ народъ въ пользу принца, Марія жертвуетъ собою для его спасенія. А самъ принцъ, чтó дѣлаетъ онъ? Онъ ухаживаетъ за женой одного лорда, своего приверженца, благополучно добивается свиданія съ нею и — бѣжитъ, проигравъ сраженіе, между тѣмъ какъ обманутый лордъ, въ свою очередь, жертвуетъ для него своею жизнью, а жену его убиваютъ въ битвѣ. Драма отсутствуетъ. Высказываются лишь прекрасныя и возвышенныя чувства, облеченныя въ красивые стихи. Въ русскомъ переводѣ исчезаетъ даже красивая оболочка французскаго стиха Коппé. Тѣмъ замѣтнѣе выступаетъ бѣдность драматическаго содержанія.

Четырехактная комедія *Смерть Пазухина* принадлежитъ къ наиболѣе раннимъ произведеніямъ М. Е. Салтыкова. Она относится къ эпохѣ *Губернскихъ очерковъ* и написана въ одинаковой „манерѣ" съ ними. Въ ней нѣтъ ни придуманной вычурности выраженій, ни того „рабьяго языка", который впослѣдствіи усвоилъ себѣ авторъ. Первоначально напечатанная въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, комедія *Смерть Пазухина*, повидимому, не перепечатывалась съ того времени. По крайней мѣрѣ я могъ достать эту піесу лишь въ формѣ отдѣльнаго журнальнаго оттиска, въ которомъ сохранена номерація страницъ журнальной книжки. Комедія посвящена В. П. Безобразову и подписана: Н. Щедринъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ Крутогорскѣ. Помираетъ старикъ Иванъ Прокофьичъ Пазухинъ, купецъ первой гильдіи и потомственный почетный гражданинъ, занимающійся откупами и подрядами. Ему 75 лѣтъ. Бывшій его „пѣстунъ" Прохорычъ, не помнящій своихъ лѣтъ, поросшій мохомъ и согнутый, разказываетъ намъ исторію старика Пазухина:

— То были, сударыня, времена грозныя, такія времена, что даже то вѣрить трудно. Ивана-то Прокофьича папынка волостнымъ писаремъ былъ, такъ нынче, кажется, и цари-то такъ не живутъ, какъ онъ жилъ! Бывало, по недѣлѣ и по двѣ звѣринаго образа не покинетъ, цѣлыя сутки пьянъ подъ лавкой лежитъ! Тутотка они и капиталу своему первоначало сдѣлали, потому какъ и волость-то у нихъ все равно какъ свои крѣпостные люди были. А Иванъ-отъ Прокофьичъ подросъ, такъ куда тоже воровать паренекъ сталъ; ну, папынка-то ихней, видѣмши такую

ихъ амбицію, что какъ они, изъ-за денегъ, готовы и живаго и мертваго ободрать, и благословили ихъ по питейной части идти...

Прежде Пазухинъ ходилъ съ бородой. Старику Прохорычу это очень памятно:

— Самъ я своими глазами видалъ, какъ въ Черноборскѣ исправникъ пыталъ его за браду трясти: „не мошенничай, говоритъ, не мошенничай“!.. Таскали, это я самъ видѣлъ, что таскали...

Времена, однако, измѣнились:

— А теперича легко ли дѣло: и браду свою антихристу пожертвовалъ, да и сына-то обездолилъ. Теперь, сударыня, онъ въ благородные, чу, скоро попадетъ! Губернаторъ-отъ его ужь въ надворные совѣтники за общеполезное устройство представилъ!

Старикъ Пазухинъ боленъ. Онъ не можетъ встать съ мѣста, но все „рычитъ“:

— Ноги-то у него, знаешь, отнялись, такъ онъ лежмя рычитъ.

— Съ чего онъ рычитъ-то? спрашиваютъ Прохорыча.—Хоть бы ты его съ простаго-то ума вразумилъ.

— Вразумлялъ я, пыталъ вразумлять, только онъ все рычитъ... словно онъ и Богъ знаетъ какой енаралъ. „И не смѣй, говоритъ, мнѣ про подлеца Прокопку поминать! Онъ, говоритъ, меня антихристомъ назвалъ, онъ желаетъ жить, какъ дѣдушки жили, такъ пущай же, говоритъ, вмѣстѣ съ дѣдушками за пестрою свиньей въ поросяткахъ ходитъ.“ Да еще говоритъ: „онъ, говоритъ, супротивъ моей воли на поганкѣ женился, чтобы, то-есть сына своего, Гаврюшу, имѣніемъ рѣшить, такъ я, говоритъ, его самого имѣніемъ рѣшу, Гаврюшку-то ему за мѣсто отца сдѣлаю!“ Даже и не поймешь, что онъ говоритъ?

„Подлецъ Прокопка“—это сынъ Пазухина, Прокофій Ивановичъ, человѣкъ 55 лѣтъ. Мы еще вернемся къ нему. У Прокофія Ивановича есть сынъ, Гаврила, тотъ самый „Гаврюша“, о которомъ сейчасъ упоминалъ Прохорычъ. Онъ состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій и въ піесѣ не появляется. Продолжаемъ характеристику старика Пазухина. При немъ живетъ Анна Петровна Живоѣдова, женщина 40 лѣтъ, сирота, съ которою онъ „гнуснымъ манеромъ весь вѣкъ изжилъ“. Несмотря на свою болѣзнь, Пазухинъ, по словамъ Прохорыча, „глупости-то своей до сихъ поръ не оставляетъ, даже ни на шагъ отъ себя Живоѣдиху-то не отпущаетъ.“ Но даже Живоѣдиха не можетъ заставить его сдѣлать духовное завѣщаніе:

— Поминала было Живоѣдиха, такъ куда тебѣ! Еще пуще зарычалъ. Я, говоритъ, еще годковъ пять поживу...

— Она, видно, и сплетни-то ему на Прокофья Иваныча плететъ?

— Она, это именно, что она.

Положеніе начинаетъ выясняться. Все дѣло вертится вокругъ наслѣдства Пазухина. Кому достанется его громадное состояніе? Кромѣ сына Прокофья, у него есть еще дочь Настасья, женщина 30 лѣтъ, жена статскаго совѣтника Фурначева. И вотъ Прокофій, Фурначевъ и Живоѣдиха, каждый по-своему, подбираются къ лакомому куску. Познакомимся прежде съ Прокофіемъ. По указанію автора, это человѣкъ средняго роста, совершенно сѣдой, одѣтъ въ синій кафтанъ, носитъ бороду и остриженъ по-русски. Онъ женатъ вторымъ бракомъ на красавицѣ-раскольницѣ изъ простаго званія, женщинѣ 20 лѣтъ. Предоставимъ самому Прокофію разсказать про себя и про свое положеніе:

— Что̀ же это будетъ? Что̀ же это будетъ? Господи! Родитель на глаза къ себѣ не пущаетъ, сынъ при всемъ народѣ обзываетъ непристойно... Куда жь бѣжать-то! Родитель меня отъ себя отшатнулъ, и оттого, можно сказать, всякій человѣкъ меня въ родительскомъ домѣ обругать въ силахъ... Отъ сестрицы Настасьи Ивановны кромѣ какъ *сиволапъ* и слова другаго не услышишь, супругъ ихній, Семенъ Семенычъ, тоже... Даже Живоѣдиха, и та тебѣ въ глаза наплевать наровитъ...

Прокофій самъ признаетъ, что сыну не за что уважать его:

— Ждать ему отъ меня нечего, стало быть и уважать меня не изъ-за чего. Ну, за что онъ меня почитать будетъ? Развѣ я ему припасъ что-нибудь? Да и связаться-то ему со мной стыдно, потому какъ онъ съ большими господами компанію водитъ, а я въ сермягѣ хожу. А молодецъ Гаврюшка! Какъ онъ давеча передъ самымъ моимъ носомъ руками размахивалъ! Что̀-жь, говоритъ, ты думаешь, что отецъ называешься, такъ я и на пакости-то твои смотрѣть спустя рукава долженъ? Я, говоритъ, и жену-то у тебя отниму, потому что ты старикъ, и жить-то съ нею не можешь какъ слѣдственно!

И потомъ у него внезапно вырывается крикъ:

— Господи! Хоть бы поглядѣлъ на деньги-то!

На помощь Прокофію является новое лицо, отставной генералъ Лобастовъ, происхожденіемъ изъ сдаточныхъ, человѣкъ небольшаго роста, очень плотный и склонный къ параличу. Лицо

красное, точно съ морозу; пьетъ и закусываетъ наскоро, но прежде нежели положить кусокъ въ ротъ, дуетъ на него. Очень живъ въ своихъ движеніяхъ и рѣдко стоитъ на мѣстѣ. Ходитъ въ поношенномъ фракѣ. Лобастовъ пріятель старика Пазухина. И вотъ онъ заключаетъ съ Прокофіемъ уговоръ:

— У меня, братъ, съ тобой не совѣтъ, а уговоръ будетъ. Я, братъ, человѣкъ русскій, люблю чай съ калачами пить, а пустяковъ городить не люблю... Да и не повѣришь ты мнѣ, какъ я въ любви передъ тобою разсыпаться стану...

— Это точно, что не повѣрю, ваше превосходительство!

— Ну то-то же! Такъ уговоръ у меня будетъ такой, чтобы *первое*, коли все, съ Божьею помощью, у насъ устроится, такъ быть моей Леночкѣ безпремѣнно замужемъ за Гавриломъ Прокофьичемъ, а не захочетъ волею, такъ ты его въ ту пору можешь и пострашать по-родительски...

— Это будетъ въ нашей власти, ваше превосходительство!

— А *второе*, чтобы Гаврилѣ Прокофьичу, какъ онъ женится, третья часть всего капиталу была отдана...

Прокофій начинаетъ кланяться Лобастову:

— Не много ли будетъ, ваше превосходительство? Вѣдь тятенькинъ капиталъ не маленькій-съ, такъ предостаточно бы и четвертой части...

— Вѣдь этакой ты звѣрь, Прокофій Иванычъ! ничего еще въ рукахъ-то у тебя нѣтъ, а ужь торгуешься!

— Да больно ужь будто обидно будетъ, ваше превосходительство!

— Да вѣдь онъ сынъ тебѣ; пойми ты это! Вѣдь ему, пожалуй, и весь капиталъ-то достанется, если я участія своего тутъ не покажу.

Прокофій опять принимается за поклоны:

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы это очень понимать можемъ. Нельзя ли ужь на четвертой-то части, ваше превосходительство!

— Ну, чортъ съ тобой! четверть, такъ четверть, я человѣкъ добрый! Только ты смотри, не надуй меня. А то вы, ерихоны, только и видѣлъ васъ, покуда деньги въ карманъ положить не успѣли! Теперь-то вотъ ты кланяешься, а въ ту пору, какъ получишь свое, такъ и спину, пожалуй, покажешь. Я жаловаться не буду, а собственными своими руками рыло твое въ одинъ моментъ въ рѣшето превращу... я, братъ, не побрезгую!

Дѣло слажено. Лобастовъ ручается Прокофію, что духовное завѣщаніе не будетъ написано, а въ случаѣ „если дойдетъ до того, чтобъ ему ноги кверху, такъ и вѣсть тебѣ будетъ подана". Что заставляетъ Лобастова вступаться въ это дѣло? Любовь къ единственной своей дочери, Леночкѣ, дѣвицѣ тридцати лѣтъ. Лобастовъ не можетъ видѣть какъ она „сохнетъ":

— Вотъ вы и разсудите, каково моему родительскому сердцу смотрѣть, какъ дѣтище мое сохнетъ! Вѣдь я, можно сказать, не сегодня, такъ завтра въ будущую жизнь переселиться долженъ, у меня, что-называется, и чувствъ-то въ естествѣ, кромѣ какъ чадолюбія, никакихъ не осталось... а она вотъ сохнетъ!

Но едва ушелъ Лобастовъ, какъ у Прокофія ужь являются сомнѣнія.

— Четвертую часть! не жирно ли будетъ? Экъ вѣдь отвалилъ! Я и самъ тоже жить хочу; ты не смотри на меня, что я смирный, да въ сермягѣ хожу, мнѣ эти глупости-то ужь вотъ какъ надоѣли.

Онъ хочетъ однако исполнить „долгъ благодарности" предъ Лобастовымъ:

— А вѣдь довольно будетъ забавно, Гаврилка, какъ ты съ этакой-то сорокалѣтней дѣвчищей подъ вѣнецъ пойдешь! А пойдешь, братъ, хоть и будетъ у тебя сердце воротить, пойдешь... Я свой долгъ благодарности предъ его превосходительствомъ исполнить долженъ...

Въ то же время у Прокофія является новый планъ. Статскій совѣтникъ Семенъ Семеновичъ Фурначевъ, женатый на сестрѣ Прокофія, постоянно толчется около старика Пазухина.

— Вотъ я вамъ доложу, смрадная-то скотина, даромъ что статскій совѣтникъ!... Ну, а если да этому Семену отступнаго подсунуть? А вѣдь недурно я это загадалъ! Конечно, генералъ обѣщалъ, да вѣдь кто его знаетъ, какъ онъ тамъ успѣетъ, а какъ самъ со всѣхъ сторонъ дѣло-то обдѣлаешь, такъ и совѣсть будетъ словно спокойнѣе...

Авторъ знакомитъ насъ съ четой Фурначевыхъ. Самъ Фурначевъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ называютъ солидными. Онъ большаго роста, съ приличнымъ чину брюшкомъ, ходитъ прямо, говоритъ медленно и съ достоинствомъ, манеры и движенія имѣетъ начальственныя. А между тѣмъ,—

— Господи, давно ли я босикомъ, въ одной рубашонкѣ къ отеческому дому гусей загонялъ! Давно ли въ земскомъ судѣ, въ

качествѣ писца, для старшихъ въ кабакъ за водкой бѣгалъ, и за всѣ сіи труды не благодарность, а единственно колотушки въ награду получалъ! И какъ еще колотили-то! Еще хоть бы съ разсужденіемъ, туда, гдѣ помягче, а то просто куда рука упадетъ, какъ еще живъ остался! И вотъ теперь даже подумать объ этомъ какъ-то странно! Кожа на ногахъ сдѣлалась тонкая, тѣло бѣлое, мягкое, нѣженное... и говорятъ еще, зачѣмъ тебѣ деньги! Деньги всякому нужны: съ деньгами всякая тварь человѣкомъ дѣлается, безъ нихъ и человѣкъ тварью станетъ.

Очень характеренъ разговоръ Фурначева съ женой, Настасьею Ивановной, дочерью Пазухина; по замѣчанію автора, это „дама еще не старая и очень полная". Полнѣетъ она оттого, что безпрестанно ѣстъ, а ѣстъ она потому, что находитъ въ этомъ единственное развлеченіе:

— Скука-то опять какая! Книжку возьмешь, сонъ клонитъ: что-то ужь скучно нынче писать начали; у окна поглядѣть сядешь, кромѣ своего же Трезорки живаго человѣка не увидишь... Хоть бы полкъ что-ли къ намъ поставили! А то только и поразвлечешься маленько, какъ поѣшь.

— У васъ же поди ѣда-то не купленная! замѣчаетъ ея собесѣдница.

— Нѣтъ, голубушка, отвѣчаетъ Настасья Ивановна,—вотъ нынче Антипъ Петровичъ заводъ закрылъ, такъ муку тоже покупаемъ...

И вотъ Настасья Ивановна вступаетъ въ разговоръ съ мужемъ относительно отца:

— Былъ ты у папеньки?

— Былъ, сударыня.

— Ну, что-жь, умираетъ?

— Умиралъ было, да вдругъ опять ожилъ и здоровъ сдѣлался.

— Господи! скука какая! цѣлый вотъ вѣкъ умираетъ и все не умретъ! Какъ это еще ему жить-то не надоѣло!

Несмотря на свою недалекость, Настасья Ивановна насквозь видитъ мужа:

— Даже противно смотрѣть на тебя, какую ты изъ-за денегъ личину передъ папенькой разыгрываешь! Еслибъ еще своихъ не было! Такъ вотъ, чтобъ нахапать побольше, а зачѣмъ, и самъ, чай, не знаешь. Дѣти что-ли у тебя есть?

Настасья Ивановна совершенно пренебрегаетъ братомъ:

— Просто даже скверно смотрѣть на этого Прокофья. На-

меднись вотъ въ церкви, такъ при всѣхъ и лѣзетъ цѣловаться, я даже сгорѣла отъ стыда... Вы возьмите, я вѣдь статская совѣтница, въ лучшихъ домахъ бываю, и вдругъ такой афронтъ!

Характеристика Фурначева окончательно складывается въ бесѣдѣ его съ экономкою старика Пазухина, Анною Петровною Живоѣдовой. Это женщина „роста виднаго и корпусомъ плотная, набѣленная и нарумяненная". Объявивъ ей, что вслѣдствіе суевѣрнаго страха Пазухина подписать завѣщаніе, все его имущество должно достаться Прокофію, что Прокофій непремѣнно ее выгонитъ и что ей придется тогда идти по міру, тогда какъ имѣя деньги она могла бы выдти замужъ за солиднаго человѣка, Фурначевъ начинаетъ допросъ:

— Въ какомъ мѣстѣ, сударыня, у Ивана Прокофьича сундукъ съ капиталомъ находится?

— Сами, чай, знаете, Семенъ Семенычъ, что въ опочивальнѣ подъ кроватью сундукъ.

— Это, сударыня, нехорошо. А часто ли Иванъ Прокофьичъ себя повѣряетъ?

— Каждый день, сударь. У него, у голубчика, только вѣдь и радости, что деньги считать. Утромъ встанетъ, еще не умоется, ужъ кричитъ: Аннушка, сундукъ подай! ну, и на сонъ грядущій тоже.

— И это нехорошо, сударыня. Позвольте, однако же. Такъ какъ Иванъ Прокофьевичъ находится въ немощи и слѣдовательно нагибаться самъ подъ постель не въ силахъ, изъ этого явствуетъ, что обязанность эту долженъ исполнять кто другой...

— Я, сударь, лазію.

Оказывается, что за послѣднее время старикъ Пазухинъ сталъ очень „сумнителенъ". Не имѣя возможности обойтись безъ помощи Живоѣдихи при ежедневномъ доставаніи сундука изъ-подъ кровати, онъ, считая деньги, приказываетъ своей экономкѣ отвернуться или зажмурить глаза. Тѣмъ не менѣе она отлично высмотрѣла, что̀ находится въ сундукѣ. Тамъ лежитъ болѣе чѣмъ на два милліона билетовъ и денегъ. Билеты большею частью „на неизвѣстнаго".

— Это, сударыня, хорошо. Такъ, по моему мнѣнію, почтеннѣйшая наша Анна Петровна, смыслъ басни сей таковъ, что вы на первый случай одолжите намъ слѣпочка съ ключа или замка, которымъ тяжелый сей сундукъ замыкается.

— Какъ же это, Семенъ Семенычъ, слѣпочекъ? я что-то уже и не понимаю.

— А вы возьмите, сударыня, вощечку помягче, да и тово-съ...

Фурначевъ показываетъ руками, какъ нужно дѣйствовать. Живоѣдова задумывается:

— А ну, какъ онъ увидитъ?

— Вы это, сударыня, подъ кроваткой сдѣлайте: это вещь немудреная, можно и въ потемочкахъ сдѣлать.

— Ну, а потомъ-то что, Семенъ Семенычъ?

— А потомъ, сударыня, мы закажемъ себѣ подобный же ключъ, и какъ начнетъ онъ умирать... Впрочемъ, сударыня, подробностей заранѣе опредѣлить нельзя; тутъ все зависитъ отъ одной минуты.

— Да зачѣмъ же ключъ-то фальшивый! Какъ онъ помретъ, можно будетъ и настоящій съ него снять...

— Первое дѣло, грѣхъ мертваго человѣка тревожить... интересы свои соблюдать можно, а грѣшить зачѣмъ же-съ? А второе дѣло, можетъ-быть, неровенъ случай, и при жизни его придется эту штуку соорудить, при послѣднихъ, то-есть, его минутахъ... поняли вы меня?

— А какъ же насчетъ денегъ? робко спрашиваетъ Живоѣдова.

— Въ этомъ отношеніи вы можете положиться на мою совѣсть, сударыня. Труды наши общіе, слѣдовательно и плоды трудовъ должны быть общіе.

Едва успѣла уйти Живоѣдова, какъ къ Фурначеву является Прокофій, котораго сначала заставляютъ дожидаться на кухнѣ. Прокофій не иначе обращается къ своему шурину, какъ со словами „ваше высокородіе".

— Можешь присѣсть, любезный, говоритъ ему Фурначевъ.

— Нѣтъ, ужь позвольте постоять, ваше высокородіе... Я къ вашему высокородію за совѣтомъ пришелъ.

— Ну?

— Мы такъ ужь удумали... чтобъ намъ тятенькиной волѣ... покориться надоть...

Фурначевъ пугается не на шутку. Что если Прокофій помирится съ отцомъ? Тогда онъ поселится при старикѣ и никакихъ операцій съ сундукомъ нельзя будетъ предпринять. А Прокофій все яснѣе развиваетъ свои намѣренія:

— Намъ безъ родительскаго благословенія жить невозможно.

Однимъ словомъ, онъ рѣшилъ сбрить бороду и одѣться въ „нѣмецкое" платье.

— Что жь, любезный другъ, говоритъ Фурначевъ,—это дѣло

хорошее. Родительскую волю творить надо. Только если ты насчетъ наслѣдства хлопочешь, такъ это напрасно: папенька вчерашній день и духовную ужь совершилъ.

Фурначевъ лучше кого-либо знаетъ, что никакой духовной не существуетъ. Но ему нужно припугнуть Прокофія. Послѣдній слѣпо вѣритъ въ существованіе духовнаго завѣщанія отца и немедленно попадается на удочку:

— Мнѣ на этотъ-то счетъ и желательно было бы съ вашимъ высокородіемъ разговоръ имѣть.

— Разговаривай, братецъ, разговаривай.

— Я такъ скажу, ваше высокородіе, что еслибъ да этой духовной не было, такъ я тому человѣку, который мнѣ эту спекуляцію устроитъ, хорошую бы отъ себя пользу предоставилъ.

— Это резонъ... а какъ напримѣръ?

— Да еслибы, напримѣръ, милліонъ, такъ сто бы тысячъ...

— Нѣтъ, ужъ прибавь еще полсотенки.

— Ну, и полсотенки прибавить можно.

Теперь Прокофій въ рукахъ Фурначева и не можетъ вывернуться. Пусть онъ брѣетъ бороду и надѣваетъ „нѣмецкое“ платье. Это ему не поможетъ, ибо онъ являлся подкупать Фурначева противъ отца. И вотъ Фурначевъ разражается благороднымъ негодованіемъ:

— Нѣтъ, ты скажи, за кого ты меня принимаешь? Если ты пришелъ предложить мнѣ продать почтеннаго старика, которымъ я, можно сказать, отъ головы до пятокъ облагодѣтельствованъ, стало-быть ты за кого-нибудь да принимаешь меня? Ты хочешь, чтобъ я въ пользу твою продалъ и честь, и совѣсть, которымъ я пятьдесятъ лѣтъ безвозмездно служу? Такъ у меня, сударь, безпорочная пряжка есть, которая ограждаетъ меня отъ подобныхъ подозрѣній... Вонъ!

Въ эту минуту входитъ генералъ Лобастовъ. Фурначевъ разсказываетъ ему въ чемъ дѣло. Лобастовъ видитъ сконфуженнаго Прокофья и убѣждается, что онъ его обманывалъ:

— Да, говоритъ онъ ему,—такъ вотъ ты, братъ, какъ? Нѣтъ, ты посмотри мнѣ въ лицо-то! Свинья, братъ, ты!

— Государь мой! заканчиваетъ Фурначевъ разговоръ съ Прокофіемъ,—безнравственность вашего поступка такъ велика, что я за омерзѣніе для себя считаю называться вашимъ родственникомъ. Идите, государь мой, и помните, что сколь почтенна и достохвальна добродѣтель, столько же гнусенъ и непотребенъ порокъ!

А между тѣмъ Живоѣдова, прежде нежели сдѣлать „слѣпочекъ“ съ замка, разсказываетъ Лобастову о предложеніи Фурначева и проситъ у генерала совѣта, чтобы не быть обманутой. Тотъ говоритъ, что относительно исхода не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

— Ты, стало-быть, думаешь, что онъ обидитъ?

— А то какъ же? Сами вы, голубушка, разсудите, изъ какихъ ему разсчетовъ съ вами дѣлиться?

— Да вѣдь я еще слѣпочка-то ему не давала. Ужь, видно, инъ бросить всю эту затѣю...

И Живоѣдова глубоко вздыхаетъ.

— Зачѣмъ же-съ, говоритъ Лобастовъ,—затѣя эта хорошая, только надо ее обезпечить. Такъ мы вотъ что на первый разъ съ вами положимъ: какъ начнетъ Иванъ Прокофьевичъ кончаться, такъ вы заодно съ Семенъ Семенычемъ и мнѣ потихоньку шепнуть пришлите... да мнѣ-то бы даже немножечко попрежде-съ.

Внезапно у Живоѣдовой является новая комбинація:

— А я, знаешь, что удумала: чѣмъ къ Семену Семенычу посылать, такъ мы бы вдвоемъ это дѣло сдѣлали?

— То-есть обобрать-то?

— Да не обобрать, что ты, сударь, въ самомъ дѣлѣ, какъ говоришь! Обобрать, да обобрать, только и словъ у тебя! Не обобрать, а попользоваться.

— Не могу-съ, грѣхъ-съ.

— Да что̀ же за грѣхъ?

— Грѣхъ, сударыня.

— Ну, инъ ладно, пусть Семенъ Семенычъ старается. Только ты меня ужь, сдѣлай милость, съ нимъ заодно не обмани. Вспомни ты, Андрей Николаевичъ, что я кругомъ сирота, да и дѣло-то мое такое, что я съ женскимъ своимъ умомъ никакихъ этихъ дѣловъ не понимаю... Такъ не обмани же ты меня!

— Обмануть мнѣ васъ, сударыня, нельзя, да и не разсчетъ, а только вы ужь меня въ третью часть примите.

— Что̀ съ тобой дѣлать! Все лучше, нечѣмъ какъ онъ въ самъ-дѣлѣ синенькой отпотчуетъ.

Мы дошли въ нашемъ изложеніи до удивительной сцены увѣщанія старика Пазухина его „пѣстуномъ“. Среди „высокой комедіи“, развивающейся передъ нами, увѣщаніе это звучитъ чѣмъ-то библейскимъ, возвышеннымъ, идеальнымъ. Авторъ вводитъ насъ въ домъ Пазухина и показываетъ его самого. Это худой и

слабый старикъ, котораго два лакея вкатываютъ на большомъ креслѣ въ гостиную. Онъ одѣтъ въ халатъ; ноги закутаны въ мѣховое одѣяло; въ рукахъ трость. Мало-по-малу старикъ оживляется и даже смѣется выходкамъ и разсказамъ подпоручика Живновскаго, какъ въ окно видятъ подъѣхавшаго Прокофія, безъ бороды и въ нѣмецкомъ платьѣ. Въ то же время входитъ „пѣстунъ“ и останавливается въ дверяхъ:

— Прикажешь что ли, сударь, Прокофья-то Иваныча принять?

Старикъ Пазухинъ молчитъ.

— Полно, сударь! Вѣдь ужь гробъ у тебя за плечьми стоитъ, а зла позабыть не можешь, Иванъ Прокофьичъ! Вѣдь отъ твоего же чрева плодъ... пустить что ли?

Каждый изъ присутствующихъ наперерывъ спѣшитъ воспрепятствовать свиданію отца съ сыномъ. Среди этого шума и вихря разнузданныхъ страстей невозмутимо и ровно раздается голосъ пѣстуна:

— Вспомни ты, Иванъ Прокофьичъ, давно ли ты самъ изъ звѣринаго образа вышелъ? Давно ли ты палаты каменныя себѣ выстроилъ? Давно ли тебя исправникъ таскалъ, да не за волосики, а все за браду: такъ, стало-быть, и у тебя, сударь, борода была. Вспомни родителя-то своего! Вспомни, какъ онъ, умираючи, тебѣ наказывалъ: Ванька! паче всего браду свою береги! Не звѣрь же онъ былъ, а человѣкъ, да такой еще человѣкъ, что, кажется, нынче и не родятся такіе-то! Вспомни, сударь, и про супругу свою Ѳеклисту Семеновну, какъ она, сердечная, убивалась, когда ты браду-то свою князю власти воздушныя пожертвовалъ! Отъ этой отъ прихоти твоей она, можетъ, и въ гробъ пошла. Какихъ тебѣ, сударь, еще примѣровъ надо? Растопи ты, сударь, свое сердце! Вѣдь онъ прихоть твою исполнилъ, нарядился, какъ ты желалъ... допусти же и его до себя, дай хоть глаза-то свои закрыть родному своему дѣтищу! Что хорошаго-то будетъ, какъ чужіе да наемщики только и будутъ кругомъ тебя, какъ Владыка Небесный къ тебѣ по душу пошлетъ? Съ чѣмъ ты, съ какими молитвами къ Нему, къ Батюшкѣ, на Страшный Его судъ предстанешь? Куда, скажетъ, дѣвалъ ты Прокофья-то? А я молъ его на наемницу да на блудницу промѣнялъ... Пустить, что ли?

Старикъ Пазухинъ допускаетъ къ себѣ сына, примиряется съ нимъ и позволяетъ привести жену. Но является Фурначевъ, разсказываетъ какъ Прокофій „продавалъ“ ему отца, и Прокофія

снова выгоняютъ. Это превосходная сцена, необыкновенно оживленная и рисующая всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ самыхъ тонкихъ изгибахъ ихъ характера. Именно поэтому сцену эту нужно было бы привести цѣликомъ, но у меня недостаетъ мѣста, и я прямо перехожу къ развязкѣ.

Прошло около недѣли. Мы опять въ домѣ Пазухина. Вечеръ. Комната освѣщена одною сальною свѣчкой, тускло мерцающею на столѣ, который стоитъ посрединѣ. Прямо передъ зрителями входная дверь; направо дверь въ спальню Пазухина; налѣво одна дверь ведетъ въ чуланъ, другая въ каморку Живоѣдихи. Старикъ Пазухинъ только-что умеръ. Но Живоѣдиха скрываетъ это обстоятельство, пока не явятся Лобастовъ и Фурначевъ, за которыми она потихоньку послала. Старикъ Прохорычъ узналъ однако про этотъ посылъ и въ свою очередь увѣдомилъ Прокофія. Послѣдній является ранѣе всѣхъ остальныхъ и приводитъ съ собою двухъ свидѣтелей. Прохорычъ прячетъ всѣхъ трехъ въ чуланъ. Входитъ Живоѣдиха:

— Померъ! глянула я давеча въ сундукъ, а тамъ билетовъ-то, билетовъ... ужасти! Вотъ и взяла бы, да куда я съ ними дѣнусь? Все равно обыскивать станутъ, только воровкой еще назовутъ...

Является Лобастовъ:

— Скончался, сударыня?

— Скончался, сударь!

— Стало-быть тятенько-то умеръ, говоритъ Прокофій, подслушивающій изъ-за полуотворенной двери чулана.—Что̀-жь они дѣлать хотятъ?

— Андрей Николаичъ, продолжаетъ Живоѣдова,—я все думаю, что кабы ты самъ все это обдѣлалъ?

— А что вы думаете? Рѣшусь! отвѣчаетъ Лобастовъ и направляется къ двери, ведущей въ спальню покойника. Но онъ не рѣшается ее отворить и возвращается назадъ.

— Нѣтъ, сударыня, не могу!

— Да отчего не мочь-то?

— Грѣхъ-съ.

— Да вѣдь онъ обсчитаетъ насъ, безпремѣнно обсчитаетъ!

Онъ—это Фурначевъ.

— Его и обыскать въ ту пору можно, сударыня.

— Да никакъ они родителя-то ограбить хотятъ? говоритъ про себя Прокофій и выходитъ изъ чулана:

— Желаю здравствовать, ваше превосходительство!

Лобастовъ пытается запугать Прокофія:

— Да ты знаешь-ли, что Иванъ Прокофьичъ отъ тебя, отъ бездѣльника, при послѣднихъ минутахъ находится? Уморить ты что-ли его пришелъ? Да тебя, сударь, на каторгу мало! Вонъ отсюда!

Но Прокофія теперь нельзя запугать. Онъ зоветъ своихъ свидѣтелей.

— Раненько вы зрѣлище-то въ ходъ пустили, говоритъ одинъ изъ нихъ, отставной подпоручикъ Жалнорвскій.—Вамъ бы переждать, пока они воровство тамъ свое учинятъ, да тутъ бы и перекусить имъ горло съ поличнымъ.

— Я... я... я ничего тутъ не понимаю! бормочетъ Лобастовъ.

— Да тутъ, ваше превосходительство, и понимать больше нечего, кромѣ того, какъ вы всѣ во власти моей состоите...

Живоѣдова головой выдаетъ Фурначева:

— Онъ, Прокофій Иванычъ, онъ и научилъ-то всему. Что только съ нами будетъ! Заберутъ всѣхъ насъ въ полицію, а оттуда на каторгу!

— А что, развѣ не хочется? А вѣдь куда-бы тебѣ, старая ты вѣдьма, пристойно было по нижегородкѣ-то пройтись! Такъ я вотъ замъ скажу: всѣхъ я васъ отпущаю... можетъ и часть даже отъ себя дамъ...

— Ужь дай, Прокофій Иванычъ, что-нибудь!

— На всѣхъ я на васъ плюю! Вы себѣ добра желали—кто себѣ добра не желаетъ! Только вотъ Семенъ Семенычъ, это статья особая! Никого не забуду! Всѣхъ надѣлю! хромыхъ, слѣпыхъ, убогихъ, всѣхъ накормлю! А Семена Семеныча въ Сибирь упеку. Въ самую-то есть Сибирь, въ Туруханскъ упеку!

— Упеки, голубчикъ, упеки, проситъ Живоѣдова.—Онъ всему злу корень и причина!

— Да ты совсѣмъ, братъ, другой человѣкъ сталъ, говоритъ Прокофію Лобастовъ.

— Прочь съ дороги! кричитъ Прокофій.—Потомственный почетный гражданинъ Прокофій Ивановъ, сынъ Пазухинъ идетъ! Я теперича такъ, ваше превосходительство, разсуждаю, что у меня кажинный день съ утра до вечера балъ здѣсь будетъ! Коляску изъ Москвы себѣ выпишемъ .. только сторонись—задавлю!

Начинается послѣдній актъ драмы. Является Фурначевъ. Всѣ спрятались. Фурначевъ, оглядѣвшись, неслышными шагами вхо-

дитъ въ спальню и запираетъ за собою дверь. Прокофій и Лобастовъ выходятъ изъ своей засады.

— Ну, говоритъ Прокофій Лобастову,—мы съ тобою побесѣдуемъ на свободѣ: онъ, чай, тамъ еще не скоро съ деньгами-то управится! Надо ему сперва наворовать да и въ порядокъ еще привести... Только, ужь если онъ оттудова благополучно выйдетъ, да и начнетъ считать деньги, такъ ты ужь, сдѣлай милость, уважь меня, Андрей Николаичъ! какъ сказано, такъ подъ мышки да его двумя пальчиками и возьми... Это самая забавная будетъ штука!

— Только ты прости ужь Гаврюшу-то!

— Простить можно. Правда, обижалъ онъ меня, ну да, въ то время кто надо мною не наругался!

— По неопытности, Прокофій Иванычъ; молодъ былъ еще очень, да и другіе поощряли...

— Да, натерпѣлся-таки я... Ты возьми то, что̀ Настасья Ивановна за стыдъ для себя почитала, какъ я къ рукѣ-то ея прикоснусь!

— Что говорить, Прокофій Иванычъ! всѣ мы грѣшны передъ тобою: такая ужь видно мода была!

Прокофій глядитъ въ спальню черезъ замочную скважину:

— Ишь какъ чешетъ! даже словно глаза кровью налились, и не разбираетъ, все сподрядъ въ карманы прячетъ... Вотъ какъ жестокъ человѣкъ, что послѣ вѣдь въ грязь именные-то билеты бросать придется, а ему ничего, все забираетъ! Пугнуть его что ли, Андрей Николаичъ, зарычать этакъ нечеловѣческимъ голосомъ? Ахъ, аспидъ ты этакой!

— Нѣтъ, не кричи, Прокофій Иванычъ, неравно еще умретъ со страху!

Наступаетъ мщеніе Прокофія. Когда Фурначевъ выходитъ изъ спальни и накрывается съ поличнымъ, Прокофій призываетъ лакея:

— Дмитрій! видишь ты этого милостиваго государя? Узнаешь ты его?

— Какъ, сударь, не узнать Семенъ Семеныча!

— Ну, не узналъ, братъ! Вчера онъ былъ точно Семенъ Семенычъ, а нынче онъ воръ и мошенникъ: онъ тятеньку мертваго ограбилъ, съ поличнымъ, братъ, изловили!

— Перестань, братъ Прокофій Иванычъ, говоритъ Лобастовъ.

Но Прокофій теперь уже не знаетъ удержи. Онъ зоветъ горничную:

— А знаешь ты, Мавруша, этого милостиваго государя?

— Семена Семеныча?

— Такъ нѣтъ, опознналась ты, Мавруша, не Семенъ Семенычъ онъ, а воръ и мошенникъ! Онъ тятеньку мертвенькаго ограбилъ, да поймали голубчика, такъ онъ вотъ теперь какъ крыса и мечется...

И потомъ, обращаясь къ Фурначеву:

— Что, сладко? — Позови, Мавруша, всѣхъ: и кучеровъ, и дворниковъ, и сторожей... всѣхъ позови!

Отставной подпоручикъ Живновскій, который предъ тѣмъ нѣсколько разъ просилъ у Прокофія позволенія „разложить“ Фурначева, сильно задумывается. Наконецъ, у него вырывается восклицаніе:

— Это, что называется, живаго огнемъ испалить. Да, эта манера, пожалуй, еще лучше нашей будетъ!

Вдоволь натѣшившись надъ Фурначевымъ и взявъ съ него письменное сознаніе въ совершенномъ имъ преступленіи, Прокофій приказываетъ всѣмъ разступиться:

— Православные, разступитесь! дайте дорогу вору и грабителю, статскому совѣтнику господину Фурначеву!

Послѣ этого всѣ уходятъ „отдать честь покойнику“. На сценѣ остается одинъ Живновскій и заканчиваетъ пьесу обращеніемъ къ публикѣ:

— Господа! представленіе кончилось! Добродѣтель... тьфу, бишь! порокъ наказанъ, а добродѣтель... да гдѣ же тутъ добродѣтель-то!

Дѣйствительно, добродѣтели тутъ нѣтъ. Но въ этой мастерской картинѣ, нарисованной сѣрыми красками по сѣрому фону, выдѣляются фигуры болѣе свѣтлыя сравнительно съ другими. Таковъ, напримѣръ, Лобастовъ. Получается цѣлый рядъ оттѣнковъ, цѣлая гамма человѣческихъ страстей. Какое разстояніе отъ наивнаго неразличенія добра и зла у Живоѣдовой до сознательной подлости Фурначева, между тѣмъ какъ вся картина освѣщается въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ рефлексомъ, падающимъ отъ свѣтлой личности стараго „пѣстуна“. Комедія М. Е. Салтыкова составляетъ положительное пріобрѣтеніе для нашей сцены. Невольно сожалѣешь, что покойный ея авторъ не писалъ для театра.

С. Васильевъ.

КАРТИННЫЯ ВЫСТАВКИ.

XV ученическая и XII періодическая выставки.

И ту и другую надо поставить подъ одну рубрику на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ прежніе годы, устраивая свои выставки, Училище Живописи допускало къ состязанію и бывшихъ своихъ питомцевъ. Теперь же въ училищныхъ залахъ оставлены только одни ученики, а молодые художники получили приглашеніе отъ Общества Любителей, которое размѣстило ихъ на періодической выставкѣ, прибавивъ къ нимъ картины московской молодежи, бывшія на недавнемъ конкурсѣ, и получилось рѣшительное количественное преобладаніе бывшихъ учениковъ школы надъ нѣсколькими иногородними экспонентами.

Такимъ образомъ, если выставка на Мясницкой есть ученическая 1-го курса, то на Дмитровкѣ мы имѣемъ передъ собою произведенія учениковъ выпускнаго курса, а потому замѣчанія и опредѣленія, которыя будутъ здѣсь высказаны, могутъ относиться и къ тѣмъ и къ другимъ.

Отъ школьной выставки слѣдуетъ требовать прежде всего результатовъ обученія и затѣмъ уже искать воспитательнаго направленія.

Если, къ сожалѣнію, (судя по выставкамъ послѣдняго времени) нельзя отозваться съ безусловною похвалой о технической сторонѣ преподаванія, то воспитательное воздѣйствіе, слава Богу, значительно улучшилось. Въ духовенствѣ, напримѣръ, ученики перестали видѣть только рѣпинскіе красные носы, да перовское кощунственное безобразіе,—и теперь священникъ на ихъ

картинахъ обучаетъ мальчиковъ пѣнію („Спѣвка"), а въ трудную минуту жизни является совѣтникомъ и врачевателемъ душевныхъ ранъ („За совѣтомъ"). У мужиковъ ученики начинаютъ видѣть не только пьянство, побои своихъ женъ, уродливыя семейныя отношенія и глупое гоготанье, но и тяжелый трудъ („Пахарь"); подглядываютъ „невеселыя думы" крестьянина у постели своей больной „хозяйки", которую онъ „больно жалѣетъ" („Невеселыя думы"); видятъ, какъ грамотный внученокъ читаетъ сказку своей бабушкѣ, или какъ другая бабушка любовно и проникновенно поучаетъ первымъ признакамъ морали малышей, слушающихъ о Страшномъ судѣ съ затаеннымъ дыханіемъ.

Ученики умѣли перечувствовать и передать искреннюю симпатію и душевную теплоту внучки, пришедшей къ бабушкѣ, находящейся въ богадѣльнѣ („Въ гостяхъ у бабушки"), остановились вдумчиво передъ тяжелой сценой разставанья матери съ сыномъ, котораго она изъ-за нужды отпускаетъ „въ кусочки" со слѣпымъ нищимъ („Въ далекій путь"), попробовали передать ощущенія сиротки-дочери, которой отецъ показываетъ „новую мамашу", коснулись купеческаго быта („Молодые у тестя") безъ всякаго шаржа и каррикатуры, и тронули два женскихъ характера съ нѣсколько новой точки зрѣнія: одна барыня („Отъ скуки") убиваетъ время въ разговорахъ съ кадетомъ о чувствахъ, другая вмѣстѣ съ офицеромъ устроила чучелу изъ офицерскаго костюма надъ спящей дѣвушкой,—и будитъ ее изъ-за двери, заранѣе предвкушая удовольствіе разсказать въ кругу полковыхъ дамъ о своей продѣлкѣ...

Несмотря на нѣкоторыя непріятныя исключенія („Пьяный съ базара", „Положенная порція", „Земляки", „Игра въ носки"), на всей выставкѣ лежитъ отпечатокъ пріятнаго поворота отъ обличительнаго и тенденціознаго направленія къ здравымъ художественнымъ понятіямъ.

Выше было сказано, что о преподаваніи нельзя отозваться съ безусловною похвалой. Основанія слѣдующія: какъ прежде, такъ и теперь рисунокъ хромаетъ, обращается болѣе предпочтительное вниманіе на выработку рельефныхъ плановъ и растушевку, нежели на пропорцію; эскизы на заданныя темы грѣшатъ попрежнему незнакомствомъ съ исторіей; въ общемъ направленіи преподаванія преобладаетъ довольно низменная копировка съ окружающаго и отсутствуетъ фантазія и свободное сочиненіе.

Все это легко, разумѣется, устранимо,—и было бы крайне же-

лательно, чтобъ и въ дѣлѣ преподаванія произошелъ тотъ благодѣтельный переломъ, который ярко свидѣтельствуется новымъ направленіемъ и выборомъ темъ для картинъ подростающихъ художниковъ.

Періодическая, или, вѣрнѣе, выставка картинъ молодыхъ московскихъ художниковъ, производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Видно много молодаго горячаго увлеченія, замѣчается улучшеніе техники и неослабѣвающая производительность.

Въ пейзажахъ замѣтное мѣсто занимаетъ г. Левитанъ, превратившійся изъ пѣвца осеннихъ туманныхъ дней въ яркаго (подчасъ слишкомъ яркаго) колориста. Кто особенно сильно прогрессируетъ — это г. Зарѣцкій. Его морскіе виды („Новороссійскъ" и „На буксирѣ") положительно хороши. На ряду съ ними никакъ уже нельзя поставить его изображенія въ степи огромнаго каменнаго истукана. Очень мила картина г. Свѣтославскаго „Зимніе сумерки". Надъ Москвой-рѣкой, у Москворѣцкаго моста клубится паръ. Холодный зимній день. Туманомъ окутался Кремль съ его соборами; набережная занесена снѣгомъ; въ туманѣ мерцаютъ уже зажженные фонари. На всемъ печать элегантной кисти и любовнаго отношенія къ предмету.

Пейзажи г. Васнецова, наоборотъ, вводятъ насъ въ зной лѣтняго полдня; но техника его жестка, манера безпокойна, а потому чувства удовлетворенія не получается. „Лѣсной перевалъ" А. Степанова (1-я премія на конкурсѣ)—картина съ большими достоинствами, но намъ несравненно симпатичнѣе картинка Соколова „Весна", получившая только вторую премію. Со времени Саврасовскихъ весеннихъ пейзажей намъ не приходилось испытывать такого цѣльнаго настроенія. Сюжетъ же картины самый незамысловатый: уголокъ какого-то захолустья; стоятъ обнаженныя еще деревья, кустики запушились; въ деревьяхъ и кустарникахъ густая, зарождающаяся, молодая жизнь,—и надо всѣмъ этимъ жизнерадостный весенній воздухъ. Въ этомъ маленькомъ полотнѣ такъ много непосредственнаго чувства природы, такъ много любви къ нашему русскому незатѣйливому пейзажу, что будетъ обидно, если г. Соколовъ не пойдетъ дальше и обманетъ надежды, которыя возлагаются на него всѣми, кто любовался его хорошенькой картиной. Къ сожалѣнію, это случается. Въ отдѣлѣ жанровыхъ картинъ отмѣтимъ печальную, продуманную картину г. Налуса „Передъ отъѣздомъ на родину". Тяжелый сюжетъ! Молодому человѣку посовѣтовали изъ столицы поѣхать въ родныя мѣ-

ста, гдѣ и климатъ, будто, лучше и уходъ внимательнѣе. Больной не прекословитъ; собрался, уложился; допиваетъ послѣдній стаканъ чая въ опустѣлой комнатѣ, гдѣ когда-то такъ широко мечталось; но въ умныхъ, задумчивыхъ глазахъ его вы видите, что не вѣритъ онъ въ свое выздоровленіе, до боли ясно сознаетъ, *зачѣмъ* онъ ѣдетъ къ родному погосту,—и вамъ отъ души жаль этой молодой угасающей жизни. Въ картинѣ ни одного шаржированнаго штриха: ни чахоточнаго скелета съ красными пятнами на щекахъ, ни умышленной небрежности въ костюмѣ; напротивъ, все чинно и даже суховато, но сомнѣвающіеся глаза, рѣшительно, производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Глубокимъ чувствомъ проникнута картина г. Турлыгина „Къ Заступницѣ“. У подножія огромной иконы Божіей Матери въ горячей, страстной мольбѣ склонилась молодая женщина, одѣтая въ черное. Маленькій ребенокъ, не понимая происходящаго, нетерпѣливо теребитъ ее рученками и навалился своимъ маленькимъ тѣльцемъ, силясь поднять молящуюся мать. Техника картины прекрасная; выписка подробностей самая тщательная, но... молящаяся женщина кажется втиснутой внутрь стѣны, и это портитъ впечатлѣніе.

Картина г. Архипова „Проводы“ переноситъ насъ на окраину военнаго лагеря. Молодаго драгуна приходила „провѣдать“ мать изъ деревни, и теперь сынъ провожаетъ ее до предѣльнаго лагернаго пункта, съ тѣмъ чтобы разстаться надолго, а можетъ быть (ну, да какъ, храни Богъ, война!) и навсегда. Молодой солдатикъ имѣетъ угрюмый и отупѣлый видъ. Мы не знаемъ, отчего онъ происходитъ: отъ того ли, что онъ вообще неумный человѣкъ и неласковъ характеромъ, или ему тягостна формальность разставанья, или ему стыдно товарищей за то, что къ нему, бравому воину, будто къ школьнику, приходитъ мать повидаться; мы ничего этого не знаемъ, но отлично сознаемъ, что, какой бы онъ ни былъ—неласковый, глупый, бахвалъ или еще того хуже, онъ дорогъ этой идущей съ нимъ рядомъ старушкѣ Божіей. И торопится она своими мелкими старушечьими шагами идти вровень съ сыномъ, торопится передать ему при разставаньи все волнующее ее материнскую душу, и жутко ей, что вотъ сейчасъ, вотъ за валомъ, надо будетъ благословить ей своего ненаглядная и пойти одной по этой длинной, пыльной дорогѣ съ тревожнымъ опасеніемъ: — „приведетъ ли Господь вновь свидѣться?“... Удивительная фигура! Талантъ г. Архипова, видимо, крѣп-

нетъ съ каждымъ годомъ, и мы въ правѣ ожидать отъ него чего-нибудь очень крупнаго.

Заканчивая обзоръ произведеніемъ г. Бакшеева „За совѣтомъ“, мы съ величайшимъ удовольствіемъ констатируемъ талантливость его автора, но очень жалѣемъ о манерѣ и способѣ, которымъ написана картина. Широкіе, небрежные мазки, умышленное пренебреженіе прямыми линіями, отрицаніе элементарныхъ правилъ композиціи и бравированіе этимъ отрицаніемъ—это темныя стороны картины. Свѣтлая же ея сторона—мысль.

Въ неприхотливой комнаткѣ съ бѣлыми обоями, со столомъ, покрытымъ бѣлой скатертью, въ бѣломъ подрясникѣ сидитъ сѣденькій, старенькій священникъ. Передъ нимъ двѣ пожилыхъ женщины изъ простаго класса, въ костюмахъ кухарокъ или вообще прислуги. Съ одной изъ нихъ приключилось какое-то горе, настолько глубокое, что она даже и говорить о немъ не въ состояніи,—и вотъ подруга ея взяла на себя обязанность повѣреннаго и горячо старается ввести старенькаго батюшку въ глубину горькаго положенія своей несчастной товарки.

На одной сторонѣ—глубокое горе и волненіе мірскихъ людей, на другой—тихое спокойствіе и келейная тишина пастыря не отъ міра сего. Здѣсь слезы и печаль туманятъ разумъ, а за окномъ яркими лучами блещетъ солнце и посылаетъ свои свѣтлые лучи труждающимся и обремененнымъ; зеленѣетъ яркая листва, цвѣтутъ цвѣты въ батюшкиномъ саду. Въ комнатѣ, вмѣстѣ съ солнечнымъ лучемъ, какъ будто разлита какая-то благодать, врачующая душевныя раны; такъ и кажется, что высохшія уста святаго человѣка, къ которому пришли за совѣтомъ эти женщины, откроются, и онъ заговоритъ этимъ труждающимся и обремененнымъ о Христовомъ игѣ, которое—благо, и бремени, которое—легко,—и пойдутъ онѣ отъ батюшки утѣшенныя и просвѣтленныя. Три картины — „Къ Заступницѣ“, „Проводы“, „За совѣтомъ“ принадлежатъ молодымъ художникамъ, окончившимъ курсъ въ московской Школѣ Живописи. Честь и хвала ей за направленіе, но серьезный упрекъ за то, что она таланты ихъ связала отсутствіемъ школьныхъ навыковъ и не научила быть хозяевами рисунка! Самимъ же молодымъ художникамъ слѣдуетъ помнить, что учиться никогда не поздно и не стыдно...

П. П.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Лѣснинскій монастырь; краткая исторія его развитія и современное устройство; возможное направленіе его дѣятельности.—Значеніе подобныхъ учрежденій для окраинъ.

Церковная жизнь на нашихъ окраинахъ должна несомнѣнно привлекать къ себѣ наше особенное вниманіе. Окраины имѣютъ для насъ большое политическое значеніе. Поэтому то или другое положеніе Православія на окраинахъ, то или другое развитіе Церковной жизни *тамъ* оказываетъ громадное вліяніе на укрѣпленіе политической и бытовой связи окраинъ съ центральною Россіей.

Мы уже нѣсколько разъ возвращались къ этому предмету, и на этотъ разъ считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателя на одномъ изъ отрадныхъ явленій нашей Церковной жизни въ *Западной Россіи*. Мы разумѣемъ здѣсь дѣятельность *Лѣснинскаго* женскаго монастыря, насколько она опредѣлилась уже въ жизненныхъ фактахъ, которые мы имѣли случай наблюдать лично. Это совершенно новое явленіе нашей Церковной жизни, крайне интересное даже само по себѣ, независимо отъ какихъ-либо связей съ данной мѣстностью или съ спеціальными задачами.

Лѣснинскій монастырь расположенъ въ двѣнадцати верстахъ отъ гор. Бѣлы, Сѣдлецкой губерніи, въ той мѣстности, которая искони носила названіе Подляшской земли. Земля эта сплошь была населена русскимъ людомъ, въ свое время совращеннымъ въ унію. Нынѣ же, съ прекращеніемъ уніи, въ возстановленныхъ православныхъ приходахъ того края считаются сотнями и тысячами такъ-называемые „упорствующіе“, то-есть тѣ изъ бывшихъ уніатовъ, которые упорно отказываются отъ общенія съ православными. Таковъ характеръ той мѣстности, въ которой находится Лѣснинскій монастырь.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ въ этой мѣстности явилась чудотворная икона Божіей Матери. Она была поставлена въ Буковичскую православную церковь, но скоро Поляки, въ своихъ цѣляхъ, овладѣли этой святыней и перенесли ее въ свой костелъ, находящійся въ деревнѣ Лѣснѣ. Въ началѣ прошлаго вѣка костелъ этотъ перешелъ въ руки католическихъ монаховъ Паулиновъ, которые устроили здѣсь величественный монастырь, надолго сдѣлавшійся центромъ латинской пропаганды. Въ 1863 году за участіе въ мятежѣ Паулины были удалены изъ монастыря, а въ 1875 году Лѣснинскій костелъ былъ переданъ православному вѣдомству. Бывшій въ то время архіепископъ Холмско-Варшавскій Леонтій (нынѣ митрополитъ Московскій) ясно видѣлъ, что для нуждъ мѣстнаго края, для поправленія того зла, которое нанесено народу латинскою пропагандой, необходимы усилія многихъ лицъ, связанныхъ между собой единствомъ труда и стремленій. Плодомъ этого убѣжденія явилось устройство въ Лѣснѣ православной *женской* общины, именно женской, потому что никто не можетъ такъ искусно залѣчивать старыя раны, какъ женщина.

Устроительницей общины суждено было быть графинѣ Е. Б. Ефимовской. Она прибыла въ Лѣсну 20 октября 1885 года съ пятью сестрами и двумя дѣвочками. Прибывшія не нашли себѣ даже пристанища; все это было такъ запущено и разрушено, что негдѣ было пристроиться. Окрестные жители встрѣтили прибывшихъ недовѣріемъ и даже прямо враждой. Начался для молодой общины трудъ упорный, черный, незамѣтный, трудъ борьбы съ окружающею обстановкой и созиданія чего-либо изъ ничего. Самимъ приходилось поправлять запущенное зданіе для жилья, самимъ носить дрова и воду, топить печи и исправлять всю черную работу. Средствъ первое время не было никакихъ; бывали дни, когда всѣ крохи подбирались, и неизвѣстно было, что̀ будетъ дальше, гдѣ взять пропитаніе. Одно твердое упованіе на Бога никогда не покидало лѣснинскихъ труженицъ и никогда ихъ не обманывало. Неожиданныя жертвы благотворителей спасали вновь нарождающуюся обитель. Такъ, трудами, молитвою и слезами росла и укрѣплялась община. Черезъ два года въ ней уже было 37 сестеръ, а черезъ четыре года община была преобразована уже въ монастырь.

Не слѣдя шагъ за шагомъ за развитіемъ монастыря, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на его современномъ устройствѣ и положеніи.

Характеръ мѣстности, въ которой расположена Лѣснинская обитель, кладетъ свой отпечатокъ на устройство ея и внутренній распорядокъ ея жизни. — Какъ мы сказали, обитель расположена въ мѣстности заселенной сплошь упорствующими, которые въ своей ненависти ко всему православному поддерживаются тайною іезуитскою пропагандой. Эти несчастные, забывъ вѣру предковъ, десятки лѣтъ находятся внѣ церковнаго воздѣйствія, отказываясь войти въ церковную ограду; не крестятъ младенцевъ, выростаютъ и умираютъ безъ церковнаго напутствія. Безпросвѣтное невѣжество и дикость, сбитая съ толку вражьими навѣтами, служатъ причиной такого положенія дѣлъ.

Чѣмъ болѣе свѣта будетъ внесено въ эту тьму, чѣмъ больше тепла почувствуютъ эти закостенѣвшіе люди, тѣмъ скорѣе рухнетъ искусственная преграда между ими и нами.

И этотъ свѣтъ и это тепло можетъ внести только женщина. Кому неизвѣстно громадное вліяніе женщины въ семьѣ? Болѣе чѣмъ кому-либо это извѣстно польскимъ ксендзамъ, которые на этомъ вліяніи создали цѣлую систему политическаго развращенія народа. Женщина можетъ внести въ семью тотъ духъ, который ей самой внушенъ, и дѣлаетъ она это всегда съ тою долею фанатизма и упорства, на который способна только женщина. Стало быть — воспитаніе дѣвочки, воспитаніе будущихъ женъ и матерей — есть первое условіе и единственно-вѣрное средство для достиженія нашихъ цѣлей. Мы говоримъ *воспитаніе* и подчеркиваемъ это слово, такъ какъ простое обученіе грамотѣ еще слишкомъ недостаточно для воздѣйствія на семью. Тутъ нужна выработка въ извѣстномъ направленіи, закалка духа. Эту выработку даетъ религіозно-нравственное воспитаніе въ хорошей церковно-приходской школѣ подъ воздѣйствіемъ Церкви. Такое же воспитаніе стремится дать женщинѣ и Лѣснинская обитель и въ этомъ полагаетъ свою главную задачу и цѣль, къ которой стремится неуклонно.

Лѣснинскій монастырь обладаетъ нѣсколькими средствами благотворнаго воздѣйствія на народную массу Подляшья. Но средствомъ спеціальнаго воспитанія женской массы этого края является прекрасно организованная школа-пріютъ въ самомъ монастырѣ.

Двѣ дѣвочки-сиротки, привезенныя въ 1885 году настоятельницей общины въ Лѣсну изъ Москвы, положили начало этой школѣ-пріюту. Оффиціально школа открыта была черезъ годъ;

сначала принято было 48 дѣвочекъ—все большею частію круглыхъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей. На слѣдующій годъ число желающихъ поступить въ школу было такъ велико, что, за неимѣніемъ средствъ на содержаніе, пришлось большинству отказать. Школа открылась и до послѣдняго времени содержалась лишь на доброхотныя жертвы Въ настоящее время въ школѣ-пріютѣ на полномъ содержаніи монастыря находится уже 87 дѣвочекъ, изъ которыхъ 22 совершенно малолѣтнихъ (3 дѣвочки еще на рукахъ). Для нихъ выстроено отдѣльное отъ монастыря прекрасное деревянное зданіе; въ этомъ же зданіи устроена небольшая церковь, для того, чтобы дѣти и въ ненастье и въ зиму не были лишены богослуженія. Дѣти школьного возраста проходятъ весь курсъ ученія въ 4 года. Кончившія школу могутъ хорошо и безошибочно писать, толково читаютъ, знаютъ всѣ дѣйствія ариѳметики, имѣютъ понятіе о географіи и исторіи, особенно исторіи Западнаго края. Но главнымъ образомъ вниманіе обращается, конечно, на религіозное воспитаніе дѣтокъ. Объясненіе молитвъ, заповѣдей, богослуженія знаютъ прекрасно, сами внятно и хорошо читаютъ въ церкви часы, каѳизмы, пареміи, сами поютъ при богослуженіи, съ благоговѣніемъ пріучены слушать Слово Божіе; Евангеліе читается имъ ежедневно послѣ утреннихъ молитвъ. Послѣ занятій на досугѣ распѣваютъ церковныя пѣснопѣнія, пріучаются къ домашнему хозяйству и рукодѣліямъ, необходимымъ въ домашнемъ быту: шитью, вязанью и пр.

Такъ монастырь, выпуская изъ своихъ стѣнъ дисциплинированныхъ въ духѣ православной Церкви своихъ воспитанницъ, подготовляетъ постепенно силу, способную оказать свое вліяніе на новое поколѣніе. Нѣкоторое косвенное вліяніе на народъ воспитанницы монастыря имѣютъ и теперь, еще находясь въ школѣ. Съ Пасхи до Воздвиженія ученіе въ школѣ прекращается, и на это время болѣе взрослыя дѣти отдаются въ хорошія крестьянскія семьи, гдѣ они исполняютъ болѣе легкія работы. Благодаря этому и дѣти не отвыкаютъ отъ своей среды, и крестьяне знакомятся съ тѣмъ, что для нихъ полезно знать; вліяніе монастыря косвенно отражается на нихъ и измѣняетъ строй ихъ понятій.

Само собою разумѣется, что успѣхъ воспитанія дѣвочекъ въ монастырской школѣ и та или другая степень духовной настроенности этихъ дѣтокъ всецѣло зависитъ отъ того, кто воспитываетъ.

Къ счастію, Лѣснинскій монастырь въ этомъ случаѣ поставленъ въ такія прекрасныя условія, которымъ можетъ позавидовать всякій другой монастырь. Въ Лѣснинскомъ монастырѣ находится всегда 10—12 сестеръ монахинь и послушницъ, получившихъ среднее или высшее образованіе (кончившихъ гимназіи институты или высшіе женскіе курсы). Въ этомъ отношеніи конкуррировать съ Лѣснинскимъ монастыремъ можетъ только одинъ, Шамординскій (близь Оптиной пустыни, Калужской губерніи), пріютившій въ своихъ стѣнахъ очень многихъ образованныхъ дѣвицъ. Въ Лѣснинскомъ монастырѣ образованныя сестры несутъ всѣ тѣ послушанія, гдѣ требуется знаніе; онѣ завѣдуютъ школой, больницей, ведутъ письменную часть и т. д. Въ свободное отъ послушанія время занимаются съ простыми сестрами; учатъ ихъ грамотѣ, читаютъ имъ Св. Евангеліе, житія Святыхъ и т. д. Лѣснинскій монастырь, счастливо для своихъ цѣлей, отличается отъ другихъ монастырей еще и тѣмъ, что *поступать въ него можно на время;* принимаетъ онъ и тѣхъ, кто не думаетъ быть инокинями, а желаетъ временно потрудиться на пользу обители. Это благопріятствуетъ притоку новыхъ труженицъ и даетъ обители возможность пользоваться свѣжими силами.

При перечисленіи монастырскихъ учрежденій, связанныхъ съ задачей помощи народу и воздѣйствія на него въ извѣстномъ направленіи, необходимо упомянуть и о больницѣ. Въ настоящее время больничное дѣло находится еще въ зачаточномъ состояніи. Правда, ни одинъ больной, приходящій за помощью къ лѣснинскимъ монашкамъ, не уходитъ неудовлетвореннымъ; онъ всегда получаетъ первую помощь, всегда надѣляется лѣкарствами, всегда уходитъ обласканный заботами и ободренный молитвами сестеръ; тѣмъ не менѣе это великое дѣло будетъ поставлено на твердую почву лишь тогда, когда будетъ выстроена помѣстительная больница и когда какая-либо женщина-врачъ согласится потрудиться на этой плодотворной нивѣ во славу Божію. А дѣло это великое. Вліяніе на больныхъ такъ же плодотворно, какъ и на дѣтей. Видя самоотверженную дѣятельность и заботу сестеръ о себѣ, крестьяне съ благоговѣніемъ относятся къ этой дѣятельности, а отсюда благоговѣніе переносится и къ источнику этой дѣятельности, къ такъ-называемой „русской вѣрѣ“. А какъ велико уже теперь довѣріе крестьянъ къ Лѣснѣ, видно изъ того, что въ монастырь за помощью приходятъ больные и привозятъ ихъ за десятки верстъ. Къ окрестнымъ же крестьянамъ сестры

сами носятъ лѣкарства, сами указываютъ ихъ употребленіе и своими заботами приносятъ большое утѣшеніе скорбящимъ.

Для полноты очерка быстраго развитія Лѣснинскаго монастыря и его дѣятельной жизни необходимо упомянуть, что при монастырѣ есть уже маленькая богадѣльня, есть нѣсколько мастерскихъ; сестры сами изготовляютъ церковныя облаченія не только для монастыря, но и для другихъ церквей, сами переплетаютъ книги, шьютъ башмаки и кожаные пояса, ткутъ и прядутъ, изготовляютъ ковры, сами занимаются садоводствомъ и огородничествомъ, сами исполняютъ всѣ полевыя работы, успѣшно занимаются пчеловодствомъ; наконецъ въ монастырѣ есть и своя иконописная; заказы на иконы поступаютъ довольно большіе, что особенно важно для Привислинскаго края.

Внутренняя жизнь Лѣснинскаго монастыря регулируется уставомъ, общимъ для всѣхъ женскихъ монастырей. День начинается въ $3^{1}/_{2}$ часа утра, когда сестры выслушиваютъ полунощницу и утреннія молитвы. Затѣмъ имъ читается и объясняется дневное Евангеліе и Апостолъ. Тѣ, которыя свободны отъ послушанія, выслушиваютъ утреню и литургію. Вечерня съ повечеріемъ также бываетъ ежедневно. День оканчивается вечернимъ правиломъ по обычаю.

Такъ течетъ жизнь лѣснинскихъ сестеръ изо-дня-въ-день, распредѣленная между молитвой и дѣятельнымъ трудомъ на пользу ближнихъ. Основнымъ началомъ этой жизни служитъ самоотверженная любовь къ народу и просвѣщеніе его въ духѣ Православной Церкви. Это начало, проникающее собой всю дѣятельность лѣснинскихъ сестеръ, обусловливаетъ собой то истинно православное христіанское отношеніе монастыря къ окружающему міру, къ которому такъ не привыкъ народъ, развращенный латинствомъ въ Западномъ краѣ. Привыкшій къ грубому фанатизму отцовъ-іезуитовъ, къ смѣшенію политики съ религіей, къ высокомѣрному отношенію къ себѣ, этотъ забитый народъ съ удивленіемъ теперь видитъ новое явленіе, съ радостію чувствуетъ на себѣ то тепло христіанской любви ко всѣмъ безъ исключенія, которое вѣетъ отъ Лѣснинской обители. И это тепло, распространяющееся все дальше и дальше отъ центра кругами, производитъ медленный, но вѣрный переворотъ въ сознаніи народа. Факты жизни подтверждаютъ это. Въ послѣднее время стали приходить въ Лѣснинскій монастырь, чтобы поговѣть, такія крестьянки изъ упорствующихъ, которыя не говѣли лѣтъ по двадцати. Свѣтъ

и тепло сломили упорство. Въ одномъ селѣ весной 1890 года умерла одна женщина; послѣ ея смерти остался мужъ и двое дѣтей—трехлѣтняя и четырехмѣсячная дочь; умирая, эта женщина говорила мужу: „младшую я возьму съ собою, а о старшей дѣвочкѣ позаботятся лѣснинскія монашки, выростятъ ее, научатъ Богу молиться и укажутъ мою могилу...“ Такъ и случилось. Больная умерла, за нею умерла и малолѣтняя дочь, а старшую приняли въ Лѣснинскій пріютъ. Въ другомъ селѣ жила вдова съ четырьмя малолѣтними дѣтьми; послѣ ея смерти дѣти остались круглыми сиротами безъ присмотра. Нашелся сердобольный крестьянинъ, который привезъ ихъ всѣхъ въ Лѣсну и просилъ взять ихъ, а „иначе, говорилъ онъ, всѣ они помрутъ съ голоду и холоду“. И монастырь принялъ ихъ на свое попеченіе.[1] Подобные случаи нерѣдки, и еслибъ описывать ихъ, то пришлось бы исписать много страницъ. Къ сожалѣнію, развитію благотворительной дѣятельности монастыря сильно препятствуетъ недостатокъ въ потребныхъ для того матеріальныхъ средствахъ. Итакъ еще удивительно, какъ могъ монастырь дорости до современнаго состоянія въ теченіе какихъ-либо семи лѣтъ, существуя главнымъ образомъ на доброхотныя даянія, такъ какъ казенное пособіе въ размѣрѣ 2.430 р. ежегодно выдается только съ 1890 года и, конечно, недостаточно для содержанія 80 сестеръ и 86 дѣтей въ пріютѣ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшихъ задачахъ дѣятельности Лѣснинскаго монастыря.

Главнѣйшая предстоящая задача—это очертить ясно и точно тотъ кругъ, *за* который дѣятельности монастыря выходить не слѣдуетъ, или установить тотъ путь, идти по которому слѣдуетъ уже *неуклонно*. Это главное. Во всякомъ широкомъ дѣлѣ, когда границы дѣла не очерчены, а энергія дѣлателей бьетъ ключемъ, происходитъ вначалѣ пагубная трата силъ, вслѣдствіе разбрасыванія въ стороны. Это происходитъ до тѣхъ поръ, пока не установится единство приложенія всѣхъ силъ въ одну сторону; тогда и результаты, понятно, получаются лучшіе, и удовлетвореніе этими результатами является скорѣе.

[1] Фактическими данными для нашего очерка мы пользовались изъ сообщенія о Лѣснинскомъ монастырѣ свящ. Михаила Попова, помѣщеннаго въ Холмскомъ календарѣ за 1892 годъ.

Такъ и въ дѣлѣ Лѣснинскаго монастыря. Чѣмъ болѣе будетъ приложено усилій *въ одну сторону*—тѣмъ лучше. Характеръ же этой дѣятельности опредѣляется тѣмъ началомъ, которое такъ удачно положилъ уже монастырь. *Воспитаніе молодаго женскаго поколѣнія Западнаго края въ духѣ Православной Церкви*—вотъ одна задача, на осуществленіе которой можетъ пойти весь наличный и будущій запасъ пылкой энергіи и молодыхъ силъ Лѣснинской обители.

Мы нарочно упомянули слово „женскій", такъ какъ дѣлающіяся попытки обученія мальчиковъ грамотѣ въ монастырѣ — есть, по нашему мнѣнію, разбрасываніе дѣятельности. А воспитаніе женскаго молодаго поколѣнія это такая великая задача, такое дѣйствительное и вѣрное средство оказать вліяніе на весь народъ, что намъ кажется это безспорною аксіомой. Вопросъ можетъ быть только о той или другой *постановкѣ* этого дѣла. Это тоже очень важно, но и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ предъ глазами самый реальный примѣръ, въ высшей степени подходящій для насъ.

Въ Могилевской губерніи, въ семи верстахъ отъ гор. Мстиславля, находится *Пустынскій* мужской монастырь. Онъ, такъ же какъ и Лѣснинскій, окруженъ со всѣхъ сторонъ смѣшаннымъ польско-русскимъ населеніемъ, такъ же какъ и Лѣснинскій знаменитъ святыней, чтимою даже католиками, и точно такъ же въ тяжелое для Православія время попалъ въ руки Латинянъ и въ теченіе двухъ столѣтій находился во владѣніи монашескаго польскаго ордена. Совпаденіе замѣчательное. Перешелъ затѣмъ монастырь къ намъ въ крайне бѣдственномъ состояніи, но благодаря усердію ревнителей Православія за время съ 1863—71 г. мало-по-малу былъ приведенъ къ нѣкоторому благоустройству. Въ 1869 году при немъ было основано православное церковное братство, имѣющее своею главной задачею „съ одной стороны *содѣйствіе къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви* и къ утвержденію доброй нравственности и трудолюбія крестьянскаго населенія; а съ другой — устраненіе того, что со стороны враговъ Православія и Русской народности можетъ пагубно дѣйствовать на нравственность крестьянъ, равно на хозяйственный или матеріальный ихъ бытъ." [1] Первая половина этой широкой задачи до сихъ поръ осущест-

---

[1] *Церковн. Вѣстн.* № 28 1892.

вляется блестящимъ образомъ. 2 февраля 1870 года въ стѣнахъ обители было учреждено *центральное церковное училище* — преимущественно для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей (опять совпаденіе съ началомъ дѣятельности Лѣснинскаго монастыря); въ этомъ училищѣ воспитывалось на полномъ содержаніи до ста и болѣе учениковъ, а въ 1888—89 году ихъ было 159 человѣкъ. Въ 1884 году по особому ходатайству училище было преобразовано въ двухклассное и тогда только стало получать изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія пособіе въ 1.000 р., не пользуясь ранѣе ни малѣйшимъ вспомоществованіемъ. Не довольствуясь этимъ, монастырь постепенно заводилъ въ ближайшихъ и отдаленныхъ селеніяхъ маленькія церковно-приходскія школы и такимъ путемъ къ 1882 году имѣлъ таковыхъ уже 49. Эти школы постоянно сохраняли тѣсную связь съ центральнымъ монастырскимъ училищемъ и отсюда—изъ наиболѣе способныхъ воспитанниковъ—получали для себя учителей, которые на лѣтнія каникулы возвращались въ монастырь для дальнѣйшей подготовки къ своей педагогической дѣятельности. Для просвѣщенія же простаго народа съ 1872 года при монастырѣ ведутся, при участіи и подъ руководствомъ настоятеля, общедоступныя бесѣды религіозно-нравственнаго содержанія. Имѣются при обители библіотека религіозно-нравственныхъ и научно-популярныхъ сочиненій и больница для оказанія помощи врачебными совѣтами и даже лѣкарствами всѣмъ обращающимся. За послѣднее же время обитель поставила цѣлью введеніе преподаванія сельскаго хозяйства съ практическими занятіями на монастырской землѣ. Такъ постепенно и неуклонно осуществляетъ свою задачу Пустынскій монастырь.

У Лѣснинскаго монастыря есть всѣ данныя для того, чтобы развить свою дѣятельность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ именно въ этомъ направленіи. Говоря о данныхъ, мы подразумѣваемъ, конечно, не матеріальныя средства, въ которыхъ нуждается какъ тотъ, такъ и другой монастырь, а личныя силы обители. Въ этомъ отношеніи Лѣснинскій монастырь можетъ сдѣлать изъ своей школы училище съ такимъ курсомъ ученія, который позволялъ бы выпускать сельскихъ учительницъ. Подготовивъ контингентъ хорошихъ, твердо воспитанныхъ и обученныхъ учительницъ, можно было бы приступить къ открытію въ разныхъ пунктахъ той же Сѣдлецкой губерніи небольшихъ церковно-приходскихъ училищъ *преимущественно для дѣвочекъ.* Въ

этомъ дѣлѣ помогло бы монастырю, конечно, Холмское братство. Мы опять настаиваемъ на томъ, чтобы вниманіе обращено было преимущественно на дѣвочекъ, въ виду того вліянія, какое имѣетъ въ семейномъ быту женщина. Главный контингентъ учительницъ можетъ быть выбранъ изъ лучшихъ воспитанницъ-сиротокъ, выросшихъ въ монастырѣ. Связь ихъ съ обителью будетъ постоянная и живая,—и онѣ на каникулы могутъ собираться подъ кровъ роднаго монастыря, гдѣ можно и отдохнуть, и почерпнуть силы на новые труды и дополнить или освѣжить свои знанія.

Такимъ образомъ центръ—Лѣснинскій монастырь и цѣлая сѣть маленькихъ школъ, расположенныхъ по всему краю и находящихся въ органической связи со своимъ центромъ. Такъ мы представляемъ себѣ ту задачу, которую предстоитъ осуществить Лѣснинскому монастырю.

* * *

Надо ли говорить о томъ значеніи, какое имѣютъ для нашихъ окраинъ монастыри, подобные Лѣснинскому или Пустынскому? Значеніе это понятно само собою. Они представляютъ изъ себя своеобразныя миссіонерскія станціи; это крѣпости, около которыхъ группируются главныя силы въ борьбѣ съ инославною пропагандой и антинаціональными стремленіями. Эти миссіонерскія станціи могутъ сослужить великую службу дѣлу Православія, дѣлу распространенія истинно-христіанскаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, эти духовныя крѣпости могутъ сослужить свою службу и государству, укрѣпивъ въ народѣ національное самосознаніе, расшатанное иноплеменнымъ владычествомъ. Въ этомъ великое значеніе подобныхъ учрежденій, и мы можемъ только желать, чтобъ ихъ какъ можно болѣе устроилось по всѣмъ окраинамъ Русской земли.

Но если нѣтъ спора въ вопросѣ о пользѣ подобныхъ учрежденій, то иная будетъ рѣчь о томъ, съ какою внѣшнею формой удобнѣе всего связывать эти учрежденія. Возникаетъ вопросъ, не праздный,—удобно ли связывать эти учрежденія, эти миссіонерскія станціи, съ общимъ монастырскимъ уставомъ, у насъ однообразнымъ пока для всѣхъ монастырей? Находится ли въ согласіи между собою этотъ уставъ и цѣли, имъ преслѣдуемыя, съ задачами миссіонерской дѣятельности, и до какой степени это согласіе простирается? Не могутъ ли быть какія-либо столкновенія двухъ противоположныхъ стремленій, не является

ли общая монастырская жизнь, по суровому аѳонскому уставу, помѣхой для осуществленія просвѣтительныхъ миссіонерскихъ задачъ и наоборотъ?

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ относительно дѣятельности Лѣснинскаго монастыря. Но мы можемъ разсуждать объ этомъ безотносительно, a priori. Съ одной стороны цѣлью является чисто-личная, созерцательная жизнь, стремленіе къ тишинѣ, къ покою, къ внутреннему совершенствованію посредствомъ аскетическихъ подвиговъ, съ другой — цѣль является въ самоотверженной, хотя и суетливой, заботѣ о другихъ и только о другихъ. Если сопоставить эти двѣ цѣли вмѣстѣ или связать ихъ вмѣстѣ, то общій итогъ будетъ непремѣнно измѣняться сообразно съ измѣненіемъ этихъ величинъ. Увеличьте заботу о точномъ исполненіи монастырскаго устава — непремѣнно уменьшится забота о другихъ; увеличьте заботу о другихъ — непремѣнно это произойдетъ въ ущербъ достиженія первой цѣли. И это измѣненіе итога будетъ всегда прямо пропорціонально измѣненію данныхъ величинъ. Изъ этой пропорціи выйти нельзя вслѣдствіе прямой противоположности двухъ связываемыхъ величинъ. А желательно ли это, выгодно ли это для дѣла, не страдаетъ ли оно отъ неудобнаго совмѣщенія двухъ разныхъ задачъ?

А если это такъ, то является и другой вопросъ: почему необходимо непремѣнно связывать въ одномъ учрежденіи новыя задачи съ старою формой? Зачѣмъ вливать вино новое въ старые мѣхи? Развѣ нельзя найти подходящую форму жизни, не сталкивающуюся съ новымъ содержаніемъ жизни? Развѣ *женская община* не можетъ хорошо осуществлять тѣ миссіонерскія задачи, которыя справедливо возлагаются на нихъ на окраинахъ? Развѣ необходимъ для этого непремѣнно монастырь?

Всѣ эти вопросы ждутъ еще своего отвѣта. Они назрѣли достаточно, ибо потребность въ оживленіи Православной Церковной жизни на окраинахъ достаточно всѣми сознается и многое въ этомъ направленіи дѣлается. Желательно поэтому, чтобы вопросы эти подверглись достаточно всестороннему обсужденію. Это такъ важно для дѣла.

—ь.

57*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Поѣздка Наслѣдника Цесаревича въ Берлинъ. — Невольный вздохъ сожалѣнія. — Писанные договоры и бездоговорныя симпатіи. — Худой миръ лучше доброй ссоры. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. — Великій Сибирскій желѣзнодорожный путь. — Знаменательные признаки. — Умное слово иноземца.

Въ Берлинѣ въ истекшемъ январѣ мѣсяцѣ состоялось бракосочетаніе сестры императора Вильгельма, принцессы Маргариты, съ родственникомъ Датскаго королевскаго дома, принцемъ Фридрихомъ Карломъ Гессенскимъ. Ко дню этого бракосочетанія — 25 (13) января въ столицу Германской имперіи прибылъ Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Особенная любезность и исключительное вниманіе, которыми во все четырехдневное пребываніе свое въ Берлинѣ былъ окруженъ Первенецъ Русскаго Царя, являются новымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ всей плодотворной мудрости миролюбивой, благодушной, но твердой и независимой нашей политики послѣднихъ лѣтъ.

* * *

Любезность со стороны Германіи къ Августѣйшему Представителю Россіи не могла не возбудить ревниваго вниманія Австріи, гдѣ готовы были забить тревогу по поводу тоста императора Вильгельма, провозглашеннаго имъ въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича за здравіе его Царственнаго Отца. Въ этомъ тостѣ императоръ Вильгельмъ заявилъ, что видитъ въ Русскомъ Царѣ

„не только шефа полка (имени Императора Александра), не только знатнѣйшаго изъ товарищей, но прежде всего носителя старинныхъ монархическихъ традицій, часто проявлявшейся дружбы, тѣсныхъ узъ и сердечныхъ отношеній къ его августѣйшимъ предшественникамъ, закрѣпленныхъ въ прежнія времена кровью, пролитою на полѣ битвы, какъ русскими, такъ и прусскими полками“.

Этотъ невольный вздохъ сожалѣнія о „прежнихъ временахъ“ весьма краснорѣчивъ и знаменателенъ!..

* * *

Но, разумѣется, это не болѣе, какъ именно невольный вздохъ сожалѣнія о временахъ невозвратно минувшихъ... Такъ это скоро поняли и въ Австріи,—и успокоились, вспомнивъ о существованіи писанныхъ союзныхъ договоровъ. Такъ это было, повидимому, понято и въ самой Германіи, гдѣ вскорѣ послѣ тоста императора Вильгельма и отъѣзда изъ Берлина Наслѣдника Цесаревича четыре генерала (Лещинскій, Левинскій, графъ Вальдерзее и Шнопъ) произнесли рѣчи, полныя самаго воинственнаго пыла, какъ бы имѣющія въ виду совершенно изгладить впечатлѣніе, произведенное любезными словами императора, и поскорѣе добиться проведенія новаго военнаго законопроекта, то-есть увеличенія арміи, во что бы то ни стало. Бѣдная Германія, очевидно, уже извѣрилась въ силу созданныхъ ею пресловутыхъ писанныхъ договоровъ, — и бездоговорныя симпатіи Россіи и Франціи не даютъ ей покоя...

А между тѣмъ миръ всей Европы,—хорошъ ли онъ или худъ,—если и держится еще, то именно благодаря прежде всего силѣ и вліянію этихъ бездоговорныхъ симпатій...

* * *

Худой миръ лучше доброй ссоры... Эту истину, повидимому, поняли наконецъ и въ бѣдной Сербіи, регентство которой (въ лицѣ Ристича) озаботилось наконецъ устройствомъ примиренія между родителями юнаго короля Александра.

Несмотря на нѣкоторую неувѣренность въ особенной сердечности и искренности этого примиренія (по крайней мѣрѣ, со стороны бывшаго короля Милана), несмотря на несомнѣнную

вѣроятность политическаго разсчета со стороны Ристича, внезапно передъ предстоящими выборами объявившаго себя другомъ королевы Наталіи,—несмотря на все это, факту примиренія родителей короля Александра нельзя отъ души не порадоваться, какъ возможности уменьшенія въ Сербіи смутъ и народнаго недовольства, а такъ же и какъ устраненію обстоятельства, несомнѣнно весьма прискорбнаго для юнаго короля и весьма вреднаго въ воспитательномъ отношеніи.

* * *

Итакъ, въ Сербіи, повидимому, предвидится хотя нѣкоторое разрѣшеніе печальной путаницы и уменьшеніе грустныхъ смутъ.

Наоборотъ, въ несчастной Болгаріи, попавшей въ руки палочниковъ и узурпаторовъ, и путаница и смуты все усиливаются и растутъ...

Съ одобренія Австро-Венгріи, всѣми правдами и неправдами стремящейся къ усиленію своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, Стамбуловъ утвердился въ мысли, что Фердинанду Кобургскому легче будетъ стать законнымъ и признаннымъ главой Болгарскаго княжества, если престолъ будетъ не только захваченъ имъ лично, но и закрѣпленъ за княжескою династіей. А такъ какъ не нашлось ни одной ни католической, ни протестантской принцессы, которая, рѣшившись связать судьбу свою съ авантюристомъ, согласилась бы кромѣ того крестить своихъ дѣтей по обрядамъ господствующей въ Болгаріи религіи и воспитывать ихъ въ ея духѣ, то Стамбуловъ, нисколько не смутившись этимъ, придумалъ слѣдующее.

Вопреки протестамъ экзарха, ропоту всего духовенства и глухому недовольству народа, онъ рѣшился заставить народное собраніе измѣнить въ желательномъ ему и принцу Фординанду смыслѣ 38 статью болгарской конституціи, опредѣляющую, что, если первый избранный въ Болгаріи князь и можетъ остаться иновѣрцемъ, то дѣти его, во всякомъ случаѣ будущій наслѣдникъ его престола, долженъ исповѣдывать православную вѣру.

Послушный указаніямъ своего приспѣшника и совѣтника, принцъ Фердинандъ еще въ первыхъ числахъ января отправился въ поиски за невѣстой, а теперь, если вѣрить вѣнскимъ газетамъ, такая невѣста будто бы уже и находится. Недавняя интимная аудіенція принца Кобургскаго (подъ титуломъ графа Му-

рани) у императора Франца-Іосифа и вслѣдъ за тѣмъ продолжительное совѣщаніе его съ графомъ Кальноки—служатъ какъ бы нѣкоторымъ подтвержденіемъ этихъ слуховъ и, повидимому, имѣютъ въ виду какъ бы нѣсколько приготовить Европу къ попыткѣ узаконенія болгарско-кобургской династіи.

Посмотримъ, что-то будетъ...

Узаконеніе это уже давно бы совершилось, еслибы не боязнь властнаго слова правды со стороны Россіи...

* * *

Но Россія пока занята иною думой,—думой настолько важною и великою, что передъ нею кажутся необыкновенно мелкими и ничтожными всѣ эти жалкіе происки болгарскихъ палочниковъ и узурпаторовъ, всѣ эти австро-мадьярскія интриги на Балканскомъ полуостровѣ!... Съ Царственныхъ устъ ея Мудраго Державнаго Вождя слетѣло иное слово, предъ смысломъ котораго замираетъ духъ и разверзаются необъятныя историческія перспективы...

Мы разумѣемъ Высочайшій Рескриптъ, данный 14 сего января на имя Наслѣдника Цесаревича, съ порученіемъ Царственному Первенцу, положившему уже (два года тому назадъ) начало сооруженію „сплошнаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути", „привести это дѣло мира и просвѣтительной задачи Россіи на Востокѣ къ концу", осуществивъ это предпріятіе „совмѣстно съ тѣми предположеніями, которыя должны способствовать къ заселенію и промышленному развитію Сибири".

Рескриптъ этотъ исторія запишетъ на своихъ страницахъ, какъ важнѣйшій и славнѣйшій документъ настоящаго славнаго царствованія.

Это—слово Богатыря, Царя богатырскаго народа, съ порученіемъ Своему Богатыренку богатырскаго дѣла!

Это—заря новой исторической эпохи въ жизни Русскаго государства и Русскаго народа,—эпохи, чреватой неисчислимыми послѣдствіями въ области земледѣльческой, промышленной, торговой, политической, историко-культурной!..

Этотъ громадный и отважный трудъ соединенія въ одно цѣлое двухъ огромныхъ частей исполинской Россійской Имперіи, „Европейской" и „Азіатской", разъединенныхъ доселѣ неизмѣримыми

пространствами и отсутствіемъ сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія,—это достойное завершеніе великаго историческаго дѣла *собиранія Руси!..*

* * *

Итакъ, великое дѣло „*собиранія Руси*“, *внѣшняго ея строенія*, видимо, близится къ вожделѣнному концу; время подумать и о *внутреннемъ ея устроеніи*, о разборѣ и приведеніи въ порядокъ собранныхъ ею отовсюду (съ Востока и Запада) матеріаловъ, о выборѣ изъ нихъ всего пригоднаго и отбросѣ всего непригоднаго для созданія и развитія своей собственной, не европейской и не азіятской, а самобытной, своеобразной, Православно-Самодержавной, *истинно-Русской* культуры,—словомъ, пора подумать о томъ, чтобы *поискать въ Россіи—Россію...*

И признаки начала поворота въ эту сторону,—признаки, на первый взглядъ, какъ будто и не особенно крупные, но тѣмъ не менѣе весьма знаменательные по своему смыслу и внутреннему значенію,—уже замѣчаются...

Компасъ Державнаго Кормчаго Русскаго государственнаго корабля указываетъ также въ эту именно сторону...

Примѣровъ тому можно привести не мало, но, чтобы не ходить далеко, позволимъ себѣ обратить вниманіе хотя бы на тотъ Высочайшій указъ, который—по знаменательному стеченію обстоятельствъ—данъ въ одинъ и тотъ же день съ выше отмѣченнымъ Высочайшимъ Рескриптомъ (то-есть отъ того же 14 января сего 1893 года).

Указомъ этимъ, сообщеннымъ Правительствующему Сенату г. министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, переименованы города Дерптъ—*въ Юрьевъ* и Динабургъ—*въ Двинскъ*; этимъ исконп русскимъ городамъ возвращается такимъ образомъ ихъ древнее достояніе, ихъ русскія имена,—и

...краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей...

* * *

Существованіе указаннаго нами поворота, этого *исканія*, съ Царственнымъ Вождемъ во главѣ, *въ Россіи—Россіи*,—замѣчено уже и наиболѣе умными, наблюдательными и серьезно изучающими Россію иноземцами.

Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ, между прочимъ, Анатоль Леруа-Болье въ новомъ предисловіи къ англійскому переводу книги его La Russie des Tsars.

„Нашъ подвижной, нашъ неустойчивый Западъ, въ поспѣшномъ бѣгѣ къ тому, что̀ онъ называетъ прогрессомъ, возбудилъ, наконецъ, безпокойство въ практическомъ смыслѣ и религіозной душѣ старой Россіи.

„Что̀ же сказать нынче о нашихъ республикахъ и парламентахъ, нашей борьбѣ классовъ, партійныхъ правительствахъ, съ которыми наша политическая жизнь напоминаетъ вѣчную гражданскую войну съ оружіемъ лжи и клеветы въ рукахъ? Наши вольности слишкомъ часто превращаются въ гнетъ для слабыхъ, наша распущенность, разрушающая всякое почтеніе и преданіе, наша жадная ко власти демократія, въ своей погонѣ за новизной и алчности къ комфорту безсознательно раскрывающая наивный и грубый матеріализмъ,—наша вѣчная агитація, подобная безплодному рокоту морскихъ волнъ, вся наша неустойчивость—дѣйствительная и предполагаемая, испугала Россію.

„Долго Русскіе, съ дѣтскою увѣренностію, полагали, будто бы цивилизація состоитъ въ томъ, чтобы походить на насъ. Теперь множество Русскихъ, даже тонкаго цивилизованнаго строя, спрашиваютъ, наконецъ, себя,—не стремятся ли они такимъ путемъ къ пропасти? Россія стала недовѣрчивою, стала безпокоиться крайностями, производимыми ввозомъ нашихъ идей.

„Россія больше не стремится походить на насъ, она не хлопочетъ насъ догонять. Она считаетъ болѣе надежнымъ остаться сама собою. Вмѣсто европеизированія она хочетъ остаться или снова сдѣлаться русскою.“

И въ добрый часъ! прибавимъ мы отъ себя. Богъ въ помощь, родная Русь!..

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

БОРЬБА ИДЕАЛОВЪ.

Представители недавно господствовавшихъ направленій жалуются на современность, съ одной стороны отшатывающуюся отъ нихъ, съ другой — совершенно не оправдавшую надеждъ прошлаго.

„Уже старый даже на нашей почвѣ споръ между *научнымъ* и *метафизическимъ* мышленіемъ въ послѣднее время вновь разгорается съ особою силою, пишутъ въ *Русской Мысли* (январь, *Объ основныхъ идеяхъ нашего вѣка*). Присмирѣвшая было метафизика перешла въ наступленіе, пользуясь тѣмъ *утомленіемъ*, *тѣмъ разочарованіемъ*, которыя овладѣли нѣкоторою частью и русскаго и западно-европейскаго общества."

Авторъ не останавливается на вопросѣ о томъ, откуда же явилось самое утомленіе и разочарованіе. Но его, если и не объясняетъ, то подробнѣе изображаетъ другой публицистъ того же журнала (*Литература и Жизнь* г. Михайловскаго). Вспоминая свѣтлыя, по его мнѣнію, надежды, царствовавшія 30 лѣтъ назадъ, окрыленныя появленіемъ теоріи Дарвина, идеями трансформизма и прогрессивной эволюціи, онъ замѣчаетъ: „Прошли годы, и что же осталось отъ этого оптимистическаго тона?.. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно раздавались единодушные клики торжества и надежды въ связи съ теоріей Дарвина, мы столь же однообразно слышимъ и повторяемъ мрачное слово „вырожденіе"... Цѣлая поэтическая школа носитъ кличку *декадентовъ*, людей упадка, школа полагающая, что она далѣе всѣхъ

ушла по тому пути, которымъ идетъ исторія человѣчества, слѣдовательно такая, которая во всякое другое время называлась бы *прогрессивною.* Вмѣстѣ съ тѣмъ меркнетъ восторженное преклоненіе предъ безстрастною и неподкупною наукой, которымъ были полны 30 лѣтъ назадъ. Все чаще и чаще, громче и громче раздается въ этомъ направленіи нашъ скептицизмъ, разочарованіе, *неудовлетворенность.*"

Г. Михайловскій справедливо считаетъ полезнымъ „разобраться" въ этомъ явленіи, но пока въ его статьѣ не видно ничего объясняющаго дѣло. А между тѣмъ появленіе съ одной стороны „метафизическихъ" точекъ зрѣнія, съ другой — многоразличныя явленія „упадка" дѣйствительно весьма стоятъ разборки. Чѣмъ подготовлены явленія *упадка?* Ужь конечно никакъ не „метафизикой", которая была тридцать лѣтъ назадъ въ полномъ загонѣ. То, что г. Михайловскому кажется „свѣтлыми надеждами" прошлаго, не было ли уже само по себѣ выраженіемъ духовнаго упадка, проявленіемъ обкарнанія человѣческаго существа? Не есть ли „вторженіе метафизики"—только здоровая реакція человѣческаго духа противъ логическихъ послѣдствій своеобразной „позитивной метафизики", изуродовавшей наконецъ своихъ воспитанниковъ до степени „декадентства"?

Въ январьской книжкѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи" мы находимъ сразу три статьи, очень пригодныя для выясненія дѣла. Вызваны онѣ философіей Ницше, изложеніе которой г. Преображенскимъ незадолго (ноябрь) появилось въ томъ же изданіи. Теперь гг. Л. Лопатинъ, Н. Гротъ и П. Астафьевъ сразу отзываются на животрепещущую тему. Дѣйствительно, что можетъ ближе задѣть *современнаго* человѣка, и русскаго въ частности, какъ не этотъ „нигилистическій" продуктъ „свѣтлыхъ надеждъ" прошлаго?

Статья г. Л. Лопатина („Больная искренность")—составляетъ скорѣе простую замѣтку. Она очень умна, но періодъ „свѣтлыхъ надеждъ" такъ уже отдѣлалъ нынѣшняго русскаго человѣка, что, боюсь, далеко не всѣмъ вполнѣ будетъ понятна сила замѣтки г. Лопатина. Она понятна только тому, кто еще помнитъ или живо чувствуетъ, что *нравственный элементъ* составляетъ самую основу человѣческаго существа.

Мы можемъ легко „баловаться" софистическими или просто тупыми упражненіями умнаго или глупаго разсужденія, можемъ имъ поддаваться, но менѣе всего способны пожертвовать нравственной стороной своего существа. Ницше, говоритъ г. Лопа-

тинъ, хорошъ тѣмъ, что *логиченъ*, искрененъ въ мысли, а потому смѣло приходитъ къ *отрицанію* и въ области морали. Этимъ онъ способенъ отрезвить людей, показать имъ, къ какому абсурду приводитъ ихъ безшабашный скептицизмъ.

Три вѣка, говоритъ г. Лопатинъ, отважный скептицизмъ составляетъ характерную тенденцію философіи. Философскій скептицизмъ и отрицаніе идутъ все дальше. Мы уже, не задумываясь, отвергаемъ существованіе времени и пространства, зависимость между вещами и ихъ явленіями охотно разсматриваемъ какъ простую игру нашего мозговаго аппарата, самихъ себя и весь міръ готовы объявить какимъ-то сновидѣніемъ, которое грезится неизвѣстно кому. Мы отрицаемъ свою волю, и всю эту смѣсь фантастичныхъ отрицаній называемъ „научной", „критической" философіей. Но при такомъ полномъ нигилизмѣ, мы, отрицая все, боязливо останавливаемся передъ *моралью*. Основы морали затронуты, и лишены незыблемости, но *содержанія* ея не смѣютъ отрицать. Эта боязливость маскируетъ передъ людьми всю безпредѣльную ложь ихъ скептицизма. Заслуга Ницше состоитъ въ томъ, что онъ послѣдователенъ до конца. Если ничего нѣтъ безусловнаго, то нѣтъ стало-быть и безусловнаго нравственнаго долга. Если наше *я* есть призракъ, то съ какой стати говорить о какихъ-то нравственныхъ предписаніяхъ этому призраку? Что̀ такое добро, что̀ такое зло — на рѣшеніе этого никакихъ данныхъ нѣтъ. Съ какой же стати *я* долженъ любить своего ближняго?

Если только міръ дѣйствительно таковъ, какъ его нынче „научно" представляютъ, говоритъ г. Лопатинъ, то Ницше правъ. Обязательной нравственности тогда нѣтъ, и мы въ нравственномъ отношеніи *свободны*, можемъ думать и дѣлать, что вздумается. Если же мы не хотимъ признать этого, не можемъ пожертвовать моралью, то должны понять, что необходимо критически пересмотрѣть самыя основы нашего якобы „научнаго" міросозерцанія.

Статья г. Астафьева („Генезисъ нравственнаго идеала декадента") какъ бы продолжаетъ тему г. Лопатина—на той частной почвѣ *морали*, которая собственно и характеризуетъ Ницше, ибо въ общемъ „научномъ" міросозерцаніи онъ просто человѣкъ новѣйшаго времени, ничѣмъ отъ другихъ не отличающійся. Онъ только дѣлаетъ выводы изъ общихъ основъ этого міросозерцанія.

Отвергая Бога, религію и всякую „метафизику" „научное" міро-

созерцаніе [1] отнимаетъ у морали всякую *абсолютную* основу, но въ житейскихъ дѣлахъ нельзя обойтись безъ извѣстныхъ правилъ поведенія, извѣстной *прикладной* нравственности. Для приданія ей какого-нибудь смысла, на мѣсто отвергнутой абсолютной основы, сочиняется мораль утилитарная или альтруистическая, и люди успокоиваются, полагая, что у нихъ есть мораль. Ницше—жестоко разбиваетъ эти фальшивыя системы „морали". [2]

Вся эта нравственность, говоритъ Ницше, ничто иное какъ обманъ, съ помощью котораго общество *дрессируетъ* личность. Подъ видомъ *добродѣтели* общество просто хочетъ подвести личность подъ *средній* уровень. Въ добродѣтели „хвалится одна безличность, сходность, равенство, ничтожность". „Общество радуется, чувствуя, что со стороны добродѣтельнаго, безличнаго ему уже не грозитъ никакая опасность". Общество хочетъ развивать въ личности „общественныя чувства", то есть подчиненіе себѣ. Но съ какой стати личность будетъ ему подчиняться?

Надо замѣтить, что Ницше не выдерживаетъ хода своей мысли. Наши моралисты, поступили бы очень хорошо, еслибы изучили „мораль" чистыхъ *анархистовъ* свободную до конца. При всѣхъ мечтаніяхъ о своей свободѣ, Ницше не умѣлъ достаточно освободиться отъ проклинаемой имъ *дрессуры*, и, отрицая всѣ правила общепринятой нравственности, по существу остается въ цѣпяхъ, такъ что низвергая одну утилитарную нравственность, онъ на мѣсто ея хочетъ сочинить другую, совершенно столь же *утилитарную*.

Нравственность, говоритъ онъ, повторяя обычное соображеніе современной *дрессуры*, должна опредѣляться *цѣлями* жизни. Но гдѣ эти цѣли? Ничего въ понятіяхъ людей нѣтъ твердаго, опредѣленнаго, все подорвано. Поэтому Ницше *временно* устанавливаетъ полную анархію, но только временно. До тѣхъ поръ „пока не установлены общепризнанныя цѣли жизни", человѣкъ долженъ руководиться только своей „свободной волей, не связанной ни внѣшними, ни внутренними цѣлями общественныхъ, метафизическихъ, религіозныхъ и нравственныхъ предразсудковъ". Пусть личность дѣлаетъ, что хочетъ, со всей полнотой, со всей свободой. Этимъ развивается сила ея, а ея силой развивается

[1] Которое въ этомъ отношеніи ничуть не *научно*.

[2] По совершенному непониманію христіанства, Ницше—подводитъ сюда и христіанскую мораль, которую особенно ненавидитъ за ту силу, съ какой она дѣйствуетъ на человѣка.

человѣчество. Освобождая людей отъ всего обязательнаго, Ницше мечтаетъ выработать слой сильныхъ, высоко-развитыхъ личностей, которыя будутъ властвовать надъ слабыми и ничтожными и создадутъ новую расу людей... Эти личныя мечтанія— дѣло вкуса; какъ бы то ни было, Ницше провозглашаетъ свою нравственную анархію только на время „междуцарствія".

Это конечно непослѣдовательно, и разъ допущенная анархическая мысль не можетъ ограничиться временемъ „междуцарствія". Допустимъ, что когда-либо установятся „общепризнанныя" цѣли жизни. Да мнѣ-то какое дѣло? Я, *свободная* личность, почему обязанъ сообразоваться съ цѣлями, кѣмъ бы то ни было установленными? Почему будущія „общепризнанныя" цѣли для меня обязательны? Если я самъ пожелаю съ ними сообразоваться, то стало-быть дѣйствую опять же только по *своему* желанію. А если не захочу или измѣню желаніе? Конечно, меня могутъ *заставить* дѣйствовать такъ, а не иначе. Но внѣшнее подчиненіе насилію не отнимаетъ моей внутренней свободы, моего права не подчиняться. Вообще, если теперь допускать анархію то на тѣхъ же основаніяхъ она должна оставаться *всегда*. Только остатки утилитарной дрессуры мѣшаютъ Ницше это видѣть.

Онъ однако достаточно анархиченъ, чтобы дать мѣсто прекрасной критикѣ г. Астафьева, который доказываетъ, что исходя изъ понятія о *цѣли*, какъ основѣ нравственнаго закона, мы непремѣнно должны окончить отрицаніемъ нравственности. Г. Астафьевъ показываетъ и самый корень ошибки Ницше. Если мы ставимъ мѣриломъ морали какую-либо *цѣль*, то уже тѣмъ самымъ даемъ нравственности основу внѣнравственную. Ницше говоритъ: „Для того, чтобы судить о нравственности, нужно стать внѣ и выше нравственности, подняться надъ ея критеріями", чтобы посмотрѣть, насколько вѣрны сами эти критеріи. Такъ поступаютъ утилитарная и альтруистическая школы. Но, говоритъ г. Астафьевъ, нелѣпость заключается ужь въ этой постановкѣ, которая неизбѣжно ведетъ не къ оцѣнкѣ, а къ отрицанію нравственности. Что бы мы сказали о мыслителѣ, который для здраваго сужденія о *логикѣ* предложитъ стать *внѣ* и *выше* логики, и съ этой стороны на нее посмотрѣть? Да, разумѣется—тогда логика представится не логикой, а какимъ-то произвольнымъ сумбуромъ, произвольною „дрессурой" свободнаго полета мысли. Точно также Ницше поступаетъ съ моралью. О морали можно судить лишь

подчинившись ея *собственному* критерію. А иначе—мы разрушаемъ всякій нравственный законъ.

Выводъ г. Астафьева становится еще очевиднѣе, если мы продолжимъ разсужденія Ницше до его логическихъ послѣдствій. Отрицая самодовлѣющій критерій морали, Ницше остается съ однимъ „я такъ хочу". Но это „я хочу" есть у всѣхъ. Ницше согласенъ подчиниться цѣлямъ развитія человѣчества, это его добрая воля. Но если я не хочу? Можетъ-быть мнѣ вовсе и не нужно, чтобы человѣчество развивалось? Кто установилъ, чтобы мнѣ это нужно было? Какое мнѣ дѣло до цѣлей человѣчества? Ницшевское „я хочу" никакого отвѣта на это не дастъ. Онъ говоритъ „я хочу", чтобы человѣчество развивалось, другой скажетъ „а я не хочу", и никакого *закона* не получается. Получается пустой хаосъ перекрещивающихся произвольныхъ фантазій даже для одного человѣка не постоянныхъ. Сегодня я хочу, чтобы человѣчество не развивалось, а завтра можетъ-быть захочу, чтобы развивалось, такъ что и для меня самого сегодня будетъ одинъ „законъ", а завтра другой. Получается полнѣйшая безсмыслица безпричиннаго произвола, въ концѣ-концовъ даже и для меня самого *серьезно* не нужнаго. Ибо *нужно* мнѣ только то, что неразрывно связано съ моимъ существомъ, и потому всегда и одинаково необходимо для меня. Если же я своему собственному существу не имѣю критерія, то-есть стало-быть даже не знаю, что это за существо, то мнѣ и *хотѣть* серьезно нечего, всѣ хотѣнія мои дѣлаются случайными и противорѣчивыми, такъ что даже мнѣ и самому не важно, исполняются они или нѣтъ.

Это неизбѣжный конецъ морали, отторгнутой отъ *абсолютнаго* начала. Она не имѣетъ тогда другаго исхода, кромѣ—или „альтруистической", „буржуазной", пошлости, для подчиненія которой нужно перестать быть *человѣкомъ*, или—переходитъ въ нигилистическій произволъ, которому и самъ человѣкъ не подыщетъ никакихъ основаній.

Существованіе нравственно-безсмысленное неизбѣжно приводитъ къ отупленію или „декадентству". А между тѣмъ приходя къ такимъ послѣдствіямъ, люди только послѣдовательно развиваютъ то, что вызывало „свѣтлыя надежды" нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Они дѣлаются тѣмъ—чѣмъ должны сдѣлаться, отрѣшившись отъ „метафизики", то-есть стараясь остаться съ однимъ „научнымъ", условнымъ, въ существованіи, которое ста-

новится или животнымъ или сумасшедшимъ [1], отрѣшаясь отъ своихъ *безусловныхъ* началъ.

Такимъ образомъ анализъ философіи Ницше, предпринятый гг. Лопатинымъ и Астафьевымъ,—дѣйствительно объясняетъ причины обоихъ явленій, отмѣчаемыхъ авторами *Русской Мысли*. Упадокъ личности—былъ прямымъ послѣдствіемъ періода „свѣтлыхъ надеждъ". Не замѣтить и не чувствовать этого личность не могла. То, что гг. Лопатинъ и Астафьевъ анализируютъ въ Ницше, тысячи людей можетъ-быть менѣе сознательно, но болѣе живо перечувствовали въ себѣ и наблюдали въ окружающихъ, испытывая разочарованіе, приходя къ утомленію ложью, въ которую они и все окружающее были запутаны фикціей „научнаго" міросозерцанія. Всѣ эти люди видѣли, что на самомъ дѣлѣ въ нихъ есть нѣчто, „наукой" отрицаемое. И вотъ наконецъ природа человѣка возмущается предъ тираніей фикцій, хочетъ сбросить чары „позитивнаго" дурмана. „Присмирѣвшая было метафизика поднимаетъ голову."

Нужна была бы вся духовная узость періода „свѣтлыхъ надеждъ", чтобы не предвидѣть неизбѣжности такого явленія, рано или поздно. Но не слѣдуетъ, къ сожалѣнію, преувеличивать его значеніе и силу. Въ этомъ отношеніи статья г. Н. Грота прекрасно дополняетъ первыя двѣ, обрисовывая ту почву, на которой современный русскій человѣкъ (отчасти и вообще культурный человѣкъ демократическаго періода) совершаетъ свою духовную работу. Статья г. Грота, въ отличіе отъ первыхъ двухъ,—произведеніе чисто *публицистическое*. Но она, какъ документъ, только выигрываетъ отъ этого. Еслибы г. Гротъ держался на почвѣ серьезной науки, онъ бы не отразилъ такъ хорошо умственнаго состоянія среды, въ которой „присмирѣвшая было метафизика" нынѣ „поднимаетъ голову".

Это самая любопытная перепластовка различнѣйшихъ міросозерцаній, противоположнѣйшихъ точекъ зрѣнія, которыя однако *всѣ* живы, и въ такой комбинаціи, что на поверхностный взглядъ даже не поражаютъ противорѣчіями. Ихъ желаніе и надежда ужиться *вмѣстѣ*, видимо абсурдныя, кажутся однако, къ удивленію, какъ будто и осуществимыми. Эта сторона умственнаго состоянія образованнаго русскаго человѣка издавна многихъ по-

---

[1] Г. Астафьевъ очень кстати напоминаетъ *конецъ* Ницше, который сошелъ съ ума, и вообразилъ себя Богомъ, сотворившимъ міръ.

ражала. Читая г. Грота, не только видишь эту знакомую картину, но можешь понять и разгадку секрета. Всѣ эти несомнѣнно непримиримыя *понятія* могутъ ужиться вмѣстѣ, какъ *слова*. Въ этомъ всё и дѣло. Обсуждая умственное развитіе какого-либо общества или періода, дѣйствительно, крайне легко впасть въ заблужденіе, слыша, что люди употребляютъ извѣстныя слова и формулы, и отсюда заключая, будто бы они принимаютъ и самыя *понятія*. Въ дѣйствительности — сплошь и рядомъ люди усваиваютъ слова и теоріи—до такой степени слегка, съ поверхности, что это ихъ почти ни къ чему не обязываетъ. Тогда очевидно рядомъ съ одной вполнѣ мирно и „гармонично", у нихъ будетъ жить и противоположная теорія, взятая точно такъ же поверхностно. Въ такомъ состояніи развитія общество не *переживаетъ* извѣстныхъ міросозерцаній, а какъ бы *порхаетъ* по нимъ. Опредѣленіе, въ чемъ же заключаются *дѣйствительныя* убѣжденія общества - тутъ дѣлается работой очень сложной, въ которой намъ помогаетъ болѣе художникъ, нежели мыслитель, невольно сбиваемый съ толку *словами*, съ которыми онъ привыкъ связывать смыслъ опредѣленный, тогда какъ въ общественной средѣ они употребляются безъ онаго.

Г. Гротъ ставитъ себѣ тему, повидимому, очень серьезную, „Мы, говоритъ онъ, присутствуемъ при *великой душевной драмѣ*. переживаемой всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ". *Слова*—торжественныя. „Дѣло идетъ, повидимому, о *коренномъ измѣненіи* міросозерцанія, о *полной переработкѣ* идеаловъ". Можно подумать, что мы съ г. Гротомъ живемъ въ состояніи, полномъ трепета ожиданія, страшномъ каждому вѣрующему въ свое дѣло, невыносимо безпокойномъ для не имѣющихъ вѣры и жаждущихъ ея. Можно подумать, что г. Гротъ ничѣмъ не удовлетворимъ. Но успокойтесь. Совершенно наоборотъ. Онъ именно *всѣмъ* доволенъ. Хорошъ матеріализмъ, хороша и метафизика, недуренъ Огюстъ Контъ, пріятенъ и Спенсеръ, превосходно и христіанство. Но они почему-то между собою спорятъ, и это въ сущности единственная непріятность, возмущающая довольство автора. Примирить ихъ — и конецъ „драмѣ". Соединить всё, что популярно у каждаго,—вотъ что у насъ понимается подъ громкимъ словомъ „коренного измѣненія міросозерцанія".

Эту почву, достаточно-сильную, чтобы засыпать страницы даже философскаго журнала, нужно у насъ твердо помнить, и не воображать, будто бы *переживается* все, что только *говорится*.

Тутъ въ дѣйствительности нерѣдко и понятія даже нѣтъ, что такое *драма* мысли, или что такое есть „міросозерцаніе?“ Все это говорится на 9/10 по наслышкѣ, и потому—весело, легкомысленно, съ оптимизмомъ человѣка, никакихъ драмъ въ дѣйствительности ничуть не переживающаго.

Какъ мы видѣли, философы-моралисты предупреждаютъ насъ, что если мы забудемъ *абсолютную* основу морали, то намъ грозитъ исчезновеніе нравственности, нигилизмъ и *decadance*. Это такъ и выходитъ, если толковать о „метафизикѣ“ серьезно. Но, если мы касаемся всякихъ „абсолютовъ“ слегка, то можно быть гораздо покойнѣе. Абсолютъ самъ по себѣ, но, говоритъ г. Гротъ, развитіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, прессы и т. п. усовершенствовало „организмъ человѣчества“, создало въ немъ „нервную систему“ (желѣзныя проволоки телеграфа и т. д.), „память“ (историческія сочиненія), сношенія между людьми усилились, поступки людей трудно укрываемы, а отсюда „нравственная отвѣтственность личности замѣтно возростаетъ. „Съ возрастаніемъ нравственной отвѣтственности все настоятельнѣе становится реформа нравственныхъ понятій и идеаловъ“. „Открытія и изобрѣтенія XIX вѣка въ области точнаго знанія и техники сильно измѣнили *почву, на которой складываются нравственныя понятія и идеалы общества*“.

Итакъ хотя мы и позабыли абсолютныя основы, но при помощи усовершенствованныхъ путей сообщенія—все еще можемъ исправить. Эта чисто матеріалистическая точка зрѣнія, въ *условіяхъ техники* и производства усматривающая почву, на которой развиваваются *нравственные* понятія и идеалы, особенно блестяще, какъ извѣстно, развита школой К. Маркса. Понятно, что она безусловно исключаетъ возможность *христіанской* морали. Поэтому успокоительное довѣріе г. Грота къ техническому прогрессу можетъ испугать „метафизиковъ“. Но успокойтесь еще разъ, у насъ все возможно. Въ Перми tout est permis! Принимая одинаково радушно обѣ точки, г. Гротъ даже съ особеннымъ почтеніемъ относится къ христіанской нравственности. Какъ это можно и теперь догадываться, и какъ это становится еще яснѣе ниже, дѣло просто въ томъ, что со словомъ *мораль* г. Гротъ не соединяетъ никакого опредѣленнаго понятія.

Со времени эпохи возрожденія, продолжаетъ нашъ философъ, господствуетъ компромиссъ между идеалами христіанскими и языческими.

Теперь возникаетъ убѣжденіе, что этотъ компромиссъ невозможенъ. Нужно быть или язычникомъ, или христіаниномъ. Но взаимная зависимость, возростающая между людьми (желѣзныя дороги, телефоны, пресса и т. д.) приводитъ къ необходимости *единого* для всѣхъ идеала. Какъ же быть, какой идеалъ предпочесть? „Пріобрѣтенія науки, которая имѣла источникомъ древнюю образованность и возникла въ главныхъ основаніяхъ на почвѣ *язычества*, такъ велики, наглядны, такъ очевидно *идеальны*, *истинны* и *вѣрны*, что отбросить этотъ фундаментъ (какой?—язычество или науку?) современной культуры мы не вправѣ и не въ состояніи". „Ради удержанія силы и значенія этого (то есть науки или язычества?) двигателя самосознанія можетъ-быть стоитъ пожертвовать даже традиціонною моралью"? Но „нравственное міросозерцаніе христіанства такъ очевидно превосходитъ древнее языческое, дало такіе существенные плоды въ реформѣ общихъ началъ человѣческихъ отношеній, что отказаться отъ него было бы тоже самоубійствомъ". Является мысль: ужь не отречься ли лучше отъ „всѣхъ плодовъ цивилизаціи"?

„Такова дилемма, глубоко волнующая современные умы" (стр. 133).

Трудно, однако, повѣрить г. Гроту, чтобы вопросъ такъ жгуче занималъ современные русскіе умы. Еслибъ эти умы были дѣйствительно жгуче заинтересованы, развѣ они могли бы удовлетворяться такими поверхностными сужденіями и опредѣленіями? Что это за „язычество", о которомъ говоритъ г. Гротъ? У него выходитъ, будто язычество—тождественно разуму, оторванному отъ вѣры. Вѣдь классическая наука была создана не собственно *язычествомъ*, а только разумомъ, который отвергъ язычество и потому сталъ свободенъ для созданія науки. Затѣмъ, въ такомъ „жгучемъ" вопросѣ, гдѣ будто бы на ставкѣ всѣ идеалы, какъ забыть, что *точная* наука получила толчекъ не отъ одного классическаго міра непосредственно, а также черезъ переработку магометанскую и византійскую, какъ упустить изъ оцѣнки тотъ фактъ, что только христіанскій міръ далъ почву для развитія науки? Наука и язычество поставлены въ этой всемірно-исторической обрисовкѣ грядущаго перелома всѣхъ понятій такъ небрежно, беззаботно, какъ можно толковать о какомъ-нибудь пустомъ городскомъ происшествіи.

Столь же ничего не выражаютъ и разсужденія о превосходствѣ „нравственнаго міросозерцанія" христіанства. Мы только

58*

что слышали, что нравственныя понятія складываются на почвѣ техники, производства, путей сообщенія. Теперь безъ всякихъ поясненій является какая-то другая основа морали, и притомъ столь высокая, что для нея можно пренебречь даже путями сообщенія! Что такое однако мораль, что такое нравственное міросозерцаніе, почему одно нравственное міросозерцаніе можетъ быть выше другаго—совершенно ничего нельзя понять.

Итакъ, оба основныя положенія, изъ которыхъ исходитъ разсужденіе г. Грота представляютъ какія-то слова, въ которыхъ невозможно схватить яснаго *понятія*. Что это за языческая научная мысль, что за христіанская мораль? Одни слова. А между тѣмъ на обрисовкѣ борьбы язычески-научнаго идеала и нравственно-христіанскаго основана вся картина. И можно быть увѣреннымъ, что множество читателей вполнѣ довольны и находятъ въ статьѣ именно выраженіе своихъ мыслей. Но вѣдь—совершенно искренне—тутъ, строго говоря, нѣтъ мыслей. Нельзя даже согласиться или не согласиться съ авторомъ, потому что неизвѣстно, что онъ именно хочетъ сказать.

Въ этомъ духѣ развивается вся статья философа-публициста. Далѣе г. Гротъ сравниваетъ два типа—языческій, Ницше, и христіанскій—гр. Л. Толстаго. Тутъ совершенно та же система мышленія: обходъ всего затруднительнаго при помощи затушевки. Такъ, чтобы не отдалить гр. Толстаго отъ христіанства, авторъ горячо увѣряетъ, что графъ „вѣритъ въ *живаго* Бога“.

Что это значитъ „живаго?“ Почему не сказать „личнаго?“ Конечно только потому, что при пантеизмѣ гр. Толстаго черезчуръ неловко приписать ему вѣру въ *личнаго* Бога, а слово „живой“,—ничего не говоритъ ясно. Понимай, какъ знаешь.

Далѣе, у гр. Л. Толстаго, по этому анализу, оказывается, „возвышенное и идеальное пониманіе и истолкованіе *нравственнаго* ученія Христа“, и однако это соединено у графа съ „отверженіемъ всей метафизики Христіанства“. Пиша на одной страницѣ двѣ такія фразы, г. Гротъ догадывается оговориться, что при этомъ „Христіанская мораль Толстаго виситъ на воздухѣ“, но совершенно не видитъ, что его оговорка только подчеркиваетъ полное отсутствіе содержанія въ его опредѣленіяхъ. Развѣ же „христіанская“ мораль можетъ висѣть на воздухѣ?“ Но вѣдь она отъ одного этого немедленно перестаетъ быть *христіанскою*. Это вовсе не фраза, а очень серьезное обстоятельство. Повидимому г. Гротъ не различаетъ формулы *заповѣди* отъ самой *морали*.

Но въ дѣйствительности весь моральный смыслъ заповѣди и поступка, по ней совершеннаго, зависитъ отъ *основы* морали. Если мораль гр. Толстаго точно *виситъ на воздухѣ*, т. е. не имѣетъ основы (съ чѣмъ конечно никакъ нельзя согласиться), то заповѣди его не могутъ имѣть моральнаго значенія, и ужь во всякомъ случаѣ ничего общаго съ христіанскими не имѣютъ.

Вотъ у насъ какъ „подымаетъ голову" метафизика. Слово произносится, но безъ всякаго подозрѣнія, что это къ чему-нибудь обязываетъ. Метафизика христіанская отброшена—а мораль все-таки христіанская. Лучше бы, говоритъ философъ, послѣдовательнѣе, было присоединить къ морали и метафизику, но въ концѣ-концовъ, если гр. Толстой пренебрежетъ совѣтомъ, это не помѣшаетъ его морали быть христіанскою. Точно также самъ г. Гротъ ставитъ свою, какую-то „эволюцію морало" въ связь съ развитіемъ экономической техники, и увѣренъ, что это ничуть не мѣшаетъ его морали быть „Христіанской". Ничто не имѣетъ яснаго смысла, а потому все можно совмѣстить. Пусть остается и Ницше, и Толстой, и Марксъ и христіанство. Только все это нужно *переработать*. Все уладится. Эту задачу г. Гротъ очень добродушно указываетъ великимъ умамъ. Увы! И тутъ простое непониманіе, что значитъ великій умъ и каковы его свойства.

Это порханье по понятіямъ, это отсутствіе потребности самому ясно понимать, о чемъ думаешь, это блужданіе мысли—выражено бойкой и самоувѣренной статьей г. Грота замѣчательно хорошо. Общественная рыхлость мысли обратнымъ токомъ отразилась на публицистѣ. Дѣйствительно, она у насъ необычайно развита именно въ образованномъ слоѣ. На почвѣ этой то рыхлости происходитъ наша „борьба идеаловъ", „смѣна міросозерцаній". Громкія слова! Но тѣмъ немногимъ, въ лицѣ которыхъ *дѣйствительно* происходитъ борьба идеаловъ—всѣмъ слѣдуетъ помнить, что главный врагъ ихъ—не противники, столь же убѣжденные—а вотъ эта самая рыхлость идей большинства. Съ противникомъ можно спорить и бороться, самая борьба имѣетъ для каждаго ту выгодную сторону, что даетъ случай развить и пояснить *свою* мысль. Страшны не умные и сильные противники, а эта атмосфера поверхностности мысли, развитая легкимъ ученьемъ, легкимъ чтеніемъ, журнализмомъ и т. п. Если у всѣхъ людей различныхъ борящихся идеаловъ—есть *общая* практическая работа, то она именно состоитъ въ противодѣйствіи мысли *поверх-*

ностной, вершковой, черезчуръ легко удовлетворяющейся порханьемъ надъ понятіями. Это дѣло, на которомъ, каждый въ своемъ лагерѣ, могутъ подать руку сознательные люди всѣхъ направленій. Въ настоящее время, когда умственные интересы усложнились, необходимо совмѣстно добиваться, чтобы люди мыслили *понятіями*, а не словами. Иначе вся наша „борьба идеаловъ“ будетъ оставаться толченіемъ воды въ ступѣ какой-то „вселенской смази“, гдѣ не различишь христіанина отъ атеиста, метафизика отъ позитивиста и либерала отъ консерватора.

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.

Г. А. Пругавинъ помѣщаетъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* (январь 1893) весьма любопытную статью „Книгоноши и офени". Это рядъ размышленій и матеріалы по вопросу о народномъ чтеніи.

Г. А. Пругавинъ говоритъ о все расширяющемся общественномъ движеніи для „содѣйствія великому дѣлу народнаго просвѣщенія и развитія". Онъ перечисляетъ рядъ лицъ, посвятившихъ свои усилія этому дѣлу. Въ томъ числѣ „представитель родовой знати В. Г. Чертковъ, вмѣстѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ, создаетъ извѣстную фирму *Посредникъ*, поставившую себѣ цѣлью изданіе книгъ для народа". Много дѣлаютъ другія общества и комитеты.

Въ петербургскомъ комитетѣ грамотности, который въ теченіе послѣднихъ семи, восьми лѣтъ усердно занимается безплатною разсылкой книгъ по школамъ и изданіемъ книгъ для народа, особенную дѣятельность проявляютъ предсѣдатель комитета Я. Т. Михайловскій и члены: А. М. Калмыкова, Б. Э. Кетрицъ, П. А. Нагель, М. М. Ледерле, Я. Г. Гуревичъ, В. В. Девель, В. А. Латышевъ, И. С. Ремезовъ, А. Н. Рубакинъ и другіе. Слѣдомъ за петербургскимъ комитетомъ грамотности недавно ожилъ и московскій комитетъ, который, благодаря примкнувшимъ къ нему новымъ силамъ (проф. А. И. Чупровъ, г. Вахтеровъ, И. И. Петрункевичъ, Ан. В. Погожева и др.), началъ дѣятельно работать въ интересахъ народнаго просвѣщенія и успѣлъ въ сравнительно короткій срокъ привлечь до 300 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ Харьковѣ, общество распространенія грамотности въ народѣ, состоящее подъ предсѣдательствомъ профессора А. П. Шимкова, приступило къ изданію народныхъ книгъ и на первый разъ выпустило въ свѣтъ одиннадцать книжекъ разнообразнаго содержанія, частью беллетристическихъ, частью научнаго и практическаго характера, цѣной въ 1—2 копѣйки. Въ Нижнемъ-Новгородѣ общество распространенія начальнаго образованія

продолжаетъ устраивать народныя чтенія съ туманными картинами, распространяетъ полезныя книги въ народѣ при посредствѣ главнаго книжнаго склада въ Нижнемъ-Новгородѣ и 92 отдѣленій склада во всѣхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, открытыхъ обществомъ при народныхъ школахъ, содержитъ безплатную библіотеку для учителей и учениковъ начальныхъ училищъ, устраиваетъ уличныя библіотеки и т. д. Общество состоитъ изъ 260 членовъ, изъ числа которыхъ особенною дѣятельностью выдѣляются: П. В. Неклюдовъ, П. К. Позернъ, М. В. Овчинниковъ, Н. М. Сибирцевъ и др.

„Дѣятельность тифлисскаго женскаго кружка, во главѣ котораго стоитъ О. В. Кайданова, говоритъ авторъ, достаточно извѣстна всѣмъ интересующимся дѣломъ народнаго образованія; точно также извѣстна и дѣятельность томскаго общества попеченія о начальномъ образованіи, основаннаго П. И. Макушинымъ. Общества, которыя ставятъ себѣ цѣлью такъ или иначе содѣйствовать дѣлу начальнаго народнаго образованія, существуютъ еще, кромѣ указанныхъ нами мѣстностей, въ слѣдующихъ городахъ: въ Екатеринославѣ, Елизаветградѣ, Николаевѣ, Ставрополѣ-Кавказскомъ, Красноярскѣ, Омскѣ, Барнаулѣ, Енисейскѣ, Минусинскѣ, Тюмени, Каинскѣ, Тобольскѣ и Семипалатинскѣ“.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, продолжаетъ г. Пругавинъ, что движеніе это развилось бы съ несравненно большею силой, дало бы неизмѣримо болѣе богатые и плодотворные результаты, еслибы встрѣчало на своемъ пути побольше простора, еслибы лица, отдающія съ полною готовностью свои силы, свое время и свои средства на служеніе этому дѣлу, встрѣчали побольше довѣрія къ себѣ со стороны правительственныхъ сферъ, еслибы дѣятельность этихъ лицъ не подвергалась зачастую всевозможнымъ стѣсненіямъ, придиркамъ и заподозриваніямъ со стороны мѣстныхъ властей... О, съ какимъ энтузіазмомъ, съ какимъ чисто юношескимъ увлеченіемъ отдалось бы интеллигентное русское общество этому просвѣтительному движенію, еслибы на порогѣ къ нему не стояли и не отпугивали его энергію—всякаго рода преграды, тормазы, безчисленныя формальности и ограниченія!“

Г. Пругавинъ не объясняетъ впрочемъ, въ чемъ именно состоятъ эти „затрудненія“. Среди задачъ, которыя преслѣдуетъ общественное движеніе, одно изъ главныхъ мѣстъ принадлежитъ вопросу о предоставленіи народу возможности читать дѣйстви-

тельно полезныя книги, говоритъ онъ. Изданіемъ книгъ для народа занимаются: *Посредникъ*, *Народная библіотека* г. Маракуева, петербургскій и московскій комитеты грамотности, редакціи нѣкоторыхъ журналовъ, какъ, напримѣръ, *Русской Мысли*, *Русскаго Богатства* и др., затѣмъ М. М. Ледерле, В. И. Жирковъ, Муриновъ и, наконецъ, въ самое послѣднее время харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности.

Всегда ли эти фирмы даютъ „полезное" чтеніе? Г. Пругавинъ въ этомъ очевидно убѣжденъ.

„Всѣ эти фирмы и отдѣльныя лица ставятъ своею цѣлію *борьбу съ лубочниками* и издателями Никольской улицы, безграмотныя и зачастую прямо вредныя изданія которыхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ расходятся въ народной массѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ фирмъ располагаютъ хорошими денежными средствами (какъ, наприм., *Посредникъ*), пользуются сотрудничествомъ лучшихъ представителей нашей литературы, на сторонѣ ихъ явное сочувствіе всего образованнаго общества, и тѣмъ не менѣе, однако, борьба эта до сихъ поръ не принесла сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ; побѣда, видимо, остается на сторонѣ все тѣхъ же невѣжественныхъ, безграмотныхъ лубочниковъ, которые попрежнему являются главными поставщиками умственной пищи для народа, являются полными хозяевами въ этомъ дѣлѣ."

Г. А. Пругавинъ задается вопросомъ, почему получается такой, по его мнѣнію, печальный результатъ. Онъ склоненъ къ выводу, что причина лежитъ въ неумѣньи интеллигентныхъ издателей захватить *офеней и коробейниковъ*, которые являются наиболѣе ловкими распространителями книгъ въ народѣ, а затѣмъ въ недостаточной дешевизнѣ издаваемыхъ интеллигенціей книжекъ. Г. Пругавинъ пересмотрѣлъ коробъ книгоноши, и вотъ какое его содержаніе:

„Загробная жизнь. О томъ, какъ живутъ люди послѣ смерти". Ивина. Цѣна 50 к. „Полный письмовникъ", изданіе Губанова, цѣна 1 р. 20 коп. „Полный коммерческій письмовникъ", цѣна 1 р. 75 к. „Герои нашего времени", сочин. Окрейца, 50 к. „Въ погоню за идеаломъ" (это то, что книгоноша называлъ „Въ погонѣ за дьяволомъ"!). Коломби, цѣна 1 р. 20 коп. „Бумажная принцесса", 1 р. 25 к. „Золотая орда", сочин. Пазухина, изд. Сытина, 75 коп. (Сначала печаталось въ *Московскомъ Листкѣ*). „Половодье", Инсарскаго, 1 р. „Королева по неволѣ", переводъ съ англійскаго, ц. 50 к. „Хищники", Вишнякова, 1 руб. 25 к.

„Приложенія къ газетѣ *Свѣтъ*“, по 40 и 50 коп. за книжку. „Сверху—внизъ“, фонъ-Деваля, цѣна 1 р. 25 к. „Очерки и разсказы“, Мало, цѣна 75 к. „Нужды русскаго народа“, Ив. Кашкарова. „Дочь купца Жолобова“, 60 коп. (Лубочное изданіе). „Дѣти капитана Гранта“, цѣна 2 р. 50 к. „Московскія норы“, романъ Кеншенъ. „Бурныя времена“, Густава Эмара, цѣна 70 коп. „Золотая свинья“, Фортюне-де-Буагобэя, 1 рубль. „Полусвѣтъ во время террора“, его же, 1 р. 75 к. „Блудный братъ“, Орловскаго, 1 руб. 60 коп. „Таинственная монахиня“, изданіе Манухина, 40 коп. „Часословъ“, въ переплетѣ, 1 руб. 20 коп. „Пѣсенники“, лубочнаго изданія, въ разныя цѣны. „Архаровцы. Разношерстные архаровцы (слуги мрака) веселая жизнь, нравы, обычаи, шалости и замашки аристократовъ, купцовъ, пролетаріевъ и паразитовъ русскаго общества. Въ формѣ романа, повѣсти, разсказа, очерковъ, сценъ и анекдотовъ. Трущобы всего свѣта. Живые образы и живописныя картины на землѣ и въ аду“. Три тома, 14 частей. Цѣна 2 руб. 50 к. „Ложный шагъ“, Форстера, 1 р. 25 к. „Подъ лиліями и розами“, Флоренса-Марріэта, 1 р. „Черная красавица села Отраднаго“, соч. Соколова, 1 рубль. „Одинъ милліонъ—уголовный романъ“, Кенига, 1 руб. „Рыцари вѣры“, Густава Эмара, цѣна 75 коп. „Пустынникъ дикой горы“, виконта д'Арленкура, 75 коп. „Полный оракулъ“, 1 руб. 75 коп. „Потерянный и возвращенный рай“, Мильтона; Москва, 1889 г. ц. 1 р. „Всадникъ безъ головы“, 25 коп. „Исповѣдь старика“ Иполита Ньево, 1 руб. „Фокусы Пинетти“. „Реалисты большаго свѣта“, князя Мещерскаго, 1 рубль.

Хорошо также книгоноши торгуютъ картинами.

Картинъ у книгоноши оказалась цѣлая масса; большая часть ихъ вышла изъ московскихъ литографій И. Д. Сытина, М. Т. Соловьева, В. В. Васильева, А. В. Морозова, П. В. Пурецкаго, А. А. Абрамова, Щеглова и др.; затѣмъ было множество варшавскихъ олеографій. Эти картины отчасти историческаго содержанія, изданные г. Сытинымъ портреты русскихъ писателей. Часть картинъ одобряетъ и г. А. Пругавинъ, другія ему не нравятся. Картина „Неистовства турокъ“ изображаетъ, какъ гласитъ надпись,—„чудовищныя жестокости, совершаемыя Турками по всему пространству Болгаріи“, и дѣйствительно, на картинѣ видимо старательно подобраны всевозможные и даже прямо невѣроятные ужасы, мученія и жестокости, какіе только можно

придумать. Нѣкоторыя картины характера „игриваго“, большею частью въ грубомъ и пошловатомъ тонѣ.

„Вообще всевозможныхъ барынь и барышенъ, болѣе или менѣе декольтированныхъ, болѣе или менѣе обнаженныхъ—цѣлая масса. Множество также женскихъ головокъ и бюстовъ, множество, наконецъ, различныхъ „венеръ“, „пѣвицъ“, „грузинокъ“, „черкешенокъ“ и просто „красавицъ“, картинъ съ пикантнымъ содержаніемъ у книгоноши оказалось огромное количество.

Г. А. Дикушинъ, торгующій книгами и картинами въ селѣ Вязникахъ, сообщилъ г. Пругавину такія свѣдѣнія.

— А изъ книгъ, что больше всего спрашиваетъ офеня?

— Прежде всего, отвѣчалъ Дикушинъ,—мелкую книгу—„листовку“ и особенно „житія“ и сказки. Изъ житій особенно большой спросъ на „Алексѣя человѣка Божія“, „Николая угодника“, „Георгія побѣдоносца“, „Тихона Задонскаго“, „Великомученицы Варвары“. Изъ сказокъ больше всего идутъ старинныя: „Бова“, „Ерусланъ Лазаревичъ“, Иванъ Царевичъ“ и т. д.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ—молитвенники и святцы; далѣе—азбука, календари дешевые 5—10 копѣекъ, „Царь Соломонъ“ для гаданія, сонники, письмовники и, наконецъ, „романы“ или „историческія“, какъ говорятъ офени.

Я просилъ своего собесѣдника назвать: какія именно книги изъ этого послѣдняго сорта всего охотнѣе покупаются офенями?

— Каждый офеня непремѣнно и обязательно спроситъ: „Милорда“, „Повѣсть объ англійскомъ милордѣ“, „Гуакъ“, „Францыль Винціанъ“, „Битва Русскихъ съ Кабардинцами“, „Громобой“, „Панъ Твардовскій“... Эти книги съ давнихъ поръ больше всего спрашиваются офенями изъ „романовъ“.

— Все это давнишніе, старинные романы, но неужели не является спроса на какія-нибудь новѣйшія произведенія послѣдняго времени, напримѣръ, современныхъ авторовъ?

— Какъ же, бываютъ, требованія. Въ послѣдніе годы сильный спросъ былъ на „Прапорщика-портупея“, особенно на „Разбойника Чуркина“—страшное требованіе; можно сказать „Чуркинъ“ перебилъ „Гуака“. Между тѣмъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ почему-то нѣтъ новыхъ изданій „Разбойника Чуркина“. Я въ Москвѣ всѣ лавки обошелъ, отыскивая „Чуркина“, былъ у Сытина, Морозова, Губанова, но нигдѣ не нашелъ. А офени требуютъ.

— Ну, а какъ идутъ изданія *Посредника?*

— Изданія *Посредника* охотно раскупаются городскою и интеллигентною публикой; что же касается офеней, то лишь весьма немногіе изъ нихъ покупаютъ изданія этой фирмы. Изъ числа моихъ покупщиковъ-офеней у меня есть лишь одинъ постоянный и усердный покупатель изданій *Посредника*, это одинъ крестьянинъ Меленковскаго уѣзда. Другіе же офени обыкновенно неохотно берутъ эти изданія, главнымъ образомъ потому, что онп стóятъ дороже обыкновенныхъ лубочныхъ изданій. *Посредникъ*, если только онъ желаетъ, чтобы его изданія расходились въ народѣ наравнѣ съ лубочными книжками, непремѣнно долженъ довести стоимость своихъ изданій до тѣхъ цѣнъ, которыя установлены лубочниками. Это, конечно, трудно, такъ-какъ лубочники, ничего не платя, или платя только гроши за авторскій трудъ, могутъ до крайняго минимума спустить стоимость своихъ изданій.

Г. Иругавинъ еще не окончилъ своихъ изслѣдованій. Но и по поводу изложеннаго нельзя не замѣтить, что авторъ, какъ и интеллигентные издатели, стоятъ на шаткой почвѣ. Вопервыхъ— очевидно, что цѣной интеллигентныхъ книгъ нельзя объяснять ихъ неудачи. Какъ видно изъ приводимыхъ г. Пругавинымъ цѣнъ, офени успѣшно сбываютъ довольно дорогія книги. Вовторыхъ, нельзя объяснить неудачъ и плохимъ устройствомъ коммиссіонерства. Извѣстное превосходное изданіе „Троицкихъ Листковъ" начато было о. Никономъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ безъ всякихъ средствъ, и, однако, въ теченіе 15 лѣтъ выпущено *51.000.000 листковъ* (пятьдесятъ одинъ милліонъ)! Итакъ—когда изданіе дѣйствительно даетъ народу нѣчто цѣнное и соотвѣтственное духовнымъ потребностямъ его,—найдутся и средства и коммиссіонеры. Неудачи интеллигентныхъ издателей, вродѣ „Посредника" или разныхъ „Комитетовъ" зависятъ конечно прежде всего отъ *содержанія* изданій. Г. Пругавинъ жалуется на какія-то административныя помѣхи. Но странно о нихъ говорить, когда интеллигентные издатели сливаются съ учрежденіями оффиціальными, каковы Комитеты грамотности. Чего еще недостаетъ? Обязывать волостныя правленія выписывать книжки „Посредника"? Дѣло не въ помѣхахъ. Интеллигентные издатели получаютъ болѣе помощи, нежели помѣхъ. Но пересматривая ихъ изданія,—почти всегда видишь такую бездарную тенденціозность, что ничуть не удивляешься ихъ неуспѣху. Народъ покупаетъ книжки или „божественныя„ или для развлеченія. Тѣ и другія ему нужны. Ин-

теллигентные издатели вмѣсто того пичкаютъ его нравоученіями, которыя для народа не имѣютъ никакой цѣны и интереса, коль скоро онѣ сведены съ почвы положительной религіи. Поддѣлки же подъ „религіозныя“ темы, въ родѣ „Франциска-Ассизскаго“, „Тихона Задонскаго“ и проч. могутъ только возмущать совѣсть и возбуждать *отвращеніе* въ каждомъ мужикѣ, грамотномъ достаточно для того, чтобы понимать читаемое. Помимо *поучительнаго* (божественнаго) мужикъ интересуется иногда чтеніемъ для *развлеченія*, побаловаться хочетъ. Ну, и по правдѣ сказать—„Милордъ Георгъ“, „Битва Русскихъ съ Кабардинцами“ и т. п., что мнѣ случалось просматривать,— при всей грубости формы — гораздо интереснѣе разсказовъ разныхъ „популяризаторшъ“, издаваемыхъ интеллигентными просвѣтителями народа. Интеллигентнымъ издателямъ — до сихъ поръ недостаетъ понятія, что масса народа не дѣти, а такіе же люди, какъ сами интеллигенты, народъ имѣетъ *свои* требованія. И потому-то „лубошники“, безъ всякихъ поддержекъ, и на чисто коммерческомъ основаніи, побиваютъ „интеллигентныхъ“ издателей, несмотря на массу денегъ, получаемыхъ этими послѣдними изъ стороннихъ источниковъ, и ту оффиціальную поддержку, какую они имѣютъ въ комитетахъ.

МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ.

(*Русская Мысль*, янв. 93 г.)

Мурманскій берегъ—окраина, по заброшенности своей способная сравниться только съ берегами Охотскаго моря. Однако же за послѣднее время вниманіе къ этому пункту нашего Сѣвера, очевидно, возростаетъ. Въ прошломъ году *Гражданинъ* указывалъ на возможность важнаго значенія незамерзающихъ бухтъ Мурмана для дѣйствій нашихъ крейсеровъ. Недавнія статьи *Русскаго Богатства* извѣстны читателямъ *Русскаго Обозрѣнія*. Теперь г. Н. В. Максимовъ началъ въ *Русской Мысли* еще болѣе любопытные очерки „Мурманскій берегъ, его обитатели и промыслы“.

Сѣверный берегъ Кольскаго полуострова, говоритъ авторъ, — тянется до Норвежской границы, около тысячи верстъ (?), дикій и угрюмый. Весь изрѣзанный бухтами, врѣзывающимися въ его горы отъ 300—500 футовъ вышины, онъ лѣтомъ сравнительно оживляется промышленниками. Зимой онъ безусловно отрѣзанъ отъ

остальной Россіи. Постоянное населеніе его ничтожно, и колонизація идетъ плохо. Сверхъ того туда охотнѣе идутъ Норвежцы и Финны, нежели Русскіе. Въ подтвержденіе авторъ приводитъ такой списокъ населенія Западнаго Мурмана.

Въ Екатерининской гавани живутъ четыре человѣка Русскихъ;

Портъ Владиміръ	4	*Русскихъ*.
Губа Кислая	5	Финновъ.
Чань-ручей	8	„
Становище Ура	148	„
Вичпная	7	„
Западная Мизь	26	„ и 4 *Русскихъ*.
Лопаткино	8	Финновъ и 7 *Русскихъ*.
На губѣ Большая Мотка и въ гавани Новой Земли	38	Финновъ.
Цыпъ Наволока	45	Норвежцевъ
Становище Зубовское	27	„
Вандо губа	17	„
Червеная	13	Финновъ.
Малая Мотка	6	*Русскихъ* и 2 Финна.
У Печенгскаго монастыря:		
а. Оленья гора	16	*Русскихъ*.
б. Трифоновъ ручей	34	„
в. Беркино	44	„
г. Килорихъ	87	„
д. Печенга	139	„
На Восточной части берега:		
Восточная Мизь	17	„
Рында	12	„
Гаврилово	63	„
Голицынскій выселокъ	11	„
Териберка	84	„
Зарубино	8	„
Монастырское становище	13	Норвежцевъ.

Итого изъ 895 человѣкъ Русскихъ 536, Финновъ 257, Норвежцевъ 102. При томъ Русское населеніе преобладаетъ на Востокѣ, а къ Норвежской границѣ совсѣмъ ослабѣваетъ. На Западномъ Мурманѣ единственный твердый нашъ пунктъ—Печенга. Тамъ, какъ извѣстно, нынѣ возстановленъ древній монастырь Св. Трифона, просвѣтителя Лапландіи. Онъ былъ уничтоженъ

Шведами. Нынѣ въ немъ двадцать человѣкъ братіи. Къ сожалѣнію, у г. Максимова нельзя получить понятія о значеніи монастыря. Авторъ только жалуется, что монастырь скупаетъ лучшія земли и тѣмъ будто бы мѣшаетъ русскимъ поселенцамъ. Точка зрѣнія черезчуръ узкая и общій тенденціозный тонъ автора мѣшаетъ понять, какая тутъ доля правды.

На восточномъ берегу главные пункты—Териберка и Гавриловка, составляющія главные пункты промысловъ. Авторъ описываетъ бытъ русскихъ колонистовъ очень мрачными красками. Но зато онъ очень хвалитъ Финновъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ему, кажется, можно повѣрить, такъ какъ онъ приводитъ достаточно подробностей. Финны устраиваются прекрасно, живутъ чисто, трудолюбивы и довольны своей судьбой. Очень вѣроятно, замѣтимъ отъ себя, что еслибы Богъ помогъ братіи Св. Трифона высоко поставить дѣло Православія, то финскій элементъ въ краѣ могъ бы не возбуждать никакихъ безпокойствъ.

Спрашиваешь себя, читая статью: ну, а что же Кола, эта „столица" Лапландіи, городокъ во всякомъ случаѣ съ 8 тысячами жителей? Къ сожалѣнію, авторъ—ограничивается въ отношеніи Колы двумя-тремя „безобразіями", имѣющими охарактеризовать „дикость" обывателя. Это очень досадно. Единственно, что можно извлечь у него—слѣдующее: въ городѣ есть 2 церкви; въ городѣ проживаютъ 4 купца. Въ городѣ строится больница. Мѣщане весной промышляютъ семгу, которая отправляется въ Норвегію. За симъ—по завѣренію автора, обыватели пьянствуютъ, скучаютъ, дуются въ карты и спятъ. Маловато!

Норвежцы имѣютъ въ краѣ огромное значеніе. Авторъ подробно обрисовываетъ промышленную дѣятельность г. Кнюцена. Онъ принялъ русское подданство, но въ Россію является только на промыслы, а дѣйствуетъ на деньги норвежскаго купца Бредкорпа (въ Вадзе), который служитъ россійскимъ вице-консуломъ. Никто изъ русскихъ поморовъ съ Кнюценомъ не конкуррируетъ. Но „королемъ" западнаго Мурмана является (и называется) другой Норвежецъ, Пильфельдъ, тоже русскій подданный, и начавшій дѣла тоже на деньги г. Бредкорпа.

Изъ русскихъ промышленниковъ нѣкогда славился поморъ Воронинъ, который теперь почти прекратилъ дѣла. Авторъ разсказываетъ, что при всей дѣятельности г. Воронинъ пострадалъ отъ своей доброты и довѣрчивости, которою слишкомъ недобросовѣстно воспользовались приказчики.

Въ Тириберкѣ завязывается сравнительно живой коммерческій пунктъ. Тутъ находятся факторіи Воронина, Павла Хохлова, Петра Клементьева, Ивана Кочина, купца (архангельскаго) Рынина. Торгуетъ также г. Лильге. Кочинъ, Рынинъ и Клементьевъ отправляютъ свои корабли съ трескою въ С.-Петербургъ. Гавриловка, несмотря на репутацію, имѣетъ въ описаніи автора менѣе шансовъ на развитіе, нежели Тириберка.

Какъ отчасти показалъ и опытъ, промысловая будущность Мурмана—вся въ рыбной ловлѣ. Есть указанія на существованіе здѣсь хорошей *сардинки*. Китовый промыселъ падаетъ, хотя Норвежцы еще бьютъ китовъ. Большіе толки на Мурманѣ возбуждаютъ слухи объ основаніи военнаго порта. Жители каждой мѣстности желали бы, чтобъ онъ былъ основанъ именно у нихъ. Г. Максимовъ совѣтуетъ нашимъ морякамъ не довѣрять показаніямъ жителей, которые, помимо личной заинтересованности, народъ пришлый и не знаютъ хорошо здѣшнихъ мѣстъ. Между тѣмъ—помимо прочихъ условій, на Мурманѣ, для выбора порта, нельзя не принять во вниманіе явленій прилива и отлива. Итакъ морякамъ предстоятъ здѣсь серьезныя самостоятельныя изысканія. Лучшія мѣста для порта—находятся на западномъ Мурманѣ. Съ точки зрѣнія русской колонизаціи это вполнѣ выгодное совпаденіе. Но очевидно, что устройство порта — потребуетъ также немедленно озаботиться о связи Мурмана болѣе удобнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ съ Петербургомъ.

ПОЗИТИВНОЕ КОЛДОВСТВО.

Въ январьской *Книжкѣ Недѣли* приводятся изъ иностранныхъ изданій свѣдѣнія о тѣхъ явленіяхъ, которыя отрицаются образованными умами, когда называются „колдовствомъ“ и охотно признаются подъ научными названіями: „гипнотизмъ,“ „внушенія,“ „экстеріоризаціи чувствительности.“ Случаи, приводимые *Книжкой Недѣли*—переходятъ всѣ границы умопомрачительности. Существенный недостатокъ ихъ—это анонимность сотрудника *Pall Mall Gazette*, ихъ разсказывающаго. Сначала онъ сообщаетъ отчетъ д-ра Люиса въ Charité. Люисъ показалъ писателю, что искусственныя страданія могутъ быть причинены загипнотизированнымъ и безъ внушенія, одною близостью къ нимъ извѣст-

ныхъ веществъ. Щепотка угольной пыли, положенная въ склянку, закрытую пробкой и запечатанную сургучемъ, если ее приблизить къ затылку усыпленнаго, производитъ на него впечатлѣніе удушенія дымомъ; трубочка съ водой, въ такомъ же положеніи, даетъ симптомы начинающейся водобоязни; очень простая химическая смѣсь производитъ такія ощущенія, которыя испытываетъ захлебывающійся.

Нужно замѣтить,что эти опыты очень *оспариваются*. Въ дѣйствительности они очень неясны, и трудно разобрать, въ какой мѣрѣ „загипнотизированные" играютъ комедію, въ какой самъ экспериментаторъ невольно наводитъ ихъ на догадку. Вообще авторъ *Книжки Недѣли* долженъ бы сдѣлать оговорки. Но онъ довѣрчивъ и не къ такимъ чудесамъ.

„Заинтересовавшись видѣннымъ въ Шаритэ, сотрудникъ *Pall Mall Gazette* отправился къ начальнику знаменитой Политехнической школы, подполковнику де-Роша д'Эгленъ, который считается однимъ изъ знатоковъ гипнотизма и открылъ способъ такъ-называемой экстеріоризаціи чувствительности, то-есть перенесенія чувствительности загипнотизированнаго на внѣшній предметъ. „Однажды, сказалъ де-Роша автору, я усыпилъ одну больную на бархатномъ креслѣ. Усыпленная была перенесена въ другой конецъ комнаты, и когда я случайно задѣлъ за обивку кресла, больная выразила сильную боль. Стало очевидно, что больная что-то передала креслу. Я продѣлалъ тотъ же опытъ съ кресломъ, покрытымъ шелковой матеріей, но онъ не удался. Въ Шаритэ я продѣлывалъ тѣ же опыты со стаканомъ воды, перенося въ него чувствительность усыпленнаго, и опыты удались. Усыпленный не чувствуетъ глубокихъ уколовъ, тогда какъ достаточно задѣть пальцемъ о поверхность воды, чтобы вызвать въ немъ сильнѣйшія боли. Но вода скоро теряетъ этотъ зарядъ чувствительности, жировыя вещества сохраняютъ его долѣе. Я растапливалъ ихъ, потомъ давалъ имъ остыть, и они сохраняли на извѣстномъ разстояніи отъ субъекта его чувствительность около двухъ недѣль. Экстеріоризаціи могутъ подвергаться только немногіе изъ усыпленныхъ и только въ высшихъ степеняхъ гипнотическаго сна. Въ летаргическомъ состояніи чувствительность находится почти на четыре дюйма отъ тѣла, при другихъ состояніяхъ разстояніе мѣняется. Роша полагаетъ, что переселеніе чувствительности дастъ возможность проникать въ мысли низшихъ существъ и откроетъ новые ши-

рокіе горизонты для психологіи. Но онъ предостерегаетъ отъ занятія этими опытами, такъ какъ они въ высшей степени опасны. Одинъ изъ его пріятелей перенесъ чувствительность усыпленнаго въ бутылку воды, а другое лицо, его лакей, по легкомыслію выпилъ эту воду. Усыпленный почувствовалъ смертельный страхъ. „Я чувствовалъ, говорилъ онъ потомъ, какъ будто кто-то меня переваривалъ.“ Его спасли только тѣмъ, что посадили въ экипажъ и увезли на другой конецъ города, чтобы прервать магнетическую цѣпь, связывавшую его съ водою. Лакей же почувствовалъ такой припадокъ голода, что съѣлъ кусокъ сырой баранины въ кухнѣ“.

„Все это, замѣчаетъ довѣрчивый обозрѣватель, очень похоже на сказку, на разсказы о порчѣ, объ envoûtement средневѣковыхъ колдуновъ, но имена ученыхъ, продѣлывающихъ среди бѣлаго дня такіе странные опыты, ручаются за ихъ достовѣрность, и намъ остается только ждать новыхъ еще болѣе невѣроятныхъ результатовъ отъ молодой науки опытной психологіи“.

Эта довѣрчивость очень характеристична для нашего „скептическаго времени“. Если сказать „порча“—образованный человѣкъ улыбается; „дьявольское навожденіе“—„фи, кто нынче говоритъ о такихъ глупостяхъ!“ Но если вмѣсто чорта фокусы продѣлываютъ „ученые“, если является какая-нибудь „экстеріозація чувствительности“, образованный человѣкъ оказывается довѣрчивѣе всякаго мужика.

Напомнимъ, однако, что гг. корреспонденты нынче такъ „сочиняютъ“, какъ не выдумать никакой „странницѣ“. Гг. ученые, отыскавши какую-нибудь „новую идею“, далеко не безпристрастны: „подборъ“ фактовъ и подтасовка самаго ихъ характера — составляютъ у гг. ученыхъ, во всѣхъ отрасляхъ знанія, совершенно обычное явленіе.

За этими оговорками, разумѣется, нельзя не признать существованія явленій *сверхъестественныхъ*. Можно допустить извѣстную основу сверхъестественнаго, на которой и разыгрывается воображеніе современныхъ „знахарей точной науки“.

Л. Тихомировъ.

ДУХОВНАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Малораспространенность духовной періодической печати и ея постепенный ростъ.—Разъясненіе заключительныхъ выводовъ статьи Л. Тихомирова о духовенствѣ и обществѣ по отношенію къ печати.—Характеристика духовной періодической печати и отношеніе ея къ духовнымъ нуждамъ общества вообще.—Выводъ о задачахъ нашихъ обозрѣній духовной періодической печати.—Краткое обозрѣніе содержанія духовныхъ журналовъ за истекшій 1892 годъ.

Наша духовная періодическая печать — духовные журналы и газеты— несомнѣнно, очень мало извѣстны и еще меньше распространены въ нашемъ свѣтскомъ образованномъ обществѣ. Приходилось встрѣчать очень образованныхъ и къ Церкви расположенныхъ людей, которые выписываютъ и читаютъ нѣсколько свѣтскихъ газетъ и журналовъ, но никогда не читывали ни одного духовнаго журнала и съ удивленіемъ узнавали, что у насъ къ Москвѣ издаются двѣ церковныя газеты, нѣсколько иллюстрированныхъ духовныхъ журналовъ и не одинъ ежемѣсячный ученобогословскій журналъ. Намъ случалось бывать въ нѣсколькихъ общественныхъ библіотекахъ, видать въ нихъ всевозможныя свѣтскія періодическія изданія и ни одного духовнаго. Самыя эти свѣтскія періодическія изданія, въ которыхъ въ послѣднее время отдѣлъ обозрѣнія періодической печати заведенъ почти всюду и иногда въ очень почтенныхъ размѣрахъ, или совершенно игнорируютъ духовную печать, или, если по временамъ и говорятъ что-либо о ней, то въ большинствѣ случаевъ такъ глухо, обще и неопредѣленно, что нѣтъ возможности по этимъ рѣчамъ составить себѣ какое-либо представленіе объ этой печати.

Между тѣмъ печать эта существуетъ — существуетъ давно и въ очень почтенныхъ размѣрахъ, и размѣры эти съ теченіемъ времени не только не уменьшаются, а все болѣе и болѣе увеличиваются. Нѣкоторыя изъ духовныхъ періодическихъ изданій давно отпраздновали уже свой пятидесятилѣтній юбилей; таковы напримѣръ: *Христіанское Чтеніе* (издающееся при Петербургской Духовной Академіи) и *Воскресное Чтеніе* (кіевское изданіе); другія—и очень многія—существуютъ уже болѣе 25 лѣтъ, каковы ученыя богословскія изданія нашихъ духовныхъ академій — Московской, Кіевской и Казанской и Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, равно какъ и популярно-богословскія изданія отдѣльныхъ частныхъ лицъ, какъ *Странникъ* (въ Петербургѣ) и *Душеполезное Чтеніе* (въ Москвѣ). Прошло уже больше 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ каждой почти епархіи издаются мѣстныя епархіальныя вѣдомости; въ послѣднее же десятилѣтіе въ обѣихъ нашихъ столицахъ и въ другихъ университетскихъ городахъ появилось не по одному, а по нѣскольку новыхъ духовныхъ періодическихъ изданій. Такъ, вотъ уже десятый годъ, какъ въ Харьковѣ — при Харьковской Духовной Семинаріи началъ выходить ученый богословско-философскій журналъ: *Вѣра и Разумъ*; въ Кіевѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ издаются кромѣ давно существующихъ: *Воскреснаго Чтенія*, *Трудовъ Кіевской Духовной Академіи*, и *Руководства для Сельскихъ Пастырей*, *Проповѣдническій Листокъ*, *Богословско-Библіографическій Листокъ* и *Церковно-Приходская Школа;* въ Петербургѣ при Св. Синодѣ шестой уже годъ издаются *Церковныя Вѣдомости* и столько же времени—еженедѣльный иллюстрированный духовный журналъ *Русскій Паломникъ*; а у насъ въ Москвѣ подобныхъ этому журналу духовныхъ изданій въ послѣднее время существуетъ два: *Воскресный День* и *Кормчій*. Кромѣ нихъ у насъ въ Москвѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ издаются: *Пастырскій Собесѣдникъ*, *Душеполезный Собесѣдникъ* и *Дѣтская Помощь*; при Московской Духовной Академіи профессоромъ Субботинымъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ издается журналъ посвященный расколу, *Братское Слово*; въ прошедшемъ году у насъ въ Москвѣ пр. Полотебновымъ начало издаваться праздничное періодическое изданіе *Радость Христіанина*, а въ текущемъ — *Православный Благовѣстникъ*; въ Одессѣ издается духовный періодическій листокъ *Наставленія и утѣшенія Св. Вѣры Христіанской.*—Если собрать всѣ эти духовныя изданія вмѣстѣ, то выйдетъ очень почтенная цифра ихъ;

замѣтимъ при этомъ, что нѣкоторыя изъ нихъ даютъ въ годъ болѣе 200 печатныхъ листовъ текста.

Правда, говоря о широкихъ размѣрахъ и постепенномъ ростѣ духовной періодической печати, мы не можемъ скрыть и того печальнаго явленія, что нѣкоторыя изъ духовныхъ журналовъ въ послѣднее время прекратили свое существованіе. Такъ давно уже не выходятъ въ свое время очень почтенныя изданія: *Духъ Христіанина и Духовная Бесѣда;* въ прошедшемъ году прекратилъ свое существованіе болѣе 30 лѣтъ издававшійся въ Москвѣ ученый богословско-философскій журналъ *Православное Обозрѣніе*, а два года тому назадъ пересталъ выходить недавно только было появившійся еженедѣльный журналъ, посвященный расколу, *Другъ Истины*. Грустныя явленія! и нельзя конечно не пожалѣть о нихъ; но о чемъ свидѣтельствуютъ и чѣмъ объясняются они? Во всякомъ случаѣ никто, хоть разъ читавшій *Православное Обозрѣніе* особенно за послѣдніе годы его существованія, не можетъ и подумать объяснять его прекращеніе недостатками самого журнала или скудостію духовныхъ силъ. Основанный такими, извѣстными не только въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ, учеными богословами, какъ покойный о. протопресвитеръ Н. А. Сергіевскій и доселѣ, благодареніе Богу, здравствующіе протоіереи А. М. Иванцовъ-Платоновъ и Гр. П. Смирновъ-Платоновъ, а въ послѣднее время издававшійся о. пр. Преображенскимъ, который былъ ближайшимъ сотрудникомъ означенныхъ лицъ и прежде и до послѣдней книжки своего журнала не прекращавшій пользоваться ихъ трудами и участіемъ, журналъ этотъ, просуществовавши тридцать лѣтъ, пересталъ выходить единственно, кажется, потому, что за недостаткомъ подписчиковъ у издателя не стало хватать собственныхъ матеріальныхъ средствъ на покрытіе издержекъ по изданію...

Грустная правда эта о матеріальной необезпеченности не къ одному только *Православному Обозрѣнію* относится, а приложима и къ нѣкоторымъ другимъ духовнымъ изданіямъ подобнаго же рода. Ибо, если эти другія, подобныя *Православному Обозрѣнію*, духовныя изданія, какъ, напримѣръ, изданія духовныхъ академій и Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, и существуютъ, то или при помощи какихъ-либо постороннихъ не отъ подписчиковъ идущихъ, субсидій, которыми и покрываются расходы по изданію, какъ это имѣется по отношенію къ академическимъ журналамъ, или благодаря тому, что подписка на нихъ

духовными властями сдѣлана обязательною для подвѣдомыхъ имъ церквей и духовенства. При такихъ только условіяхъ оказывается возможнымъ существованіе большинства мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, богословско-философскаго журнала *Вѣра и Разумъ* и издающихся въ Москвѣ *Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія*. Въ Москвѣ, напримѣръ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ сказали мы выше, существуетъ журналъ, посвященный фактическому обозрѣнію и раціональной разработкѣ вопросовъ христіанской общественной благотворительности,—*Дѣтская Помощь*. И что же? Изъ отчетовъ по изданію, которые достопочтенный отецъ протоіерей Смирновъ-Платоновъ каждый годъ публикуетъ въ своемъ журналѣ, оказывается, что журналъ этотъ, отличающійся, замѣтимъ кстати, фактическою полнотой и документальностію своихъ свѣдѣній, широтой и ясностію взгляда и мѣткостію сужденій, доставляетъ своему издателю ежегодные дефициты въ нѣсколько сотъ рублей и расходится едва въ двухъ или трехъ стахъ экземпляровъ. Не знаемъ точно, но по слухамъ, не лучше положеніе дѣла и другаго журнала, издаваемаго въ Кіевѣ, посвященнаго другому церковно-общественному вопросу—о церковно-приходскихъ школахъ.

Совершенно справедливо, конечно, что между духовными изданіями есть и такія, которыя не могутъ пожаловаться на недостатокъ подписчиковъ и подписныхъ матеріальныхъ средствъ; но: 1) исключенія бываютъ вездѣ и они говорятъ только о наличной дѣйствительности, и 2) какія духовныя изданія преимущественно могутъ похвастаться такимъ счастливымъ жребіемъ? По крайней мѣрѣ вовсе не тѣ, которыя въ своемъ служеніи церковно-общественнымъ интересамъ и духовнымъ потребностямъ даннаго времени имѣютъ въ виду читателей изъ образованнаго и ученаго общества, а тѣ, которыя задаются самыми общими религіозно-нравственными цѣлями и назначаются преимущественно для мало развитаго общества и простаго народа. Таковы, напримѣръ, *Кормчій*, который прямо заявляетъ о себѣ какъ о религіозно-нравственномъ листкѣ для народа, или *Душеполезный Собесѣдникъ* и *Наставленія и утѣшенія Св. Вѣры Христіанской*—оба изданія имѣютъ въ виду прежде всего почитателей и поклонниковъ святынь Аѳонскихъ монастырей. Еще лучше въ этомъ отношеніи положеніе *Троицкихъ Листковъ* отца-архимандрита Никона, которые, не будучи періодическимъ изданіемъ съ заранѣе получаемой за него подписной платой, распространя-

ются все-таки въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Мы ничего не имѣемъ противъ этихъ изданій, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, *Троицкіе Листки* отца-архимандрита Никона, считаемъ настолько цѣннымъ вкладомъ въ нашу народную духовную литературу, что желали бы ихъ *буквально повсемѣстнаго* распространенія; [1] но фактъ тѣмъ не менѣе остается фактомъ. Несомнѣнной истиной остается то высказанное нами выше положеніе, что наша духовная періодическая печать и именно въ той своей части, которая посвящена обсужденію и обозрѣнію выдающихся явленій церковно-общественной жизни и интересующихъ общество духовныхъ богословскихъ вопросовъ и явленій въ видѣ духовныхъ, богословскихъ, философскихъ и церковно-историческихъ журналовъ, остается малоизвѣстною и еще меньше распространенною въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ, и представленныя нами исключенія изъ этого положенія не только ничего не говорятъ противъ него, а напротивъ, какъ будто еще рельефнѣе выставляютъ его на видъ, еще болѣе доказываютъ его подлинность и возбуждаютъ цѣлый рядъ вопросовъ и недоумѣній, особенно если сравнить еще эту малораспространенность духовной періодической печати съ широкимъ распространеніемъ свѣтской періодической литературы...

Гдѣ же причина этого грустнаго явленія? Кто виноватъ въ немъ? Свѣтское ли образованное общество, совершенно удалившееся отъ Церкви и вслѣдствіе этого потерявшее чуткость къ своимъ же собственнымъ духовнымъ нуждамъ и потребностямъ, понимающее ихъ превратно и фальшиво, и потому естественно сторонящееся между прочимъ и отъ духовной періодической литературы, которая своимъ здравымъ словомъ обличаетъ эту фальшь, или же самая эта духовная періодическая печать, не умѣющая вполнѣ удовлетворить эти нужды и потребности общества и освѣтить ихъ надлежащимъ свѣтомъ?

Это послѣднее объясненіе приходится слышать гораздо чаще, чѣмъ первое, хотя къ истинѣ ближе, по нашему разумѣнію, первое. Мы не станемъ подробно излагать тѣхъ порицаній и укоровъ по адресу духовныхъ писателей-богослововъ и церковно-общественныхъ дѣятелей, которые такъ хорошо извѣстны каждому, точно такъ же, какъ не видимъ резоновъ повторять и той

[1] Въ этихъ видахъ мы намѣрены посвятить имъ особую рѣчь.

горькой правды о нашемъ свѣтскомъ образованномъ обществѣ, которая такъ ярко и мѣтко высказана г. Л. Тихомировымъ въ его замѣчательной статьѣ: *Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи*. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ заключительнаго вывода этой статьи, въ которомъ авторъ зоветъ современное общество для удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ и потребностей обратиться отъ самочинныхъ умствованій къ авторитетному ученію Церкви въ лицѣ ея духовенства.

Намъ кажется, что возраженія противъ этого вывода, высказанныя людьми, не признающими авторитетности духовенства въ дѣлѣ духовнаго учительства, появились въ силу простаго недоразумѣнія, — именно вслѣдствіе того, что подъ духовенствомъ, объ учительской роли котораго въ дѣлѣ вѣры говоритъ г. Тихомировъ, разумѣютъ одно лишь наличное духовенство безъ всякаго отношенія его къ вѣковѣчному ученію Церкви; но это несправедливо.

Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ статьи г. Тихомирова, по тому, напримѣръ, мѣсту, гдѣ онъ говоритъ о митрополитѣ Филаретѣ, старцѣ Амвросіѣ и епископѣ Ѳеофанѣ, читатель, внимательно, безъ предубѣжденій и заднихъ мыслей прочитавшій статью г. Тихомирова, безъ особыхъ разъясненій пойметъ, что говоря о духовенствѣ онъ не въ Каноссу насъ зоветъ, то-есть не о томъ говоритъ, чтобы мы въ дѣлѣ своего религіозно-нравственнаго развитія безапелляціонно слушались всего, что̀ вздумаетъ отъ собственнаго разума толковать и приказывать намъ наше наличное духовенство, а объ томъ, чтобы мы безпрекословно и безъ самочинныхъ умствованій принимали Христово ученіе въ томъ его видѣ, въ какомъ оно неизмѣнно и непрерывно сохраняется, преподается и разъясняется въ Церкви Христовой пастырями Церкви; ибо задача пастырей Церкви, какъ учителей церковныхъ, въ томъ и состоитъ, чтобы неизмѣнно и точно хранить, передавать и разъяснять это ученіе въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ непрерывно отъ самихъ Апостоловъ живетъ въ Церкви Христовой — въ ея уставахъ, обрядахъ и писаніяхъ, поскольку всѣ они всегда и вездѣ согласны между собою и въ своемъ содержаніи представляютъ *единое* ученіе Церкви. Митрополитъ Филаретъ, епископъ Ѳеофанъ, іеросхимонахъ Амвросій, напримѣръ, потому именно такъ безспорно и почитаются всѣми, какъ истинные представители духовенства, призваннаго учить

вѣрѣ Христовой, потому именно въ качествѣ типическихъ представителей его указаны и г. Тихомировымъ, что въ своихъ твореніяхъ и бесѣдахъ религіозныхъ они, эти пастыри Церкви, никогда не предлагали и не предлагаютъ своихъ собственныхъ мнѣній, хотя бы и самыхъ глубокихъ, а лишь только то, что̀ непрерывно и неизмѣнно отъ Апостоловъ хранится въ Церкви вселенской—въ томъ, всегда и вездѣ себѣ равномъ голосѣ ея, который слышится и въ обрядахъ, и въ уставахъ и въ самой жизни церковной; потому они и глубокіе богословы и истинные представители духовенства, какъ понимаетъ его г. Тихомировъ, что они настолько сроднились съ этимъ ученіемъ Вселенской Церкви, настолько проникнуты самымъ, такъ сказать, духомъ Церкви, что преподавая намъ ученіе Христово, въ томъ его неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ хранится оно въ Церкви Вселенской, они передаютъ намъ его не какъ что-то внѣшнее, постороннее для ихъ разума и сердца, а какъ живое слово, какъ слово, которымъ живутъ они и въ своемъ разумѣніи и въ своемъ чувствѣ. Люди не по имени только, а дѣйствительно пребывающіе въ Церкви Божіей—прислушивающіеся къ ея голосу, слѣдующіе ея уставамъ и обрядамъ и, словомъ, живущіе ея духовною жизнію потому-то и почитаютъ ихъ своими пастырями, что въ словахъ ихъ слышатъ не чужой голосъ, а родной голосъ матери-Церкви, внятно и вѣрно передаваемый.

При такомъ пониманіи дѣла никакого значенія въ качествѣ возраженій противъ г. Тихомирова не имѣютъ тѣ соображенія, что признанными Церковію богословами почитаются иногда люди, не имѣющіе на себѣ духовнаго сана, если только въ своемъ учительствѣ они не самочинничаютъ и не говорятъ отъ собственнаго разума, а *разумно* преподаютъ неизмѣнно и непрерывно апостольское ученіе Церкви, [1] точно такъ же какъ, наоборотъ, лица духовныя могутъ иногда быть и мірянами обличаемы въ неправославіи, какъ скоро эти лица уклоняются въ своей проповѣди отъ того голоса Вселенской Церкви, который равно для всѣхъ одинаково раздается въ вѣковѣчномъ преданіи церковномъ—въ ея духовной жизни; ибо и міряне у насъ не лишены участія въ этой

[1] Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то обстоятельство, что Православная Церковь чтитъ, напримѣръ, иночество, не имѣющее на себѣ даже духовнаго сана, какъ учительское учрежденіе, и именно потому, что оно неизмѣнно и точно хранитъ уставы церковные и въ этомъ отношеніи служитъ къ духовному просвѣщенію общества.

вѣковѣчной духовной жизни Церкви, какъ лишены они въ католичествѣ напримѣръ; ибо у насъ и міряне и библію всѣ могутъ читать и всѣ таинства принимать и уставы хранятъ и обряды соблюдаютъ и т. п. Но въ томъ то и бѣда, что современное образованное общество не живетъ этою церковною жизнію, отъ которой не ушло духовенство, и потому самой этой жизни, которою оно можетъ провѣрять, такъ сказать, церковное учительство духовенства, оно должно еще учиться, и именно у духовенства.

Мы нарочно такъ долго остановились на разъясненіи заключительнаго вывода статьи г. Тихомирова потому, что онъ, какъ намъ кажется, имѣетъ существенное отношеніе и къ поставленному нами вопросу о причинахъ малоизвѣстности духовной періодической печати и къ задачѣ нашей статьи, посвященной обозрѣнію ея. Мы думаемъ, что духовная періодическая печать по существу своему и есть то живое учительное слово духовенства, къ которому прислушаться зоветъ современное общество г. Тихомировъ, и что слово это стоитъ того, чтобы къ нему прислушиваться; ибо оно дѣйствительно можетъ служить надежнымъ и авторитетнымъ руководителемъ въ дѣлѣ вѣры и жизни христіанской.

Въ самомъ дѣлѣ чѣмъ занимается наша духовная періодическая печать, и какія задачи преслѣдуетъ она? Какіе вопросы затрогиваются въ этой печати, и какъ они рѣшаются? Что лежитъ въ основѣ этихъ рѣшеній, и что выставляется какъ авторитетное ручательство ихъ истинности?

Прежде всего эта наша духовная періодическая печать вовсе не есть какая-либо партійная и кастовая памятная книга, въ которой записываются только епархіальныя распоряженія и консисторскіе указы, касающіеся внѣшняго быта и внѣшней юридической дѣятельности духовенства. Все это конечно есть въ этой печати, но 1) въ очень ужь скромныхъ размѣрахъ и 2) съ тѣхъ преимущественно сторонъ, съ которыхъ эта жизнь и эта внѣшне-пастырская дѣятельность духовенства имѣетъ общецерковное значеніе. Вопросы религіозно-нравственнаго содержанія и церковно-общественнаго значенія—вотъ главный предметъ духовной періодической печати даже въ тѣхъ ея видахъ, которые болѣе всего повидимому должны имѣть мѣстный и кастовый, такъ сказать, характеръ. Говоря такъ, мы разумѣемъ разныя епархіальныя вѣдомости, которыя существуютъ теперь въ каждомъ почти губернскомъ городѣ (всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостей 51) и по большей части

издаются въ формѣ недѣльныхъ или двухнедѣльныхъ книжекъ отъ 3 до 4 листовъ каждая съ годовой цѣной по большей части въ 4—6 р. Въ этихъ вѣдомостяхъ на ряду съ оффиціальнымъ отдѣломъ, въ которомъ печатаются разныя епархіальныя и синодскія распоряженія, всегда существуетъ и еще большій сравнительно съ оффиціальнымъ, отдѣлъ неоффиціальный, посвященный общимъ церковно-богословскимъ вопросамъ. На ряду съ церковными поученіями и истолкованіями Св. Писанія и церковно-историческими изысканіями на страницахъ этихъ вѣдомостей много мѣста занимаютъ разныя историко-археологическія описанія монастырей, церквей и другихъ церковно-общественныхъ учрежденій епархіи (особенно въ этомъ отношеніи много матеріала даютъ *Волынскія Епарх. Вѣдомости*) а также описанія мѣстныхъ обрядовъ, обычаевъ, вѣрованій, преданій и т. п. Какъ бы ни были частны и неполны всѣ подобнаго рода описанія, они несомнѣнно весьма важны въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ; но также несомнѣнно и то, что они имѣютъ важное церковно-общественное значеніе и отсюда религіозно-нравственное. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ — духовныхъ періодическихъ изданій существуютъ даже отдѣлы критико-библіографическіе и разсмотрѣніе мнѣній и отзывовъ свѣтской печати по церковно-богословскимъ вопросамъ (заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи *Церковный Вѣстникъ*, издаваемый при Петербургской Академіи). Но не въ этихъ мелкихъ, такъ сказать, представителяхъ духовной періодической печати сосредоточивается главная сила и значеніе ея, какъ живаго учительнаго слова духовенства въ отвѣтъ на религіозно-нравственные запросы современнаго общества; не въ нихъ интересъ дѣла, и не объ нихъ поэтому и рѣчь наша. Говоря о духовной періодической печати, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, такъ-называемые большіе духовные журналы, издаваемые духовными академіями, многими церковно-общественными учрежденіями и частными лицами. Въ этихъ журналахъ, къ которымъ принадлежатъ: *Христіанское Чтеніе* (двухмѣсячное изданіе Петерб. Дух. Академіи), *Богословскій Вѣстникъ* (ежемѣс. изданіе Моск. Дух. Академіи), *Православный Собесѣдникъ* (ежемѣс. изданіе Казанской Академіи), *Труды Кіевской Духовной Академіи* (также ежемѣс. изданіе) *Чтенія въ Обществѣ Люб. Дух. Просвѣщенія* (ежемѣс. изд. Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія), *Вѣра и Разумъ* (двухнедѣльное изданіе Харьковской Дух. Семинаріи) и отчасти *Странникъ* (ежемѣс.

изд. при Петерб. Духовной Академіи), *Душеполезное Чтеніе*, журналъ основанный преосв. Виссаріономъ, епископомъ Костромскимъ въ бытность его моск. священникомъ и теперь издающійся въ Москвѣ прот. Касицынымъ (ежемѣс. изд.), *Радость Христіанина* при чтеніи Библіи, какъ слова жизни по руководству св. Православной Церкви (изд. прот. Полотебнова) и др.

Само собою разумѣется, что въ программѣ и составѣ этихъ журналовъ могутъ встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчаются статьи и цѣлые отдѣлы, не имѣющіе въ прямомъ своемъ смыслѣ обще-церковнаго учительнаго значенія, а лишь интересъ только мѣстный и частный. Таковы, напримѣръ, протоколы академическихъ конференцій, печатающіе во всѣхъ академическихъ изданіяхъ; но и они не лишены своего значенія въ качествѣ церковно-историческихъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи они являются прекраснымъ оправдательнымъ документомъ истинности церковнаго учительства, и именно постольку, поскольку въ своихъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ отражаютъ въ себѣ тѣ задачи и цѣли, которымъ служатъ наши духовныя академіи своею дѣятельностію, поскольку въ своихъ отчетахъ и сужденіяхъ объ ученыхъ и учебныхъ работахъ своихъ настоящихъ и будущихъ богослововъ даютъ точку зрѣнія для заключенія о церковномъ значеніи этихъ работъ. Еще, разумѣется, менѣе представляютъ собою живой и занимательный интересъ для свѣтскихъ читателей духовной литературы тѣ статьи и отдѣлы этихъ журналовъ, въ которыхъ предлагаются разные церковно-историческіе, археологическіе и др. матеріалы и критическое изслѣдованіе ихъ. Всѣ такого рода произведенія, покрытыя архивною пылью и съ самою детальною подробностію и точностію трактующія о вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ современной обще-церковной жизни съ ея нерѣдко частными интересами и скоропреходящими заботами, большинству читателей кажутся сухими и не нужными, а въ дѣйствительности оказываются даже и недоступными ихъ пониманію; но если въ сужденіи и обсужденіи какихъ бы то ни было богословскихъ и церковно-общественныхъ вопросовъ невозможно обходиться безъ этихъ спеціальныхъ разслѣдованій, имѣющихъ основоположительное значеніе для нихъ, то вовсе скрывать отъ православнаго общества эту кабинетную подготовку тѣхъ сужденій и обсужденій будетъ ли вполнѣ цѣлесообразно? Вѣдь эта кабинетная подготовка тѣхъ или иныхъ богословскихъ отвѣтовъ и церковныхъ рѣшеній предста-

вляетъ собою документальное оправданіе истинности тѣхъ отвѣтовъ и рѣшеній. Если въ наличномъ составѣ читателей нѣтъ людей, нуждающихся въ этихъ, такъ сказать, оправдательныхъ документахъ, хотя вполнѣ согласиться съ этимъ словомъ невозможно, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они и не должны вовсе имѣть мѣста въ духовной періодической литературѣ. Литература эта именуется періодическою-журнальною не только потому, что она имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, отвѣчать на запросы даннаго времени и удовлетворять ближайшія духовныя нужды даннаго общества, а и потому, что она выходитъ періодически; а это во многомъ зависитъ отъ матеріальныхъ условій нашего церковнаго учительства. Наконецъ, къ чести нашей духовной періодической литературы даже академической, и то нужно сказать, что руководители ея, съ одной стороны понимая все *непреходящее* значеніе этихъ, повидимому, совсѣмъ безжизненныхъ произведеній, а съ другой—принимая во вниманіе неподготовленность къ нимъ большинства своихъ читателей, нуждающихся въ болѣе общедоступномъ и общеинтересномъ духовномъ чтеніи, весьма благоразумно распоряжаются страницами своихъ періодическихъ изданій въ распредѣленіи того и другаго матеріала ихъ. Отдавая иногда даже первыя страницы своихъ изданій кабинетнымъ научнымъ работамъ богослововъ-писателей, они на ряду съ такими произведеніями и даже больше чѣмъ такимъ произведеніямъ удѣляютъ мѣста и статьямъ общедоступнымъ и общеинтереснымъ,—такимъ, которыя отвѣчаютъ на самые насущные и животрепещущіе религіозные вопросы даннаго времени. Въ этихъ видахъ даже и такія произведенія, которыя не имѣютъ интереса минуты и равно полезны какъ теперь, такъ и десять лѣтъ прежде или послѣ, въ большинствѣ нашихъ духовныхъ журналовъ, особенно не академическихъ, каковы, напримѣръ, *Вѣра и Разумъ*, *Странникъ*, *Душеполезное Чтеніе*, *Радость Христіанина*, *Руководство для Сельскихъ Пастырей* и др., предлагаются въ общедоступной формѣ. Вся полнота цитатъ, всѣ научно-критическія изысканія и изслѣдованія, все, что носитъ на себѣ характеръ школы, въ статьяхъ этихъ по большей части или совсѣмъ опущено или сокращено до минимума, или же отнесено подъ строку, въ примѣчанія для желающихъ. Такой именно характеръ въ указанныхъ духовныхъ журналахъ носятъ на себѣ статьи по библейскимъ, общебогословскимъ и церковно-историческимъ вопросамъ. Если же такого рода статьи и являются иногда на страницахъ нашихъ

духовныхъ журналовъ во всеоружіи, такъ сказать, богословской науки, то это въ тѣхъ преимущественно случаяхъ, когда они самымъ предметомъ своимъ слишкомъ близко, непосредственно соприкасаются съ нуждами и потребностями современной духовной религіозно-нравственной церковной жизни. Дать отвѣтъ на эти религіозно-нравственные запросы времени,—отвѣтъ общедоступный и прямой, но въ то же время всесторонній и обстоятельный, ставятъ задачею своей духовно-просвѣтительной дѣятельности всѣ наши духовные журналы, каждый, разумѣется, сообразно со своими силами и приспособительно къ тому кругу читателей, которыхъ имѣетъ въ виду. Между тѣмъ какъ одни изъ этихъ журналовъ имѣютъ въ виду преимущественно вообще образованныхъ только читателей, другіе разсчитываютъ на людей науки, ученыхъ; одни предлагаютъ духовно-нравственное чтеніе, потребное для тѣхъ, которые въ дѣлахъ вѣры и жизни безпрекословно слушаются голоса Православной Церкви и жаждутъ именно только положительнаго духовно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной вѣры, другіе же, напротивъ, идутъ со своимъ просвѣтительнымъ словомъ къ тѣмъ, которые не только волнуются, а и увлекаются разнаго рода самочинными суемудріями въ вопросахъ вѣры и жизни. И нужно быть справедливымъ, и тѣ и другіе дѣлаютъ свое дѣло не только съ усердіемъ, а и съ пониманіемъ и съ большою пользою. Прежде всего ни одинъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ нельзя упрекнуть въ совершенной безжизненности, схоластикѣ и формализмѣ. Живое и убѣжденное слово, новость и свѣжесть мысли, отзывчивость на духовныя нужды читателей и приспособительность къ степени ихъ пониманія, мѣткость и существенность сужденій можно замѣтить въ каждомъ изъ нихъ. Другую отличительную черту нашихъ духовныхъ журналовъ составляетъ то, что никогда они не вступаютъ въ задорное и безплодное препирательство со своими противниками и въ пустую софистическую полемику съ писателями, пропагандирующими свои яко бы новыя мысли и идеи, а внимательно прислушавшись къ такимъ голосамъ, для чего во всѣхъ почти журналахъ имѣются отдѣлы, посвященные обозрѣнію мнѣній печати и общества, только съ тѣми изъ нихъ имѣютъ дѣло, которые или слишкомъ ужь громко заявляютъ о себѣ, или слишкомъ вредно вліяютъ на общество, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ведутъ дѣло защиты спокойно и безъ фанатизма, но твердо и основательно. Конечно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ бываютъ

исключенія и, нужно сказать правду, исключенія иногда очень рѣзкія поразительныя и... стыдныя; но гдѣ же ихъ — этихъ исключеній и не бываетъ? Къ чести нашей духовной же печати нужно отнести и то, что всѣ подобнаго рода явленія въ ней же прежде всего и отмѣчаются и исправляются...

Такова должна быть характеристика нашей духовной періодической печати, насколько можно судить о ней по ея представителямъ послѣдняго времени. Отсюда-то само собою слѣдуетъ то, что не въ ней нужно искать причины полнаго игнорированія ея со стороны свѣтскаго общества. Мы не хотимъ винить въ этомъ само общество и не беремъ на себя задачи дальше идти въ изысканіи причинъ этой отчужденности, а помирившись съ этимъ фактомъ, какъ плодомъ недоразумѣнія, считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ содѣйствовать разъясненію этого недоразумѣнія и путемъ періодическаго обозрѣнія духа печати споспѣшествовать желанному сближенію Церкви и общества. Въ *Русскомъ Обозрѣніи* отводится не послѣднее мѣсто обозрѣнію церковной жизни Россіи; какъ же не быть въ немъ обозрѣнію и церковной мысли—духовной періодической литературы, которая служитъ однимъ изъ выраженій этой жизни и предлагаетъ отвѣты на многіе насущные вопросы ея? Въ этихъ видахъ, слѣдуя вѣрнымъ завѣтамъ М. Н. Каткова—этого геніальнаго представителя православной патріотической печати *Московскихъ Вѣдомостей*, на страницахъ которыхъ время отъ времени отмѣчаются и здраво обсуждаются болѣе или менѣе выдающіяся явленія церковной жизни и духовной печати, и *Русское Обозрѣніе*, на ряду съ обозрѣніемъ церковной жизни Россіи, намѣрено отводить на своихъ страницахъ мѣсто и обозрѣнію духовной періодической печати, служащей выраженіемъ этой жизни и отвѣчающей на ея насущные нужды и запросы.

Само собою разумѣется, что въ этомъ обозрѣніи нѣтъ нужды предлагать пересказъ всего, что появляется въ этой литературѣ; это завело бы насъ слишкомъ далеко и, по меньшей мѣрѣ, могло бы быть безъинтересно и безплодно. Мы имѣемъ въ виду отмѣчать только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ современной церковной жизни и что представляетъ собою прямой отвѣтъ на существенные нужды и запросы времени. И въ этомъ кругѣ предметовъ, намѣченныхъ нами для обозрѣнія, мы не думаемъ входить въ подробный анализъ содержанія статей духовныхъ журналовъ и тѣмъ больше въ критическій разборъ

ихъ; мы намѣрены только отмѣчать эти статьи въ ихъ главныхъ мысляхъ и положеніяхъ для того, чтобы дать обществу указаніе, гдѣ искать ему отвѣтовъ на свои духовные запросы и недоразумѣнія, и какіе они...

Для того же, чтобы съ одной стороны представить читателямъ оправдательныя фактическія доказательства справедливости своей характеристики духовной періодической печати, напрасно игнорируемой обществомъ, а съ другой, чтобы дать руководящее указаніе для желающихъ оріентироваться въ ней, мы, въ заключеніе своей вступительной рѣчи, считаемъ небезполезнымъ предложить краткое обозрѣніе духовной періодической печати за прошедшій годъ,—отмѣтить тѣ статьи духовныхъ журналовъ этого года, которыя представляютъ собою живой откликъ на духовные нужды и запросы времени.

Въ истекшемъ году, какъ и въ другіе предшествующіе ему, главными религіозно-нравственными вопросами, волновавшими наше общество, несомнѣнно были идеи гр. Толстаго и Владиміра Соловьева, циркулировавшіе въ образованномъ обществѣ, штундизмъ и расколъ въ среднемъ и низшемъ;—это съ отрицательной стороны, а съ положительной проявленій духовной жизни Русскаго народа съ особенною силою выражалось по поводу постигшихъ въ прошедшемъ году наше отечество несчастій. Отецъ Іоаннъ Кронштадскій и теперь уже покойный отецъ Амвросій Оптинскій — вотъ лица, которыя продолжали приковывать къ себѣ вниманіе всѣхъ ищущихъ религіознаго утѣшенія; торжество 500-лѣтія со дня блаженной кончины Преподобнаго Сергія Радонежскаго — вотъ событіе, бывшее какъ бы вѣнцомъ религіознаго возбужденія Россіи въ истекшемъ году.

Какъ же отнеслась ко всѣмъ этимъ фактамъ и явленіямъ духовная періодическая печать? Стояла-ли она на высотѣ своего положенія, какъ выразительница и достойная руководительница духовной жизни Русскаго народа?—Несомнѣнно.

Такъ и въ прошедшемъ году, какъ и въ предыдущіе годы, наша духовная періодическая печать усердно занималась обсужденіемъ и разборомъ продолжавшихъ волновать наше образованное общество идей графа Л. Толстаго, выясняя ихъ несоотвѣтствіе евангельскому ученію въ его истинно-православномъ церковномъ пониманіи, несогласіе съ требованіями здраваго разума и совѣсти и вообще несостоятельность. Особенно много

потрудился въ этомъ дѣлѣ профессоръ Казанской Духовной Академіи А. Ѳ. Гусевъ, еще въ концѣ 1891 года на страницахъ *Православнаго Собесѣдника* помѣстившій большую статью „О любви къ людямъ по ученію графа Толстаго и его руководителей"; живо изложенная и документально обоснованная статья эта, вышедшая потомъ отдѣльною книгой, мѣтко и убѣдительно выясняетъ эгоистическій, совершенно противный истинно-христіанской любви характеръ этого основнаго пункта толстовской морали. Въ прошедшемъ году въ журналѣ *Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія* онъ помѣстилъ статью: „Основныя правила въ нравоученіи графа Толстаго", въ которой авторъ подвергъ эти правила, проповѣдующія о непротивленіи злу, строгой критикѣ. Въ этомъ же журналѣ помѣщены противъ графа Льва Толстаго и еще двѣ статьи: „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ мыслитель-моралистъ" (Ѳ. Преображенскаго) и „Графъ Толстой, какъ проповѣдникъ христіанскихъ добродѣтелей, воздержанія и поста" (священ. Розанова); въ этой послѣдней статьѣ авторъ выясняетъ всю фальшь и несоотвѣтствіе съ христіанскимъ ученіемъ о постѣ идей графа о воздержаніи, высказанныхъ имъ въ статьѣ „Первая ступень". Несостоятельность лжеученія графа же Льва Толстаго доказываетъ и г. Завьяловъ въ своей статьѣ (въ нѣсколькихъ книжкахъ журнала *Странникъ*) „Къ вопросу о бракѣ и брачномъ разводѣ; попутно, кстати его же, графа, изобличаетъ въ искаженіяхъ и непониманіи евангельскаго текста и священ. Буткевичъ въ своихъ статьяхъ о Нагорной проповѣди Господа (въ книжкахъ журнала *Вѣра и Разумъ*); не безъ отношенія къ умствованіямъ графа и др. о служеніи ближнимъ, какъ исключительно возможномъ служеніи Богу, неоконченная еще статья Священ. Соловьева „О поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ".

Меньше чѣмъ графомъ Толстымъ занималась наша духовная періодическая печать г. Вл. Соловьевымъ. Его альтруистическія тенденціи, высказанныя въ извѣстныхъ статьяхъ его въ „Вопросахъ философіи и психологіи", возбудившихъ собою газетную полемику съ нимъ *Московскихъ Вѣдомостей*, нашли себѣ основательнаго критика въ профессорѣ А. Бѣляевѣ, въ его статьяхъ (въ журналѣ *Богословскій Вѣстникъ*) „Истинное христіанство и гуманизмъ"; особенно важнымъ въ этихъ статьяхъ намъ кажется то, что г. Бѣляевъ документально выясняетъ и доказываетъ не только несостоятельность, а и не самостоятельность г. Соловьева. Не безъ отношенія конечно къ его западническимъ

симпатіямъ стоятъ въ журналѣ *Вѣра и Разумъ* и тѣ статьи, которыя посвящены римскому католицизму.

Изъ другихъ статей, направленныхъ противъ свѣтскихъ писателей, пропагандирующихъ искаженное христіанство, заслуживаютъ быть отмѣченными статьи въ журналѣ *Труды Кіевской Духовной Академіи* противъ той рѣчи Ю. Кулаковскаго въ Кіевскомъ Университетѣ, въ которой онъ доказывалъ, что въ первые вѣка христіанства никакихъ гоненій на христіанъ именно за ихъ христіанство со стороны римскихъ императоровъ не было; искаженное и фальшивое освѣщеніе однихъ историческихъ фактовъ и молчаніе о другихъ, не оправдывающихъ г. Кулаковскаго, въ статьяхъ этихъ показаны документально. Не лишены практическаго значенія помѣщенныя въ томъ же журналѣ статьи „Свѣтъ Азіи и Свѣтъ міра“, представляющія собою разборъ буддизма.

Не оставалась духовная періодическая печать въ долгу предъ духовными недугами, охватившими и нашъ народъ на югѣ и сѣверѣ. О штундизмѣ особенно много продолжало появляться статей въ южныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ; расколу же старообрядчества былъ посвященъ особый журналъ *Братское Слово*, въ которомъ на ряду съ матеріалами по исторіи раскола продолжала вестись и лѣтопись его современной жизни. Не безучастнымъ къ этимъ явленіямъ духовной жизни Русскаго народа оставались и большіе духовные журналы. Особенно много мѣткихъ сужденій о расколѣ и разъясненій его грубости представляютъ собою помѣщенныя въ *Странникѣ* чтенія профессора Ивановскаго о „Расколѣ и старообрядчествѣ“, „О старообрядческомъ бѣгунствѣ въ его прошломъ и настоящемъ“; точно также не лишена своего значенія и интереса статья іер. Григорія „Отецъ Павелъ Прусскій и значеніе его сочиненій въ борьбѣ съ расколомъ“ и живые бытовые очерки Преображенскаго „Въ дебряхъ современнаго раскола“. Въ смыслѣ выясненія причинъ происхожденія раскола особенно цѣнна статья извѣстнаго историка профессора Голубинскаго въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* „Къ полемикѣ съ старообрядцами“, гдѣ авторъ устанавливаетъ тотъ взглядъ, что причиною раскола были вкравшіяся въ русскую церковную жизнь обрядовыя разности съ Греками, отсутствіе просвѣщенія и выродившееся отсюда своеобразное отношеніе Русскихъ къ обрядамъ.

Въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, издаваемомъ Казанскою Духовною Академіей, и въ истекшемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ помощь противомусульманской миссіонерской дѣятельности Братства Св. Гурія, продолжалось научно-критическое обслѣдованіе магометанства, которое у насъ Казань считаетъ своимъ центромъ. Такъ въ первыхъ книгахъ журнала помѣщена обстоятельная и документально-доказательная статья О. Эйхгорна: „Вліяніе ислама на домашнюю, соціальную и политическую жизнь его послѣдователей", написанная по поводу книги защитника магометанства, др. Пишона. Подъ такимъ же заглавіемъ тамъ же помѣщены прекрасныя „Воспоминанія о миссіонерскомъ противомусульманскомъ отдѣленіи при Казанской Духовной Академіи". Интересенъ „Разговоръ съ муллой о пророкѣ Мухаммедѣ", помѣщенный въ книжкѣ *Православнаго Собесѣдника* за августъ и сентябрь.

Бывшее въ прошедшемъ году всероссійское торжественное празднованіе пятисотлѣтія со дня блаженной кончины Преподобнаго Сергія Радонежскаго вызвало собою цѣлый рядъ статей во всѣхъ почти духовныхъ журналахъ и газетахъ, не только въ Москвѣ издающихся, а и въ Петербургѣ (напримѣръ, въ *Страннику*, въ *Христіанскомъ Чтеніи)* и въ другихъ городахъ. Въ этихъ статьяхъ духовные писатели то подробно излагали житіе и подвиги Преподобнаго Сергія, то обстоятельно и искренно выясняли значеніе или его личности, или основанной имъ Лавры, въ разныхъ отношеніяхъ—и въ духовно-просвѣтительномъ, и нравственно-религіозномъ и государственномъ; такъ что если собрать въ одно все написанное въ разныхъ журналахъ по этому вопросу, то это будетъ весьма цѣнный вкладъ въ духовную литературу, что̀ въ виду вѣковѣчнаго значенія для Россіи Преподобнаго Сергія, какъ хранителя и выразителя ея вѣковѣчныхъ устоевъ, какъ печальника земли Русской и ея молитвенника предъ Богомъ, весьма желательно. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ юбилейныхъ рѣчей, каковы, напримѣръ, рѣчь профессора Ключевскаго „О духовно-нравственномъ значеніи Преподобнаго Сергія", профессора Голубинскаго „О значеніи Преподобнаго Сергія въ исторіи монашества" (обѣ рѣчи напечатаны въ *Богословскомъ Вѣстникѣ)* и рѣчь Н. Кедрова „О духовно-просвѣтительномъ значеніи Лавры въ первые три вѣка ея существованія".

Изъ другихъ явленій церковно-общественной жизни Россіи въ

послѣднее время, на которыя съ особенно живымъ и горячимъ сочувствіемъ откликнулась, а въ нѣкоторомъ отношеніи нравственно-руководительно, по-христіански, по-православному и воздѣйствовала духовно-періодическая печать, отмѣтимъ возбужденіе христіанской благотворительности въ русскомъ обществѣ по поводу постигшаго въ 1891 году нѣкоторыя губерніи голода. По силѣ и глубинѣ мысли и чувства, по истинно-художественному изложенію нѣкоторыя рѣчи свѣтскихъ людей, а также проповѣди и воззванія нашихъ архипастырей и пастырей, печатавшіяся въ епархіальныхъ изданіяхъ и выходившія потомъ отдѣльными листками, должны быть отнесены къ образцовымъ ораторскимъ произведеніямъ; особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ напечатанная въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* рѣчь профессора Ключевскаго: „Добрые люди древней Руси". Въ этой рѣчи ораторъ такъ мастерски-художественно, а вмѣстѣ просто и живо начертилъ образъ древнихъ русскихъ милостивцевъ Ульяны Осоргиной и боярина Ртищева, что впечатлѣніе рѣчи должно было быть и было поразительно обаятельно. Хороши и напечатанныя въ *Христіанскомъ Чтеніи* (мартъ—апрѣль) статьи: „Природа и Промыслъ" (переводъ съ англійскаго) и „Наши грѣхи и неурожай" (переводъ съ нѣмецкаго).

Издающійся въ Москвѣ журналъ *Душеполезное Чтеніе*, вообще замѣчательный по строго-православному и глубоко-назидательному характеру и тону помѣщающихся въ немъ статей, въ прошедшемъ году особенно много потрудился для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ общества своими статьями о скончавшемся въ 1891 году іеросхимонахѣ Оптиной пустыни старцѣ Амвросіи. Статьи эти печатались круглый годъ и въ каждой книжкѣ, иногда и не по одной даже. Тутъ есть и жизнеописаніе его, и его письма и записанныя его почитателями душеполезныя и глубокомудрыя изреченія его. Нечего говорить о послѣднихъ, самое жизнеописаніе его такъ тепло и умилительно-назидательное, что буквально не оторвешься отъ чтенія его. Дивный образъ этого кроткаго и мудраго старца, какъ живой, встаетъ предъ вами и... возрождаетъ вашу душу. А сколько свѣта пролили въ христіанскія души русскихъ людей, сколько мира и тепла влили въ нихъ печатавшіяся во многихъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ проповѣди и выдержки изъ дневника всей Россіей чтимаго кронштадтскаго пастыря отца Іоанна Ильича Сергіева! Произведенія эти постоянно печатались въ *Русскомъ Паломникѣ*,

въ *Кормчемъ*, изрѣдка въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, издаваемыхъ при Св. Синодѣ и въ *Душеполезномъ Чтеніи*. Нельзя не отмѣтить далѣе и того, что въ нашихъ духовныхъ журналахъ очень много отводится мѣста статьямъ о митрополитѣ Филаретѣ, объ его проповѣдническихъ и богословскихъ произведніяхъ. Въ прошедшемъ году такихъ статей было особенно много по поводу двадцатипятилѣтія со дня его блаженной кончины. Изъ этихъ статей особенно заслуживаютъ вниманія статьи г. Корсунскаго (о проповѣдяхъ митрополита Филарета въ журналѣ *Вѣра и Разумъ*), Вышеславцева („Нравств. Богословіе по проповѣдямъ митрополита Филарета" въ *Странникѣ)*.

Въ заключеніе своего обозрѣнія духовной періодической печати за прошедшій годъ не можемъ умолчать и о статьяхъ философскаго содержанія и направленія. Статей этихъ было также немало, въ доказательство чего достаточно указать хотя бы на то, что въ издающемся въ Харьковѣ журналѣ *Вѣра и Разумъ* есть особый отдѣлъ философскій. Въ этомъ отдѣлѣ заслуживаютъ глубокаго вниманія переводы произведеній философовъ древняго греко-римскаго міра и новаго христіанскаго періода. Такъ въ прошломъ году переведены были: „Теодиція Лейбница" и „О благодѣяніяхъ Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію". Прекраснымъ приложеніемъ къ этимъ переводамъ служатъ статьи по древней греческой философіи г. Корсунскаго „Религіозное міросозерцаніе историковъ древней Греціи", Зеленогорскаго „Аристипъ Киренскій, основатель Гедонизма", Страхова и др. Глубокій интересъ возбуждаютъ статьи проф. Линницкаго „Изящная литература и философія," въ которыхъ онъ анализируетъ міровоззрѣнія нашихъ классическихъ писателей (Достоевскаго и др.). Не менѣе этихъ статей интересны по зрѣлости взгляда и мѣткости сужденій философскія статьи, помѣщенныя въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*. Говоря это, мы разумѣемъ: 1) не задолго предъ своею смертію отданное въ печать скончавшимся въ декабрѣ 1891 г. нашимъ православнымъ философомъ богословомъ проф. В. Д. Кудрявцевымъ и напечатанное въ первой книжкѣ журнала за 1892 г. послѣднее произведеніе пера его „Регрессивная и прогрессивная теоріи происхожденія міра", въ которой Викторъ Дмитріевичъ выясняетъ соотвѣтствіе между библейскимъ сказаніемъ о порядкѣ творенія міра и требованіями здраваго разума, и 2) рядъ писемъ изъ-за границы достойнаго преемника покойнаго В. Д. Кудрявцева А. И. Введенскаго подъ заглавіемъ „Западная дѣйствитель-

ность и русскіе идеалы". Представленные въ этихъ письмахъ характеристики современной философіи Германіи отличаются замѣчательною мѣткостію. Вообще о достоинствѣ философскихъ статей нашихъ духовныхъ журналовъ много говоритъ уже то, что существующее въ Москвѣ Психологическое Общество въ своихъ „Вопросахъ философіи и психологіи" обозрѣнію этихъ статей отводитъ не послѣднее мѣсто.

Еще одно слово. Въ прошедшемъ году духовная періодическая печать не осталась безучастною и къ бывшему 300-лѣтію со дня рожденія знаменитаго чешскаго педагога Яна Амоса Каменскаго. Полный и обстоятельный обзоръ его скитальческой жизни и педагогическихъ трудовъ предложенъ былъ въ статьяхъ *Православнаго Собесѣдника* и *Странника*.

Священникъ Іоаннъ Соловьевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) РУССКАЯ.

О РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

(Нѣсколько словъ по поводу „Очерка дѣятельности Московскаго Библіографическаго Кружка за время съ 4 октября 1890 г. по 1 декабря 1891 года. Москва. 1892 года.)

11 февраля 1891 года исполнилось ровно двѣсти лѣтъ со дня смерти отца русской библіографіи, Сильвестра Медвѣдева, чей трудъ „*Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ*“ считается по справедливости *первымъ* въ этомъ родѣ, составленнымъ подробно съ означеніемъ содержанія каждой книги и рукописи, [1] и не потерялъ своего интереса и значенія даже до настоящаго времени.

Въ этотъ день состоялось третье общее собраніе Московскаго Библіографическаго Кружка, основаннаго незадолго передъ тѣмъ, а именно 4 октября 1890 года и поставившаго своею главною цѣлью—*обстоятельное изслѣдованіе и подробное описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и рукописей.* [2]

Недавно изданъ очеркъ дѣятельности этого молодаго Кружка за первый годъ его существованія, содержащій въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній и предположеній, и вотъ по поводу этого

---

[1] У С. Медвѣдева описано въ алфавитномъ порядкѣ сочинителей 204 книги рукописныхъ и печатныхъ. Трудъ С. Медвѣдева напечатанъ въ Чтеніяхъ И. Общ. Ист. и Др. въ Москвѣ. 1846. № 3. *Прим. автора.*

[2] Уставъ М. Б. К. утвержд. 1890 г. 31 іюля.

„Очерка“ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ о нуждахъ русской библіографіи вообще.

Слову *библіографія* въ томъ значеніи, какое придается ему теперь, вполнѣ можетъ соотвѣтствовать русское слово *книговѣдѣніе*, подъ которымъ надо подразумѣвать совокупность всевозможныхъ свѣдѣній о всѣхъ написанныхъ и напечатанныхъ книгахъ относительно какъ ихъ внѣшняго вида, такъ и внутренняго содержанія...

Идеалъ, къ которому должно стремиться книговѣдѣніе, есть полнота и *не столько полнота знаній о каждой книгѣ въ отдѣльности, сколько возможная полнота въ общемъ*, то-есть въ описаніи, хотя и краткомъ, *всѣхъ* изданныхъ гдѣ бы и когда бы то ни было книгъ.

Библіографія не есть наука самостоятельная: изучать библіографію исключительно изъ-за нея самой—значитъ терять даромъ золотое время.

Несмотря на всѣ претензіи [1] выдвинуть библіографію на самостоятельное мѣсто науки первостепенной—этого сдѣлать никогда не удастся, и библіографія всегда останется наукой исключительно вспомогательной, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно необходимой для всѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ книгами, то-есть для всѣхъ людей, мыслящихъ и работающихъ въ какой бы то ни было отрасли человѣческихъ знаній.

Нашъ извѣстный библіографъ В. И. Межовъ сказалъ про библіографію, что она „*есть азбука всякой науки. Безъ нея немыслимъ никакой научный трудъ*“.

Другіе называютъ библіографію *аріадниной нитью* въ томъ новомъ лабиринтѣ, который созданъ нынѣ для ума обиліемъ его же твореній.

Наконецъ, Московскій Библіографическій Кружокъ взялъ своимъ девизомъ изреченіе: *библіографія есть ключъ всѣхъ наукъ.*

Всѣ эти опредѣленія близки къ правдѣ, ибо всякій, приступающій къ какимъ бы то ни было научнымъ занятіямъ, прежде всего долженъ ознакомиться съ литературой избраннаго имъ предмета, дабы въ своемъ трудѣ не впадать въ излишнее повтореніе стараго и обратить всѣ свои силы и все вниманіе на стороны, слабо или вовсе не освѣщенныя въ предшествующихъ работахъ.

Въ былое, очень отдаленное время, когда число книгъ было

---

[1] Смотри введеніе къ вышеназванному «Очерку».

не велико, когда можно было сохранить въ своей памяти заглавія всѣхъ важнѣйшихъ произведеній въ той или другой отрасли заннія, въ то время библіографія не играла и не могла играть важной роли.

Библіографами назывались тогда сперва переписчики книгъ, а потомъ типографщики, наконецъ изслѣдователи древнѣйшихъ памятниковъ письменности. (*Палеографы*, по современной терминологіи).

Но какъ только число книгъ стало все возрастать и возрастать, когда создался этотъ непроходимый лабиринтъ, „созданный для ума его же твореніями"—явилась потребность въ какомъ-нибудь руководствѣ, въ какой-нибудь внѣшней помощи, чтобы разобраться въ безчисленныхъ изгибахъ и закоулкахъ этого лабиринта, чтобы не запутаться въ его безконечныхъ коридорахъ, чтобы выбраться оттуда на Божій свѣтъ съ пользой для себя и для другихъ.

Такою руководящею нитью въ данномъ случаѣ являются обстоятельные каталоги или списки всѣхъ извѣстныхъ книгъ, составленные какимъ-нибудь трудолюбивымъ книжникомъ на общую пользу.

Такіе каталоги существуютъ и у насъ въ Россіи, но или по отдѣльнымъ отраслямъ знанія, или для извѣстнаго періода времени. Общей росписи всѣхъ русскихъ книгъ доселѣ не существуетъ,—и пополнить этотъ пробѣлъ думаетъ Московскій Библіографическій Кружокъ, издавши роспись на первое время всѣхъ книгъ только гражданской печати.

Повторяемъ, въ Россіи есть уже нѣсколько росписей книгъ, какъ церковной, такъ и гражданской печати, но всѣ онѣ не полны и, кромѣ того, во многихъ случаяхъ названія книгъ приведены не вѣрно.

Первый крупный библіографическій трудъ—это каталогъ Сопикова, изданный этимъ извѣстнымъ книгопродавцемъ въ 1813 и 1821 годахъ подъ заглавіемъ: *Опытъ Россійской библіографіи*. Здѣсь въ пяти томахъ перечислено уже 13.150 книгъ!

Затѣмъ число библіографическихъ пособій все возрастало: занимались этимъ дѣломъ преимущественно книгопродавцы, которымъ эти росписи книгъ служили справочниками, облегчающими имъ надзоръ за ходомъ всей книжной торговли какъ вообще, такъ и въ ихъ магазинахъ.

Упомянемъ здѣсь росписи А. Смирдина, Ольхина, Базунова, Глазунова.

Послѣдніе два каталога представляютъ уже изъ себя многотомное и не дешевое изданіе (полный каталогъ Глазунова стоитъ около 20 р.), и, тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что въ этихъ росписяхъ описано множество книгъ, на книжномъ рынкѣ, у букинистовъ очень часто попадаются изданія нигдѣ не отмѣченныя: значитъ полнота этихъ каталоговъ только видимая, значитъ въ нихъ не мало пропусковъ. Съ другой стороны въ большинствѣ случаевъ названія книгъ списывались для составленія этихъ росписей не съ самой книги, а съ какихъ-нибудь объявленій или съ извѣстныхъ уже каталоговъ, притомъ часто сокращались и искажались.

Всѣ эти недостатки собирается исправить Московскій Библіографическій Кружокъ, и для этого онъ предполагаетъ:

„1) Собрать, по возможности, все, что было когда-либо занесено въ каталоги, спеціальные библіографическіе труды, книжныя объявленія и т. п., чтобы получить руководящую нить для розысканія самыхъ книгъ; 2) провѣрить и дополнить собранный матеріалъ по натурѣ, то-есть сдѣлать описаніе не иначе какъ съ самыхъ книгъ (a visu), и 3) затѣмъ выработать систему для расположенія собраннаго матеріала“ (см. стр. 17 *Очерка*). [1]

Вотъ задача, за скорѣйшее выполненіе которой великое спасибо скажутъ Кружку всѣ нуждающіеся въ книгахъ, всѣ часто прибѣгающіе къ нимъ для справокъ и ссылокъ.

Но какъ исполнить эту задачу, трудную и обширную? По силамъ ли она окажется Кружку, молодому еще, не обладающему широкими средствами?

Будемъ надѣяться, что по силамъ.

Было бы желаніе сдѣлать дѣло, а средства явятся; но надо спѣшить, помня, что каждый промедленный годъ все увеличиваетъ и безъ того громадное количество матеріала.

---

[1] Что касается дѣла описанія рукописей, то оно поставлено гораздо лучше, и мы обладаемъ превосходными описями многихъ казенныхъ и частныхъ рукописныхъ собраній. Стóитъ только указать на труды Строева, Ундольскаго, Викторова, Титова, труды образцовые во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы показать, на какой высотѣ стоитъ это дѣло. Тамъ выработана строгая система, въ которой трудно уже что-нибудь измѣнить и которой остается безусловно слѣдовать всякому, желающему продолжать дѣло вышеназванныхъ лицъ. *Прим. авт.*

Разъ будетъ издана полная библіографія, ну хотя до 1892 г., тогда дальнѣйшее ея пополненіе будетъ уже дѣломъ не хитрымъ.

А работа предстоящая Кружку—не изъ легкихъ: надо описать свыше 200.000 книгъ, изъ которыхъ многія не находятся ни въ одной общественной библіотекѣ, и надо описать ихъ со всевозможною точностью и полнотой, дабы предполагаемое изданіе полной росписи русскихъ книгъ было капитальнымъ сочиненіемъ, на которое можно было бы полагаться при разныхъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Кружокъ выработалъ уже программу предполагаемаго описанія книгъ; въ настоящемъ „Очеркѣ“ она приведена на страницѣ 67 и, кромѣ того, выдается безплатно всѣмъ, желающимъ оказать свое содѣйствіе предпріятію Кружка.[1]

Программа описанія книгъ очень обширная, и мы думаемъ, что всѣ свѣдѣнія, собираемыя по этой программѣ, нужны только Кружку для того, чтобы можно было разобраться въ разныхъ изданіяхъ одной и той же книги, и не попадутъ въ предполагаемую общую роспись.

Въ самомъ дѣлѣ, если давать обстоятельный отвѣтъ на каждый изъ 14 предлагаемыхъ вопросовъ, то описаніе одной книги займетъ цѣлую страницу, и все изданіе тогда будетъ состоять изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ, то-есть будетъ недоступнымъ для всѣхъ нуждающихся въ немъ, но не обладающихъ большими денежными средствами.

Объ этомъ тоже должны помнить составители предполагаемой росписи и, собирая для себя, какъ спеціалистовъ по библіографіи, всевозможныя свѣдѣнія о книгахъ, въ печатное изданіе росписи включать только самое необходимое, помня, что она предназначается для всѣхъ, кто часто долженъ прибѣгать къ книгамъ, а не для однихъ библіофиловъ.

Самое серьезное вниманіе должно быть обращено на точную передачу заглавія.

Это главное и самое существенное.

Затѣмъ должна быть *непремѣнно* указана сущность содержанія книги, если она не вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію или неясно имъ выражается.

Все остальное имѣетъ уже побочный интересъ и важно болѣе для завзятыхъ библіографовъ, чѣмъ для простыхъ смертныхъ.

---

[1] Адресъ помѣщенія Кружка: Тверская, Козицкій переулокъ, домъ Ланиной.

По поводу способа описанія книгъ, выработаннаго Кружкомъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе относительно формата книгъ (пунктъ 6). Кружокъ предполагаетъ для показанія формата книги приводить, кромѣ типографской помѣты или листа, также измѣреніе длины и ширины книги въ сантиметрахъ.

Такое измѣреніе не можетъ быть особенно точнымъ, ибо ширина и длина книги не есть величина постоянная, и зависитъ отъ произвола типографщика [1] и переплетчика, обрѣзывающихъ ее по своему усмотрѣнію; такимъ образомъ одна и та же книга можетъ быть разныхъ измѣреній для разныхъ экземпляровъ!

Мы не можемъ считать себя спеціалистомъ по библіографіи, но намъ кажется, что слѣдующій способъ измѣренія книжнаго формата болѣе надеженъ.

Надо измѣрять длину и ширину не самой книги, а мѣста, занимаемаго текстомъ на полной страницѣ, присоединяя сюда измѣреніе разстоянія отъ линіи сгиба листа до начала текста.

Это—величины постоянныя, неизмѣнныя для каждаго даннаго изданія книги, и въ связи съ типографской помѣтой доли листа онѣ могутъ дать ясное понятіе о размѣрѣ книги.

Во всякомъ случаѣ, будемъ надѣяться, что Московскому Библіографическому Кружку удастся привести въ исполненіе задуманное имъ дѣло, и подарить русское общество полною и точною росписью всѣхъ русскихъ книгъ. Но и кромѣ этой главной задачи Кружокъ можетъ сдѣлать много хорошаго и полезнаго для русскаго книжнаго дѣла вообще, можетъ служить посредникомъ между издателями и потребителями книгъ; можетъ содѣйствовать удешевленію книгъ, съ одной стороны, и возможно-большему ихъ распространенію — съ другой; можетъ, наконецъ, повліять на искорененіе того вреднаго и безнравственнаго обычая, по которому многія книги, выходящія во второй половинѣ года, помѣчаются не текущимъ, а слѣдующимъ годомъ.

Да, много дѣла предстоитъ Московскому Библіографическому Кружку, и дай Богъ ему силъ и способностей довести это дѣло до благополучнаго конца.

Къ этому пожеланію, думаемъ, присоединятся всѣ кому дороги успѣхи роднаго просвѣщенія.

А. Ш.

---

[1] За послѣднее время обычай выпускать изъ типографіи книги съ обрѣзанными гладко краями получилъ самое широкое распространеніе.

Примѣчаніе автора.

Иллюстрированная, полная популярная Библейская энциклопедія, въ четырехъ выпускахъ. Трудъ и изданіе архимандрита Никифора. Москва. 1892 г.

Первые выпуски этой книги вышли еще въ 1891 году, а послѣдній появился только въ половинѣ прошедшаго 1892 года. Въ цѣломъ книга представляетъ собою четыре тома въ 20—30 листовъ каждый; въ нихъ 898 страницъ in quarto. Она заключаетъ въ себѣ приблизительно до 7.500 объясненій различныхъ словъ, встрѣчающихся въ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгахъ Св. Писанія. „Въ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ и нерѣдко короткихъ и сжатыхъ, смотря по важности предмета, популярная библейская энциклопедія отвѣчаетъ, такъ читаемъ мы въ предисловіи къ ней, на большую часть вопросовъ библейской археологіи, архитектуры, географіи, біографіи библейскихъ дѣятелей, ботаники, священной библіографіи, военной науки, зоологіи, земледѣлія, искусствъ, нумизматики, этнографіи и др.“ Книга снабжена множествомъ чисто и отчетливо сдѣланныхъ рисунковъ, касающихся означенныхъ предметовъ: въ типографскомъ отношеніи она вполнѣ безукоризненна; цѣна ея десять рублей за всѣ четыре выпуска.

Таковы внѣшнія данныя о книгѣ достопочтеннаго отца архимандрита Никифора, на которую мы считаемъ полезнымъ обратить вниманіе читателей; книга эта заслуживаетъ такого вниманія по самому предмету своему и своимъ внутреннимъ достоинствамъ.

Предметомъ ея служитъ Библія, о жизненномъ значеніи которой, какъ первоосновы нашей христіанской вѣры, нѣтъ, конечно, нужды распространяться; но съ другой стороны нельзя скрывать и той горькой истины, что наше свѣтское образованное общество слишкомъ мало знаетъ ее, или представляя себѣ ее книгою, читать которую и понимать простымъ смертнымъ невозможно, или же позволяя себѣ толковать ее исключительно по своему смышленію, нерѣдко несогласному съ церковнымъ ученіемъ. Для всѣхъ таковыхъ, а и не для нихъ одних книга отца Никифора должна имѣть важное руководительное значеніе въ дѣлѣ ознакомленія съ Библіею и правильнаго ея пониманія.

Прежде всего, конечно, книга отца Никифора имѣетъ значеніе справочной книги въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, нужно

припомнить или привести библейскій текстъ, или цитату о томъ или иномъ изъ указанныхъ выше предметовъ, лицъ и событій библейскихъ, или когда нужно узнать другія мѣста Библіи, гдѣ говорится о томъ же предметѣ, лицѣ или событіи. Съ этою-то цѣлію свѣдѣнія о всѣхъ этихъ лицахъ, событіяхъ или предметахъ въ энциклопедіи помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ въ родѣ того, какъ это дѣлается въ другихъ энциклопедическихъ словаряхъ, причемъ точно указаны всѣ мѣста Библіи, гдѣ говорится объ этихъ предметахъ, лицахъ и событіяхъ. Но существенное достоинство этой справочной книги по Библіи заключается въ томъ, что приводимыя въ ней мѣста Библіи не только указываются, а и объясняются. Въ этомъ отношеніи библейская энциклопедія отчасти дѣлаетъ то же, что предлагается и въ разныхъ истолковательныхъ трудахъ по Библіи. Имѣть столько истолковательныхъ сочиненій по Библіи, сколько библейскихъ книгъ, далеко не всѣмъ доступно, а во многихъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно; библейская же энциклопедія проводимыми въ ней параллельными и слѣдовательно взаимно себя пополняющими и объясняющими мѣстами Библіи и предлагаемыми въ ней объясненіями ихъ во многихъ случаяхъ можетъ вполнѣ замѣнить собой истолковательныя сочиненія. Желая сдѣлать свою книгу не только справочною книгою, а и книгою для чтенія, авторъ излагаетъ предлагаемое имъ содержаніе, правда только самое необходимое и существенное въ смыслѣ объясненія, не въ схоластически-сухой, школьной формѣ, а языкомъ живымъ, легкимъ. Въ книгѣ очень много болѣе или менѣе пространныхъ выдержекъ изъ Библіи, въ особенности изъ пророческихъ книгъ, языкъ которыхъ отличается по преимуществу художественной простотой и въ то же время силой и выразительностію. Этими выдержками, сдѣланными съ большимъ умѣньемъ и тактомъ, книга о. Никифора для многихъ, говоримъ это смѣло и увѣренно, послужитъ побужденіемъ къ ближайшему ознакомленію съ самой Библіей. Что же касается достоинства предлагаемыхъ имъ объяснительныхъ данныхъ, то нельзя не отмѣтить того, что въ этой своей части авторъ пользовался главнымъ образомъ англійскими библейскими словарями Exidies, Boeton и Cassel, которыя отличаются богатой содержательностію и научностію предлагаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, особенно по части археологіи и исторіи; но при этомъ всѣ заключающіяся въ этихъ равно, какъ и другихъ иностранныхъ, а слѣдовательно и инославныхъ словаряхъ, свѣ-

дѣнія, имѣющія церковно-богословскій характеръ, провѣрены и измѣнены авторомъ по указанію и подъ руководствомъ православныхъ русскихъ богослововъ, особенно митрополитовъ Филарета и Макарія.

Въ заключеніе рѣчи не лишне наконецъ отмѣтить и то, что книга о. Никифора по самому содержанію и характеру его изложенія представляетъ собою, въ собственномъ смыслѣ слова, новость въ нашей духовной литературѣ. Въ западной богословской литературѣ книгъ такого рода очень много; тамъ есть библейскіе словари—и такіе, которые могутъ быть названы карманными, и такіе, которые состоятъ болѣе чѣмъ изъ десятка томовъ (въ этомъ отношеніи стоитъ напр. указать на только что начавшій въ прошедшемъ году выходить библейскій словарь извѣстнаго французскаго богослова Бигуру). У насъ же можно указать только на три книги, однородныя съ книгой отца Никифора,—на словари 1) Яцкевича и Благовѣщенскаго, 2) Верховскаго и 3) профессора Солярскаго; но первый изъ нихъ касается только библейскихъ лицъ, второй остался далеко не оконченнымъ, а послѣдній будучи важенъ для людей, научно занимающихся библіей, не вполнѣ пригоденъ для остальныхъ православныхъ читателей Библіи и именно по самому научному характеру своему и по своей многотомности. *Популярная* же Библейская энциклопедія о. Никифора пригодна не для однихъ только богословски-образованныхъ читателей, а и для такихъ, которые съ Библіею почти незнакомы.

Священникъ Іоаннъ Соловьевъ.

По поводу статьи г. Льва Тихомирова: *Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи.*

Статья г. Л. Тихомирова, помѣщенная въ *Русскомъ Обозрѣніи* (сентябрь, 1892 г.) и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ, обратила на себя вниманіе духовной и свѣтской журналистики. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, *Гражданинѣ*, *Вѣстникѣ Европы*, *Благовѣстѣ*, *Церковномъ Вѣстникѣ* прошлаго года и др. появились разсужденія и замѣтки объ этой статьѣ. Въ текущемъ году напечатана о томъ же въ *Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей* (№ 1) статья г. С. Кохомскаго, заслуживающая, по нашему мнѣнію, серьезнаго вниманія. Приступая къ разбору статьи г. Тихомирова, г. Кохомскій заявляетъ, что авторъ „обсуждаетъ

вопросъ о духовенствѣ настолько трезво, съ такой свободой отъ обычныхъ предразсудковъ нашей свѣтской литературы", что онъ, г. Кохомскій, считаетъ необходимымъ познакомить читателей журнала (большею частію духовныхъ лицъ) съ этою статьей и высказать нѣсколько собственныхъ мыслей о томъ же предметѣ. Соглашаясь въ общемъ со взглядами г. Тихомирова, г. Кохомскій дѣлаетъ къ нимъ нѣсколько дополненій и поясненій, на которыя мы и обращаемъ вниманіе.

„Оживленіе религіознаго чувства" въ современномъ нашемъ обществѣ, отмѣчаемое г. Тихомировымъ, г. Кохомскій называетъ появленіемъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ моды на религіозные вопросы. „Истинное религіозное чувство, говоритъ онъ, есть вѣра, выражающаяся въ молитвѣ, въ постѣ, въ дѣлахъ милосердія. Религіозное чувство, въ этомъ смыслѣ понимаемое, оживилось въ сельскомъ населеніи мѣстностей, которыя въ минувшемъ году были постигнуты неурожаемъ, и это оживленіе выразилось въ богомоленіяхъ, въ дѣлахъ взаимной помощи, въ христіанскомъ приготовленіи къ смерти. Но ставить наравнѣ съ такимъ оживленіемъ религіознаго чувства то обстоятельство, что какіе-то мнимо-богословскіе рефераты въ одномъ изъ ученыхъ обществъ, какія-то статьи въ „Вопросахъ философіи" возбудили общій интересъ,—кажется намъ неосновательнымъ."

Г. Тихомировъ защищаетъ духовенство отъ разныхъ нареканій общества въ „косности", въ непониманіи „запросовъ" времени. Г. Кохомскій такъ объясняетъ причину такихъ нареканій. „Православное духовенство, по его словамъ, живетъ уже 19 вѣковъ: видите, какъ оно древне. При этомъ все лучшее, все важнѣйшее, что было въ его духовной жизни, въ его многовѣковомъ опытѣ, не забылось, но сложилось и хранится въ установленіяхъ и чиноположеніяхъ Церкви, въ великихъ твореніяхъ величайшихъ его представителей, заслуженно называемыхъ свѣтилами вселенной... И вотъ къ этому духовенству пристаютъ съ запросами люди, имѣющіе въ дѣлахъ вѣры дѣтскій опытъ и дѣтскій умъ: они вчера только услыхали, что есть религія, есть Евангеліе, есть Христосъ, есть искупленіе, есть вѣчныя награды и наказанія; услыхавъ, они стали разбирать, что̀ тутъ хорошо, и что̀ для нихъ неудобопріятельно... Очевидно, что духовенство, съ его давно сложившимся, многовѣковымъ воззрѣніемъ, съ тысячелѣтними молитвословами въ рукахъ, покажется имъ и неповоротливо, и непонятливо, и какъ бы иноязычно. Вѣдь они—вчерашніе люди,

лѣторосль, только что выросшая при водѣ, а духовенство—многовѣковой старецъ, духовная жизнь котораго шла безъ перерывовъ, который и теперь мыслитъ мыслями Дамаскина, Златоуста, мужей апостольскихъ. Въ духовенствѣ не можетъ быть ничего лучше этой косности. Прекрасенъ разсказъ г. Тихомирова объ отцѣ Климентѣ-Зедергольмѣ, который изъ лютеранина сдѣлался православнымъ инокомъ. Чѣмъ же онъ сталъ заниматься въ иночествѣ? сталъ переводить авву Дороѳея, Іоанна Лѣствичника и другихъ подобныхъ авторовъ. Конечно, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ онъ превратился въ человѣка „коснаго“.

Раздѣляя отчасти опасенія г. Тихомирова по поводу вступленія въ среду духовенства лицъ свѣтскаго общества, „изломанныхъ (по выраженію профессора Кояловича) петровскими преобразованіями“ и могущихъ приносить съ собою воззрѣнія, пріемы дѣйствія и привычки, выработанныя на почвѣ западно-европейскаго иновѣрія,—г. Кохомскій такъ это поясняетъ. „Должно сознаться, говоритъ онъ, что эти опасенія получаютъ основаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составъ духовенства вступаютъ изъ свѣтскихъ сословій люди, не желающіе воспріять на себя воздѣйствіе отъ его многовѣковаго духовнаго опыта, не желающіе усвоить его законно и исторически сложившійся духовный обликъ, а, напротивъ, претендующіе вносить свѣтъ въ его темную, будто бы, и косную среду, претендующіе измѣнять библейскій и святоотеческій складъ его воззрѣній и быть на его древѣ какъ бы прививками какой-то новой, болѣе современной жизни“. Дѣйствительную трудность для человѣка не-богословскаго образованія „привить“ въ себѣ истинный духъ христіанства г. Кохомскій выражаетъ въ такихъ чертахъ. „Свѣтскому человѣку, развившему свою мысль не на отеческихъ произведеніяхъ, а на Кантахъ, Контахъ и Спенсерахъ, *слово сіе* (то-есть молитва Златоуста о небесныхъ благахъ и вѣчныхъ мукахъ) является *жестоко*. Давно ли онъ виталъ умомъ въ тѣхъ сферахъ свѣтскаго знанія и свѣтской жизни, гдѣ человѣку никакой законъ не писанъ, гдѣ духъ человѣческій боготворится во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, гдѣ земля считается единственнымъ, первымъ и послѣднимъ поприщемъ человѣческаго бытія, и вдругъ ему говорятъ: твой гордый духъ будетъ судимъ, истяжутся дѣла, слова и помыслы твои, и тогда *кій будетъ тебѣ судъ зачатому во грѣсѣхъ*, кто тебѣ пламень угаситъ, кто тебѣ тьму просвѣтитъ? *Жестоко слово сіе* пришельцу

вѣры, не свыкшемуся съ образами и мыслями Евангелія и съ картинами великихъ учителей и подвижниковъ Церкви".

Такія глубокія и истинно-христіанскія поясненія къ статьѣ г. Тихомирова мы встрѣчаемъ въ серьезныхъ размышленіяхъ г. Кохомскаго.

К—ій.

Путешествіе миссъ Марсденъ въ Якутскую область.—Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ.—Москва. 1892 годъ.

Эта книга одна изъ тѣхъ, которыя читаются съ одинаковымъ удовольствіемъ какъ взрослымъ, такъ и ребенкомъ. Простота изложенія и поучительность содержанія дѣлаютъ ее особенно полезнымъ вкладомъ въ библіотеки нашихъ народныхъ школъ. О миссъ Марсденъ много говорилось и писалось во время и послѣ ея путешествія, и кромѣ того существуетъ дневникъ, который вела изо дня въ день эта неутомимая труженица на пользу ближняго во все время своего пребыванія въ Сибири. Всѣ эти данныя составили достаточный матеріалъ для описанія, чѣмъ авторъ воспользовался очень удачно. Въ началѣ книги помѣщено краткое введеніе, заключающее этнографическій очеркъ тамошняго края, дающій понятіе о бытѣ и нравахъ Якутовъ и печальномъ положеніи прокаженныхъ среди ихъ соотечественниковъ. Первую главу составляетъ жизнеописаніе миссъ Кетти Марсденъ. Какъ видно изъ ея собственныхъ словъ, состраданіе и жалость къ несчастнымъ и больнымъ были съ дѣтства преобладающими чертами ея характера, что вполнѣ согласно съ тѣмъ родомъ жизни, который она избрала, лишь только вступила на самостоятельный путь. Первая мысль о помощи прокаженнымъ явилась у миссъ Марсденъ въ бытность ее сестрой милосердія въ Русско-Турецкую войну 1877 года, когда она увидѣла двухъ Болгаръ, пораженныхъ этою ужасною болѣзнью. „Съ этихъ поръ", говоритъ она, „я дала обѣтъ Богу посвятить всю жизнь на служеніе этимъ несчастнымъ". Слѣдствіемъ этого обѣта и было путешествіе въ Якутскую область, совершенное ею въ 1891 году, съ цѣлію изучить на мѣстѣ бытъ прокаженныхъ и изыскать средства для облегченія ихъ участи. Благодаря милостивому вниманію Государыни Императрицы и искреннему содѣйствію со стороны начальника края, духовенства, и мѣстныхъ властей, миссъ Марсденъ была облегчена ея поѣздка, но все-таки трудности пути

были такъ велики, что остается только удивляться, какъ ей удалось довести до конца свой тяжелый подвигъ. Нѣсколько разъ миссъ Марсденъ и ея спутники были въ опасности погибнуть отъ голода и стужи, заблудившись въ тайгѣ, но неутомимая энергія путешественницы преодолѣвала всѣ опасности и препятствія. Особенно трогательно описаніе первой встрѣчи миссъ Марсденъ съ прокаженными. Несчастные смотрѣли на нее, какъ на ангела ниспосланнаго свыше: въ первый разъ имъ пришлось видѣть человѣка, который не только не чуждался ихъ, но разговаривалъ съ ними и подходилъ къ нимъ безъ всякаго страха. Самоотверженіе ея зашло даже такъ далеко, что она не отказалась попробовать пищу, которую предложили ей прокаженные, и ѣла съ ними изъ одной чашки. Она въ совершенствѣ изучила бытъ прокаженныхъ и условія, въ которыхъ они находятся, и тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ выхлопотала разрѣшеніе на устройство для нихъ колоніи съ больницей и церковью, какъ скоро успѣетъ собрать нужную для этого сумму. Между прочимъ вся выручка отъ продажи описанія путешествія миссъ Марсденъ, изданнаго Обществомъ Распространенія Полезныхъ Книгъ, предназначается на пополненіе этой суммы. Книжка эта стоитъ 1 рубль;—цѣна недорогая, особенно если принять во вниманіе изящество изданія, къ которому приложены: портретъ миссъ Марсденъ, географическая карта и 11 хорошо исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ различные эпизоды путешествія и снятыхъ прямо съ натуры. Хорошая и крупная печать составляетъ также одно изъ преимуществъ этой книги, которой нельзя не пожелать успѣха, помимо ея несомнѣнныхъ достоинствъ, уже ради той благой цѣли, для которой она издана.

Е. Г.

Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ. Н. Овсянниковъ. Тверь.

Въ высшей степени бываетъ досадно, когда надо доказывать истину, которая, повидимому, всѣмъ и каждому должна быть хорошо извѣстна. Къ сожалѣнію, въ настоящее время все чаще и чаще приходится тратить дорогое время на такія доказательства, такъ какъ многія истины почти совершенно затемнились въ сознаніи нашего общества за разными мудрованіями и полуистинами...

Казалось бы, напримѣръ, что въ странѣ, гдѣ огромное боль-

шинство населенія живетъ еще во всемъ придерживаясь ученія христіанской Православной Церкви, не могло бы и возникнуть вопроса о томъ, какъ преподавать въ гимназіяхъ исторію, признавая ли въ исторической жизни человѣчества Высшее руководительство, то-есть непосредственное дѣйствіе Промысла, или отвергая его и считая ходъ исторіи зависящимъ отъ слѣпаго случая или отъ естественно-историческихъ и соціально-экономическихъ условій жизни?

Но это только такъ кажется, а на самомъ дѣлѣ такой вопросъ возникалъ не разъ, и до сихъ поръ многіе еще занимаются рѣшеніемъ его въ томъ или другомъ смыслѣ.

Брошюра, заглавіе которой мы выписали, представляетъ попытку доказать именно ту истину, что религіозное направленіе въ преподаваніи исторіи полезно, что при такомъ направленіи Богъ не пребываетъ болѣе для ученика существомъ чисто абстрактнымъ, стоящимъ внѣ міра, чуждымъ всякаго вліянія на него...

Авторъ доказываетъ, что во всякомъ случаѣ невозможно игнорировать въ исторіи идею о Провидѣніи, и проводитъ нѣсколько историческихъ примѣровъ, гдѣ, говоритъ онъ, проявленіе Бога несомнѣнно, такъ какъ въ нихъ мы видимъ, что не только отдѣльныя существа, но и цѣлые народы дѣлаютъ не то, чего хотятъ, что ихъ дѣйствія имѣютъ часто такіе результаты, о которыхъ они никогда и не думали.

Брошюра оканчивается критикой тѣхъ ученій, по которымъ все въ исторіи объясняется или происходящимъ вслѣдствіе случая или зависящимъ отъ естественно-историческихъ законовъ. Брошюра составлена очень недурно и прочтется не безъ интереса и пользы многими, въ особенности учениками старшихъ классовъ гимназій.

Но печально, повторяемъ, то, что появленіе подобныхъ брошюръ, доказывающихъ, что дважды два четыре, вызывается потребностью времени. Этою-же потребностью, очевидно, вызвано внесеніе въ новые учебные планы для гимназій (1890 г.), въ объяснительной запискѣ для исторіи (стр. 120), того замѣчанія по адресу преподавателей исторіи, что *„необходимо привести учениковъ къ убѣжденію, что въ ходѣ исторической жизни человѣчества проявляется дѣйствіе Промысла Божія“*. Значитъ, есть преподаватели, не чувствующіе этой необходимости и объясняющіе исторію или случаемъ по Вольтеру, или естественно-историческими условіями по Боклю.

Кстати, пришлось намъ недавно слышать возраженіе, что преподаваніе исторіи въ религіозномъ направленіи, то-есть съ допущеніемъ непосредственнаго дѣйствія Промысла Божія, вредно и способствуетъ развитію лѣни, такъ какъ всѣ выдающіяся событія считаетъ зависящими от Бога, происходящими, такъ сказать, *чудомъ*, а не вслѣдствіе личной энергіи и дѣятельности человѣка. Такое возраженіе, конечно, не имѣетъ подъ собою твердой почвы, такъ какъ и признаніе того, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Божіей, нисколько не мѣшаетъ нашей самодѣятельности и не стѣсняетъ нашей личной свободы.

Такъ и въ данномъ случаѣ: намъ неизвѣстны пути, по которымъ Провидѣніе ведетъ человѣчество въ его исторической жизни, но намъ извѣстна конечная цѣль нашего существованія на землѣ, выраженная въ словахъ Христа: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный". Къ достиженію этой цѣли должны стремиться всѣ люди, не щадя никакихъ трудовъ, никакихъ усилій.

Въ стремленіи къ этой цѣли не можетъ быть и рѣчи *о лѣни*,— стало быть, и нечего бояться религіознаго направленія въ исторіи.

А. Ш.

Обзоръ пятилѣтія организаціи и дѣятельности кавказской шелководственной станціи. Тифлисъ. 1892.

Съ цѣлью улучшенія и развитія кавказскаго шелководства и содѣйствія учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, работающимъ въ этомъ направленіи, осенью 1887 года была основана Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Тифлисѣ шелководственная станція. Министерство Государственныхъ Имуществъ пришло къ заключенію, что для поднятія шелководственной промышленности необходимо распространеніе въ средѣ населенія знанія пріемовъ правильной выкормки червя, сбора коконовъ и проч. Это представлялось особенно важнымъ потому, что новѣйшія научныя изслѣдованія указали на необходимость прибѣгать, для успѣшнаго веденія дѣла, къ пріемамъ, основаннымъ на микроскопическомъ изслѣдованіи и на близкомъ знакомствѣ съ каждымъ періодомъ жизни шелковичнаго червя. Словомъ, кавказская шелководственная станція должна заниматься систематическими изслѣдованіями по отношенію шелкопрядовъ, питающихъ ихъ ра-

стеній и самого шелка. Станція была основана не сразу, а различные отдѣлы ея устраивались постепенно съ 1887 года по настоящее время. Понятно поэтому, что и дѣятельность станціи развивалась и росла постепенно вмѣстѣ съ ея организаціей. Изъ отчета видно, что станція производила выкормки съ цѣлью полученія племенной грены, такъ какъ въ бабочкахъ изъ покупныхъ коконовъ оказывалось такое сильное зараженіе различными болѣзнями, что пришлось постепенно отказаться отъ покупки коконовъ и обратить все вниманіе на увеличеніе собственныхъ выкормокъ, отъ которыхъ только и оказалось возможнымъ получить безболѣзненную грену. Опыты изслѣдованія, производившіеся на станціи, имѣли въ виду изученіе различныхъ породъ тутоваго шелкопряда, выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ біологическаго характера и проч. Кромѣ того при станціи производилось обученіе шелководству, причемъ курсы читались нѣсколько разъ въ годъ, а въ послѣднее время къ занятіямъ стали допускаться всѣ желающіе. Отчетъ ставитъ на видъ, что станція въ своей дѣятельности стремилась стать въ возможное сближеніе съ мѣстными шелководами. Но въ виду того, что дѣятельность станціи, можно сказать, еще только начинается, и самая организація ея еще не совсѣмъ закончена, трудно судить, насколько плодотворна будетъ ея дѣятельность.

Отчету предпосланъ краткій, но очень интересный очеркъ мѣропріятій правительства по развитію шелководства въ Россіи, составленный на основаніи матеріаловъ, заключенныхъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, находящемся въ румянцевской публичной библіотекѣ въ Москвѣ. Изъ этого очерка мы узнаемъ, что въ государствѣ нашемъ шелкъ и шелковыя ткани сначала получались изъ Византіи, за которой оставалась монополія по снабженію ими Руси, пока не прекратились торговыя сношенія съ этой Имперіей. Тогда установился другой путь—по Волгѣ и Каспійскому морю до Баку и Шемахи. Путь этотъ установился главнымъ образомъ въ царствованіе царя Іоанна IV, который обратилъ большое вниманіе на торговлю шелкомъ и шелковыми тканями. „Да спрошати, приказывалъ онъ, Англинцевъ и иныхъ Нѣмцевъ: почему вамъ въ сырой, не въ крашеный шелкъ въ толстонитый и среднія чистоты дадутъ въ фунтъ и въ чистый тонконитый въ фунтъ дадутъ и по колку пудовъ купцы дадутъ подлинно про шелкъ и цѣну отвѣчати распрося, что скажутъ вели у себя, подлинно у себя, рѣчи ихъ за-

писати, чтобы намъ впредь про шелкъ вѣстно было — надобели привозити. Англинцы изъ Шемахи многое возятъ,—гдѣ продаютъ и почему дадутъ провѣдайте, и дешево де дѣлати на Руси корабли да отвозятъ продавати въ Шпанскую землю". При цѣнности, которую представлялъ въ то время шелкъ, возникло, естественно, желаніе имѣть производство шелковыхъ тканей у себя. И вотъ мы видимъ при царѣ Ѳеодорѣ первую попытку въ этомъ направленіи: Итальянецъ Чинопи получилъ разрѣшеніе устроить въ Москвѣ фабрику для производства шелковыхъ лентъ. Особенно интересовался шелковымъ дѣломъ царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ хотѣлъ основать шелководство въ Москвѣ и съ этою цѣлью приказалъ астраханскому воеводѣ, боярину князю Одоевскому въ Астрахани или Терекѣ сыскать или изъ-за моря привезти людей, знакомыхъ съ разведеніемъ шелковичныхъ деревьевъ и яичекъ шелковичной бабочки, и прислать ихъ въ Москву. Выписанныя деревья были посажены въ селѣ Измайловскомъ. Кромѣ того онъ предписывалъ заводить тутовые сады и шелководство въ Астрахани, Симбирскѣ и Царицынѣ.— Петръ I въ 1700 г. приказалъ переписать всѣхъ, занимавшихся шелководствомъ въ Астрахани, и запретить подъ страхомъ смертной казни порубку шелковичныхъ деревьевъ. Позднѣе онъ основалъ шелковый заводъ въ Кіевѣ и тутовыя плантаціи въ разныхъ пунктахъ. А чтобы понудить къ занятію шелководствомъ частныхъ лицъ, онъ разрѣшилъ Армянину Сафару Васильеву устроить шелковый заводъ около Кизляра, надѣлилъ его землею и даровалъ различныя льготы его потомству. Въ слѣдующія царствованія эти льготы потомству Сафара Васильева неоднократно были подтверждены, а въ царствованіе Екатерины II выдавались ссуды разнымъ лицамъ, преимущественно иностранцамъ, на устройство шелковыхъ заводовъ въ Малороссіи, въ Астрахани, въ Саратовѣ и другихъ мѣстахъ; кромѣ того были обѣщаны разныя льготы всѣмъ, кто станетъ заниматься шелководствомъ. Наконецъ были основаны шелковые заводы около Царицына, по р. Ахтубѣ. На этихъ Ахтубенскихъ заводахъ занятіе шелководствомъ было обязательно для крестьянъ, составляя родъ повинности натурой. Потомъ были устроены подобные заводы около Харькова. Для завѣдыванія казенными заводами назначена была особая администрація. Но эти заводы постепенно пришли въ упадокъ, и вотъ въ царствованіе Павла I члену экспедиціи государственнаго хозяйства, статскому совѣтнику Габлицу поручено

было составить проектъ мѣропріятія для развитія шелководства въ „полуденныхъ странахъ". Докладъ Габлица интересенъ особенно въ томъ отношеніи, что изъ него мы узнаемъ, что въ Кизлярѣ и Моздокѣ на частныхъ шелковыхъ заводахъ вырабатывалось до 10 пудовъ шелка, а по разнымъ домамъ до 150 пудовъ; фактъ этотъ показываетъ, насколько даже въ то время выкормка шелковичнаго червя мелкими партіями была выгоднѣе и практичнѣе, чѣмъ выкормка большими партіями на особыхъ заводахъ. Поэтому, спустя нѣкоторое время, дорого стоившіе и не приносившіе пользы казенные заводы были упразднены. Вмѣсто этого предлагалось назначать награды всѣмъ лицамъ, занимающимся шелководствомъ, и покупать на наличныя деньги производимый ими шелкъ. Въ слѣдующія царствованія главное вниманіе правительства было обращено на развитіе шелководства на Кавказѣ, въ Закавказскомъ краѣ и, послѣ завоеванія Туркестанской области, въ Средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Въ 1871 г. была учреждена въ Ташкентѣ школа шелководства, которая должна была идти во главѣ туземнаго шелководства и поднять въ краѣ уровень этой промышленности. Послѣдняя мѣра со стороны правительства—это основаніе въ 1887 году шелководственной станціи въ Тифлисѣ. Дѣятельность ея только-что начинается, и насколько она оправдаетъ возлагаемыя на нее надежды, можетъ показать только будущее.

— * —

Художественно-литературный сборникъ «На память», изданіе Т. И. Гагена, подъ редакціей Ө. А. Духовецкаго. Книга первая. Москва, 1893 г.

Издатели, предпринявъ свой сборникъ, задумали, какъ говорятъ они въ предисловіи, возобновить въ памяти читателей ту эпоху, когда художественно-литературные сборники были обычнымъ явленіемъ, когда въ нихъ помѣщались лучшія произведенія нашихъ литераторовъ.

Внѣшними достоинствами сборникъ г. Гагена *На память* пожалуй превзошелъ даже достоинства *Сборниковъ Альманаховъ* эпохи тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ. О хромотипіи тогда не имѣли еще представленія, и объ обложкѣ, которою украсили издатели свой нынѣшній сборникъ по рисунку Н. Каразина, тогда и мечтать не могли. Иллюстраціи, каррикатуры, снимки со знаменитыхъ

картинъ фотолитографіей, фототипіей и тому подобными способами, — все это результаты изобрѣтеній позднѣйшаго времени. Не щадя расходовъ, г. Гагенъ достигъ въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ: бумага, шрифтъ, рисунки соперничаютъ между собою въ изяществѣ.

Но совершенство внутренняго содержанія зависѣло уже не отъ издателя. Онъ и здѣсь съ своей стороны употребилъ все для достиженія наилучшихъ результатовъ, соединивъ на страницахъ своего сборника имена всѣхъ, кѣмъ публика интересуется и чьи имена пользуются извѣстностью: Вл. Соловьевъ, Вас. Немировичъ-Данченко, П. Гнѣдичъ, князь М. Волконскій, князь Д. Цертелевъ, І. Ясинскій и т. д. слѣдуютъ одинъ за другимъ, почти не перемежаясь никакими малоизвѣстными именами, но... имена остались почти единственнымъ достоинствомъ помѣщенныхъ произведеній.

Бѣлая Лилія Вл. Соловьева, мистерія-шутка, если и заключаетъ въ себѣ какую-либо мысль, то настолько тщательно скрытую, что отрыть ее не представляется никакой возможности.

І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) помѣстилъ разсказецъ *Бѣлянка*,—маленькую проповѣдь дѣвицамъ, гоняющимся за „великими дѣлами“ и пренебрегающимъ малымъ дѣломъ.

Вас. Немировичъ-Данченко въ разсказѣ *Двѣ ночи* хотѣлъ внушить отвращеніе къ свѣтскимъ удовольствіямъ, которыя не обѣщаютъ никакой награды въ будущей жизни, но едва ли у кого хватитъ терпѣнія дочитать до конца это подражаніе святочнымъ разсказамъ Диккенса, отставшимъ отъ оригинала и по слабости фантазіи и по малоубѣжденности самого автора въ проповѣдуемомъ началѣ.

Разсказъ г. Гнѣдича *Дѣдъ Иванъ Θеодоровичъ*, можетъ-быть, въ другомъ мѣстѣ и показался бы блѣднымъ, но среди болѣе блѣдныхъ сосѣдей типъ стараго аристократа, воспитаннаго на одахъ Державина, смѣющагося надъ нынѣшней поэзіей и надъ „кассаціонными романсами“ („Я приговоръ твой жду, я жду рѣшенья“), блеститъ какъ брилліантъ.

Едва ли не единственнымъ истиннымъ украшеніемъ сборника остается статья г. Грингмута „Гроза, надвигающаяся на русское искусство“. Эта статья служитъ даже какъ бы упрекомъ самому сборнику, въ которомъ находится. У насъ такъ извратились понятія о художественности, такъ много опасности грозитъ нашему потерявшемуся искусству (живописи, изящной литера-

турѣ, ваянію) отъ нашествія французскихъ понятій импрессіонизма, что напоминать объ истинныхъ требованіяхъ художественной правды въ сотый и тысячный разъ есть большая заслуга, хотя бы ничего новаго при этомъ высказано не было. Г. Грингмутъ дѣйствительно говоритъ мало новаго, но, скажу его же словами, важно на этотъ разъ не то, *что* онъ говоритъ, а то, *какъ* говоритъ. Важенъ и моментъ, *когда* онъ заговорилъ, а окружающія его статью произведенія всего лучше подтверждаютъ имъ сказанное: искусство у насъ падаетъ, и обратить вниманіе на „надвигающуюся грозу“ есть долгъ всякаго, владѣющаго словомъ.

А. Г.

Г. Фелингъ, профессоръ и ректоръ Базельскаго Университета. *Назначеніе женщины, мѣсто ея въ семьѣ и ея призваніе.* Публичная лекція. Перев. съ нѣм. М. Я. Канторъ. Изд. К. П. Карбасникова. Москва, 1893.

Брошюра, заглавіе которой мы привели, содержитъ въ себѣ переводъ рѣчи, произнесенной ректоромъ Базельскаго Университета въ годовой университетскій праздникъ и касающейся вопроса о назначеніи женщины, ея призваніи и мѣста въ семьѣ.

Вопросъ не новый; многіе и на разные лады его рѣшали и рѣшаютъ, сотни томовъ исписаны о немъ, а онъ все не теряетъ своей новизны и интереса.

Это и понятно, ибо вопросъ этотъ имѣетъ выдающееся значеніе и громадный интересъ для всѣхъ образованныхъ людей.

Д-ръ Фелингъ съ первыхъ же словъ своей рѣчи на основаніи научныхъ данныхъ доказываетъ разницу какъ въ физической, такъ и въ психической организаціи мужчины и женщины и, исходя изъ этого, отрицаетъ положеніе о равенствѣ половъ, вступая въ горячую полемику съ „защитниками такъ называемыхъ женскихъ правъ, которые, исходя изъ ложныхъ предположеній, хотятъ отрицать всякое различіе между полами“.

Мы не будемъ слѣдовать автору шагъ за шагомъ въ его аргументаціи и приведемъ только нѣсколько его положеній, высказанныхъ имъ въ видѣ вывода изъ своихъ долголѣтнихъ наблюденій и практики.

„Какъ результатъ нашихъ изслѣдованій, слѣдуетъ прежде всего выставить то положеніе, что для женщинъ, являющихся супругами и матерями, занятіе практическою профессіей внѣ дома ря-

домъ съ существованіемъ домашнихъ обязанностей, не скажу, невозможно, но нежелательно. Женщина, понимающая свое призваніе въ качествѣ супруги, матери и воспитательницы дѣтей, имѣетъ настолько работы, что всякое постороннее занятіе либо исполняется неудовлетворительно, либо дѣлаетъ невозможнымъ исполненіе настоящаго назначенія женщины. Въ рукахъ жены покоится счастіе дома, съ чуткимъ сердцемъ принимаетъ она участіе въ стремленіяхъ мужа, ревностно углаживая ему путь къ дѣятельности или разумно употребляя плоды его трудовъ. Если она проникнута сознаніемъ важности своихъ обязанностей, она найдетъ щедрую награду во внутреннемъ удовлетвореніи и внѣшнемъ уваженіи."

Въ виду этого, по мнѣнію лектора, вся забота правительства должна быть направлена къ тому, чтобы матери были избавлены отъ необходимости искать заработка внѣ дома.

Если же женщина собирается выбрать себѣ профессію по необходимости или по невозможности вступить въ бракъ и исполнять истинное свое назначеніе, то она не должна забывать, что, при выборѣ профессіи, прежде принадлежавшей мужчинамъ, ей нельзя выходить за предѣлы той сферы, которая предназначена ей природой; занимаясь мужскою профессіей, она не должна игнорировать своей женской природы, ибо ничто такъ не отталкиваетъ, какъ тѣ viragines (мужеподобныя дѣвицы), которыя въ своей студенческой жизни стараются перещеголять мужскую молодежь.

Оканчиваетъ докторъ Фелингъ свою рѣчь, еще разъ повторяя, что главное назначеніе женщины, предначертанное ей природой, состоитъ въ томъ, чтобы быть супругой, матерью, хозяйкой и воспитательницей молодаго поколѣнія.

Умныя рѣчи всегда пріятно слышать, откуда бы онѣ ни исходили, и мы искренно желаемъ вышеназванной брошюрѣ самаго широкаго распространенія, ибо, къ несчастію, у насъ въ Россіи есть еще много заблуждающихся насчетъ истиннаго назначенія женщины...

Эта же рѣчь доктора Фелинга вышла въ русскомъ переводѣ и въ другомъ изданіи (Іогансона, въ Кіевѣ).

А. Ш.

2) ИНОСТРАННАЯ.

ЧТО ТАКОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ?

Les Fêtes criminelles, par M. G. Ferrero. *Revue scientifique*. № 2. 1893.

На вопросъ нами поставленный Ферреро отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ; „то, что теперь называется преступленіемъ, представляетъ собою нормальное явленіе въ соціальной жизни дикихъ народовъ, стоящихъ на послѣдней ступени человѣчности. Убійство, воровство, грабежъ являются у нихъ славными подвигами или любимыми забавами. Людоѣдство у нихъ есть только способъ питанія болѣе дорогой, чѣмъ всѣ прочіе. Первобытный человѣкъ почти вездѣ — никогда не уклоняется отъ того, чтобы убить и съѣсть другаго. Въ этомъ онъ находитъ наслажденіе.“

„Если таково нравственное состояніе почти всѣхъ дикихъ народовъ, продолжаетъ Ферреро,—то легко понять, что ихъ празднества имѣютъ характеръ жестокій и преступный.“ Онъ подтверждаетъ это тѣмъ, что на всѣхъ празднествахъ по поводу какихъ-либо важныхъ общественныхъ и частныхъ событій у первобытныхъ народовъ устраиваются пиры, на которыхъ человѣческое тѣло предлагается, какъ самое тонкое и лакомое кушанье. Онъ отмѣчаетъ далѣе, что при всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ первобытные народы приносятъ человѣческія жертвы или въ честь усопшихъ предковъ, или въ честь боговъ, которые въ сущности тоже суть обожествленные предки. Такъ-какъ предки дикарей несомнѣнно были еще болѣе грубы и жестоки, чѣмъ эти дикари, то естественно, что имъ должны нравиться убійства и человѣческія жертвы. Дикари (напримѣръ, Таитійцы, Чипчаки) такъ и думаютъ. Сообразно съ тѣми интересами, во имя которыхъ совершаются преступленія, они—по Ферреро—могутъ быть раздѣлены на три рода: преступленія частныя, семейныя и общественныя. Такъ, Авраамъ въ Библіи намѣревается принести въ жертву Богу сына Исаака изъ-за личнаго разсчета (преступленіе частное). У Ашантіевъ по смерти царя сыновья и братья его устремляются изъ дворца, стараясь убивать всѣхъ попадающихся имъ на встрѣчу, чтобы принести этимъ жертву тѣнямъ усопшаго (преступленіе семейное), У Чипчаковъ главная религіозная церемонія состояла

въ ежегодномъ принесеніи въ жертву военноплѣннаго, котораго предъ этимъ въ теченіе года приготовляли къ этому празднику, окружая его почестями (коллективное преступленіе племени).

Повидимому, продолжаетъ Ферреро, когда преступленіе станетъ предметомъ преслѣдованія закона и нравственнаго отвращенія, оно должно исчезнуть. Но это на самомъ дѣлѣ не такъ. Оказывается, что преступленія индивидуальныя исчезаютъ скорѣе, чѣмъ преступленія общественныя. Обыкновенно бываетъ, что тѣ дѣянія, которыя, когда они совершаются индивидуумами, признаются преступными, не признаются таковыми, когда ихъ совершаетъ общество или племя: убійство преступно для индивидуума и не преступно для народа. Затѣмъ оказывается, что въ различныхъ церемоніяхъ и обрядахъ преступленія продолжаютъ существовать, когда уже выработалось понятіе преступленія. Такъ, у Дагомейцевъ, которые вообще уже не людоѣды, на празднествахъ послѣ счастливыхъ войнъ царь обязанъ бываетъ съѣсть сердце враждебнаго военачальника убитаго на войнѣ. Особенно, по мнѣнію Ферреро, виновата религія въ томъ, что она „даетъ свою санкцію и освящаетъ эти коллективныя преступленія, сохраняя ихъ въ обычаяхъ, связанныхъ съ ея догматами и обрядами“.

Онъ подтверждаетъ это многочисленными доказательствами. Ужасныя человѣческія жертвы существовали въ Тирѣ, Сидонѣ и Карѳагенѣ уже въ пору ихъ наивысшаго процвѣтанія. Онѣ существовали въ древней Греціи, и только въ позднѣйшее время въ мистеріяхъ Вакха-Загревса человѣкъ былъ замѣняемъ козленкомъ. Какъ на отзвукъ этихъ жертвъ Ферреро смотритъ на обычай жителей Суматры въ торжественныхъ церемоніяхъ и съ выраженіями почтенія убивать своихъ престарѣлыхъ родителей. Сравнительно позднѣйшею фазой въ судьбахъ человѣческихъ жертвъ является, по Ферреро, та, въ которой толпа уже не убиваетъ непосредственно несчастныхъ, обреченныхъ въ жертву, а представляетъ собою собраніе зрителей того, какъ эти человѣкоубійства совершаются жрецами.

Но почему происходитъ то, что преступленія коллективныя болѣе сопротивляются вліянію цивилизаціи, чѣмъ преступленія индивидуальныя? Ферреро отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: „Реклю написалъ, аксіома: „цѣлое равно суммѣ своихъ частей“ не приложима къ толпѣ, и Сигель доказалъ этотъ законъ множествомъ примѣровъ, то-есть доказалъ, что многочисленный аггрегатъ людей имѣетъ нѣкоторыя особенныя черты, которыхъ

нѣтъ въ составляющихъ его единицахъ. Психологія толпы есть психологія специальная, ибо страсти, наклонности, идеи индивидуумовъ, ее составляющихъ, комбинируются здѣсь такимъ образомъ, что поведеніе человѣка въ толпѣ можетъ быть совершенно различно отъ его поведенія, еслибъ онъ дѣйствовалъ наединѣ".

Толпа болѣе консервативна, чѣмъ индивидуумъ. Отдѣльное лицо, будучи вообще менѣе консервативнымъ, чѣмъ толпа, сравнительно легче измѣняетъ свои личныя привычки, труднѣе семейныя и несравненно труднѣе привычки, общія всему его народу. Этимъ объясняется, что обычаи, церемоніи долго продолжаютъ сохраняться послѣ того, какъ они уже утратили всякій смыслъ и значеніе. Такъ напримѣръ, первичною формой религіи былъ культъ предковъ, изъ котораго, какъ изъ зародыша, развились всѣ прочіе культы. Въ настоящее время у цивилизованныхъ народовъ нѣтъ культа предковъ, однако обряды и обычаи, относящіеся къ этому культу, существуютъ у всѣхъ католиковъ. Ферреро видитъ ихъ въ посѣщеніи гробовъ, возложеніи вѣнковъ на гробы и т. д.

Всѣ эти факты, показывающіе, что очень многое продолжаетъ существовать послѣ того, какъ его существованіе утратило смыслъ, побуждаютъ Ферреро признать истинною атавистическую теорію преступленія. „Многіе криминалисты, такъ заканчиваетъ онъ свою статью, отрицаютъ атавистическій характеръ преступленія, говоря, что если народы дикіе почти всѣ воры, разбойники и отличаются жестокостями, ничто не доказываетъ, что предки народовъ цивилизованныхъ были имъ подобны. Правда, у насъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ этого факта, но за отсутствіемъ ихъ мы изъ изслѣдованія ихъ обычаевъ и учрежденій, представляющихъ собою видъ ископаемыхъ останковъ ихъ эволюціи, можемъ заключить, что первобытный предокъ Грека былъ не болѣе нравственъ, чѣмъ Австраліецъ или Яванецъ. Преступныя празднества могутъ быть объяснены только при допущеніи предшествовавшаго состоянія нравственнаго безпорядка. При такомъ допущеніи все становится яснымъ, все можно объяснить просто и логично. Культурные люди также начали свою историческую жизнь преступленіями. Кто отрицаетъ это, тотъ во всякомъ случаѣ долженъ дать иное объясненіе этихъ обычаевъ. Но доселѣ оно не дано".

Таковы главныя положенія статьи Ферреро. Чтобъ ихъ опровергнуть вполнѣ, нужно опровергнуть тѣ основанія, на кото-

рыхъ они утверждаются: теорію животнаго происхожденія человѣка и теорію анимистическаго происхожденія религіи. Этого нельзя сдѣлать въ короткой библіографической статьѣ, но думаемъ, что достаточно сдѣлать и немного замѣчаній, чтобъ обнаружить, что положенія Ферреро далеко не такъ ясны, просты и основательны, какъ это кажется ихъ автору.

Понатіе преступленія предполагаетъ собою, вопервыхъ, существованіе обязательныхъ нормъ, которымъ мы должны слѣдовать въ своемъ поведеніи; вовторыхъ, существованіе у насъ нравственной свободы, благодаря которой мы можемъ нарушать эти нормы. Нормы поведенія даются намъ или отвнѣ (въ гражданскихъ законахъ и правилахъ религіи) или открываются непосредственно въ нравственномъ чувствѣ и совѣсти, подсказывающихъ намъ, что мы должны дѣлать и чего нѣтъ. Таковыя нормы существуютъ у всѣхъ племенъ и народовъ и различіе состоитъ только въ томъ, что у народовъ цивилизованныхъ онѣ болѣе точны и строги, чѣмъ у народовъ дикихъ. Сознательное нарушеніе существующихъ нормъ есть преступленіе. Причинами его могутъ быть дурное воспитаніе, дурныя привычки, наслѣдственныя порочныя наклонности, необходимость выбирать изъ двухъ золъ кажущееся меньшимъ (напримѣръ, кража ради прокормленія семейства) и т. д. Однимъ изъ факторовъ преступленія всегда является свобода (несвободное нарушеніе закона не есть преступленіе). Въ общемъ причины преступленій и преступныхъ общественныхъ обычаевъ многообразны и могутъ и должны быть объясняемы различнымъ образомъ, но нельзя видѣть въ преступныхъ людяхъ возвращеніе къ первичному типу человѣчества по слѣдующимъ основаніямъ.

Этотъ первичный типъ человѣчества намъ неизвѣстенъ. Относительно современныхъ племенъ дикарей можно полагать, что они произошли отъ предковъ, стоявшихъ сравнительно на высшей степени культуры. Изслѣдованія Катрфажа и Гами доказали это съ несомнѣнностію относительно нѣкоторыхъ меланезійскихъ племенъ. Даже нашихъ европейскихъ предковъ мы не можемъ разсматривать, какъ нормальный типъ первобытныхъ людей. Они явились эмигрантами на европейской почвѣ и—кто знаетъ—можетъ быть утратили здѣсь часть тѣхъ нравственныхъ достоинствъ, которыя имѣли на родинѣ. Нормальный человѣкъ есть человѣкъ способный прогрессировать самостоятельно. Но относительно древнѣйшихъ поселенцевъ Европы мы знаемъ, что

сѣмена культуры были имъ принесены отвнѣ. Точно также относительно всѣхъ исторически извѣстныхъ дикихъ племенъ мы знаемъ, что ни одно изъ нихъ при помощи только своихъ силъ не вышло изъ дикаго состоянія. Для возстановленія образа первобытнаго человѣка лучше всего обратиться къ изученію тѣхъ народовъ, которые являются первыми и древнѣйшими въ исторіи народовъ западной Азіи и сѣверо-восточной Африки. Періода дикости въ жизни этихъ народовъ никому не удалось открыть, напротивъ, насколько можно проникнуть въ ихъ прошлое, видно, что они всегда владѣли значительною культурой, рѣзко различали доброе и злое, дозволенное и преступное. Мы особенно бы рекомендовали Ферреро, Ламброзо и другимъ прочитать египетскую „Книгу мертвыхъ“ или ассирійскіе псалмы.

Жестокость и безнравственность дикарей находитъ для себя иное, болѣе правдоподобное, хотя и менѣе распространенное объясненіе, чѣмъ то, которое предлагаетъ эволюціонная школа. Изъ центра, гдѣ жило первичное человѣчество (а мы полагаемъ, что можно привести много научныхъ основаній въ пользу того, что таковымъ центромъ была западная Азія), отъ времени до времени выходили эмигранты „на страну далече“. На новыхъ мѣстахъ многимъ изъ нихъ приходилось вести тяжкую борьбу за существованіе съ природой, а затѣмъ и съ подобными себѣ. Въ этой борьбѣ они ожесточались и дичали. Мы можемъ съ несомнѣнностію показать, что совершенно такимъ образомъ произошли многія современныя дикія племена (напримѣръ, обитатели коралловыхъ острововъ въ Тихомъ Океанѣ), и мы имѣемъ косвенныя палеонтологическія и археологическія указанія на то, что такъ дѣло было и сначала. Но, конечно, мы должны предполагать, что нѣкоторые эмигранты могли попадать и въ благопріятныя условія для существованія, которыя устранили бы развитіе преступленій. Дѣйствительно, такъ и бывало. Вопреки Ферреро, существуютъ очень высоконравственныя племена дикарей. Укажемъ на Курубаровъ и Санталовъ.

Преступленія часто являются слѣдствіемъ невозможности удовлетворить своимъ потребностямъ легальнымъ образомъ. Отсюда съ умноженіемъ потребностей умножаются и виды преступленій. Преступленія панамскаго типа, мы думаемъ, и самъ Ферреро не признаетъ атавистическими. На борьбу съ этими умножающимися преступленіями всегда выступала и выступаетъ религія, въ ко-

торой Ферреро кощунственно видитъ начало, санкціонирующее злодѣянія. Воззрѣнія автора въ этомъ отношеніи изумительны по своему невѣжеству. Разсуждая о человѣческихъ жертвахъ, онъ ссылается на принесеніе въ жертву Авраамомъ Исаака. Но, вѣдь, Авраамъ не принесъ Исаака въ жертву, и требованіе этого принесенія представляется какъ дѣло необычайнаго искушенія, а не какъ явленіе обычное. Библія рѣшительно отрицаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Евреевъ. Точно также Ферреро смѣшиваетъ христіанское поминовеніе усопшихъ съ языческимъ почитаніемъ усопшихъ, но всякій церковный историкъ— хотя бы и атеистъ, скажетъ ему, что между этими явленіями нѣтъ генетической связи.

Для того, чтобы выяснить отношенія религій къ морали и преступленіямъ, нужно поступать иначе, чѣмъ поступаетъ Ферреро. Нужно, какъ слѣдуетъ, познакомиться съ религіями. Внимательное изученіе всѣхъ исторически извѣстныхъ религій даетъ возможность установить два положенія: 1) Въ своей древнѣйшей первооснові эти религіи характеризуются многими высоко-моральными элементами; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже монотеистическій характеръ (религія первоарійцевъ, древне-египетская религія), 2) историческія судьбы этихъ религій представляютъ намъ регрессивное, а не прогрессивное теченіе. Требованіямъ этихъ религій приходилось вступать въ компромиссъ съ требованіями плоти исповѣдывавшихъ ихъ народовъ. Фантазія и умственная неразвитость этихъ народовъ окутывали густымъ слоемъ суевѣрій основныя положенія религіи. Эти обстоятельства, а не сами религіи, являются причиной того, что многіе безнравственные обычаи и дѣянія съ теченіемъ времени въ глазахъ народа приняли характеръ чего-то священнаго и религіознаго. Такіе обычаи можно встрѣтить и у христіанскихъ народовъ (и у русскихъ, да и у французскихъ крестьянъ) и самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ нихъ не виновата религія, служитъ то обстоятельство, что они стоятъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ основными положеніями религіи.

Все это даетъ намъ право рѣшительно утверждать, что попытка Ферреро дать генетическое опредѣленіе преступленій (преступленія суть явленія, происходящія отъ того-то и отъ того-то) совершенно несостоятельна. Вѣрованія Ферреро обусловлены предвзятою теоріей и плохимъ знаніемъ фактовъ, которые нужно

имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса. Доколѣ эти факты не будутъ изучаться, а эволюціонная теорія будетъ составлять для многихъ предметъ догматической вѣры, только дотолѣ ученія Ферреро и ему подобныхъ будутъ находить себѣ сочувствующихъ.

С. Глаголевъ.

De Montenotte au pont d'Arcole, par Eugène Trolard. (Nouvelle librairie Parisienne. Albert Savine).

Книга Тролара заключаетъ въ себѣ около 500 страницъ печатнаго текста, которыя раздѣлены на 13 главъ, по числу мѣстностей, ознаменованныхъ особенно выдающимися событіями въ Итальянскій походъ 1796 года. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что во время прошлогодняго путешествія по Италіи онъ задался цѣлью, между прочимъ, посѣтить историческія мѣстности Наполеоновскихъ битвъ и составить краткое описаніе ихъ въ формѣ небольшой журнальной статьи. При этомъ у него набралось столько неизданнаго еще матеріала изъ архивовъ мѣстныхъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ, что изъ него можно было составить цѣлую книгу, представляющую выдающійся интересъ по новизнѣ содержанія. Сочиненіе это нельзя назвать военной исторіей въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово: описанію битвъ, расположенія войскъ и ихъ движенія отведено въ немъ слишкомъ мало мѣста, но зато авторъ даетъ намъ очень яркую и живую характеристику главныхъ тогдашнихъ дѣятелей и вѣрный очеркъ своеобразныхъ отношеній установившихся между побѣдителями и побѣжденными.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ начать войну съ Италіей былъ недостатокъ денегъ во Франціи и надежда пополнить истощенную казну богатствами Итальянскихъ торговыхъ городовъ и монастырей. При этомъ Французское правительство не имѣло даже возможности содержать въ Италіи правильно организованную и снабженную всѣмъ необходимымъ армію, приходилось во время самой войны изыскивать средства къ продолженію ея, и часто контрибуція, полученная съ одного города, служила для поддержанія войскъ до взятія другаго. При

малѣйшей, даже случайной неудачѣ, французское войско, если даже ему не грозила непосредственно опасность отъ врага, все цѣло становилось въ зависимость отъ отношенія мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ Наполеону приходилось совмѣщать обязанности ловкаго дипломата съ ролью предводителя шайки разбойниковъ. Какъ онъ справлялся съ этою задачей, и каковы были обстоятельства, способствовавшія исполненію ея, можно ясно видѣть изъ книги Тролара, которая даетъ намъ возможность шагъ за шагомъ прослѣдить движеніе побѣдоноснаго Французскаго войска черезъ всѣ города Италіи. Посланная въ походъ почти исключительно съ цѣлью грабежа, вся армія Французовъ, начиная съ генераловъ и кончая солдатами, смотрѣла на войну, какъ на средство къ наживѣ, и нужна была неутомимая энергія и личное обаяніе Наполеона, чтобъ поддерживать хотя подобіе дисциплины между подчиненными. „У него не было войска—онъ его создалъ во время Итальянскаго похода", говоритъ одинъ изъ его сподвижниковъ, и мы съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдимъ за образованіемъ тѣхъ легіоновъ, которымъ суждено было черезъ нѣсколько лѣтъ покорить половину Европы. Быть-можетъ, результаты, достигнутые Наполеономъ въ этой войнѣ, не были бы настолько блестящи, еслибы внутреннее броженіе идей и отголосковъ Французской революціи среди Италіи само по себѣ не способствовало исполненію его плановъ. Во многихъ изъ Итальянскихъ городовъ, по взятіи ихъ, водружалось дерево свободы, давались банкеты въ честь побѣдителей, и жители принимали ихъ не какъ враговъ, а какъ освободителей и братьевъ по духу. Бывали, конечно, случаи отчаяннаго сопротивленія, какъ, напримѣръ, въ Веронѣ и Павіи, но нио составляли исключительное явленіе, и народная масса участвовала въ нихъ лишь какъ грубая стихійная сила, подъ вліяніемъ жажды мести или подстрекательства со стороны высшихъ властей и духовенства. Въ общемъ отношеніе Итальянцевъ къ Французамъ было самое дружественное: мужской половинѣ народонаселенія нравились принципы равенства и братства, поборницею которыхъ они считали Францію, а женщинъ очаровывали обходительность и ловкость побѣдителей. Эта, такъ сказать, бытовая сторона Итальянскаго похода особенно хорошо удалась Тролару, и вѣрность приводимыхъ имъ фактовъ подтверждается выдержками изъ переписки частныхъ лицъ и тог-

дашнихъ газетъ, которыя доставили ему значительную часть его богатаго матеріала. Много труда должно было стоить собираніе всѣхъ этихъ документовъ, и нельзя не порадоваться, что за это дѣло взялся такой талантливый человѣкъ, какъ Троларъ, который съумѣлъ изъ своего строго-научнаго изслѣдованія создать книгу, вполнѣ доступную массѣ читателей по общепонятности и въ то же время художественности изложенія.

Въ текстѣ помѣщено 40 рисунковъ Ариста Булино, въ числѣ которыхъ находятся нѣсколько портретовъ Наполеона и его главныхъ сподвижниковъ-генераловъ: Ожеро, Лаина, Бертье, Мармона и нѣкоторыхъ другихъ.

Е. Г.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ ЛОДЗИ.

Измѣна Поляковъ задачамъ славянства. — Къ вопросу о переселеніи привислинскихъ крестьянъ въ Сибирь. — Поляки о московскихъ фабрикантахъ. — Перемѣна въ отношеніяхъ Поляковъ къ Риму.

„Пожелаемъ, чтобы голоса, власть имѣющіе надъ умами, обратились къ самому Польскому народу съ убѣжденіемъ, что лишь отъ него зависитъ его будущая судьба. Мм. гг.! Тотъ, кто будетъ имѣть смѣлость прямо, лицомъ къ лицу, откровенно высказать эту истину Польскому народу и кто успѣетъ убѣдить въ этомъ Польскій народъ, тотъ окажетъ и ему, и намъ и всему славянскому дѣлу такую неоцѣненную услугу, которой ни мы и никто достаточно оцѣнить не въ силахъ“. Такъ говорилъ на всеславянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1867 году князь В. А. Черкасскій, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ одна изъ самыхъ видныхъ ролей въ дѣлѣ объединенія нашей окраины съ другими частями Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 25 лѣтъ, но высказанныя тогда кн. Черкасскимъ желанія до сихъ поръ не исполнились: выбитые ходомъ исторіи изъ общеславянской колеи, Поляки до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ своихъ заблужденій и понять, что они виноваты передъ нами, а не наоборотъ. Они все еще продолжаютъ считать себя какими-то „культуртрегерами“ въ славянскомъ мірѣ и вѣрить, что „Европа“ раньше или позже возстановитъ Польшу, и попрежнему претендуютъ на господство въ русскихъ земляхъ (въ Галичинѣ, Малороссіи и въ другихъ).

Не далѣе, какъ въ прошломъ году, графъ Дзѣдушицкій, богатый польскій землевладѣлецъ и извѣстный публицистъ, напечаталъ въ издающейся во Львовѣ *Газетѣ Народовой* рядъ статей о томъ, будто бы Поляки возрастаютъ численно гораздо скорѣе,

чѣмъ другіе народы, изъ чего и изъ превосходства (?) польской культуры надъ русскою слѣдуетъ-де, что Поляки раньше или позже заставятъ Русскихъ отступить на Востокъ, заселятъ сплошною массой Восточную Галицію и наши юго-и сѣверо-западныя губерніи и совершенно ополячатъ всѣ эти части Русской земли. Никто, конечно, не можетъ помѣшать фантазировать польскому ясновельможному публицисту, а такъ какъ его упомянутыя статьи до очевидности нелѣпы, то не стоило бы о нихъ и упоминать, еслибы высказанныя въ нихъ мысли (собственно, не мысли, а какой-то бредъ) не нашли себѣ отзвука въ петербургскомъ польскомъ еженедѣльникѣ *Край*, считающемся органомъ русскихъ умѣренныхъ Поляковъ. Въ 5 № *Края* за этотъ годъ въ передовой статьѣ обсуждается сообщеніе о Сибирской желѣзной дорогѣ оффиціальнаго органа Министерства Финансовъ *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли* (№ 2) *Краю* не понравилось высказанное въ этомъ сообщеніи вполнѣ разумное замѣчаніе, что въ видахъ предотвращенія повторенія въ будущемъ такого уродливаго явленія, какъ эмиграція привислинскихъ крестьянъ въ Бразилію, совершившаяся въ концѣ 1890 года въ очень широкихъ размѣрахъ, было бы желательно привлечь въ числѣ прочихъ нашихъ крестьянъ и привислинскихъ къ проектируемой въ связи съ постройкой Сибирской желѣзной дороги колонизаціи Сибири. *Край* прибѣгаетъ къ разнаго рода софизмамъ, чтобы доказать невозможность переселенія здѣшнихъ крестьянъ въ Сибирь, и надѣется, что они будутъ переселяться не въ отдаленныя мѣстности Сибири, а въ юго-и сѣверо-западныя губерніи. Не ясно ли, что *Край* одинаково съ гр. Дзѣдушицкимъ мечтаетъ объ усиленіи польскаго элемента въ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ? Что̀ за наивныя мечты!

Привислинскій край—одна изъ самыхъ густонаселенныхъ частей Россіи, и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ его малоземельные и безземельные составляютъ въ настоящее время значительный процентъ крестьянскаго населенія, такъ что въ нихъ замѣчается избытокъ рабочихъ рукъ. Естественно, что въ виду этого къ мѣстнымъ властямъ не разъ поступали прошенія отъ крестьянъ о разрѣшеніи имъ переселяться въ Азіятскую Россію. Въ періодъ выселенческаго движенія въ Бразилію (со второй половины 1890 года) въ мѣстномъ оффиціозномъ органѣ *Варшавскомъ Дневникѣ* указывалось на всѣ эти факты, и тогда же нѣсколько разъ была высказана въ немъ мысль о необходимости предоставить

привислинскимъ крестьянамъ право переселенія на свободныя земли Азіятской Россіи, такъ какъ выселеніе здѣшнихъ крестьянъ за предѣлы Россіи лишаетъ государство рабочихъ рукъ да и не желательно въ отношеніи правильнаго отбыванія населеніемъ воинской повинности. Польская зарубежная печать крайне взволновалась въ то время этими статьями *Варшавскаго Дневника*, назвала проектъ переселенія крестьянъ изъ Привислинья въ Сибирь „адскимъ“ и „варварскимъ“ и стала кричать, что Москали хотятъ угнать польскихъ крестьянъ въ тундры и тамъ погубить ихъ. Теперь, два года слишкомъ спустя, и петербургскій *Край* присоединяется ко взглядамъ польской зарубежной печати на проектъ переселенія здѣшнихъ крестьянъ въ Азіятскую Россію. А почему польская печать единогласно высказывается противъ этого предположенія,—ясно изъ признаній *Края*, который, какъ мы уже сказали, желая усиленія польскаго населенія въ юго-и сѣверо-западномъ краѣ, высказывается за переселеніе здѣшнихъ крестьянъ въ эти края. Того же хотятъ, разумѣется, и другіе органы польской печати, но можно напередъ увѣрить польскихъ публицистовъ, что наше правительство не внемлетъ ихъ совѣтамъ, и что черезъ годъ-другой ватаги привислинскихъ крестьянъ, помолившись за Царя, тронутся въ далекій путь къ Востоку, къ свободнымъ землямъ Сибирскимъ. Они умнѣе своихъ политиканствующихъ интеллигентовъ и смотрятъ на жизнь съ точки зрѣнія своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, а не съ высотъ дутыхъ политическихъ доктринъ. Между ихъ взглядами и симпатіями и донкихотскими стремленіями польскихъ quasi-патріотовъ—цѣлая пропасть, въ чемъ политиканствующіе патріоты будутъ имѣть возможность убѣдиться на живомъ примѣрѣ лишній разъ, когда наше правительство приступитъ къ заселенію Сибири. Впрочемъ, для этихъ господъ живые примѣры и опытъ не имѣютъ значенія: они своего рода схоластики, затвердившіе извѣстныя теоріи и не допускающіе и даже не желающіе допускать провѣрки этихъ теорій путемъ фактовъ и примѣровъ. Жизнь слагается наперекоръ ихъ чаяніямъ и мечтаніямъ, но они не хотятъ замѣчать этого и, не обращая на нее вниманія, продолжаютъ коснѣть въ своихъ доктринахъ, забывая, очевидно, что кто игнорируетъ исторію и живую дѣятельность, тотъ обрекаетъ себя на смерть и забвеніе.

Не придя до сихъ поръ къ сознанію, что претензіи на ополяченіе русскихъ земель только смѣшны, Поляки немногому научи-

лись въ теченіе послѣдней четверти вѣка и въ другихъ отношеніяхъ. Они попрежнему не въ силахъ сознать себя частью великаго славянскаго племени, во главѣ котораго волею Божьею поставлена Россія, и уразумѣть задачъ, лежащихъ на нихъ, какъ на одномъ изъ членовъ этого племени. Оставимъ въ сторонѣ антиславянскую политику австрійскихъ Поляковъ, „программу" пруссофила-Косцельскаго и всю польскую зарубежную журналистику, въ которой часто проповѣдуется мысль о необходимости возстановленія Польши въ видахъ какого-то „европейскаго равновѣсія" и ослабленія Россіи, угрожающей-де „оказачить" всю „Европу". Безконечный рядъ разнообразнѣйшихъ фактовъ доказываетъ полное сочувствіе значительнаго большинства нашихъ Поляковъ этой политикѣ, выражающейся программой Косцельскаго, и вѣрой въ бредъ рубежной печати о возстановленіи Польши и о миссіи воскресшей Рѣчи Посполитой спасти „Европу" отъ „оказаченья". Но мы, минуя всѣ мелкіе факты и явленія изъ этой области, остановимся на отношеніяхъ здѣшнихъ Поляковъ къ Нѣмцамъ и Евреямъ, крѣпко захватившимъ въ свои цѣпкія руки промышленность и торговлю нашего края. Къ сожалѣнію, Поляки совсѣмъ забыли объ обязанности каждаго славянскаго народа ограждать славянскую землю отъ вторженія чуждыхъ народностей. Дѣлаются ли ими хоть слабыя попытки изженить Нѣмцевъ изъ Лодзи и Сосновицъ? Нѣтъ, напротивъ того, они относятся всегда враждебно къ подобнымъ попыткамъ русскихъ властей. Польская печать старается всячески отстаивать интересы лодзинскихъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Евреевъ, а варшавское отдѣленіе „Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ" [1] всячески хлопочетъ о распространеніи лодзинскихъ издѣлій, принимаетъ на себя ходатайства въ защиту интересовъ нѣмецкихъ фабрикантовъ и проч. Въ январѣ лодзинскіе Нѣмцы возбудили ходатайство о переводѣ изъ Петрокова въ Лодзь губернскихъ учрежденій и о преобразованіи Лодзи въ губернскій городъ, конечно, съ цѣлью, чтобы Лодзь, какъ городъ, пріобрѣла больше правъ, что помогло бы лодзинскимъ Нѣмцамъ шире развить свою дѣятельность. Здѣшняя польская печать единогласно высказалась за это ходатайство. И такъ всегда и во всемъ она

[1] Это учрежденіе хотя и носитъ названіе отдѣленія русскаго общества, но является вполнѣ польскимъ учрежденіемъ; предводителемъ его состоитъ графъ Красинскій.

поддерживаетъ интересы лодзинскихъ Нѣмцевъ, оправдываясь тѣмъ, что Нѣмцы даютъ заработокъ польскимъ рабочимъ; но вѣдь за это слѣдуетъ благодарить не Нѣмцевъ, а русское правительство, которое заставляетъ Нѣмцевъ нанимать мѣстныхъ рабочихъ и запрещаетъ выписывать заграничныхъ.

Изъ числа всѣхъ здѣшнихъ газетъ только одинъ русскій *Варшавскій Дневникъ* ратовалъ противъ Нѣмцевъ да въ прошломъ году раза два, три рѣшился выступить противъ нихъ польскій еженедѣльникъ *Пржеглондъ Тыгоднёвы (Еженедѣльное Обозрѣніе)*. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время въ направленіи *Варшавскаго Дневника* стали замѣчаться странныя колебанія то въ сторону политиканствующихъ Поляковъ, то Нѣмцевъ, такъ, напримѣръ, въ 299 № *Варшавскаго Дневника* (отъ 30 декабря) за 1892 годъ была помѣщена передовая статья, въ которой расточаются любезности лодзинскимъ Нѣмцамъ и Лодзь превозносится, а Москва унижается. Въ этой статьѣ московскіе фабриканты обвиняются въ косности, неподвижности, неумѣніи совершенствовать и развивать производства „въ стремленіи“ пріумножать свои барыши исключительно съ помощью правительственнаго покровительства, а на ряду съ этимъ лодзинскіе фабриканты аттестуются съ самой лучшей стороны, причемъ, совершенно замалчивая разныя некрасивыя дѣлишки лодзинскихъ Нѣмцевъ и тѣ особыя условія, которыя содѣйствовали необыкновенно быстрому развитію Лодзи, *Варшавскій Дневникъ* объясняетъ это быстрое развитіе исключительно энергіею и дѣловитостью Нѣмцевъ. Охарактеризовавъ самыми темными красками московскихъ промышленниковъ, авторъ статьи восклицаетъ: „не видать нашей срединной промышленности полнаго разцвѣта своего и не судьба ей идти впередъ!“ Напрасно *Дневникъ* такъ думаетъ и напрасно полагаетъ, что средоточіе нашей промышленной жизни перемѣстится изъ Москвы „туда, гдѣ промышленная энергія, какъ въ Привислинскомъ краѣ, растетъ съ помощью частной предпріимчивости не по днямъ, а по часамъ“. Было бы очень жаль, еслибы это совершилось, но, Богъ дастъ, не совершится!

Только въ одномъ отношеніи Поляки сдѣлали шагъ впередъ въ послѣдніе годы: они начинаютъ убѣждаться въ неестественности своей связи съ Римомъ. Объ этомъ уже говорилось въ письмѣ изъ Варшавы, помѣщенномъ въ первой книжкѣ вашего журнала за этотъ годъ. Россіи нѣтъ разсчета вооружать противъ себя Поляковъ защитой интересовъ Ватикана, и, какъ вполнѣ

справедливо замѣтилъ въ той же книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* вашъ виленскій корреспондентъ г. Владиміровъ, замѣна воинствующаго папизма мирнымъ старокатоличествомъ съ русской точки зрѣнія очень желательна. Настроеніе большинства русскихъ Поляковъ теперь таково, что предоставленіе имъ извѣстной свободы въ церковно-религіозномъ отношеніи (въ смыслѣ болѣе слабаго оберeганія со стороны нашихъ властей интересовъ Рима), несомнѣнно, повлечетъ за собою либо присоединеніе ихъ къ старокатоличеству, либо учрежденіе особой церкви, близкой къ старокатолической. И въ томъ и въ другомъ случаѣ интересы Христіанства, Славянства и Россіи только выиграютъ.

Н. О.

СО ЖМУДИ.

Замѣна русскихъ письменъ латинскими.

Въ Петербургѣ затѣвается „небольшое дѣльцо“, которое служитъ отпрыскомъ очень большаго дѣла,—дальнѣйшаго и успѣшнѣйшаго ополяченія Сѣверо-Западнаго края, и нашего противодѣйствія тому. Это „небольшое дѣльцо“ есть хлопоты Жмудиновъ о дозволеніи имъ въ своихъ книгахъ, печатаемыхъ въ Россіи, снова замѣнить русскія письмена латинкой, то-есть польскими письменами.

Въ шестидесятыхъ годахъ, при графѣ М. Н. Муравьевѣ и попечителѣ Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловѣ, было положено ввести въ литовско-жмудскій языкъ вмѣсто латинки русскія письмена въ вицахъ огражденія этой народности отъ Поляковъ, которые и тогда уже протягивали къ ней свою руку, и вмѣстѣ съ цѣлью приближенія этой народности къ русской, съ которою она была такъ близка въ старое время. Во время самостоятельнаго существованія великаго княжества литовскаго русскій языкъ и русскія письмена были на Литвѣ-Жмуди во всеобщемъ государственномъ и бытовомъ употребленіи, чему служатъ доказательствомъ „Статутъ Литовскій“, печатанный въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ и русскими письменами, и громадное количество всякихъ актовъ, писанныхъ по-русски, хранящихся въ Виленской Публичной Библіотекѣ и Виленскомъ Центральномъ Архивѣ. Не безъ причины же говорилось здѣсь встарь: „Литва квитнетъ руссизною“ (то-есть „Литва цвѣтетъ руссизмомъ“).

Во исполненіи этой раціональной мѣры было сдѣлано въ Вильнѣ

нѣсколько изданій жмудскихъ книгъ,—религіозныхъ и общихъ—русскими письменами, которыя могли болѣе и болѣе распространяться благодаря русскимъ народнымъ школамъ, изъ которыхъ учащіеся не могли выходить безъ хорошаго знакомства съ русскими письменами. А такъ какъ эти школы существуютъ на Жмуди болѣе четверти вѣка, то онѣ уже должны были создать десятки, если не сотни тысячъ Жмудиновъ, хорошо знакомыхъ съ русскимъ языкомъ и русскими письменами. Въ будущемъ это изученіе еще болѣе должно увеличиться. Слѣдовательно дѣло это должно почитаться поставленнымъ хорошо, и не должно быть въ немъ никакого сомнѣнія или колебанія. И между тѣмъ это колебаніе въ настоящее время возбуждается въ сильной степени. Пользуясь теперешнимъ крайнимъ упадкомъ русскаго принципа въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Жмудины заявляютъ открыто, что они „не желаютъ русскихъ письменъ для жмудскаго языка, а желаютъ опять латинку".

Въ настоящее время жмудинскіе культурные вожаки сильно хлопочутъ въ Петербургѣ о дозволеніи имъ снова печатать жмудскія книги въ Россіи латинкой. Завлеченъ въ эту затѣю одинъ изъ нашихъ наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ; двинуты въ ходъ всякіе *научные* резоны и основанія. Но отдавая полную справедливость эрудиціи и логичности выводовъ профессора В. И. Ламанскаго въ его статьѣ, напечатанной въ *Славянскомъ Обозрѣніи*, я укажу только на то, что не все, кажущееся хорошимъ и правильнымъ à priori, хорошо и правильно à posteriori; и что абстрактный принципъ — одно дѣло, а дѣйствительность — другое. Это относится и къ настоящему случаю.

Главнымъ „научнымъ" мотивомъ выставляется сохраненіе древнѣйшей въ Европѣ жмудской народности. Противъ этого, полагаю, въ Россіи никто ничего не имѣетъ. Если въ Россіи съ большими издержками сохраняется древній родъ литовскаго зубра, то почему не сохранять и эту этнографическую curiosité,—Литовца? Но причемъ же тутъ латинка? Какую роль она можетъ играть въ сохраненіи литовско-жмудской народности? Въ старое время она сохранялась при русскихъ письменахъ: почему же она не можетъ сохраняться при нихъ теперь? Если въ старое время русскія письмена хорошо подходили къ жмудскому языку, то почему они не могутъ подходить къ нему теперь? А какъ подданному Русскаго государства изученіе государственнаго языка и знакомство съ русскими письменами Жмудину должно быть желательно, какъ весьма полезное.

Да, это можетъ быть желательно Жмудину, предоставленному самому себѣ: но это не желательно стоящему за его спиной Поляку, за которымъ то же повторяетъ въ простотѣ души и Жмудинъ. Поляку же ненавистна эта мѣра, потому что она разрушаетъ его планъ ополяченія Жмуди, къ которому онъ стремится, и въ которомъ онъ уже много успѣлъ. Уже „бискупъ" жмудскій, Жмудинъ родомъ, Жмудинамъ-слушателямъ говоритъ по-польски. Уже ксендзы, Жмудины родомъ, говорятъ въ костелахъ проповѣди Жмудинамъ по-польски. Уже Жмудины-міряне имѣютъ въ рукахъ своихъ польскіе молитвенники, поютъ польскіе гимны и въ общемъ быту щеголяютъ польскою рѣчью. Уже въ жмудской семинаріи въ Ворняхъ преподаваніе производится по-польски. Въ Петербургѣ въ послѣднее время образовалось жмудское благотворительное общество, имѣющее и свои увеселительныя собранія. Почему и благоденствующимъ Жмудинамъ не заботиться о своей „меньшей братіи"? Почему и имъ не повеселиться общею семьей? Но вотъ что̀ плохо: на самыхъ первыхъ собраніяхъ они стали шушукаться съ Полякомъ; и польскій языкъ сразу получилъ между ними широкое употребленіе; а когда одинъ молодой Жмудинъ заговорилъ по-русски, то отъ него всѣ начали сторониться, какъ отъ зараженнаго проказой.

Объ ополяченіи Литвы вотъ что̀ писалъ профессоръ М. О. Кояловичъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* 1886 года: „Есть мѣстности, гдѣ еще недавно говорили по-литовски, а теперь говорятъ по-польски". Въ *Русскомъ Дѣлѣ* (1888 № 27), въ статьѣ; „Голосъ Православнаго изъ Западной Руси",—по всей вѣроятности, со Жмуди,—мы читаемъ: „До настоящаго времени въ литовскомъ краѣ, среди народа, хотя и изучается русскій языкъ въ школѣ, въ сношеніяхъ съ русскою полиціей и судомъ и въ войскѣ, но, тѣмъ не менѣе, онъ остается по старому *хлопскимъ* языкомъ, и только польскій языкъ признается за языкъ *панскій;* ибо на немъ говорятъ паны и ксендзы. Вотъ почему Жмудинъ, отвѣдавшій хоть кое-какой культуры, спѣшитъ заговорить по-польски, и свою жмудскую фамилію на „айтисъ" замѣнить польскою на „скій" и превратиться въ Поляка".

Жмудско-литовская народность численностью простирается за два милліона и постоитъ какого-нибудь греческаго или португальскаго королевства: но сама по себѣ она слишкомъ незначительна въ громадномъ Русскомъ государствѣ. Важность же она имѣетъ по своему положенію въ сѣверномъ углу Западной Россіи, гдѣ она плотно сопредѣльна съ польскимъ населеніемъ,

вслѣдствіе чего она легко можетъ дѣлаться гнѣздомъ польскихъ махинацій противъ Россіи и ареной мятежа, который здѣсь въ шестидесятыхъ годахъ, руководимый ксендзами, свирѣпствовалъ съ наибольшею яростью и продолжительностью.

Въ Россіи нѣтъ враждебности противъ латинки: вѣдь она дозволяетъ же употреблять ее Нѣмцамъ и Финнамъ, можетъ дозволить употреблять ее опять и Жмудинамъ, хотя, неоспоримо, этимъ дозволеніемъ она сдѣлаетъ еще шагъ назадъ отъ муравьевской политики. Но сколько уже мы сдѣлали отъ нея шаговъ назадъ въ Западной Россіи! Потому еще одинъ шагъ не составитъ большаго счета.

Но эту уступку себѣ Жмудины должны заслужить. Для того они должны *очиститься отъ польской закваски:* Жмудскій „бискупъ" долженъ въ своихъ писаніяхъ, рѣчахъ и проповѣдяхъ употреблять только жмудскій языкъ или русскій, какъ государственный, но ни слова польскаго; должны быть удалены со Жмуди всѣ польскіе молитвенники и другія польскія книги, газеты и журналы и замѣнены жмудскими или русскими; всѣ жмудскіе ксендзы въ дополнительномъ богослуженіи: молитвахъ, гимнахъ, проповѣди и во всемъ костельномъ бытѣ должны употреблять жмудскій языкъ или русскій, и ни слова польскаго; въ жмудской семинаріи преподавательнымъ языкомъ долженъ быть языкъ жмудскій или русскій, и совершенно долженъ быть удаленъ изъ нея языкъ польскій; въ жмудскомъ петербургскомъ благотворительномъ собраніи долженъ быть употребляемъ только жмудскій языкъ или русскій, а польскій долженъ быть совершенно удаленъ; и когда придутъ къ нимъ шушукаться и мутить Поляки, просить ихъ оставить жмудское общество въ покоѣ и сказать имъ, какъ нѣкогда сказали Полякамъ Запорожцы: „Мы—собѣ, а вы—собѣ..." Когда всѣ эти условія будутъ Жмудинами исполнены, тогда они могутъ смѣло разсчитывать, что имъ дозволено будетъ употребленіе не только латинскихъ письменъ, но даже—китайскихъ, санскритскихъ и какихъ угодно.

Но говорятъ: запрещеніе безполезно, потому что на Жмудь провозится *контрабандой* огромное количество жмудскихъ книгъ, газетъ и журналовъ, печатанныхъ латинкой изъ Пруссіи и даже Америки. Это—вѣрно. Но это оттого, что Вильна въ настоящее время почиваетъ „на лиліяхъ и розахъ"... Когда-нибудь ее и разбудятъ,—тогда исчезнетъ со Жмуди и книжная контрабанда.

А. Владиміровъ.

ИЗЪ ОРЛА.

Нынѣшняя зима, съ ея давно небывалыми холодами, мятелями и снѣгами, составляетъ злобу дня. Хозяева волнуются за будущій урожай, въ виду того, что невѣроятное количество снѣга заполнило овраги, легло возлѣ деревень, лѣсовъ и вообще загражденій, а поля стоятъ открытыми (уѣзды Орловскій, Кромской, Дмитровскій). Видна пахота, видны самыя зеленя. Въ другихъ уѣздахъ (Ливенскій, Елецкій) снѣгъ лежитъ прекрасно, ровно,— и вездѣ молятся, чтобы надежда на урожай не обманула хотя бы на этотъ разъ. А въ Сѣвскомъ уѣздѣ и Трубчевскомъ робко поговариваютъ о саранчѣ, появившейся тамъ еще въ прошломъ году. Въ настоящее время положеніе землевладѣльцевъ печальное: полный неурожай яровыхъ и сѣна въ 1892 году лишилъ ихъ двухъ третей необходимаго на зиму корма. А нынѣшняя суровая зима лишаетъ совсѣмъ возможности давать скоту пареный кормъ, такъ какъ онъ мерзнетъ. Жалко смотрѣть на скотъ, даже помѣщичій: высунувшіяся кости, ввалившіеся бока, какой-то особенный, шаршавый, неопрятный внѣшній видъ. О крестьянскомъ скотѣ и говорить нечего.

Въ настоящее время идетъ доставка закупленнаго хлѣба для продовольствія мѣстнаго населенія; часть его куплена на мѣстѣ, у насъ же; но, къ сожалѣнію, сами нуждающіеся перевести его не могутъ: лошади обезсилѣли и останавливаются даже съ семи, десяти-пудовыми грузами!

Тяжелые годы переживаемъ. Надо отдать полную справедливость мѣстному земству. Ожидавшаяся нужда въ продовольствіи и въ обсѣмененіи полей совершенно своевременно была обсужена въ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ Губернскаго Земскаго Собранія 6 іюля прошлаго года и затѣмъ, 14 и 15 октября, испрошена была надлежащая правительственная ссуда, и дѣло продовольствія и обсѣмененія было улажено спокойно и тихо.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что, испрашивая правительственныя ссуды, земство указало на растлѣвающее вліяніе самой раздачи хлѣба, при упорномъ убѣжденіи въ народѣ, что это хлѣбъ даровой. Обращаясь къ разрѣшенію вопроса о лучшемъ способѣ помощи народу, Орловское земство пришло къ заключенію, въ виду опыта прошлаго года, что лучшею формой

слѣдуетъ признать—предоставленіе народу заработковъ на общественныхъ работахъ.

Подробная записка объ этомъ была представлена генералу Анненкову предсѣдателемъ Губернской Управы. Всѣ ожидали, что общественныя работы, за годъ до того здѣсь начатыя, получатъ дальнѣйшее развитіе, а потому нужно представить себѣ скорбь населенія, когда узнали, что работы эти будутъ продолжены, но что неоконченныя въ прошломъ году предположено пріостановить; по крайней мѣрѣ, передаютъ за достовѣрное, что завѣдующему общественными работами по дорожнымъ сооруженіямъ губерніи (восемь верстъ шоссе по Болховскому тракту и друг.) предложено новыя работы прекратить и сдать ихъ въ неоконченномъ видѣ кому слѣдуетъ. А между тѣмъ намъ казалось, что эти работы, вызванныя внезапно къ жизни народнымъ бѣдствіемъ, должны бы были сродниться съ нашимъ народнымъ хозяйствомъ, освободившись на первыхъ же порахъ отъ всѣхъ тѣхъ несовершенствъ своей организаціи, которыя были естественнымъ слѣдствіемъ поспѣшности, съ которою ихъ приходилось вводить въ общественную жизнь. Въ основѣ ихъ лежитъ что-то отвѣтившее назрѣвшей общественной потребности.

Наши грунтовыя дороги тянутся изрытыя ливнями, морозами и колесами, съ непроѣздными гатями, самопроваливающимися мостами... Строимъ мы училища, больницы, магазины, которые почему-то, по прошествіи очень короткаго времени, изнашиваются до неузнаваемости, преждевременно старѣются... Запруды на рѣкахъ, которыя, какъ, напримѣръ, на рѣкѣ Окѣ, въ предѣлахъ Орловской губерніи въ прежнее время, когда отъ Орла ходили ежегодно по ней караваны барокъ (еще въ 60 годахъ), регулировали успѣшно самое судоходство, теперь держатъ воду далеко не на прежней высотѣ.... Чувствуется, что, если нужда вызвала общественныя работы къ жизни нѣсколько поспѣшно, вслѣдствіе чего явилось множество недоразумѣній и упущеній, то слѣдовало бы, устранивъ выяснившіяся несовершенства, внимательно присмотрѣться, не чувствуется ли въ нихъ болѣе постоянной и настоятельной нужды, не привились ли онѣ къ государственному организму болѣе прочно, чѣмъ это кажется издалека.

Н. Б.

28 января 93 г.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Вожделѣнія Лодзи. — Результаты экспедиціи снаряженной московскими мануфактуристами въ Сербію и Румынію.—Ликвидація дѣлъ *выставки склада русскихъ товаровъ* въ Букурештѣ.—Попытки Гамбурга экспортировать русскія хлопчато-бумажныя ткани въ Америку.—Русскіе культуртрегеры въ Персіи.— Возможный ущербъ казны при выкупѣ Московско-Курской желѣзной дороги.— Министръ Финансовъ обуздываетъ беззаконныя дѣйствія банкировъ.

Рѣдко, очень рѣдко приходится видѣть въ нашей печати доброе слово о промышленности и промышленникахъ срединной Россіи. Но болѣе рѣзкаго приговора, чѣмъ сдѣлалъ *Варшавскій Дневникъ*, издающійся въ Варшавѣ на русскомъ языкѣ, намъ ни читать, ни слышать не приходилось.[1] Нечему было бы удивляться, еслибы говорилъ такъ *Kraj*, издающійся въ Петербургѣ, или разныя Zeitung'и и Herold'ы въ Москвѣ и другихъ городахъ, но нельзя объяснить себѣ, почему разсуждаетъ такъ русская газета, единственная представительница русскаго печатнаго слова въ Привислинскомъ краѣ.

Московско-владимірская промышленность, по мнѣнію сказанной газеты, рано или поздно уступитъ мѣсто промышленности привислинской. Да почему же это такъ? Въ интересахъ ли Россійскаго государства допустить такой переворотъ въ хозяйственной его жизни. Намъ кажется, что *Варшавскому Дневнику* слѣдовало бы скорѣе разоблачать всякое поползновеніе лодзинскаго нѣмецкаго царства, направленное въ ущербъ Москвѣ, а не курить ѳиміамы этому зловредному клину въ живомъ организмѣ нашего государства.

---

[1] См. письмо изъ Лодзи въ *Областномъ отдѣлѣ* этого нумера.

Въ предыдущемъ нумерѣ *Русскаго Обозрѣнія* указывалось, что Лодзь вызвана къ жизни разными попустительствами и разными преимуществами, коими Москва, по географическому своему положенію, пользоваться не можетъ, а теперь приходится отмѣтить, что она, сознавая свое положеніе, кичится своими успѣхами въ дѣлѣ отбиванія рынковъ московской промышленности. Еще покойный И. С. Аксаковъ указывалъ и предсказывалъ, что Лодзинское гнѣздо не мало горя можетъ принести нашему отечеству; нѣкоторая доля его предсказаній уже успѣла исполниться.—Неужели же надо ждать, что и остальное исполнится!

Пора бы Московскому отдѣленію Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ собрать и сгруппировать все относящееся до промышленности Лодзинскаго округа и тѣмъ положить предѣлъ своему бездѣйствію и спячкѣ, выступивъ дѣятельнымъ борцомъ противъ наступающаго еврейско-нѣмецкаго врага, успѣвшаго найти себѣ защиту даже на столбцахъ *Варшавскаго Дневника.*

* * *

Экспедиція, снаряженная въ минувшемъ году московскими фабрикантами въ Сербію и Румынію для изслѣдованія вопроса о расширеніи торговыхъ сношеній съ Румыніей и Сербіей, представила въ минувшемъ январѣ свои заключенія по этому вопросу.

По словамъ отчета, экспедиція, прибывъ въ Букурештъ 6 іюня, расположила образцы товаровъ на русской выставкѣ, въ домѣ Русской миссіи и обратилась съ приглашеніемъ къ лицамъ интересующимся мануфактурными товарами, но посѣтителей однако не явилось. Послѣ Букурешта экспедиція посѣтила Яссы, но и здѣсь сторонились отъ русскихъ образцовъ, какъ и въ Букурештѣ. Изъ Яссъ она отправилась въ Бѣлградъ; прибывъ сюда 20 іюня, она нашла болѣе сочувственный пріемъ, но съ перваго же дня выяснилось, что соперничать съ Западомъ мануфактурными издѣліями намъ нельзя; вопервыхъ, потому, что вся торговля идетъ въ кредитъ срокомъ отъ 6 до 9 мѣсяцевъ, причемъ Англія продаетъ съ надбавкой 5% въ годъ, Австрія—4%—5%, Италія, Германія и Швейцарія— 6%, и, вовторыхъ, потому что самый товаръ нашей выработки для сербскаго покупателя не подходящъ, такъ какъ здѣсь обращается вниманіе не на добротность, а на дешевизну.

Такимъ образомъ эта третья попытка московскихъ мануфак-

туристовъ (первая была сдѣлана въ Болгаріи въ 1882 году, вторая—въ Румыніи въ 1887 году) еще разъ убѣдила, что, при существующихъ политическихъ условіяхъ, намъ нельзя мечтать о расширеніи торговыхъ сношеній съ Придунайскими странами. Тамошніе купцы связаны кредитомъ западныхъ производителей и по рукамъ и по ногамъ, и ни одинъ изъ нихъ не дерзнетъ порвать связи со своими кредиторами, потому что этимъ рискуетъ лишиться впредь всякаго кредита, безъ котораго онъ существовать не можетъ, а разсчитывать на нашъ кредитъ въ силу политическихъ обстоятельствъ нельзя.

* * *

Не лучшая судьба постигла и попытку бывшаго посланника въ Румыніи, г. Хитрово, то-есть выставку-складъ русскихъ товаровъ въ Букурештѣ, для которой ассигнована была правительственная субсидія въ размѣрѣ 55.000 р. въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1889 года.

Съ 1-го минувшаго января выставка вступила въ пятый годъ своего существованія и послѣдній полученія субсидіи и поэтому приступила къ ликвидаціи своихъ дѣлъ. Интересно бы видѣть отчетъ г. Бухтѣева. Неужели-же сообщенія *Новаго Времени* о томъ, что главныхъ статей расхода по содержанію выставки, только двѣ, а именно жалованье самому управляющему, по 5.000 въ годъ, и наемъ помѣщенія по 4.000 рублей въ годъ; то-есть изъ 55.000 рублей, ассигнованныхъ Министерствомъ 25.000 рублей получилъ самъ управляющій, при готовой квартирѣ и освѣщеніи, 20.000 рублей—стоило помѣщеніе и 10.000 все остальное. Неужели же это не сонъ, а печальная дѣйствительность—какъ слѣдствіе увлеченій людей, незнакомыхъ съ торговымъ дѣломъ!?

Какія же попытки дѣлалъ управляющій въ смыслѣ ознакомленія съ своею выставкой московскихъ фабрикантовъ? При самомъ открытіи онъ побывалъ разъ въ Нижегородской ярмаркѣ, повидался тамъ съ нѣкоторыми фабрикантами, затѣмъ получено было нѣкоторыми изъ нихъ нѣсколько „исходящихъ“ за подписью управляющаго складомъ въ Букурештѣ; на томъ дѣло и кончилось.

Теперь остается жалѣть потерянныхъ безъ всякаго смысла 55.000 рублей и надѣяться, что впредь подобнаго рода опыты не будутъ повѣряться лицамъ, не имѣющимъ надлежащаго довѣрія тѣхъ, на кого теперь сваливается вся вина, то-есть на московскихъ фабрикантовъ, какъ людей непредпріимчивыхъ, косныхъ и пекущихся только о правительственныхъ поддержкахъ и т. п.

* * *

Если въ Румыніи, Сербіи и Болгаріи наши попытки остаются безъ успѣха вслѣдствіе совокупности политическихъ и экономическихъ обстоятельствъ, то Гамбургъ самъ идетъ къ намъ на встрѣчу, что видно изъ писемъ г. П. А. Шмита на имя Московскаго Отдѣленія Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ, отъ 10/22, 15/27 іюля и 3/15 августа минувшаго года. Если вѣрить автору писемъ, то онъ обращался ко многимъ товариществамъ и лицамъ въ Россіи, прося выслать образцы ихъ произведеній, но большинство не сочло даже нужнымъ отвѣтить, а нѣкоторыя выслали образцы въ недостаточномъ количествѣ. Единственное товарищество—Никанора Дербенева сыновья въ Иваново-Вознесенскѣ — отозвалось на предложеніе г. Шмита надлежащимъ образомъ.

Одинъ изъ членовъ этого товарищества, пріѣхавъ въ Гамбургъ, и увидавъ, что здѣсь на русскія хлопчатобумажныя издѣлія можетъ быть сбытъ, взялся, по словамъ г. Шмита, за приспособленіе своей фабрики для выработки требуемыхъ товаровъ, и пр. и г. Шмитъ надѣется, что ему удастся будто бы сбывать ситцы сказанной фирмы тысячами кусковъ.

Заключая первое изъ своихъ писемъ, г. Шмитъ говоритъ: „русскіе фабриканты ищутъ рынка для сбыта въ Румыніи, Сербіи, Турціи и тому подобныхъ странахъ Востока, гдѣ для нихъ торговля сопряжена съ рискомъ и съ затратами, а въ Гамбургѣ я предоставляю имъ всѣ свѣдѣнія и подробности касательно требуемыхъ товаровъ безъ всякаго вознагражденія за это. Понятно, за продажу я буду получать коммиссію, и при разсчетѣ за наличныя деньги—риску нѣтъ, а что касается сбыта, то поименованные рынки блѣднѣютъ предъ Гамбургомъ.“

Вторымъ письмомъ г. Шмитъ увѣдомляетъ Отдѣленіе Общества, что онъ уже продалъ 144 куска ситцу по образцамъ сказанной фирмы, для Бразиліи, и что заказъ могъ бы быть значительно больше, еслибъ покупатель былъ увѣренъ въ аккуратности русскихъ производителей.

По словамъ письма, русскія хлопчато-бумажныя издѣлія могутъ выдержать конкурренцію съ заграничными, и какъ на доказательство этого указывается на цѣны назначенныя т-омъ Дербенева (24.96 ф. за метръ, франко Гамбургъ, франко упаковка) и право предоставленное г. Шмиту товариществомъ скидывать съ назначенной цѣны 30/0, чѣмъ однако же воспользоваться не оказалось нужды.

Наконецъ третьимъ письмомъ отъ 3/15 августа г. Шмитъ указываетъ на ткани, окрашенныя въ Адріанопольскій цвѣтъ, и вообще на товары неаппретированные, коихъ Англія производить не можетъ вслѣдствіе особенностей своего климата и воды,— какъ на товары, коими русскіе фабриканты могутъ конкуррировать съ Англіей, подобно Швейцаріи.

Г. Шмитъ даже успѣлъ узнать изъ какихъ-то источниковъ (вѣроятно отъ русскаго министра-резидента Фонъ-Вестмина, который его посѣщалъ), что нѣкоторыя русскія фабрики. вслѣдствіе бывшаго неурожая, вынуждены сокращать свое производство почти на половину, и онъ имъ совѣтуетъ, не задумываясь, посылать свои фабрикаты къ нему въ Гамбургъ.

Очень бы было пріятно, еслибы все сообщаемое г. Шмитомъ, кромѣ, конечно, предполагаемыхъ имъ послѣдствій голода, было на самомъ дѣлѣ таково, какъ онъ изображаетъ въ своихъ письмахъ, но, къ сожалѣнію съ трудомъ этому можно повѣрить.

* * *

Какъ извѣстно, въ качествѣ русскихъ культуртрегеровъ явились въ Персію Поляковы, учредившіе тамъ цѣлую серію предпріятій, а именно: *Русско-персидское торгово-промышленное товарищество*, *Русскій Ссудный Банкъ въ Персіи*, *Общество конно-желѣзной дороги въ Тегеранѣ*, *каменоломню*, *спичечную фабрику*, *контору газоваго освѣщенія Тегерана*, *Общество городскаго извоза* и, наконецъ, *Общество страхованія и транспортированія кладей*.

Всѣ эти учрежденія потребовали отъ предпринимателей не одинъ милліонъ рублей, но разныя непредвидѣнныя обстоятельства даютъ поводъ къ заключенію, что затраченные капиталы врядъ ли могутъ вернуться къ предпринимателямъ даже безъ барыша. Интересно, что спичечная фабрики оказалась безъ дровъ и безъ дерева для выдѣлки спичекъ и вынуждена была сдѣлать насажденіе тополей, а эти не растутъ по безводью, и пришлось поэтому дѣлать искусственное орошеніе. Попытка Поляковыхъ взять концессію на постройку желѣзной дороги отъ Тегерана въ囘囘囘Решть также осталась безъ результата. Проектъ углубленія Энзелийской бухты, который предполагали выполнить здѣшніе культуртрегеры, тоже остается до сей поры безъ исполненія.

По слухамъ эти работы оставлены до поры до времени подъ давленіемъ изъ Петербурга. Но отчего бы это ни произошло, можно лишь радоваться, такъ какъ Поляковскія постройки неизвѣстны только развѣ шаху Персидскому.

* * *

Если ограничили дѣятельность разныхъ предпринимателей à la Поляковы въ Россіи, то они подъ покровительствомъ русскаго орла вздумали перенести ее въ предѣлы Ирана и Турана. Надо бы и тамъ ихъ обуздать, такъ какъ плоды ихъ дѣятельности слишкомъ тяжело ложатся на русскую казну.

Скупая желѣзныя дороги, казна считается теперь собственницею почти 11.000 верстъ, при общемъ протяженіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ почти въ 28.000 верстъ. Теперь совершается выкупъ Московско-Курской желѣзной дороги протяженіемъ въ 512 верстъ.

Весьма важно, чтобы выкупная сумма была опредѣляема возможно точнѣе. Въ данномъ случаѣ она должна опредѣляться изъ чистаго дохода дороги за послѣднія семь лѣтъ эксплуатаціи. Причемъ берутся въ разсчетъ только пять наиболѣе доходныхъ лѣтъ, а два съ наименьшимъ доходомъ въ счетъ не идутъ. Полученная сумма дѣлится на пять, и частное показываетъ среднюю доходность дороги. „Въ прежнее время, по словамъ *Гражданина*, при выкупѣ дорогъ въ казну, цифры валовыхъ и чистыхъ доходовъ выкупаемой дороги принимались правительственными учрежденіями въ тѣхъ размѣрахъ, какіе показывались заинтересованными обществами, такъ какъ отчеты ихъ принимались за нѣчто непреложное". Сознавая, что отъ этого страдали интересы казны, такъ какъ бываютъ значительные переборы за провозъ грузовъ—переборы, проистекающіе отъ разнообразныхъ причинъ, начиная съ неопытныхъ пріемщиковъ грузовъ, не всегда умѣющихъ оріентироваться въ разнообразнѣйшихъ ставкахъ и взимающихъ всегда по высшимъ ставкамъ, дабы избѣжать вычетовъ за недоборы, и кончая иной разъ умышленными переборами,—г. министръ Финансовъ, по словамъ *Гражданина*, обратилъ вниманіе на эти важныя обстоятельства и счелъ необходимымъ произвести тщательную провѣрку отчетовъ Московско-Курской желѣзной дороги въ той ихъ части, которая касается условій примѣненія тарифовъ, и возложилъ это дѣло на

вице-директора Департамента Желѣзнодорожныхъ Дѣлъ Г. С. Якубова.

Многочисленнѣйшіе иски на Московско-Курскую желѣзную дорогу несомнѣнно доказываютъ, что она не стѣснялась переборами главнымъ образомъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ неправильномъ опредѣленіи протяженія пути, считая фрахтъ отъ станціи *Москва—пассажирская*, а не отъ станціи *Москва—товарная*, гдѣ товары сдаются, и которая находится отъ первой въ разстояніи трехъ верстъ; получая чрезъ это переборъ въ среднемъ размѣрѣ не менѣе 0,14 коп. съ пуда, что при перевозкѣ хотя бы только 100 милл. пудовъ составляетъ 140.000 рублей; 2) въ неправильномъ полученіи платы при перевозкѣ съѣстныхъ припасовъ въ поѣздахъ малой скорости по тарифу большой скорости, что̀ въ общемъ должно составить, хотя бы толькоза 500.000 пудовъ, по 0.16 коп., вмѣсто 0,05 коп. съ пуда и версты, не менѣе 100.000 руб.; 3) въ неправильномъ полученіи за нагрузку и выгрузку при повагонной перевозкѣ хотя бы только хлѣбныхъ грузовъ въ размѣрѣ 4 рублей 50 коп. съ вагона и всѣхъ остальныхъ грузовъ въ размѣрѣ 2 рублей съ вагона, всего за 60,000 вагоновъ не менѣе 19,500 рублей и, наконецъ, 4) въ неправильномъ перечисленіи товаровъ, слѣдуемыхъ къ перевозкѣ по низшему разряду въ высшій, какъ, напримѣръ, доски, бруски точильные, за доставку коихъ взимается по крайней мѣрѣ вдвое бо́льшая плата, чѣмъ слѣдуетъ по тарифу. *(Новое Время*, № 5.994).

По закону всѣ переборы должны бы идти въ пользу казны, если грузоотправители ихъ не получили обратно; но кто же это провѣрялъ и провѣряетъ? Изъ отчета Московско-Курской дороги за 1891 годъ видно, что въ одной Москвѣ къ Обществу предъявлено было исковъ за переборы на 187.882 рубля 5 коп., причемъ возвращено переборовъ на 10.364 руб. 82 коп. вслѣдствіе различныхъ толкованій тарифовъ и на 5.648 руб. 22 коп. дополнительныхъ сборовъ и затѣмъ отказано по переборамъ на 5,788 р. 50 к. и по дополнительнымъ сборамъ на 18.837 р. 51 к. Причемъ значительная часть отказовъ обусловливается пропускомъ годичнаго срока для начатія исковъ, а не сущностью дѣла. А сколько переборовъ осталось, по невѣдѣнію грузоотправителей, въ пользу Общества, а слѣдовательно казнѣ въ убытокъ!

Во всякомъ случаѣ порядокъ выкупа желѣзныхъ дорогъ долженъ быть, въ видахъ интересовъ казны, опредѣленъ самымъ тщательнымъ образомъ, чтобы не осталось въ этомъ дѣлѣ ника-

кихъ двусмысленностей, неясностей, неточностей, неопредѣленностей, дающихъ поводъ къ судебнымъ процессамъ, подобнымъ недавнему процессу г. Александрова.

Г. Александровъ подалъ 14 минувшаго января въ Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ округа Московской Судебной Палаты заявленіе, въ которомъ онъ говоритъ, что явившись 13 того же мѣсяца въ Московскій Столичный Съѣздъ въ качествѣ истца по дѣлу о возвратѣ излишне взятыхъ денегъ за провозъ груза по Московско-Курской желѣзной дорогѣ за 1889 годъ, онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго крайне страннаго и въ высшей степени загадочнаго явленія: присяжный повѣренный М. Н. Доброхотовъ, явившись въ съѣздъ въ качествѣ отвѣтчика и дѣйствовавшій по довѣренности правленія Общества Московско-Курской дороги, прежде чѣмъ дать объясненіе по существу дѣла, представилъ данную ему довѣренность на веденіе дѣла отъ имени казеннаго управленія желѣзныхъ дорогъ и заявилъ суду, что бывши ранѣе представителемъ интересовъ частнаго общества, онъ въ настоящее время, съ переходомъ дороги въ казну, является защитникомъ казенныхъ интересовъ, въ виду чего и проситъ Съѣздъ обратить особенное вниманіе на его объясненія, которыя всецѣло сводились къ тому, чтобы, несмотря на цѣлый рядъ утвержденныхъ Сенатомъ рѣшеній Мироваго Съѣзда по совершенно однороднымъ дѣламъ, убѣдить Съѣздъ, *подъ предлогомъ защиты казенныхъ интересовъ*, измѣнить выработанный практикою взглядъ на дѣло и признать за Обществомъ Московско-Курской желѣзной дороги право при перевозкѣ рыбы съ товарными поѣздами брать плату за доставку по тарифу установленному для перевозки грузовъ съ поѣздами большой скорости.

Вслѣдствіе такого заявленія г. Александровъ объяснилъ Съѣзду, что, зная условія, при которыхъ долженъ совершиться выкупъ Московско-Курской желѣзной дороги въ казну, нельзя не согласиться, что каждая копѣйка противозаконно взятой платы за перевозку груза увеличиваетъ доходность Общества за послѣднія семь лѣтъ и влечетъ за собою обязанность казны выплачивать эту копѣйку Обществу ежегодно въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, а потому г. Александровъ прибавилъ, что г. Доброхотовъ или вовсе не понимаетъ интересовъ казны, или, пользуясь данною ему довѣренностью отъ имени казеннаго управленія желѣзныхъ дорогъ, вводитъ судъ въ заблужденіе относительно признанія за Обществомъ права пользоваться тѣмъ, на что

оно не имѣетъ никакого права, и что въ дѣйствительности влечетъ за собой только ущербъ казны.

Свое заявленіе въ Совѣтъ г. Александровъ заключилъ такъ: „желая дать возможность г. Доброхотову объяснить истинный смыслъ его заявленій въ качествѣ представителя интересовъ казны, я позволяю себѣ надѣяться, что Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, обсудивъ это для очень многихъ лицъ непонятное явленіе, не откажетъ сообщить мнѣ о результатѣ своихъ изслѣдованій.“

Подобные факты доказываютъ, что многое въ дѣлѣ выкуповъ остается неяснымъ и требуетъ большой осторожности со стороны лицъ, охраняющихъ интересы казны, а слѣдовательно и всего общества, которое, въ большинствѣ случаевъ, въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго счетоводства остается въ положеніи младенца.

* * *

Было блаженное время, когда термины биржи: *курсъ*, *повышеніе*, *пониженіе*, *спекуляція*, *ажіотажъ*, *крахъ* не были извѣстны даже людямъ просвѣщеннымъ, а теперь, послѣ поучительныхъ дѣяній Струсберга, Ландау, Полянскаго и ихъ многочисленнѣйшихъ коллегъ по профессіи, кто не знаетъ этихъ опасныхъ дѣяній, кто, при ихъ помощи, не дѣлалъ попытокъ вмигъ обогатиться? Развращающее дѣйствіе творцовъ этихъ дѣяній—банкировъ—заразило всѣ слои нашего общества. Люди, едва скопившіе одну сотню рублей уже несутъ ее къ банкиру, спрашивая его отеческаго совѣта, какую бумагу купить съ цѣлію продать чрезъ мѣсяцъ подороже.

Эта манія скорой и легкой наживы при помощи благодѣтельныхъ банкировъ—большею частію Евреевъ—увлекаетъ юношу и старца, студента и профессора, писаря и писателя, великосвѣтскую барыню и тряпичницу.

Къ нему идетъ трудовая копѣйка рядомъ съ рублемъ, доставшимся по наслѣдству отъ умершихъ отцовъ и дѣдовъ. Онъ все приметъ и все претворитъ, рано или поздно, на законномъ основаніи въ нуль.

Давно чувствуется всѣми благомыслящими людьми ненормальность такого положенія вещей, и, кажется, теперь уже положено начало обуздыванія этой новой касты XIX столѣтія, обирающей темныхъ людей на законномъ основаніи. Первымъ знамена-

тельнымъ актомъ похода нашего финансоваго вѣдомства противъ этой зловредной касты является циркуляръ особой канцеляріи по кредитной части частнымъ банковымъ учрежденіямъ, банкирскимъ и торговымъ домамъ и конторамъ и другимъ учрежденіямъ коммерческаго кредита отъ 16 января 1893 года, за № 515,— *о мѣрахъ къ пресѣченію биржевой игры на курсъ рубля.*

По словамъ этого циркуляра, „министръ Финансовъ не допускаетъ возможности того, чтобы дѣйствующія въ Россіи учрежденія коммерческаго кредита сознательно производили операціи, хотя и могущія имъ дать матеріальныя выгоды, но незаконныя и направленныя во вредъ русскимъ экономическимъ и финансовымъ интересамъ, а посему и не возбуждаетъ вопроса о непосредственномъ участіи сихъ учрежденій въ означенной игрѣ.“

„Принимая во вниманіе, что на Министерствѣ Финансовъ лежитъ какъ надзоръ за дѣятельностью всѣхъ кредитныхъ учрежденій въ Имперіи, такъ и вообще охраненіе интересовъ народнаго и государственнаго хозяйства отъ всякихъ посягательствъ во вредъ таковымъ,—министръ Финансовъ находитъ, что и косвенное участіе въ игрѣ на курсъ рубля, иногда руководимой завѣдомымъ недоброжелательствомъ къ Россіи извѣстныхъ заграничныхъ биржевыхъ центровъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть терпимо.

„Лишь согласною съ пользами страны дѣятельностью эти учрежденія могутъ оправдывать данное имъ разрѣшеніе на производство кредитныхъ операцій въ Россіи, причемъ Министерство Финансовъ съ своей стороны готово оказать энергическое содѣйствіе всякой благонамѣренной инициативѣ ихъ, клонящейся къ расширенію и облегченію кредита для вспособленія торговлѣ и промышленности, въ постановкѣ кредита на болѣе правильныхъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ.

„Министръ Финансовъ надѣется также, продолжаетъ циркуляръ, что названныя учрежденія охотно приложатъ свои усилія и къ облегченію правительству противодѣйствія указанной вредной игрѣ на курсъ кредитнаго рубля.

„Но еслибъ и послѣ настоящаго разъясненія обнаружилось, что какія-либо учрежденія коммерческаго кредита, оперирующія въ Россіи, содѣйствуютъ заключенію срочныхъ сдѣлокъ „на разность“ или вообще прикосновенны къ упомянутой игрѣ, обезпечивая игрокамъ полученіе кредитныхъ рублей открытіемъ имъ кредита въ какой бы то ни было формѣ и вообще такъ или

иначе содѣйствуя игрѣ на курсъ рубля, то министръ Финансовъ найдетъ себя вынужденнымъ закрыть для такихъ учрежденій всякіе счеты въ Государственномъ Банкѣ, а въ крайнемъ случаѣ прибѣгнетъ и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, исходя изъ того убѣжденія, что подобные случаи могутъ имѣть мѣсто только при явной и упорной злонамѣренности самихъ замѣченныхъ въ томъ кредитныхъ учрежденій. Въ томъ же смыслѣ Министерство Финансовъ будетъ дѣйствовать и по отношенію къ банкирскимъ домамъ и торговымъ фирмамъ, причастнымъ къ игрѣ на курсъ рубля."

Нужны ли къ этому вразумительному циркуляру какія-нибудь толкованія и разъясненія? Онъ такъ ясенъ и обстоятеленъ, что не даетъ возможности толковать его вкось и кривь.

Любители пробавляться тезисами политической экономіи не разъ указывали на причины низкаго курса нашего рубля, объясняя его то незначительными запасами золота его обезпечивающаго, то указывали на балансы внѣшней торговли, то на наше государственное устройство, при которомъ де нашъ рубль всенепремѣнно дойдетъ до стоимости турецкаго каимè, но длинный рядъ лѣтъ и всевозможныхъ финансовыхъ сочетаній доказалъ, что всѣ эти тезисы для курса нашего рубля почти не при чемъ, что суть вся заключается въ искусныхъ комбинаціяхъ Ротшильдовъ, Блейхредеровъ, Ефруси, Гинзбурговъ, Поляковыхъ e tutti quanti, коимъ охотно пользуются намъ дружественныя сосѣднія державы.

Послѣ рѣшительнаго шага г. министра Финансовъ противъ этихъ обирателей на законномъ основаніи, можно надѣяться, что и характеръ другихъ видовъ биржевой игры будетъ выясненъ и размѣры ея будутъ ограничены въ видахъ огражденія общественныхъ интересовъ, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ.

КЪ ВОПРОСУ О СТАРО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ ДВИЖЕНІИ.

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый г. редакторъ!

Въ послѣднемъ № *Русскаго Обозрѣнія* (январь 1893 года) находятся интересныя замѣтки о вопросахъ нашей церковной жизни. Въ нихъ, между прочимъ, затронуто близкое мнѣ дѣло—старокатолическое движеніе. Позвольте мнѣ сказать о немъ нѣсколько словъ,—я его знаю довольно близко.

Вопросъ этотъ выдвинутъ самою исторіей, поставленъ ею на очередь, и намъ, православнымъ, предстоитъ играть не малую роль въ его рѣшеніи. О немъ всюду приходится многое слышать и читать. Къ чему стремятся старо-католики? Въ чемъ ихъ задача? Что̀ представляютъ они для насъ, и какъ мы должны къ нимъ относиться? Какія могутъ быть послѣдствія этого движенія? и т. д., и т. д.

Болѣе двадцати лѣтъ хлопочутъ старо-католики о томъ, чтобы наша Церковь вступила съ ними въ сношенія и высказала свое мнѣніе о ихъ православности; другими словами, рѣшила бы вопросъ о томъ, *очистилось ли (или нѣтъ) ихъ догматическое ученіе отъ римскихъ новшествъ и ересей,* то-есть *возвратились они (или нѣтъ) къ тому положенію, когда они составляли часть Православной Вселенской Церкви*, когда западный патріархъ былъ первенствующимъ надъ другими, хотя и равными (pares) ему епископами? Думаю, что старо-католикамъ будетъ не трудно доказать тождество своего ученія съ ученіемъ этой древней Церкви; и мы, православные, съ полнымъ правомъ утверждали и утверж-

даемъ то же самое и про наше *догматическое* ученіе. Но если двѣ величины равны третьей, то не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ равны и между собою! Къ разрѣшенію этой формулы съ самаго 1870 года и стремятся старо-католики,—и, повидимому, они уже очень не далеки отъ этого рѣшенія.

Что представляетъ для насъ старо-католичество? Очень многое! Оно представляетъ для насъ *возстановленіе на Западѣ Православія*, то-есть первый шагъ возвращенія Запада къ единству съ Востокомъ, къ возстановленію единства Вселенской Православной Апостольской Церкви! Стоитъ вдуматься въ эти нѣсколько словъ, чтобы понять всю неизмѣримую важность этого дѣла! Вспомнимъ, что выстрадало человѣчество изъ-за великаго раскола! Подумаемъ о томъ, что всему христіанству и, въ особенности намъ, Русскимъ, еще придется вынести; вообразимъ, чѣмъ бы оно было, еслибъ оно въ продолженіе тысячи лѣтъ не тратило матеріальныхъ и нравственныхъ силъ на религіозныя войны и междоусобія, еслибы Римъ не отдѣлился отъ Востока! Вѣдь тогда не было бы и протестантства! Въ „Вопросахъ Церковной жизни“ говорится, что никакія страсти, никакія симпатіи, а тѣмъ болѣе никакія политическія мотивы не должны заслонять собою любви нашей къ нашей единой Православной Церкви! Между тѣмъ слышатся де и побочныя соображенія, въ родѣ важности этого дѣла для западныхъ Славянъ или нашихъ католиковъ. Авторъ статьи безусловно правъ, дѣлая это предостереженіе. Дѣло это святое, чисто-религіознаго свойства; ничто постороннее да не омрачитъ его лика! ничѣмъ, ни единой іотой нашего догматическаго ученія не можемъ мы пожертвовать для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей! Впрочемъ, никто изъ насъ, приверженцевъ сближенія со старо-католиками, съ будущимъ православнымъ Западомъ и не думаетъ о такихъ уступкахъ, о такомъ преступномъ дѣлѣ! Вѣдь всякому извѣстно, что всѣ предыдущія попытки возсоединенія, начиная съ ліонской, не удались именно потому, что къ нимъ примѣшивались политическія соображенія, потому что на нихъ *торговали вѣрою, а не служили ей*. Однако, если мы не можемъ жертвовать безусловной догматической истиной изъ-за политики, ничто, кажется, не мѣшаетъ намъ подумать о тѣхъ результатахъ, которые старокатолическое движеніе можетъ имѣть для дальнѣйшаго развитія славянскаго вопроса, а стало-быть и для насъ, Русскихъ. Намъ очень трудно сохранить наше абсолютное, изолированное поло-

женіе среди другихъ народовъ; сама исторія выдвигаетъ насъ на первый планъ; не спрашивая насъ о томъ, вполнѣ ли мы приготовлены къ первенствующей роли, которую она намъ предназначила. Какъ бы мы отъ нея ни открещивались, какъ бы ни старались спрятаться за нашей китайскою стѣной (за которой намъ такъ долго и удобно спалось), мы *вынуждены выступать, вынуждены говорить, вынуждены дѣйствовать* и *не можемъ болѣе держать себя отрицательно* къ тому, что происходитъ въ мірѣ!

Я въ сношеніяхъ со многими Славянами римско-католическаго исповѣданія; къ чести ихъ долженъ сказать, что они, несмотря на то, что политика заслоняетъ собою всѣ другіе интересы въ жизни Запада, тяготятся новымъ латинскимъ догматомъ, тяготятся римскимъ игомъ: они желали освободиться отъ іезуитскаго гнета, но они мало знакомы съ религіозными вопросами и не знаютъ, какъ быть,—притомъ они не желаютъ разстаться со внѣшнею оболочкой своей церкви, такъ тѣсно связанной съ величественною культурой Запада; повторяю: они не умѣютъ найти исхода изъ своихъ затрудненій; но *исходъ этотъ именно и представляется старо-католицизмомъ*. (Древній вселенскій догматъ въ западной формѣ.) До сихъ поръ, къ сожалѣнію, старо-католицизмъ считается у Славянъ происхожденіемъ нѣмецкой науки, поэтому онъ имъ мало симпатиченъ. Можно надѣяться, что это предубѣжденіе со временемъ разсѣется, что Славяне поймутъ, что религіозные вопросы стоятъ выше національныхъ, что религіозная истина, кѣмъ бы она ни была сказана, Англо-Саксомъ, Романцемъ или Славяниномъ, одинаково свята и одинаково обязательна для всякаго человѣка!

Возвращаюсь къ интересной статьѣ *Русскаго Обозрѣнія*, вызывающей на многоразличныя размышленія. Авторъ говоритъ, что задача, на которую указываютъ старо-католики въ своемъ Люцернскомъ воззваніи—„возстановленіе единства на древнемъ христіанскомъ основаніи“ —слишкомъ обширна и непосильна не только для малочисленныхъ старо-католиковъ, но и для другихъ, сильнѣйшихъ!—Почему? Я этого не вижу! не вижу принципіальныхъ причинъ, почему такая задача была бы непреодолима? Конечно, до сихъ поръ и латинство и протестантство еще великія силы, еще великіе міровые факторы; но вѣдь *сила* и *правда* далеко не синонимы. Вѣдь и сила, безъ внутренней правды, въ концѣ-концовъ не выдерживаетъ напора времени, *подчиняется правдѣ*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и папство и протестантство клонятся къ упадку: по мѣрѣ развитія и усиленія въ латинской церкви идеи непогрѣшимаго папства отъ нея постепенно отпадали наиболѣе просвѣщенныя ея части; такъ въ XVI столѣтіи, отъ нея отдѣлилась почти вся англо-саксонская раса, во Франціи возстали на нее кальвинисты, Портъ-Рояль, теперь старо-католики; такъ что въ настоящее время инфаллибилистической ватиканской церкви приходится опираться на наименѣе культурныя народности... Параллельно съ этимъ постепеннымъ, но очевиднымъ паденіемъ Рима идетъ разложеніе протестантства и англиканства. Несомнѣнно придетъ минута, когда Западъ, разочарованный въ своемъ мнимомъ прогрессѣ, вспомнитъ о древней нераздѣленной церкви и вернется къ ея ученію, вернется къ древнему единству съ Востокомъ! Настоящее движеніе старо-католиковъ есть, мнѣ кажется, начало, первый шагъ Запада по этому пути!.. Въ добрый часъ, да поможетъ ему Господь! Но не налагаетъ ли все это на насъ, православныхъ, обязанности по-братски, по-христіански отнестись къ старо-католицизму, обращающемуся къ намъ съ такимъ упорнымъ постоянствомъ?

Считаю нужнымъ сдѣлать еще двѣ маленькихъ замѣтки. Авторъ „Вопросовъ Церковной Жизни“ выражаетъ требованіе, чтобы старо-католики предварительно „признали авторитетъ Православной Церкви“. Я не вполнѣ понимаю это требованіе. Что значитъ признавать чей-либо авторитетъ въ религіи? При какихъ условіяхъ можемъ мы „признать авторитетъ“ какой-либо церкви, другими словами, подчиниться тому, чему она учитъ? Очевидно тогда, и только тогда, когда мы признаемъ, что Церковь эта, устами Вселенскаго собора, изрекаетъ безусловныя и обязательныя догматическія и нравственныя истины! Но что старо-католики именно такъ и смотрятъ на нашу Православную Церковь, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, иначе они и не думали бы обращаться къ намъ за нравственной помощію! [1] Замѣчу еще, что никакой фактической уніи, общенія въ таинствахъ съ англиканами не существуетъ. Нѣсколько англиканъ дѣйствительно было допущено до причащенія. По существующему въ латинской церкви обычаю, католическій священникъ не отказываетъ просящему въ причастіи, этимъ де принимающій свя-

[1] Напр. не предоставляли бы на Люцернскомъ Конгрессѣ нашему старшему представителю первенствующей роли.

тое причастіе дѣлается солидарнымъ съ дающимъ; обычай этотъ, существующій, впрочемъ, лишь какъ исключеніе, есть результатъ казуистической средневѣковой схоластики и не имѣетъ ничего общаго съ уніею in sacris церквей. Извѣстно и замѣчаніе старо-католикамъ, сдѣланное по этому случаю протоіереемъ І. Л. Янышевымъ и отвѣтъ старо-католиковъ. Все, что мнѣ пришлось высказать по поводу статьи *Русскаго Обозрѣнія*, я высказалъ гораздо болѣе подробно въ статьѣ, которая надѣюсь скоро будетъ напечатана въ одномъ изъ органовъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Въ началѣ статьи *Русскаго Обозрѣнія* высказана очень вѣрная мысль: самое главное условіе для развитія церковной жизни, говоритъ авторъ, есть развитіе церковнаго сознанія въ каждомъ отдѣльномъ членѣ Церкви, *чувства живой связи со всѣми братьями во Христѣ.* Необходимо, чтобы мы яснѣе чувствовали себя живыми членами Церкви, *чувствовали бы живую связь членовъ одного организма.* Прекрасно сказано! Но дозволительно думать, что эти же глубоко христіанскія чувства намъ должно распространять и на тѣхъ лицъ, которыя еще не вошли фактически въ предѣлы нашей Церкви, хотя уже давно стоятъ въ ея преддверіи, надѣясь, что мы поможемъ имъ сдѣлать еще одинъ, послѣдній и рѣшительный шагъ!

А. Кирѣевъ.

Павловскъ 3 февраля 1893 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Въ теченіе февраля въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ поступили слѣдующія книги:

Бахтинъ Н. Основы Русскаго правописанія. Варшава. 1892.

Сукачевъ В. П. Иркутскъ. (Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири). М. 1892. Ц. 2 р.

Его-же. Программа историческаго и статистико-экономическаго описанія города Иркутска М. 1892. Ц. 2 р.

Кречетовъ С. Шалости пера(шуточныя стихотворенія). Спб. 1892 г. Ц 1 р.

Аксаковъ И. С. Въ его письмахъ. Т. III, ч. 1. (Письма 1851—1860 г.) М. 1892 г. Ц. 2 р.

Сборникъ систематическихъ чтеній по сельскому хозяйству, подъ редакціей проф. **И. А. Стебута.** Изданіе комитета по устройству Музея Прикладныхъ Знаній. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Annual report upon the foreign commerce of the United states. for the gens ending June 30, 1892. Wachington. 1892 г.

Отчетъ годовой русской Публичной библіотеки въ Юрьевѣ (бывш. Дерптѣ) съ 1 дек. 1891 по 1 дек. 1892 г. Юрьевъ. 1892 г.

Виноградовъ Павелъ, проф. Моск. университета. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. М. 1893 г. Ц. 60 к.

Мережковскій Д. С. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1892 г. Кіевъ. 1892 г.

Багалѣй Д. И. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ Славянъ. Кіевъ. 1892 г.

Лейнъ А. Стихотворенія. Пермь. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лыкошинъ Н. С. Переселеніе и переселенцы. Самаркандъ. 1892 г.

Овсянниковъ Н. Н. Критическія замѣтки. Ревель. 1892 г.

Его-же. Тверь, въ XVII в. Тверь. 1889 г. Ц. 50 к.

Его-же. По поводу присоединенія Твери къ Москвѣ. Тверь. 1892 г.

Его-же. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ.

Его-же. Дунай въ географическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ. Спб. 1886 г. Ц. 75 к.

Шенрокъ В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. II. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Отчетъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ за 1891 г. Спб. 1892 г. съ приложеніемъ.

Джакомо Леопарди. Стихотворенія, перев. съ итальянскаго В. Ф. Помянъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Pellissier G. Essais de litterature contemporaine. Paris. 1893 г. Ц. 3 франка 50 с.

Особая Экспедиція Лѣснаго Департамента. Спб. 1893 г.

Страховъ С. свящ. Нѣсколько словъ о христіанской любви и ея отношеніи къ духовной природѣ человѣка.

Anatole de Braz. La Chanson de la Bretagne. Rennes 1892 г. pr. 3 fr. 50.

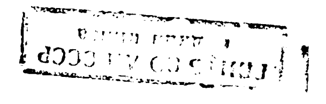
ОГЛАВЛЕНІЕ.

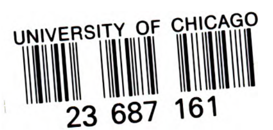
Томъ первый.

ЯНВАРЬ.

Стр.

ФЕВРАЛЬ.





AP 50
.R95
v.4
Feb
1893

Russkoe obozrĭ-
ènie.

U of Chicago
23687161
UNIVERS